

ВЛАДИМИР НЕДЕЛИН

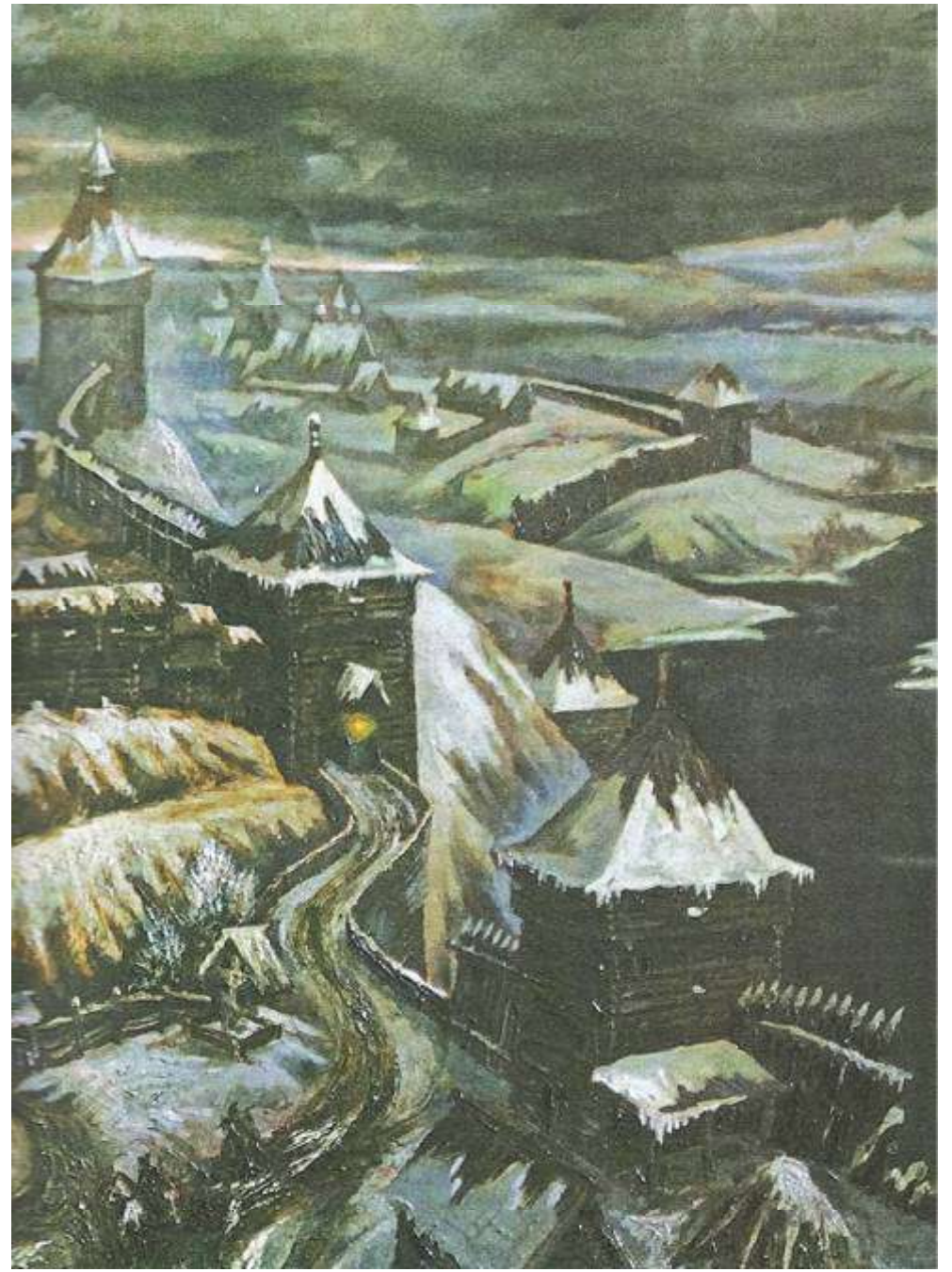
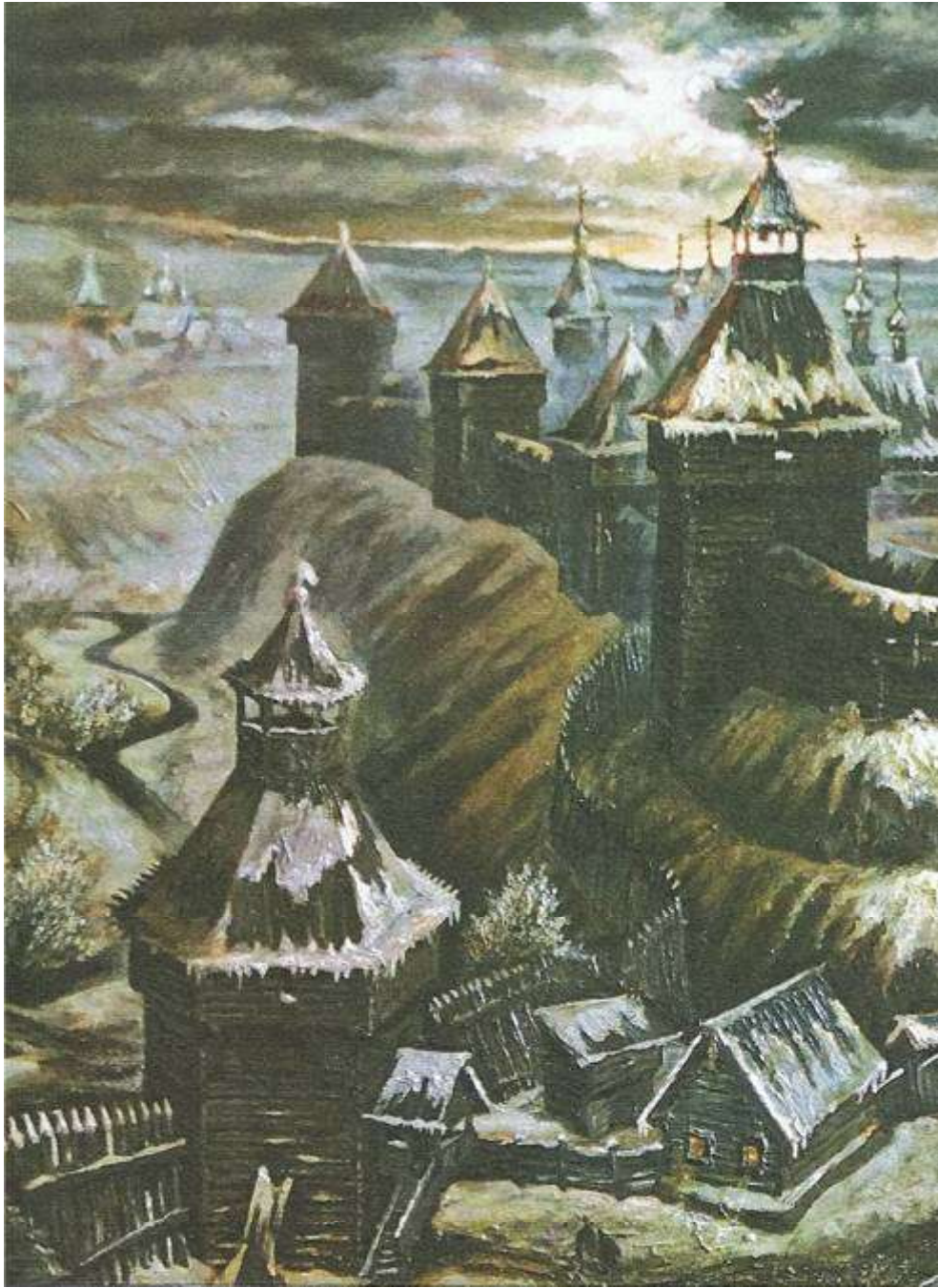

ДРЕВНИЕ ГОРОДА
ЗЕМЛИ ОРЛОВСКОЙ

*"Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу".*

А.С. Пушкин

Неделин Владимир Михайлович

Родился в городе Орле 04.09.1959 г.
В 1984 году окончил Орловское художественное училище. Работал в обществе охраны памятников.
В 1991 году поступил в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества, которую окончил в 1997 году. Был оставлен там работать в качестве старшего преподавателя.
В настоящее время является профессором факультета архитектуры данной Академии.
Эта книга является продолжением вышедшей в 2001 году "Орел изначальный". Совместно с В. М. Ромашовым вышли две книги, посвященные архитектуре Орловской области. Автор более 50 публикаций, посвященных вопросам истории архитектуры.

*"Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу".*

А.С. Пушкин

*Посвящаю эту книгу памяти
отца моего – Неделина Михаила Тихоновича,
матери моей – Толстеновой Марии Владимировны
и старейшего библиофила города Орла –
Сидорова Виталия Георгиевича,
всегда поддерживавших автора
в его творческих начинаниях.*

ВЛАДИМИР НЕДЕЛИН

Древние Города
Земли Орловской

XII - XVIII века

ИСТОРИЯ
АРХИТЕКТУРА
ЖИЗНЬ И БЫТ

ОРЕЛ • 2012

ББК 26.89
Н-42

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Орловской области, Орловского государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса по проекту № 12-06-99801.

Автор благодарит за ценные советы и помощь в подборке иллюстративного материала и фотографий:

Воротникову И.А. (Государственный музей-заповедник “Московский Кремль”), Бондаренко И.А. (Государственный научно-исследовательский институт истории и теории архитектуры, Москва), Сидорова В.Г. (Орловская областная библиотека им. И.А. Вунина), Титову В.В., Краснощёкову С.Д. (Орловский областной краеведческий музей), Красицкого Л.Н., Семенделихина С.В., Ветрова С., Кириллова В.А., Усова Н.Н., Ткаченко Г.А., Домарацкую Л., Тучина Л.М.

Особая благодарность *Колчунову В.И.* и *Вакаевой Н.В.* (Государственный университет – УНПК).

И просто спасибо *Екатерине Гусаровой* и *Вячеславу Ромашову*.

Неделин В.М.
Н-42 Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт/В.М. Неделин. – Орел: Вешние воды, 2012. – 560 с.

ISBN 978-5-87295-280-0

Книга является логическим и естественным продолжением широко известной книги “Орел изначально”. В ней рассказывается о судьбе малых городов, что ныне входят в Орловскую область, – Волхова, Мценска, Новосилы, Ливен и Кром в древнейший период их существования – XII–XVIII веках.

Как и в предыдущей книге, автор широко использовал материалы из Российского государственного архива древних актов, неизвестные орловским краеведам, и другие источники.

Значительная часть книги посвящена архитектурному облику наших городов. Здесь профессор В.М. Неделин представил читателю сотни авторских иллюстраций профессионального художника, захватывающих воображение любого, кто возьмёт в руки книгу. Исторические открытия Басова Д.И., Пасецкого Г.М., Катанова В.М. достойно продолжили исследования и художественные реконструкции автора.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 26.89

На обложке: Неделин В.М. “Вид на Никольские ворота Болховского кремля и городской посад с высоты собора. Середина XVII века”.

На форзацах: Неделин В.М. “Мценск в XVII веке”.

© Составитель, текст, иллюстрации, планы, реконструкции – В.М. Неделин, 2012.

© Дизайн, обложка, титул – В.М. Ромашов, 2012.

© “Вешние воды”, 2012.

© Макет-оригинал – Агентство печати литературы “АПЛИТ”, 2012.

Судьбы городов схожи с судьбами людей: одним с самого рождения обещана блестящая будущность, другие после многообещающего и славного начала постепенно сходят на нет, и зачастую только археолог может показать то место, где некогда ключом была жизнь и высились гордые дворцы и храмы. Некоторые города приобретали богатство и славу исподволь, настойчиво и целеустремленно, вдруг распускаясь пышным цветом поразительной красоты там, где, казалось, ранее не было ничего, кроме грязи и полыни. Иногда чье-либо громкое имя или какое-нибудь событие, зачастую весьма кровавое, приводило к тому, что имя того или иного городка оказывалось вписанным золотыми буквами в историю Отечества, после чего следовали опять века печального и убогого существования. Достаточно вспомнить славный своей обороной от Ватты и Оптиной пустыню Козельск, мрачное место ссылок Березов или памятный сражением с Наполеоном Малоярославец...

Владимир Неделин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любознательные сердцу моему Читатели и Читательницы!

Книга, которую вы держите в руках, является естественным продолжением другой книги – “Орел изначальный”, с которой в свое время вы успели познакомиться. В ней повествовалось об истории и архитектуре города Орла в XVI–XVIII веках, в настоящее время областного центра и родины многих из вас. В этой же книге рассказывается о судьбе малых городов, что ныне входят в Орловскую область, – Болхова, Мценска, Новосиля, Ливен и Кром, в древнейший период их существования – XII–XVIII веках.

История распорядилась так, что главным городом нашей земли стал Орел и старинные окрестные города оказались в его

административном подчинении. Но так было далеко не всегда, некогда соседи превосходили Орел и по своему значению, и по численности населения. Орел не обладал таким ключевым военным положением, как Ливны, и не имел такой неприступной крепости, как Мценск (не в обиду орлянам будет сказано, природное местоположение Орловской крепости было одним из худших среди соседних городов)¹, здесь не

¹ То, что “онзибочка вышла” и низкий, затопляемый мыс при впадении реки Орел в реку Оку, над которым в придачу нависла огромная Ямская гора, является не лучшим местом для крепости, орляне поняли еще в XVII веке. Они беспрестанно подавали челобитные с просьбой перенести крепость на иное, более возвышенное место, но их благое намерение так и осталось пожеланием во многом из-за того, что Орел к тому времени уже утратил военное значение.

было такого количества церквей как в Болхове, который, кстати говоря, и по населению в XVII веке превосходил Орел раза в два. Но зато Орел обладал другим – выгодным местоположением на перекрестке торговых путей и, самое важное, – Окой. В результате, когда навсегда смолкли пушки, стоявшие на стенах наших городов, этот фактор оказался решающим. По Оке в центр государства, к Москве, потянулись караваны судов, грузенных хлебом, город стал расти как на дрожжах и стал тем, чем он есть сейчас – крупным региональным центром. Другие же города, более древние и некогда более именитые, оказались в тени “его крыльев”, смирившись с доставшейся участью.

Особенно жаль Новосиль. Этот оказавшийся на отшибе, в своеобразном “медвежьем углу”, ныне самый маленький городок области некогда был стольным городом (!) княжества, занимавшего в свое время территорию, равную площади иного современного малого европейского государства. Его правители – князья Новосильские – состояли в династическом родстве со вторым человеком в Великом княжестве Московском, героем Куликовской битвы князем Владимиром Андреевичем Серпуховским. Потомки князей Новосильских – князья Воротыньские, владевшие городом в XVI веке, будучи Рюриковичами, могли претендовать и на трон государства Российского (само собой разумеется, при благоприятных исторических обстоятельствах). Но со временем Новосиль “утратил всю прежнюю свою славу”, оказавшись “самым маловажным” городом сперва в Тульской губернии, а затем в Орловской области, где в сонном состоянии пребывает и сейчас.

Как и в предыдущей книге, автор широко использовал дела из Российского государственного архива древних актов,

неизвестные орловским краеведам. В меньшей степени вновь выявленные документы публиковались в исторических очерках, где преобладают факты более или менее известные, главы же, посвященные архитектуре городов Орловщины в XII–XVIII веках, написаны на их основе целиком и полностью. Тем не менее и в исторических разделах любознательный читатель отыщет для себя много нового: это материалы о существовании Болхова в XII–XIII веках, версии о местоположении древнерусского города Коршева на Сосне, известия об участии рыцарей Тевтонского ордена в военных действиях во время московско-литовской войны 1406–1408 годов на территории Одово-Новосильского княжества; он сможет ознакомиться с ходом знаменитого “Болховского боя” 10–11 мая 1608 года – крупнейшего и ныне совсем забытого (что вполне понятно, ибо кто же любит вспоминать поражения) сражения периода Смуты, увидит неизвестные чертежи городов Орловского края, выполненные во второй половине XVII – начале XVIII века, и многое другое.

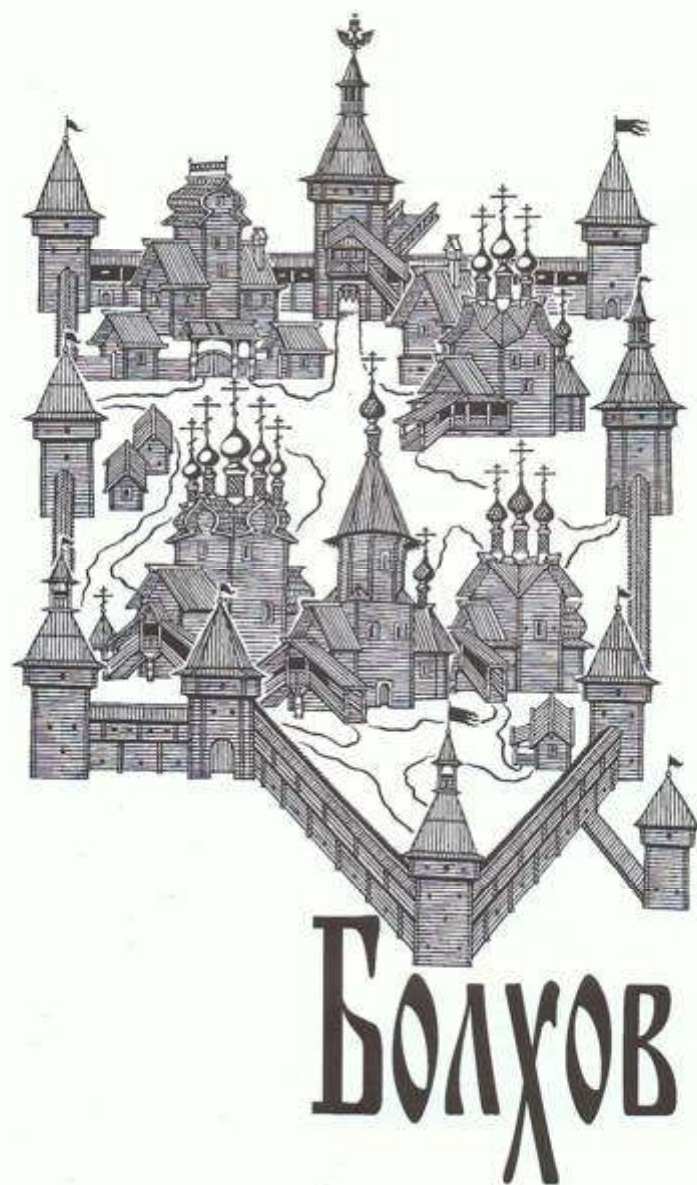
Поскольку автор является архитектором (во всяком случае, так написано в его дипломе), то значительная часть книги посвящена архитектурному облику наших городов. В ней вы сможете узнать о том, как некогда выглядели Мценск, Болхов, Новосиль, Ливны и Кром, как со временем менялся их внешний вид, и сопоставить это с тем, что вы видите сейчас, к сожалению, не в лучшую сторону. Книга также снабжена авторскими реконструкциями планов городов и их панорам. Безусловно, любая реконструкция несет в себе черты гипотезы (предположения), что зависит от полноты использованного материала, которого,

как правило, всегда не хватает. В этом нет вины автора, поскольку войны, пожары и революции отнюдь не способствуют сохранности архивов. К тому же каждая реконструкция является субъективным авторским взглядом, что тоже вполне естественно.

В конце книги помещены хронологические летописи городов Орловского края, ряд датировок и фактов в которых публикуется впервые. Особый отдел составляют сравнительно немногочисленные "Документы и материалы по истории городов

Орловской земли в XVI-XVIII веках", где автор поместил наиболее интересные, по его мнению, архивные и библиотечные источники. Своими архивными выписками автор мог бы заполнить несколько томов, но, увы, размер книги, а также глубокоуважаемый издатель, которого подобное благое авторское начинание просто-напросто разорило бы и пустило с сумой по миру, не позволили этого сделать.

До встречи, Дорогой Читатель! Интересного тебе путешествия по бревенчатым мостовым старинных русских городов.

БОЛХОВ в XII веке

Первое упоминание Болхова связано с междоусобной войной, начавшейся в 1196 году между черниговскими князьями Ольговичами с одной стороны, и союзом, в который входили великие князья киевский – Юрий Ростиславич, Владимирский – Всеволод III (Большое Гнездо) и смоленский князь Давыд Ростиславич¹. Всеволод III быстро собрал рать в которую кроме владимирских полков вошли дружины вассальных рязанских и муромских князей, дружина смоленского князя Давыда и многочисленные половецкие отряды [2]. Согласно летописным сообщениям, военная кампания Всеволода в черниговских Вятичах (если можно назвать кампанией разорение почти беззащитных

¹ Упоминание Болхова в связи с этими событиями имеется только у В.Н. Татищева в его "Истории Российской", в дошедших до наших дней летописях о разорении черниговских владений говорится лишь в общем, без упоминания названий городов, например: "...ишед (Всеволод III. – В.Н.) в землю их и в волости их, поима грады их Вячески, и землю их пугу сотвори..." [3]. Тем не менее не доверять В.Н. Татищеву нет оснований, как известно, он пользовался многочисленными летописными сводами, некоторые из которых не дошли до наших дней. Из одного из них он, надо полагать, и сделал выписку о разорении Болхова и Козельска. Упоминание Болхова у В.Н. Татищева позволяет отбросить до сих пор бытовавшую гипотезу о существовании на месте Болхова вятичского городка Деягорска [4].

"Всеволод Юрьевич, как обещал Рюрику, собрав все свои войска, тако князей Муромских и Рязанских, а Давид из Смоленска, пошли к Чернигову. И вшед в области Черниговских, в Вятичи, города Козельск и Болхов и другие, побрав сожгли и область их опустошили".

Татищев В.Н. "История Российская". Т. II и III. Ч. 2 [1].

земель и сожжение сел и городов) была весьма скоротечной. Великий князь Владимирский вступил в вятичские владения Ольговичей "той же осени", скорее всего, в начале сентября, и в собственно черниговские области вторгнуться даже не пытался, поскольку черниговский князь Ярослав Всеволодич, оставив для защиты от нападения Юрика Киевского в Чернигове племянников Олега и Глеба Святославичей, преградил ему возможный путь (вероятно, около Карачева) и "стал в лесах и засеки учинил для нечаянного нападения, а половец поставил между полками", а также "по рекам веде мосты подъсечи". Тем не менее, будучи не слишком уверен в победе перед лицом столь мощной коалиции, он послал к Всеволоду посольство с мирными предложениями: "послаша к нему кланяющеся и просяще им у него мира; он же (Всеволод III. – В.Н.) дав им мир...". Вероятно, мир был заключен в конце сентября или в самом начале октября, поскольку уже 7 октября Всеволод был во Владимире, а 17 октября (по другому летописному списку 7 ноября) он присутствовал на освящении церкви Рождества Пресвятой Богородицы [5].

Что же произошло осенью 1196 года в Болхове? В качестве возможного аналога воспользуемся летописной записью

о разорении Всеволодом III Рязани в 1209 году. Рязанцы осмелились выказать непокорство сыну Всеволода Ярославу, которого владимирский князь посадил на княжение в Рязани "и поимаша многих бояр (бояр. – В.Н.) и людей Всеволожих и Ярославлих, и поковаша, и иных в погребы (тюрьмы. – В.Н.) засыпаша и изморяша, а иных повешаша". Самого Ярослава рязанцы хотели выдать пронским князьям Глебу и Иаюславу Владимировичам, но тот сумел избежать опасности и срочно послал к отцу за помощью во Владимир. Всеволод спешно собрал дружину и прибыл к Рязани. Вышедшее из города рязанское посольство не изъявило великому князю должного почтения: "имуще буюю (буйную. – В.Н.) речь по своему их обычаю и непокорству". Забешенный Всеволод повелел: "...всем людям выйти из града со всем добром легким, а с прочим со всем добром их зажеге град их и посад весь..., также и други грады соже и с посады и со властьюми (волостями. – В.Н.). А Рязанскую землю всю пугу сотвори, и грады, и власти, и села пожже, и скот посече. И поиде князь великий Всеволод Юрьевич в Володимерь со всеми своими полки и с сыном своим Ярославом, а люди Рязанския все выведе с собою в Володимер, и з женами и з детми их и епископа их Арсенна с собою веде в Володимерь, и розосла всех Рязанцов по градом своим" [6].

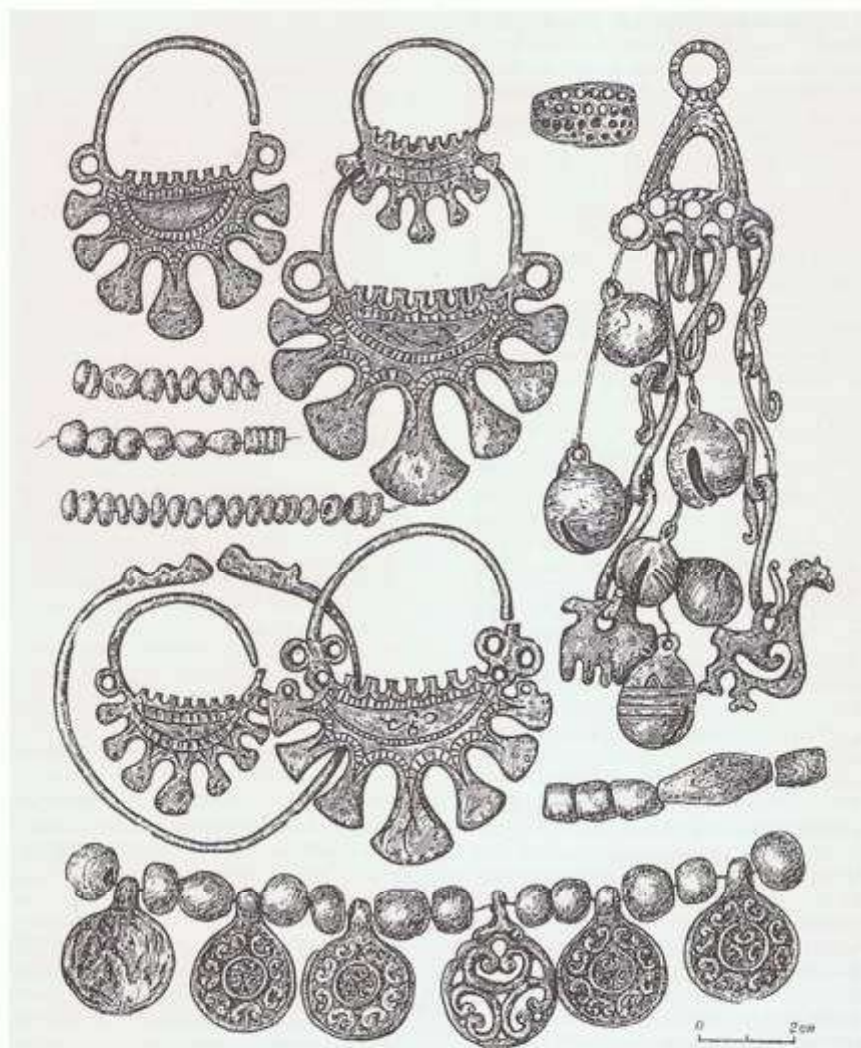
Надо полагать, нечто подобное великий князь владимирский ранее сотворил и с Болховом, неясно только, был ли взят город штурмом или открыл ворота сам. Впрочем, даже если бы Болхов и решился оказать сопротивление, пара десятков черниговских дружинников (если они конечно в Болхове были) и несколько сотен местных ополченцев вряд ли смогли бы долго выдерживать натиск многотысячной "кованой" рати Всеволода III, которая могла "дон шеломами вычерпать", и тому же защитные свойства местности, где был поставлен Болхов, на несколько порядков ниже, чем у того же Козельска,

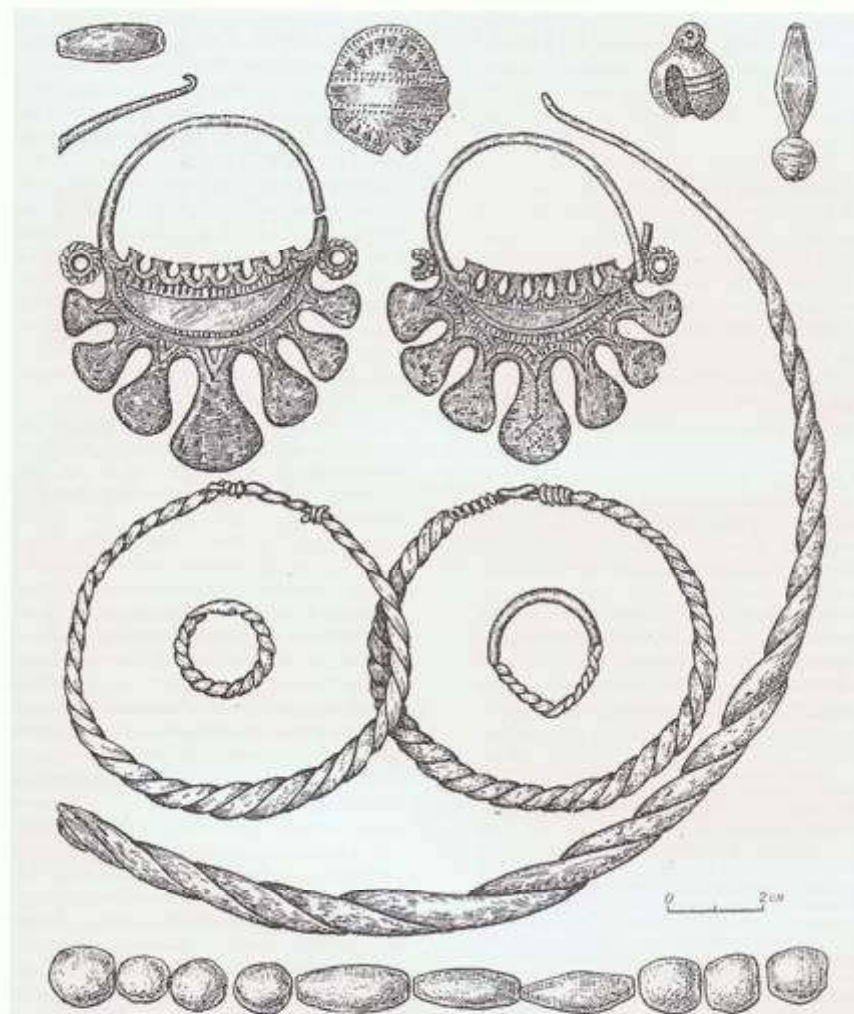
Геральдическая эмблема великого князя Владимирского Всеволода III Большое Гнездо. Княжеские эмблемы изображались на хоругвах (знаменах), плащах, надоспешных накидках, оружии и одежде воинов, что было немаловажно в условиях постоянных княжеских междоусобиц, когда на полях сражений сходилось тысячи воинов в походе снаряжении. Кроме того, геральдические эмблемы изображались на любых предметах, связанных с княжеским двором: перстнях печатках, товарных пломбах, межевых и пограничных камнях и деревьях и др.

который благодаря удачному расположению в речной петле был почти неприступен. В любом случае Болхов был взят, разграблен и сожжен войсками Всеволода, а население из него с "легким добром" угнано в плен. Вероятно, тогда же были разгромлены боярские замки в окрестностях Болхова у современных сел Боролаво, Локна, Чернь и других. Впрочем, уже осенью Всеволод заключил с Ольговичами мирный договор, и население смогло вернуться на родное пепелище, кроме тех, конечно, кто по той или иной причине решил остаться во Владимирской земле.

Таким образом, если принять за истину сообщение В.Н. Татищева, можно говорить о гораздо большей древности

Вятические древности: женские семилопастные височные кольца, бусы, ожерелье, перстень, подвеска с бубенчиками (см.: Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 216.)

Вятические древности: женские височные кольца, шейные гривны, бубенчики, бусы. (см.: Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 217.)

Болхова, нежели считалось ранее¹. Безусловно, если Болхов упоминается под 1196 годом, то он возник гораздо ранее этой даты, возможно на месте более раннего вятического или балтского поселения, но на этот вопрос могут ответить только археологи.

Следует заметить, что значительную путаницу в вопросе существования Болхова в XII веке вносило наличие Волоховской земли, располагавшейся к западу от Киева (на территории современной Житомирской области) и имевшей своих князей, летописные сведения о которой постоянно отождествляли с вятическим Болховом², в частности, на это купился известный историк Орловского края Г.М. Пясецкий. Впрочем, не будем вдаваться в подоплеку споров историков по этому поводу, а также в подробное знакомство с историей Волоховской земли под Киевом. Ссылку на соответствующую литературу вы найдете в конце этой книги [7]. Тем не менее, по мнению автора, определенная связь между Болховом в Вятической земле и Волоховской землей под Киевом, вероятно существует. Киевские князья и их потомки вели активную строительную и переселенческую политику, укрепляя границы своего государства возведением новых городов и переселением на покоренные земли людей из других славянских

¹Хрестоматийная дата основания Болхова – 1556 год, хотя на самом деле его заложили годом ранее, в 1555 году [8].

²Несомненно, многое в древнейшей истории Болхова могли бы прояснить археологические раскопки, которые, кстати говоря, никогда не производились в этом городе. То, что подобные работы в Болхове могут иметь перспективу, доказывает находка в 80-е годы XX века при земляных работах на улице Ленина прекрасно сохранившейся (с археологической точки зрения) нижней части (высотой до 5 венцов) довольно высокого в свое время деревянного сооружения XVII или XVIII века. Но археологи не очень любят работать в современных городах, где культурный слой перемешан за столетия интенсивной строительной деятельностью. Остается надеяться, что когда-нибудь очередь в этом отношении дойдет и до Болхова и этот древний город сможет раскрыть некоторые свои загадки.

племенных союзов. Одним из первых подобную практику применил князь Владимир Святославич (980–1015). В летописной записи под 988 годом сказано: “И рече Володимир: се не добро, еже мал город[ов] около Киева. И нача ставити городы по Десне, и по Востри (Остру. – В.Н.), и по Трубежеви, и по Суле, и по Стругне. И поча нарубати (набирать. – В.Н.) мужи лучшии от Словен, и от Кривич, и от Чуди, и от Вятич, и от сих насели грады: бе бо рать (война. – В.Н.) от печенег” [9]. Города ставились не только на степном пограничье, но и в земле вятичей, которая не только последней вошла в состав Киевской Руси (964 год), но впоследствии неоднократно восставала против власти киевских князей (966, 981, 982 годы). Оплотом новых владельцев и становились города с воинскими гарнизонами и с населением, переведенным туда из других регионов государства, которое достаточно охотно переселялось на новые земли из южных областей, подвергавшихся непрерывным, сперва печенежским, а затем половецким набегам. Переселенцы, которым на первых порах приходилось жить в среде незнакомого, а зачастую враждебного населения, уносили с собой не только свой скарб, но и полюбившиеся названия городов, рек и урочищ. Этим можно объяснить наличие многочисленных городов-“дубликатов” как на юге, так и на северо-востоке Киевского государства, достаточно упомянуть: Переслав (современный Переславль-Хмельницкий), Переславль-Залесский, Переяславль Рязанский; Владимир-Волынский и Владимир-Залесский; Стародуб Северский и Стародуб Ратополовский, несколько Белгородов и Новгородов (Новгород Великий, Нижний Новгород, Новгород-Северский, Новгород-Святополчский) и целых пять Звенигородов. Вероятно, и Болхов появился в результате переселенческой политики киевских князей и был основан выходцами из Волоховской земли, давшими ему название в память о покинутой родине. Но это не более чем гипотеза.

КНЯЗЬЯ БОЛХОВСКИЕ. XIII–XVII ВЕКА

После трагической гибели 20 сентября 1246 года в Орде князя Михаила Черниговского его сыновья и наследники разделили отцовское владение на ряд более мелких княжеств. Раздел коснулся прежде всего земель в бассейне средней Десны и верхней Оки, не пострадавших во время монголо-татарского нашествия. Четвертому сыну Михаила Всеволодовича, князю Мстиславу, достался Карачев [2]. В состав его удела вошел и Болхов³. Позднее, по мере дробления рода и увеличения числа наследников, Карачевское княжество делится на все более и более мелкие уделы. Из него выходит Козельский удел, из которого, в свою очередь, выделяется Звенигородский удел⁴. Болхов соответственно входил сперва в Козельский, а затем в Звенигородский удел. Звенигородский князь Андрей женился на Елене, дочери литовского князя Гаманта, и имел от нее двоих сыновей – Федора и Ивана.

“Не забудем, что в XII и XIII веке было два Болхова. О первом из них, Волохове южном, имеются летописные известия от 1150, 1172 и 1257 годов. Он то и принадлежал Волоховским князьям Игоревичам. Второй Волохов¹ черниговский упоминается у Татищева; в 1196 г. этот Волохов был сожжен и область его опустошена Давидом Ростиславичем смоленским. Князья Болховские, потомки св. Михаила, упоминаемые в родословных книгах, получили свое название от второго Волохова”.

Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время [1].

Старший из них, Федор, унаследовал Звенигород, а младший, Иван, по прозвищу Болх, – Болхов и впоследствии стал родоначальником князей Болховских⁴.

¹Неверно, у В.Н.Татищева как раз упоминается Болхов, а не Волохов.

²В источниках этого времени нет свидетельства о Болхове, поэтому это положение носит характер гипотетической реконструкции.

³Данное положение является реконструкцией.

⁴Род князей Болховских, восходящий к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, одним фактом своего существования подтверждает жизнь Болхова в XII–XV вв. Традиционно русские князья именовались по своим городам и землям: Олдовские, Новосильские, Мосальские, Оболенские, Мезецкие, Тарусские, Белевские и др., таким образом, положение, что якобы были князья Болховские, но не было города Болхова, является абсурдом. После же хрестоматийного “основания” или, если быть более точным, восстановления Болхова в 1555–1556 годах, князья Болховские уже не имели к городу никакого отношения, поскольку дано уже утратили какие-либо права на него.

Осада монголами русского города. Хорошо видны напнеметные машины, которыми осаждающие разбивают стены. Среди защитников царит смятение: "Во бе во граде плачь и ужась велий...". Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Голыцинской том Никоновской летописи. Ручкописный отдел ГПБ. Прорись автора.

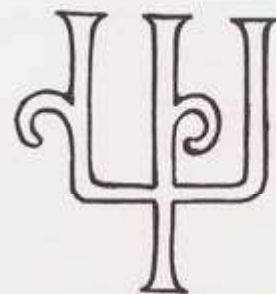
Сперва, вероятно, Болховское княжество находилось в вассальной зависимости от Звенигородского, а затем стало вполне самостоятельным. Предположительно превращение Болхова в удельный стольный город произошло в последней трети XIV века.

Когда Болхов прекратил свое существование, сказать трудно. Надо полагать, это произошло во время русско-литовской войны 1406–1408 годов, когда под протекторат Великого княжества Литовского перешли Верховские княжества – владения потомков князя Михаила Черниговского, а их прежние владельцы частью "отъехали" на службу к Москве, частью приняли новое подданство. В летописях нет сообщений о переходе на московскую службу Болховских князей, но, судя по всему, он состоялся, поскольку впоследствии в Разрядных книгах и прочих государственных актах князя Болховские упоминаются в качестве тех или иных придворных чинов, государственных наместников и воевод. Упомянем некоторых из них, наиболее известных.

Князь Дмитрий Иванович Болховской¹ – старший из троих сыновей князя И.Р. Болховского. В 1579 году служил в Алатыре; в 1583 году – второй воевода там же; в 1586 году направлен на должность головы в Курмыш. Оставил трех сыновей: Семена, Петра и Ивана.

Князь Семен Дмитриевич Болховской – старший из троих сыновей князя Д.И. Болховского. В 1582 году второй воевода в Курмыш; в 1583 году отправлен в сопровождении атамана Ивана Кольцо с пятисотенным стрелецким отрядом на помощь Ермаку в Сибирь по Волге, Каме и Чусовой. По дороге он укрепил Тюмень и Тобольск. Но отряд оказался плохо снаряжен, и воевода с большей частью своих людей зимой 1584 года погиб от голода и цинги. От брака с некой Норманской имел четырех сыновей: Василия, Михаила, Федора и Никиту.

¹ В источниках XVI–XIX веков обычно писали не Болховский, а Болховской.

Геральдическая эмблема (предположительно) Черниговского князя Михаила Всеволодовича

Князь Иван Дмитриевич Болховской в 1593 году – воевода в Царицыне; в 1600 году – воевода в Новосиле; в 1601 году – объезжий голова в Москве; в 1602 году – воевода в Шацке; в 1609 году, будучи воеводой во Владимире, удостоился похвальной царской грамоты за освобождение от сторонников Лжедмитрия II Мурома и Владимира и получил новое назначение – идти с войском на выручку осажденного Троице-Сергиева монастыря; в 1610 году был назначен с 25 июля по 29 августа охранять Воронцовские ворота в Москве на случай "литовских и новгородских людей приходу".

Князь Василий Семенович Болховской – старший из четырех сыновей князя С.Д. Болховского от брака с Норманской. В октябре 1581 года послан "по крымским вестям" (известии о возможном набеге крымских татар) вторым воеводой в Тулу. Осенью 1587 года направлен вторым воеводой в Касымов (Касимов). В 1598 году во время серпуховского похода царя Бориса Годунова был оставлен в Москве "устраивать бежъ (заграждения). – В.И.)

на полых местах по Неглинне и у воденых ворот против Боровитцких ворот на порожих местах". Потомства не оставил.

Князь Федор Семенович Болховской – третий из четырех сыновей князя С.Д. Болховского. В ноябре 1584 года участвовал в подавлении восстания татар в Казанской земле и был оставлен в Галиче Костромском; в августе 1586 года послан по “крымским вестям” из Коломны “к Николе Зарайскому” (в Зарайск) на должность головы.

Князь Семен Никитич Болховской – впервые упоминается в писцовых книгах 1621–1622 годов по Нижнему Новгороду; в 1624 году он числился в жильцах; в 1627 году его пожаловали из жильцов в патриаршие стольники. В 1634 году, во время Смоленской войны (1632–1634), князь Семен Никитич находился на службе в полку

князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, а потом в полку Дмитрия Михайловича Пожарского. В 1637 году он был в Дедилово, в полку князя Ивана Лобанова-Ростовского, а в 1639 году – на Туле с князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским. В том же году, в отсутствие царя, его в числе прочих дворян назначили “днемать и ночевать” на государевом дворе; тогда же он участвовал во встрече кизилбашского (персидского) посла. В 1647–1649 годах Семен Болховской воеводствовал в Хотмыжске, в 1651 году – в Симбирске. В 1653 году он состоял при посольстве боярина В.В. Бутурлина в Малороссию для принятия гетмана Богдана Хмельницкого и всего войска Запорожского “под высокую государеву руку” и был послан в Канев для приведения запорожцев к присяге.

Князь Василий Михайлович Болховской в 1609 году приезжал во Владимир к воеводе Вельяминову с известием, что сторонники самозванца разгромили под Нижним Новгородом государевых людей; в 1615 году – воевода в Кадоме, в 1621–1622 годах воеводствовал в Арзамасе, в 1624–1625 годах – в Уржуме, откуда в 1625 году вернулся в Москву; в 1627 году в отсутствие царя, ушедшего на празднование в Симонов монастырь, был оставлен вместе с другими дворянами “оберегать” Москву; в 1629–1631 годах воеводствовал во Владимире, после чего снова вернулся в Москву; в 1632 году его имя встречается в списке дворян, пожалованных “видеть государевы очи” на Светлое Воскресенье; в 1637 году после отъезда царя в село Петровское он вместе с другими дворянами был оставлен “днемать и ночевать” на государевом дворе; в 1641–1642 годах служил в “товарищах” (заместителях. – В.Н.) при воеводе Иване Лыкове в Крапивне; в 1678 году – воевода у Щегловских ворот Тульской засеки.

Князь Яков Федорович Болховской в 1675 году состоял в жильцах; в 1678 году участвовал в Чигиринском походе в полку князя Григория Григорьевича Ромодановского, где был ранен, тогда же пожалован в стряпчие; в 1682 году ходил в Троицкий поход; в 1687 и 1689 годах принимал участие в обоих Крымских походах в полку князя Василия Васильевича Голицына, 1695 году – в Кизикерманском походе боярина Бориса Петровича Шереметева. На воеводствах не бывал. Владел небольшими именьями во Владимирском, Галицком и Костромском уездах.

Князь Яков Николаевич Болховской – родился в 1785 году; 16 февраля 1800 года вступил в Рылский мушкетерский полк

*Герб князей Болховских. XIX век. “В черном поле щита помещен малый щиток, в серебряном поле которого герб Великого княжества Черниговского: черный одноглавый орел с распростертыми крыльями, увенчанный золотой короной и держащий в левой лапе большой золотой крест, вправо наклоненный. Щит покрыт княжескою мантией и увенчан российско-княжескою шапкой” (см.: *Дворянские роды Российской империи. Том 1. Князья. СПб., 1993. С. 141*).*

унтер-офицером, дослужился до чина штабс-капитана; 15 февраля 1811 года уволился со службы; во время Отечественной войны 1812 года вновь вступил в армию и в 1812–1815 годах командовал батальоном во 2-м пехотном полку Симбирского ополчения; с 1815 года находился на гражданской службе, дослужился до чиновника для особых поручений; 20 декабря 1841 года вышел в отставку. Имел несколько небольших имений в Ставропольском и Спасском уездах Казанской губернии [5].

БОЛХОВ в 1555–1606 годах

“А октября в 11 день писали к государю царю и великому князю (Ивану IV. – В.Н.) из Болхова воеводы князь Иван княже Андреев сын Золото-во да князь Василей княже Иванов сын Кашин, что пришел Крымской царь (Девлет-Гирей. – В.Н.) к Болхову октября в 7 день, и из наряду (пушек. – В.Н.) по городу стрелами и к городу приступали, и князь Иван Золотова з детми боярскими из города выходил и с ними дело делал и языки поимал, а посаду ближних дворов жечи не дал... Тогда же з берегу (Оки. – В.Н.) государевы царевы и великого князя воеводы князь Иван Дмитриевич Белской да князь Иван Федорович Мстиславской и иные воеводы со всех украинских городов и мест к Болхову притти поспешили. Царь же (Девлет-Гирей. – В.Н.) слышав про царевых и великого князя воевод и про людей многих приход к Болхову и войны не роспустил¹, а октября в 19 день, в полночь, царь и царевичи от города и проч пошли”.

ПСРЛ. Т. 29. Продолжение Александровской летописи [1].

Болхов был основан или восстановлен заново, если считать достоверной версию о его существовании в XII–XIV веках, в середине 50-х годов XVI века в качестве пограничной крепости на южных степных рубежах Московского государства. В Разрядной книге упоминается, что с весны 1555 года “в Благовещеньева дни (с 25 марта по старому стилю. – В.Н.)” на реке Нугре стоит воевода Михаил Петрович Репнин, а “город делал Григорей Иванов сын Нагово” [2]. Вероятно, город заложили 19 августа (6 августа – по старому стилю), приурочив его закладку по древнерусской градостроительной традиции к ближайшему церковному празднику, в честь которого освятили и собор в центре крепости, получивший наименование Спасо-Преображенского.

Думается, что болховитяне с полным правом могут отмечать этот церковный праздник и как день основания города. С того времени на Нугрь регулярно присылаются воеводы. Название же новопостроенного города в Разрядной книге указано только под 1556 годом – “На Нугри и Болхове” [3].

В 1562 году окрестности Болхова подверглись нападению крымских татар. Несколько татарских отрядов под началом Девей-мурзы и Мустафы-аги, отделившись от орды хана Девлет-Гирея, стоявшей под Мценском, сделали набег на Болховские и Белевские “места”, но их разбил карачевский воевода Василий Андреевич Бутурлин. Болховитяне и карачевцы под его началом “и загонех

¹ То есть не стал распускать спящие отряды для опустошения окрестностей.

Строительство городских укреплений. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Второй Остермановский том. Прорись.

крымских людей побили и языки имали и полон многой отполонили” [4].

Между тем Россия напрягала все свои силы в продолжавшейся начиная с 1558 года Ливонской войне. Довелось в ней поучаствовать и болховским служилым людям. В январе 1563 года 170 болховитян “болших статей” в составе наряда

(артиллерийского парка. – В.Н.) под руководством воевод князя Михаила Петровича Репнина, Михаила Ивановича Вороного-Вольднского и Бориса Ивановича Сукина участвовали в походе на сильнейшую литовскую крепость Полоцк [5]. После его победоносного завершения их распустили по домам.

Воспользовавшись тем, что Россия прочно завязла в Ливонии, крымский хан Девлет-Гирей, фактически состоявший в союзе с польским королем Сигизмундом II Августом, продолжал совершать набеги на южные окраины Московского государства и в октябре 1565 года его многотысячная орда осадила Болхов. Вместе с ханом находились его сыновья – “калга Магмет-Кирей царевич, да Алды-Гирей царевич, а с ним все Крымские люди [6]”.

По Александро-Невской летописи, болховитяне просидели в осаде с 7 по 19 октября¹. Несмотря на наличие в крымском войске пушечного наряда, болховские ратники во главе со своими воеводами – князьями Василием Андреевичем Кашиным и Иваном Андреевичем Золотым Хорхора-Оболенским – не только отбили все приступы, но и отстояли незащищенные посады². Иван IV срочно направил на выручку городу войска. В Разрядной книге 1475–1598 годов перечисляются посланные под Болхов полки, бояре и воеводы: “Октября в 1 день, как царь крымской приходил к Болхову, роспись бояр и воевод по полкам: В большом полку бояре и воеводы князь Иван Дмитриевич Бельской да Семен Васильевич Яковлев. Да в большом же полку быти (татарскому, – В.Н.) царевичу Ибаку и с ним Юрью Иванову сыну Карпову. И царевич Ибак в большом полку не был, потому что он был болен.

¹ Согласно записи в Разрядной книге 1475–1598 годов, которая заслуживает большого доверия, нежели летописное известие, осада Болхова продолжалась менее суток: “И бояре и воеводы князь Иван Дмитриевич Бельской по вестем пошли под царя (Девлет-Гирей, – В.Н.) к Болхову. А царь к Болхову пришел октября в 9 день в половине дня, а от Болхова пошел того дни в полночь. И к боярам и воеводам з золотыми послано (наградные монеты, носившиеся на шапках, – В.Н.) и велено отпустить воевод и людей по домом” [7]. Противоречие между двумя источниками – Разрядной книгой 1475–1598 годов и Александро-Невской летописью, по мнению автора, снимается достаточно просто. В Разрядной книге указана реальная продолжительность осады, в летописи же говорится об осадном положении, когда болховитяне “береглись” и город стоял с закрытыми воротами.

Иван IV Грозный.
Шведский королевский музей, Стокгольм.

В правой руке бояре и воеводы князь Иван Федорович Метиславской да Иван Петрович Яковля. Да в правой же руке быти царевичу Кайбуле, а с ним князю Ивану князь Григорьеву сыну Долгорукого.

В передовом полку бояре и воеводы князь Петр Михайлович Шенятыев³ да Иван Меншой Васильевич Шереметев.

¹ В летописи указано: “...а посаду ближних дворов жечи не дал...” [8]. Вероятно, это надо понимать так, что “дальние дворы” – посад и слободы за рекой Нугры, а возможно, и за рекой Болховкой – татары все-таки пожгли.

² Воевода П.М. Шенятыев, направленный против хана Девлет-Гирей, затеял местническую склоку с другими воеводами и отказался принять предложенную ему должность, как не соответствующую его родности. Отказ и неповиновение в военное время называли гнетом Ивана IV и дорого обогались П.М. Шенятыеву: он попал в опалу, его владения были конфискованы, а самого князя пострigli в монастырь. После того, как в мае 1566 года царь побывал в Болхове, в отпущении П.М. Шенятыева было начато новое расследование, князь изъят из монастыря и подвергнут пытке, от которой он скончался в августе того же года. (См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 224; Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. С. 371, 518).

В сторожевом полку боярин и воевода князь Иван Иванович Пронской да князь Александр Иванович Прозоровской.

В левой руке воеводы князь Иван Андреевич Шуйской да князь Ондрей князь Иванов сын Татев...

А из оприщины (опричных владений Ивана IV, – В.Н.) посылал государь под Болхов воевод, как царь (Девлет-Гирей, – В.Н.) приходил к Болхову, воевод с Москвы князя Андрея Петровича Телятьевского, князя Дмитрея да князя Ондрея Ивановичев Хворостинных.

А в Белеве были воеводы и ходили под Болхов князь Дмитрий Иванович Вяземской [и] Михайло Белкин [9]”.

Узнав, что на помощь Болхову спешит московская рать, татары сняли осаду [6]. Часть крымцев в поисках добычи и пленных рассыпались по окрестностям Болхова, но их настигали и истребляли русские отряды: “А которые крымские немногие люди кормы учили были добывать в украинских в Болховских местех, и Божым милосердием тех людей крымских побивали и корму имати им не давали [10]”.

В мае 1566 года в городе побывал Иван IV Грозный, объезжавший южные пограничные города [11].

В мае 1571 года крымский хан Девлет-Гирей с войском (ок. 40 тысяч всадников) двинулся в очередной набег на Московское государство. Преодолев брод “Быстрый” на Оке¹, татары прошли западнее Орла и остановились на полпути между Орлом и Болховом “на Злыском поле”². Первоначально хан собирался разорить “козельские места”, но тут произошло событие, резко изменившее его планы: “И на Злыском де поле прибежали ко царю (Девлет-Гирею, – В.Н.) изменники, государские дети боярские белевцы Кудеяр Тишинков да Окул Семенов, да калужане Федор Лихарев, а прозвище сотник,

¹ У современного села Саньги Орловского района Орловской области.

² У современного села Злынь Болховского района Орловской области.

Того же мца прииде к болхову царь великий князь и великий князь з дворянскими людьми и с войском великим и с войсками украинными... бояром же и з дворянскими царь те бо яриши мз по велько бою култисе оубо к слову бныи мнара
Доб.

Поездка Ивана IV весной 1566 года в Козельск, Болхов, Белев и “в иные украинные места”. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

да серпуховитин Русин, а с ним десять человек их людей”. Изменники стали требовать, чтобы хан шел прямо на Москву, обосновывая свое предложение “неустройством” государства и неготовностью его к войне: “во всех московских городех по два года была меженина великая и мор великой, и мором де и межениною служилые многие люди и червь в городех, на посадах и в уездех вымерли, а иных де многих людей государь в своей опале побил”.

Иванъ Цесарь послалъ
грамотами служивыхъ паша
своихъ жаловати мѣ

Того жьца мая 16 ин день црь
великий и снъ и вѣнчикъ сѣмъ
приказалъ дѣлать городъ по
ныне города ширить и строить
свои земли и вѣнчикъ сѣмъ

Возвращение Ивана IV в мае 1566 года
в Москву из поездки по "украинным городам".
Миниатюра Лицевого летописного свода
XVI века.

А один из них, некто Кудеяр Тишенков, даже схватил под уздцы ханского коня и заявил: "...только де ты приход к Москве ничего не учинишь, и ты де меня на кол посади у Москвы, стоять де против тебя некому" [12]. Хан послушался совета перебежчиков и не "зачепляя" пограничных городов – Болхова, Велева и других, двинулся на Москву.

О том, что было дальше, хорошо известно: опричное войско, отличавшееся "доблестью" только в расправах над собственным народом, оказалось совершенно небоеспособным, а бездарный воевода И.Д. Бельский не сумел организовать оборону столицы. Сам же Иван IV бежал в Ростов и собирался еще дальше – в Вологду. Татары подожгли окраины столицы, и в несколько часов огонь дотла истребил огромный город. Через несколько дней Девлет-Гирей начал отход, уводя с собой чудовищный по численности плен – несколько десятков тысяч человек. В том же году Иван IV приказал укрепить города, мимо которых Девлет-Гирей прошел во время похода на Москву–Орел и Болхов, "более прежнего". Надо полагать, что во исполнение этого указа в городе возвели вторую линию укреплений – острог, опоясавший посады и слободы, находившиеся к северо-востоку от кремля, в междуречье Нутри и Болховки. Предположительно в это же время могла быть сооружена Звенигородская засека – лесной завал, опоясавший полукольцом город с юга и упиравшийся западным концом в реку Нутрь, а восточным – в Оку¹. Проезд сквозь засеку охраняла башня с воротами.

В следующем 1572 году окрыленный успехом Девлет-Гирей вновь двинулся в поход, на этот раз с твердым намерением утвердиться на московском троне. С ним шла стотысячная орда. Иван IV доверил верховное командование представителю столь нелюбимой им "земщины", известному полководцу князю Михаилу Ивановичу Воротынскому, сам же, от "греха подальше", уехал в далекий Новгород. Михаил Иванович развернул широкую

¹ Предположительно Звенигородская (Болховская) засека проходила вдоль реки Березуй. Упоминание об этом содержится в Писцовой книге Орловского уезда 1594–1595 годов: "Да за Иваном же за Булгаковым починком на Березуйском отвершку, под Григоровым лесом, стал ново на заповедной земле, что было приписано к Болховской засеке" [12].

Строительство монастыря. Миниатюра "Из жития Сергия Радонежского". Конец XVI – начало XVII веков.

мобилизацию всех возможных сил, был вызван и отряд из Болхова, который вошел в состав "берегового войска", караулившего броды и переправы на реке Оке: "С болховичи князь Иван княж Иванов сын Лыков наместник, а на Болхове осадчика (осадного голову. – В.Н.) оставити [14]". Надо полагать, болховские ратники приняли участие и в знаменитой Молодинской битве (27 июля – 2 августа 1572 года), где Девлет-Гирей потерпел сокрушительное поражение от русских полков и едва унес ноги. Наградой же М.И. Воротынскому от Ивана Грозного за спасение Отечества стали опала, пытки и смерть.

Летом 1591 года последовало грандиозное вторжение в русские пределы крымского хана Казы-Гирея, но в сражении под стенами Москвы 4–5 июля татарское войско было разбито наголову и обратилось в

беспорядочное бегство. В преследование отступавших татар включились воеводы "украинных" городов, истребляя татарские отряды на дорогах, переправах и в засеках. В боях с ними отличился болховский воевода Петр Васильевич Годунов, получивший из рук царя Федора Ивановича золотую наградную монету [16].

В июле 1598 года болховитяне встречали послов хана Казы-Гирея, причем по указу царя Бориса Годунова, чтобы гарнизон города выглядел более многочисленным, сюда было велено прийти орловскому воеводе Федору Туренину и голове Федору Колтовскому "со всеми людьми". Воеводы должны были, выехав, "встретити крымских посланников со всеми полки и полки им [п]оказать", [17] для более наглядной демонстрации могущества Московского государства.

В 1605 году 357 болховитян “с пищальми” в составе Большого полка русского войска под началом воевод Ф.И. Метиславского и Д.И. Шуйского принимали участие в сражении с Лжедмитрием I под Добрыничами. Кроме того, в полку Правой руки воеводы князя Д.И. Шуйского находились еще 140 болховских казаков с головой Константином Иванкиным, в Передовом полку воеводы боярина В.В. Голицына – 20 пеших стрельцов, а в Сторожевом полку – 7 конных даточных людей, снаряженных болховским осадным головой Семеном Левшиным (2 человека), и губными старостами Ермолаем Челюсткным (3 человека) и Иваном Соймоновым (2 человека) [18]. Битва при Добрыничах 21 января 1605 года закончилась сокрушительным поражением самозванца, что, впрочем, не помешало ему в следующем году усестись на московский трон.

В 1606 году население и гарнизон Болхова примкнули к восстанию Ивана Болотникова и открыли повстанцам ворота города. Восставшие зверски расправились с именитыми и прожиточными горожанами, так, например, Афанасия

Пальчикова¹ распяли на крепостной стене, “и стоял прикован до вечера”, а затем сбросили с башни. Известно о гибели от рук болотниковцев еще одного болховского помещика – Матвея Зиновьева [19], хотя, несомненно, жертв было значительно больше. Забрав с собой сочувствующих из числа местного населения и гарнизона, Болотников из Болхова двинулся далее на Москву. Впрочем, уже через пару месяцев, в ноябре 1606 года, болховитяне перешли на сторону царя Василия Шуйского и “у себя многих воров (болотниковцев. – В.Н.) побили и город очистили [20]”.

¹ Основанием для казни Афанасия Пальчикова послужила посылка его в 1604 году в Киев к князю Василию Острожскому от патриарха Иова “з грамотою” обличать самозванца (будущего Лжедмитрия I). Содержащиеся в челобитной сведения об Афанасии Пальчикове подтверждают достоверность знаменитого “Известа” Варлаама о том, что Григорий Отрепьев со своими спутниками – Варлаамом и Мисаилом Повадыным во время бегства в Литву проехали через Болхов. Именно поэтому И.И. Болотников, объявлявший, что он является полководцем “истинного” и “чудесно спасшегося царя”, приказал распять, а затем казнить А. Пальчикова [21].

БОЛХОВСКИЙ БОЙ. 10–11 мая 1608 года

“И за умножение грех наших воста некий вор (Лжедмитрий II. – В.Н.), назвался царевичем Дмитрием. И собрал с полскими и литовскими людьми, пришел под Болхов со многими своими полки. И учинился под Болховом бой велик. И гневом Божиим многих государевых людей побили и в полон забрали, и шкоту великую учинили, и полки разогнали з большим гонением. И государевы бояре и ратные люди, видя их многие собрание, поидоша к царствующему граду Москве, к царю Василию Ивановичу”.

Повесть о победах Московского государства [1].

Летом 1607 года казалось, что междоусобица, в течение нескольких лет сотрясавшая Московское государство, подходит к концу. Войска царя Василия Шуйского осадили Тулу, где заперся Иван Болотников, в то время как другие отряды правительственных войск начали “очищать” от повстанцев прочие города. Но тут произошли события, ознаменовавшие наступление нового витка Смуты. В Стародубе объявился очередной самозванец, назвавший себя чудесно спасшимся от боярского заговора царем Дмитрием. Происхождение его темно и неясно, но он быстро стал знаменем противников Василия Шуйского, к которому примкнули многие бывшие болотниковцы, в том числе атаман донских казаков Иван Заруцкий и охотники

(добровольцы) из польской шляхты. Гетманом (главнокомандующим) у Лжедмитрия II стал польский дворянин Матеу Меховецкий, приведший с собой хоругвь из 700 всадников.

Первоначально удача благоприятствовала Лжедмитрию II: самозванец занял Карачев, а затем внезапным нападением разбил восьмитысячный отряд окольного князя В.Ф. Литвинова-Мосальского и служилого литвина Марьяна Мизинова, осаждавший Козельск, причем Марьян попал в плен. Отряды самозванца заняли Крапивну, Дедилов и Епифань, выйдя на ближайшие подступы к Туле. Но он опоздал. 10 октября, не дождавшись помощи, Болотников капитулировал, и Лжедмитрий II, войско которого к тому же стали сотрясать раздоры, вынужден

был отступить¹. В Карачеве к самозванцу присоединились подошедшие с Украины польские отряды Самоила Тышкевича, Хмелевского, Хруслинского и Адама Вишневецкого. Со своим полчищем Лжедмитрий II попытался взять Брянск, но город, на помощь которому подоспела рать под началом боярина князя И.С. Куракина и князя В.Ф. Литвинова-Мосальского, устоял. В начале января 1608 года самозванец вынужден был снять осаду Брянска и направился в Орёл. "Орляне же его встретиша", и он остался в городе на зимовку.

Соседний с Орлом Болхов ещё осенью 1607 года был "очищен" от ставленников Лжедмитрия II князем Третьяком Семеновым и в январе 1608 года стал сборным пунктом рати, направленной против самозванца. Повторная мобилизация войск опрометчиво распущенных "попочинуть" после тяжелой осады Тулы традиционно проходила трудно, и лишь благодаря принятым жестким мерам и угрозам "нетчикам"² – дворянам и детям боярским о лишении поместий и вотчин в Болхове были собраны очень крупные силы. Съехавшиеся ратники были разбиты на несколько полков: над Передовым полком начальствовали боярин князь Василий Васильевич Голицын и боярин Михаил Александрович Нагой, Сторожевым – боярин князь Иван Семенович Куракин и князь Василий Федорович Литвинов-Мосальский. Главные силы – Большой полк возглавляли: боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский, боярин князь Борис Михайлович Лыков³ и князь Григорий Константинович Волковский. Артиллерией командовал Григорий Леопольдович Валуев, а финансовыми делами рати заведовал дьяк Семейка Еуфимьев (Ефимов) [2].

¹ 16 октября 1607 года в Болхове в течение суток был Лжедмитрий II, но уже на следующий день он уехал в Карачев. [6].

² Нетчики – служилые люди из дворян и детей боярских, не явившиеся вовремя на службу.

³ По Н.И. Костомарову, боярин князь Борис Михайлович Лыков командовал Прибылым полком.

Лжедмитрий II.
Гравюра из книги "Древнее и нынешнее состояние Московии". Лондон, 1698 г.

Едва получив назначение, некоторые воеводы вступили в местнические споры с другими командующими, не желая служить под их началом и принимать должности, поскольку видели в этом подчинении умаление своей родовой чести. Князь Литвинов-Мосальский вступил в свару с князем Борисом Лыковым, поэтому, чтобы разрешить этот конфликт, Литвинова-Мосальского 1 марта отозвали в Москву, заменив Григорием Суземским Пушкиным [3]. Но тот, едва прибыв, видимо, вдохновленный примером предшественника, вступил в местнические дрязги с М. Нагим и заявил, что ему, согласно его родословной, "менши" Нагого "быть нельзя". Царь Василий Шуйский, вынужденный разрешать спор, своим указом подтвердил прежнее назначение: "И как к тебе (Г. Пушкину. – В.Н.) ся грамота наша придет, и ты б по прежнему нашему указу

был на службе по росписи в Сторожевом полку: а Михаила Нагова мы тебя менши не ставим, а Передовому полку со сторожевым место не живет [4]". Безусловно, на улаживание всех этих дрязг ушло достаточно много времени, поскольку "обиженные" воеводы, дожидаясь окончательного "вершения" своего дела царем, отказывались занимать должности.

Значительную часть конницы составляли отряды татар мецереких, касимовских, кадомских, темниковских и арзамасских. Над касимовскими мурзами и татарами стоял голова Гозан Петров сын Болтин, кадомскими – Остафей Яковлев сын Соховцев, темниковскими – Федор Клокачев, арзамасскими – Степан Шитлов – нижегородец [5]. По указу царя Василия Шуйского "Татаром и Черемисе велено Украинные и Северских городов уезд всяких людей воевать и в полон имать и живот (имущество. – В.Н.) их грабить за их измену и воронство" [7]. В состав рати входил сильный отряд наемников, среди которых, кроме немцев, были поляки и литовцы, которым предстояло скрестить оружие с соотечественниками, служившими у самозванца. Была выделена и сильная застава – артоул, где находились: "от князя Дмитрея Ивановича Шуйского – князь Федор князь Ондрей сын Татев,

Русский помещный конник и польский шляхтич. Рисунки по изображениям XVII века.

Микита Иванов сын Нащокин, Иван Никифоров сын Давыдов [8]". Численность русской рати составляла примерно 30–35 тысяч человек [9], хотя польские источники

Русские шлемы XVI–XVII веков.
Слева направо: мисюрка-прилиба, ерихонка, колпак, шишак, шапка бумажная.
Рисунок автора.

Стрелецкая перевязь – бандолиер (в просторечии – берендейка), носилась перекинутой через плечо. К ней подвешивались деревянные патроны с заранее отмеренной порцией пороха, пулей и пыжом. Сбоку привешивались пороховница, рог-патруска и фитиль.

(ротмистр Н. Мархоцкий, хорунжий Й. Будило) называли совершенно фантастические цифры – 170 тысяч [10].

Верховным главнокомандующим над войском был поставлен брат царя Дмитрий Иванович Шуйский, “в товарищи” (заместители) к которому придали Михаила Александровича Нагоя. Главная беда русской рати была в её главнокомандующем: Дмитрий Шуйский “отличался единственно величавостью и спесью; не был ни любим, ни уважаем войском; не имел ни духа ратного, ни прозорливости в советах и в выборе людей; имел зависть к достоинствам блестящим и слабость к ласкателям коварным: для того, вероятно, не взял юного счастливого витязя, Скопина-Шуйского, и для того взял князя Василия Голицына, знаменитого изменами...” [11]. Другая, поистине убийственная характеристика его полководческих талантов содержится в современной тому времени летописной записи: “был он воевода сердца не храброго, обложенный женственными вещами, любящий красоту и пищу, а не луков натягивание”.

Всю зиму и большую часть весны огромная русская рать стояла в Болхове, уничтожая свои запасы и объедая местных жителей, в то время как самозванец в Орле устраивал свое войско, которое с приходом в город сильных подкреплений из Польши и с Украины – особенно отряда князя Романа Кириковича Рожинского, превращалось в пусть и не очень многочисленное, но сильное войско. За зиму Лжедмитрий II сумел собрать около 27 тысяч человек, в их число входили три тысячи запорожцев во главе с Иваном Заруцким, пять тысяч донских казаков, из них пару сотен самозванец выделил знаменитому впоследствии Александру Лисовскому. По словам Н. Мархоцкого: “с ними Лисовский много раз тайно нападал на москвитян, а со временем сподобился и до кое чего худшего [12]”. Поляков насчитывалось до 7 тысяч человек. В число последних входили 1000 всадников Рожинского (не считая пехоты), 1600 всадников Збровского и Стадницкого, а

Польский гусар времен Сигизмунда III. Гравюра XIX века.

Польская панцирная кавалерия в разведке. Гравюра с картины В. Шернера. XIX век.

также отряды Вилямовского, Млоцкого, Тышкевича (700 чел. конницы, 200 пехотинцев), Валяевского (500 чел. конницы, 400 – пехоты), Тупальского (400 всадников), Велегловского, Рудского и других панов. Энергичный и честолюбивый Роман Рожинский, несмотря на противодействие самозванца, при поддержке верных ему людей, в марте 1608 года сумел отрешить прежде бывшего гетманом и не пользовавшегося популярностью Меховецкого и сам занял эту должность.

Шуйский мог бы без особого труда зимой выбить пока ещё немногочисленный отряд Лжедмитрия II из Орла. Орел был сильной крепостью, но для крымских татар. Город лежал в низине, главная его защита летом – реки Ока и Орел – замерзли, а со стороны Болхова над ним нависали высокие берега рек – Ямская и Егорьевская “горы”, с которых территория крепости хорошо просматривалась и могла простреливаться вдоль и поперек из пушек, нанося большой урон осаждаемым. Так что вполне вероятно, что Лжедмитрий II бросил бы Орел даже без боя.

Тем не менее Шуйский сидел в Болхове, выкликая очередные подкрепления, несмотря на то, что людей у него было более чем достаточно, оправдывая своё бездействие “многими снегами”. Впрочем, зима была действительно довольно снежной. По свидетельству Н. Мархоцкого, толщина снежного покрова достигала 7 пядей (126 см) [13]. Прокорм такой огромной рати был делом весьма сложным, к тому же и люди самозванца успели вырести из клетей и сусеков орлян все запасы, и фуражиры обеих сторон рыскали между Орлом и Болховом, опустошая и без того разоренную войной округу¹. Русские воеводы выслали беспокоить самозванца “посылку” (летучий отряд) под началом князя Василия Романовича Барятинского

¹ О степени разоренности во время боевых действий сельской округи между Орлом и Болховом можно судить на основе анализа писцовых книг Орловского уезда за 1594–1595 и 1647 годы. Если в 1594–1595 годах на территории Неполоцкого стана, где в 1608 году велись основные военные действия, насчитывалось 322 двора (в т. ч. несколько мест дворовых пустых), то в 1647 году, т. е. через четверть века после окончания Смуты, здесь зафиксировано всего 15 дворов [15].

и Михаила Зыбина. Весьма часто противники сталкивались и между ними завязывались многочисленные кровавые стычки, "бои многие", победы в которых не давали перевеса ни той, ни другой стороне, теша самолюбие лишь отдельных удачных голов [14].

Наступила весна с её хлябью, распутицей и раскисшими дорогами, и лишь к концу апреля, когда немного подсохло, противоборствующие стороны зашевелились, готовясь к решающему сражению. Когда далее медлить было уже нельзя, Шуйский наконец решился, отдал приказ о выступлении, и русская рать гигантской колонной выползла из Болхова. Одновременно из Орла в зареве пожара вышел и самозванец. В день его выступления вследствие небрежности или озорства шляхты вспыхнул пожар в хоромах, в которых он квартировал, перекинувшийся на избы обывателей, и самозванец был вынужден перебраться в обоз Рожинского, прибывшего из Кром, где тот зимовал [16].

Ротмистр польской панцирной хоругви XVII века. Гравюра XIX века.

Ижедмитрий вышел из города, провожаемый проклятиями ораи, лишившихся по его милости не только своих запасов, но и крова, но это его мало беспокоило. Впереди его ждали либо победа, корона и Московское царство, либо разгром и позорная смерть.

Любая смута в большом числе порождает многочисленных "перелетов", которые в поисках всяческих благ, а также в зависимости от того, кто побеждает, и желая снискать милость победителя, зачастую неоднократно перебегают из одного лагеря в другой. Так было и в этот раз. По свидетельству активного участника Смуты в России Коврада Буссова: "Семнадцатого апреля немецкие начальники из лагеря Шуйского (ротмистр Бартольд Ламсдорф – невежественный молодчик, за свою жизнь не ходивший ни разу в чужие страны, зато в Лифляндия и в Москве славно поработал пивными кружками, лейтенант Иоахим Берг и хорунжий Юрген фон Ааладау), все трое люди невежественные, но отлично обученные московским жульничествам, отрядили к Дмитрию

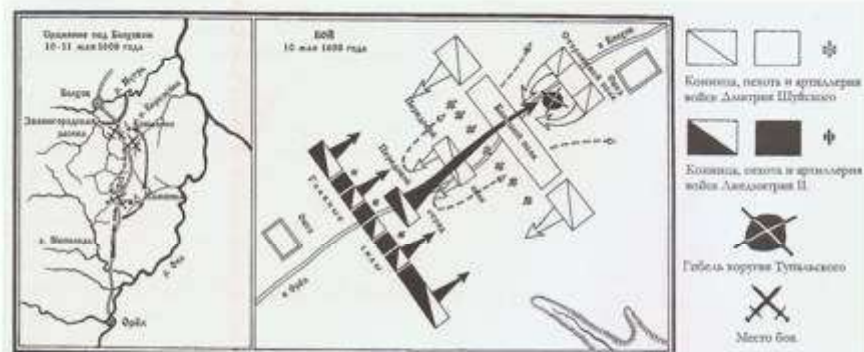

Схема Болховского боя. Реконструкция В.М. Неделкина.

второму двух своих собратьев, Аридта Кудделина и Любберта фон дер Хейде, чтобы предложить свои верноподданнические услуги и при этом сказать ему, чтобы он продвигался вперед, а когда дело дойдет до сражения, то они перейдут к нему с развернутым знаменем" [17].

И вот в субботу 10 мая на полпути между Орлом и Болховом у деревни Каменка рати встретились. Надо полагать, что столкновение не было неожиданным для обеих сторон и противники успели развернуться в боевой порядок. В соответствии с ратными традициями того времени священники отслужили молебен, а полководцы ободрили своих людей. "... Как к Воеводе прямая весть придет, что недруги приближаются, и не может инако быть, разве что с ними битися, и Воеводе показаться к своим полчаном, веселым обычаем, и их на то наговаривати, чтоб они так делали, как достоин делати примым (честным. – В.Н.) воинским людям и по крестному целованью (присяге. – В.Н.), на что они Государю своему и крест целовали в правду, и утешати их великою доброю добычею, чтоб они смело и храбро на супостатов напускали..., и молитви им: лучше есть честно умерети, нежели с безчестьем жити, и так предатися в руде Божии" [18].

Самозванец первый начал атаку, и его передовой отряд сцепился с полком В.В. Голицына. Тот не выдержал натиска и со своими людьми побежал. Беглецы проломились через Большой полк, расстроив его ряды, и, преследуемые поляками, достигли было Сторожевого полка. Но тем полком командовал воевода похрабрее и поопытнее – Иван Куракин, ранее отличившийся под Вранском. Он не сплеховал и на этот раз и вовремя ввел свой полк в бой. Прорвавшаяся польская хоругвь Тупальского попала в железное кольцо и понесла большие потери. Впрочем, самому Тупальскому с частью людей удалось вырваться из окружения и на следующий день присоединиться к главным силам. Отличились и наемники. По словам К. Буссова, Ламсдорф с сообщниками оказались "столь трезвы" (т. е. напильны), что напрочь забыли о данном ими самозванцу обещании, "храбро напали на поляков и побили 400 человек". Это привело в ярость Рожинского, приказавшего впредь не брать наемников в плен, а также вздернуть посланцев Ламсдорфа, "но те попрятались и не так скоро вылезли на свет" [19].

Уже в сумерках стороны, утомленные длившимся с утра и до вечера боем, разошлись по своим ставам. Русская рать

немного отошла и стала за заболоченной ложбиной, заполненной талой водой. Подобно огромному медведю, она разлеглась поперек Болховской дороги, и Рожинскому, осматривавшему позиции, стало ясно, что дальнейшие лобовые атаки приведут к тому, что их немногочисленное войско просто разобьется о московскую рать. Вполне возможно, что и Рожинский, и самозванец начали всерьез подумывать об отступлении, но полученные ими вскоре известия привели к совершенно иному развитию событий.

Несмотря на большие потери, прошедший день был в общем удачным для русской рати, но Дмитрий Шуйский приказал готовиться к отступлению и отправил в Болхов наряд – тяжелую артиллерию и обоз. Это малодушное решение и привело впоследствии к трагическим последствиям. Отступление с вислицам на плечах противником редко удается даже опытному полководцу, что же говорить о такой

посредственности, как Шуйский, которому противостоял гораздо более способный к различным “ратным хитростям” Роман Рожинский.

Последнему стало немедленно известно о том, что “Москва” собирается уходить от перебежчика кашпирянина сына боярского Ивана Лихарева, и он решил атаковать. Главные силы, переправившись через реку (по-видимому, Березу), вышли в глубокий тыл русской рати, к селу Кобылино. А утром пахолки (слуги), оставшиеся в лагере, наткнули значки в возы и стали двигать их назад-вперед. Возы поднимали тучи пыли, над которой нольхались знамена – казалось, что движется огромное войско, вселяя беспокойство в сердца москвитян. Одновременно стало известно о появлении поляков у села Кобылино что вызвало ещё большее смутнение. Русская рать стала поспешно отступать к Волхову, по пятам преследуемая отрядами, оставленными в лагере Рожинским, и к тому времени, когда она дошла до Кобылино¹, где натолкнулась на главные силы самозванца, оказалась совершенно расстроеной и измотанной переходом. У села завязался новый бой “велик зело”, но смутенное воинство, к тому же не успевшее перестроиться в боевой порядок, оказалось уже не способным победить. Пока одни бились, другие искали спасения в бегстве. “И тут вор (самозванец. – В.Н.) с польскими и литовскими людьми и с рускими воры, с изменники царя Василья Ивановичя всея Руси и ратных людей многих побили и бояр и воевод князя Дмитрея Ивановичя Шуйского с товарищи и Московского государства все полки погромили...” [20]. Всеобщее смутнение усклило и то, что Дмитрий Шуйский со званиемными воеводами, видя проигрыш сражения, попросту бросил войско (это

¹ О том, что русской рати в бою под Кобылино не удалось развернуться в боевой порядок, свидетельствует запись в Разрядной книге 1550–1636 годов: “...литовские люди на походе на бояр приняли и от Волхова оттолкнули...” [21].

было не последнее его бегство с поля боя) и ускакал в Болхов. Избываемая с флангов и тыла, русская рать в беспорядке устремилась к Волхову, где под защитой крепостных стен чаша найти спасение.

Увидев начавшееся павальное бегство русских, Ламсдорф с сообщниками вспомнил о данном накануне Лжедмитрию II обещании и с развернутыми знаменами двинулся было в сторону самозванца, что вызвало недоумение у его соратников. “Многие честные люди, которые не знали об этом лукавстве, обратились к ротмистру и сказали: “Мы прекрасно понимаем, что тут затевается. Мы не останемся, все русские бегут, а поляки нас окружают. Что вы, начальники, замышляете?”

Ламсдорф обрушился на них с руганью, но большая часть наемников не присоединилась к изменникам: одни, блюдя профессиональную этику (и у наемников есть своя честь), другие, а их было большинство, опасаясь за судьбу своих оставленных в Москве жен и детей.

Ибо, если бы “этот предательский замысел удался, как они хотели, Шуйский ни одного немецкого младенца в колыбели не оставил бы в Москве живым”. С Ламсдорфом осталось всего около 200 человек, которые были окружены подскакавшими запорожцами. Выполняя приказ Рожинского, переметчики и их закованный в латы предводитель были изрублены казаками, сполна получив за свое двойное предательство, а “...слезы бедных вдов и сирот, чьих мужей и отцов он столь низко предал и безжалостно обрек на закланье, погрузят его еще глубже в ад” [22].

Последний акт трагедии под Волховом произошел у Звенигородской засеки – лесного завала, охранявшего подступы к городу от набегов татар. Ранее отправленные в Болхов артиллерия и обоз сгрудились у единственных ворот через засеку, закупорив и без того узкий проход и преградив путь отступающей рати. Началась несуетная давка. На эту-то деморализованную и объятую страхом толпу обрушилась

подоспевшая к засеке польская кавалерия, устроив настоящее побоище. Трупы тысяч русских воинов всё лето устилали поля под Болховом, отравляя окрестности смрадом разложения. В руки поляков попала огромная добыча, весь обоз и тяжелая осадная и полевая артиллерия в количестве нескольких десятков пушек, которая могла весьма пригодиться при осаде Болхова и других городов [23].

Победа самозванца была совершенной, но она и обошлась дорого. По свидетельству непосредственного участника боя ротмистра Н. Мархоцкого, "много людей полегло у нас во время этой погони, и сколько их было с этих пор! – не считанных, не похороненных" [24]. В Болхове "в осаде" остался, кроме гарнизона под началом некоего литвина, "который уже стал москалем" Федора Гедройца (Гедроция), пятитысячный отряд князя Третьяка Сеитова и Григория Валуева [25]. Стоявшая на высокой горе и обнесенная двумя поясами дубовых стен крепость Болхова была довольно сильной и могла бы выдержать осаду. К тому же составлявшая ядро войска самозванца польская и литовская шляхта, непревзойденная в конном бою и рубке, сникала, когда дело доходило до осадной войны. Унылое сидение неделями в сырых и грязных шанцах (земляных укреплениях), разнообразившееся лишь вылазками осажденных, ежедневная возня с лопатой и топором, полуголодное существование на хлебе и воде – всё то, что составляло основу крепостной войны и в чем были столь сильны непрехотливые русские ратники, пользовалось презрением с её стороны и вызывало бунты гордых шляхтичей с охотой перекладывавших это "хамское и нерыцарское" занятие на плечи наемников и русских "воров".

Но моральное состояние болховитян было подорвано зрелищем катившейся через город разбитой рати и распространявшимися слухами об огромных наступающих полчищах "истинного" царя.

К тому же попавшая в руки Лжедмитрия II тяжелая осадная артиллерия разнесла бы деревянные стены крепости в несколько дней, а появившиеся над дальними слободами дымы от горевших дворов и церквей¹, между которыми уже мелькали всадники из передовых отрядов самозванца, привели их в окончательное смятение. Просидев в осаде три дня, Сеитов и Валуев сочли за лучшее со всеми своими "многими ратными людьми" в среду 13 мая сдаться и целовали крест на верность Лжедмитрию II. Самозванец присоединил их к своей рати и двинулся дальше, на Москву. Впрочем, перебежчики соблюдали свою клятву не долее, чем "собака держит пост". Убедившись, что войско самозванца не столь многочисленно и грозно, как его рисовали перепуганные беглецы, они с "Упы-реки... ушли и прибежали к Москве к царю Василью Ивановичу всеа Руси" [27].

По своим катастрофическим последствиям Болховское поражение впоследствии затмила только Клушинский погром (24 июня 1610 года), приведший к падению Шуйских и оккупации Москвы поляками. К слову сказать, главнокомандующим в этом сражении, которое он также, несмотря на многократный численный перевес, ухитрился проиграть, был тот же Дмитрий Шуйский. Герой бросил свою рать и появился в Москве на крестьянской кляче и босой, утопив в болоте боевого коня и сапоги. После Болховского боя "бысть на Москве ужасть и скорбь великая...". В столице спешно собрали новую рать, на этот раз под началом известного, несмотря на молодость, полководца боярина князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова, которые преградили дорогу самозванцу у речки Незнаки (под Каширою). Но "вор же поиде под Москву не тою дорогою",

¹ "В Десеве в Казачьей слободе: место церковное, что была церковь Висления Пресвитой Богородицы. Церковь сожгли литовские ж люди во 7116 г. (1608 г. – В.И.), попа, дьячка и пономаря убили литовские ж люди" [26].

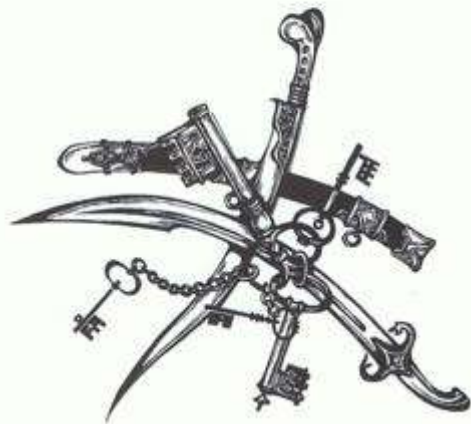

Смутное время. С.В. Иванов.

и воеводам пришлось спешить обратно к столице. К тому же в войске под впечатлением постоянных неудач учинилась измена и "шатость": "хотяху царю Василью изменить князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними" [28]. Царь Василий Шуйский вовремя узнал о заговоре и приказал схватить изменников, которых в Москве подвергли пытке. Именитых заговорщиков разослали по тюрьмам: князя Ивана Катырева – в Сибирь, князя Юрия Трубецкого – в Тотьму, князя Ивана Троекурова – в Нижний Новгород.

Заговорщиков рангом ниже – Якова Желябовского, Юрия Невтева "и иных с ними" – казнили в Москве. Тем временем самозванец, не встречая особого сопротивления – его на несколько дней задержал лишь Можайск, но и он после усиленной бомбардировки капитулировал, – вышел на ближние подступы к Москве, остановившись в двенадцати верстах от стольного города, в селе Тушино. Он и не предполагал, что око на годы станет его "столицей". Перед ним, опяная его, маячил призрак Московской короны, которую ему так и не суждено было надеть на голову.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ БОЛХОВА. 1611 год – конец XVII века

Переход болховитян на сторону Лжедмитрия II не принес городу спокойствия: разнузданные польские и литовские шляхтичи вместе с русскими и татарскими сторонниками самозванца опустошали деревни и села, грабили дворы, забирая все, что понравилось, унижали и оскорбляли хозяев, а кто сопротивлялся, того «ничем было и убить», насильовали женщины и девушек, оскверняли церкви. В 1610 году литовцы «не по единожды» Болхов «имали». Болховитяне-челобитчики жаловались, что литовцы просидели у них со дня св. Дмитрия Солунского¹ «всю зиму и весну и до лета, многих нашу братью побили, а жон и детей в полон поимали, и город (кремль. – В.Н.) и острог и дворы наши з достальным животы (имуществом. – В.Н.) сожгли [2]». В 1611 году стольник и воевода князь Федор Андреевич Елецкий разбил литовцев и очистил от них

¹ 26 октября по старому стилю – 8 ноября по новому.

«Февраля в 15 день писал к Государю Царю и Великому князю Михаилу Федоровичу вся Руси из Болхова Иван Наумов: Февраля 2 день в полночь пришли под Болхов литовские люди безвечно и сели с лошадей и пошли пешии, на посаде на отвезде караулах стражи скрали – взяли сына боярскова да убили казака, а з другой сторожи сын боярский да казак утекли к нему в город с вестью. И литовские люди пришли к городу, и он, Иван, с ратными людьми на литовских людей выходил и с Божией Милостию и государевым счастьем литовских людей многих побили и языки поимали, а языков взяли шти человек и сына боярскова, которого были взяли отбили; ис посадов литовских людей выбили вон и полон отполонили...»

Выборки из книги сеунчей. 1618 год [1].

Болхов, вернее, его пепелище. В результате Болхов перешел под власть Первого (Рязанского) ополчения, возглавляемого Прокопием Ляпуновым, которое осадило Москву, где засел польско-литовский гарнизон. Изгнав литовцев, князь Ф.А. Елецкий приступил к восстановлению городских укреплений. Сюда же прибрели и уцелевшие болховитяне, пытаясь обжиться на руинах: «и мы, государи, сошли[ся] и садимся на пожарищах, острог и собе избитка ставим и ямы копаем, а вдовы меж изб волочимся, все, государи, голодом и студе[ной] смертью] помираем, голодом и наги, на правеж[е] мучимся, дати нечего, взяти негде [3]». Присланный в Болхов осенью 1611 года в преддверии близкой зимы для сбора шуб ратникам подмосковного ополчения Константин Дмитриевич Опухтин (скорее всего, местный уроженец), даже несмотря на помощь здешнего

² Правеж – судебные выбитания долгов из должников – неплательщиков.

воеводы Льва Михайловича Волконского, ставившего злостных должников на правеж, сколько-нибудь приемлемого количества шуб собрать так и не смог. Избиваемое на правеже плетями население выловое, но взять что-либо с вконец обнищавших и разоренных людей было невозможно. В ноябре, когда уже резко похолодало, ратные люди стали приходиться к руководству Первого ополчения «с великим шумом, что озабли и голодом». В результате бояре распорядились разослать по городам грамоты «к воеводам, к приказным людям с бранью, а сборщиков, кои по ся места, воровством (изменой. – В.Н.) с шубами не бывали, приговорили бить кнутом нещадно». Но и эта мера ничего не дала. По словам И. Комягинского, «сколько бы ни терзали сборщиков кнутом, Московскому ополчению от того теплее не было и большинству ратных людей, которые из дома не запаслись собственными полушубками, пришлось, вероятно, самим добывать себе зипуны и шубы с чужих плеч, а не с сох и вытей, как приказывали воеводы» [4]. Болховитян же, ввиду их крайнего разорения от «литовские и татарские войны», было велено от поставок шуб освободить.

Но бедствия болховитян на этом не закончились: уже в июле 1613 года наспех срубленная Болховская крепость была взята литовцами и сожжена [5], после чего ее пришлось отстраивать заново. Тогда же литовцы спалили и Рождество-Вогородичный Оптиный монастырь [6].

31 августа того же года под Болховом появился литовский полковник Александр Лисовский, накануне жестоко потрепанный князем Дмитрием Михайловичем Пожарским под Орлом. Нападение оказалось столь внезапным, что лисовичи «едва Болхова не украдоша». Положение болховского воеводы Степана Ивановича Вольнского осложнилось еще и тем, что проходивший незадолго перед этим через город Пожарский забрал у него «лучших» людей в свое войско, и в августе 1615 года 206 болховских служилых людей в составе

Герб Александра Лисовского.

рати князя Д.М. Пожарского приняли участие в сражении с отрядом А. Лисовского на Царевом Броду под Орлом [7]. Лисовский трижды приступал к городу, но болховитяне в ожесточенном бою на крепостных стенах, посадах дворах и огородах сумели отстоять свой город и «многих польских и литовских людей побили» [7].

Портрет князя Дмитрия Пожарского. Государственный Исторический архив.

В августе 1616 года к Болхову дважды подходили татары. Воевода Богдан Вельяминов с болховскими служилыми людьми сделал вылазку, и "татар от осады отбили и посаду и слободы и в гумнах хлеба жечь не дали". Вдогон татарам воевода послал голову Прокофия Сколеменева с сотнею, который настиг их в Болховском уезде на реке Рог и с "татары билел и татар разогнал и полону у татар отбил человек со ста и болши" [8]. В декабре того же года под Болховом, где стояли со своим полком воеводы Дмитрий Скуратов и Михаил Дмитриев, появился сильный литовский отряд. Воеводы дали ему бой, в котором сложил голову М. Дмитриев. Литовцы отступили и, опустошая карачевские и кромские места, двинулись к Курску. В погону за ними, получившую название "Северского похода", отправили воевод князя Ивана Федоровича Хованского и Д. Скуратова, но посланные литовцев не настигли, и те сумели уйти за рубеж. По пути литовцы внезапным нападением взяли и сожгли Старый Оскол, отстраняв который направили Д. Скуратова с его людьми [9].

В сентябре 1617 года воевода Богдан Вельяминов настиг татар на реке Горноше в трех верстах от Болхова, разогнал их, взял трех языков и "полону отполонил человек с 400 и болши". Тогда же посланный Б. Вельяминовым голова Микита Сохин с ратными людьми разбил татарский отряд "у Егорья на Пелеве", освободив более 100 полоняников [10].

Наряду с татарами Болхов постоянно тревожили и литовцы, засевшие в соседнем Козельске. В ноябре 1617 года голова Игнатий Кривцов, заглянув в свое поместье - деревню Нагую в 20 верстах от Болхова, вероятно, проведать, как идут дела, обнаружил там литовский отряд и начал "почтывать" незваных гостей. Часть литовцев, которым не понравились дешние "хлеб-соль", заперлась в одной из изб, "и он Игнатей двор зажег и литовских людей взял приступом". В бою был убит литовский ротмистр Василий Рогановский и взято 12 языков [11].

В декабре того же года достаточно крупный литовский отряд напал непосредственно на город, "и был с ними бой в посаде и не посаду их выбили и дворов жечь не дали". Потерпев неудачу, литовцы отступили и стали в трех верстах от города. Воевода Иван Наумов послал против них детей боярских и "охочих" людей, которые приволокли двоих пленных. Кроме того, для добычи языков Наумов отправил к Козельску голову Неустроя Луккина, который натолкнулся на литовскую заставу в деревне Науколецах, разгромил ее и захватил двоих пленных [12].

Особенно жестокие бои с литовцами разгорелись под Болховом в 1618 году. Решив внезапным нападением овладеть городом, литовцы "безвесно" появились под Болховом 2 февраля "в полночь", слезли с лошадей и "пошли пешии". Но болховитяне были начеку и держали кругом караулы "отъезжие". Тем не менее один караул оплошал, и литовцы их "скрали" - взяли в плен сына боярского и убили казака, но другие караульщики сумели "утечь" в город к Ивану Наумову и предупредили его об опасности. Наспех собрав людей, воевода сделал вылазку из крепости, выбил литовцев из посады, захватил шестерых языков и освободил сына боярского, попавшего в плен ранее.

20 марта последовало новое литовское нападение на Болхов, но с тем же успехом. Литовцев выбили из посады и погнали к Деевскому мосту на Нугри, где разгромили окончательно: "и в те поры подломился под литовскими людьми мост, и литовские люди многие потонули и русских людей, которые у них в полону были, многих отгромили." Трофеями стали 160 лошадей и четверо пленных во главе с неким Валенком Гроцким [13].

Засевшему в Козельске пану Чаплинскому болховитяне здорово досаждали, "побивая" его разъезды, и он решил покончить с Болховом, выслал против него полковника Казановского с крупным отрядом. Третьего июня авангард литовцев подошел к Болхову "для городского промыслу",

но был отбит и отошел вверх по реке Нугрь по Свиной дороге. Четвертого июня сам Казановский с главными силами и артиллерией начал выдвигаться к Болхову и стал на устье реки Орс. Болховитяне дали ему бой и захватили нескольких языков. Того же числа в полночь Казановский предпринял штурм города, который продолжался до десяти утра, но окончился неудачей. На следующий день литовцы устроили свой стан напротив города в Овечьей слободке за рекой Нугрь, после чего началось новое сражение. Осаждавшие открыли огонь из пушек, а затем "конные и пешие" пошли к крепости со всех сторон. Болховитяне повалили на вылазку, "и с литовскими людьми был бой от обеда до вечера". После провала штурма Казановский свернул свой стан и перенес лагерь за версту от города, устроив его на Белевской дороге у Темяшова брода на реке Нугрь. Здесь литовцы стояли четыре дня и каждый день приступали к Болхову, "и под городом были с ними бои непрестанно ежей день с утра и до вечера". Болховитяне в свою очередь сходили к ним "в гости": голова Иван Ржевский с ратными людьми шестого июня напал на литовский отряд, расположившийся "в Гаурилове деревне Пальчикова", основательно потрепал его и угнал 12 пленных. Восьмого июня Казановский "всеми людьми" предпринял решающий штурм, который длился все утро. Но болховитяне отбились и на этот раз, после чего Казановский снял осаду и ушел в Козельск [14].

Для русских засевшие в Козельске литовцы являлись порядочной занозой, и московское правительство направило выбивать их воевод князя Федора Волынского и Матвея Челюстинина. В помощь им болховский воевода Степан Татищев прислал голову Игната Кривцова, "а с ним болхович и карачевец дворян и детей боярских". 21 июня русские ратники штурмом взяли табор Чаплинского под Козельском "и литовских людей и русских воров побили и в город втоптали и таборы выжгли", после чего атаковали крепость.

Но "Козельск" оказался крепок, и штурм, несмотря на то, что русские перехватили тайник, снабжавший кремль водой, окончился неудачей [15]. В руках литовцев Козельск находился вплоть до заключения Деулинского перемирия (1 декабря 1618 года).

Четвертого июля 1618 года к Болхову снова подошли литовцы - полковник Устин Лисовский и Иван Шверда "и слезчи с лошадей и раздалась приступили к Болхову всеми людьми жестокими приступы в девяти местех". Штурм продолжался всю ночь и утро, но был отбит. В тот же день "за пять часов до вечера" атака возобновилась и велась вплоть до темноты, но и она захлебнулась: болховитяне "у приступа и на выласках литовских людей многих побили и переранили". Пятого июля литовцы пошли на решающий штурм "со все стороны", он продолжался всю ночь и утро, но и он был отбит, а осаждающие потеряли многих своих убитыми, ранеными и пленными. Во время удачной вылазки болховитяне захватили знамена "и знаменщика убили". В плен попал также один из литовских предводителей - Иван Шверда. Не надеясь более овладеть городом, литовцы сняли осаду Болхова и ушли [16].

В июне 1623 года Орловский, Карачевский, Мценский и Болховский уезды подверглись нападению трехтысячного татарского отряда Ахмета-мурзы, Клич-мурзы и Алшабина-мурзы. Уходящие с добычей татары были настигнуты курскими служилыми людьми под началом Ивана Антиповича Анненкова, Василия Торбина и Плакиды Темирова на Котлубанской Семице (около реки Семь), у Думчег кургана. 16 июня татары атаковали куряи, которые стрельбой из пищалей перебили и ранили многих татар. Тем не менее крымцы сумели оторваться от погони и вместе с обозами ушли к Белгороду [17].

Хотя Болховская крепость в годы Смуты (1604-1612) сильно пострадала, но гораздо тяжелее, чем восстановление укреплений, оказалось восполнить людскую убыль. В 1631 году, готовясь к войне с Речью Посполитой за утраченный в годы

Легкая польская кавалерия.
По гравюре XVII века.

Смуты Смоленск, правительство царя Михаила Романова стало спешно приводить в порядок пограничные крепости. Выполняя государев указ, болховский воевода Иван Ладыженский составил список беспособного населения города. Всего у него оказалось: "стрелцов 27 человек, 25 человек все с пищали, у дву человек пищалей нет, казаков 67 человек все с пищали, их братья и племянники и сосед и захребетников 57 человек с рогатины, пушкарей и затинщиков 9 человек, посацких людей 52 человека с пищали, 103 человека с рогатины, братьев и племянников и соседей и захребетников 35 человек с рогатины, дворян и детей боярских дворян 10 человек, Болховского уезда крестьян 304 человека" [18]. Всего набралось 664 человека, из них пищали имелись у 144 болховитян, а вообще без оружия оказалась почти половина. В своей челобитной болховитяне жаловались: "безлюдство стало большой и острог теми людьми осадить (защитить). – В.Н.) в осадное время неким, нам, твоим государевым богомольцом и холопом и сиротам, в приход к Болхову воинских людей (неприятеля. – В.Н.) теми малыми людьми острога осадить без прибыльных людей

(подкреплений. – В.Н.), неким, сидеть [в осаде] с великим страхованием" [19].

Кроме того город лишился значительной части населения. Ранее в Болхов "в осаду" съезжались карачевцы, кромляне "исем городом", крестьяне Белевского уезда Верхоруцкой волости, Козельского уезда Дудинской и Местилоской волостей и Севского уезда Комарицкой волости. Многие из них жили здесь постоянно. Но после того, как в 1620-е годы были восстановлены крепости Кромы, Карачев и Севск, их население перевели на прежнее место жительства. Правда, в Болховском уезде проживало около 170 дворян и детей боярских [20], которые были "конны, людны и оружны", но на них надеяться не приходилось – в военное время все они обязаны были ехать в государевы полки. Ладыженский в своей отписке жаловался, что даже за вестями в соседние города и в дозоры – "отъезжие сторожи" – посылать некого: "дворян и детей боярских са мною..., нет ни одного человека [21]". По счастью, начавшаяся война обошла Болхов стороной.

Всадник легкой польской кавалерии ("лисовчик"). Рисунок автора по наброску XVII века.

Польские шляхтичи. Рисунки XVIII века.

В 1632–1634 годах болховитяне в рядах русской армии принимали участие в русско-польской (Смоленской) войне. В частности, болховитин Иван Варев в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу писал о своей службе: "...был я, холоп твой, послан из полку от воеводы Ивана Еропкина с сотнею за рубеж под литовские города, под Гомель и под Нежин, а со мною были в сотне дворяне и дети боярские болховичи, и, будучи на твоей государеве службе, тебе, государю, служил, с польскими и с литовскими людьми бился и под Стародубом на многих приступех тебе, государю служил и днем и ночью..." После победоносного взятия Стародуба (в 20-х числах января 1633 года) Варев был послан с суемчем в Москву, где получил награду [22]. В мае того же года болховитян дворян и детей боярских под началом путивльских воевод Федора Бутурлина и Григория Алябьева направили для отражения литовского набега [23].

В заключительный период войны (1633–1634 годы) южные уезды России постоянно подвергались массированным набегам крымских татар, действовавших в союзе с Речью Посполитой. 22 июля 1634

года татарский отряд появился и в Болховском уезде. Воевода князь Юрий Мещерский послал против них служивых людей под началом Тимофея Федоровича Дичкова, который настиг татар на Черной Грязи. После короткого боя татары, оставив на земле несколько трупов, рассеялись. Но и у болховитян не обошлось без потерь: трое ратников, в том числе и Т.Ф. Дичков, получили ранения и подали челобитные о пожаловании их за бой и за раны. В разрядной выписи об их службе сказано следующее: "Тимофей Дичков государю служил, с татарами бился явственно, убил мужика (рядового татарина. – В.Н.), а его, Тимофея, на том бою ранили, застрелен из лука по левому боку, да под ним же убит конь наповал... Логвин Петров сын Переверзев... с татарами бился явственно, убил мужика, а его Логвина на том бою ранили, сечен саблею по голове да застрелен из лука по правой руке, повыше ладони, кости не захватя... Алексей Андреев сын Наумов... с татарами бился явственно, убил мужика; а его Алексея на том бою ранили, застрелен из лука по голове...". За "явственную" службу служивых пожаловали земельными угодьями, увеличив их наделы на 50 четей, а на "лечьбу" дали по 5 рублей [24].

После окончания войны татарские набеги не прекратились. Так, 21 сентября 1637 года крымцы вторглись в Годыревский стан Болховского уезда и "воевали уездных людей от города Болхова в пяти верстах и менши", захватив в полон 29 человек, по большей части женщин и детей [25]. Летом 1659 года крымские татары вместе с украинскими казаками в последний раз "повоевали" Болховский уезд. Больше здесь они не появлялись никогда, и Болховская земля наслаждалась миром 282 года.

ОБЛИК БОЛХОВА в XVII веке

“Город Болхов ставлен острогом, лес дубовый, в длину 2 сажени без чети, весь подгнил, во многих местах тарасов и кроватей нет. Около острогу ров в глубину 2 сажени, поперег 4 сажени во многих местах обвалился. Да полого места честику нет по мере 100 сажень с полу-саженью. По тому острогу 11 башень, в том числе 3 башни с проезжими вороты. Всего около того города и башень по осыпи 448 сажень. В том городе тайник и в осадное время водою скуден, потому что воды в нем мало”.

Опись городам. 1677–1678 годы [1].

После осад и разорений Смутного времени Болхов пришлось отстраивать практически заново: вокруг крепости на месте сожженных посадов и слобод выросли новые, со своими приходскими церквями, срубили заново и Болховский кремль. Восстановленная после “литовского разорения” крепость отличалась от ранее существовавшей как по конструкции, так и по размерам. Вместо Рубленого города здесь поставили острог, несколько сократив его размеры за счет понижавшегося к югу мыса при впадении речки Болховки в Нугрь. Основанием для этого послужило то, что противоположный берег речки Болховки, в районе Георгиевской церкви, несколько возвышался в этом месте над крепостной стеной, давая возможность осаждающим вести огонь в спину защитникам противоположной стены. Онисим Михайлов в своем труде “Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки” (1621 г.) писал, что при возведении крепости следует сметить, нет ли близко от места будущего строительства гор, или холмов, или курганов высоких, или “инова высокова места”, и предупреждал, “чтоб выше города вершины ни которая

не было ...не можно было [неприятелю] через переднюю стену и зубцов стреляти на другую сторону [и снизу] по боем (бойницам. – В.Н.) и по зубцом” [2]. Кроме того, выступающий острый угол крепости достаточно трудно было защищать: неприятель мог попытаться “срезать” его перекрестным огнем артиллерии, направив на него острие атаки. При подобных обстоятельствах пал в 1579 году осажденный польским королем Стефаном Ваторнем Полоцк. Возможно, похожий случай имелся и в боевой практике Болхова, во всяком случае, при восстановлении Болховской крепости сочли за лучшее отодвинуть крепостную стену повыше, на гребень горы, и выпрямить таким образом всю южную сторону. Оставленную часть мыса перекопали поперек рвом, вдоль которого поставили честики. Подобный прием – отсечение понижавшей части мыса – достаточно часто встречается в русском фортификационном зодчестве, хотя в разных случаях он вызван разными причинами. Это и возвышающийся над крепостью противоположный берег реки или оврага (Болхов, Новосиль), и возможность разрушения талой водой крепостных сооружений (Олопец, Курмыш, Орел).

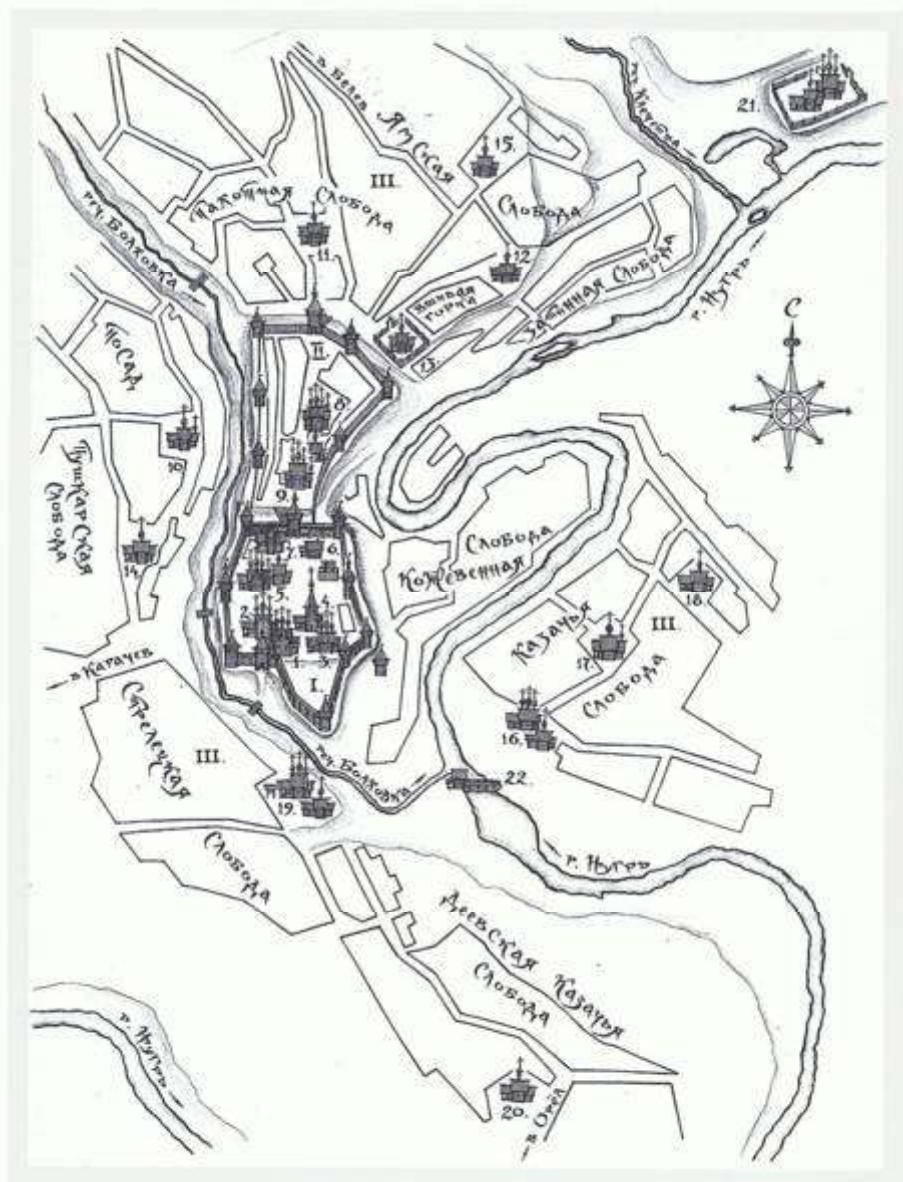
Впрочем, для Болхова это было не самое удачное решение. Впоследствии в 1668 году воевода Иван Зеленый предложил вернуть старое городище в состав крепости [4]. О том же самом писал в 1669 году воевода Федос Беклемишев. Обосновывая свой вариант, он сообщал: “А острог, государь, Болховской, лес ставлен тонок и редок и низок, и острожная осыпь (крепостной вал. – В.Н.) низка: за рекою Болховкою гора выше острогу, и с той горы воинские люди из мелкого ружья, из мушкетов и из коробинов, в остроге и на обламах людей побьют; а очищать, государь, острогу нечем, пушек и Болхове мало, всего шестнадцать пищадей, и те малы... Да подле, государь, острогу старое городище выкинуто, бывал на нем прежде рубленный город, а ныне на том городище города и острогу нет, и в приход, государь, воинских людей от того городища в остроге в осаде сидеть страшно, потому: воинские люди сядут за осыпью, а на осыпи и шанец копать не надобно, и тайник с того городища отымут, а очищать, государь, городищи от реки Болховки пристойно сделать вал земной...” [4]. Впрочем, предложения И. Зеленого и Ф. Беклемишева так и не были реализованы, а старое “выкинутое” городище осталось вне крепости до конца ее существования.

Наспех срубленная после Смуты Болховская крепость достаточно быстро обветшала и к середине 30-х годов XVII века находилась в полуразвалившемся состоянии. Воевода князь Юрий Мещерский в июле 1635 года в своей отписке царю писал: “И болховский острог погнил и во многих местах вывалился, и с башен кровля опала, и ров завалился и кровати и катки опали”. Воевода жаловался, что указа о починке укреплений он так и не получил, хотя писал об этом “многожды”, а без него приступить к ремонту он не смеет, и в заключение снимал с себя какую-либо ответственность за вверенную ему крепость: “А только в приход всяких воинских

людей (неприятеля. – В.Н.) болховскому острогу какое душно учинится, и мне б от тебя, государя, в опале не быть”. Возбешенный царь Михаил Федорович велел немедленно “учинить” в Пушкарском приказе указ о ремонте крепости и вместе с выговором отослать в Болхов Ю. Мещерскому: “Государь, сей отписки слушав, указал: для того воевода послан, чтобы, которая на остроге появится дыра, или отпадет каток или раскроется башня, и о том было не о чем писать, а то поделявать тутошними людьми, только не корыстоваться”. Впрочем, даже присылка указа ничего не изменила, князь Мещерский вскоре сменился с воеводства, переложив все заботы о починке крепости на плечи своих преемников [5].

Следует отметить, что напоминание о “корыстовании” в царском указе было совсем не лишним. Конечно, среди воевод было немало честных и справедливых людей – навсегда остались в благодарной памяти во всех городках, где они служили, имена Ивана Ивановича Ржевского; строителя городов Ливны и Кромы князя Владимира Васильевича Кольцова-Мосальского и многих других, но встречались и лихоимцы, которые думали только о собственном кармане, а не о “прямой” (честной) государевой службе.

Так, например, в 1646 году в Болхове воеводствовал некий Екльч Челищев, который своими поборами так достал горожан, что они “всем городом”, включая игуменов монастырей и священников, подали на него челобитную, обвинив в “насилстве и налоге”. По царскому указу корыстолюбца было велено сменить, Болховитяне-челобитчики, которые находились в Москве, проталкивая свое прошение, за то время, пока шли суд да дело, проелись и пообносились, “скитаеся промеж двор”. Возвращаться же обратно в город они боялись, поскольку до приезда нового воеводы там хозяйничал Челищев. Страдальцы жаловались: “А в Болхов ехать не смеет от того воеводина налогу;

а кои после нас остались в Болхове, и они, дома свои пометав в Болхове, бегают по селам и по деревням от того воеводина насилиства, не смеют и ко дворам своим показаться" [6]. Их повторное челобитье было удовлетворено, городом до приезда нового воеводы велели ведать губному старосте, а Челищева окончательно отрешили от управления, приказав ему покинуть Болхов.

В конце 30-х годов XVII века началась перестройка вкопец обветшавших стен и башен Волховской крепости. К марту 1640 года воевода Иван Волконский поставил "ново", большую часть острожной стены – 311 сажен. Недостроеными остались только 79 сажен. Прибывшему на смену Волконскому воеводе Михаилу Измайлову пришлось не только дорубать неоконченное прясло, но и вновь отстраивать сгоревшую во время пожара 10 мая 1641 года, случившегося на дворе стрелецкого и казачьего головы, Наутольную башню и 32-саженный участок крепостной стены. Вдобавок 28 апреля 1641 года пронеслась буря и на острожных башнях "верхи рознесло и крышки все переломало и в ненаею время, государь, в дожди твоему государеву наряду (пушкам. – В.Н.) в башнях без крышки стоят[ь] не мошна", – писал М. Измайлов. Требовали починки и

казенные постройки: съезжая изба оказалась "худа и завалилась", а казенный погреб, "в чем... порохавая казна стоит, вес[ь] згнил и сверху завалился" [7].

В 1654 году начался очередной капитальный ремонт Болховского кремля. Проезжавший в 1659 году с инспекцией по южнорусским городам воевода Семен Иванович Колтовский отметил в целом хорошее его состояние и указал устранить ряд недоделок: покрыть пять башен, поставить честик на старом городище, сделать вновь колодезь возле тайника – старый сгнил и завалился и т. д. [8].

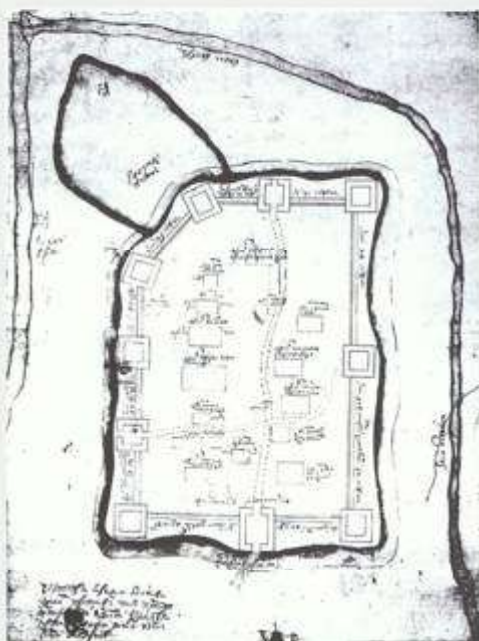
К середине 70-х годов XVII века укрепления Болховской крепости опять пришли в ветхость. Воевода Василий Григорьевич Юшков в своей отписке в Разряд в январе 1675 года жаловался: "в Бол[о]хове де острог весь згнил, тарасы и кровати и облом[ы] все погнили и колодезь в остроге весь завалил[ь] и воды в нем нет же и в осадное время в Болхо[ве] в остроге сидеть страшно и ненадежно..." [9]. Воеводе был отослан указ о починке крепостных сооружений, где говорилось, чтобы он собрал болховитян, которым "городовое и острожное дело (крепостное строительство. – В.Н.) за обычей (привычно. – В.Н.)", и составил вместе с ними смету:

Схематический план Болхова в начале XVII века. Реконструкция автора.

I. Рубленый город: 1 – Спасо-Преображенский собор; 2 – Никольский собор; 3 – церковь Троицы; 4 – церковь Св. Параскевы Пятницы; 5 – церковь Св. Акимы и Анны с приделом Св. Козмы и Дамиана; 6 – приказная изба; 7 – воеводский двор.

II. Острог: 8 – церковь Св. Николая Чудотворца; 9 – церковь Успения Богородицы с приделом Св. Флора и Лавра и церковь Богоявления Господня.

III. Посады и словода: 10 – церковь Благовещения Господня с приделом Св. Никиты Мученика на посаде; 11 – церковь Св. Николая Чудотворца "на площади" в Пахотной словоде; 12 – церковь Св. Сергия Радонежского в Пахотной словоде; 13 – Рождественский девичий монастырь с Христорождественским собором; 14 – церковь Св. Афанасия и Кирилла Александрийских в Пушкарской словоде; 15 – церковь Покрова Богородицы в Ямской словоде; 16 – церкви Св. Иоанна Милостивого и Св. Архидиакона Стефана в Пушкарской словоде; 17 – церковь Воскресения Христова с приделом Св. Николая Чудотворца в Казачьей словоде; 18 – церковь Архистратига Михаила в Казачьей словоде; 19 – церковь Св. Георгия и Св. Петра и Павла в Стрелецкой словоде; 20 – церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Девеской Казачьей словоде; 21 – Рождество-Богородичный Оптин мужской монастырь с церквами Рождества Богородицы и Св. Ильи Пророка; 22 – оброчная мельница.

Чертеж Болховского кремля (север внизу).
Вторая половина XVII века. РГВИА.

сколько бревен, гвоздей и прочего материала потребно для строительства, после чего болховитяне должны были заверить смету собственными подписями: "и которые грамоте не умеют, в их место, звав руки, приложат[ь] отцем их д[у]х[о]вным (священникам. - В.Н.) или кому они верят" [10]. От самого воеводы требовалось: "да и сам бы еси того острожного и башенного дела над деловцы надсматривал почасту, чтоб деловцы у дела не гуляли и делали не огульно и не ошлошно, чтоб острог со всякими острожными крепости здел[ан] крепко и вперед[ь] было прочно и веч[но] и в приход воинских людей (в неприятеля. - В.Н.) в остроге сидет[ь] безстрашно и надежно" [11]. Закачивался наказ грозным предупреждением воеводе, чтобы он не вздумал

поживиться на строительстве: "посулов и поминков (взятков и подарков. - В.Н.) ни у к[ого] от того ничего не имат[ь] и налог[у] и обид и продаж никому ни в ч[ем] не чинит[ь] и лишнего лесу и острожного дела не заставля[вать]. А будет ты от того острожного дела учнешь кому налоги и обиду и насильство чинит[ь] и посулы и поминки... на ково учнешь наметывать, лишней лес и острожное дело для свое[й] користи, а нам Великому г[осу]д[ар]ю про то будет ведом[о] или на тебя в чем будут челобитчики [жаловаться] и тебе за то от нас Великому г[осу]д[ар]ю быт[ь] в опале и в жестоком наказанье безо всякой пощад[ы]" [12].

Через некоторое время воевода В.Г. Юшков сообщил, что болховитяне во главе с земским старостой Иваном Худокормовым отказались подписывать сметную роспись, заявив, что не хотят строить деревянную крепость, потому что около Болхова "места напольные и леса "взять негде", в то же время просили разрешить делать "город земляной", то есть крепость, окруженную земляным валом, а также требовали привлечь к строительству белевских, мценских и карачевских помещиков, имевших осадные дворы в Болхове.

Поскольку дело зашло в тупик, то из Пушкарского приказа¹ в Москве послали Алексея Юшкова, вероятно, градодельца, который должен был решить этот вопрос на месте. Но, приехав в Болхов, он столкнулся с саботажем местного населения, которое не желало взваливать на свои плечи обременительное тягло по строительству новых крепостных сооружений. Болховитяне отказывались давать "сказки"² о том, какую крепость они хотят - рубленую, острожную или земляную, а местные вотчинники скандалили в приказной избе, не желая приносить списки своих крестьян, которые были необходимы для

¹ Пушкарский приказ наряду с вопросами, связанными с артиллерией, ведал строительством и ремонтом крепостей.

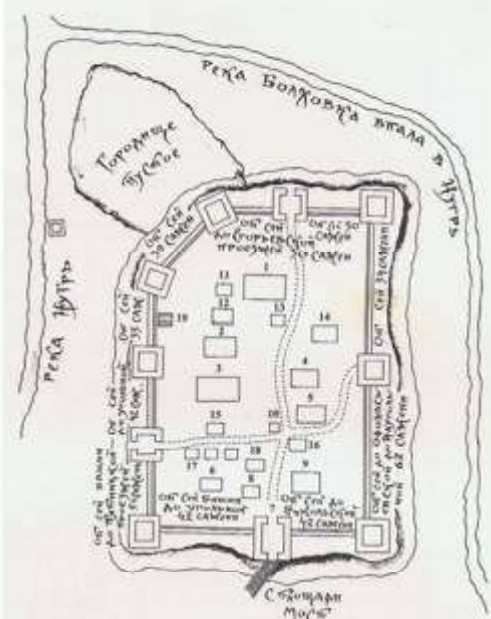
² Сказка - государственный официальный документ, содержащий расспросные речи всех заинтересованных лиц, заперенные их подписями.

составления росписи, кто и сколько бревен и теса должен заготовить для строительства. К тому же сам А. Юшков оказался недостаточно компетентен и просил прислать ему подмастерья для помощи в составлении сметы. Не сложились у него и отношения с воеводой, который заявил, что у него в приказной избе ни переписных книг, ни бумаги, ни свечей нет - сиди, мол, в темноте. Между тем в переписке прошел целый год, и уже 21 января 1676 года в разрядной докладной выписке сообщалось, что для возведения земляного вала в Болхове разыскан градодельца, некий Федор Надеин, строивший в свое время вал в Брянске [13].

Чем закончилось дело, неизвестно, в любом случае земляная крепость в Болхове так и не была возведена. Причиной этому, надо полагать, являлась слабость грунта; еще в 1631 году воевода Иван Свизев писал, что в Болхове "земля слабая и рухомая" [14]. Кроме того, в отдельных местах берег речки Болховки возвышался над кремлем, и низкий земляной вал в отличие от деревянных стен не дал бы крепости надежной защиты от обстрела. В результате если какие-либо работы и были произведены, то они ограничились перестройкой и капитальным ремонтом старых укреплений.

Представить архитектурный облик Болховской крепости можно по росписям и сметным спискам последней четверти XVII века и двум чертежам начала XVIII столетия, перерисованным с не дошедшего до нас оригинала второй половины XVII века. Их авторами являлись ученик инженерной роты Сергей Вибарисов и кондуктор Устин Неплюев [15].

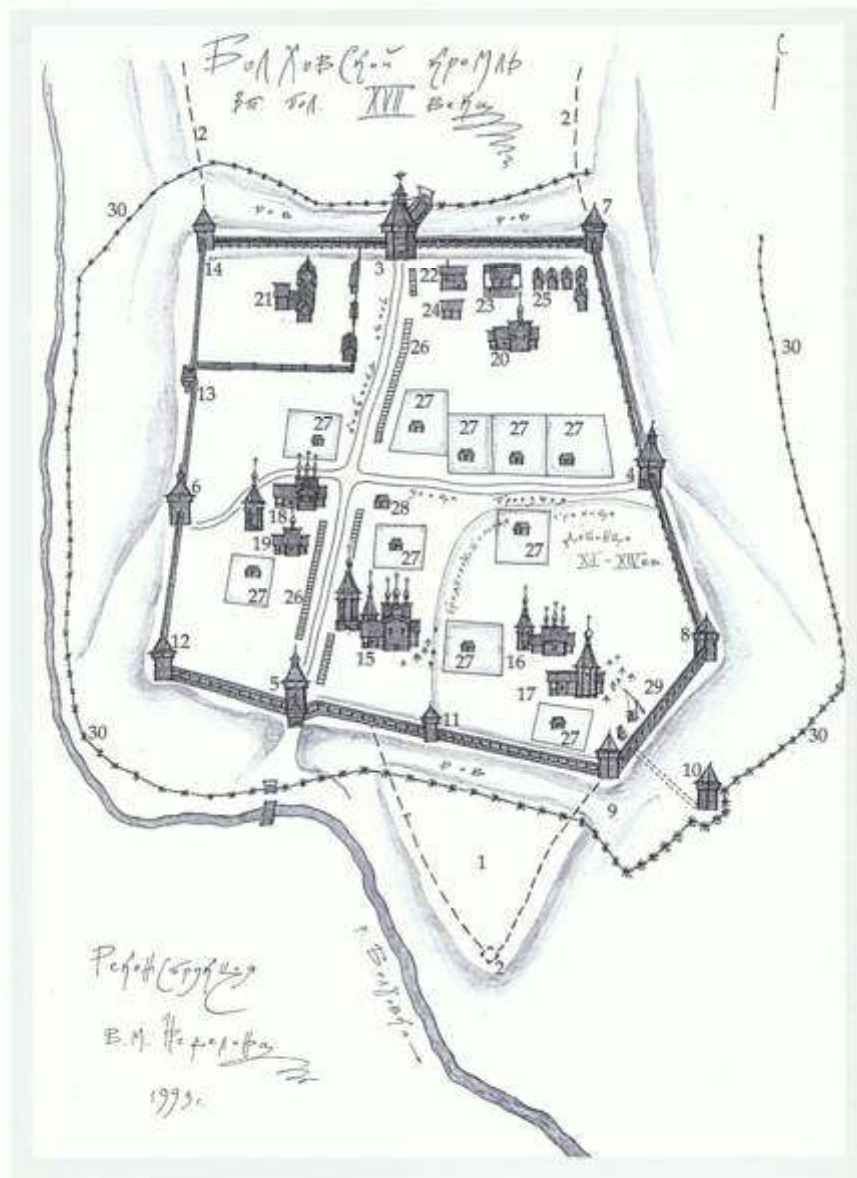
Болховский кремль в плане представлял неправильный пятиугольник и был обнесен острожной стеной с обламами протяженностью 448 сажен (около 954 метров). В крепость вели трое ворот: Никольские, Пятницкие и Егорьевские, среди них наиболее высокой была Никольская башня, увенчанная дозорной вышкой с вестовым колоколом. Перед башней для защиты воротного проезда была устроена

Прорись чертежа и цифровые обозначения вместо надписей на оригинале выполнены автором.

Чертеж города Болхова, зделан против того чертежа, который взят из военной коллегии, чертил инженерной роты ученик Сергей Вибарисов.

- 1 - Церковь соборная Преображения Господня;
- 2 - церковь Св. Иоанна Предтечи;
- 3 - церковь Троицы и Пятницы;
- 4 - церковь Св. Николая Чудотворца;
- 5 - церковь Св. Козьмы и Дамиана;
- 6 - церковь Св. Николая Чудотворца;
- 7 - башня Никольская;
- 8 - приказная изба;
- 9 - двор воеводский;
- 10 - кабак;
- 11 - двор пустой попов;
- 12 - двор соборного распоя;
- 13 - двор соборного протопана;
- 14 - двор дворников;
- 15 - двор попа Пятницкого;
- 16 - двор попов и дьячков;
- 17 - дворы попов;
- 18 - двор попа Никольского;
- 19 - тайник.

отводная стрельница, к которой под углом, для удобства обстрела и обороны, подходил перекинутый через ров мост. Позднее четырехугольную тронную Никольскую башню заменили шестиугольной. Остальные башни крепости были глухими: Наугольная от реки Нугрь, Зиновьевская, Старая (Новая) на тайнике, Малая на городище, Алексеевская (Новая), Афанасьевская и Никитская. Крепость окружал честик, поставленный вдоль рва и у подножья горы. Он отсутствовал только с юго-восточной стороны: склон горы в этом месте был достаточно высок и обрывист. Для водоснабжения служили осадный колодезь внутри крепости глубиной 9 сажень (около 19 метров) и тайник (подземный ход) длиной 23 сажени (около 49 метров), спускавшийся с горы к колодезю у основания горы, над которым стояла башня [16].

Внутри кремля высились два деревянных собора – Спасо-Преображенский и Никольский. В 1671 году¹ вместо деревянных храмов на средства стольника Ивана Ивановича Ржевского возвели кирпичный Спасо-Преображенский собор. После героической гибели И.И. Ржевского при обороне от турок крепости Чигирин его погребли в построенном им храме. Вскоре здесь же похоронили и его сына Тимофея Ржевского, убитого во время Астраханского бунта 30 июля 1705 года [17].

¹ По другим данным, в 1661–1667 годах.

Все остальные церкви кремля были деревянными “клецкими”: Свв. Иоанна и Анны с приделом Свв. Козьмы и Дамиана, и Живоначальной Троицы. Еще одна церковь – Св. Параскевы Пятницы имела шатровое завершение и выделялась по сравнению с прочими своей высотой [18]. Традиционно Пятницкие церкви ставили на городском торгу или близ него.

Кремль крест-накрест пересекали две улицы: одна шла от Никольских до Егорьевских ворот, другая начиналась у Пятницких ворот и упиралась в Никитскую башню. На пересечении улиц стоял кабак, где “отводили душу” местные служилые и жилецкие люди. Кабак в Болховском кремле появился, вероятно, во второй половине XVII века, поскольку в Писцовой книге 1624–1625 годов он здесь не упоминается; ранее он размещался на площади у церкви Св. Николая Чудотворца, вне кремля. По обе стороны улицы, тянувшейся от Никольских до Егорьевских ворот, выстроились многочисленные торговые лавки, полки (прилавки) и столы, где велась торговля, за что их владельцы обязывались платить в государеву казну определенный оброк. Всего здесь находилось: “71 лавка с поллавкою, да анбар, да 2 лавки пустых, да 7 мест лавочных..., 11 полков да место полочное..., 5 столов серебришков” [19]. Остальную территорию кремля занимали дворы священников и церковного причта.

Схематический план Болховского кремля во второй половине XVII века.

Реконструкция автора.

1 – “Городище пустое” – территория, входившая в состав кремля во второй половине XVI – начале XVII века; 2 – трасса крепостной стены второй половины XVI – начала XVII века.

Ворота: 3 – Никольские; 4 – Пятницкие; 5 – Егорьевские; 6 – Афанасьевские (забылены). Башни: 7 – Наугольная от реки Нугрь; 8 – Зиновьевская; 9 – Новая близ тайника; 10 – Тайничная (над колодезем); 11 – Малая на городище; 12 – Новая (Алексеевская); 13 – раскат; 14 – Никитская.

Церкви: 15 – Спасо-Преображенский собор; 16 – Троицы с приделом Св. Параскевы Пятницы; 17 – Св. Иоанна Предтечи; 18 – Свв. Козьмы и Дамиана; 19 – Св. Николая Чудотворца; 20 – Св. Николай Чудотворца у приказной избы.

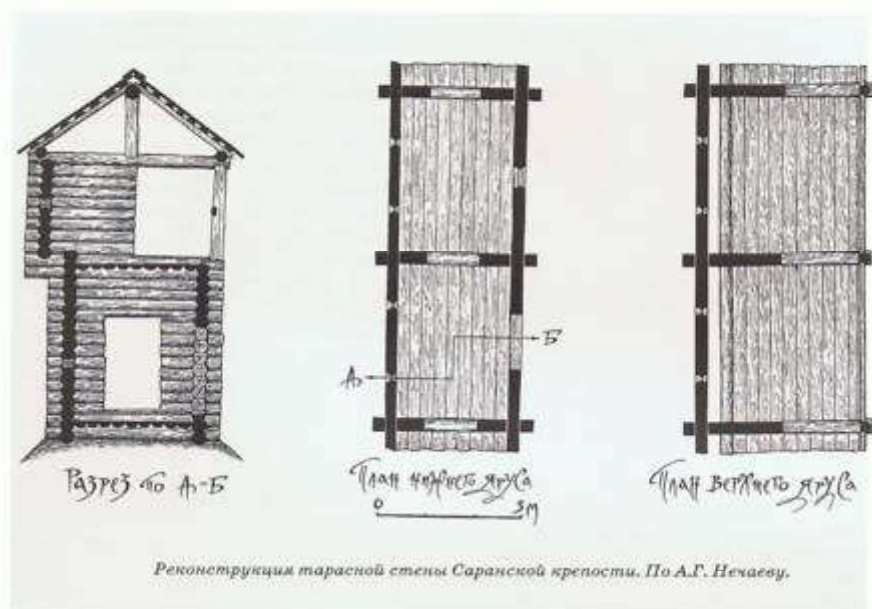
Прочие постройки: 21 – воеводский двор; 22 – приказная изба; 23 – острог (тюрьма); 24 – казенный пороховой погреб; 25 – житницы; 26 – торговые лавки, полки (прилавки) и столы; 27 – дворы церковного причта; 28 – кабак; 29 – колодезь и вход в тайник; 30 – честик.

Раскосная тарасная стена крепости Короткий.
По Г.А. Каримову.

В северо-западном углу крепости помещался воеводский двор. К середине XVII века его постройки значительно обветшали, что послужило причиной жалобы воеводы Кузьмы Анфимова: "И двор, государь, где я, холоп твой, живу, худ, хоромы огнили, обволялись и лошадишкам пристрою вет и городба (ограда. - В.Н.) дворовая вся погнила и разволилась, жить не мочно". В пришедшей в августе 1654 года в Болхов указной грамоте К. Анфимову было указано: "И ты б, на том же месте или где пригоже, велел поставить избу да клеть, да меж ими сени и конюшню и баню, без чего быть не [мочно], тушними посацкими и уездными сошными людьми, которыми преж сего тот двор строен, а во что то дворовое строенье станет и какими людьми зделавши, и ты б о том нам отписал с ыными нашими делы" [20]. Подробное описание новопостроенного

воеводского двора содержится в Росписном списке Волхова за 1698 год: "Воеводской двор строен по указу великого [осу]д[а]ря и по грамоте из Розряду за приписью дьяка Богдана Ступина болховскими грацкими и уездными людьми. На том дворе хоромного строения: горница с комнатою, против горницы - повальша (повалыша, - В.Н.), меж ими сени, под горницею мшениник, под комнатою жилой подклет, под повальшею - мшениник, подо мшениником - погреб, побочь (сбоку. - В.Н.) комнаты, баня на режах, а от комнаты к бане сени, а те хоромы крыты все лубьем и дранью. Да на том же воевоцком дворе построена канюшня в забор и покрыта луб[ь]ем и дранью. Подле конюшни сарай покрыт лубьем и дранью, а в нем ледник, подле того сарая ворота створчатые, крыты луб[ь]ем и дранью, от тех ворот огорожа в забор четыре звена, подле того забору

Реконструкция тарасной стены Саранской крепости. По А.Г. Нечаеву.

в стене больша изба (вероятно, для челяди. - В.Н.) крыта ветошным тесом (ветхим. - В.Н.), подле той избы в стене ж звено в забор, перед тою избою, з другой стороны звено в забор" [21].

Противоположный воеводскому северо-восточный угол крепости занимали разного рода складские казенные постройки и приказная изба, где находилось управление городом и уездом и велось делопроизводство. Она представляла из себя довольно обширную постройку, стоявшую на жилом подклете, к которой примыкали сени с двумя чуланами и крыльцом. Крыта была изба дранью. К 1696 году она обветшала, и воевода Семен Офросимов жаловался, что ему "в приказную де избу ходит[ь] и [осу]д[а]ря [е]вых и челобитчиковых дел делать негде". В том же году был получен указ на строительство новой приказной избы, и вскоре ее срубили заново [22].

Для хранения пороховой и свинцовой казны, а также разного рода военного снаряжения предназначался казенный погреб. В описи 1698 года дается следующее его описание: "Казенной погреб дубового лесу, мерою в длину и поперег по три сажени без четверти, в высоту тринадцат[ь] венцов. Перед погребом выход [длиною] трех сажени без четверти дубового лесу. Двери у погреба дощатая, у выхода решетчатая, погреб и выход мощены пластьем дубовым. Над погребом и над выходом сарай елового лесу, мерою в длину шти сажени, поперег четырех сажени, передняя стена стоячая решетчатая, крыт тот сарай лубьем, [а] сверху дранью". В погребе хранились следующие припасы: 41 пуд пушечного и ружейного пороха, 49 пудов свинца, 7 пудов фитиля, 30 774 дробины железные, 5000 рогулек, протазан, алебарда, латы, шишак, 87 банделиеров,

Разрез порохового погреба с чертежа крепости Кола. Начало XVIII века. Прорись автора.

2550 зарядных липовых трубок¹, 7 шпак и 45 пик [23]. В число прочих казенных построек входили амбар для хранения соли, 5 житниц и тюрьма, обнесенная острогом.

В 90-е годы XVII века вконец пришедшие в ветхость укрепления Волховской крепости были в последний раз перестроены и усилены. Вместо прежней острожной стены "по старой черте" поставили рубленую городовую стену с обламами высотой "трех сажен без полуаршина" до кровли. Число крепостных башен и их местоположение остались прежними, но из ворот оставили только одни – главные Никольские, остальные – Егорьевские и Пятницкие – заделали, что сделало труднодоступным выход к воде и вынудило болховитян самовольно прорубить калитки в крепостной стене. Старое городище в состав крепости тоже не было включено. Впрочем, крепость полностью так и не была окончена, большинство башен стояло без кровель, "изрешеченой", но не покрытой осталась и часть крепостной стены, что впоследствии привело ее к преждевременной ветхости [24].

Ознакомившись с архитектурой Волховского кремля, рассмотрим теперь собственно город и его застройку. К северной стене кремля примыкал так называемый

¹ Липовые трубки вставлялись в пушечные бомбы, и через них пропускался фитиль.

"старый острог" – часть посада, обнесенная во второй половине XVI века деревянной стеной. В годы Смуты укрепления сожгли, а потом так и не восстановили. Здесь стояли три деревянные церкви: Св. Николая Чудотворца с приделом Св. Пророка Ильи, Успения Богородицы с приделом Св. мучеников Флора и Лавра и теплая церковь Богоявления Господня. При храмах находились дома священнослужителей и церковных бобылей [25]. Остальную территорию старого острога занимали жилые двory местных служилых и жилацких людей. Здесь же, вдоль Большой Микольской (Никольской) улицы, пересекавшей весь острог, размещались "3 харчевни старых, да 3 места харчевных, да 2 места пустых харчевных, да харчевня новоприбыла" [26].

Сразу же за бывшими острожными воротами около "старово острожново рву" раскинулась довольно обширная площадь, где находились церковь Св. Николая Чудотворца, а также таможенный и кружечный двory (казенный кабак). Казенный кабак обычно сдавался на откуп, то есть кто-либо из состоятельных людей или несколько человек, объединившихся в своеобразную артель, вносили в казну сразу или в рассрочку оговоренную сумму, а затем, держа кабак, не только возмещали убытки, но и с дихвой возвращали потраченное. Кабак обычно сдавался в откуп на год, с его временными хозяевами заключался договор, и местный воевода выдавал им наказную память, где оговаривались их права и обязанности. Вот, к примеру, выдержка из наказа воеводы Федора Андреевича Елецкого болховским кабацким откупщикам (в 1611 году): "А будучи на кобаке, Степану, да Арсену, да Павлу (держатели заведения. – В.Н.) с товарищи тово беречи накрепко, чтоб на кобаке у всяких людей душагубства и смертного убойства не была, а пили бы всякие люди на кобаке смирно безо всякие зацепки. А которые люди, будучи на кобаке, учнут пить мед или вино или, напив,

Шатровая церковь Рождества Богородицы (1531 г.) в музее деревянного зодчества "Витославицы" под Великим Новгородом. Фото автора, 2009 г. Нечто подобное представляла из себя шатровая церковь Св. Параскевы Пятницы в Болховском кремле.

Тип русской деревянной "клецкой" церкви. Клецкими в XVI – первой половине XVII века была большая часть храмов Орловской земли. Реконструкция автора.

не учнут давать напойных денег, или учиница душегубс[тво] или смертное убойства, и старосте Степану Неуструеву, да Арсену Казакову, да Павлу Епифанову с товарищи тех людей, имея, приводить в съездею избю к воеводе князю Федору Одреевичю. Да и тово Степану, да Арсену, да Павлу беречи накрепка, чтоб в Болхове на посаде, и в стрелетцких, и в казачьих, и в ямских слободах, и в остроге никакие люди продажна никакова питья опроче кобана не держали (то есть не занимались самовольно изготовлением и продажей спиртных напитков. – В.Н.), а которые люди учнут опроче кобана держать продажное какое питье, и Степану, да Арсену, да Павлу с товарищи у тех людей то продажное питье вынимать с приставом и приводить тех людей к воеводе князю Федору Одреевичю...” [27].

Вдоль одной из сторон площади стоял кузнечный ряд – всего 20 кузниц [28]. Кузницы в русском городе являлись одной из первопричины большинства пожаров, поэтому их старались отнести подальше от городской застройки. Но Болхов рос, и со временем кузницы оказались едва ли не в его центре. Воевода С. Офросимов в своей отписке сообщал царям Ивану и Петру Алексеевичам: “А кузницы г[осу]д[ар]и построены в Болхове подле в[а]шних великих г[осу]д[ар]ей таможенного и кружечного дворов и подле Рождественского девича монастыря, промежи посацки[х] дворов и торговых лавок и близ городской стены”. Тем не менее, несмотря на все предосторожности, “красный петух” время от времени взмывал над посадскими дворами. По словам того же С. Офросимова, “и наперед, г[осу]д[ар]и, сего были в Болхове пожары великие, а загоралось от кузниц же”. Очередной “кузнечный” пожар произошел в Болхове в ночь с шестого на седьмое мая 1695 года, “часу в пятом”. Загорелась кузница посадского Якушки Иванова, отсюда огонь, пожирая все на своем пути, перекинулся на дворы и церкви

“старого острога”: где “агорело две церкви В[о]ркин Вознесения Господня да Николая Чудотворца да ...кружечной да таможенной дворы, да двор именитого ч[е]л[ов]ч[е]ка Григор[ья] Строганова¹ да Никиты Шутова, да три двора поповских, семьдесят два двора посадских людей, да семдесят девять лавок, да двадцать шесть кузеп”. После пожара воевода С. Офросимов вызвал Якушку Иванова на допрос, узнал, что тот работал в кузне наемни, что кузница загорелась от задней стенки и что сам кузнец прибежал на пожар вместе со всеми. Но выяснить, произошел ли пожар от небрежности мастера, “воровского зажога” или по какой-то иной причине, он так и не смог. Отчитавшись о последствиях пожара в Москву, воевода предложил перенести кузницы, как говорится, “от греха подальше”, за реку Болховку на пустырь позади Пушкарской и Посадской слобод. В ответной указной грамоте из Разряда ему предложили изготовить чертеж старому и новому кузнечным местам “за руками” (с подписями. – В.Н.) всех заинтересованных в переносе кузниц сторон [29]. Окончание этого дела не сохранилось, поэтому неизвестно, сумел ли воевода “учинить” чертеж и перенесли ли кузницы или это дело так и потонуло в московской приказной волоките.

Кремль и “старый острог” кольцом опоясывали посады и слободы. В междуречье Нугри и Болховки расположилась Пахотная слобода с упоминавшейся выше Никольской церковью “на площади” и церковью Св. Сергия Радонежского. Некоторые улицы в слободах имели названия. В Писцовой книге Болхова 1624–1625 годов упоминаются: Микитская (Никитская) улица, Большая Пахотная Микольская (Никольская) улица, Никольский переулк в Большой Пахотной слободе,

¹ Строганов Григорий Дмитриевич (1656–1715) – крупный уральский солепромышленник и купец. Надо полагать, что приказчики Г.Д. Строганова закупали в Болхове кожаные изделия и вели торговлю солью.

Христорожественская церковь в Болхове.
Фото автора. 2008 год.

тушек от площади "э Большой Никольской улицы", Никольская "меньшая" улица, Рождественская улица, Пречистенская улица (от Покровской церкви к площади), Сергиевская улица (от Сергиевской церкви к площади), Рождественский переулок. Здесь же находился Рождественский женский монастырь с деревянным Христорожественским собором и 13 кельями [30]. Предположительно в конце XVII века игуменья Анна заменила деревянный храм на кирпичную соборную церковь во имя Рождества Христова с теплым приделом Владимирской Божией Матери. В 1701 году над Святыми воротами монастыря возвели кирпичную

надвратную церковь Св. Алексея Митрополита¹. Несколько ниже монастыря по берегу реки Нугрь находилось урочище Вшивая горка, где стояли дворы посадских людей, "а до разоренья (до 1611–1618 годов. – В.Н.) на том месте дворов не было, поселились вновь приходцы разных городов". Вдоль речушки Клетечны протянулась Ямская слобода с Покровской церковью, здесь же "по реке по Нугре по берегу от речки от Клетечны [находилась] слободка, что изстари живали затинщики" [31]. Подобное местоположение Затинной слободы довольно странно, обычно затинщиков селили вместе с пушкарями.

На противоположном берегу речки Болховки располагался небольшой посад, где высилась Благовещенская церковь с приделом Св. Никиты Мученика. Ниже посада вдоль речки протянулась Пушкарская слобода с церковью Св. Афанасия и Кирилла Александрийских, а еще ниже, почти на устье Болховки, устроилась Стрелецкая слобода с Георгиевской церковью. Ранее рядом с ней стояла еще церковь Св. Апостолов Петра и Павла, но она сгорела в 1617 году. Близ Деевского моста через Нугрь, у которого в годы Смутного времени не раз случались бои с литовцами, помещалась Казачья слобода. Ранее стоявшую в ней Введенскую церковь в 1608 году сожгли литовцы, "попа и дьячка и пономаря убили литовские ж люди".

Противоположный берег реки Нугрь также занимала Казачья слобода с тремя церквями: Архистратига Михаила и Воскресения Христова с приделом Св. Николая Чудотворца. Третья церковь – Св. Иоанна Милостивого стояла "пуста без пения". Рядом с ней находилось "место церковное, что был теплой храм архидиакона Стефана, попа и дьячка, и пономаря, и проскурницы нет, запустело в 7130 (1622. – В.Н.) году, поп з братиею з бедности [ушел] безвестно" [32].

¹ В 1764 году Христорожественский женский монастырь был закрыт по сокращению монастырских штатов, в настоящее время это обычная приходская церковь.

Всего же в Болхове в 1624–1625 годах насчитывалось 18 приходских и соборных церквей и 3 места церковных пустых, кроме того три церкви (соответственно 1 и 2) находились в Рождественском девичьем и Рождество-Богородичном Оптином монастырях. Все храмы были деревянными и по большей части "клецкого" типа [33].

Вдоль низменного берега реки Нугрь тянулась кожевенная слобода, "а в ней дворы посадских людей". Реку перегораживала откупная мельница, неподалеку от которой находилась откупная же баня. Мельница и баня сдавались в аренду, и за пользование ими временный владелец платил в казну определенную сумму – "откуп" [34].

Всего на Болховском посаде в 1624–1625 годах насчитывалось "в уликах и в переулках сто тритцат[ь] четыре двора тяглых (плативших налоги. – В.Н.) да тритцат[ь] дворов бобыльских да дватцат[ь] один двор пустых, да шездесят восемь мест дворовых пустых, да три двора оброчных, да двор посацкий на тяглой земли обелен, оброку с посацкими людьми с того двора не платят" [35]. Остальные городские дворы, около 200, были "обеленными"

и принадлежали стрельцам, пушкарям и казакам, которые налогов не платили, служба взамен "государеву ратную службу". Согласно отписке воеводы Ивана Ладыженского в 1631 году в городе насчитывалось 385 человек боеспособных жителей [36], с учетом же женщины, детей и стариков население Болхова в это время составляло примерно 2000 человек. К этому числу надо еще прибавить 304 уездных крестьян, сбегавшихся "в осадное время" в город.

На высоком холме за речкой Клетечной на восточной окраине города высилась Рождество-Богородичный Оптин монастырь, восстановленный после "литовского разоренья" (1613 год) около 1620 года. По Писцовой книге 1628 года, в нем находились две деревянные церкви: Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Ильи Пророка, "да в монастыре ж келия, а в ней живет игумен Серапион да с ним старец Роман, да келия и в ней живут два старца да пономарь, да нищие". На столбах возле храмов висели два колокола [37].

Судьба прежде бедствовавшей деревянной обители изменилась во второй половине XVII века. В 1648 году царь Алексей

Портреты царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской.
Рисунок А. Мейерберга. 1662 год.

Троицкий собор Троицкого Оптина монастыря. Южный фасад. Вид до реставрации. Фото 80-х годов XX века.

Реконструкция Троицкого собора Оптина монастыря по состоянию на конец XVII века. Фрагмент дипломной работы Т.М. Журбиной. Руководитель – доцент В.М. Неделкин. Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова.

Михайлович женился на дворянке из небогатого рода Милославских – Марии Ильиничне (1625–1669)¹. Вотчины Милославских (с. Ильинское) находились в Болховском уезде, а в Рождество-Богородичном монастыре издавна хоронили их предков. В частности, здесь был погребен отец царицы боярин Илья Милославский. С возвышением Милославских в бедную обитель посыпались щедрые дары, позволившие развернуть в ней каменное строительство. В 1668 году в монастыре началось строительство Троицкого собора – первый каменный постройки на Орловщине, по которому и сама обитель стала именоваться Троицкой. Но вследствие кончины в 1669 году главной вкладчицы Марии Ильиничны строительство затянулось вплоть до 1688 года. Благоприятное положение к родине царицы было столь велико, что в 1681 году ее сын царь Федор Алексеевич хотел учредить в Болхове новую епархию, в состав которой вошли бы города Мценск,

¹ Мария Ильинична вышла замуж за царя Алексея Михайловича Романова в январе 1648 года. За 21 год совместной жизни она родила царю Алексею Михайловичу 13 детей. По странной иронии судьбы дочери росли крепкими и здоровыми, а сыновья – слабыми и болезненными. При жизни Алексея Михайловича скончались двухлетний Дмитрий, четырехлетний Симеон и шестнадцатилетний Алексей. У Федора Алексеевича были большие ноги (умер в 21 год, царствовал с 1676 по 1682 год), а Иван Алексеевич страдал плохим зрением и головными болями (скончался в 30 лет, царствовал с 1682 по 1696 год). В то же время царица Мария прожила 63 года, Евдокия – 62, а Софья Алексеевна – 47 лет, и это при том, что последние годы своей жизни она провела в заключении [33].

Царица Мария Ильинична Милославская. Литография XIX века.

Новосиль, Карачев, Кромы и Орел [39], но за последовавшей в следующем году его смертью это так и не было осуществлено. Тем не менее, пока в силе был род Милославских, обитель процветала: был заложен еще один каменный храм – теплая Рождественская церковь, а с северной стороны обитель начали обносить кирпичной оградой со Святыми воротами [40].

БОЛХОВСКИЕ ЗАСЕКИ.

Вторая половина XVI – первая половина XVII века

“Мы въехали в глубь леса по узкой просеке и ехали по нему около одной большой мели, причем лес был справа и слева от нас. Нам рассказывали, что в этом лесу в старину, когда татары нападали на эту страну нечаянно, скрывались жители прилегающих к нему селений и спасались от татар, которые возвращались, обманутые в своей надежде, потому что даже пеший, тем более всадник, не может пробраться сквозь этот лес по причине густоты деревьев. С того времени жители запретили кому бы то ни было под проклятием вырубать хотя бы одну ветвь в этом лесу, составляющем для них надежное убежище. После того мы въехали в узкий проход через ворота и деревянные укрепления с башнями посредине и со стеной из окружающих, связанных между собой бревен, идущей справа и слева на большое протяжении...”¹

Архиепископ Павел Алеппский. 1654 год [1].

Засеки – преграды из срубленных и поваленных друг на друга деревьев – издавна применялись русским народом в борьбе как против захватчиков, так и в собственных междоусобицах. Впервые засеки упоминаются в летописях в XI веке, хотя несомненно, что наши предки применяли их с древнейших времен. Засеку обычно рубили в глубине леса, чтобы она не была видна с опушки, а деревья валялись кроной в ту сторону, откуда ожидали появления неприятеля. Стволы подрубали как можно выше от земли, “сколько топором достать можно”, так что торчащие пни создавали дополнительную преграду, причем ствол не отделяли от пня совсем для того, чтобы завал труднее было растащить.

Дно речек, протекавших через засеку, забивали кольями и иногда для большей непроходимости посыпали “чесноком” – железными рогульками, о которые кони ранили себе ноги.

Вурелом из спутанных ветвей, древесных стволов, поваленных друг на друга, и торчавших пней представлял трудно проходимую преграду для пеших и совсем непроходимую для кавалерии и обозов. Засеки иногда простирались на сотни верст в длину, а в ширину достигали нескольких десятков сажен, как, например, сооруженная во второй половине XVI века

¹ Здесь дается описание Бобринской засеки, находившейся на большой дороге из Болхова в Белес и шедшей вдоль речки Бобрин (сейчас Белесский район Тульской области).

Большая Засечная черта, протянувшаяся от Брянских лесов до Рязани. На наиболее опасных направлениях частую рубилась несколько засечных полос, шедших параллельно друг другу. Все проезды и дороги сквозь засеки укреплялись башнями, воротами и специально построенными крепостными острожками, куда присылались в летнее время или по военным вестям “годовать” (на временную службу) отряды стрельцов и казаков.

Были засеки и на территории нынешнего Болховского района. Одна из них, так называемая Болховская Звенигородская засека, находилась недалеко от села Однолук на реке Березуй и прикрывала подступы к городу с юга [2]. Одним своим концом она примыкала к реке Нугрь западнее Болхова, а другим упиралась в Оку. Засека представляла из себя лесной завал, единственный проезд через который был укреплен башней с воротами, стоявшей на дороге, соединявшей Орел и Болхов. Впрочем, эту засеку правильнее было бы называть Болховско-Белесовой, поскольку ее восточная часть проходила по земле Руцкого стана Белесового уезда, который глубоко клином врезался между Болховом и Мценском (территория, где находятся села Тельце, Студенниково, Дешкино и другие, сейчас Мценский район). Судя по описаниям, засека не представляла собой непрерывное ограждение – это была цепь небольших засек протяженностью от версты (1065 м) до двух верст (2130 м), перекрывавших в основном долины ручьев и малых речек: Смородиновский Верх, Орлов Верх, Липовка (Липовица), Кобылья Лука, Русинов (Русинов Колодезь), Горюденка и других [3]. В глубь больших лесов крымские татары соваться боялись, поэтому делать сплошной завал не было нужды, достаточно было перекрыть дороги, безлесные пространства, долины ручьев и засеку тропинки. Ширина завалов составляла полверсты (около 532 м), “а инде больше, а инде меньше”. Можно предполагать, что еще одна башня с воротами стояла

на большой Мценской Кулутинской дороге, соединявшей Болхов с Мценском. Засека неплохо защищала окрестности города от татарских набегов, но ее укрепления не помогли русской рати во время сражения с войсками Лжедмитрия II 11 мая 1608 года¹.

После Смутного времени (1604–1612) засека так и не была восстановлена, уцелевшие лесные завалы сгнили, и в Писцовой книге Руцкого стана Белесового уезда о ней говорится как о бывшей, а прежде неприкосновенный засечный лес стал использоваться местными крестьянами и вотчинниками для “дровяного дела” и “хоромного строения”.

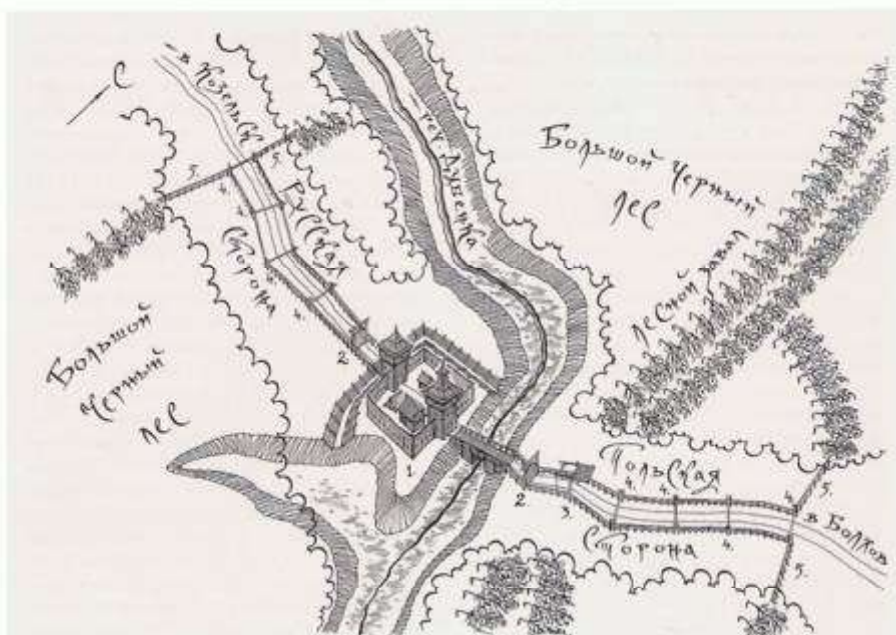
Одно из звеньев Большой Засечной черты – Дубенская засека², названная так по реке Дубенка, заходила на территорию Болховского района у села Середичи и деревни Городок. О том, какой была Дубенская засека в XVI веке, дает представление ее опись, составленная князем Дмитрием Петровичем Горчаковым и козельским головой Иваном Даниловичем Щербачевым в 1638 году, когда московское правительство начало восстанавливать запущенные и частично разрушенные в годы Смутного времени сооружения Большой Засечной черты.

Дубенская засека представляла собой лесной завал, протянувшийся на 17 верст. Она стыковалась на западе с Кпрынской, а на северо-востоке со Столпецкой засеками. “Лес черной верст на 40 и на 50 и больши и в тех лесах, и в засеке многие речки и болоты, и мшары, и топкие места, и колодези, и озера”, – указывалось в описании.

Единственная дорога через засеку была укреплена. На дороге стояла деревянная проезжая башня, подъезд к которой с обеих сторон преграждали двое створных ворот, ворота опускные и 9 колод опускных.

¹ Подробнее об этом рассказано в главе “Болховский бой. 10–11 мая 1608 года”.

² В военно-административном отношении Дубенская засека в XVI–XVII веках входила в Козельский уезд, сейчас эта территория принадлежит Болховскому району.

Схематический план Дубенской засеки. 1638 год. Реконструкция автора с использованием материалов С.А. Рябова.

(см.: Рябов С.А. Здесь государевым "украинам" было бережение. Российское пограничие, особый объект культурного наследия. М., 2007. С. 142).

- 1 – Острожек; 2 – ворота створные; 3 – ворота опускные; 4 – колоды опускные; 5 – отводные надолбы.

Для того чтобы их нельзя было объехать, по обеим сторонам дороги на протяжении 155 сажен (около 330 м) были вбиты надолбы в два ряда, соединенные наметом – горизонтальными брусками, а башня соединялась с лесным завалом отводными надолбами длиной 35 сажен (74,5 м), поскольку для удобства обороны и предохранения от поджога во время неприятельской атаки лесной завал непосредственно к башне не подходил. Но к тому времени, когда составлялась опись, «башня и ворота, и надолбы, и все те крепости погнили» [4].

Кроме того, воеводы обнаружили четыре тропинки, проходившие через засеку, и выяснили, что их устроили бежавшие со службы из Мценска болховские дети боярские Семен Федоров и Алексей Владимиров сыновья Спесивцевы и Антон Кузьмин сын Вулков, которые ехали «теми стежками насильством» и даже «сметали надолбы». Воеводы послали к ним с выговором сына боярского Федора Износкова и пушкаря Волотку, но болховитине «учинились сильны», стали «лгать» (ругать) посланных и гонялись за ними с саблями, вопя: «Мы де и прежде

сево теми стежками ездевали, и впредь де нам ими ездить!»

Щербачев и Горчаков отписали о проделках обнаглевших «нетчиков» (дезертиров) в Разряд, и оттуда выслали во Мценск к воеводе князю Михаилу Пронскому указ: сыскать этих детей боярских, хорошенько выдрать их плетью и бросить в тюрьму денька на три, чтобы «им вперед не воровать, заповедными стежками не проезжать», после чего выпустить из узилища, но только на крепкие поруки [5].

На восстановление Дубенской засеки по распоряжению Разряда было велено направить 15 калужских детей боярских и 633 деловца с калужского посада и из уезда с 133 лошадьми. До 26 апреля калужский воевода Илья Стрешнев прислал всего 8 человек детей боярских, дьячка, трех пушкарей и ни одного деловца [6]. К 6 мая из Калуги прибыли еще 37 деловцев и 8 лошадей, кроме того в дворцовой Верхоруцкой волости приказчиком Митрофаном Коробовым были собраны еще 100 человек с топорами, но без заступов [7].

Людей явно не хватало, надо было как-то выходить из положения, и Дмитрий Горчаков поехал в Козельские дворцовые села, где потребовал от крестьян подвод для работ на Дубенской засеке и сбора ополчения для ее охраны. Местные мужики уже работали на восстановлении Кцынской засеки, и лишнее тягло было им совершенно ни к чему. За них заступился дворцовый приказчик Иван Косагов и пожаловался на действия Горчакова в Разряд. Оттуда князю напомнили, что ему вовсе не велено брать деловцев с козельских дворцовых сел, а ополчение нужно набирать только в случае получения известия о подходе татар, а поскольку таких вестей нет, то и дергать людей нечего. В заключение Горчакову вкатили выговор: «... ты то делаешь негораздо мимо нашего указа для своей бездельной корысти. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед в Козельские в дворцовые села х крестьяном никаких для дел не везежал

и... дворцовых сел крестьяном никаких надог не делал, и даточных людей без больших вестей с них к засеке и подвод и кормов никаких на крестьянх не имал, и тесноты (притеснений. – В.Н.) и налоги крестьяном ни в чом... не делал». За своеволие князю пригрозили денежной пеней и опалой [8].

В середине мая у Дмитрия Горчакова и Ивана Щербачева имелись в наличии 42 человека с 9 лошадьми (и ни одного человека с калужского посада) и 100 человек с Верхоруцкой волости (против положенных 648 человек и 133 лошадей), и они старались использовать их, как могли. Горчаков отчитывался о проделанной работе в Тулу, где размещалось общее руководство работами на Большой Засечной черте: «И мы, господа, теми пососными людьми башню срубили и лесу изготовили на всякие крепости. А лес секли от Дубенских ворот верст а 10 и а 12 с русские стороны. А возить тое башни и лесу на всякие крепости не по чем. А оприч тех 9 лошадей, у нас иных лошадей нет ни одной... А Дубенские, господа, ворота – место приточное (проходное. – В.Н.), преже сево татарове хаживали» [9]. В ответ из Разряда обещали прислать вскоре работников, торопили со строительством и угрожали наказанием воеводам за посулы (надо полагать, за освобождение от работ), если они их вздумают брать [10].

Во второй половине мая работы на засеке шли все еще весьма вяло, главным образом из-за отсутствия лошадей. Воеводы жаловались: «Пососные люди на засеке гуляют, делать им нечего, потому что лошадей нет, возить башни и лесу не по чем на всякие крепости». Успели только засеку и загородить надолбами с двух сторон алополучные четыре тропинки. Кроме того, Горчаков и Щербачев по государеву указу послали вельщиков в Верхоруцкую и Местилевскую волости с требованием, чтобы местные крестьяне приехали с пищалями для охраны засеки, но те заявили, что их односельчане и так

уже строят Дубенские ворота и лишних людей они не дадут. Впрочем, мужиков можно было понять: сельскохозяйственные работы были в разгаре, и бросать плуги, чтобы потом голодать зимой, им вовсе не хотелось.

В начале июня калужский воевода расщедрился и прислал еще 30 человек и целых 9 лошадей. Узнав о столь ненадлежащем исполнении своих обязанностей, начальство в Туле избеленилось и послало в Калугу выговор воеводе за то, что он "учинил мешкоту", и потребовало объяснений о причине неприсылки людей и лошадей [11].

Только в июле на Дубенскую засеку вместе крестьян-ополченцев прислали 48 солдат из полка Росформа под командованием поручика Юхома Смита (вероятно, англичанина) и кормового иноземца сержанта Андрея Гоконова. Вооружение солдат состояло из мушкетов, посошков с равилкой на конце, на которую оружие опиралось при стрельбе, шик и шлемов. Восьмого июля на Дубенскую засеку привезли даже пушку в станке и на колесах, к которой имелось 150 ядер весом по 3 гривенки и 11 пудов 10 гривенков пушечного пороха. Но, направив на засеку солдат, им забыли дать пули, порох и фитили, так что их мушкеты были годны только как дубины. Горчаков сообщал по этому поводу в Тулу: "А нам, с Москвы поруху и пулек и фетилу не прислано, давать им [солдатам] нечево, и в приход воинских людей тем солдатам стрелять нечим, и нам бы, господа, велеть нам о том указ учинить". Порох и пули для солдат прислали только к 1 августа [12].

Всего с Горчаковым и Щербачевым на восстановление Дубенской засеки работали 172 человека с 31 лошадей. Все работы окончили к 8 августа, после чего люди были распущены. Самое удивительное то, что, имея такое небольшое количество работников и "транспорта", воеводы построили укрепления гораздо лучше и надежнее тех, что были здесь ранее. В своей отписке царю они доносили: "И мы холопы

твои по твоему указу, теми посошными людьми Дубенскую засеку сделали, острог и две башни с воротами поставили и накрыли". Восстановленная засека была укреплена лучше прежнего. Заново возобновили завал, а на месте старой башни поставили небольшую крепостицу – острожек с двумя провадными башнями. В острожной стене мужики прорубили бойницы для пищалей, внутри крепости выкопали казенный пороховой погреб, поставили избу да клеть. С двух сторон острожек окопали рвами, стенки которых были вымощены дубовыми досками – "плосьем". С других сторон острог прикрывали "рвы самородные" (опраги) и леса. По обеим сторонам дороги, подхвачившей к острогу на протяжении 175 сажен (около 370 м), были забиты надолбы в два ряда, соединенные наметом. Для того, чтобы подыхать к острогу со стороны Дикого поля, надо было дожидаться, пока поднимут 5 колод опускных, претраждавших дорогу, проехать ворота опускные и створные, подождать, пока открякнут ворота острога, проехать через острог и пересечь речку Дубенку. Но это еще не все. Дорога на другом берегу также была огорожена с обеих сторон надолбами, а проезд по ней претраждали еще ворота створные да 4 колоды опускных. Для того чтобы укрепления нельзя было объехать, они соединялись отводными надолбами с лесным завалом. Саму засеку также возобновили. Общая длина лесного завала составила 32 версты (около 34 км) против 17 (около 18 км), бывших раньше, при ширине 20 сажен (около 40 м). На воеводской отписке, в которой содержался отчет о проделанной работе, в Разряде сделали помету: "[7]146 [года] августа в 16 д[ней]. Государь указал отписать: то ведомо, и что сделали; а вперед, как засеки дорубят и отпишут и на чертеж¹ начертят, и в то время про службу вашу уведаем, по указу ль учинено" [13].

¹ К сожалению, этот чертеж не сохранился.

Различные типы надолбов. Реконструкция автора.

Самому князю Горчакову засечные работы обошлись очень дорого и душевно, и физически: во второй половине сентября он серьезно заболел, "лежал болен при смерти" и попросил отпустить его с засеки домой, что, вероятно, и было исполнено.

Специально жившие при засеке засечные сторожа зорко следили за ее сохранностью. Сгоревшие во время лесных пожаров участки, пришедшие в ветхость укрепления немедленно возобновлялись. В засечном лесу запрещалось не только разводить костры, но и собирать ягоды, грибы, хворост. Делалось это для того, чтобы местные жители не протоптали тропинки, которыми могли бы воспользоваться лихие люди и татары. Виновных ждало жестокое наказание. Царским указом (1638 год) от воевод, ведавших засеками, требовалось: "чтоб в заповедный засечный лес никакой человек для бортовых ухажий (добычи меда. – В.Н.) и для рыбных ловель, и бобровых и выдряных голов и всяких угодий не ходил, и в заповедном лесу никаких порух не чинил; а которые люди учнут вперед воровать, в заповедном в засечном лесу, для бортовых ухажий и рыбных и бобровых и выдряных ловель и всяких угодий ходить, и тем людям быть в смертной казни без всякой пощады" [14].

Тем не менее, несмотря на угрозы, беспечное отношение населения, этот

русский "авось" сильно вредило обороноспособности засеки. Так, когда засеку осматривали еще Горчаков и Щербачев, они нашли на ней "порухи многия, и дорожки, и стежки, и борты, и всякия ухажьи (лесные промыслы. – В.Н.)". Воеводы провели расследование и выяснили, что "ходит де в тот государев в заповедной в засечной лес за бортьями, и за зверьми, и за бобры, и за выдры, и в реках и в озерах за рыбью Козельского уезда твоей государевой дворцовой бортной Местиловской волости села Шлохина с деревнями староста Гаврилка Михайлов с товарищи, да Кцынской волости бортные же твои государевы дворцовые крестьяне, Стенька Полуянов с товарищи, да Никольский поп Афонасий Сафонов". Причем особенно отличился священник: "Никольский поп Афонасий из заповеднаго засечнаго лесу не выходит, всегда ходит за бортьями и за зверьми и за пищальми и в реках и в озерах рыбу ловит беспрестанно и порухи [в засеке] многие чинит". По указу царя Алексея Михайловича было велено сыскать виновных в "засечных порухах" и учинить им наказание [15].

Со строительством засеки связан еще один эпизод. Крестьяне деревни Кирейковой повадились ходить к строителям засеки и к солдатам, которых вечно мучила жажда, и продавать им вино. Прослышав об этом, Горчаков приказал поймать "предприимателей", в числе которых

оказался и некий крестьянин Максимка, и, дабы им было неповадно, как следует отодрать их багатами, что и было исполнено. Но Максимка не унялся, видно, жажда легкой наживы перевесила страх перед наказанием, и он “вдруголядь” пришел к солдатам продавать вино. Узнав о повторном визите, Горчаков послал ловить Максимку сержанта с солдатами. Те отобрали у него вино (судьба конфискованного вина неизвестна), но задержать вино торговца не сумели – Максимка ткнул одного из солдат топором по руке, (слава Богу, руку не отсек) и удрал. Воевода послал в деревню сына боярского и засечного сторожа с требованием выдать Максимку и иных, виновных “в той винной продаже”, но мужики отказались – “учинились сильны” [16]. На их сторону встал и приказчик Митрофан Коробов, который велел впредь “бить до смерти” всех посылных, требовавших выдачи самогонщиков [17].

Руководивший восстановлением Большой Засечной черты князь Иван Борисович Черкасский, узнав обо всех обстоятельствах этого дела, отписал Коробову “с великим пристрастьем”: “И ты то делаешь негораздо – воров, которые в заповеди степки накладывают и порухи чинят, для своей бездельной корысти укрываешь. А по государеву указу, которые в засеках порухи делают и степки накладывают, и тем бывает большое наказание, а иным смертная казнь. А что ты воров укрываешь, и ты сам такой ж смертной казни достоин..., а только ты тех крестьян... на Дубенскую засеку ко князю Дмитрею Горчакову да к

Ивану Щербачову тотчас не отошлешь и учнешь их для своей бездельной корысти укрывать, и по тех мужиков пошлешь пристава и пушкарей, а велит тех мужиков сыскать мимо тебя и отослать на Дубенскую засеку, а тебя велит вкинуть в тюрьму до государева указа и воровство твое государю отпишем”. Кроме того, князь пригрозил приказчику денежным штрафом – выправить на нем “втрое” прогони пристава и пушкарей, посланных для ареста крестьян [18]. Чем закончилось это дело, неизвестно, но, надо полагать, свирепый тон княжеского приказа возымел действие, и мужиков-самогонщиков, а также других нарушителей “режима заповедной зоны” как следует отодрали плетью.

Почти одновременно с восстановлением Большой Засечной черты далеко на юге в 1637–1646 годах велось строительство грандиозной Белгородской черты; в результате восстановленные укрепления оказались тыловой линией. В последний раз Большая Засечная черта использовалась в 1659 году, когда после сражения под Конотопом крымские татары обошли с запада Белгородскую черту и вторглись в южные уезды России. Впоследствии оборонительные сооружения потерявших военное значение засек частью обветшали и развалились, частью были растащены местными жителями на дрова или погибли в огне лесных пожаров.

Сейчас только название деревни Городок, расположившейся на месте бывших засечных ворот, напоминает о некогда существовавших здесь укреплениях.

ВОЕВОДЫ РЖЕВСКИЕ И БОЛХОВ

Род Ржевских брал свое начало от удельных князей, сидевших в городе Ржеве, входившем в Смоленское княжество [2]. Впоследствии семья обеднела, утратила свои владения и княжеское достоинство. В 1648 году по случаю свадьбы царя Алексея Михайловича на Марии Ильиничне Милославской Ржевским, находившимся в родстве с царицей (Иван Иванович Ржевский приходился четвероюродным братом царице Марии Милославской, родство очень близкое по тем временам), были пожалованы обширные вотчины в Болховском уезде.

Одним из наиболее замечательных представителей этого рода был Иван Иванович Ржевский (около 1615–3.VIII.1678) – окольничий и воевода, пращур (отец шура. Щур – отец прадеда) А.С. Пушкина [3].

Послужной список Ивана Ивановича весьма впечатляет. Воистину, он служил “за Бога, Царя и Отечество”. В отличие от многих других лиц, занимавших воеводские должности в то время,

“Присылайте воеводою в Нежину доброго человека: Степан Иванович Хрущов не по Нежину воевода; давайте нам такого, как Иван Иванович Ржевский; и последний [бедняк] бы с ним теперь за великого государя рад был умереть”.

Из письма нежинского протопопа Симеона Адамовича боярину Артамену Сергеевичу Матвееву [1].

которые более думали не о “государевом деле”, а о собственном кармане, И.И. Ржевский был честен и справедлив, пользуясь любовью и уважением подчиненных и населения тех городов, где воеводствовал.

В 1640–1668 годах он дворянин московский. С 1649 по 1652 год И.И. Ржевский воеводствовал в Корочах [4], до начала 1658 года – в Обояни [5], где его полк участвовал в боях с татарами [6]. В 1658 году он отправлен на воеводство в Борисов, где пробыл всего несколько месяцев [7].

В 1659 году Ивана Ивановича послали в далекий Енисейск, в Сибирь, где он пробыл вплоть до 1664 года. Сохранившиеся воеводские отписки позволяют представить некоторые эпизоды службы И.И. Ржевского в этом городе. Так, 17 апреля 1660 года он сообщает о произведенных подвоедем поврежденных в Енисейском остроге, о том, что у людей хлеб вымыло из земли, и добавляет при этом: “и мне б холопу твоему, в том от тебя, великого государя, в опале не быть”.

ГЕРБЪ РОДА РЖЕВСКИХЪ.

Въ щитѣ изображенъ серебряное поле, изображена земля сѣна на золотомъ лѣвѣи и на правѣ райская пещера. Щитъ покрытъ малиною и шашкою принадлежавшии Князю Калескому донскому. Къ шашкѣ, плахи и шашки Калески срязаны и здравые дворянскому роду Ржевскихъ, въ помѣ что оный происходитъ отъ Князей Смоленскихъ, въ немъ сего показано, и нѣтъ и гербъ Смоленскихъ Князей.

В августе 1660 года по инициативе Ржевского в округе найдена слюда, а весной 1661 года "нашли на Витиме неясачных (не обложенных налогом. – В.Н.) людей и привели под руку царя". Примечательно доведение от 25 марта 1661 года Янова (документ попорчен и фамилия отсутствует) о том, как воевода приводил к присяге людей своих: "Твой, государев, воевода Иван Иванович Ржевский говорил и речью наказывал мне с великой жесточью и клятвою, взираючи на образ Божий и испущаючи слезы, чтоб нам и служить с великим радением". В других дошедших рассказывается о гибели людей на границе, о бегстве изменников, которые "поплыли для своего шарпанья к морю", о недосланном в Красноярский острог хлеба – очевидно, недород из-за половодья, о котором он писал раньше, не позволил Ржевскому отослать хлеб в этот острог [8].

Из Сибири Иван Иванович вернулся летом 1664 года и уже в следующем, 1665 году получил назначение в украинский город Нежин. Обстановка на Украине в то

время была сложная. Нежин в числе других городов Украины после изнурительной войны с Речью Посполитой по условиям Андрусовского перемирия (январь 1667 года) только что отошел к России, и новые власти не всегда находили понимание у местного населения, которое относилось к московским воеводам настороженно, а иногда и враждебно. Так, например, в 1667 году Иван Иванович, будучи приглашен на торжественный обед, вынужден был выслушивать от церковного деятеля Мефодия брань в адрес Москвы. Воевода не стал устраивать скандал и счит нужным уйти, не дожидаясь обеда [9]. Он подозревал, что в городе назревает мятеж [10]. Московский гарнизон в Нежине был малочисленным, и в случае чего воеводе оставалось только одно – героически погибнуть в бою. Но, по счастью, все обошлось.

Справедливость и доброжелательность И.И. Ржевского и вместе с тем, твердое, но без "жесточти" отстаивание им государственных интересов в конце концов сделали свое дело. Воевода стал пользоваться уважением местных жителей, а по окончании его службы Ивана Ивановича просто не хотели отпускать.

Правительство также по достоинству оценило его службу на столь непросто и опасном посту – в 1669 году И.И. Ржевского пожаловали чином думного дворянина, а в 1671 году ему даровали шубу атласную с золотым шитьем, два сорока соболей, золоченый кубок, а также на шестьдесят рублей увеличили оклад [11].

В мае 1672 года Иван Иванович был отозван из Нежина. Несмотря на то, что в правительстве понимали незаменимость И.И. Ржевского на этом посту, тем не менее вынуждены были пойти на, как сказали бы сейчас, вынужденную ротацию кадров – стандартный срок воеводской службы в одном городе составлял год-два, Иван же Иванович пересидел все мыслимые и немыслимые сроки. К слову сказать, назначенный на его место Степан Иванович Хрущев так не хотел ехать в Нежин и тянул с отъездом, что его вынуждены были

отправить в дорогу с приказным подьячим, то есть фактически под конвоем [12]. Жители города сразу же почувствовали разницу и заявили, что С.И. Хрущев "не по Нежину воевода; давайте нам такого, как Иван Иванович Ржевский..." [13].

Летом того же года, завоевавшего авторитет на Украине воеводу, вместе с боярином князем Григорием Григорьевичем Ромодановским направили в Конотоп на собрание Рады и избрание гетмана. Казаки выбрали малороссийским гетманом Ивана Самойловича.

После поездки на Раду Ивана Ивановича назначили в Земский приказ, а затем отправили воеводствовать в Великий Устюг, где он пробыл до 1674 года [14]. Двадцать пятого марта 1675 года его определили в товарищи (заместители) воеводы в Киев [15], но 9 мая того же года приказ отменили [16], а 14 мая его назначили товарищем воеводы в Курск, где сидел его старый знакомец Г.Г. Ромодановский [17]. Перед отъездом воеводе оказали особую царскую милость – 17 мая 1675 года он был "у руки" (на приеме) у царя Алексея Михайловича вместе со своим сыном Иваном и с офицерским составом Белгородского полка боярина князя Г.Г. Ромодановского, где присутствовали "генералы, и полковники и полуполковники [18]".

Шестого и двадцать четвертого августа 1675 года были отданы указы о направлении И.И. Ржевского с посольством в Белгород для последующего пограничного съезда "с литовскими людьми" ("с Яном Себежским") [19].

Тридцатого января 1676 года скончался царь Алексей Михайлович, и в его траурной процессии среди других придворных и думных чинов следовал и Иван Иванович Ржевский.

В 1676 году началась война с Турцией. Новый царь Федор Алексеевич, который относился к И.И. Ржевскому с глубоким уважением, направил Ивана Ивановича в Белгород в товарищи к князю боярину Г.Г. Ромодановскому. Вместе с отцом на службу поехал и его сын Алексей,

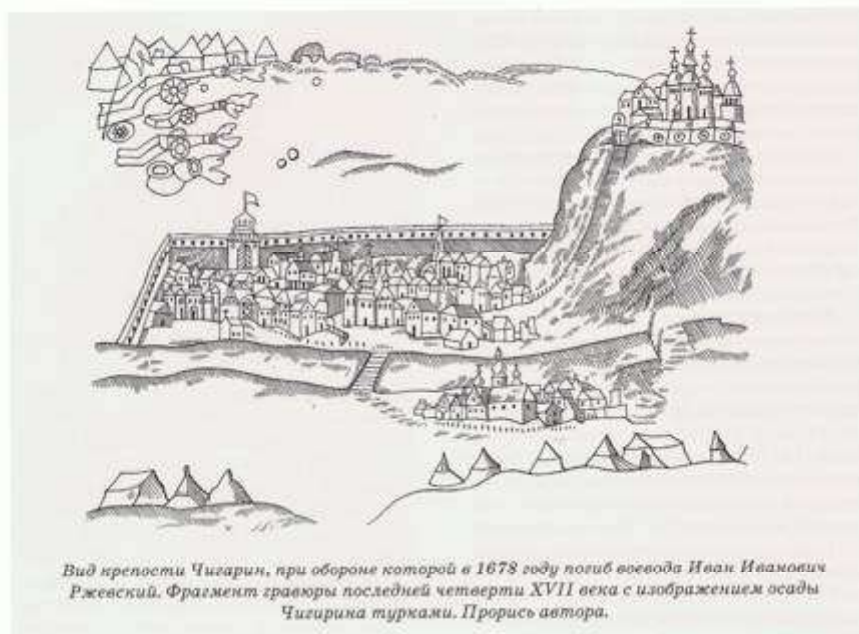

Печать думного дворянина и воеводы И.И. Ржевского.

назначенный, а свою очередь, в товарищи к отцу [20], а также его младший брат Иван. В Белгороде И.И. Ржевский находился с 24 мая 1676 года по 20 марта 1677 года. За это время в городе произошел пожар, во время которого сгорел воеводский двор со всем имуществом Ивана Ивановича [21]. Двадцатого марта 1677 года воевода получил новый чин – окольничего и новое направление – в товарищи к боярину и воеводе князю Ивану Борисовичу Троекурову в Киев [22].

Ранней весной 1678 года И.И. Ржевский вместе с полком выступил в крепость Чигирин, воеводой которой был назначен, и прибыл туда 17 марта. Воевода нашел крепость в бедственном состоянии: оборонительные сооружения были полуразрушены после прошлогодней осады ее турками¹, гарнизон – немногочисленным, хлебные

¹ Турецкая армия под началом Ибрахима-пашы осадила Чигирин 4 августа 1677 года. Оборону города возглавлял генерал Трауринхт. Двадцать восьмого августа турки потерпели поражение от русско-украинской армии Г.Г. Ромодановского и украинского гетмана Ивана Самойловича в сражении у Бужанской пристани, после чего сняли осаду, продолжавшуюся около трех недель. Их общие потери в боях и на штурмах составили около десяти тысяч человек. Более подробно об обеих осадах Чигирина можно узнать из книги Осевиди и участника тех событий шотландца на русской военной службе полковника Патрика Гордона (см.: Гордон П. Дневник. 1677–1678. М., 2005).

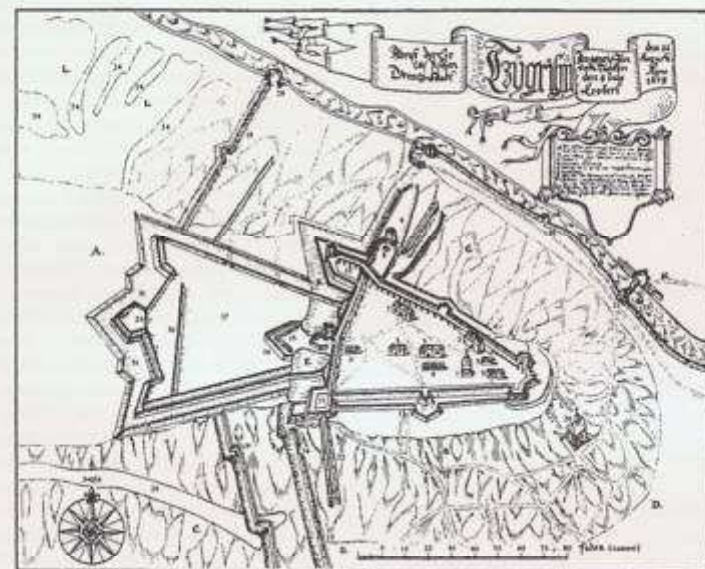
Вид крепости Чигирин, при обороне которой в 1678 году погиб воевода Иван Иванович Ржевский. Фрагмент гравюры последней четверти XVII века с изображением осады Чигириня турками. Прорисовка автора.

житницы пусты, вокруг города постоянно сновали татарские отряды. Иван Иванович деятельно взялся за починку стен и башен, снабжение крепости запасами и подготовку ее к обороне. Девятого июля к Чигирину подошла турецкая армия во главе с Карамустафой (125 тысяч человек), в рядах которой находился Юрий Хмельницкий, сын знаменитого гетмана, перешедший на сторону турок. Бой за Чигирин отличался исключительным ожесточением. Янычары сумели подвести осадные траншеи ("прищавцеваться") почти вплотную к укреплению, в результате гранаты и камни с крепостной стены в турецкие шанцы и обратно летели сплошным дождем, а ратные люди "близис с ними (турками. – В.Н.) на самой стене" [23]. Крепость с успехом держалась, отбивая непрерывные штурмы, но происшедшая трагедия во многом

предрешила исход осады: третьего августа погиб Иван Ржевский.

По словам полковника, шотландца на русской службе Патрика Гордона, это произошло при следующих обстоятельствах: "Около 2 часов пополудни турки взорвали мину (подземную галерею с пороховым зарядом. – В.Н.), отчего справа от брешли рухнула часть стены, и мгновенно приступили с 12 знаменами, стремились проникнуть внутрь. Тут у нас с ними два часа шла очень упорная схватка, прежде чем мы смогли изгнать их из брешли. В это время губернатор Иван Иванович Ржевский, находясь в старом замке и услышав взрыв мины, поспешил туда, но недалеко от своего жилища был убит тяжелой гранатой, осколком коей ему оторвало нижнюю челюсть [24]."

Последовавшее вскоре падение Чигириня (12 августа) во многом было связано

План крепости Чигирин. Последняя четверть XVII века. РГАДА.

с тем, что гарнизон потерял авторитетного и умелого руководителя. Его тело было вывезено из Чигириня 6 августа, еще до того, как русские войска оставили крепость, и захоронено в Болхове в построенной им Спасо-Преображенской церкви. Надгробная плита XVII века над его захоронением сохранилась до наших дней и вмурована в столп нижнего яруса Спасо-Преображенского собора (1841–1851), сменившего древний храм.

Ровно через четыре месяца после гибели отца, 3 декабря 1678 года, его сыновья и наследники Алексей, Тимофей и Иван, собравшись вместе в селе Богословском около Болхова, разделили между собой отцовскую вотчину [25]. Среди других владений старшему сыну Алексею досталось село Льгов в Карачевском уезде и село Утино – в Болховском. Позднее Льгов перешел во владение его брату Ивану,

а Утино – сыну Алексея Матвеем, который завещал его младшему брату Юрию, владевшему им до 1710 года [26]. По словам Н.К. Телетовой: "Сколько известно, это единственная вотчина И.И. Ржевского, доставшаяся по наследству его внуку – праправнуду Пушкина" [27]. Кроме сыновей у Ивана Ивановича была дочь Анастасия [28].

Судьба Алексея Ивановича Ржевского (кон. 1630-х–13.V.1690) – старшего сына прославленного воеводы – представляла собой пример блестящей карьеры и многообещающих перспектив, закончившихся горестно и трагически. После смерти отца он унаследовал довольно значительные вотчины в Болховском уезде, в том числе село Моховице (Моховицу)¹, где в свое время родился.

¹ В настоящее время село Моховица Орловского района.

Чин стольника он получил достаточно поздно, около 1662 года. Пять лет (1675–1680) Алексей Иванович служил воеводой в Вятке, впрочем, значительную часть этого времени он являлся им формально, поскольку находился то при отце, то в Москве. В 1682 году, а последний год правления царя Федора Алексеевича, он становится членом комиссии по уничтожению Разрядных книг и упразднению местничества, служившего причиной постоянных раздоров среди аристократии и причинившего в свое время весьма значительный вред как в управлении страной, так и в командовании армией [29]. Тогда же Алексея Ивановича пожаловали в окольничие.

Сразу же после стрелецкого бунта 15 мая 1682 года он 20 мая вместе с боярами князем Никитой Ивановичем Одоевским и Василием Семеновичем Волинским был поставлен во главе приказа Большой казны [30]. Его продвижению вверх по служебной лестнице способствовало и родство с первой женой царя Алексея Михайловича – Марией Ильиничной Милославской, он приходился царю Ивану V и царевне Софье братом в пятом колене. Это послужило одной из причин его возвышения, а в грядущем – падения.

В 1683–1689 годах А.И. Ржевский состоял среди самых именитых придворных при “разрядах”, распорядившись крестными ходами и праздничными мероприятиями, например встречей икон [31].

Между тем нарастало напряжение между фактической правительницей страны – царевной Софьей и молодым царем Петром I, вылившееся в ссору между ними во время крестного хода 8 июля 1689 года. Не дождавшись его окончания, Петр уехал сперва в Коломенское, а оттуда в Преображенское, поближе к своим “потешным”¹.

¹ “Потешные” – игрушечные, забавные. Войско, набранное для игр юного Петра из молодых людей и мальчиков самых разных сословий – от придворных до сыновей слуг.

Узнав о готовящемся на него покушении, он в ночь на 5 августа бежал в Троиц-Сергиев монастырь. Чем закончилось противостояние между Петром I и Софьей, хорошо известно. Покинутая войсками и большей частью придворных, она была вынуждена отдаться на волю своего царственного брата.

Последовали репрессии и в отношении людей, приближенных к царевне Софье, облаканных и возвышенных ею или виновных в том, что они слишком долго не являлись к Петру I в Троицу. Среди попавших в опалу оказался и А.И. Ржевский, у которого конфисковали имущество: “За многие вины Алексея Ржевского, животы его, Ржевского, которые поставлены в Троицком Сергиевом монастыре, взять на себя, великих государей (Ивана V и Петра I. – В.Н.) бесповоротно” [32]. В монастыре нашли два сундука и шесть тысяч рублей “из рухляди (вещей. – В.Н.) Алексея Ивановича Ржевского”, которые отдали стрельцам, оставшимся верными Петру I.

Наряду с конфискацией имущества А.И. Ржевский подвергся негласной ссылке, его послали воеводой в крепость Новобогородицк (основана в 1688 году) на границу с Крымским ханством [33], служба в которой была тяжела и опасна. На место назначения он поехал в сопровождении жены Анны Игнатьевны и сына, стольника Матвея, также получившего воеводскую должность.

Семья Ржевских прибыла в Новобогородицк осенью, а с февраля 1690 года там началась эпидемия чумы. Гарнизон частью вымер (к началу мая скончалось около 470 человек), частью разбежался. Воевода в своих отписках в Москву просил прислать новых людей для восполнения потерь, но посылать стрельцов в зачумленный город было безумием, да туда все равно никто бы не поехал.

Чувствуя, что он скоро разделит участь своих людей, Алексей Иванович

в начале мая послал в Москву своему сыну Ивану письмо-завещание, которое будучи четырежды переписано на чумных заставах (оригиналы каждый раз уничтожались), в конце концов дошло до Москвы. К тому времени Алексей Иванович был уже мертв. Он скончался 13 мая, примерно через десять дней после отправления письма.

В письме он сообщает о позитиве бедственном состоянии изверженной ему крепости: “До того дошло, что на карауле стоять некому не мочно, чтоб неприятельским людям отпор дать, если, от чего закрой Боже, и придут неприятельские люди – выданные (брошенные. – В.Н.) мы люди [34]”. В заключение он давал посмертный наказ сыну: “А будет волею праведною Божью случится мне смерть, и тебе бы жить незафатчево (незахватчиво – без жадности и стужательства. – В.Н.), так же как я жил... Да вам же приказываю с клятвю матери своей, а моеи жены Анны Игнатьевны ни в чем ей не яручинья и не гневайте и из воли не выступайте... А будет в[еликие] г[осудари] пожалуют, которые у Троицы (Троице-Сергиева монастыря. – В.Н.) взяты мои деньжиски и рухлядишка, отдать и на те бы деньги купить моим дочерям, а своим сестрам Аннушке и Машушке по вотчине...” [35]. В конце письма он просил младших братьев Тимофея и Ивана в случае своей кончины не оставлять вдову “Анну с ребятиками”. Алексей Иванович завещал похоронить его в родном селе Моховица.

Исполняя его волю, гроб засмолили и в сопровождении уцелевшей челяди отправили в дорогу. Но неподалеку от крепости Рублевка (близ Полтавы) обоз остановили. По приказу белгородского воеводы боярина Б.П. Шереметева, опасавшегося распространения заразы, всех людей Ржевского задержали и отправили назад, а гроб велели “отвести за речку Коломок в дальние безлюдные

Император Петр I.
(Портрет 30 мая 1692 г., гравюра 1710 г., оригинал в ЦДЛ, архивное фото 20 ноября 1992 г.)

Император Петр I.
Гравюра XVIII века.

места и погresti то тело в землю в глубокую яму” [36]. Телу, на которой велели гроб, сожгли.

После смерти мужа его жене Анне Игнатьевне и сыну Матвею Алексеевичу разрешили уехать из Новобогородицка. Они покинули это проклятое для них место в конце весны или летом 1690 года.

Второй сын Ивана Ивановича Ржевского – Тимофей (около 1640–30.VII.1705) являл собой полную противоположность отцу, был алчен, корыстолюбив и несправедлив. Его карьера началась в 1669 году, когда его пожаловали в стольники, и заключалась в основном в назначении в разного рода почетные караулы и поездки. В 1676 году по востребованию на престол царя Федора Алексеевича он

*Преследование русской одежды при Петре I.
Голландская гравюра начала XVIII века.*

был послан в Нежин принимать присягу у стоявшего там полка. Надо полагать, при этом исходили из того, что там ранее воеводствовал его отец Иван Иванович Ржевский, оставивший в Нежне о себе исключительно хорошую память. Третьего сентября 1679 года Тимофей вместе с братом Иваном был взят в свиту царя Федора Алексеевича для поездки на богомолье в Саввино-Сторожевский монастырь [37]. В правление царевны Софьи Ржевские пользовались значительными милостями, но ее падение привело и к падению их рода. По словам Н.К. Телетовой, «никогда более фамилия Ржевских не будет так приближена к русскому престолу [38]».

В отличие от старшего брата Алексея, попавшего в опалу, Тимофея Ивановича «чаша сия» миновала. В 1696 году

он служил вторым посольным воеводой при боярине Алексее Семеновиче Шенине во время Азовского похода, а в 1698 году вместе с ним участвовал в разгроме восставших стрельцов у Новоиерусалимского монастыря. В качестве награды он был назначен Петром I полковым и осадным воеводой в Астрахань. Будучи на воеводстве, он в 1702 году дополнительно укрепил город земляным валом с тремя деревянными башнями [39]. Тем не менее симпатий у астраханцев Т.И. Ржевский не снискал, его злоупотребления и беспощадное исполнение указов Петра I о бритье бород и ношении «немецкого платья» во многом спровоцировали начало знаменитого Астраханского восстания 1705–1706 годов. Позднее астраханцы в своей челобитной Петру I жаловались: «У мужска и женска полу русское платье обрезывали не по

подобию и обнажали перед народом, и всякое ругательство над ними и женским и над девичьим полом чинили, и от церкви отбивали, и их били, и усы и бороды ругавчи обрезывали с мясом» [40].

В результате против Т.И. Ржевского и его окружения среди астраханцев возник заговор, переросший в восстание, которое началось в ночь на 30 июля 1705 года. Мятежники ворвались в кремль, перебили начальных людей и иностранных офицеров и захватили власть в свои руки. Воеводу схватили не сразу, его долго искали, пока не нашли спрятавшимся «на воеводском дворе, за поварнею в курятнике», притащили на городской круг и после короткого суда «скололи» копыями [41].

Тимофея Ивановича похоронили рядом с отцом в Волховском Спасо-Преображенском соборе. Надгробная плита начала XVIII века над его захоронением уцелела и вмурована в один из столпов нижнего яруса соборного храма, где ее можно увидеть и сейчас.

Последний сын Ивана Ивановича, носивший фамильное имя Иван (около 1658–1717), ничем особенным не прославился. Первое упоминание о нем относится к 1675 году, когда он вместе с отцом присутствовал на царском приеме: «... мая в 17 день, были у великого государя у руки на отпуске (перед назначением. – В.Н.) думный дворянин Иван Иванов Ржевский, да с ним же отпущен сын его Иван Иванов сын Ржевский» [42]. Чин стольника он получил либо незадолго до, либо вскоре после смерти своего доблестного отца. В 1687 году Иван Ржевский участвовал в Крымском походе, а в 1696 году во время Азовского похода служил первым завоевщиком, то есть следовал за воеводой, ожидая его приказаний. После смерти старшего брата Алексея в его владение перешло село Льгов в Карачевском уезде. Умер он в Санкт-Петербурге и был похоронен на кладбище Александровской лавры [43].

БОЛХОВ в XVIII веке

"Город Болхов стоит на Нугре на левой стороне на горах красовито: град деревянный (кремль. – В.Н.) ветх уже, церквей каменных есть от малой части: монастырь хорош, от града якобы поприще; рядов много; площадь торговая хороша, хлеба бывает много, а дровами сильно довольно: люди в нем невежи, искусу нет ни у мужеска полу, не как Калуга или Белев, своемеры, дулены..."

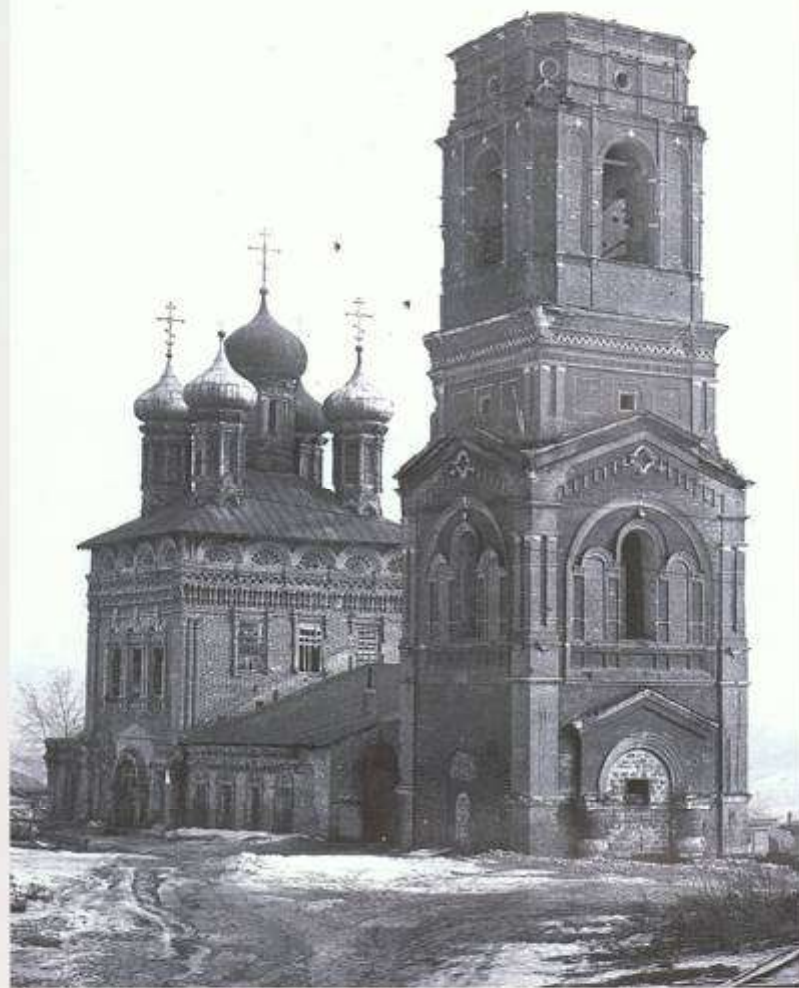
Иван Лукьянов. 1710 год [1].

В начале XVIII века Болховская крепость утратила какое-либо военное значение, а артиллерию и военные запасы из нее вывезли¹. В городе развивается кожевнный промысел, и в XVIII–XIX столетиях Болхов наряду с Ельцом становится одной из кожевнных столиц России.

Первое упоминание о Кожевенной слободе в Болхове содержится в писцовой книге 1624–1625 годов [2]. В 1719 году фискалы Свенской ярмарки доносили киевскому губернатору: "...В Болхове есть кожевнные заводы превеликие..." Число же мастеров-кожевников в городе в это время (1720 г.) составляло около 50 [5], а к 1797 году количество кожевнных заводов в Болхове достигло 107. В результате большая часть населения в той или

¹ В 1702 году в городе из артиллерийского вооружения имелось "19 пищалей к стрельбе не годится... Пищалей железных в расходе 4 – взяты из каширские железные заводы для переливки... Да взято же 5-я из Воронеж..." [3]. В 1718 году "В Болхове артиллерии нет никакой". В том же году был составлен чертеж Болховской крепости, но, по сообщению А.З. Мышлаского (1897 г.), его в ведомости 1718 года не оказалось [4].

иной степени оказалась связана с кожевным делом. В ведомости Болхова 1787 года о городских промыслах сказано следующее: "Понеже река Нугрь не судоходная и город окружен способнейшими к торговле городами, то и промыслы торговли здесь не весьма пространны, однако как город сей преисполнен и славен прилежными обоюга пола ремесленными людьми, из коих мужеской не только на разных небольших заводах, но и по домам производят весьма хорошую работу кожевную, делают юфть всякую сыромятную, подошву и протчие другия, шьют по подрядам сапоги, башмаки, рукавицы и тулумы, а женской пол почти без изъятия даже ходя по улицам вяжут лучшей доброты шерстяные чулки и варежки (варежки. – В.Н.), то купечество здешнее, покупая и подряжая таковыя изделия в своем городе, отвозят их в Москву и другие ближние, также и в малороссийския города, привозя всякие нужные оттуда товары, получают довольные себе прибыли. Также приважают туда иногородния купцы для покупки и подряда тамошних изделий. В числе вышеписанных ремесленников

Церковь Троицы (1708 г.) в бывшем Болховском кремле. Колокольня – 1870-е годы. Фото 70-х годов XX века. Архив автора.

имеется часовой мастер 1, иконописцев 5¹, золотарей 9, столярей 4, кузнецов 90 человек" [6].

Кожевенный промысел способствовал обогащению города и его жителей, и по традиции часть своих богатств болховское купечество и прихожане вкладывали в строительство и украшение храмов. В 1708 году купцы Исидор, Иоанн и Анатоний Бабковы (Бобковы) окончили в кремле кирпичную Троицкую церковь, одну из красивейших на Орловщине. В 1712 году рядом с ней выстроили небольшую кирпичную приписную церковь Св. Иоанна Предтечи с Пятиниким приделом. В 1718 году возводится Петропавловская церковь, в 1730 – Благовещенская (Никитская), в 1735 – Николая Чудотворца (Никола Гончарный), в 1740 – Вознесенская и Покровская церкви, в 1741 – Казанская (Сергиевская), в 1741–1756 – Георгиевская, в 1747 – Знаменская, в 1768–1774 – Николо-Козмодамианская церкви² [7].

Хотя Волхов уже давно потерял всякое военное значение, Болховский кремль по-прежнему оставался культурным и административным центром города, а его крепостные стены и башни использовались под соляные магазины. По сравнению с соседними городами укрепления Болхова в то время находились в относительно хорошем состоянии. Орловский провинциальный воевода Отяев в донесении от 7 марта 1721 года писал: "В Болхове, в Новосили (в крепостях. – В.Н.) надлежит худые немногие места починить и потребно на то строение и починку дубового лесу немалое число бревен" [9].

Случившийся 26 июня 1744 года на Волховском посаде пожар нанес повреждения крепостным стенам. Огонь

¹ Впоследствии, в XIX веке, особой известностью пользовались иконостасные и иконные работы мастерской Абашева.

² По другим сведениям: Петропавловская в 1700 г., Георгиевская в 1754, Успенская в 1751, Николо-Козмодамианская в 1766 году [8].

Капитали декоративных колонок перекрестного портала Троицкой церкви. Фото автора. 2008 год.

Оконный наличник Троицкой церкви. Фото автора. 2008 год.

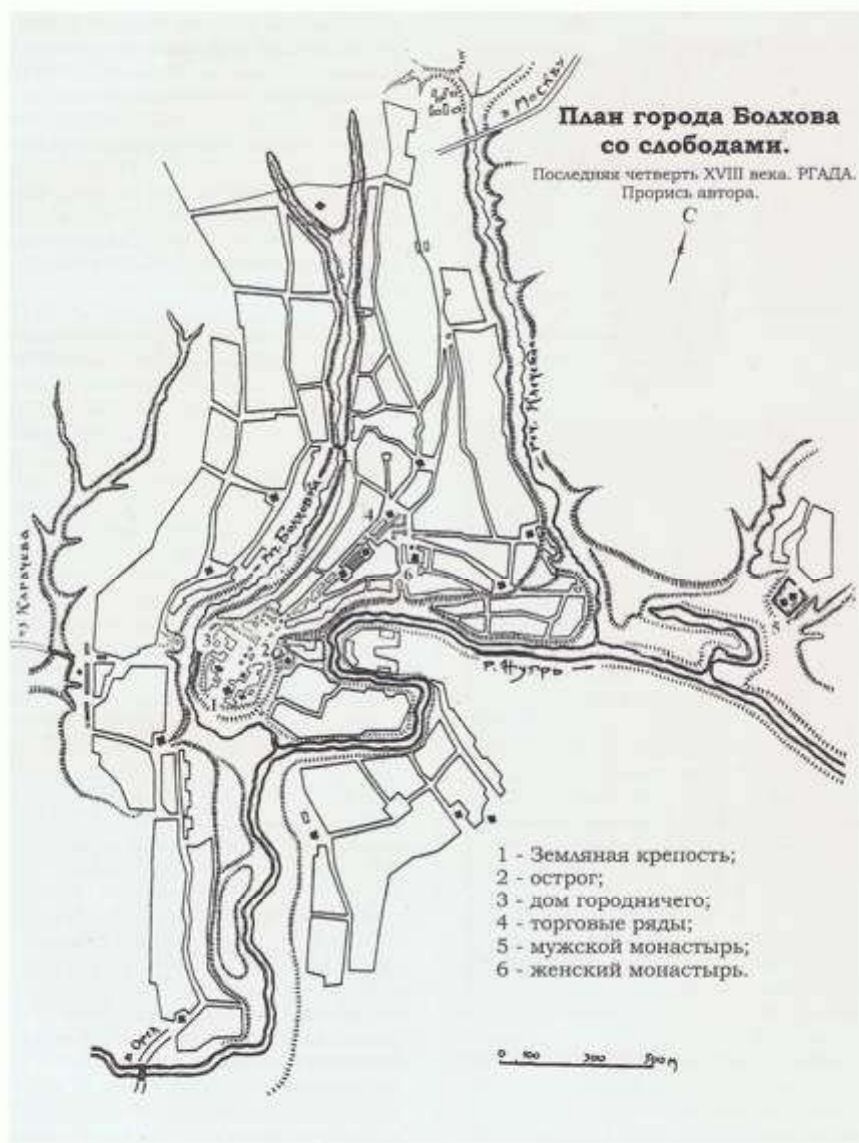
Деревянная церковная скульптура "Никола с стадом" из Волхова. Орловский краеведческий музей.

дошел до кремля, "и сгорело башня Пятиничья без верха, а от той башни стена до башни и бывшему тайнику без верха, кровли не было мерою сорок три сажени. Да от оной башни стена [сгорела] до башни, что у старого городища, несовершенная бес кровли, мерою тридцать три сажени. Да меж оными башнями из острога (описка – города. – В.Н.) ветхой тайник. А при той наугольной башни от того пожара отломана болховскими прежней городской службы солдаты, которые, усмотря тот пожар, приехали, с пол-три клетки" [10]. Всего через несколько лет, 26 июля 1748 года, в Волхове произошел очередной "великий пожар", уничтоживший почти весь город. В огне сгорело 12 каменных и деревянных церквей, девичий монастырь, "городовой замок" с воеводским двором, до 1500 обывательских дворов и "людей немалое число" [11]. Впрочем, в Топографическом описании Орловского наместничества 1787 года указана иная дата пожара: "В древле имел сей Город деревянную крепость с башнями, но время, частые набеги Литовских,

как ниже сего показано будет, и случившийся в 1753 году великий пожар, истребилоное укрепление вовсе без остатку" [12].

14 марта 1780 года Волхов получил регулярный план, должествовавший сменить его прежнюю средневековую застройку [13], а также герб (утвержден 16 августа 1781 года), в котором был изображен "в верхней части щита герб Орловский. В нижней – в серебряном поле, засеянное гречихою поле, в знак его оным изобилия" [14].

Представление о Волхове в конце XVIII века дает словарь А. Щекатова: "Болхов – уездный город Орловской губернии, нарочитой и известной даже в древности тем, что был удельным княжеством... Стоит на высоком и неровном месте, по левую сторону Нутры, впадающей за 15 верст от города в реку Оку, к которой в самом городе присоединяются еще две реки Волховка и Клетчатка, все вообще не судоходныя. В длину простирается версты на три, а в ширину на полторы. Укрепления в нем нет никакого, кроме одних следов ныне осыпавшегося земляного вала, хотя в древности, сказывают, и была деревянная крепость; церковей в нем каменных 14, деревянных 8, и два монастыря, Рождествен женской внутри города и Оптин мужской за городом, на той же реке Нутре, заштатные оба. Строение в городе более деревянное: каменных строений 4, питейных домов 16, каменных лавок 3 и одна соляная стойка, купеческих домов каменных только 6, а других на каменном фундаменте сплошь деревянных около 1800 дворов. Жители суть дворяне, купцы, мещане, однодворцы и владельческие крестьяне, коих числом простирается, включая и три слободы, принадлежащая к городу, более 5370 душ, в числе оном купечества 856, мещан 3100 душ. Главнейшие их промыслы суть кожевенные, юфтяные и всякая смирная работа, также славятся жители вязанием хороших шерстяных чулков,

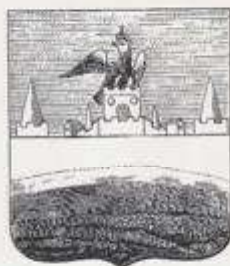

варег и тому подобнаго, в коих снимают даже в других городах подряды. Торг их еще состоит в пеньке, конопляном масле и сале. Впрочем, как внутри города, так и вне онаго находятся хорошие плодовые сады, кои содержанием приносят нарочитую прибыль..." [15].

Благодаря значительным государственным и частным подрядам на кожевенные работы город богатеет и процветает, а число каменных храмов в нем к концу XIX века превысило два с половиной десятка.

Дошла очередь и до древнего Спасо-Преображенского собора в бывшем кремле. Недостаточно величественный и темноватый храм более не удовлетворял амбициям болховского купечества, и в 1842–1851 годах на его месте был построен огромный новый собор в "русском стиле"

Высочайшии утверждёнъ:
16-го Августа 1791 года.
Орловскаго Намѣстничества.

Болховъ.

Орловской губернии. Уѣздный.

Въ верхней части щита гербъ Орловскій. Въ средней — въ серебряномъ полѣ, золотыиъ греческое знамя. Въ нижней его части — кобыла.

Регулярный план города Болхова (север справа).

Пунктиром показана прежняя застройка. Последняя четверть XVIII века. РГИА.

Болхов. Вид на Красную гору и сад "Городок" с колокольни Георгиевской церкви.

Слева — Спасо-Преображенский собор, справа — церковь Троицы. Вдалеке за ней Сергиевская церковь. Почтовая открытка начала XX века. Архив автора.

(колокольня — 20–30-е годы XIX века, проект собора — архитектора П.А. Малахова, вкладчики — купцы И.Д. Акулов, Ф.Г. и В.Ф. Шестаковы и М.В. Щербов), на первый этаж которого перенесли белокаменные резные плиты с могила И.И. и Т.И. Ржевских [16]. Их можно увидеть здесь и сейчас — они аделаны в одну из массивных колонн первого яруса.

В настоящее время большая часть территории бывшего Болховского кремля занята жилой и административной застройкой XIX–XX веков. От его укреплений с южной стороны уцелел только сильно

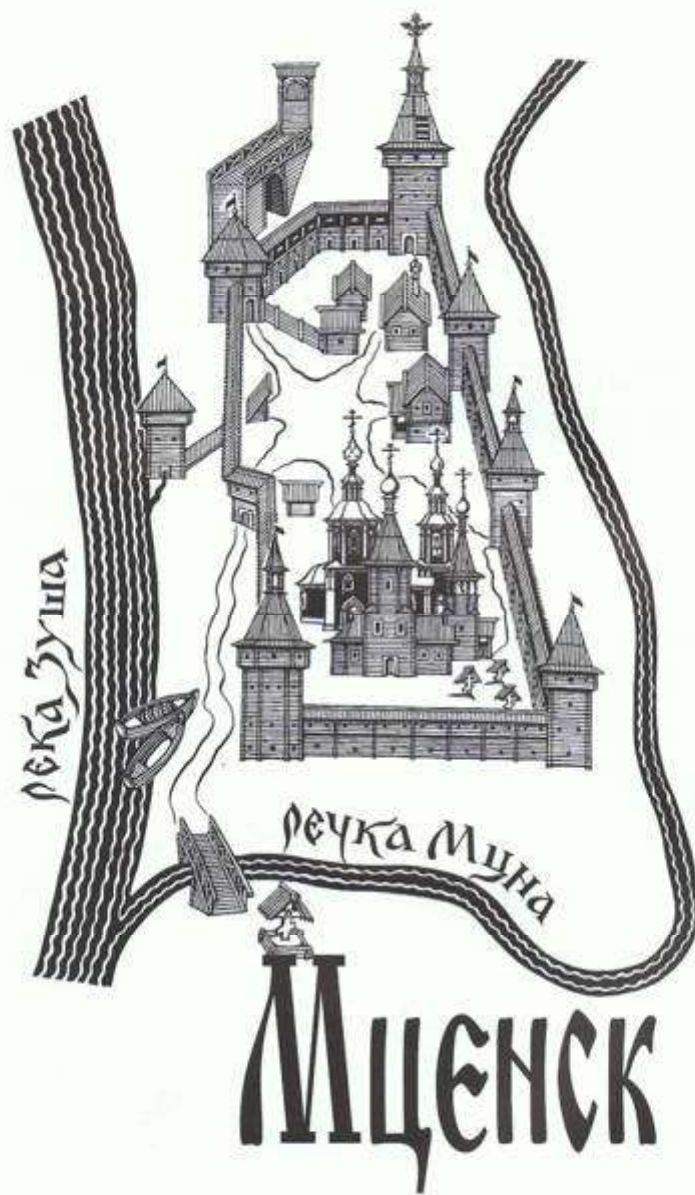
оплывший земляной вал, отделявший кремль от "городища пустого", где сейчас располагается городской сад "Городок". В его юго-восточной части на склоне горы видна глубокая борозда — след давно рухнувшего тайника. Построенную в конце XIX века кушцом Качановым над источником, снабжавшим в XVI–XVII веках крепость водой, Казанскую часовню (по преданию, на этом месте была найдена икона Казанской Божией Матери) [17] снесли в 30-е годы XX века. Эта же участь постигла и церковь Свв. Козьмы и Дамьяна в кремле — ее разобрали в 1955 году.

*Вид на бывший Болховский кремль со стороны Христорождественской церкви.
Фото автора, 2005 год.*

Панорама Болхова. Фото В.А. Кириллова, 2009 год.

МЦЕНСК в XII–XV веках

"Святославъ же оттуда иде Девягорску, и зая (заял. – В.Н.) все Вятичи и до Брянска, и до Воробини по Десне, и Домагощ и Мценск; тогда же приидоша к нему бродницы и Половцы мнози..., а ко Святославу в то же время Юрьи (Долгорукий. – В.Н.) прииде сына своего Глеба в Девягорск, и поиде оттуду Святослав ко Мценску со Глебом Юревичем, и с Володимиром Святославичем, и с Половцы; и ту дам дары мнози, и поиде ко Крому на Изяславич.

Воскресенская летопись.
1147 год. [1]

Если есть в России какой-либо город, кому самой природой и историей было предназначено стать крепостью, то это, безусловно, Мценск, и, действительно, подобных мест, прекрасно защищенных самым местоположением, найдется не так уж много. Неудивительно, что поселение возникло здесь еще в глубокой древности. И еще: если какой-то город на Орловщине и может претендовать на тысячелетнюю историю, то это, конечно же, Мценск, заселенный еще задолго до его первого упоминания в летописи под 1146 годом. Более того, если большинство городов нашей земли, возникнув в глубокой древности, по различным причинам, чаще всего военного свойства, в XIII–XV веках прекратили свое существование, вновь возродившись уже через сотни лет (Болхов, Новосиль, Кромы, Ливны) либо исчезнув навсегда (Домагощ, Звенигород, Хотимль, Волконск, городище у деревни Слободка и другие), то летопись истории Мценска не прерывалась никогда. Какие бы ни были тяжелые времена, жизнь во Мценске постоянно

теплилась, и главной причиной этого было исключительно выгодное с военной точки зрения расположение города и его природная защищенность.

Высокий и скалистый мыс, неприступный почти со всех сторон, кроме южной, служил надежным укреплением еще в дославянские времена в середине I тысячелетия до нашей эры, когда здесь жили балты [2]. В VIII веке на Оке появляются славяне-вятичи, начавшие заселять ее с верховьев, и рано или поздно на их пути должен был оказаться Мценск. Неизвестно, сколь долго он сдерживал их натиск: был ли взят штурмом, хитростью или достался вятичам без боя. В любом случае крепкий городок оказался в руках славян, унаследовавших от балтов неприступное укрепление и его название – "Мценск"¹.

О глубокой древности Мценска свидетельствовал и сохранившийся еще в первой

¹ Толкование названия "Мценск" в научной среде достаточно разноречно: так, некоторые исследователи считают, что оно восходит к финскому metsan (лесной) и означает город, расположенный в лесистой местности.

Св. Великомученик Кукуша.
Современная икона.

половине XIX века огромный курганный могильник, занимавший обширное пространство между Орловским шоссе и Болховской дорогой, площадью около 5 десятин (1 десятина – 1,0925 гектара). Его видели и описали В.Ф. Зуев (1781 год), Д.Н. Бантыш-Каменский (1810 год) и князь И.М. Долгоруков (1810 год) [4]. Но к этому времени в памяти мценян (вообще-то жителей Мценска даже официально называют амчанями) давно стерлось, к какому времени относятся курганы, и одни считали их памятниками сражения

Русский писатель и этнограф В.И. Даль считал, что, вероятно, само название идет от слова "мцела", что по-славянски – пчела, отсюда "мцельник", т.е. пчельник. Его поддерживал известный исследователь П. Якобий: "Если есть типично вятчское имя населенного места, то это, конечно, Мценск. Имя это настолько чуждо русскому уху, что русские люди никак не могут справиться с ним. Мценск фигурирует в летописях под именами Мценск, Мченск, Мченеск, – известен под именем Амченска и т.д. Мценск получил свое имя от реки, при впадении которой в Зушу находится..." [3].

с татарами, а другие – с мордвой, о чем они и поведали этим путешественникам¹.

В 1866 году прямо через могильник прошла Московско-Курская железная дорога, и с этого времени курганы начали активно распахивать и застраивать, но в начале XX века некоторые из них были еще заметны. Проводивший здесь летом 1907 года археологические раскопки И.Е. Евсеев вскрыл 9 курганов, где были обнаружены как трупосоужения, так и трупоположения и остатки почти полностью сгнивших погребальных камер из досок. Погребения в курганах были практически лишены вещевого материала: в ногах у одного из скелетов был найден горшок с остатками пищи, в других могилах – серьга, 3 кольца – одно из них серебряное, и граненая бусина [5]. В настоящее время какиелибо следы курганов давно исчезли, а на их месте раскинулись частная застройка, сады и огороды.

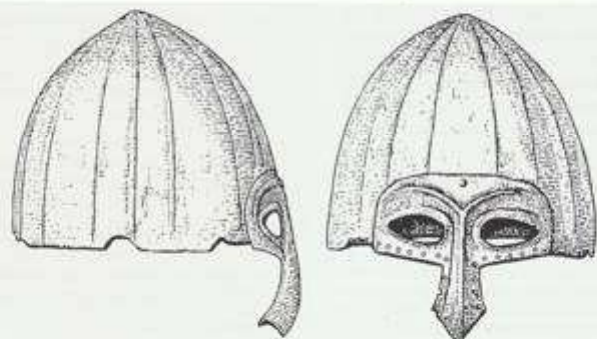
¹ Особенно интересно в этом отношении свидетельство В.Ф. Зуева: "...поднявшись же (на нагорную часть Мценска. – В.Н.), увидели мы тогдашнее великое множество по ровному полю находившихся бугров, или, как оные обыкновенно в степных местах называют, курганов, которые не сколько величиною, сколько количеством своим примечательны. Я расспрашивал, чтоб мне значили, но память их (осталась) во мценских столь темна, что сказание их правдою здесь представить не можно: оне говорили, что сии курганы заключают в себе мертвые тела наступавшей некогда на Мценск мордвы, от которой жители защищались сперва с каменной горы, на которой ныне стоит так называемая городская крепость и соборная церковь, но после, отчаясь, призвали на помощь Св. Николая Чудотворца, который осилил всю мордву и дал их всех побить и похоронить под сими земляными наметами. Я не знаю года, когда сия мордва ко Мценску приступала, но знаю из количества сих бугров, с двух сторон города открытых, что если это армия быть надлежит, то должно быть, многочисленной, если сражению, то кровопролитнейшему, потому что как в том, так и в другом случае так думать повелевают количество их и враждебные остатки, состоящие в имеющихся между буграми или курганами вадах, с трех сторон обнесенных, со стороны же Мценска открытых. Таковых курганов сказывают, много есть и по другим местам городовая округа, но мордвы ли, или летие приписать оные, оставляет еще исследовать их [6]."

Первое упоминание Мценска в русских летописях связано с событиями феодальной войны 1146–1147 годов между новгород-северским князем Святославом Ольговичем и коалицией, в которую входили черниговские князья Изяслав и Владимир Давыдовичи и киевский князь Изяслав Мстиславич. Вынужденный под натиском противников покинуть свой столичный город Новгород-Северский, Святослав Ольгович стал отступать на север, поближе к своему другу и союзнику суздальскому князю Юрию Долгорукому. Ему удалось разгромить передовой отряд во главе с князем Изяславом Давыдовичем в бою под Карачевом, но тут к городу стали подходить главные силы черниговцев и киевлян, и Святослав счел за лучшее продолжить отступление: с оставшейся верной дружиной и семейством он ушел в суздальские владения. Юрий Долгорукий радушно встретил своего союзника в Москве 3–5 апреля 1147 года (тогда это был крохотный деревянный замок), где дал в его честь “обед силен”. Тем временем Изяслав и Владимир Давыдовичи захватили все “Вятичи”, оставшиеся без хозяина, и разослали своих посадников по городам, в том числе и во Мценск. Вскоре князь Святослав Ольгович, заручившись поддержкой Юрия Долгорукого,

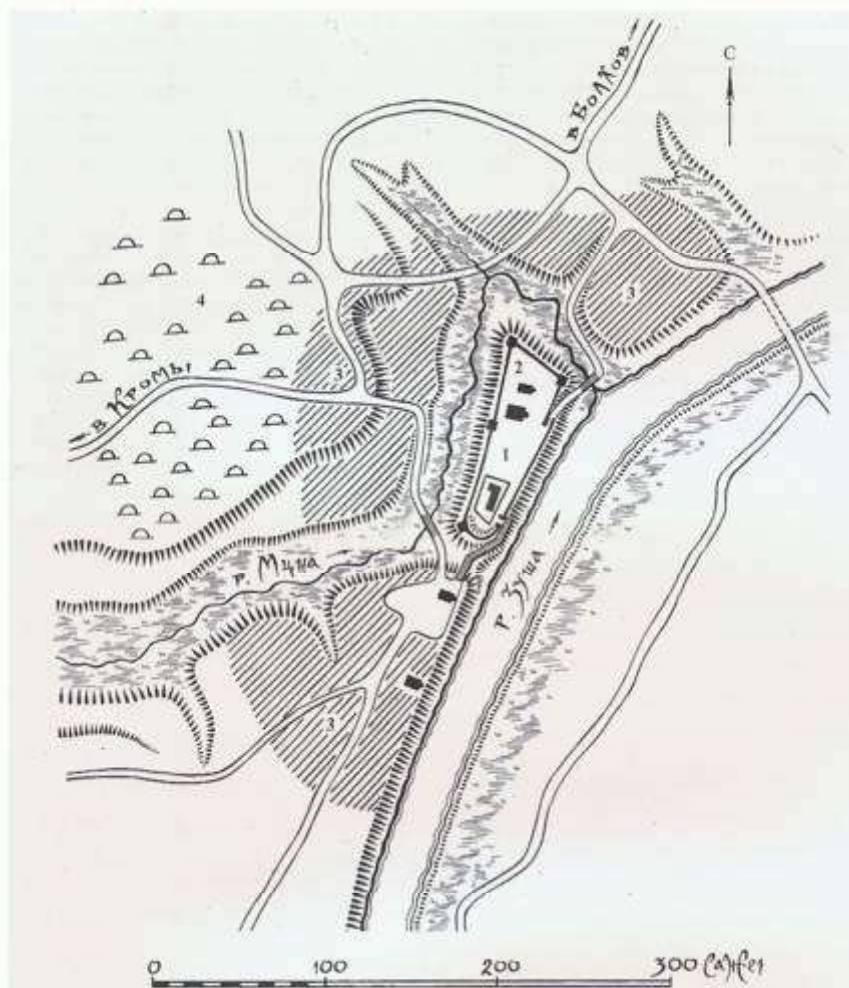

Русский воин XII–XIII веков в шлеме из села Никольского. Современная реконструкция.

который дал ему своего сына Глеба с дружиной, а также с помощью половцев и бродников перешел в наступление, занимая один за другим города своего княжения,

Русский шлем с полумаской XII–XIII веков, найденный у с. Никольского Орловского уезда.

Схематический план Мценска в XII–XIII веках. Реконструкция-гипотеза автора.

- 1 – Детинец с двором княжеского наместника;
- 2 – Никольский собор и церковь Св. Параскевы Пятницы;
- 3 – городские посады;
- 4 – курганный могильник.

которые в панике покидали посадники, оставленные там черниговскими князьями. “В то же время выбежаша посадники Володимири [и] Изяслави из Вятчи, из Бряньска, и из Мъчевьска, и из Влеве...”. Во Мценске Святослав щедро вознаграждал союзников – Глеба Юрьевича и половцев – “и ту дав им дары многы”, после чего двинулся к Кромам, но тут на дороге его нагнали послы Владимира и Изяслава Давыдовичей с предложением мира и союза: “буде мы вси за одинъ мужь” – и обещанием компенсировать убытки. Святослав великодушно принял предложение, и мир был заключен [7].

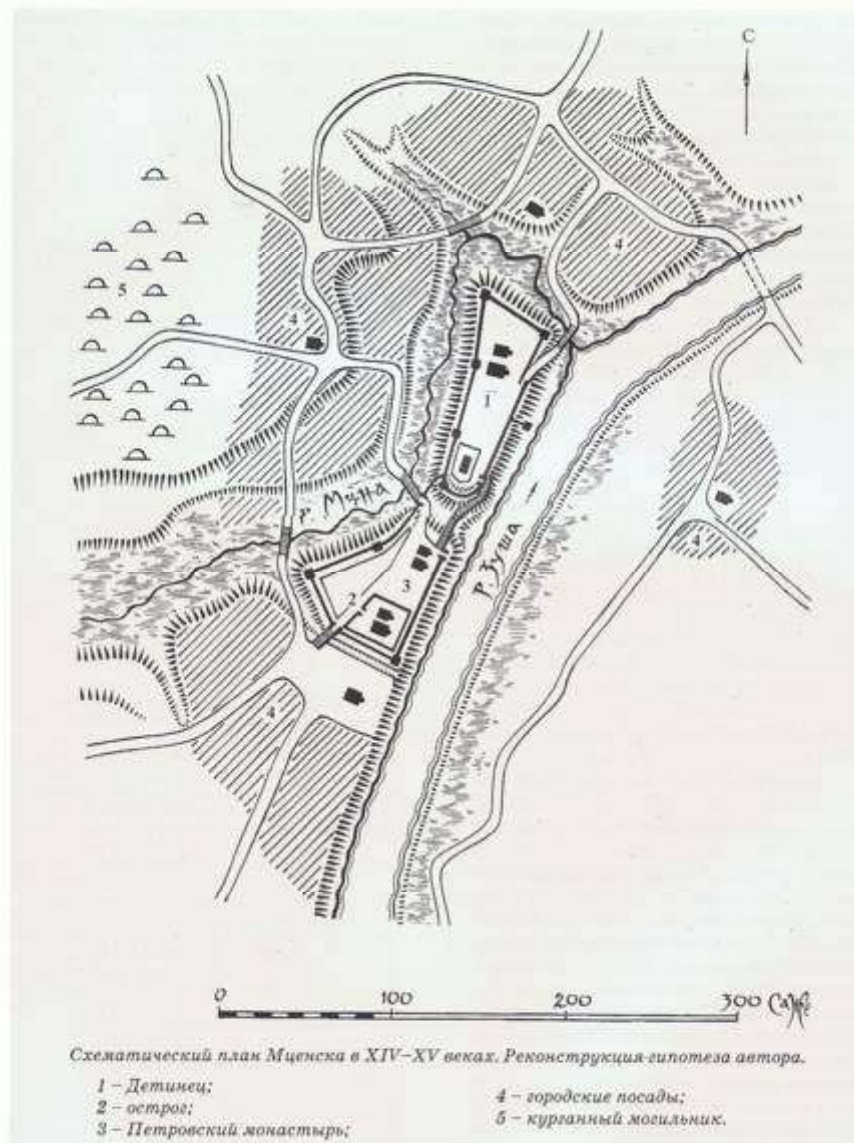
В 1152 году вспыхнула новая война: Юрий Долгорукий узнал, что киевский князь Изяслав Мстиславич сжег принадлежавший ему Городец Остерский (на полпути между Киевом и Черниговом), который тот очень любил и заботливо украшал.

Воззский замок у села Старенково. XIII–XIV века. Реконструкция гипотеза автора.

Взбешенный Юрий спешно собрал войско, в которое вошли ростовские и суздальские полки, дружины союзных рязанских князей, “а также и Половци Орьпдоеве и Токсобичи, и вся Половецкая земля, что ни есть межю Волгою и Днепром”. Путь Юрия Долгорукого лежал через вятичские земли, которые, надо полагать, от него весьма потеряли: “и поидоша на Вятчи, и взяша ихъ, также на Мченеск, да на Спашь, да на Глухов, ту же и сташа” [8].

Очередному погрому Верхнеокские земли подверглись в 1159 году. Киевский князь Изяслав Давыдович попросил помощи у своего двоюродного брата Святослава Ольговича Черниговского, но, получив отказ, в отместку вторгся в принадлежавшие ему “Вятчи” и опустошил их [9]. Подвергся ли разорению Мценск или его миновала “чаша сия”, сказать трудно – летописи на этот счет молчат.

Схематический план Мценска в XIV–XV веках. Реконструкция гипотеза автора.

1 – Детинец;
2 – острог;
3 – Петровский монастырь;

4 – городские посады;
5 – курганный могильник.

Во время Батыева нашествия зимой 1238 года Мценск, вероятно, не пострадал. После накурительной осады удельного городка Козельска монголо-татары, скорее всего, вернулись в степи по водоразделу между Зушей и Упой, оставив в стороне Мценск и лежащие южнее Черниговские земли.

После трагической гибели в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича (20 сентября 1246 года) его сыновья и наследники разделили отцовское княжение на отдельные уделы. Мценск вошел в Глухово-Новосильский удел князя Семена Михайловича, впоследствии родоначальника князей Белевских, Одоевских и Новосильских.

В XIV веке начинается литовская экспансия на западнорусские земли, которую возглавили такие выдающиеся правители и полководцы, как Гедимин (1316–1341) и Ольгерд (1345–1377). Русские княжества, ослабленные татарскими вторжениями и междоусобицами, не могли оказать литовцам действенного сопротивления, и в их руки постепенно переходят такие крупные города, как Полоцк, Киев, Чернигов, Владимир-Волынский и другие. Меньше чем за сто лет Великое княжество Литовское превратилось в крупнейшее и сильнейшее государство Восточной Европы. Ольгерд усиливает давление и на Верховские княжества – владение потомков князя Михаила Всеволодовича. Он выдает свою дочь за новосильского князя Ивана, тем самым превратив его в союзника и включив Новосильское княжество в сферу своего влияния. Осенью 1368 года Ольгерд три дня осаждал Московский Кремль. Ответный удар по союзникам Литвы последовал незамедлительно: в 1370 году воеводы великого князя Московского Дмитрия Ивановича (Донского), не «сложив крестного целования» (то есть без объявления войны), опустошили Новосильское княжество и взяли города Калугу и Мценск, причем в плен попали жена и дочь князя Ивана [10]. Хотя впоследствии Ольгерд и добился некоторых успехов, а зимой 1370 года в отместку снова осаждал Москву, восстановить свой протекторат над Новосильским

княжеством ему уже не удалось. Новый новосильский князь Роман выступает уже верным союзником Москвы, а его дружина участвует во многих походах московской рати. Нельзя исключать и того, что в дружине князей Романа и Семена Новосильских¹, участвовавшей в знаменитой Куликовской битве (1380 год), были и мценские ратники.

Вероятно, в конце XIV или в самом начале XV века Мценск стал столицей удельного княжества, выделившегося из Одоево-Новосильского, но княжеским центром он пробыл весьма недолго².

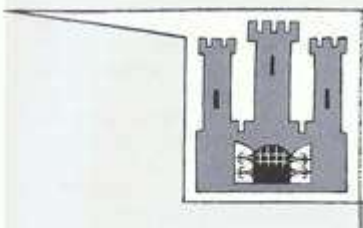
¹ В «Сказании о Мамзевом побойище» он назван Стефаном (см. главу «Новосиль в XII–XV веках»).

² Данный факт носит предположительный характер и основан на картах России 1594–1595 годов Герарда Меркатора с показанием целого ряда княжеств, в том числе и Мценского. Безусловно, никаких княжеств на территории Московского государства в это время уже давно не было, и карты Г. Меркатора носят ретроспективный характер. Но когда же город являлся княжеским центром? Есть только два возможных периода: конец XIV – начало XV века (до 1407 года) и первая треть XVI века. В актах первой трети XVI века Мценск упоминается неоднократно, но нигде не говорится о том, что он в это время был столицей удела. Имперский посол Синьзмунд Герберштейн, побывавший в Московии в 1516–1518 и 1526–1527 годах и очень хорошо знавший страну, посетил несколько строк и Мценску, но он не упомянул его как княжеский центр, хотя бывшие столицы других княжеств он перечислил весьма подробно и нанес их на свою карту. Более того, из его записок следует, что Мценск в это время далеко не процветал. Таким образом, к первой трети XVI века о княжеском прошлом города было забыто надолго и окончательно.

Академик Б.А. Рыбаков по поводу карт Г. Меркатора писал следующее: «Относительно Меркатора у нас нет даже косвенных указаний на источник его сведений о комплексе княжеств (среды которых было и Мценское. – В.Н.). Социальный ученый Меркатор, однако, только в конце своей жизни, спустя 40 лет после вылука им первой карты Московии, получил какие-то подробные материалы о старых русских княжествах. Позднее знакомство Меркатора с картой старых русских княжеств может свидетельствовать о том, что такая карта проникла на Запад не ранее 1562 года и предположительно может быть связана с одним из потомков русских эмигрантов, бежавших, подобно А.М. Курбскому, от гнева Ивана Грозного». (см.: Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 87–88).

Великий князь литовский Витовт.
Из книги «Описание Европейской Сарматии»
А. Гваньини, 1581 год.

Хорувь колтурства (замкового округа)
и города Торн (Торунь) – три красные
башни на белом поле.

Рисунок печати Торуньского колтура.
XV век.

В 1392 году великим князем литовским стал Витовт, который продолжил завоевательную политику своего предшественника Ольгерда. В 1404 году он покорил Смоленск. В 1406–1408 годах между Литвой и великим княжеством Московским шла война, в ходе которой под власть Витовта перешли верховские княжества. Одни из местных князей потеряли свои владения полностью и вынужденно отъехали на службу в Москву, другие – частично, признав литовский сюзеренитет. Среди последних находился и новосильский князь. Мценск был захвачен войсками Витовта, вероятно, в 1407 году. Во Мценске и Любутске Витовт учредил наместничества – эти города были слишком ценными, чтобы оставлять их во владении местных князей, которые могли в любой момент перейти на другую сторону. Литовские гарнизоны во Мценске и Любутске – к северу и югу от столицы княжения Одоева, должны были сделать новосильского князя более верным и сговорчивым. С этого времени Мценск более 90 лет являлся одной из ключевых крепостей Великого княжества Литовского на восточной границе.

Повествуя о событиях первой четверти XV века, на одном из них следует остановиться особо. Это так называемое крещение мценян в 1415 году. Расскажем о нем в общих чертах. Согласно сказанию, местные жители в это время были еще язычниками: «Во граде Мценске мнози (беша) неверующи во Христа Бога нашего». Узнав об этом, московский митрополит Фотий послал в город пресвитера, по преданию – Иоанна, «со многими воинством». Законешние в язычестве мценяне сперва было «ратоваша на них», но затем были побеждены и оружием, и словом, после чего приняли Святое крещение. Тогда же был обретен Крест Господень, высеченный на камне, и чудотворный образ Святителя Николая Чудотворца, а в память о крещении мценяне построили церковь, как полагают, Св. Параскевы Пятницы [11].

При знакомстве с этим преданием прежде всего поражает его несоответствие реалиям этого времени. Напомним, что 1420–1430-е годы – это наивысший подъем Великого княжества Литовского, а его правитель Витовт за малым не надел королевскую корону. Война 1406–1408 годов окончилась, по большому счету, неудачно для Великого князя Московского Василия I, граница отодвинулась к Оке, а Верховские княжества и Мценск, соответственно, оказались во владении Литвы, в чужом государстве, со всеми вытекающими отсюда последствиями. И направление Фотием войска со священниками, какими бы благими пожеланиями он ни руководствовался, означало бы только одно – разрыв мира и войну, причем с противником, находящимся в зените могущества, на что, безусловно, исключительно осторожный Василий I пойти просто не мог: возмездие со стороны вспыльчивого Витовта последовало бы незамедлительно и было бы страшным¹. К тому же в русских летописях никаких упоминаний о “крестовом походе” Фотия нет, хотя, если бы он состоялся да еще увенчался таким успехом, они не обошли бы его вниманием. Отсюда следует неутешительный вывод – никакого похода Фотия с целью крещения мценян не было. Зато в летописях есть другая запись, из которой можно судить об отношении Витовта к Фотию: “В лето 6922 (1414 год. – В.Н.) Фотей митрополит восхоте ити к Царюградоу, яко и доиде Литвы, Витофт же не пусти его, но, пограбив его, возврати к Москве [12]”.

Но возникает вопрос: а как же предание? Откуда оно взялось? По мнению автора, “Сказание о явлении чудотворной иконы Святителя и Чудотворца Николая

¹ Например, формальным поводом для разорительного вторжения Витовта в Новгородскую землю в 1428 году и, как следствие, осады им Вышгорода и Порхова послужило словесное оскорбление великого князя литовского, сделанное, вероятно, на новгородском вече “се вам стало за то, что мы назвали естя изменником и бражником” [14].

в городе Мценске” является литературным памятником второй половины XVII века, а не первой четверти XIV столетия. Во второй половине XVII века Богдан Давыдович Протасьев подарил мценскому Никольскому собору деревянный резной образ Святителя Николая Чудотворца работы “черкасских” (украинских) мастеров [13], тогда-то, предположительно, и было сочинено “Сказание...” о его чудесном явлении, которое со временем стало рассматриваться как исторический факт и попало даже в современные учебные пособия по краеведению². Впрочем, камень в виде креста, на котором чудотворный образ святителя Николая, по преданию, приплыл во Мценск, вполне вероятно, гораздо его старше и, вполне возможно, действительно помнил еще языческие времена. Можно полагать, что он являлся священным камнем у язычников – вятичей, а после принятия ими крещения, но не в 1415 году, а в XI–XII веках, его обтесали в виде креста, превратив таким образом в христианскую святыню. Подобное было вполне возможно: например, в Белоруссии еще в начале XX века встречались так называемые “Борисовы камни” – огромные валуны с высеченными на них, по преданию, князем Борисом православными крестами.

Литовские гарнизоны во Мценске и Люботске имели двух постоянных противников – Великое княжество Московское на севере и ордынских татар на юге. Но если на севере было относительно спокойно – московский князь Василий I Дмитриевич (сын Дмитрия Донского) старался не осложнять свои отношения с воинственным тестем³, особенно после фактически проигранной в 1406–1408 годах войны, то татары на юге были врагами куда более беспокойными и опасными.

² Например: История Орловского края. Часть I. С древнейших времен до конца XIX века. Орел, 2004. С. 56.

³ Василий I был женат на дочери Витовта Софье.

Герб рода дворян Протасовых. Один из его представителей был мценским воеводой.

В борьбе с ними особенно отличился литовский наместник во Мценске Григорий Протасьев⁴.

В сентябре 1422 года хан Барак разграбил окрестности Одоева, но “города не взял” и, угоня многочисленных пленников, пошел прочь. Князь Юрий Романович Одоевский, соединившись с воеводой Протасьевым, “постигша его в поле, побили, а полон поотнимали” [15]. В следующем году на Одоев двинулся хан Куйдадат (Кудадат). На выручку своему вассалу великий князь литовский Витовт послал многочисленное войско: “князя Ондreja Михайловича, и князя Ондreja Всеволодовича и князя Ивана Бабу, и брата его Путятю, и Друтских князей семьдесят и князя Митку Всеволодовича...” К рати со своим отрядом присоединился и Григорий Протасьев. Одновременно был послан голец к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, “чтобы прислал помощь на царя”, но “московская же сила

⁴ Род дворян Протасовых (Протасьевых) был одним из самых именитых во Мценске. Надо полагать, что впоследствии они были в числе мценских “бояр”, принесших в 1500 году присягу Ивану III. В 1681 году на их средства строится кирпичный Никольский собор во Мценском кремле, а в 1694–1695 годах переносится на новое место Петропавловский мужской монастырь, где возводится кирпичный Покровский собор.

не поспела”. Союзники “царя победили, и силу его присекли, а сам царь бежал”. В бою убили татарского богатыря Кохча (Кочча), “велика телом”, и пленили двух царей: один прекрасный трофей отослал Витовту, а другой – в дар великому князю московскому [16].

В октябре 1430 года в литовские пределы вторгся ордынский князь Айдар и осадил Мценск. Татары стояли под Мценском три недели и не могли его взять, “бьяше бо тамо Григорей Протасьев”. Айдар вызвал воеводу на переговоры и “дал роту (клятву. – В.Н.) по своей вере”, но вероломно нарушил обещание, приказав схватить Протасьева и в качестве пленника увез в Орду к хану Улу-Мухаммеду. Но результат оказался вовсе не таким, на который рассчитывал ордынский князь: “Царь же Махмет поругаса Айдару и не похвали его о том, и почтив Григория, отпусти его с честью и з дары на Русь” [17]. Благодарство и великодушные Улу-Мухаммеда, оказанные Григорию Протасьеву, имели в будущем совершенно неожиданные последствия и оказали определенное влияние на весь дальнейший ход русской истории.

В 1437 году Улу-Мухаммед был изгнан из Золотой Орды и с небольшим отрядом своих сторонников и родственниками бежал в русские пределы. Хан попросил у великого князя московского Василия II позволения остаться на некоторое время в его владениях, дабы накопить сил для борьбы со своим соперником. Великий князь проявил снисходительность и разрешил ему остановиться в Белеве, где татары для зимовки возвели крепость из хвороста, засыпанного снегом и облитого водой. Тем временем Василий II Васильевич передумал и, опасаясь возникновения татарского ханства непосредственно на своих границах, послал выгнать незваного гостя 40-тысячное войско под началом своих двоюродных братьев. К войску, по договору с литовцами, должен был присоединиться отряд мценского наместника Протасьева.

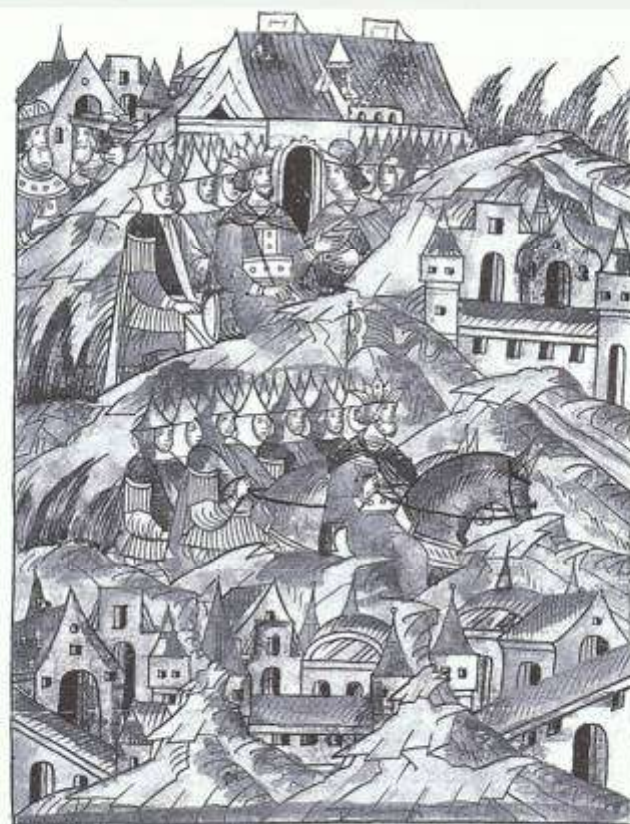
Надо полагать, что Григорий Протасьев с тяжелым сердцем собирался в поход против человека, которого считал своим благодетелем, да и москвитян он, скорее всего, не жаловал – стычки на границах между подданными великих князей, литовского и московского, были делом обычным. Четвертого декабря 1438 года объединенная русско-литовская рать подошла к Белеву и с ходу “втоптала” татар в крепость. Уду Мухаммед пришел в ужас, увидев огромное войско, и, согласно летописному преданию, упал на колени в православной церкви, умоляя русского Бога найти правду между ним и великим князем. На другой день он просил мира на самых униженных для себя условиях, но высокомерные московские воеводы не приняли их. Переговоры еще шли, когда часть рати, в которую входил отряд мценян, ни с того ни с сего обратилась в бегство: Протасьев, не желая сражаться против человека, оказавшего ему благодеяние, приказал своим воинам бежать. Это вызвало смятение во всем русском войске, чем воспользовались татары, сделав вылазку из крепости и врубившись в толпы беглецов. Московский летописец с горечью писал: “И превозношена ради нашего и за множество согрешении наших попусти Господь неверным одолети многому воинству православным христианом, яко неправедне бо ходящим нашим и свое христианство преже губящим¹. И худое оно малое безбожных воинство бесчисленное христиан воинство съдоде и изби, яко единому Агарину (неверному. – В.Н.) десяти нашим и выше того одолети, князи же болшии убогоша сарави (здравы. – В.Н.)” [18]. Русское войско потерпело сокрушительное поражение, а Протасьев со

¹ По летописному свидетельству, московское войско двигалось по территории Верховских княжеств не как по союзной, а как по вражеской земле: “Идушем же им к Белеву, все пограбиха у своего же православного христианства и мучаху людем из добычи и животину бяуще назад себе отсылаху... все грабиха и неподобнаа и сквернаа дажу” [19].

своими людьми благополучно ушел во Мценск. После Белевского сражения Уду Мухаммед, пройдя огнем и мечом через все русские земли, вышел на Волгу, где основал Казанское ханство. Его нашествие в народной памяти получило название “Белевщина”. Григорий же Протасьев в следующем году попал в руки москвитян, и великий князь Василий II приказал его ослепить – “очи вымал” [20]. А в 1440 году погиб его сын Иван Григорьевич, которого утопил некий Федька Блудов. Впрочем, в том же году убийца был пойман и повешен в Коломне [21].

Первая треть XV века – время правления князя Витовта (умер в 1430 году) – период наивысшего могущества Великого княжества Литовского, максимально раздвинувшего свои пределы на восток. Его преемники уже не обладали целеустремленностью и агрессивностью Витовта, и Польско-Литовское государство, раздражаемое внутренними противоречиями, постепенно слабеет, в то время как Москва усиливается, и, как следствие, на границе начинаются постоянные стычки между москвитянами и рязанцами, с одной стороны, и подданными великого князя литовского – с другой. Жалоб на пограничные “обиды” становится все больше, и весной 1456 года король польский и великий князь литовский Казимир IV вынужден был послать посольство к рязанскому князю Ивану Федоровичу с изложением претензий: “Пак разы приехал к нам наместник наш Мценский и Любуцкий, князь Дмитрий Путятич, и поведал нам, из твоих люди а твоее земли приходши безвестно (внезапно. – В.Н.), сее весны, кавун Николина дня, войною, под город наш Мценск, место²

² В Польше и Литве “местом” традиционно называли собственно город, его неукрепленный посад, а то же время крепость обозначалась термином “замок”. Надо полагать, что рязанцы во время набега разорили городские посады, но Мценскую крепость взять не сумели или даже не пытались.

Царь жесопетъ мн спой мн татары пои
 полн по искон земли . мн мочене
 еств илюбоу тее еств и до еств и прише
 стя оуцороты не слажди дмисе еств
 королевы по
 мочи

Разорение окрестностей Мценска золотоордынским ханом Ахматом. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГИПБ.

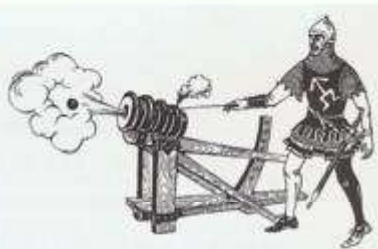

Маршалок Збигнев из Бжези, командир польского рыцарского контингента в 1408 году во время русско-литовской войны 1406–1408 годов. Рыцарь облачен в пластинчато-кольчужную броню и шлем басцинет с опускным забралом. Щит с вырезом для коня, накидка поверх доспехов и лошадиная попона украшены его гербом: головой белого огнедышащего льва на синем фоне. Аналогичное изображение помещено на хоругви, которую держит рядом едущий воин. Рисунок автора.

выжгли, села повоевали и многи шкоды починили, и люди головами в полон повели... Також поведал нам князь Дмитрий Путятич, штож люди твои, з твоєю земли, в нашей земли зверь бьют, а пчоль (пчел. – В.Н.) деруть, а по рекам бобры бьют и рыбы ловят, где издавна им входов не бывало, и иные многи шкоды делают..." [22]. До поры до времени худой мир на русско-литовской границе удавалось поддерживать, по мере возможности улаживая спорные и "обидные" вопросы на пограничных съездах. Но поскольку Казимир IV польский и литовский традиционно оставался в лагере противников Москвы, то спокойнее на русско-литовских рубежах не

становилось. Пытаясь противодействовать своему все более и более усиливающемуся сопернику, великому князю московскому Ивану III, он заключил союз с золотоордынским ханом Ахматом, который летом 1480 года двинулся на Москву. Его поход завершился знаменитым "стоянием" на реке Угре. Хан так и не дождался польско-литовских полков, поскольку Казимир IV оказался связан отражением набега крымского хана Менгли-Гирея – союзника Ивана III. Обозленный Ахмат, отступая от Угры со своим оголодавшим и обнищавшим войском, осенью 1480 года смерчем опустошил юго-восточные литовские владения: "...а градов литовских пленил: Мченск, Белев, Одоев, Перемышль, два Воротинска старои да новои, два Залидова, старои и новои, Опаков, Серенск, Мезыск, Козелеск. А всех градов плени 12". Впрочем, ни одного города хан "милостью Божьею не взял", и горожане сумели отстояться в осаде, но их окрестности Ахмат опустошил жестоко – "волости все плени и полон вывел" [23].

Иван III крепко запомнил "недружбу" со стороны Казимира IV, и час решительного столкновения между Москвой и Литвой все более и более приближался.

Цельнокованная пушка начала XV века и стреляющий из нее польский пушкарь. Вероятно, подобные легкие орудия использовались при взятии Мценска во время войны 1406–1408 годов, о чем свидетельствует каменное ядро (в XVI–XVII веках каменные ядра не применяли), найденное при разрытии крепостного вала около 1824 года. Рисунок автора.

МЦЕНСК – ТОРГОВЫЙ И ТАМОЖЕННЫЙ ПУНКТ НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ.

Вторая половина XV века

"Князь велики повестует: били челом наши купцы новгородские Якуши Пантелеев да Олексейко Филипов, да Демьян Фрязин, а сказывают: шли из-за моря через твою (короля Казимира IV. – В.Н.) землю, а тот Демьян шол на наше имя с теми с нашими купцы с новгородскими, ... да как пришли в Менск (Мценск. – В.Н.), и тутю в Менюску на наших купцах на новгородских взяли на них мыт (пошлины. – В.Н.) сильно; а наперед того из старины в Менюску мыта на них не бывало".

Посольство от великого князя Ивана III Васильевича к королю Казимиру IV с жалобами на грабежи, чинимые московским и новгородскими купцам в литовских областях. 20 марта 1489 года [1].

Если о военной истории Мценска в период литовского господства нам хоть что-то известно, то о повседневной жизни города и быте его обитателей мы не знаем ничего. Тем более интересны те немногие сохранившиеся документы, которые раскрывают различные стороны его жизни, в частности рассказывают о торговле, поскольку на ней были завязаны интересы многих горожан, и именно она являлась источником богатства и благосостояния любого города, тем более города, расположенного на важном торговом пути.

В литовское время Мценск являлся одним из важнейших транзитных и таможенных пунктов на русско-литовской границе. Следует отметить, что Великое княжество Литовское держало в своих руках большую часть дорог из Руси в Западную и Южную Европу, а собираемые

с московских купцов пошлины составляли немалую часть государственного бюджета. На западном направлении, по дороге в Польшу, крупнейшим таможенным пунктом являлся Смоленск, а на юге – Мценск, через который ездил в Крымское ханство и в Турцию и далее по Черному и Средиземному морям – в Европу. Правда, на юг можно было попасть и по Донскому речному пути, не подконтрольному литовцам, но сухопутную дорогу через Мценск Литва держала ценко. Кроме того, из Мценска можно было повернуть на запад и ехать в Брянск, где, кстати говоря, тоже была крупная таможня, а оттуда на судах по Десне плыть до Чернигова, потом по Днепру до Киева. Ну а дальше дорога лежала в Валахию и в "Угорщину" (Венгрию). Вероятно, в Смоленске и Мценске существовала объединенная таможня, в документах

Герб Великого княжества Литовского.
XV век.

говорится, что в Вильно¹ собирали “тридцатое² Смоленское, да другое тридцатое Менское” [2], а в 1489 году сбором таможенных пошлин во Мценске занимался смоленский “мытник” еврей Шамака [3].

Кроме того, Мценск являлся и крупным военно-административным центром на восточных рубежах Литвы. Например, под 1491 годом упоминается о вторжении москвичей “в державу Мценскую” [4]. Попробуем разъяснить, в чем, по мнению автора, заключается смысл этого термина.

Во Мценское наместничество входили два города – Мценск и Любутск, между которыми располагалось вассальное Литве Одоово-Новосильское княжество, за поведением владельцев которого должен был надзирать мценский наместник. Таким образом, в состав “Мценской державы” входили части современных Калужской и Орловской областей и почти полностью

¹ Вильно – столица Великого княжества Литовского.

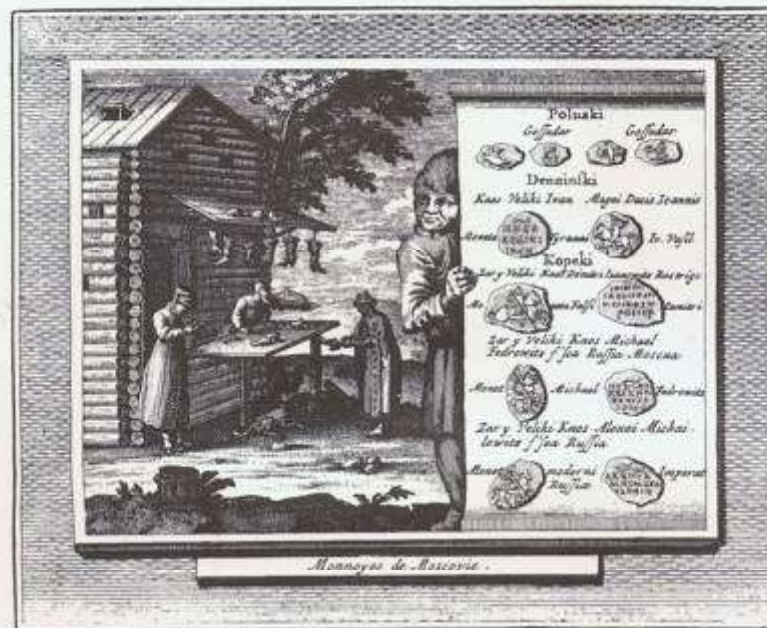
² “Тридцатое” – тридцатая часть стоимости товара.

Тульская область – в общем, территория небольшого западноевропейского государства. Подобные пограничные области, имевшие важное военно-стратегическое значение, а их правители – достаточно широкие полномочия, в Европе назывались “марками”. Вероятно, именно в этом контексте и следует воспринимать термин “держава”.

Общее ухудшение московско-литовских отношений в 80–90-е годы XV века сказалось и на торговле, точнее, на московских купцах. Раздосадованные неудачами во время шедшей тогда “хитрой войны” (о ней речь пойдет в следующей главе), литовские власти стали отгрызаться на московских “гостях”: резко возросли таможенные сборы, которые начали взимать даже там, где их “изстари” не бывало, купцам чинились обиды, нередко переходившие в заурядное обирательство. Безусловно, купеческие караваны имели сильную охрану, которая могла оборонить их от разбойных шаек, шатавшихся по обе стороны границы, но уберечь их от произвола государственных властей – наместников и “мытников” (таможенников), который творился в литовских городах, в том числе и во Мценске, она, естественно не могла.

Московские купцы жаловались: “А по Мценску (Мценску. – В.Н.) наперед сего имали по пяти грошей с возу и со выюка; а ныне князь Дмитрий Путятин (или Путятин. – В.Н.) прибавил, емлют тридцатое. А ис Полотска кто едет на Свирь да на Молодечно к Вилне, и они емлют в Вилне тридцатое Смоленское да другое тридцатое Менское, а наперед того не бывало” [5].

Зачастую на местах происходил и форменный грабёж “гостей”. Так, купец Степан Васильевич Дмитриев заплатил во Мценске все положенные пошлины, но мценскому наместнику князю Дмитрию Путятину так понравился купеческий товар, что он взял себе в подарок (совершенно бесплатно, естественно) отрез золототканой камки ценою десять рублей,

Русские монеты XVII века.
Слева изображена торговая лавка. Гравюра из книги Адама Олеария. 1640-е годы.

пять коп грошей, ковер, две епанчи, а также приказал отсыпать ему шафрана и перцу. Если учитывать то, что приноси в те времена были очень дороги, буквально на вес золота (в прямом смысле), то купца на таможе довольно здорово обобрали [6].

Еще более вопиющий случай произошел в следующем, 1489 году (не позднее 20 марта). В Москву “из-за моря” возвращались двое новгородских купцов: Якуш Пантелеев и Алексейко Филипов, к которым присоединился итальянский торговец Демьян Фрязин¹. Приехав во Мценск,

¹ Фрязин – это не фамилия, а прозвище. “Фрязими” на Руси называли итальянцев. Звали итальянца, вероятно, Доменико, на русский манер – Демьян.

они были вынуждены заплатить небывало высокие таможенные пошлины – “мыт сильно”, “а наперед того изстарины в Мценску мыта на них не бывало”. Мценский наместник князь Иван Красный захотел купить у них ладан. Купцы продали ему “ладану доброго”, но ладан князю не понравился, он заявил, что это смола, а не ладан, и потребовал, как сказали бы сейчас, “за моральный ущерб” компенсацию за некачественный товар для себя и для лобушки-княгини. Повздыхав, купцы расстегнули “калиты” (кошелек) и заплатили требуемое (точнее, вымогаемое) – десять золотых “угорьских” (венгерских) монет.

Но основные неприятности ждали “гостей” впереди. Находившийся во Мценске

CLXXVII
 Шибереи der Dombinung in Londen istofft zu fehen
 Zu Londen istofft die Dombinung in Londen istofft zu fehen
 Die Dombinung in Londen istofft zu fehen

Русский купец. Под гравюрой помещены немецкие стихи: "У русских старые купцы охотно носят длинные плащи. Странная шляпа у них на волосах бывает из пушного товара". Гравюра из книги С. Герберштейна. 1556 год.

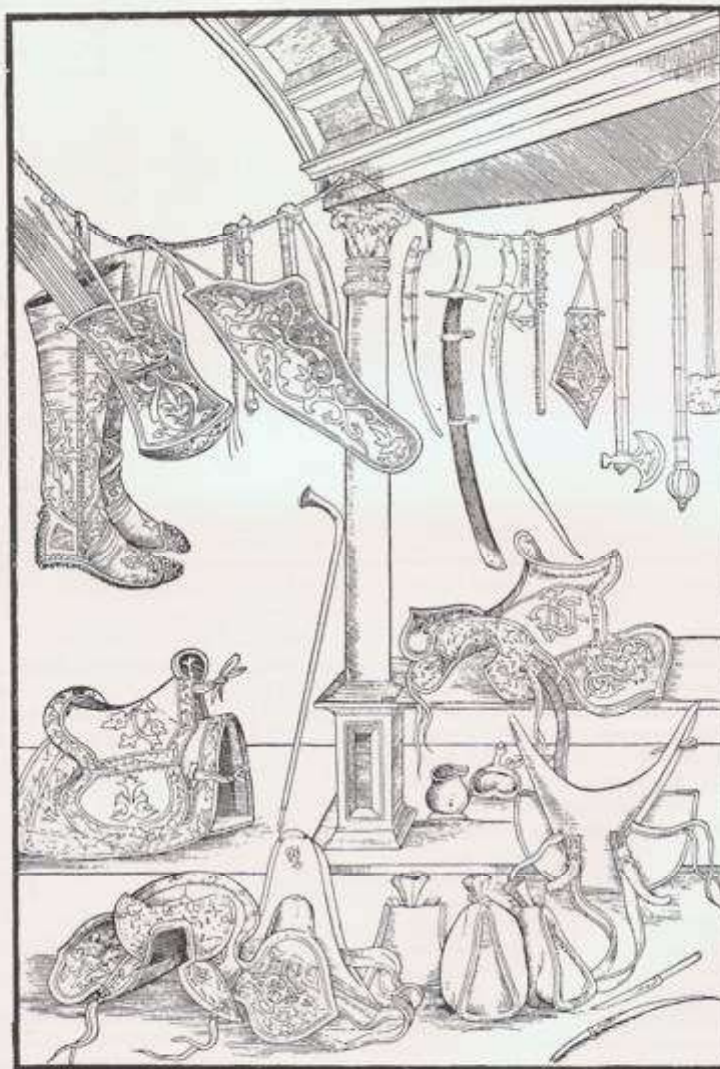
CLXXVIII
 Шибереи der Dombinung in Londen istofft zu fehen
 Zu Londen istofft die Dombinung in Londen istofft zu fehen
 Die Dombinung in Londen istofft zu fehen

Польский купец.
 Гравюра из книги
 С. Герберштейна. 1556 год.

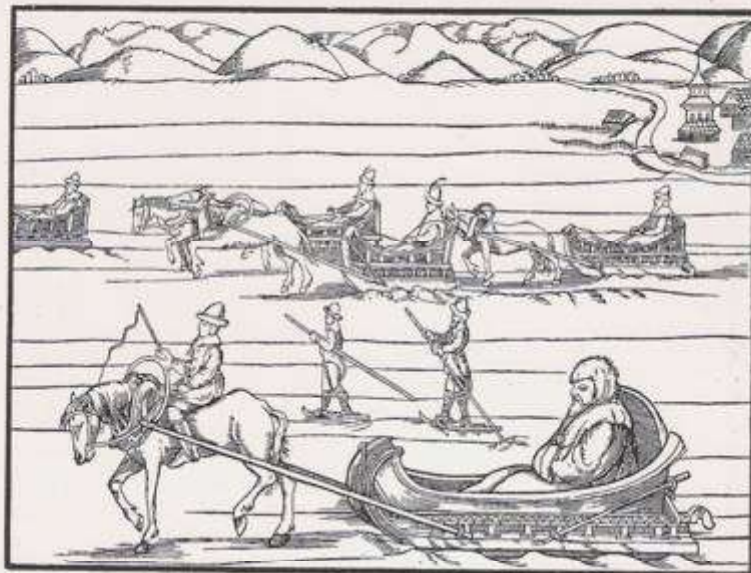
смоленский "мытник" Шамака "жидовин"¹ стал торговать у Демьяна Фрязина заморский ковер, но тот отказался его продать, заявив, что везет его на великокняжеское имя². Купцам разрешили уехать из Мценска, но через некоторое время их догнала погоня – люди мытника и княжеские дворяне, всего около тридцати человек. Вероятно, ковер настолько запал в душу Шамаке, что он, заручившись согласием наместника, решил его занять.

¹ К слову сказать, должность "мытников" во многих городах Великого княжества Литовского занимали представители именно этой, отнюдь не титульной национальности.

² То есть ковер везли либо в дар, либо он был куплен по заказу великого князя Московского.

Оружие, сбруя и различная дорожная утварь в Московской Руси XVI века.
 Гравюра из книги С. Герберштейна. 1556 год.

Катание на санях и лыжах в России. Гравюра из книги С. Герберштейна. 1556 год.

Подобный прозвал был тем более нетерпим, что согласно неписанным обычаям того времени, “по старине”, купцы могли торговать на чужой территории даже во время военных действий, когда их страны враждовали, что в данный момент и происходило. Была даже пословица: “Полки идут а купцы едут”. Справедливости ради, следует сказать, что у московских мытников руки были не менее загребущи, чем у их литовских коллег, но их алчность сдерживалась самыми жестокими мерами. Иван III вовсе не желал сокращения торговли и, как следствие, оскудения великокняжеской казны из-за жадности отдельных лиц, поэтому “мытник”, путавший государственный карман с собственным (государственное – это святое!), мог подвергнуться самому суровому наказанию, а пострадавших купцов, в том числе и литовских, по возможности старались “удовлетворить”.

Польско-литовское государство в это время было уже больно той болезнью, которая через три столетия сведет его в могилу. Недуг этот назывался коллапс центральной власти, проще говоря – государственный бардак, когда указы и постановления королевской власти фактически саботировались и игнорировались на местах, а наместники, крупные и мелкие феодалы, а также разного рода “воеводки” считали себя совершенно непогрешимыми в своих действиях и не желали перед кем-либо и в чем-либо отчитываться, даже перед королем.

В начале 90-х годов торговля через Мценск, надо полагать, полностью или почти полностью прекратилась. “Хитрая война” все более и более разгоралась, и вскоре Мценск оказался в одном из ее эпицентров.

БОРЬБА ЗА МЦЕНСК. Вторая половина XV века

Осенью 1480 года, после знаменитого “стояния” на реке Угре, закончилась ставшая к тому времени уже формальной зависимость Руси от Золотой Орды, а благополучное для Ивана III разрешение “казанских дел” (взятие Казани 9 июля 1487 года и признание ею зависимости от Москвы) развязало ему руки на востоке, и великий князь московский обратил свой грозный взгляд на запад. Начался тот период противостояния между Москвой и Литвой, который историки называют “странной” или “хитрой” войной. Формально обе страны войны друг другу не объявляли, тем не менее на границе велись довольно активные боевые действия, активные прежде всего с московской стороны, поскольку польско-литовское государство ограничивалось весьма вялой обороной. Прежде всего Иван III усилил давление на верховских князей, находившихся под литовским сюзеренитетом: уговоры, посулы и обещания сохранить

“А тебе, великому князю Ивану, у вочину мою... ни во Мченск..., во вси мои Украини места, и што к ним потягло, не вступатися ничим, и блюсти, и не обидити, ни под[ъ]искивати подо мою всеи моеи отчины, великих княжеств”.

Из доконечальной (перемирной) грамоты великого князя Ивана III Васильевича с великим князем литовским Александром Казимировичем. 5 февраля 1494 года. [1].

княжеские права и владения, а в ряде случаев и военные вторжения приводят к тому, что удельные князья один за другим начинают отъезжать¹ к Москве, причем вместе со своими вотчинами. Одним из первых в начале 1470-х годов на службу к Ивану III перешел князь Семен Юрьевич Одоевский, а после “казанского взятия” 1487 года отъезд князей стал поистине массовым. В конце 1489 года к Москве “подались” со своими “отчинами” Иван,

¹ Отъезд – переход князя или боярина на службу от одного сюзерена к другому. Даже при вражде одного правителя с другим отъезд из-за этого не считался и являлся свободным выбором. Вассал мог совершить его в том случае, если считал, что его покровитель не выполнил какие-либо обязательства в отношении его, например, не защитил от врагов или каким-то образом нарушил его права. Отъезд мог производиться вассалом как лично, со своими людьми и дружиной, так и вместе с землями, городами и селами, в том числе и с теми, что были пожалованы незадачливому сюзереном. Другое дело, что подобная возможность имела далеко не всегда.

Портрет Ивана III.
Западноевропейская гравюра XVI века.

Андрей и Василий Васильевичи Белевские, Дмитрий Федорович Воротынский и его племянник Иван Михайлович Воротынский, прихватив и часть соседских владений. В то время как Иван III и Казимир IV обменивались посланиями, обвиняя друг друга в нарушении договоров и соглашений, подданные великого князя московского и дружины перешедших на его сторону князей опустошали пограничные литовские волости, в частности в 1488 году московские полки из Калуги вторглись во Мценско-Любутское наместничество. Его наместник князь Иван Трубецкий жаловался королю Казимиру IV, что москвичи "приходили под города наши и многие škоды людем нашим починили, люди побили, а ниии головами у полов повели, животы (имущество. - В.Н.) и с статки (достаток. - В.Н.) побрали".

В порубежных стычках принимали участие и мценяне, и не без успеха, вызывая тем самым раздражение великого князя московского. Так, например,

в 1490 году мценяне напали на московских сторожей на реке Шат¹ Савела Муратова "с товарищи" и ограбили их, забрав коней, доспехов, одежды и "мелкие рухляды" на 70 рублей. В том же году мценяне Гриша Лукин и Остапок Воронцов со своей ватагой подкараулили сторожу на реке Донец, которую возглавляли татарин Тор и Ивашка Ширин, порубили и пограбили москвичей, забрав у них доспехов, коней, платья и прочего барахла на полтораста рублей. Через некоторое время снова отличился Остапок Воронцов со своими людьми. Он напал на деревню "На Мьстиславле", принадлежавшую Ермакову Лопатину, "а грабежу взяли коней и животины и платья и доспехов и мелкие рухляды на сто рублей".

В 1491 году люди любутского наместника князя Бориса Федоровича Александра мценяне Ромашка, Васюк Висковатой и прочие ограбили алексинских сторожей Ермолку Недяна "с товарищи" (хорошо, что хоть не порубили), забрав у них коней, доспехов и всего остального на пятьдесят рублей. Кроме того, мценяне снова обобрали сторожу на реке Шат, где находились Ивашка Жидовин, Гаврилка Ивашков сын Товчанов и Федька Тинни "с товарищи", лишив их коней, платья и других вещей на пятьдесят рублей.

Погромы пограничных застав вызвал дипломатический демарш Москвы: в 1492 году Иван III писал королю Казимиру IV: "Ездилы наши люди на поле оберегать христиан от басурманства (от татар. - В.Н.), а твои люди напали на них из Мценска, Брянска и других мест. Из Мценска же наездники перебили сторожей на Доне, ограбили сторожей олексинских" [2]. Впрочем, москвичи тоже исправно платили по процентам, и в том же 1491 году дворянин Федор Голохвастов "з многими людьми войною" вторгся в "державу Мценскую, škоды многи починили, людеи головами взяли, и звели в твою землю"

¹ В Рязанской земле. Позднее, в 1553 году, на реке Шат был основан город Шатск.

(Ивана III. - В.Н.) сто душ, и нних статков домовых многих пограбили". Вот такая веселая жизнь царя на границе.

После смерти 7 июня 1492 года короля Казимира IV необъявленная война вступила в новую стадию. Польша и Литва вновь разъединились, и Ивану III можно было не опасаться их совместного наступления, в результате давление Москвы на пограничные литовские земли резко усилилось. Прежде всего следовало наказать за дерзость мценян и любучан. В августе 1492 года сильная рать князя Федора Тельпень-Оболенского, придя "безвестно", взяла и выжгла Мценск и Любутск, уведя многочисленный полон. В числе прочих в плен попал мценский и любутский наместник князь Борис Семенович Александров [3]. Позднее мценские бояре утверждали, что общее число пленных, угнанных москвитями, составило полторы тысячи душ.

Происшедшее было делом до сих пор неслыханным, литовские послы заявили, что такого "изстари не бывало". И действительно, одно дело - разбой и стычки на границах или набеги удельных князей, которые Иван III объяснял самовольством или отговаривался неведением и обещанием разобраться; совсем другое дело - полномасштабное вторжение великокняжеской рати во главе с великокняжеским воеводою, которое сопровождалось сожжением "господарских" городов и пленением наместника.

В Москву срочно отправилось посольство от великого князя литовского Александра во главе с паном Станиславом Глебовичем и писарем Иваном Владычкой. Послы требовали от Ивана III объяснений (с его ведома это было сделано или без) и удовлетворения литовской стороны: казни виновных и возвращения плененного наместника князя Бориса Александрова, его людей и их имущества [4].

Но Иван III вовсе не собирался в чем-то оправдываться. От его лица дьяк Федор Курицын объявил: "Князь велики,

Александр I, великий князь литовский и король польский.

На литовской книге А. Гваньини: «Описание Европейской Сарматии», издания 1581 года.

велел тебе говорить: и мы еще к отку его х королю на татей (преступников. - В.Н.) на мченяи и любучан и неодиново посылали и с его есмя послы к нему наказывали,

Польские рыцари конца XV - начала XVI веков. Гравюра XIX века по изображениям XVI века.

чтож те мчяние и любучане прихоят от его наместников на наши украинны (окраины. – В.Н.) безпрестани, волости наши и села жгут, а людей головами сводят, а животов (имущества. – В.Н.) людских безчисленно поимали, а сторожей наших, которые стерегут хрестьянства от бесерменства, грабят и бьют, а с теми с его наместники теми животы наших людей делятся; и король тому ничему управы не учинил. Нынча пак сего лета мчяние и любучане сторожей наших... многих до смерти побили, а иных головами свели, а доспехов и коней и платья поимали на многое рублев.

А после того, пришед от Белева из Мченска и Любутска многие люди на нашу украинну волости и села пожгли, жоны и дети наших людей в полон повели, а животов людских взяли на многое рублев; и наши люди, не мога того тръпети, ходили за своими женами и за детьми и за своими животы”.

Иван III потребовал: заплатить за “головы” его убитых подданных, вернуть пленных и оплатить их разграбленное имущество. Только после этого он обещал отпустить наместника Бориса Семеновича Александрова и пленных мчяния и любучан... может быть. Надо полагать, что у литовских послов, выслушавших это заявление, отвисли челюсти. О дальнейших переговорах не могло быть и речи, и посольство было свернуто.

В августе того же года дружины князя И.М. Воротынского и князей Одоевских овладели Мосальском и Серпейском, а великокняжеские воеводы Василий Лапин и Андрей Истомина захватили города Хлепень и Рогачев. Литовским войскам удалось отбить Мезецк и Серпейск и посадить там свои гарнизоны, но Иван III бросил против них целую армию под командованием Михаила Ивановича Патрикеева-Колышки и Александра Васильевича Оболенского,

которая не только вернула указанные города, но и штурмом взяла и сожгла Опаво и Городецко. Под впечатлением успехов великого князя московского на его сторону переходят и другие князья – Степан Федорович Воротынский, Михаил Романович Мезецкий, Василий и Андрей Васильевичи Белевские и Андрей Юрьевич Вяземский. Апофеозом успехов Москвы стало взятие зимой 1492–1493 года Вязьмы. У великого князя Литовского Александра не было сил отвоевать назад захваченное, а обращение за помощью к Польше окончилось ничем, не удалось даже нанять отряд из 300 пехотинцев-жолтиеров. В результате он вынужден был пойти на мирные переговоры, и 5 февраля 1494 года враждующие стороны заключили “вечный” мир. Согласно мирному договору значительная часть захваченного, в том числе и Вязьма, осталась за Москвой. Литве были возвращены Мосальск,

так как князья Мосальские остались верны великому князю литовскому Александру, а также “коронные” литовские города Мценск, Серпейск, Любутск и некоторые другие [5]. Подобная уступчивость Ивана III в их отношении была вполне оправдана: не имея внутренней опоры в этих городках, трудно было рассчитывать на прочное их удержание в дальнейшем, а посаженные в них гарнизоны недолго продержались бы во враждебном окружении и были бы либо вырезаны, либо выданы литовцам в случае новой войны.

Для Мценска погром 1492 года стоил очень дорого. Прежде всего, город лишился своего статуса – центр наместничества перенесли подальше от границы – в Смоленск, туда же переселился и выпущенный из плена князь В.С. Александров. Кроме того, Мценск сильно обезлюдел, многие были убиты, да и домой из плена вернулись не все, кто-то предпочел

Валента роубка в XVI в.

Польская шляхта. Гравюра XIX века по изображениям XVI века.

Рыцарь вполн шлехты в отставке XVI в.

Польская кавалерия. Гравюра XIX века по изображениям XVI века.

Мялты в охоты. (Правый валу из „Степана“ 1611)

Шляхта на охоте. Гравюра XIX века по изображениям XVI века.

Польский кавалерист.

Гравюра XIX века по изображениям XVI века.

Фрагмент карты России начала XVII века. Обозначены города Мценск, Орел, Болхов, Новосиль и Ливны.

принять московское подданство; кого-то, кто в свое время наделал им особенно много хлопот, москвичи просто не отпустили, оставив их под замком.

Впрочем, заключение "вечного" мира вовсе не означало выполнения его условий со стороны Москвы, и едва ли не сразу после его подписания опять началась нескончаемая пограничная война с взаимными набегами, стычками и поджогами. Уже весной окрестности Мценска разграбили люди "служ" Ивана III князей Одоевских и Белевских. В конце 1495 года мценский наместник опять жаловался на "шкоды", причиненные белевцами [6]. В свою очередь мценяне платили обидчикам той же монетой, причем особенно доставалось рязанцам. Прибывшее летом 1497 года московское посольство во главе с Дмитрием Загряжским высказало великому князю литовскому Александру свои претензии: "...бил нам челом (Ивану III. – В.Н.) сестрич ваш, князь велики Иван Рязанской, жалуючи на твоих людей, на мченян и на рылян и на путивлян и на иных твоих украинников, а сказывает,

что его земле и его людям от твоих людей, опосле нашего с тобою докончания (договора. – В.Н.), многа лиха починилося тат[ь]-бами и розбой и наезды и грабежи великими, колко людей до смерти побито и головами сведено и животов (имущества. – В.Н.) людцких поимано, и колко сторожей его на поле перебито и переграблено и головами сведено, которые стерегут христьянства от бесерменства; а нынеча, сего лета о Троицине дни, мченяне и рыляне пришед да его (князя рязанского. – В.Н.) детей боярских на сторожевице, на поле, побили и пограбили, трех человек до смерти убили, и иные сечены поутекали" [7].

Дипломатическими путями дело не ограничивалось, буйных мценян можно было уговорить только мечом, и великий князь московский усиленно натравливал

Русская поместная конница XVI века. Гравюра из книги С. Герберштейна. 1556 год.

ѡзвѣстивъ градъ мѣненскъ. Про гомѣца
 оуѣдѣта. послалъ великъ князь великий
 иванъ гвѣдѣтичъ поѣздѣ своеѣго
 князя Федора телепѣна ѡболѣна саго си
 лото рязанскою на городъ мѣненскъ
 съзвѣстивъ
 цѣду.

Выступление на Мценск московского войска во главе с князем Федором Телепемь-Оболенским. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

Титульный лист книги польского хрониста Матвея Меховского "Трактат о двух Сарматиях" (1521 г.) с изображением сражения между поляками и татарами. Представляют интерес костюмы и вооружение сторон, поскольку с обеими противниками русским неоднократно приходилось сталкиваться на поле боя.

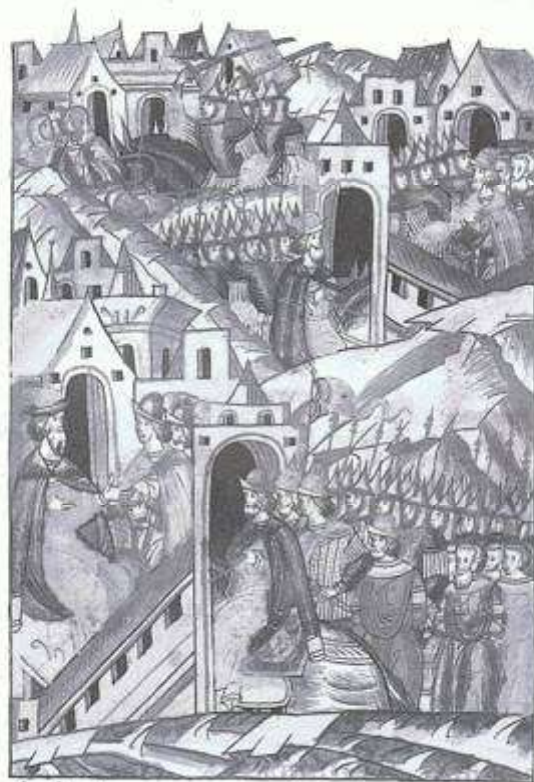
на Мценск его ближайших соседей – князей Белевских. В начале 1498 года белевцы организовали целый поход на Мценск, заявившись туда "войною, в зброях (доспехах. – В.Н.), ...и тыи их люди города добывали". Штурм не удался, и нападавшие, оставив в крепостном рву груды изломанных штурмовых лестниц и умирающих рытников, занялись более достойным для храбрых воинов занятием – грабежом окрестностей: "отступивши от стены, что было животных и статков у бояр и людей...по селам, то всё розграбили

и двадцать человек до смерти забили, а иных многи и теперь лежат ранныи" [8]. Мценяне с лихвой вернули должок, и уже Москва летом того же года прислала литовскому двору дипломатический протест с жалобой на пограничные обиды со стороны мценян. В свою очередь мценские бояре выдвинули встречные претензии Ивану III на "шкоты великие" со стороны белевских князей, обвинив их "в татбах (воровстве. – В.Н.), и в розбоех, и в гробежах". По словам бояр, белевцы опустошали их владения, грабили пчелиные борти, били бобров, ловили и уводили в плен людей. Кроме того, мценяне потребовали освобождения боярина Голуни¹, захваченного в плен еще во время набега 1492 года со всем своим семейством "а женою, с невесткою и з людьми его и с челядью неволною" [9]. Видно, здорово насолил в свое время боярин Голуна алапамитному великому князю московскому, если тот в нарушение условий "вечного" мира продолжал удерживать его в темнице еще в 1498 году.

Тем временем стычки на границе продолжались. Поскольку великий князь московский Иван Васильевич, и его "сестрич", великий князь рязанский, тоже Иван Васильевич, действовали "заедин", то от мценян весьма адорowo досталось и последнему. В 1498 году он жаловался, что мценяне, путивляне и рязяне побили "до смерти, а иных переграбили", его сторожей, карауливших рубеж княжества от татарских набегов, и вообще, "приходя на его землю, безпрестани его людей и грабят и головами сводят".

Не давали покоя мценяне, помня прошлые обиды, и своему соседу – вассалу Ивана III князю Ивану Белевскому. Можно упомянуть такой случай. В том же 1498 году княжеские сторожи преследовали татар, захвативших пленных в его владениях.

¹ В Новосильском районе есть село Голуна, возможно, оно являлось вотчиной вышеупомянутого боярина Голуни и в своем названии сохранило его имя.

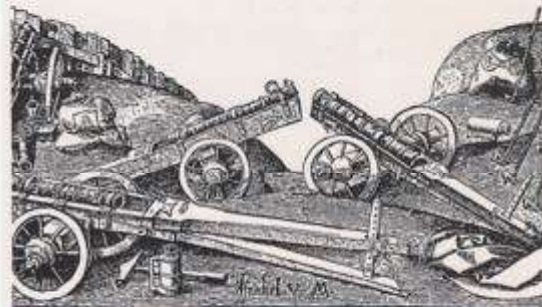

Игра мценеских пазши и земля попо
еиши. и по еподу их то бориса семено
павла александрова и зымаши и ныи
многи и причеслоши
на москву

Разорение Мценска русским войском и увоз в Москву пленных. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГИБ.

Навершие гербового шлема С. Герберштейна в виде фигуры русского воина в костюме первой половины XVI века

Артиллерийские орудия начала XVI века. Все орудия имеют казнозарядные затворы. Западноевропейская гравюра XVI века.

Во время погони они наткнулись на отряд мценян, которым руководил какой-то Ревутенки. Вероятно, некоторое время обе стороны думали, не взять ли друг друга в сабли, но потом решили объединить свои силы против общего врага и пустились вдогон вместе.

Татар нагнали, разгромили, отбили пленных и взяли "языка". Вот тут-то и проявилась коварство мценян. Они напали на своих бывших соратников, разоружили их и ограбили, забрав коней, платья "и иные рухляди" на 80 рублей, а также прихватили пленного татарина и в доверок одного из людей князя Ивана.

Иван Белевский послал за своим человеком во Мценск некоего Аргуна. Но местный "воеводко" Полоз, ставленник Сапег¹, не только взял у него откуп за пленного – шесть рублей, но и избил посла,

¹ Сапег – известный литовский род, давший Речи Посполитой многих прославившихся военачальников и администраторов. Имели русские корни и происходили из бояр Смоленского княжества.

ограбив его на десять рублей, после чего обеих бедолаг отпустили восвояси.

Нескончаемая пограничная война сделала жизнь местного населения совершенно невыносимой, а постоянные набеги и стычки тешили самолюбие лишь отдельных удамых голов. Тянувшаяся более десяти лет необъявленная война, которую даже не прервало недоразумение, названное "вечным миром", совершенно измотала силы мценян. Помощи же от своего сюзерена, великого князя литовского Александра, они, судя по всему, либо не получали вообще, либо она была совершенно ничтожна и ни в коей мере не могла компенсировать потерь. Неудивительно, что в их среде начался раздор, вызванный усталостью и бесперспективностью борьбы, а также дезертирство; так, в сентябре 1499 года "к Москве" перебежал мценский боярин Сенька Бунаков [10].

Осенью-зимой 1499 года валотекущие боевые действия на пограничье переросли в полномасштабную войну: многотысячные московские рати, поддержанные

дружинами местных князей, вторглись в литовские земли, и их оборона, и без того еле державшаяся, затрещала и рухнула. Московское войско совместно с дружинами белевских князей осадило Мценск, и крепость на этот раз не выдержала натиска. Город был взят штурмом, пушки и пищали из него вывезли, а стены и башни подожгли, после чего москвитяне, вчитую разграбив окрестности, покинули пепелище [11]. Другие московские рати тем временем взяли Серпейск и Мосальск.

В феврале или в начале марта 1500 года московское войско снова подступило к Мценску, вернее, к тому, что еще от него оставалось, и мценяне вынуждены были склонить свои гордые головы перед надменными воеводами Ивана III. Сидеть "в осаде" им было негде – новую крепость срубить наверняка не успели, воевать было некому и нечем, а их верховный сюзерен, которому они верой и правдой

служили столько лет, бросил их на произвол судьбы. Уцелевшие мценские бояре со своими "земляги и с водами и с людьми" принесли присягу Ивану III [12]. Отныне они так же верно будут служить своими саблями новому государю, как ранее служили прежнему¹.

¹ Вероятно, своеобразным отзвуком московско-литовских войн конца XV века, в которых мценяне принимали столь деятельное участие, являлись бытовавшие еще в XIX веке пословицы, в которых мценяне охарактеризованы как люди задиристые, склочные и вообще разбойного нрава, которым лучше палец в рот не класть, отхватят руку по локоть, например: "Амчане коня умчали", "Цыгане Мценск семь верст обходили", "Амчане – ребята бойкие", "Коли амчанин во двор, то выноси всех святых вон", "Как-то летом амчане, обиженные проезжали, вздумали зимой искать виноватых". Если кому-то желали пожелать несчастья, то его "жаловали": "Амчанина тебе во двор". Надо полагать, что после вклятия амчанина землетрясение, пожар и наводнение, вместе взятые, казались уже мелкой неприятностью.

Русское посольство. Западноевропейская гравюра XVI века.

Великий князь московский Василий III Иванович. Западноевропейская гравюра XVI века.

Спешно прибывшие в Москву 23 апреля 1500 года литовские послы Станислав Петрович и Федор Григорьевич от имени князя Александра заявили Ивану III протест на занятие Мосальска, Серпейска и Мценска: "...люди многи... пришедчи город наш Мценск засели", но это уже ничего изменить не могло – война продолжалась. На сторону великого князя московского перешли северские князья, в свое время щедро обласканные Казимиром IV и Александром Казимировичем: Семен Можайский, владевший Черниговом, Стародубом и Гомелем, а также Василий Шемячич, державший Новгород-Северский. Иван III разрешил им присоединить к своим удельным княжествам все земли и города, которые они отберут у Литвы, и сдержал свое обещание.

Третьего мая 1500 года воевода Яков Кошкин-Захарьин внезапным нападением взял Брянск – один из важнейших опорных пунктов Литвы на восточной границе.

Последовавшая затем потеря Путивля и Дорогобужа, а также сокрушительный

Великий князь литовский Александр. Гравюра XIX века.

разгром литовского войска 14 июля 1500 года на реке Ведроше окончательно лишили великого князя литовского Александра надежды, а главное, возможности вернуть утраченное, и он вынужден был пойти на мирные переговоры. По условиям перемирия, заключенного в марте 1503 года, все завоеванные земли и города, в том числе и Мценск, остались за Москвой. В перемирной грамоте между Иваном III и Александром Казимировичем говорится: "В те перемирные лета, в шесть лет, тех наших городов, и волостей, и земель всех не воевати, ни зацепляти ни чем..." [13]. Попытка польско-литовского государства в ходе русско-литовской войны 1507–1508 годов вернуть утраченные области окончилась провалом. По условиям мирного договора, заключенного между великим князем Василием III Ивановичем и польским королем Сигизмундом I Старым, все завоеванные ранее города, в том числе и "Мченеск", остались за Россией, а король был вынужден признать, что ему "до тех городов дела нет" [14].

МЦЕНСК – СТОРОЖЕВАЯ КРЕПОСТЬ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА. XVI–XVII ВЕКА

"И пришед наперед царя (хана Девлет-Гирей. – В.Н.) царевичи и стояли у Мценского посаду два дни и к посаду приступали, а во Мценской уезд войну роспустили. А в городе тогда был воевода князь Федор Иванович Татев Хрипунов с украиными людьми не со многими. И князь Федор, вылазя из города, з дет[ь]ми боярскими о посаде бился и посаду им жечи не дали и Крымских людей побивали и языки у них поимали. А на третей день сам царь пришел ко Мценску и с нарядом (пушками. – В.Н.), и к посаду приступал до вечера, и дальние дворы у посада, которых было убережи не можно, те татарове дворы пожгли, а ближних дворов татаром жечи не дали. А о вечерне царь того же дни и от города отступил, а в ночи коши (обозы. – В.Н.) отпустил, а назаутрее сам царь со всеми людьми и прочь пошел от города".

Лебедевская летопись. 1562 год [1]

Вскоре после принесения городом присяги Ивану III великий князь московский, вероятно, желая окончательно искоренить пролитовские настроения среди населения и вознаградить своего преданного слугу, пожаловал Мценск его злейшему врагу – князю Ивану Белевскому [2], под властью которого мценянам, надо полагать, мало не показалось. Впрочем, во владении князя Ивана Мценск находился сравнительно недолго. Согласно духовной грамоте Ивана III, составленной в 1504 году (до 16 июня), Мценск в числе прочих городов перешел его сыну Василию Ивановичу, будущему великому князю московскому Василию III: "Да и даю ему ... город Мченск с волостями, и з селы, и со всеми пощлинами, со всем, что к нему поятгло" [3].

К 1507 году отношения между Московским государством и Крымским ханством, ранее бывшие союзными, испортились из-за походов Василия III на Казань. Взабешенный крымский хан Менгли-Гирей, следуя примеру золотоордынских ханов, выдал второго июля 1507 года своему бывшему противнику королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду I Ярлык, который давал ему право владеть русскими городами Киевом, Смоленском, Черниговом, Рыльском и многими другими, даже Новгородом и Псковом. В числе прочих городов хан пожаловал королю "...Мченеск и Люботеск, Тулу город, со всеми их выходы и дан[ь]ми, и землями и водами" [4]. Известный историк С.М. Соловьев назвал эти крымско-польские претензии "смешными",

Сигизмунд Геберштейн в русском
жалованном платье. Гравюра 1556 года.

и действительно, прежде чем вступить во владение этими городами, польскому королю следовало бы сначала отвоевать их у Москвы.

В конце июля 1507 года крымские татары отправились в свой первый набег на южные окраины Московского государства. С этого времени началась необъявленная, продолжавшаяся едва ли не непрерывно 275 лет война России и Крымского ханства¹. На появление новой опасности с юга московское правительство ответило укреплением степных границ и приведением в порядок находившихся там крепостей.

¹ Формально она окончилась 8 апреля 1783 года после подписания Екатериной II указа о включении Крымского ханства в состав Российской империи.

Мценскую крепость восстановили весьма не скоро, вероятно опасаясь местного сепаратизма. Имперский посол Сигизмунд Геберштейн, побывавший в Московском государстве в 1516–1518 и 1526–1527 годах, отметил в своих записках: “Мценск (Mscenesc) – болотистая местность, где некогда была крепость, следы которой существуют и поныне. Около этого места до сих пор некоторое (количество народу) живет в шалашах, в случае необходимости убегая в болота как в крепость” [5]. Предположительно Мценскую крепость заново срубили около 1549 года, поскольку, согласно Разрядной книге 1475–1598 годов, осенью этого года в городе было введено воеводское наместническое управление: “Во Мценску воеводы князь Данила Семенович Одоевской да князь Олександр князь Иванов сын Прозоровского. Во Мценску же наместник Захарья Иванов сын Очин-Плещеев” [6].

После русско-литовских войн конца XV – начала XVI века литовская граница отодвинулась далеко на запад, и главным противником Московского государства на юге стало Крымское ханство. Одно из первых упоминаний о появлении крымских татар под Мценском относится к августу 1553 года, когда сюда вторгся отряд из 50 всадников пограбить “мценские украины”, но его разгромил здешний воевода князь Петр Васильевич Горенский. Пятерых ваятых в плен языков князь Иван отослал в Москву [7].

До поры до времени дело ограничивалось отдельными стычками между мценскими служилыми людьми и татарами на территории уезда. Но в 1562 году Мценску пришлось выдержать довольно тяжелое испытание. В начале июля 1562 года сторожи принесли во Мценск тревожные вести о вторжении в русские пределы орды хана Деалет-Гирея. Шестого июля к городу подошли передовые отряды крымских татар, которыми командовали его сыновья “царевичи калга Магмет-Кирей царевич да Алдал-Кирей царевич”.

В городе в это время находился воевода князь Федор Иванович Татев-Хрипунов с “украинными людьми немногими”. Ливонская война (1558–1583) была в разгаре, и в Московском государстве уже начинала ощущаться “великая скудость ратными людьми”, что вынуждало правительство отправлять в Прибалтику воинские контингенты даже из степных городов, несмотря на очевидную опасность войны на два фронта. По росписи 1632 года во Мценске находилось 436 человек служилых людей [8], надо полагать, что у воеводы Татеева-Хрипунова в то время, с учетом крестьян, бежавшихся под защиту крепостных стен, людей было не больше.

Укрепления Мценска в XVI веке состояли из дубового кремля – Рубленого города и примыкавшего к нему подковой Малого острожка, стоявших на скальном, очень высоком и узком мысу, и могли почитаться неприступными для крымских татар, не имевших осадной артиллерии. Но к крепости примыкал обширный посад, располагавшийся в долине речки Мцны, который из-за его разбросанности было довольно трудно защищать. Тем не менее воевода и жители не стали сжигать посад, надеясь его отстоять, и, по-видимому, постарались подготовить его к обороне: перегородили улицы надолбами и плетнями, а где не успели, закидали проезды боронами остриями вверх и посыпали “чесноком”.

Первые бои разгорелись у Холопьевого моста на южной окраине города и на задворках Стрелецкой слободы. Предание о бое в этом месте сохранилось еще в XIX веке. По словам проезжавшего через Мценск в 1810 году князя И.М. Долгорукова, “с версту от города есть мост (я по нему проезжал), называемый холопий, потому что будто во время набегов Татарских его отстояли, а с ним вместе и город, господские холопы. Много, видно, было их, или мало Татар!” Но в предании, как и в любом устном сказании, сплелись реалии различных времен. По словам того

*Ich bin der Reiffen Herz vnd Rhing
Meines Andlichen Erbes bewiegig
Hab von niembt nichts erbein noch gefhaufft
Bin in namen Gottes am G. brufft getaufft.*

Портрет Василия III Ивановича.
Гравюра из книги С. Герберштейна.
1556 год.

же Долгорукова, “вблизи того ж места видны земляные высоты, под которыми, утверждают, быть могилам рытым после сражения с Татарами” [9]. В данном случае имелись в виду языческие курганы, последние остатки которых были уничтожены при строительстве железной дороги во второй половине позапрошлого века. Ратные же люди, погибшие в бою с татарами, были похоронены, скорее всего, у своих приходских церквей в слободах.

Царевичи, распустив часть войск жечь и разорять опустевшие деревни – “воевати уезд”, простояли у посада два дня и “к посаду приступали”, но неудачно. “Князь Федор, вылезая из города з детьми боярскими, о посаде бился и посаду им жечи не дали и Крымских людей побивали и

Карты Московии 1556 и 1557 годов из книги С. Герберштейна, на которых показан Мценск.

языки у них поймали" [10]. На третий день подошел сам хан Девлет-Гирей с главными силами, и без того огромный численный перевес татар стал подавляющим. Кроме того, у хана был "наряд" – артиллерия и обслуживающие ее отряды турецких пушкарей – топчу и стрелков – янычар. Хотя, конечно, пушки и пищали, перевозившиеся на верблюдах, не могли соперничать по калибру с тяжелыми крепостными орудиями.

Весь день до вечера татары "жестокими приступы" атаковали посад, и защитники поддались под их натиском. "И дальние дворы у посада, котрые было уберечи не можно, те Татарове дворы жогли, а ближних дворов Татаром жечи не дали" [11]. По-видимому, в немалой степени развить успех татарам помешал артиллерийский огонь с высоты стен и башен Рубленого города, господствовавшего над посадом, тяжелые ядра из пушек которого прорубали кровавые просеки в толпах татар.

Ближе к вечеру татары прекратили атаки и отошли от города. Ночью хан отпустил обозы, а "назавтрее сам Царь (Девлет-Гирей. – В.Н.) со всеми людьми и прочь пошел от города", получив вести о приближении ко Мценску русских войск. На помощь Мценску спешили из Серпухова полки князя Михаила и боярина Александра Ивановичей Воротыньских "и иных воевод со многими людьми". Воеводы гнались за татарами "до Коломака и до Мерчика", но не настигли их, потому что Девлет-Гирей "пошел от украины спешно". Иван IV в это время находился в Можайске с ратью, но людей на хана "для скорого отходу ото Мценска" не послал, дабы "не изволочити [их] для Литовского дела (похода на Литву. – В.Н.)" [12].

По словам захваченных языков и перебежчиков, "котрые люди выехали на Царево и Великого Князя имя", Девлет-Гирей поднял в набег на русское пограничье польский король Сигизмунд II Август, и "казну великую для того король

ко царю прислал". Спешностью сбора объяснялся и малочисленность татарской рати, по словам летописца, "толка едва собралоса с ним до пятнадцати тысящи всех Крымских людей: и не прихаживал бо быше царь николи в такове мале собрание" [13].

И правительство, и население Мценска извлекли урок из происшедшего. По-видимому, вскоре после набега Девлет-Гирей городские посады и слободы были обнесены деревянной стеной протяженностью около двух с половиной километров, благодаря чему Мценск стал одной из крупнейших русских крепостей на степной границе.

В 1572 году царь Иван IV в своей духовной грамоте (завещании), составленной в июне-августе того же года, передал "город Мценск с волостями и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами и со всеми Польскими (имеются в виду полевые. – В.Н.) отхожими вотчинами" своему сыну Ивану. Согласно той же духовной, Мценск состоял и во владении другого царского сына – Федора (будущий царь Федор Иванович) [14]. Надо полагать, братья владели Мценском совместно, подобное в эпоху средневековья, когда у города оказывалось сразу несколько хозяев, встречалось довольно часто.

Круговерть Смутного времени (1604–1612) захватила и Мценск. В конце 1604 года мценяне: 30 пехих стрельцов в составе Сторожевого полка и даточные люди, снаряженные осадным головой Семейкой Лыковым (4 человека конных) и губным старостой Степаном Рагозиным (2 человека конных), в рядах русской рати участвовали в походе на Лжедмитрия I, который завершился битвой при Добрыничах 21 января 1605 года. В мае 1605 года город перешел на сторону Лжедмитрия I, а в конце августа – начале сентября 1606 года примкнул к восстанию И. Болотникова. Повстанцы "по вражю наважению, бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертми, бросали с башен, а

и прісылаеи зомцкнъи сьмъи зкни
 на члвкдети пріеала в зомцкнъи
 на кнъзъ петръ и кнъзъ славіе павъи
 горенскаго . сьмъи зкни павъи тапа
 риноа в крвѣи кнъи . пріхъодили на мце
 не кнъзъ уараннъи павъи деса дѣи крвѣи
 мейи . и кнъзъ петръ и покнѣи на голод
 и пріхъодили на мце . и пріхъодили
 пріхъодили на мце . и пріхъодили

Разгром в 1553 году мценским воеводой князем Петром Васильевичем Горенским татарского отряда и отсылка пленных злыков в Москву. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

Мценская крепость в середине XVII века. Вид со стороны реки Мцы. Реконструкция автора.

нных за ноги вешали и к городовым стенам распивали, и многими различными смерти казнили и прожиточных людей грабили, а ково побивали и грабили и тех называли изменники, а они будто стоят за царя Дмитрия" [15]. В числе прочих восставшие схватили Степана Рагозина. Он отказался присоединиться к ним, его приговорили к смерти и сбросили с одной из башен Мценского кремля. Кто был во Мценске, прекрасно помнит высокую скалистую гору Самарод, где некогда высилась Мценская крепость, и поймет, что уцелеть после такого "нещасливого приключения" было практически невозможно, но Степан Александрович "изволением Божиим" остался жив, хотя, несомненно, сильно побился. По-видимому, повстанцы также были поражены его чудесным спасением, не стали его добивать и бросили в тюрьму, откуда он вскоре сбежал в Москву. В столице вместе со своими тремя малолетними сыновьями ему пришлось хлебнуть лиха в осадное время и голодать. В 1614 году Степан Александрович

был уже очень стар, в общей сложности он отдал государевой службе 52 года жизни, а теперь служебную лямку тянули его взрослые сыновья. Рагозин решил уйти в монастырь, но средств для того, чтобы сделать достойный вклад, у него не имелось, и он обратился с челобитной к царю Михаилу Федоровичу, описывая свое вонистину бедственное положение: "И ныне, государь, я, холоп твой, стар и с того бою (падения с башни. – В.Н.), увечан, и прошу у Христа Бога милости, чтоб грешному при старости постритца [в монастырь]; а постритца, государь, мне, холопу твоему, нечим, животиншка (имущество. – В.Н.) все разоимали воры (восставшие. – В.Н.), и помещишка, государь, от крымских и от литовских людей и от русских варов разорено без остатку, и скитаюсь, государь, меж двор, галавы уклонить негде". По государеву указу С.А. Рагозина пожаловали – выделили 8 рублей денег [16].

Один из его сыновей, Иван Степанович (Стефанович), впоследствии служил стрелецким и казачьим головой во Мценске.

Вид на Мценский кремль со стороны Малого острова в 30-е годы XVII века.
Реконструкция автора.

Служил он исправно, в частности, благодаря его расторопности и распорядительности в 1624 году была спасена Мценская крепость, когда неизвестный злоумышленник поджег Наугольную башню. Иван Степанович вместе с осадным головой Ильей Киреевским "вскоре к пожару поспешили со многими людьми и город утушили". В результате кремль остался "нерушим ничем от того пожара" [17]. Перед смертью Рагозин, как и его отец, принял схиму в Петровском монастыре под именем Иева и здесь же был похоронен 18 января 1656 года. Резное белокаменное надгробие на его могиле до сих пор лежит у построенной его потомками Введенской (Петропавловской) церкви во Мценске.

Но вернемся снова к истории Мценска в годы Смуты. В 1612 году город присоединился ко Второму ополчению князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, а в мае 1613 года мценские выборные Иван Черемисин, Григорий Толубеев, Порфирий Гринев, Андрей Чортов и другие участвовали в подписании Утвержденной грамоты об избрании на Московское царство Михаила Федоровича Романова [18].

Тем не менее хотя законный царь и был избран, но война с Речью Посполитой и Швецией все еще продолжалась, кроме того, по стране бродила масса разного рода шаек, воевавших в зависимости от родады за кого придется и грабивших всех подряд. Ареной боевых действий являлся и Мценский уезд.

По царскому указу в марте 1613 года против литовцев, которые стояли около Серпейска, было велено идти белевским воеводам князьям Андрею Хованскому и Семену Гагарину. К ним на соединение должны были подойти из Мценска воеводы князь Иван Хворостинин¹ и Тимофей Мещерский с местными служилыми "промышлять над литовскими люд[ь]ми вместе". Хованский и Гагарин стали в 17 верстах от Козельска, а вскоре подошел со своими людьми и Иван Хворостинин, но он остановился в шести верстах от них в деревне Иваикове. Хованский предложил Хворостинину объединиться, но тот не захотел и ушел со своим отрядом обратно

¹ Более подробно о личности князя Ивана Хворостинина можно узнать в главе "Новосиль после Смутного времени. 1618–1700 годы".

во Мценск "и тем своим походом и розно нашему делу многую поруку учинил". Позднее Иван Хворостинин оправдывал свои действия личными неприязненными отношениями с Хованским, что "меж ими розно великая, а нашему делу в их розни прибыли не будет", а также обвинял Хованского в том, что ранее тот во время набега литовцев удрал из Белева. Естественно, что подобные отношения между командующими могли привести только к одному результату – к разгрому, поэтому правительство поспешило заменить воевод Хованского и Хворостинина на других [19].

В августе 1614 года в Москву прискакали с победным донесением – сеунчом лихвинец Микита Зыбин и орлянин Воин Воробьев с вестью от мценского воеводы стольника Ивана Шереметева с сообщением, что посланные им головы с сотнями разбили во Мценском уезде ногайцев и взяли в плен языков [20].

В августе следующего 1615 года 496 мценских служилых людей в составе рати князя Дмитрия Михайловича Пожарского участвовали в сражении с отрядом литовского полковника Александра Лисовского на Царевом Броду под Орлом [21].

Время от времени во Мценский уезд забредали польско-литовские отряды (Деулинское перемирие с Речью Посполитой было заключено только 1 декабря 1618 года), с которыми происходили "бои многие". Так в ноябре 1616 года мценяне застали литовцев "под Печерью" в деревне Устомле, где многих перебили и взяли в плен [22].

В августе 1617 года под Мценском появились крымские татары, перехватили по полям работавших людей и захватили несколько стад. Мценские воеводы князь Федор Татев и Микита Лихарев выступили против них, разгромили, захватив "языков" и гнали татар и "гонтали по Орловский рубеж" [23].

1 января 1618 года под Мценском снова объявились литовцы. Они попытались

Русский стрелец. Рисунок из альбома Эрика Пальмквиста, 1874 год.

ворваться на посад, но воевода Ф. Татев разбил их и отбросил от города. На следующий день он отправил в погоню за нападавшими голову Семена Рагозина с собою. Тот обнаружил литовцев в деревне Силино, принадлежавшей вотчиннику Шеншину, и "Божиею милостию и государевым счастьем" их разгромил. В обоих боях было взято в плен 12 литовцев и "русских воров" [24].

Пройдя через бурные события Смуты, Мценск – единственный из городов Орловской земли – сумел избежать разорения поляками и литовцами, а также соотечественниками во время гражданской войны, в то время как другие города разорялись "не по единожды" (Орел – 1608, 1611, 1615; Волхов – 1608, 1611, 1613; Новосиль – 1611; Кромы – 1605, 1606; Ливны – 1618). Крепкое местоположение и сильные укрепления спасли Мценск и жизни его горожан,

вызывая у неприятеля стойкое нежелание с ними связываться и стремление обойти город стороной "подобру-поздорову". После Смуты население Мценска даже выросло. Согласно писцовой книге 1624–1625 годов на городском посаде проживали кроме собственно мценян смоляне, козличи (из Козельска), каширяне, алексинцы, кромляне, веренчи, мешовцы, брянцы, перемышльцы, мосальцы, туляне, лихвинцы и даже новгородцы. Особенно много во Мценске жило орлян [25], переселившихся сюда осенью 1615 года из опустошенного литовским полковником А. Лисовским Орля.

И в годы Смуты, и после традиционными врагами для мценян оставались крымские татары, причем после сожжения в 1615 году Орля мценским воеводам было указано оберегать от татарских набегов и Орловский уезд [26]. После окончания Смуты и как следствие начала укрепления государства количество татарских набегов несколько сократилось, тем не менее время от времени они появлялись во Мценском уезде. Например, в 1623 году трехтысячный татарский отряд под началом Ахмета-мурзы, Клич-мурзы и Алшабина-мурзы вторгся в Болховский, Карачевский, Орловский и Мценский уезды. У деревни Соголаевой Орловского уезда мценские служилые люди дали татарам бой, в котором крымцы потеряли несколько человек убитыми, ранеными и одного пленным [27].

С началом русско-польской (Смоленской) войны 1632–1634 годов гарнизоны южнорусских городов, и без того немногочисленные, были сильно ослаблены посылкой людей на польский фронт. Не стал исключением и Мценск: мценяне бились с поляками и литовцами под Смоленском и другими городами, многие сложили там и свои головы¹. Обесмертил подвигом свое имя мценянин Семен Дедевшин, который во время обороны крепости Белая

¹ Например, отец мценянина Тимофея Мелентьева сына Пяткина был убит под Смоленском.

взорвал одну из башен, похоронив под ее обломками и себя, и жолнеров польского короля Владислава. В бою под Белой отличился также мценский дворянин Елизарий Балакирев [28].

Желая ослабить русское давление на Смоленск, польское правительство вступило и в переговоры с Крымским ханством. Переговоры шли тем более успешно, что были подкреплены изрядным количеством золота из королевской казны, и летом 1633 года массы татар хлынули в южные степные уезды Московского государства. Несмотря на то, что городские воеводы при первом же известии о приближении татар спешно рассылали по уездам вестовщиков с требованием к сельскому населению и местным вотчинникам немедленно съезжаться с имуществом в города, под защиту крепостных стен, многие, как водится, не успевали: кто-то просто оказался нерасторопен, кого-то вовремя не предупредили, кто-то понадеялся спрятаться в окрестных лесах и буераках. В результате непрерывные татарские набеги, продолжавшиеся два года подряд, сильно проредили сельское население южных окраин Московского государства.

Мценский воевода Савелий Коаловский в своей отписке от 5 мая 1633 года сообщал, что он отпустил проведывать про татар станицу из пяти человек во главе с сыном боярским Еремеем Переверзевым. В ночь на 28 апреля подъездчики прибежали во Мценск и сообщили, что "пришли татарове из Новосильского уезда и воюют Чернский уезд". Воевода выслал против них "голову Семена Виденьева, а с ним дворян и детей боярских лучших людей, да с ним же, Семеном, Протасий Неплюев послал мценских и орловских стрельцов сто человек". 29 апреля ратные люди настигли татар в деревне Калюнь Чернского уезда, разбили их и взяли 7 языков, "а государевы люди с бою отошли во Мценск здорово" [30].

Весной 1633 года во Мценск для руководства Прибылым полком, собранным из служилых людей Мценска, Новосиля,

Музей-заповедник Коломенское. Фотографии автора, 2009 год.

Белева и Черни, прибыл воевода Иван Матвеевич Вельяминов. Уже 5 августа он получил известие, что через Кирпичный брод на Сосне близ Ливен "перелезли" татары "многие люди"; в тот же день воевода узнал, что они обложили Новосиль, а часть крымцев пошла шарпать "мценския и новосильския места". Вельяминов выступил против них с наличными людьми, выслал вперед голов с сотнями – новосильцев Ермолая Анненкова и Петра Глотова, а с ними новосильцев и черни – дворян и детей боярских. Вернувшись, они сообщили, что татарский табор стоит у деревни Высокой Новосильского уезда, Вельяминов со своим маленьким войском остановился в природной крепости – в лесу меж оврагов и поставил "знамена возле лесу для того, чтоб татаром не сметить государевых людей". После чего отрядил против татар конную "посылку" (летучий отряд) под началом голов: белевца Андрея Стрехова, а с ним белевцев бобриковских¹ казаков пятидесятника Савина Олтунина с огненным боем, да мценянина Елифана Лыкова, а с ним мценя детей боярских". Шестого августа ратные люди внезапным нападением разнесли татарский стан, "татар побили и языки многие поймали", освободив 2700 человек русского полена из Новосильского и Мценского уездов. Тем временем из-под Новосила стали прибывать новые массы татар, и Вельяминов, связанный по рукам отбитым полоном, не решился завязывать новый бой и начал отход во Мценск. Его вылазка и без того увенчалась полным успехом, не говоря уже о том, что воевода освободил большое количество пленников, он "ни одного ратных людей человека не утерял". В бою было убито 30 татар и взято в плен 28, но из них отправили в Москву только шестерых, остальные, по словам И. Вельяминова, померли от ран во Мценске [31].

¹ С Бобриковской засады под Белевом.

Впрочем, с захваченными "языками" случилась довольно некрасивая история. Воевода отправил в Москву пленных со взявшими их служилыми людьми, где те за "языковый привод" получили награду – по два рубля и по "сукну доброму" на чело века. Но тут в Москву прибыла делегация мценян и новосильцев – детей боярских, которые заявили, что на самом деле пленных захватили они, а не те, кого наградили. В Разряде были вынуждены начать служебное расследование, привели и пленных татар, которых поставили "с очей на очи" с теми, кто их взял, и те указали на вновь прибывших. Выяснилось, что воевода за взятку отправил с "языками" совсем не тех людей, которые их захватили, уличить же его в этом оказалось некому, поскольку служилые люди, действительно захватившие пленных, были либо в отъезде, либо не смогли приехать во Мценск, поскольку между ним и Новосилем еще рыскали отряды татар. В результате И. Вельяминов за подлог получил жесткий выговор от царя Михаила Федоровича: "И ты для своей безлепичной корысти в том многую смуту учинил". Отбирать награду не стали, в конце концов, они действительно участвовали в боях с татарами, но обиженных воеводе следовало удовлетворить, только уже из своего кармана. А чтобы подобного не случилось впредь, И. Вельяминову велели присылать пофамильные списки с указанием, кто кого захватил [32]. Но все это произошло позднее, пока же в окрестностях Мценска и в соседнем Новосильском уезде шли постоянные стычки с крымскими татарами.

Седьмого августа воевода послал против татар голову Максима Марьяенка, а с ним "ратных людей мценян детей боярских". Те настигли небольшой татарский отряд в Новосильском уезде в деревне на Поганце "и на том бою татар многих побили". В плен взяли и двоих языков, но они оказались столь жестоко изранены, что скончались во Мценске.

Дозорная вышка и башенный облом.

Острожная стена Братского острога.

Четырехугольная башня Братского острога – типовая башня русской крепости.

Вид на башню Сужского острога с внутренней стороны.

Пушка в бойнице башни Сужского острога.

Башенная пушечная бойница.

Ганок для подъема пушек в башню Сужского острога.

Музей заповедник Коломенское. Фотографии автора. 2009 год.

Одиннадцатого октября того же года отряд татар, разорив "елецкие места", пошел "в отход", но около сотни из них, видимо, не удовлетворившись захваченной добычей, вторглись в Новосильский уезд, где на Остроганце начали хватать людей в плен. Узнав о появлении татар, Вельяминов послал против них "посылку" под началом новосильца Петра Глотова, "а велел им до тех мест идти, где у них война была на Остроганце, и, дошед, над татарами промыслать и языков добывать". Служилые люди настигли отходивших татар, разбили их и отбили 88 человек полона.

За доблестьную службу И.М. Вельяминов был удостоен жалованной грамоты "с похвалою" царя Михаила Федоровича. Тем не менее воевода счел себя неудовлетворенным. С некоторой обидой он писал в своем челобитье: "Да я ж будучи на вашей государеве службе во Мценску, себе корысти не чинил, посулов и поминков не имал... (мы уже знаем, как он взятку не брал. – В.Н.), а у которых у моей братьи (воевод соседних городов. – В.Н.) преж сего бывали с татарами с невеликими людьми бои, а иные сиживали от татар и от черкас (украинских казаков. – В.Н.) по городом в осадах, а языки имывали в загонах, а в походех не бывали, и с татарами и с черкасами на прямом бою не бивались, и тем ваше государское жалованье даваны шубы и кубки и четвертная и поместная придача (т. е. воевода к имевшимся вотчинам получал дополнительный земельный надел. – В.Н.), да к ним же посылаю ваше государское жалованье с золотыми" [33]. Просьба была признана справедливой, и его воеводское денежное жалованье увеличили на 35 рублей². Щедро наградили и подчиненных Вельяминова: присланный в

¹ Золотая наградная монета, носилась наподобие медали, но только на шажке.

² На два рубля в XVII веке можно было поставить деревянный дом.

Москву с сеунцем (победной вестью) Андрей Страхов получил государева жалованья 12 рублей, тафту и сукно доброе, а голова Максим Марьенко – 5 рублей "да сукно доброе" [34].

Десятого августа 1634 года татарские отряды снова вторглись во Мценский и Новосильский уезды. Высланные новым воеводой Дмитрием Колтовским служилые люди дали бой татарам в деревне Лыковой и на устье речки Колпны при впадении ее в Зушу, "и на тех боех татар побили и языки поймали". Согласно присланной Д. Колтовским росписи: "Месяннин Артем Лыков взял татарина Атюмеша-мурзу, месяннин Неустрой Лыков взял татарина Ишиньева, месяннин Дмитрий Лыков взял татарина Клука, новосилец Семен Росцупин взял татарина Тогуза, новосилец Фома Житкой взял татарина Шембета, месяннин Богдан Выхребенец взял татарина Саламата, новосилец Василий Головин взял татарина Тора, новосилец Антон Данилов взял татарина Менгя, белевец Дмитрий Карташев взял татарина Мамета, новосилец Осип Алексеев взял татарина Салтаната, месяннин Михаил Лыков взял татарина Кулаза, месяннин Артем Степанов взял татарина Чюфара". Всем им за "язычный привод" было "дано по два рубля да по сукну по доброму". Первого октября того же года воевода Д. Колтовский настиг татарский отряд под Орловским городищем на реке Оке, взял в плен 20 татар и освободил 650 человек русско-го полона [36].

Далеко не все воеводы действовали так удачно, как И.М. Вельяминов и Д. Колтовский, в результате массированных татарских ударов по степным "украинам" Московского государства сделали свое дело: из лагеря под Смоленском началось массовое дезертирство служилых людей из южнорусских городов, надеявшихся если не отбить своих родных и близких, то хотя бы успеть их выкупить,

пока они не попали на рабовладельческие рынки Крыма и Турции. Литовский гетман Радзивилл заявил по этому поводу: "Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике это вышло очень хорошо". Король же Владислав отблагодарил крымского хана денежной "казной" на 20-ти телегах [37].

Русско-польская война закончилась, но набеги крымских татар продолжались. Двадцатого октября 1637 года во Мценске стало известно о вторжении татар царевича Сафат-Гирея в Новосильский уезд. Мценский воевода стольник Андрей Плещеев послал проводить его про них разведку во главе с Григорием Шеншиным. Те натолкнулись на передовой отряд татар в деревне Подбелевец в семи верстах от Мценска, и подбездничкам пришлось удирать от крымцев. Голова Григорий Шеншин едва сумел спастись: татары перехватили у него "простого" (без поклажи) коня, а он с товарищами "отвалялся лесом". Получив тревожное известие, воевода А. Плещеев велел своим людям выступать. Мценские настигли татар в Новосильском уезде на речке Олешне "и Божию милостью и государевым счастьем татар многих побили и в языках поймали и полон у татар отбили". В плен попал ногайский "Солох мурза Такай мурзин Шейдяков" с пятью своими людьми, которых вместе с месянником Федором Гриневым, отличившимся в бою, отправили в столицу. В Москве пленников пытали, и они рассказали много интересного о замыслах крымского хана и турецкого султана [38].

О том, как проходила подготовка города к обороне от крымских татар, можно узнать из наказа, данного воеводам стольнику князю Михаилу Пронскому и князю Михаилу Козловскому, назначенным во Мценск в 1638 году [39]. Весной этого года в Москве стало известно, "что крымской царь вынешнего лета хочет

приходить в Московское государство большою войною". Правительство царя Михаила Федоровича немедленно приняло все необходимые меры обороны, назначив во все ключевые южнорусские города Тулу, Одоев, Крапивку, Венев, Мценск и Переславль-Рязанский бояр и воевод, которые должны были стоять там с полками. Верховное главнокомандование осуществлял боярин и воевода Большого полка, располагавшегося в Туле, Иван Борисович Черкасский. Во Мценске к 1 мая должны были собираться дворяне, дети боярские и служилые люди: белевцы, мценские, болховичи, карачевцы, стародубцы, брянцы, почепцы, рославльцы¹ и бобринские казаки, списки которых заранее отослали М. Пронскому и М. Козловскому. Всех прибывших отмечали в специальных списках, "хто которого числа на государеву службу" во Мценск прибыл, пересматривали "налицо", "хто каков конен и оружен на государевой службе будет", после чего разбивали на сотни и назначали головами "дворян добрых". Казаки же оставались в подчинении своих голов и сотников.

Как всегда, не обходилось без "нетчиков" – служилых людей, которые по какой-либо причине или даже не имея оной не спешили на службу в государевы полки. В отношении их М. Пронскому и М. Козловскому было велено действовать очень жестко: сначала к воеводам и приказным людям вышеписанных городов присылали грамоты с требованием немедленно выслать указанных людей, если же это не помогало, за "нетчиками" выезжали высылщики – выбивать домоседов из поместий. Собранных "нетчиков" воеводы сажали в тюрьму, для острастки пороли и выпускали только под

¹ Города Стародуб, Почеп и Рославль по условиям Польского мирного договора 1634 года возвращались Речи Посполитой, населению же был предоставлен выбор – либо остаться за Польшей, либо уйти в Россию, что многие и сделали.

крепкие поруки, причем с них брали расписки, "что им на государевой службе во Мценску жить без съезду до отпуску", а также налажали штраф "за прогоны" высылщиков.

Для местных служилых и жилецких людей составлялась осадная роспись, "хто с каким боем (оружием. – В.Н.)", в соответствии с которой они в "приступное время" должны были занимать свои места на стенах и башнях. Спешно чинились все "городовые ветхости", на крепостных стенах складывались заостренные с двух концов колья и камни, сметались соломенные крыши с домов, а близко стоявшие к укреплениям постройки раскалывались по бревнышку.

Населению Мценского уезда приказывалось при получении известия о татарском вторжении немедленно выезжать во Мценск со своим имуществом, запасами и прочим бараклом. Для того, чтобы город не превратился в осадное время в огромный хлеб, разрешалось брать с собой только несколько голов скота, остальные стада вместе с пастухами прятались в разных укромных местах. Большая часть хлеба ссыпалась и пряталась в ямах, везти его в город весь не имело смысла – татары города долго не осаждали. Обо всем этом население оповещалось заранее через городских глашатаев – бирючей, от которых требовалось "в торговые дни... прокликать не по один день, чтоб то всем людям было ведомо". Причем особо оговаривалось, что кто по своей дурости в осаду не поедет и попадет в руки татарам, тех выкупать за государственный счет¹ и обменивать не будут.

Особые инструкции выдавались служилым людям на тот случай, если кто-либо из них попадет в плен, поскольку, как известно, война – дело непредсказуемое: "И тем детям боярским приказывать накрепко, ково из них притчею

¹Для этой цели с населения собирался особый налог – полонивничные деньги.

(случайно. – В.Н.) воинские люди на розгроме возьмут, и учнут про вести роспрашивать, и они бы сказывали, что во Мценску, в Новосиди, на Орле, и по всем украиним городом, и на тульских, и на коширских, и на резанских, и на лихвинских, и на козельских, и на венежских засеках стоят воеводы со многими людьми, и литва, и немцы, и татарова казанские и свияжские, и мещерских и всех понизовых городов, и салдаты, и многие стрельцы, и казаки, с вогненным боем (огнестрельным оружием. – В.Н.) конные и пешие. А на Туле, в Одоеве, на Кропивне, на Венеже, на Резани стоят большие бояре и воеводы, а с ними царева двора стольники и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дворяне, и дети боярские, и литва, и немцы, и всякие иноземцы многих земель, и рейтары, и драгуны, и салдаты, и стрельцы московские, и из городов стрельцы, и казаки донские, и волские (волжские. – В.Н.) и яцкие с вогненным боем конные и пешие" [40]. Одним словом, ратным людям на допросе у татар рекомендовалось выбалтывать военные секреты подробно, красноречиво и не краснея. Самое интересное заключалось в том, что все это являлось чистой правдой, за исключением, быть может, только одного – ратных людей на южные рубежи удалось выставить не столь много, сколько хотело бы русское правительство. Расчет был основан главным образом на том, что крымцы, прослышав об обширных военных приготовлениях Москвы, повернут вспять. Подобное, кстати говоря, не раз случалось и раньше, произошло и на этот раз – крымский хан отменил поход.

Жестокий урок татарских набегов 1633–1637 годов не пропал даром, московское правительство поняло, что надеяться на возвращение утраченных в годы Смуты Смоленской и Северной земель невозможно, пока над южными границами нависает Крымское ханство.

Начиная с 1635 года развернулись грандиозные работы по укреплению степных рубежей, здесь основываются новые города и строится укрепленная линия, позднее получившая название Белгородской черты. В 1638 году расширяются и укрепления Мценска, где возводятся Большой острог и Плетеный город [41]. На строительство новых городов были мобилизованы мценские служилые. В 1636 году мценские восстанавливали Орел, а осенью 1637 года возводили Усерд, в 1642 году они строят Яблону на Белгородской черте [42]. В 1644 году в новостроенный город Ольшанск перевели на "вечное житье" часть мценских стрельцов, устроивших в нем целую улицу "Мценских сведенцев" [43], а в 1646 году мценские "сведенцы" стали первопоселенцами городков Карпова и Болхового [44], кроме того, в Карпов перевели 12 пушкарей из Мценска и Орла [45].

Во время русско-польской войны (1654–1667) русская армия 28 июня 1659 года потерпела тяжелое поражение от орды крымского хана Мухаммед-Гирея и казаков мятежного украинского гетмана Ивана Выговского под Конотопом. Крымские татары и украинские казаки обошли с запада Белгородскую черту и вторглись в южные степные уезды Московского государства. Это вторжение было тем более болезненным, что после постройки Белгородской черты (1636–1655) Мценск и соседние города более 20 лет не видели татар в своих окрестностях, и вновь, как в прежние недобрые времена, за стены Мценской крепости хлынули объятые ужасом толпы беженцев, спасаясь "от татарской войны". Татары и казаки "повоевали" Мценский, Болховский, Орловский, Новосильский, Ливенский, Кромской и некоторые другие уезды, после чего ушли, унося с собой толпы полоняников. Согласно отписке мценского воеводы людские потери в уезде составили: "Дворян и детей боярских мценян

взято в полон мужского полу 59 человек, да женского полу и их детей 139 человек. Крестьян и людей (челяди. – В.Н.) мужского полу 125 человек, да женского полу и их детей 166 человек. Всего во Мценску взято в полон мужского и женского полу и их детей 489 человек. Побито мужского и женского полу 17 человек" [46]. Это было последнее военное испытание Мценска. Хотя городская крепость и поддерживалась в обороноспособном состоянии еще около полувека, неприятель уже никогда более не появлялся под ее стенами. Впрочем, военная служба мценян на этом не закончилась.

В 1670–1671 годах Русское государство сотрясало восстание Степана Разина. Хотя Мценск и не оказался в зоне восстания, но отдельные отряды "воровских" казаков появлялись в его окрестностях и в соседних уездах, а самим мценянам пришлось сражаться как на одной, так и на другой сторонах.

По царскому указу мценские дворяне и дети боярские должны были ехать на службу в государевы полки, и по пути туда многие из них подвергались нападениям разинских отрядов. Так, например, в октябре 1670 года "у мценян и чернян в Чернском уезде в деревне Ивицах был бой, и на том бою мценян Григорья да Ивана Ползиковых и многих боярских людей зарубили, а у иных лошадей отбили" [49]. В октябре того же года ехавшие на службу к воеводе князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому мценские дворяне и дети боярские Емельян Васильевич Мишков, Леонтий Григорьевич Мозолевский и прочие, всего 11 человек, вероятно, во время ночлега под Старым Осолом подверглись нападению ватаги разинцев: "...тут-де на них нашли воровские люди ночью, и кричат ясаком (языком. – В.Н.) воровским, хвалят вора [и] изменника Стеньку Разина, И говорили де многие людские потери в уезде били и рубили, и лошади и платье и деньги,

и запас – все отвели” [48]. На счастье мценки, богородицкий воевода Степан Неледянский повстанцев “перенмал и пытал накрепко”.

А вот пример службы на другой стороне. Некий торговый человек из Мценска Федор Волчков во время боя 27 сентября 1670 года царских войск под командованием Г.Г. Ромодановского с повстанцами под Коротояком с какой-то дури перебежал на другую сторону, но пробыл у мятежников всего полтора дня. Сражение закончилось разгромом восставших, которые “пометались в струги и в будары и побежали вниз рекою Доном” [49]. Федьку же, который по большому счету был им просто не нужен, казаки фактически бросили на произвол судьбы, отправив его в Коротояк, дабы он уговаривал горожан, чтобы они “с ними, с воровскими казаками,

не бились и встретили бы их с хлебом да с солью” [47], пообещав вскоре вернуться с татарами и калмыками. Волчков был схвачен коротоякскими станичниками на речке Лиске с “государевым” (казенным) мушкетом в руках, подвергнут пытке и по приказу воеводы Г.Г. Ромодановского повешен [50].

В 1679–1680 годах мценские служилые люди участвовали в строительстве оборонительных сооружений Изюмской черты [51], а в 1687 и 1689 годах – в Крымских походах.

Военная реформа Петра I привела к отказу от прежней территориальной системы службы “от города”. Некоторые из мценских служилых людей были отправлены в регулярную армию, а остальные, получив отставку, перешли к занятиям ремеслом и торговлей.

ОБЛИК МЦЕНСКОЙ КРЕПОСТИ И ГОРОДСКИХ ПОСАДОВ И СЛОБОД в XVII веке

Выше уже было сказано, что Мценская крепость имела одно из самых замечательных местоположений для сооружений такого рода. Центральная, древнейшая часть Мценска, его кремль – Рубленый город [2] высился на горе Самарод, “превысоком бутру, вышиною более 30 сажень прямым имеющим, со всех сторон крутояром и совершенно неприступном” [3]. В плане он был похож на вытянутую трапецию, самой узкой своей стороной обращенной к горловине, соединявшей гору Самарод с остальным материком и еще в незапамятные времена перекопанной рвом. Здесь, на валах, оставшихся от детинца XII века и в последующем многократно надсылавшихся, высилась самая высокая башня Мценского кремля – Большая Караульная, достигавшая в высоту 11 сажень (около 24 метров) и увенчанная дозорной вышкой с колоколом. Позднее, когда Мценская крепость потеряла свое значение, колокол перевесили на соборную колокольню.

“По осмотру города Мценск: Верхней старой город на горе рублен в клетки, лес дубовой, в нем проезжая башня брусеная дубовая, рублена три стены в две стены, четвертая стена внутрь – в одну стену¹, по мере кругом шестнадцать сажень, в вышину с верхом трех сажень, покрыта тесом, в той башни в воротах калитка, от той проезжей башни до Караульной башни городовые стены шестнадцать сажень...”

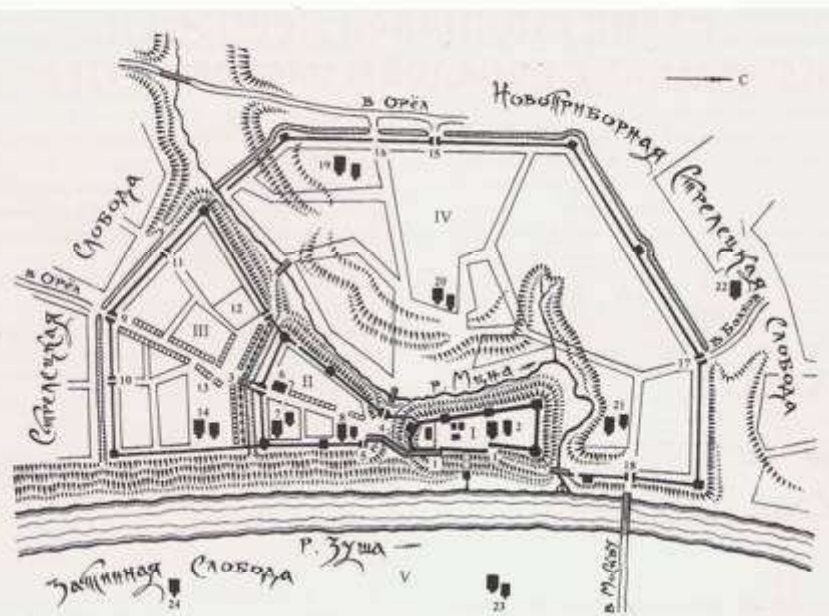
Сметная книга Мценской крепости, составленная воеводой Федором Алексеевичем Дашковым.

10 сентября 1696 года [1].

Еще в начале XX века на колокольне Николаевского собора висел старинный востовой колокол с надписью: “1188 (1680 г. – В.Н.) Февраля в 2 день, Великого Государя казенной востовой колокол во Мценск” [4]. Кроме того, для подачи тревоги использовалась и востовая нацаль – пушка, обладавшая особо громким боем.

Остальные башни, а всего их в кремле имелось шесть, были меньшей высоты – от пяти до восьми сажень, имели несколько этажей – “мостов” и венчались боевым балконом – облагом. Передняя стена, а у наугольных башен и боковые стены были двойными, с внутренней земляной забутовкой, повышавшей их устойчивость при артиллерийском обстреле¹. Башни Большая Караульная, Средняя, Никольская и Наугольная от Мценсы располагались в стене, обращенной к речке Мцене. Противоположный от Большой Караульной башни

¹ Три наружные башенные стены были срублены двойными, а внутренняя – одинарной.

План Мценской крепости в первой половине XVII века. Реконструкция автора.

I. Рубленый город: 1 – городские ворота; 2 – Никольский собор и церковь Св. Параскевы Пятницы.

II. Милый острожек: 3 – ворота Проездные (Орловские); 4 – ворота Глебовские; 5 – ворота Водяные; 6 – приказная (свезжая) изба; 7 – Петровский мужской монастырь с церквами свв. Петра и Павла и Введенской с приделом Св. Ильи Пророка; 8 – церкви Успения Богородицы и Св. Дмитрия Солунского.

III. Вольшой острожек: 9 – ворота Орловские; 10 – башня Средняя от вылазными воротами; 11 – башня Средняя с вылазными воротами; 12 – ворота Проездные, что против кузницы; 13 – торговые лавки; 14 – церкви Троицкая и Рождественская с приделом свв. Козьмы и Дамиана.

IV. Платеный город: 15 – Евровские ворота (предположительно заделаны в 1640 году); 16 – Богоявленские ворота (без башни, вероятно, устроены в 1640 году); 17 – Михайловские ворота; 18 – проезжая башня к мосту; 19 – церкви Боголюбская и Св. Параскевы Пятницы; 20 – церкви Георгиевская и Борисоглебская с приделом св. Василия Блаженного; 21 – церкви Благовещенская (развалилась) и Михаила Архангела; 22 – церковь Св. Сергия Радонежского в Новоприворной Стрелецкой слободе.

V. Посад за рекою Зушею: 23 – церкви Воскресения Христова и Св. Флора и Лавра; 24 – Св. Жен Мироносиц и Св. Никиты Мученика.

угол занимала мощная восьмигранная Наугольная от Зуши или Литовская башня, державшая под обстрелом дорогу, поднимающуюся по склону горы к крепостным воротам.

Стены крепости состояли из дубовых срубов-городен, внутри которых была устроена еще поперечная стена-переруб. Пространство между наружной стеной и перерубом засыпалось землей и камнями, в результате чего она могла с успехом выдержать даже артиллерийский обстрел: ядра, пробив внешнюю стену, завязали в земляной засыпке. Изнутри в городнях прорубались двери, а снаружи бойницы. Стену венчал боевой балкон – облам, покрытый тесовой кровлей, под которой на стропилах лежали бревна – катки, в критический момент штурма сбрасываемые защитниками на неприятеля. Для «приступного времени» на стене было сложено «колье и камень». Всего же в стене имелось три ряда бойниц – нижнего или «подошвенного» боя, где устанавливались пушки и пищали; навесного, через бойницы которого неприятеля могли опарить кипятком или облить кипящей смолой, и верхнего в облаках – для «мушкетного боя». Ее высота была более 6 метров, а общий периметр стен кремля «оприч башен» составлял 243 сажени (около 500 метров).

В Рубленом городе имелось двое ворот, устроенных в стене, обращенной к реке Зуше. Дорога к одним воротам карабкалась вдоль склона горы у подножья башни Наугольной от Зуши, к другим со стороны перешейка вел дубовый мост через ров длиной 30 сажень (более 60 метров), делавшей для удобства обороны сложное колено. Подступы к воротам были настолько труднодоступны, что над ними даже не поставили башен. Только в конце XVII столетия над воротами со стороны перешейка срубили низкую, но мощную Проезжую башню, ставшую седьмой башней Мценского кремля. Внизу под горой над колодцем стояла Надкладная башня,

из которой наверх, в крепость, вел подземный ход-тайник, следы которого в виде глубокой борозды на склоне горы хорошо видны и сейчас. В 1824 году при расчистке колодца и строительстве над ним часовни здесь нашли два пушечных ядра и несколько монет [5].

Внутри кремля высились деревянные собор Св. Николая Чудотворца и церковь Св. Параскевы Пятницы [6]. В 1672 году взамен деревянного на средства Богдана Давыдовича Протасова началось строительство каменного собора, оконченного в 1679 году [7].

Кроме церквей в Рубленом городе находился набор построек, типичных для русского города-крепости: воеводский двор, казенный пороховой погреб, житницы, соляной амбар, тюремная изба, обнесенная частоколом, губная изба (суд) и карaulные избы для воротной стражи. Воеводский двор во Мценском кремле, в отличие от аналогичных построек в других городах, выглядел весьма скромно. Хоромы, «где воеводы живут», состояли из «поземных» горницы с комнатой, то есть были без подклета – первого полуподвального этажа и стояли непосредственно на земле. Их венчал чердак, крытый лубьем. Рядом с «хоронным строением» стояли маленькая горница, также крытая лубьем, «да мыльня, ледник, да житница». Ограды вокруг двора не было [8]. Кроме того, в кремле находились три осадных двора, принадлежавших местным дворянам и детям боярским: Григорию Кондаурову, Федору и Василию Чоротым, но позднее их ради пожарной безопасности перенесли на посад.

В казенном погребе хранилась «зеленая» (пороховая) казна для «осадного времени»: пороху ружейного и пушечного 98 пудов, свинцу 147 пудов 7 гривенок, 28 пудов 19 гривенок фитилю, а также различная воинская «снасть»: контарь с гирью (весы), кувалда железная, десять лат с шишаками, шесть знамен «киндячных» ветхих, прапорец и прочая «ратная арматура», которая обычно скапливалась

Введенская (Петропавловская) церковь в городе Мценске (70-е годы XVII века). Колокольня возведена на рубеже XVIII–XIX веков. Фото 70-х годов XX века.

на крепостных складах [9]. Гарнизон Мценска по росписи 1690 года состоял из 928 человек служилых людей: стрельцов, драгун, пушкарей, затинщиков, казенных плотников и кузнецов, рассыльщиков (гонцов), ямщиков и других [10]. Впрочем, благодаря мощи укреплений и недоступности положения Рубленый город можно было удержать гораздо меньшим числом людей. Воевода Богдан Нарбеков в 1637 году писал царю Михаилу Федоровичу: "И город, государь, ...укреплен от воинских людей тот город и малой острожек, mocno удержат конными и пешими петьюстами человек с военным боем" [11]. На стенах и башнях стояли 19 пушек железных и бронзовых, некоторые из которых отличались весьма значительными размерами и весом. Самая большая из них весила полторы тонны и в длину достигала 2,5 метра.

Среди пушек встречались и трофейные с надписями по-польски и по-латыни. Ко всем пушкам имелось 1697 ядер. Кроме того, на вооружении крепости состояли 17 затинных пицалей с 287 ядрами [12].

С юга к Мценскому кремлю – Рубленому городу примыкала вторая линия укреплений – Малый острожек, который соединялся с кремлем длинным мостом. С западной и восточной сторон его защищали обрывистые склоны Зуши и Мцны, а с юга – глубокий ров и вал, на котором стоял острог – деревянная крепостная стена. В настоящее время фрагмент рва Малого острожка сохранился со стороны речки Мцны, а вала – у церкви Св. Петра и Павла (Введенской). Острог представлял из себя частокол из вкопанных в землю бревен с прорубленными в нем бойницами. Изнутри к нему были пристроены тарасы и помосты для защитников – "кровати". Стену венчал боевой балкон – "облам", накрытый тесовой кровлей, под которой на стропилах лежали настилы. Над крепостной оградой возвышались семь башен, равномерно расставленных по трем стенам крепости. Все они были шестиугольными, кроме одной четырехугольной – Водяных ворот. Периметр стен Малого острожка "оприч башен" достигал 258 сажень "с полусаженью" (около 550 метров).

Внутрь крепости вели трое ворот. С запада находились Глебовские ворота, стоявшие во рву, отделявшем Рубленый город от Малого острожка. Своё название они получили по церкви Св. Бориса и Глеба с приделом Св. Василия Блаженного, высившейся напротив них на противоположном берегу речки Мцны. Сейчас на её месте стоит каменная Георгиевская церковь, построенная в 1825 году. Восточные ворота – Водяные – выходили на тропинку, по которой спускались к реке Зуше за водой. Для этой же цели имелись потайные "подлазы" – вылазные калитки в стене, обращенной к речке Мцне. Посередине южной "приступной" стены Малого острожка возвышались главные Проезжие (Орловские)

Введенская церковь в городе Мценске. Фото автора. 2003 год.

ворота "у москательного ряду", к которым примыкала отводная стрельница – рубленый рукав для защиты воротного проезда. Подобные отводные стрельни, только каменные, сохранились у Спасских, Троицких, Воровицких и Никольских ворот Московского Кремля, в Тульском кремле и в некоторых других старинных русских крепостях. От рукава через ров был перекинут дубовый мост, соединявший Малый и Большой остроги [13].

Подступы ко рву с южной стороны преграждали надолбы и деревянные ежи – чештик. Архидиакон Павел Алеппский из свиты Антиохийского Патриарха Макария, увидевший чештик у стен русских крепостей, сделал описание этого столь поразившего его устройства в своем дневнике: "Москвитяне обладают светлым умом, подобно франкам, ибо они изобрели такие приспособления для укрепления этой крепости, каких мы не видели в этой стране.

Они поставили кругом два бревна вроде длинной оси водяного колеса, очень большие, и переплели их жердями, торчащими с четырех сторон оси в виде креста, как ворота наших колодцев. Бревна эти протянуты над землей на высоте около полутора роста. Если неприятель сделает нападение, то не находит пути ни по земле, ни сверху, и если повиснет на верхних бревнах, то от этого погибнет, потому что упадет на заостренные нижние колья, и могила станет его обиталищем" [14].

Пространство перед крепостным рвом для удобства обороны обычно оставляли незаостренным, но мценские служилые люди, которые, по словам одного из воевод, отличались "огурливостью и непослушанием", загроздили ее своими амбрами и лавками. При получении известия о приходе татар или литовцев их приходилось сносить, но едва опасность прошла, как мценские, невзирая на все запреты воевод, снова застраивали территорию перед рвом своими торговыми и хозяйственными постройками. А около 1630 года поповы быблы разломали надолбы и чештик, заставив освободившееся место своими дворами. Мценский воевода Игнат Щербачов, жаловавшийся на их самоуправство в Москву, писал: "И в приход воинских людей (неприятеля. – В.Н.) от тех лавок и от дворов, и от изб, и от клетей, и от мылен из острогу по воинским людям бити не можно" [15]. Впрочем, после восстановления в 1637–1638 годах стен Большого острога напольная стена Малого острожка оказалась внутри крепости, и каких либо мер к ослушникам власти предпринимать не стали.

Деревянные стены острога достаточно быстро ветшали и требовали постоянного надзора и ремонта, что ложилось тяжким тяглом на плечи мценских служилых, поскольку посадских людей, обычно выполнявших подобные работы, во Мценске не было. Поэтому они старались по возможности спихнуть это тягостное бремя на других. Так, когда в июле 1651 года в

Улица русского города. Гравюра из книги Адама Олеария. 1640-е годы.

Малом острожке десятисаженный участок крепостной стены от ветхости обвалился в реку Зушу, воевода Арсений Корсаков на смотре мценским стрельцам, пушкарям, затинщикам и рассыльщикам объявил, чтобы они заделали пролом, но те отказались, заявив, что «наперед сево» подобный ремонт проводили сошные люди, собиравшиеся со Мценского уезда. Проверить их слова воевода не смог, поскольку в съезжей избе на этот счет никакой документации, «книг и росписей деловцам» не оказалось. Впрочем, из распросов незаинтересованных лиц он выяснил, что когда подобное происшествие случилось ранее, при его предшественнике воеводе Иване Сытине, то пролом заделывали силами служилых людей.

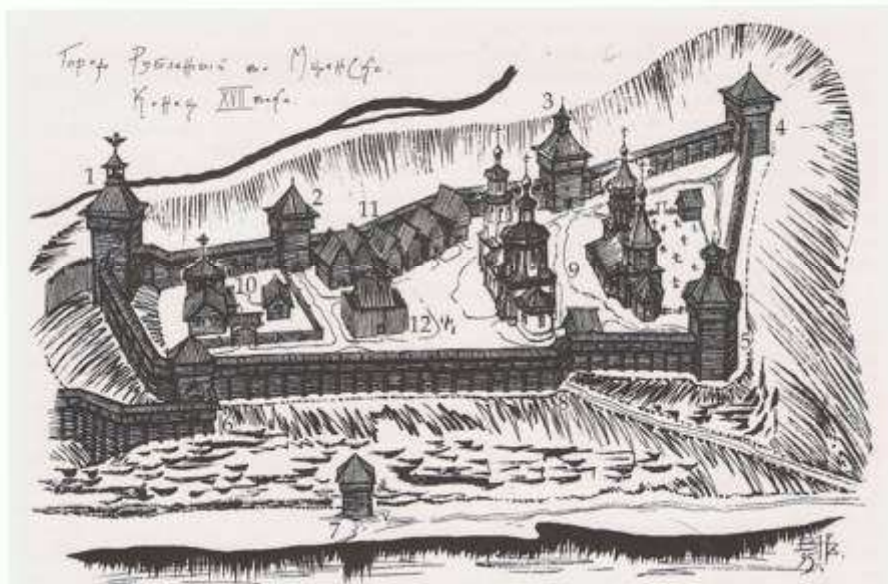
Но без соответствующей царской указной грамоты служилых не удалось бы заставить работать, поэтому Корсакову пришлось «не по единожды» писать в Москву в Пушкарский приказ о присылке указной грамоты с разрешением отремонтировать крепостную стену, завалившуюся опальную тюрьму и съезжую избу, которая тоже пришла в такую ветхость, что сгнила и обрушилась. Воевода жаловался по этому поводу царю: «А твоих государевых всяких дел мне, холопу твоему, делать негде» [16].

В последней четверти XVII века укрепления Малого острожка в последний раз перестроили и значительно усилили. Прежнюю острожную стену со стороны рек Мцвы и Зуши, к тому времени уже

значительно обветшавшую, заменили новой, из срубов-городен. Новая стена была гораздо более мощной и лучше приспособленной для ведения «огненного боя» – пушечного и мушкетного огня. Заново переложили также некоторые башни, а Водяные ворота полностью разобрали и заделали. Южную же приступную стену, в значительной степени потерявшую свое значение после постройки Большого острога, перестраивать не стали.

С южной стороны к башням Малого острожка подковой примыкали стены Большого острога, защищавшего Стрелецкую (110 человек), Пушкарную (9 человек) и Воротничью (4 человека) слободы. Построены они были предположительно после памятного для мценян набега хана Девлет-Гирея в 1562 году. Но деревянные стены и башни Большого острога долгое время стояли без ремонта и к 30-м годам XVII века полностью сгнили и развалились. От них остались только земляной вал и ров, вдоль которых мценские служилые люди поставили плетень для обороны от крымских татар. Но если плетень и полузасыпавшийся ров могли защитить слободы от внезапного татарского набега, то от литовцев и поляков, вооруженных пушками и мушкетами, этот плетень, по словам воеводы Лазаря Одадурова, был «не крепость». К тому же кремль и Малый острожек были слишком тесны, чтобы вместить в случае опасности все население Мценского уезда. Здесьнему воеводе приходилось учитывать и то обстоятельство, что Орловскую крепость в 1615 году сожгли литовцы, после чего она прекратила свое существование вплоть до 1636 года. В случае татарского или литовского набега во Мценск хлынули бы беженцы и из Орловского уезда. По словам того же Одадурова, «... а Мценск, государь, и Орел уездами места людная и своими, государь, головами неместятца в городе...» [17]. Назначенный в 1637 году воеводой во Мценск Богдан Нарбеков получил указ

царя Михаила Федоровича восстановить укрепления Большого острога. Согласно составленной им смете на строительство, было «надобно на острог, и на башни, и на мосты, и на коровати, и на вылазы десять тысяч пятьсот бревен». Несмотря на очевидную необходимость дополнительного укрепления города, воевода натолкнулся на непокорство мценских служилых людей, не желавших заваливать на свои плечи обременительное тягло по строительству городских стен и башен. Нарбеков жаловался царю: «... и я, холоп твой, дворяном и детем бояреким сказывал и твою, государь, грамоту в съезжей избе чол им многижды и во Мценской уезд и ставы посылал мценских рассыльщиков, чтоб оне по твоей государеве грамоте лес на острожное дело везли. И мценяне дворяне и дети боярския и соборные и посадския и уездные попы, и стрельцы и пушкoria и затинщики и всяких чинов люди, твоево государева указа не слушают» [18]. Кроме того, территория Большого острога была густо застроена дворами и занята огородами мценских стрельцов, соборных и приходских попов, которые вовсе не желали тесниться и выделять места под осадные дворы уездных дворян и детей боярских. В ответ на воеводскую жалобу во Мценск был прислан указ царя Михаила Федоровича с предписанием принимать и ослушникам самые жесткие меры: «... а которые люди учнут ослушатца, на острожное дело лесу ныне по зимнему пути... не повезут или каторыи по весне острог по росписне делать не учнут и мне, холопу твоему (Богдану Нарбекову. – В.И.), тех за их ослушанья бить батоги и сажать в тюрьму, чтоб однолично в острожном деле никаких человек в избылыи не был...» [19]. Кроме того, воеводе указывалось: «... у которых людей в остроге и на посаде хоромы крыты соломою и мне, холопу твоему, по весне тем всем людям велеть с хором солому сметать и дворы и гумны, каторыя близка острогу по весне отнесть,

Мценский кремль – Рубленый город в последней четверти XVII века. Реконструкция автора.
 Башни: 1 – Большая Караульная; 2 – Средняя; 3 – Никольская; 4 – Наугольная от реки Мцы; 5 – Наугольная от реки Зуши (Литовская); 6 – Проезжая и мост во Второй город (бывший Малый острожек); 7 – Надкладная и тайник.
 Прочие постройки: 8 – городские ворота; 9 – Никольский собор (1673 – 1679) и церковь Св. Параскевы Пятницы; 10 – воеводский двор; 11 – каменные амбары и житницы; 12 – тюрьма.

чтоб в приход воинских людей (неприятеля. – В.Н.) от тех дворов и огородов городу (крепости. – В.Н.) и острогу каких поруки не учинились...” [20].

Благодаря вовремя полученному указу и нажиму воеводы зимой 1637–1638 годов мценяне заготовили достаточное количество леса, что позволило начать строительство Большого острога. Кроме того, мценские жители привнесли к Нарбекову в съезжую избу челобитную на царское имя “за руками” (с подписями) с просьбой строить острог во Мценске по образцу укреплений в Калуге, с применением не стожих острожных конструкций, как это делалось традиционно, а рубленых “для того,

что рубленый острог вечней” [21]. Их предложение было удовлетворено, и весной 1638 года состоялась закладка новой крепости. Надо полагать, что она происходила согласно градостроительному уставу того времени – “Чину и последованию закладки города”. Церемония начиналась с торжественного молебна в соборной церкви, после окончания которого крестный ход, включавший воеводу, начальных людей, стрельцов, казаков, работников и сошных людей во главе с соборным причтом и приходскими священниками, “пев молебны и воду святую и со кресты”, двигался вокруг места, “где быти стене городской”. Особо освящались места городских ворот.

После окончания крестного хода один из священников делал крестом Знамение и возглашал молитву Богу о будущем городе: “...утверди ограждение се..., избавь его от губительства, труса (землетрясения. – В.Н.) и потопа, огня и меча, нашествия иноплемennых, междоусобной брани”, а также просил о счастливой жизни для жителей города: “...супружества их в мире, единомыслии и целомудрии сохрани, здравие и долгоденствием их даруй, дома их исполни всякого блага...” После окончания молебна он благословлял главного мастера и других плотников, которые по заранее сделанной на земле разметке начинали окладывать городские стены и башни [22].

За лето успели построить четыре башни, поставленные на те же места, где они стояли в XVI веке, и возвели на половину высоты, до уровня облама (боевого балкона) крепостную стену. На половину срубили и главную проезжую башню – Орловские ворота. Но затем строительство остановилось. Башни стояли не накрытыми, стены недорубленными, а со стороны Зуши ограду даже не заложили. Уездные мценские служилые люди опять “учинились непослушны”. Нарбеков в своей отписке царю вновь жаловался: “... я, холоп твой, во Мценском уезде во все станы посылал росылчиков и пушкорей многожды, чтоб ани (дворяне и дети боярские. – В.Н.) острог отделили и ров почистили и башню дорубили. И мценяне, государь, дворяне и дети боярския твоею государева указу не слушают, острогу не доделывают и лесу не везут...”. Воевода постарался заранее снять с себя вину и писал, что если из-за их “ослухания” и, как следствие, недоделки укреплений Большого острога в случае прихода “воинских людей” – татар или литовцев – городу “учинитца дурна, и мне б, холопу твоему, от тебя, государя, в опале не быть...” [23].

Через некоторое время Нарбеков сминился с воеводства, а стены и башни Большого острога так и остались недостроенными. Такими они стояли в течение многих лет, что зафиксировано в росписи Семена Колтовского, осматривавшего в 1659 году по царскому указу укрепления южных городов Русского государства [24]. Недостроенные укрепления Мценска окончательно доделали только в конце 70-х годов XVII века. Составленные вскоре после окончания строительства росписные списки позволяют представить облик укреплений Большого острога. Его южная “приступная” сторона была ограждена земляным валом высотой более 5 метров, по вершине которого проходила невысокая рубленая стена с обламами. Для удобства защиты склоны вала с внешней стороны были обложены дубовыми бревнами – ослоном. Около вала ранее находился ров, но к тому времени он почти полностью “обвалился и засыпался”. Надолбы и деревянные ежи – честики, стоявшие перед рвом, тоже сгнили и развалились. Земляной вал венчали пять башен. Из них центральная, мощная шестигранная Орловская, была проезжей и имела отводную стрельницу – рубленый рукав для защиты воротного проезда. Кроме того, в смежных башнях, Средней и Коровьей, находились небольшие “вылазные воротца”. Позднее, в конце XVII века, “вылазные воротца” заделали. Со стороны речки Мцы Большой острог также был огражден земляным валом с двумя башнями. Одна из них, “что против кузниц”, имела проезжие ворота с отводной стрельней. Наиболее неприступная восточная сторона Большого острога, обращенная к реке Зуше, была укреплена обычным частоколом-острогом с двумя калитками, через которые спускались за водой к Зуше. Общая протяженность стен и валов Большого острога “опричь башен” составляла “триста осмнадцать сажен с полусаженью” (около 650 метров).

Фрагмент стены Малого острожка во Мценске с Проважней /Орловской/ башней. Из за крепостной стены видны главы Введенской церкви Петровского мужского монастыря. 2-я четверть XVII века. Реконструкция автора.

В конце XVII века Большой острог в последний раз подвергся серьезной перестройке, а его укрепления значительно усилили. Старые острожные стены со стороны рек Мцны и Зуши были слабы и могли не выдержать артиллерийского обстрела. Поэтому их разобрали и заменили мощной рубленой стеной из срубов-городен. Четырехугольную юго-западную башню, венчавшую наиболее уязвимый угол, заменили более мощной шестигранной. Кроме нее переложили заново некоторые другие башни. Южную же "приступную" сторону перестроить так и не успели [25].

Посады за речкой Мцной еще в XVI веке имели свою линию укреплений, построенную, по-видимому, вскоре после набега хана Девлет-Гирея в 1562 году.

Она состояла из невысокого вала, мелкого рва и дубового острога с несколькими башнями и тремя воротами. Когда эта стена была разрушена, сказать трудно: это могло произойти в годы Смутного времени во время татарских или литовских набегов на город, укрепления могли сгореть во время одного из городских пожаров или, наконец, просто сгнить и развалиться. Во всяком случае, к 30-м годам XVII века от них остался только подуосыпавшийся ров с валом, вдоль которых наспех для бережения от "изгову" – внезапного нападения татар поставили надолбы.

Летом 1638 года на южной границе было неспокойно, ждали вторжения многочисленной орды крымских татар во главе с ханом: "крымский царь нынешнего лета хочет приходить в Московское государство большою войною". Необходимые меры обороны предприняли и для защиты Мценска. В город

назначили сразу трех воевод: осадного Богдана Нарбекова, который ведал собственно крепостью – Рубленным городом и Малым острожком, а также деятельно взялся за восстановление Большого острога; князей Михаила Пронского и Михаила Козловского, стоявших с полком из набранных с разных "украинных городов" дворян и детей боярских на мценском посаде [26].

Ввиду военной опасности при получении известия о приходе татар "больших воинских людей" военодам велели: "из Мценского уезду детей боярских, жен и детей и неслуживых детей боярских и вдов и недорослей и их людей и пашенных крестьян з женами и з дет[ь]ми и со всеми животы (имуществом. – В.Н.) выслать во Мценск заранее и хлеб велеть скапать по ямам" [27].

Воеводский двор во Мценске. Вторая половина XVII века. Реконструкция автора. "В верхнем старом городе воевоцкой двор. Строены: горница с кожанатою поломья, с верх их чердак. Покрыт лубьем. Горница маленькая, крыта лубьем же, да мыльня, ледник, да житница". Из Сметной книги 1696–1697 годов.

В случае осады во Мценск сбежалась бы большая часть населения уезда, но места в крепости для всех беженцев явно было маловато. В город ранее уже был послан государев указ, в котором Богдану Нарбекову приказывалось восстановить и укрепления городских посадов, но он, целиком занятый строительством Большого острога, ограничился лишь тем, что составил смету леса, необходимого для посадских укреплений. По его прикидкам, на это ушло бы тридцать тысяч бревен. В своей отписке воеводы Пронский и Козловский писали, что Богдан Нарбеков посадекого острога "делать не починал", и указывали, что "прибылым людям в городе вместитца негде", "...и нам, холопом твоим, в приход царя (крымского хана. – В.Н.)

и царевичей или болших воинских людей всех посадов обереч будет... не можно" [28]. Воеводы жаловались, что без укреплений посады из-за их разбросанности отстоять будет невозможно, и просили разрешения поставить новую крепостную стену на старых валах. Предварительно они около "посадов и по городу и по малому острожку ездили и место розсматривали". Объехав и рассмотрев остатки старых укреплений XVI века и посоветовавшись с выборными "гороцкими, жилецкими и уездными всякими людьми", воеводы предложили для "большей крепости и поспешья" вместо некогда стоявшего здесь острога по трассе старой крепостной стены поставить многослойный плетень с земляной забутовкой, усиленный поперечными

Вид на Мценский кремль со стороны Зуши. Начало XVIII века. Реконструкция автора.

дубовыми связями, чтобы плетни от напора земли не разошлись. Подобная стена могла не только успешно защитить посад от нападения татар, но и выдержать артиллерийский обстрел: ядра, пробив внешнюю плетеную одежду, завязали бы в массиве вала. У этой конструкции было еще одно преимущество: можно было обойтись сравнительно небольшим количеством дубового леса, поскольку уже в то время во Мценском уезде стало лесом «скудно» и за ним нужно было ехать верст за десять – двадцать от города. На воротах воеводы хотели поставить рубленые башни, а «старый ров почистить». Обосновывая свой вариант, Пронский и Козловский писали царю, что в этом случае «твоим государевым служилым и жилецким и уездным всяким людям от тово налога не будет»,

то есть со строительными работами население Мценска и уезда справилось бы без особого напряжения [29].

В ответ на воеводскую отписку из Москвы пришла указная грамота, в которой предложение воевод отклонилось. В Разряде рекомендовали свой вариант укрепления Мценска. Для большей прочности и надежности вместо «плетневого города», как хотели Пронский и Козловский, им приказали соорудить земляной вал «з деревом», взяв за образец вал, построенный в недавно основанном городе Козлове. В высоту он должен был достигать три сажени (6,4 метра), «а в подошве поширише, чтоб было вечно». Для того, чтобы вал от дождей не распался, внутри его укладывались слоями вдоль и поперек ивовые, березовые «и иного лесу, каков пригож», нетолстые сляги. По валу на расстоянии

100 сажень (213 метров) друг от друга рекомендовалось поставить башни рубленые, «чтоб из башен ров и земляной вал из пищал[ь]ные стрелбы беречи мочно и из башен бы по рву и по стене стрелба с стрелбою сходилася». Дальность действительного огня из пищалей и мушкетов того времени немногим превышала 100 сажень, и служилые люди в этом случае из «мелкого ружья» и пушек могли очищать крепостные рвы и стены и прикрывать огнем соседние башни в случае атаки неприятеля.

В полку, стоявшем во Мценске, находилось много опытных ратных людей – белевцев, «брянчан», карачевцев и других, побывавших под Смоленском, которым «земляное дело было за обычей» (то есть привычно). Осада Смоленска в 1632–1634 годах характеризовалась огромным объемом земляных работ. Русская рать, обложившая город, в свою очередь оказалась в кольце войск польского короля Владислава IV, подошедшего на помощь Смоленску. В ходе многомесячных боев русские воины соорудили несколько обширных укрепленных лагерей, массу редутов, шанцев и засек. Поляки, осматривая покинутые русскими лагеря, изумлялись их нечеловеческому труду, сравнивая насыпные оборонительные валы с естественными горами. Подобных смоленских вестеранов, которые «земляное дело» видели и сами принимали в нем деятельное участие, рекомендовалось привлечь и к «Мценскому городовому делу». Для скорейшего производства работ трассу вала следовало «развытить», то есть разбить на участки «на всех поровну», не исключая монастырей и уездных попов. «А которые люди, – говорилось в указной грамоте, – учинут ослушатца, по росписке земляного валу делать не учнут, и вы б тех, за их ослушанье, били батоги и сажали в тюрьму, чтоб однолично в земляном деле никак человек в избылых не был». Воеводам указывалось постоянно быть на строительстве и «смотреть почасту, чтоб земляное дело делать с великим посещением»

и окончить «ноне по лету». В заключение в указе говорилось: «А как земляной вал совсем свершится и вы б о том к нам отписали и чертеж валу и острогу прислали...» [30].

Воеводы зачитали полученную указную грамоту «лучшим» мценским жителям и представителям ратных людей из других городов, находившимся на службе во Мценске. Полученные из Разряда рекомендации вызвали недовольство мценян. В городе уже велось большое строительство: воевода Богдан Нарбеков восстанавливал Большой острог около Стрелецких слобод, и многие из них уже участвовали в работах сами и со своими лошадьми и подводами. Кроме того, часть мценян находилась на ремонтных работах на Большой Засечной черте под Тулой. Строительство же огромного земляного вала, протяженностью полтора километра, в высоту более 6 метров, а в подошве не менее 10 метров, при том небольшом количестве незанятых работоспособных людей, находившихся во Мценске, легло бы на их плечи неподъемным тяглом. Не облегчалось оно и тем, что надо было строить не на пустом месте. Воеводы, осмотрев остатки старого крепостного вала, писали: «а старая, государь, осыпь мала и уска, в высокаем месте в полсажени (около 1 метра. – В.Н.) и менши, а в ширину тож» [31]. Мценяне подали в Москву челобитную, в которой жаловались: «такой земляной вал делат[ь] не в силу, которые у них были люди и крестьяне и те у твоего государева у засечного дела, а оне на твоей государеве службе безлюдны, а наемщиков во Мценску на то земляное дело за безлюдством добыть не мочно» [32]. В челобитной они просили разрешения строить укрепления согласно предложениям Пронского и Козловского, утверждая, что это «городовое дело им бы было в мочь», в то же время по поводу Козловского вала отговорились тем, что во Мценске среди дворян и детей боярских участников строительства Козлова не оказалось и знатоков тамошнего «земляного дела» нет [33].

Раскопки часовни со святым источником во Мценске (бывшего тайника XVII века). Фото 2003 года.

В Москве не стали настаивать на своем предложении, сочтя просьбу мценян достаточно убедительной. К тому же имелись определенные опасения, как бы "от того болшово землянова дела дворяне и дети боярские с ...государевой службы изю Мценска не разбежались" [34]. Поэтому в очередной указной грамоте, присланной во Мценск, воеводам велели: "как к вам ся наша грамота придет и вы б о том помыслили и а дворяны и з детми боярскими, которые ныне на нашей службе с вами во Мценску, и со всякими мценскими служилыми и з жилецкими люди поговоря, по своему досмотру по старому острожному месту адедали земляной вал по их моженью, чтоб нашим ратным людем была вмочь и болшие тяготы не было" [35].

По получении указа 26 июля новая крепость была заложена. Крестный ход, состоявший из служилых и "сошных" людей, возглавляемый воеводами и местным духовенством с хоругвями и иконами, "прося у Богоматери и Пресвятыи Богородицы помощи и у всех святых певмолебны", прошел по месту предстоящего строительства. После окончания церемонии

освящения к работам приступили сразу по всей трассе будущей крепостной стены. Ее основу составил тройной плетень с земляной забутовкой, скрепленный поперечными дубовыми связями верхними и нижними, "а колье готовили на то городовое дело дубовое, толстое", – доносили воеводы. Толщина стены в подошве достигала сажени с локтем, а в высоту – полторы сажени. Ее венчал рубленый боевой балок – облам, накрытый тесовой кровлей. В стене имелось два яруса бойниц: подешвенный бой на уровне земли и на обламах. Ее общая высота, считая облам, достигала трех сажен (более 6 метров). Старый крепостной ров воеводы распорядились раскопать заново, увеличив его ширину и глубину до двух сажен. Три проезжие башни в стене, Архангельскую, Волховскую и Проезжую, "что против мосту через реку Зушу", построили "старым городовым обычаем", то есть рубленым, а пять глухих и наугольных башен сделали плетеными, "а поделаны на них бои (бойницы. – В.Н.) верхние и нижние, чтоб мощно из наряду (пушек. – В.Н.) и ис пищалей по стене от башни до башни очищать" [36].

Напротив Проезжих ворот к реке Зуше мценяне, дворяне и дети боярские построили мост длиной сорок восемь сажен, а поперек три сажени. Новый мост имел немаловажное значение не только для торговли города, как единственная постоянная переправа на Зуше, по которой почти непрерывным потоком тинулись на юг торговые обозы, купцы и богомольцы, но был необходим и для вылазок из крепости: "для поспешенья твоим государевым людем", чтобы в случае набега татар или литовцев они могли уберечь слободы за рекой

Зушей и работавших в полях людей, дабы "воинские люди (неприятель. – В.Н.) по полям твоих государевых всяких конских и животинных стад не поимали и заречных слобод не пожгли" [37].

Строительство полностью окончили 15 сентября того же года. Таким образом, на сооружение крепостной стены полуторакилометровой длины с восьмью проезжими и глухими башнями ушло всего 52 дня. Оценивая результаты своей работы, М. Пронский и М. Козловский не без гордости писали: "А будет, государь, та крепость твоим государевым служилым и жилецким и уездным людем впредь прочна и стала твоим государевым людем не в налугу (не в тягость. – В.Н.), и от приходу больших воинских людей, за тою крепостью мощно быти надежно и безстрашно" [38]. После завершения строительства воеводы распорядились изготовить чертеж Мценской крепости с показанием Рубленого города, Малого и Большого острогов, а также нового Плетеного города и отослали его в Москву. "А чертеж, государь, – писали воеводы, – городу и острогам начертили одним чернилом, а красками чертежу росписать было некому, икольников во Мценску нет и чертежное дело никому не за обычей" [39]. Этот чертеж еще был цел в 1668 году, о чем говорится в описи чертежей Разряда, составленный думным дьяком Дементием Башмаковым: "Чертеж, каков прислал изю Мценска stolnik и воеводы князь Михайло Пронской да князь Михайло Козловской во 147 (1639. – В.Н.) году" [40]. Дальнейшая судьба его неизвестна, поскольку в центральных архивах он не найден. Скорее всего, чертеж погиб во время одного из больших московских пожаров XVIII века, от которых жестоко пострадали многие правительственные учреждения и архивы. В Москву была отослана и роспись, "хто что делал",

Русский торговый корабль XVI–XVII веков. Западноевропейская гравюра XVII века.

с указанием объема проделанной работы. Согласно ей в строительстве участвовали москвичи – дворяне и жильцы, беленцы, болховичи, бричане, стародубцы, почепцы, рославальцы и карачевцы. Тем не менее на долю мценян и мценских уездных людей досталась большая часть работ, они построили две трети крепостной стены. Велевские Бобриковские казаки поставили рубленую башню против моста, мценские стрельцы – Егорьевскую (Болховскую) проезжую башню, Ямской слободы охотники – Михайловские ворота около Вознесенского девичьего монастыря, поповы бобыли соорудили глухие и наугольные плетеные башни [41]. Всего же периметр крепостной стены с тремя проезжими рублеными башнями: Егорьевской, Михайловской и Проезжей к мосту; пятью глухими и наугольными плетеными башнями (Плетеная от реки Зуши, Глухая Плетеная, Наугольная от Прудница, Средняя против Стрелецкой слободы, Наугольная Плетеная от реки Зуши) и двумя бревенчатými створчатыми воротами достигал 780 сажен (более полутора километров) [42].

Вознесенский собор Архангельско-Вознесенского девичьего монастыря. Реконструкция автора.

Но укрепления Плетеного города просуществовали сравнительно недолго и так ни разу не были опробованы в деле. В 1640 году "после светлого воскресенья на седьмой недели в четверг" на городском посаде подле церкви Св. Параскевы Пятницы вспыхнул пожар, в результате которого выгорело около двадцати сажень плетеной стены [43]. Новый пожар 13 сентября 1642 года истребил двор торгового человека Сееньки Стукольцева и 14 сажень стены [44]. Недолговечности стен Плетеного города способствовала и спешность постройки. 25 марта 1645 года подгнили и рухнули в ров Михайловские ворота, изрядно обветшали и обвалились другие участки плетеной стены [45]. Так что, когда во Мценск приехал в 1650 году воевода

А. Корсаков, он отметил, что "Плетеной город весь огнил и развалился" [46]. Его укрепления так больше никогда и не восстанавливались, поскольку особая надобность в защите посада к тому времени уже отпала. Мценяне ограничились лишь тем, что по трассе вала опять поставили надолбы, также довольно быстро сгнившие и развалившиеся. Осматривавший в 1659 году Мценскую крепость воевода Семен Колтовский в своей росписи "Городовой поделки рухнувшим (разрушенным. – В.Н.) местам" отметил: "в надолбы были окол всево посаду и те надолбы все погнили и знаку нет" [47].

Крепость во Мценске кольцом окружала посады и слободы. Собственно в Мценском кремле – Рубленом городе жилие, опасаясь пожаров, не ставили. Жилым был только двор воеводы с "хорошим строением".

Территорию кремля занимали в основном складские постройки. Здесь же находились главные храмы города – Николаевский собор и приходская церковь Св. Параскевы Пятницы.

Согласно Писцовой книге города Мценска 1624–1625 годов, в городе насчитывалось 16 деревянных церквей, все "клецко-го" типа [48]. Следует отметить, что большая их часть стояла парами – рядом с высоким и просторным холодным (не отапливавшимся, летним) храмом находился более низкий и тесный теплый (с печью), богослужение в котором велось и в зимнее время.

Позднее, во второй половине XVII века, число храмов во Мценске сократилось на треть, главным образом за счет ликвидации парных церквей. Согласно Сметной книге 1686–1687 годов в городе

Вид на Никольский собор во Мценском кремле. На втором плане церковь Св. Параскевы Пятницы и Литовская башня крепости. Первая половина XVII века. Реконструкция автора. "Во Мценску в городе церковь соборная Присхождение Честнаго Креста да Николая Чудотворца деревянная клецки, а в ней Божия милосердия образы месных, книги и ризы даемые государеву, а церковное строенье и колокола то же церкви попа Самсона Иванова от попа Ивана Семенова да дьякона Григория Митрофанова". По Писцовой книге 1625 года.

осталось 11 храмов. Вот их перечень: "В Верхнем старом городе (кремле. – В.Н.) церкви: соборная церква Николая Чудотворца каменная. Церковь, нарицаемая во имя Пятницы деревянная.

В другом городе: церковь во имя Успения Богородицы деревянная. В Петровском монастыре церковь во имя Введение Пресвятыя Богородицы каменная.

В третьем земляном городе: церковь Живоначальныя Троицы деревянная. На посаде: церковь во имя Богоявление Христова деревянная. Церковь во имя Георгия Христова мученика деревянная. В девичьем монастыре церкви во имя Архистратига Михаила деревянная. Церковь во имя Сергия Чудотворца деревянная ветха.

Во Мценску на посаде за рекою Зушею: церковь во имя Воскресения Христова

каменная, строят вновь. Церковь во имя Никиты Христова мученика, деревянная" [49].

Городская жилая застройка начиналась с территории Малого острожка, примыкавшего к кремлю с южной стороны и весьма плотно заселенного и застаивленного в основном осадными дворами. В обычное время осадные дворы, как правило, пустовали, поскольку их владельцы постоянно проживали в своих поместьях в уезде. Зато по "татарским вестям" или в "осадное время" сюда съезжались не только вотчинники со своими семьями, но и их крестьяне. Осадных дворов в городе было столько, что они могли вместить большую часть населения уезда. Для надзора за осадным двором владелец обычно оставлял кого-либо из своих крестьян или зависимых людей либо нанимал человека из

Вид на Петровский монастырь во Мценске в 80-е годы XVII века. Реконструкция автора.

вольных или "гулящих" людей. Таких управляющих, проживавших в осадных дворах, называли "дворниками".

Здесь же располагался Петровский мужской монастырь, где стояли две деревянные "клецкие" церкви – Св. Петра и Павла и Введения во храм Пресвятой Богородицы с приделом Св. Ильи Пророка. В 1679 году Дмитрий Рагозин¹ заложил в монастыре вместо деревянной церкви кирпичный Введенский собор, оконченный не позднее 1686 года.

¹ В челобитной 1679 года о построении каменной Введенской церкви ее "обешником", то есть строителем по обету, назван служилый человек Дмитрий Рагозин (см.: Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3. М., 1902. С. 19), в то же время, согласно Топографическому описанию Орловского наместничества 1787 года, ее возвел столярник Сергей Васильевич Рагозин (см.: РГБИА. Ф. ВУАД. 317. Рук. 18903). Можно предположить, что Дмитрий Рагозин начал строительство храма, а Сергей Васильевич закончил.

Храм сохранился до наших дней и представляет собой типичную приходскую церковь этого времени. Его кубический объем с трехчастной алтарной апсидой завершается пятиглавием, а расположенные в верхней части здания два яруса кокошников, поставленных друг над другом с небольшим отступом, позволяют предположить, что первоначальное покрытие храма было не четырехскатным, как сейчас, а ярусным по кокошникам. С северной и южной сторон к церкви примыкают два придела – Св. Петра и Павла и Св. Пророка Ильи, увенчанные главками. Западный вход оформлен перспективным порталом, а окна – красивыми валичниками. Рядом с храмом сохранилась белокаменная надгробная плита над могилой стрелецкого и казачьего головы Ивана Стефановича Рагозина (умер 18 января 1656 года).

Кроме Петровского монастыря, двух приходских церквей – Успения Богородицы и Св. Дмитрия Солунского, а также осадных дворов на территории Малевого острога находился орган административного управления городом и уездом – воеводская приказная (съезжая) изба, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, и хранился городской архив [50].

Территорию Большого острога занимали сразу три слободы: Стрелецкая, Пушкарская и Воротничья. Самой большой из них была Стрелецкая слобода, позднее она вышла за пределы крепостных стен, заняв своими дворами, садами и огородами все междуречье Зуши и Мцны.

В Большом и в Малом острогах также находился городской торг. Вдоль Большой дороги от Орловских ворот Большого острога до Проезжих ворот Рубленого города тянулись торговые лавки и полки (прилавки), принадлежавшие мценским стрельцам, пушкарям и "иных разных чинов людям". Раз в неделю, по воскресеньям, здесь велась оживленная торговля. Всего в Малом и Большом острогах насчитывалось 62 лавки, 26 полок и 1 харчения, принадлежавшая мценскому стрельцу Хмызину – "брату Лихошерстову Степанке Петрову". У Кузнечных ворот Большого острога выстроился кузнечный ряд – 21 оброчная кузница. Центром Большого острога была торговая площадь, на которой стояли две приходские церкви – Троицкая и Рождественская [51], а также находился государев кружечный (питейный) двор,

Башина "Проезжая, что против кузниц" Большого острога во Мценске. Конец XVII века. Реконструкция автора.

состоявший из избы со стойкою (прилавком), амбара, "меж ими сени, под ними погреб. Покрото все лубьем" [52]. Еще один кружечный двор располагался за крепостным валом, в Стрелецкой слободе, на берегу Зуши.

За рекой Мцной, напротив крепости, находился посад Балчуг. Он еще в XVI веке был обнесен деревянной крепостной стеной, замененной в 1638 году земляным валом с плетеной одеждой, отчего эта часть города получила название Плетеный город. Он также был густо застроен в основном осадными дворами. Некоторые из них принадлежали таким крупным и богатым мценским вотчинникам, как Шеншины, Протасовы, Лутовиновы, Рагозины.

Над посадом поднимались главки приходских церквей: Богооявления Господня, Св. Георгия Стратотерпа, Св. Бориса и Глеба с приделом Св. Василия Блаженного.

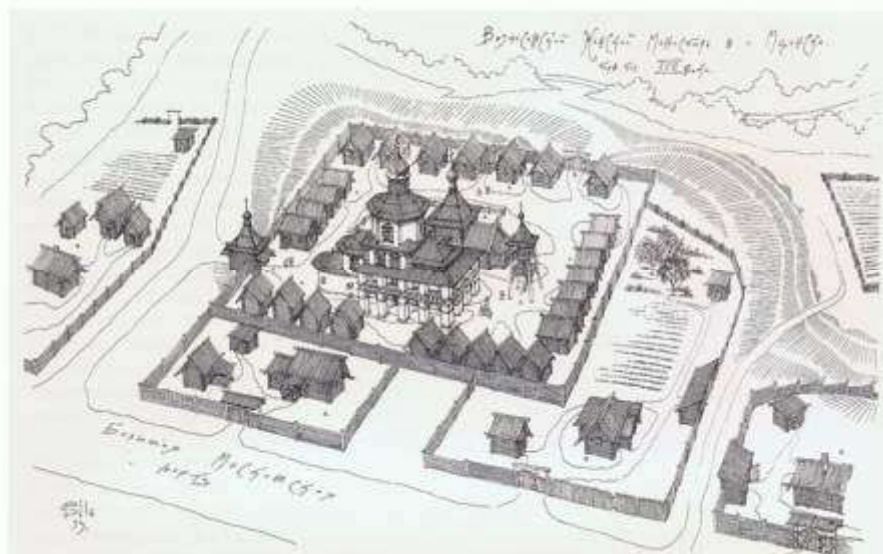
Вид на Вознесенский монастырь и Мценский кремль в начале XVIII века. Реконструкция автора.

В 1683–1690 годах столяник Протасьев вместо деревянной построил кирпичную Георгиевскую церковь¹. К сожалению, никаких ее изображений не сохранилось. В 1825 году вместо старого был построен новый храм в стиле классицизма, сохранившийся, правда, в весьма побитом виде, до наших дней. Кроме того, на посаде Балчук находился Архангельский (Вознесенский) женский монастырь, возобновленный в 1661 году, вероятно, после запустения Смутного времени. Среди дворянок, проживавших в осадных дворах, было довольно много выходцев из других городов – Брянска, Мещевска, Твери, Смоленска. Особенно много здесь проживало орлян,

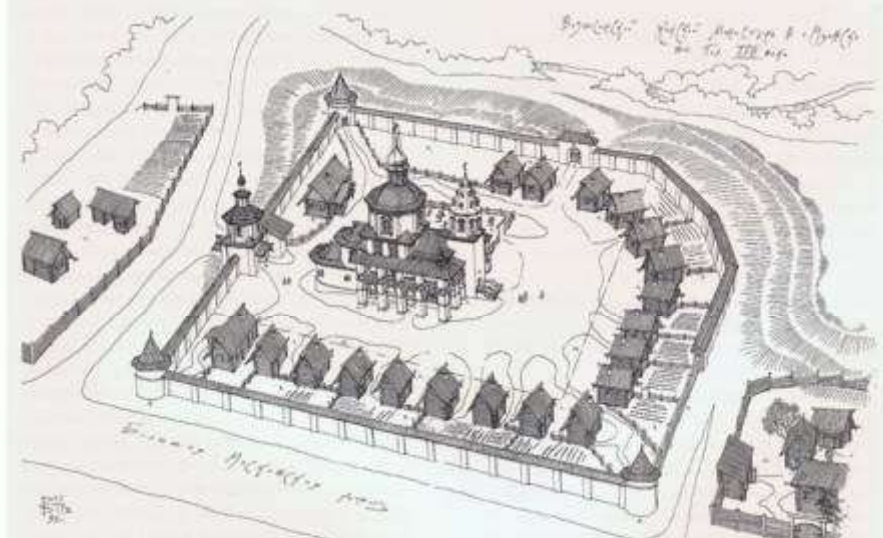
¹ Указанная Н. Азбукиным дата – 1683 год, вероятно, является годом закладки храма (см. Азбукин Н. Историко-статистическое описание городов Орловской губернии // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1836. № 6, с. 404). В Сметной книге города Мценска 1686–1687 годов Георгиевская церковь указана деревянной (см. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 91 об.). Надо полагать, кирпичный храм, заложенный в 1683 году, еще только строился и был окончен не позднее 1690 года, что подтверждает Сметная книга Мценска 1690 года: «Церковь[я] Георгия Христо[во]ва мученика каменная» (см.: РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 158. Л. 217).

переселившихся из Орла после его разорения в 1615 году литовским полковником Александром Лисовским. Всего же в Малом и Большом острогах, в Плетеном городе и на посаде за рекой Зушей, «попыше Затинной слободы», насчитывалось 245 осадных дворов мценских дворян и детей боярских [53].

В 1638 году землю к северу от Плетеного города, где в XVI веке находилась Казачья слобода, ныне пустовавшая, отвели под дворы и огороды Новоприборной Стрелецкой слободы. Ранее значительную часть стрелецкого гарнизона Мценска составляли орловские стрельцы, переведенные сюда после «орловского разорения» 1615 года. Когда в 1635–1636 годах началось восстановление Орловской крепости, их перевели на прежнее место службы. Чтобы не ослаблять мценский гарнизон, по царскому указу во Мценске набрали 110 человек из вольных и очочих людей, ставших «стрельцами городской службы». Новонабранным или «новоприборным» стрельцам положили «государеву» жалованье, выдали каждому по пищали и по «фунту зелья (пороху. – В.Н.) пищально да по фунту свинцу» [54].

Вознесенский женский монастырь во Мценске в первой половине XVIII века. Реконструкция автора.

Вознесенский женский монастырь во Мценске во второй половине XVIII века. Реконструкция автора.

Конструкция стены Плетеного города во Мценске.
Реконструкция автора.

Рассыльная слобода, населенная казаками, представляла собой остаток прежней Казачьей слободы. В годы Смутного времени ряды мценских казаков сильно поредели, и оставших использовали в основном для рассыльной службы. В 1651 году их насчитывалось только 42 человека, "и тем велено быть на службе с полковым же воеводою..." [55].

За оврагом Прудиче, под стенами переведенного сюда в 1694 году из Малого острога Петровского монастыря, образовалась Монастырская слободка. Здесь находилось монастырское хозяйственное подворье и жили его служки. Позже она слилась с деревянной Игумновой Слободкой, также принадлежавшей монастырю. В 1695 году игумен Герман заложил в монастыре кирпичный Покровский собор с приделом Свв. Петра и Павла. Составлявший в 1702 году опись Петропавловского

монастыря стольник Михаил Терентьевич Толубеев оставил о нем следующую запись: "Да позадь Рассыльной и Стрелецкой слобод на реке Зуше Петровской монастырь, в нем зачета строить каменная церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и недовершена, верх свода недоведены. Подле той церкви предел святых Апостол Петра и Павла каменной, об одной главе с трапезою теплой... Подле церкви на столбах шесть колоколов, весу в них дватцать восьм пуд бес четверти" [56]. К сожалению, от Покровского собора до наших дней сохранилась только алтарная апсида.

Уже в XVI столетии городские посады начинают выплскиваться и на противоположный правый берег Зуши. Неподалеку от моста через Зушу и от Струговой пристани сфор-

мировалась Красная площадь, где расположился административный центр Нового посада. Здесь находились губная изба (суд), перенесенная сюда из кремля, "нижний" кружечный двор, соляные ряды, а также многочисленные амбары и житницы мценских и иногородних купцов. Сюда же, на более обширную площадь, перенесли и городской торг, поскольку торговля в Большом остроге была стеснена недостатком места, а также трудностью подвоза товара по крутым дорогам через узкие крепостные ворота. Следует отметить, что этому событию способствовало начало судоходства на реке Зуше. На берегу Зуши была устроена Струговая пристань, и вполне естественно, что именно туда переселяется основное городское торжище. Это произошло предположительно между 1625–1669 годами, скорее всего, около середины XVII века.

Начало навигации на Оке и Зуше превратило Мценск и соседний Орел в крупные транзитные пункты, чей товарооборот стал расти как на дрожжах, чему немало способствовал и перенос торга на новое, более удобное место. По словам таможенного головы Якова Змеищева, "...преж сего, ис стари в Земляном валу (Большом остроге. – В.Н.) торговывали небольшими товаришки, и тогда в твоей великого г[осу]д[а]ря (Алексея Михайловича. – В.Н.) томоженной казне во Мценску збору было по двесте и по полтретья (250. – В.Н.) ста рублей, а как почели торговат[ь] за рекою Зушею и стали струги ходит[ь] и и[ы]не собирают ... томоженной казны по осми сот и болши ..." [57].

Тем не менее не всем это пришлось по праву. Некий пушкар Варфоломей Микулин в 1667 году составил челобитную о возвращении торговых рядов обратно в Большой острог, которую подписали его друзья – "неторговые люди" и "хлебожцы" (нахлебники). Руководелствовался он при этом, надо полагать, собственными интересами и удобством, но его начинание могло привести к сильнейшему удару не только по конкурентам, но и по торговле города в целом, поскольку челобитные пушкар удовлетворили.

Для исполнения царского указа и переноса торговых рядов обратно, во Мценск прибыл Микита Афанасьевич Бунины, который активно взял дело в свои руки, вернее, в свой карман. В поданной на него мценянами челобитной говорилось: "...и он Микита почел приезжих торговых людей, которых приехали и пришли стругами для хлебных покупки и соленых продажи и он, Микита, для своей бездельной корысти, почел тех приезжих торговых людей в торговья дни брать к себе на съезжей двор и сажат[ь] за приставы (под караул. – В.Н.), а которых торговья люди дадут ему посул и он тех отпускал, а которых, г[осу]д[а]рь, торговья люди посулу ему не дадут и он тех людей учел бит[ь] багоги нещадно. И те приезжия торговья

люди покиня свои струги и ... овбары иза Мцен[ска] розбежалис[ь], во Мценску торговат[ь] не стали, а иныя, г[осу]д[а]рь, розных городов торговья люди слыша ту в торгах смуту, во Мценск не едут, бояс[ь] его Микиты [58]".

За мценских торговцев вступился таможенный голова Яков Змеищев, поскольку из-за эгоизма и дурости В. Микулина и корыстолюбия М. Бунина доходы в казну резко сократились. Отстаивая новую торговую площадь, он приводил в ее пользу весьма убедительные доводы, упирая на государственный интерес: "А тем, г[осу]д[а]рь, редом годно быти за Зушею рекою и где они н[ы]не построены, потому что тут Струговая пристань и Мценского уезду уездным людям и со многих городов по большой дороге к той площади стало сажно (удобно. – В.Н.) и площадь[ь] большая, а в Земляном, г[осу]д[а]рь, валу площади нет и с хлебом етать негде и грязтина большая и гора большая, зимою с приезду в баши и в рукове (отводной башенной стрельнице. – В.Н.) гора бывает ледена[я] и от Струговой пристани стало долече. А будет, г[осу]д[а]рь, те ряды иза Зуши переведут в Земляной вал по ево Вофромейкову челобитью и торговья, г[осу]д[а]рь, люди иза Мценска съедут и в твоей великого г[осу]д[а]ря томоженной казне будет недобор большой и собрат[ь] твоей великого г[осу]д[а]ря томоженной казны будет не на ком, потому что приезжия торговья люди иза Мценска съедут, которая ходят стругами, потому что стругам приходит[ь] будет негде и хлебных и соленых овбаров построить будет негде ж, потому, что наперед сего в Земляном валу как торговывали, тогда во Мценске струги для хлебных покупки не хаживали и хлебных и соленых болших сораев в Земляном валу не бывало и быт[ь] негде – тесно и грязно" [59]. Окончание этого дела не сохранилось, но, судя по всему, Я. Змеищев "со товарищи" сумел отстаивать свою правоту, а торговая площадь осталась на новом месте.

Гостиный двор во Мценске.
Конец XVII века. Реконструкция автора.

В начале XVIII столетия на Красной площади располагался орган городского самоуправления – ратуша. Для приезжих торговых людей и купцов здесь же был выстроен гостиный двор, при котором помещалась таможня. На дворе находилась “горница с комнатой на глухих ошениках” (нижний нежилой полуподвал), напротив которых стояла повалуша (высокая башнеобразная постройка) с сеними. Еще одни сени примыкали к комнате. Все это срубленное из дубового леса сооружение было покрыто лубьем. Гостиный двор и таможня сгорели во время пожара 6 мая 1695 года, “и ныне ... никаких строений нет” [60].

Во время пожара, происшедшего в 1680 или в 1681 году, стоявшая на площади деревянная Воскресенская церковь сгорела. Взамен сгоревшей не ранее 1683 года началось строительство кирпичной Воскресенской церкви с приделом Казанской Богородицы, оконченной около 1696 года¹. Судя по рисованному “Виду города Мценска с западной стороны”

(конец XVIII – начало XIX века) [61], она представляла собой высокий двухъярусный четверик, увенчанный главкой, к которому с западной стороны примыкала трапезная одинаковой ширины с церковью. К трапезной была пристроена трехъярусная колокольня, состоявшая из низкого четверика и поставленных на него двух восьмериков, из них в последнем находился ярус звона. Колокольню венчал барабанчик с главкой. К концу XVIII столетия этот храм обветшал, и вместо него в 1802 году заложили новую, более величественную церковь, оконченную в первой половине XIX

века. Ее обезображенный в советское время остов можно увидеть и сейчас.

Выше по течению Зуши располагалась Затинная слобода со своей приходской

¹ Дата возведения Воскресенской церкви, указанная Н. Азбукиным, – 1690 год (см.: Азбукин Н. Историко-статистическое описание городов Орловской губернии // Журнал Министерства Внутренних Дел. СПб., 1836. № 6, с. 404), представляется не совсем точной. В 1683 году воскресенскому попу Исае разрешили строить каминную церковь вместо сгоревшей деревянной (см.: Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3, М., 1902. С. 20). В Сметной книге города Мценска 1686–1687 годов сказано: “Церковь во имя Воскресения Христова каменная, строит вновь” (см.: РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 91 об.). В Сметной книге г. Мценска 1690 года Воскресенская церковь вообще не упоминается (см.: РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 158. Л. 217). В отписке воеводы Ивана Тутольмина говорится, что во время пожара 6 мая 1695 года сгорела ветхая (скорее всего, деревянная) Воскресенская церковь с колокольней (см.: РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 612. Л. 415). Вновь храм появляется на страницах Сметной книги 1696 года: “Во Мценску ж на посаде за рекою Зушею церковь Воскресения Христова каменная” (см.: РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 610).

церковь “святых жен Мирососид да Никиты Мученика”. Население слободы составляли затинщики, стрелки из затинной пищали – тяжелого крупнокалиберного ружья. В Мценской крепости XVII века на вооружении находились 17 таких пищалей. Несколько далее, в глубь берега, тянулись дворы Драгунской слободы. Драгунские, солдатские и рейтарские полки нового строя, обученные и вооруженные по западноевропейскому образцу, появились в России в 40-е годы XVII века.

Ниже по течению Зуши около современной Троицкой церкви обосновалась Пушкарская слобода, переведенная сюда из Большого острога по причине “городовой тесноты” предположительно в первой половине XVIII века. При переезде на новое место пушкарки перенесли в слободу из крепости и свою приходскую Троицкую церковь. В 1770 году (по другим данным, в 1774 году) купцы Иноземцевы построили на ее месте одноименную кирпичную церковь, сохранившуюся до наших дней [62].

На выезде из Нового посада, близ Большой Московской дороги, появилась Ямская слобода, особенно разросшаяся в первой четверти XVII века, когда во Мценск перевели ямщиков из разоренного литовцами Орла. Орловские ямщики навсегда обосновались во Мценске. Имелся в Ямской слободе свой кружечный двор, называвшийся в городе “вышним”, в отличие от “нижнего” на Красной площади. В Сметной книге 1696 года содержится следующее описание “государева кабака”: “Кружечной двор близ Ямской слободы подле Московской большой дороги. Строения: ледник, на леднику анбар сосновой, крыт с корою и дором (дранью. – В.Н.). Подле того анбара и ледника изба с стойкою, промеж ими сени, покрыто лубышком. Да подле того ледника вновь [сделан] походный погреб, да вновь построена горница” [63].

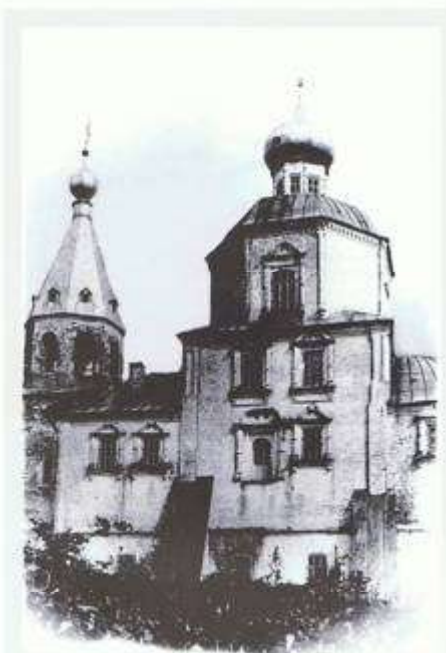
Позднее, в 1775 году, ямщики построили в своей слободе деревянную приходскую

церковь Св. Параскевы Пятницы в память об одноименном храме, стоявшем во Мценском кремле и сгоревшем во время опустошительного пожара 23 апреля 1757 года [64].

Генеральная перепланировка Мценска, проводившаяся на основании утвержденного 14 марта 1780 года регулярного плана [65], стерла границы слобод, хотя наименования некоторых из них сохранились в названиях улиц и в памяти горожан до наших дней. Например, Стрелецкая слобода, Новоприборная улица, Монастырка.

В XVII веке Мценск неоднократно горел, это были и случайные возгорания, но случались и “воровские зажеги”. Один из самых сильных пожаров случился 6 мая 1695 года. Гореть начало “у вдовы Феклы дьячка Михайловской жены Максимовой”, оттуда огонь перекинулся на другие постройки: “... згорела церковь Воскресения Христова ветхая да колокольня и дворы поповы и всяких чинов людей погарели...”. Огонь бушевал с такой силой, что горящие головы перекинулись через реку Зушу, где загорелся девичий монастырь, в котором “церковь Вознесения Христова и всякая церковная утварь и книги и колокольня и Святые ворота и келья и ограда, все погорело без остатку”. Оттуда пламя пошло на Сергиевскую (Новоприборную) слободу, где сгорели две церкви – Св. Сергия Радонежского – старая и новая, “да поповых и дьячковых и подьяческих и стрелецких и всяких чинов у градских жителей помещиковых осадных дворов погорело семдесят два двора”. Кремль во время пожара не пострадал – ветер дул в другую сторону, и огонь его не достал.

Девятого мая вспыхнул новый пожар, на этот раз в Ямской слободе, где сгорело 60 дворов. Десятого мая “учинился третьей пожар близ церкви Воскресения Христова, выгорел хлебный ряд, анбары погорели, да в Ямской слободе выгорело 22 двора”. К тому времени какие-либо сомнения в том, что это “воровской зажег”,

Вознесенский собор Архангельско-Вознесенского монастыря. Конец XVII – начало XVIII века. Колокольня – конец 1740-х годов. Фото 1927 года.

уже отпали, и жители стали выставлять караулы для "бережения от пожарного разорения". Одиннадцатого мая при очередной попытке поджога стрельцами был

схвачен крестьянин Мишка Иванов. С какой целью он пускал "красного петуха", так и осталось неизвестно, хотя во время судебного разбирательства его несколько раз подвергали пытке [66].

Происшедший пожар в определенной степени стимулировал кирпичное строительство, поскольку вскоре после него игумения Феврония заложила в Вознесенском девичьем монастыре вместо сгоревших деревянных церквей двухэтажный кирпичный Вознесенский собор с приделами Михаила Архангела и Св. Иоанна Предтечи. В описи Вознесенского монастыря, составленной в 1702 году стольником Михаилом Терентьевичем Толубевым указано что в обители имелась ветхая деревянная, надо полагать, срубленная на скорую руку после пожара одноглавая церковь Архистратига Михаила, а также: "В том монастыре зачета вновь строить каменная церковь Вознесения Господня мерою в длину двенадцать сажень, поперег пять сажень с аршином. Над олтарем и над церковью своды сведены, а трапезы состроено в вышину полторы сажени и сводов нет" [67].

Вознесенский собор окончили, надо полагать, в первое десятилетие XVIII столетия. Этот храм стал одним из лучших образцов церковной архитектуры уходящего века во Мценске¹.

¹ К сожалению, в конце XX – начале XXI века собор был испорчен совершенно бездарной реставрацией.

МЦЕНСК в XVIII веке и судьба Никольского собора в XIX – первой половине XX века

К концу XVII века Мценская крепость утратила какое-либо военное значение, однако продолжала оставаться в числе действующих. В книге Оружейной палаты в записях за 1702–1703 годы о ней сказано: "Город Мценск строен деревянным острогом и земляным валом. По городу башен: 5 проезжих, 12 глухих. По мере около того города 842 сажени". Из артиллерийского вооружения в крепости остались только 17 затинных пищалей в ложах, а к ним 287 ядер железных и свинцовых, остальные пушки к тому времени либо увезли в Воронеж для вооружения флота, либо на заводы – на переплавку, хотя ядра к ним, 1942 штуки, хранились в казенном пороховом погребе, где еще оставалось 94 пуда 38 гривенок ружейного и

"Город Мценск. Деревянный, рубленой, ветх и развалился (имеется в виду кремль. – В.Н.), оной город на высокой каменной горе на берегу Зуши реки и на устьи речки Мцыны, а какиим языком оной город назван, о том сведения нет. Те места гористы, степныя и маларосныя лесныя места. При оном городе в Зуше реке рыб: щука, голавль, окунь и другая мелкая рыба. На оной реке Зуше есть изо Мценска ход стругавым судам. Хлеба родитца всякого изобильно, огородных оващей водитца такая ж, как и в выше писанных Орловской провинции городех. Оныя места с одной стороны степныя, а з другой малолесныя сухия. Где оной город построен, место гористая, а где живут грацкия жители там низкое ровное место. Лесных оващей родитца малое число, в полях травы и цветы водятца, и оныя употребляютца в сенокос. В тех местах народы живут руския люди".

Ведомость городам. 1724 год [1].

пушечного пороха и 47 пудов 5 гривенок свинца. К Мценской крепости по-прежнему были приписаны служилые люди: копейщики, рейтары, солдаты, стрельцы, драгуны, пушкари и прочие, всего 1961 человек [2].

Ведомость 1718 года фиксирует весьма ветхое состояние крепости. Рубленый город еще стоял, хотя на его башнях уже не имелось верхов, мостов (межэтажных перекрытий) и лестниц, а со стен попадали обламы. В гораздо худшем состоянии находились Малый острог и Земляной город: от них остались только отдельные башни без крыш, крепостные стены полностью развалились, а земляной вал оплыл. Гарнизонную службу во Мценске несли служилые люди "старых чинов",

Вид на Мценский кремль в последние годы его существования. Середина XVIII века. Реконструкция автора.

впрочем, сведения об их числе Белевская провинциальная канцелярия не представила. В той же ведомости упоминается об артиллерийском вооружении крепости, которое состояло из медной трехфунтовой пушки без станка и 17 затинных пищалей без ложек и замков. Каких-либо снарядов к ним уже не имелось [3]. В общем, воевать при помощи всей этой артиллерии можно было, только сбрасывая ее на головы врагов. В том же году Мценск исключили из штата русских крепостей, но позднее выяснилось, что с этим несколько поторопились.

В 1738 году в связи с началом очередной русско-турецкой войны по указу императрицы Анны Иоанновны было велено в Воронежской, Белгородской и Казанской

губерниях “пограничные города для лучше впрядь от неприятеля предосторожности как возможно поправить и починить тех мест обывателями, чтоб во время неприятельского нападения подданным Ея Императорского величества вреда приключитца не могло” [4]. Из Орловской провинциальной канцелярии этот указ разослали в остальные города, в том числе и во Мценск. Было ли что-либо осуществлено во исполнение указа в отношении Мценской крепости, неизвестно, скорее всего, ничего. Крепость к этому времени безнадежно устарела с фортификационной точки зрения, а город находился настолько далеко от границы, что тратить время и деньги на его укрепление не имело никакого смысла.

План развалин Мценской крепости. Реконструкция автора по Росписному списку воевод поручика И. Лаврова и полковника И. Сухотина. 1754 год.
1. Первый город. II. Второй город. III. Третий город.
1. Никольский собор. 2. Церковь Св. Параскевы Пятницы. 3. Церковь Успения Богородицы. 4. Церковь Введенская (св. Петра и Павла). 5. Церковь Троицы. 6. Канцелярия. 7. Судейская камера. 8. Казенный амбар. 9. Торевная изба. 10. Руины тайника.

Осенью 1744 года через Орловскую провинцию, возвращаясь из Киева с богомолья, должна была проехать императрица Елизавета Петровна. Готовясь к приезду “матушки-императрицы”, провинциальные власти, как это у нас всегда бывает, развернули бурную деятельность по приведению в порядок пути следования венценосной особы: строились путевые дворцы и склады, ремонтировались дороги и мосты, устанавливались верстовые столбы. Только во Мценском уезде “казенным коштом” построили 16 мостов и поставили 44 верстовых столба, а на северо-восточной окраине города, близ Ямской слободы у Тульского тракта, срубили амбар и продуктовый ледник для членов императорской фамилии и их свиты [5].

В сентябре Елизавета Петровна вместе с наследником Петром Федоровичем (будущий император Петр III) прибыла во Мценск. Государыня посетила Вознесенский женский монастырь, пожаловав от щедрот своих игуменье Анне Усовой собственноручно 30 червонцев (каждый ценою 62 рубля) и семь рублей гривенниками серебра на милостыню монахиням. От себя пожертвовал игуменье 10 червонцев и наследник Петр Федорович [6]. На эти деньги к храму была пристроена колокольня, нижняя часть которой сохранилась до наших дней. По-видимому, позднее, в знак проявленной монаршей милости, крест Вознесенского собора увенчала императорская корона.

План города Мценска "с поселенными при нем слободами". 1789 год. РГАДА. Прорись автора.

"Изъяснение плана:

1. Город, называемый Замок.
 2. Соборная церковь каменная (Никольская. – В.Н.).
 3. Кладовая каменная.
 4. Присудственные места.
 5. Турецкая изба для колодников.
 6. Строение деревянное.
- В предместьи города:
7. Приходские церкви каменные.
 8. Строение каменное.
 9. Строение деревянное".

Описание смежных земель:

- "От А до В – земля Подмонастырской слободки, ведомства казенной палаты крестьян.
 От В до С – земля Ямской слободы, владения ямщиков.
 От С до Д – земля Дразунской слободы.
 От Д до Е – отхожая земля города Мценска, владения стрельцов, что ныне однодворцы.
 От Е до А – градская выгонная земля".

Подписи на плане:

- "Надворный советник Александр Протасов.
 Ассессор Федор Поповцов.
 Порутчик... (имя неразборчиво. – В.Н.) Бабков.
 Чертежный директор капитан Георгий Наноскин.
 С подлинным свидетельством первого класса землемер прапорщик Илья ... (фамилия неразборчива. – В.Н.)".

Восемнадцатый век в истории Мценска осыпан багровым пламенем пожаров. Город в это время горел не раз, причем пожары носили поистине катастрофический характер. Один из них вспыхнул 17 июня 1748 года около четырех часов пополудни. У купца Даниила Гончарова загорелась плетневая, крытая соломой постройка на огороде, от которой пламя пошло дальше, чему немало способствовала ветреная погода: "А во время де того пожару ветер с вихорем был весьма жестокой и тот пожар как скоро учинился разметало ветром и загорелось в разных местах и огонь с дымом от великого ветра слался по низу и от такова вдруг многого по местам загорения в загорелых слободах огня никак было одержать невозможно, к тому ж, де были улицы уския и двory тесныя". Тем не менее жители города во главе с воеводой капитаном Лутошкиным самоотверженно боролись с пожаром. Им удалось отстоять прилегающие к реке Зуше слободы, городской магистрат с денежной казной, "австерию" (винное заведение) и хлебные амбары, "в которых имелось хлеба довольноное число". Горящие головни передетали и через реку Зушу, но тамошние жители были настороже и немедленно их тушили. Тем не менее часть дворов отстоять не удалось "за великим ветром и штормом", а их хозяева "едва сами могли из тех слобод выбежать". Пожар продолжался четыре часа и уничтожил церковь¹ и 205 дворов [7]. Воеводская канцелярия произвела расследование, после чего объявила, что этот страшный пожар был делом рук злодеев: "подле воеводской квартиры зажигали разные двory, только тушили, а при третьем поджоге найден в соломе с цуком и в хлопных зажженный трут, отчего жители перепугались и с пожитками вывелись на поля и на берега реки" [8].

¹ К сожалению, в ведомости не указано название этого храма, надо полагать, что это была либо Троицкая, либо Никитская церковь. Воскресенская церковь во время пожара однозначно уцелела, поскольку недалеко от нее находился городской магистрат и сырные амбары с хлебом.

Фрагмент плана города Мценска "с поселенными при нем слободами" с изображением территории бывшей крепости. 1789 год. РГАДА. Прорись автора.

Нельзя сказать, чтобы мценские жители не береглись от пожаров, тем более что и городская администрация "накрепчайше" требовала выполнения довольно жестких правил противопожарной безопасности: печи в избах и банях в летнее время запечатывались – готовить еду можно было только в поварнях, стоявших на огородах; категорически запрещалось работать с открытым огнем (лучиной) в вечернее и в ночное время; на кровлях расставлялись кадки с водой и метлы, дабы смахивать во время пожара с соломенных крыш залетевшие искры и головни; улицы в ночное время перегораживались рогатками, и у них стояли сторожа с трещотками. В городском магистрате

Высочайше утверждёнъ:
16-го Августа 1781 года.
Орловскаго Намѣстническаго.

Мценскъ.

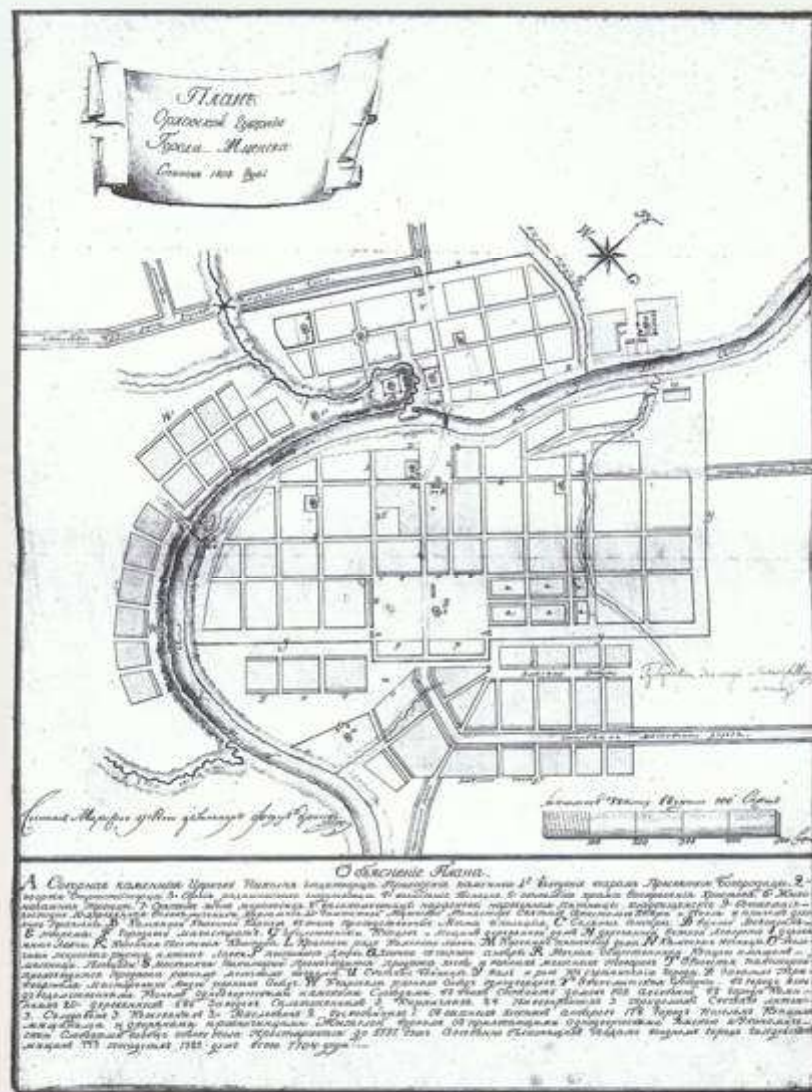
Орловской губернии. Уѣздный.

Въ верхней части щита герба Орловскій. Въ нижней пшеничные четыре снопа, въ золотыхъ полѣхъ, илженины крестообразно, въ знакѣ благословеннаго сей страны изобилія хлѣба.

для "пожарных случаев" хранились "залитые две трубы", крючья и вилы, а в канцелярии – два крюка, вилы, лестница, два паруса и два щита [9]. Но если эти меры и могли в какой-то степени обезопасить город от случайного возгорания, то от умышленного поджога, вызванного людской злобой и завистью, они, безусловно, спасти не могли. И не случайно значительная часть городских пожаров была вызвана именно "воровскими зажогами". И хотя во время именно этого пожара возможный поджигатель схвачен не был, но его поиски (надо полагать, что для этого имелись все основания) велись весьма активно. Для расследования причин пожара учредили целых две комиссии: одну от Мценской воеводской канцелярии и городского магистрата, другая следственная комиссия заседала в Туле.

Последняя командировала во Мценск солдата лейб-гвардии Имайловского полка Василия Бакеева для взятия на допрос канцеляриста Мценской воеводской канцелярии Федота Туленинова. В ходе рассмотрения дела был задержан цыган Мина Сачнев, на которого показал отставной солдат Иван Разуваев, но его навет оказался ложным; арестовали купца Ивана Попова, подозреваемого в "выжжении отцовского дома и всего города Мценска", а также дворового человека Алимпия Афанасьева, обвиненного однодворцем Артемием Денисовым в поджоге своего дома. Вышеупомянутый Афанасьев был разыскан, пытан огнем и сознался, что поджег его двор по наущению крестьянина Игнатия Савостьянова. Тем не менее свою вину в поджоге города он категорически отрицал: "В городе Мценск во время пожара, кто зажигал, о том де он Афанасьев не знает и ни от кого не слышал" [10].

Деревянные административные здания были слишком уязвимы в случае пожара, поэтому в 1749 году по указу Камор-коллегии во Мценске было велено построить каменный архив для хранения рассмотренных дел, а для воеводского житья – палаты. Нужда в обеих зданиях была немалая: старыми делами канцелярия была буквально завалена: они лежали по полкам, в сенях, в чулане, а присылаемый во Мценск воевода вынужден был снимать квартиру в частном доме "с немалой нуждою". На строительство архива сметили 108 рублей 4 копейки, а воеводского двора – 467 рублей 50 копеек, после чего сметы отослали в Орловскую провинциальную канцелярию, но, как это часто бывает, бумаги затерялись в канцелярской круговерти. Через два с половиной года (5 июня 1752 года) Мценская воеводская канцелярия повторила свой запрос в Камор-коллегию, "только на то нигде указу не получено" [11]. В результате казенные постройки во Мценском кремле так и остались деревянными и простояли вплоть до следующего "Великого пожара".

План города Мценска. 1808 год. Публикуется впервые. РГИА.

Регулярный план города Мценска. Начало XIX века. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева.

Прорис и аннотация – автора (на оригинале отсутствует).
Церкви:

- 1 – Никольский собор; 2 – Введенская (Петропавловская); 3 – Вознесенская (Архангельская); 4 – Сергиевская; 5 – Георгиевская; 6 – Богоявленская кладбищенская; 7 – Никитская (старая); 8 – Крестовоздвиженская (Никитская новая); 10 – часовня свв. Кирика и Иулитты, приписанная к Петропавловскому монастырю; 11 – Троицкая; 12 – Успенская (св. Параскевы Пятницы); 13 – Харлампиевская (Преображенская) кладбищенская; 14 – Петропавловский мужской монастырь и Подмонастырская слободка;

Слободы, площади и другие объекты:

- 15 – Красная площадь; 16 – Хлебная площадь и торговые лавки; 17 – Стрелецкая слобода; 18 – Ямская слобода; 19 – Орловская застава; 20 – Белевская застава; 21 – Московская застава; 22 – водяная мельница; 23 – вал и ров "к ограничению города";

Дороги:

- 24 – в Орел; 25 – в Волхов; 26 – в Белев; 27 – в Москву; 28 – в Новосиль.

1 апреля 1754 года во Мценске была произведена, как сказали бы сейчас, очередная ротация кадров: воевода полковник Иван Сухотин сдал городское хозяйство своему преемнику подпоручику Ивану Лаврову. При приеме был составлен Росписной список, в котором содержалось описание казенного имущества и построек, а также Мценской крепости, вернее, ее развалин.

Некогда грозная крепость представляла из себя к этому времени самое удручающее зрелище. Хотя все башни Рубленого города, кроме Никольской, еще стояли, но они сохранились в лучшем случае на половину высоты. Стена со стороны Зуши исчезла едва ли не полностью, а с других сторон зияла большими проломами, да и в высоту она уцелела от полусажени до полутора сажен (1–3 метра) вместо прежних трех (более 6 метров). Тайник к реке Зуше "весь огнил и обвалился и бревен ничего нет". От Малого острожка остались четыре башни (вместо прежних шести), также на половину высоты, но его стены разрушились практически полностью. На оплывших валах Земляного города стояли три полуразрушенные башни (также из шести).

Внутри Рубленого города высился кирпичный Никольский собор, рядом с которым стояла деревянная церковь Св. Параскевы Пятницы. Недалеко от них находились две канцелярии с сенями, построенные в 1742 году, и судейская "комора" с кафельной печью. В судейской на стене висела икона Спаса и стояли два стола: "один воеводской, покрыт красным сукном, другой с приписью подъячего, покрыт зеленым сукном". На воеводском столе лежали "Зерцало о правосудии, три печати медные. Соборное уложение 157 (1649. – В.Н.) году", целая куча указов и, как сказали бы сейчас, нормативных актов. В канцелярии

¹ Соборное уложение – свод законов, принятый Земским собором в 1648–1649 годах, содержащий статьи по государственному, административному и уголовному праву и порядку судопроизводства. Являлось действующим сподом законов вплоть до первой половины XIX века.

Императрица Елизавета Петровна (1709–1761).

сидели канцеляристы и кописы, ведущие текущее делопроизводство, и хранился городской архив – "дела и книги".

Рядом с канцелярией располагался ветхий казенный амбар, где хранились: "кантарь (весы. – В.Н.) з гирею, кувалда железная, две гири железные, пять знамен киндячных ветхих, все изотлели, ...цепь железная десяти сажень которою мереют версты" и прочий хлам. Здесь же были свалены "прошлых лет дела неразобраны и не описаны за ветхостию оных, которые от долговременного лежания многия погнили и разобрать никак не возможно". По соседству с казенным амбаром стояла недавно срубленная тюремная изба, крытая драпью. Недалеко лежали несколько сот бревен, оставшихся "за лишком" после построения мостов и установок верстовых столбов перед проездом императрицы Елизаветы Петровны в 1744 году [12].

Древние костюмы жительниц города Мценска среднего сословия. Зарисовки орловского чиновника. Конец XVIII века.

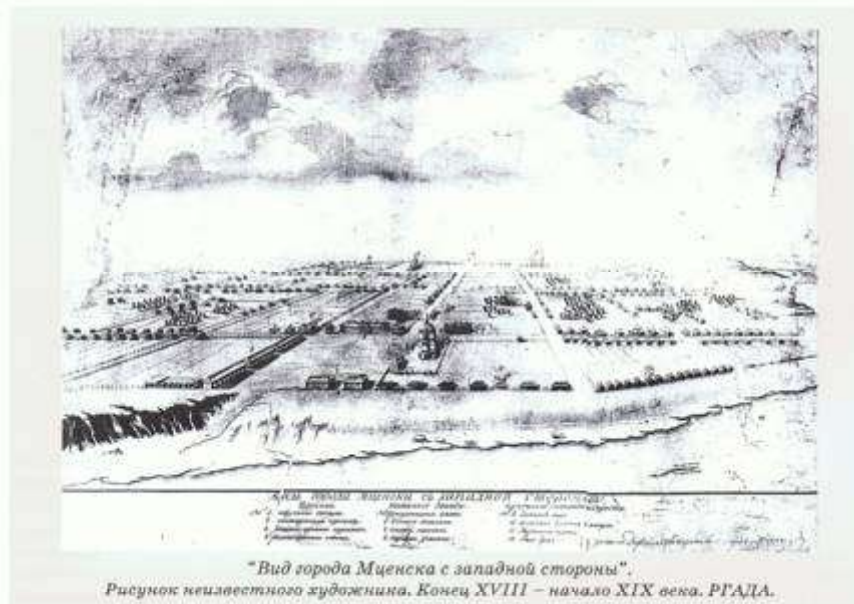
В 1757 году Мценск в очередной раз сгорел: “апреля 23 дня в восьмом часу дни ... в Ямской слободе в доме емщика Афонася Дарагавцова, не знаю от чего, учинился великий пожар”. Из-за “великого ветру” и поднявшихся “вихров” пожар быстро приобрел чрезвычайную силу и в считанные минуты охватил большую часть города, благо дома мценских обывателей были в основном крыты дранью и соломой, а улицы тесны и узки. Ветром горящие головни и солому перебросило через реку Зушу, и там образовались новые очаги пожара. Загорелся Вознесенский девичий монастырь, от которого пламя перекинулось на остатки деревянных стен и башен древней Мценской крепости на горе Самарод (Соборной), а с них – на административные постройки кремля и Никольский собор. Попытка спасти из горевших канцелярий и архива дела и счета кончилась тем, что вынесенные за город бумаги

большой частью разнесло вихрем. Во время пожара обгорели снаружи и выгорели внутри почти все каменные церкви города: Воскресенская, Вознесенский собор в девичьем монастыре, Петропавловская (Введенская, бывший собор упраздненного в конце XVII века Петровского мужского монастыря), Георгиевская и Никольский собор, а также сгорела дотла стоявшая рядом с ним деревянная Пятницкая церковь. Расположенный на окраине Петропавловский мужской монастырь, по счастью, уцелел. Из прочих построек сгорели: воеводская и подушная канцелярии, архив “со многими делами, приходными и расходными книгами”, тюремная и караульная избы с острогом (деревянной оградой), в “городовом замке” (кремле) три башни с еще стоящими крепостными стенами, на посаде – городской магистрат, кружечный двор (кабак) и фартенная стойка с напитками и казенными припасами (винный склад), два казенных амбара – один пустой, другой с альтонской солью¹ “да соленая стойка, где соленая продажа производилась”. “Купецких, поповских, солдатских, ямских и протчих разночинцов” сгорели триста тридцать один двор; лавок, кузниц и амбаров – двести семнадцать. В Вознесенском девичьем монастыре в пепел превратились двадцать семь келий [13]. Выгорел практически весь город.

На следующий день, 24 апреля, пожар возобновился, но у местных жителей уже были “ушки на макушке”, и его достаточно быстро загасили, невзирая на “великие ветры и вихри”. Горожане достаточно легко отделались: сгорело всего четырнадцать купецких и ямских дворов [14].

Вскоре после пожара административные постройки на Соборной горе отстроили заново. На “Плане города Мценска с поселенными при нем слободами” (1789 год) кроме Никольского собора здесь показаны деревянные присутственные места, тюремная изба для колодников,

¹ Соль, добытая на озере Эльтон (Поволжье, Калмыкия).

“Вид города Мценска с западной стороны”. Рисунок неизвестного художника. Конец XVIII – начало XIX века. РГАДА.

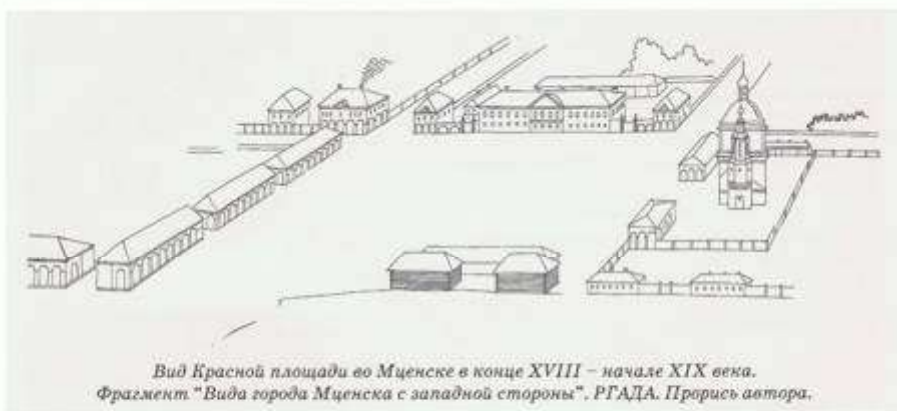
“строение деревянное” – вероятно, жилое, а также каменная кладовая, надо полагать, для хранения денежной казны [15]. Как видно, средства на каменное казенное строительство после того, как клоннул “красный петух”, все-таки нашлись.

Регулярный план города Мценска, утвержденный 14 марта 1780 года [16], окончательно лишил бывший кремль статуса административного центра. Согласно ему, все органы городского управления переносились с горы на противоположный низменный берег реки Зуши, к Воскресенской церкви, на площадь, получившую название Красной, где построили кирпичное здание присутственных мест. На опустевшей горе осталось только Никольский собор. Стоявшую рядом с ним деревянную Пятницкую церковь возвели в 1775 году [17], но не на старом месте, а в Ямской слободе, на выезде из города.

Вскоре после пожара 1757 года началось восстановление Никольского собора.

По счастью, наиболее ценные иконы и богослужебную утварь, а также чудотворный образ святого Николая из него успели вывести и спасти, но само здание сильно пострадало, а колокольня была фактически полуразрушена. Деревянные балки, на которых подвешивались колокола, выгорели, а сами колокола, падая, пробили своды и разбились. Поэтому старую колокольню и трапезную с приделом Св. Афанасия Александрийского разобрали и вместо них возвели новые – трапезную более обширную, а колокольню – высокую. К весне 1773 года на средства вкладчиков “оная трапеза и в ней придел по надлежащему устроены, иконостасами, с[вя]тыми иконами и прочим ц[ерковным] бл[а]голепием украшены... нескудно” [18].

Облик Мценска в 80-е годы XVIII века можно представить по “Путешественным запискам...” замечательного русского естествоиспытателя академика Василия

Вид Красной площади во Мценске в конце XVIII – начале XIX века. Фрагмент "Вида города Мценска с западной стороны". РГАДА. Прорись автора.

Федоровича Зуева, побывавшего во Мценске 18–19 июля 1781 года. Вот каким он его увидел: "Уездный Орловского наместничества город Мценск есть также старинной и с самого начала городом по реке Меще, ныне пересохшей, называвшийся, стоит по обе стороны реки Зуши от [осту] к [восту] текущей, но строением больше на правой ровной стороне, нежели на левой горной расположенной. Местоположение его с первой стороны хотя и ровно, но низко и окружено вышними холмами; с другой же высоко и гористо. Окольности его голы, лесу нигде не видно, кроме монастырской рощи и некоторых садовых дерев, а окружают хлебные поля и дуга. В городе строение деревянное числом более тысячи дворов, крытое большей частью соломою и окруженное плетнем. Церквей в нем 14, наиболее каменных (согласно ведомости 1787 года – двенадцать, из них две деревянные. – В.Н.) и в том числе два монастыря мужской и женской, из коих сей последний рушен (упразднен в 1764 году. – В.Н.), а первый стоит на мирском подаянии. Соборная церковь каменная с колокольнею прекрасной архитектуры, стоит на левой стороне реки, на высоком бугру, вышиною более тридцати сажен прямых имеющем, со всех сторон крутою и совершенно неприступною,

если б живущие на оном комендант и протопоп не сделали сами для себя возможного сколько-нибудь с его съезда. Бутор сей состоит из крепкого известкового плитняка, не наносный, но натуральный, и чудно, как в старину от прочаго материка таким одиноким холмом отделившийся. Сверх того, в городе имеется явленный образ Николая Чудотворца и каменный чудотворный крест, хорошей работы, приплывший, сказывают, водою снизу. Жители здешние суть купцы, не очень зажиточные, числом сот до трех; мещан около полторы тысячи, однодворцов до 400, ямщиков 600, которые обязаны содержать не только здешнюю поставу, но и по другим некоторым дорогам. Вообще жители здесь, будучи похваляемы во всем прочем житии, не похваляются в воздержании от пьянства, почему и болезни известнейшия им здесь суть лихорадка и понос. Главнейшие их промыслы составляет хлебопашество, а сверх того, имеются в городе и кожевни.

Река Зуша шириною здесь будет шагов со сто, но глубины не чрезвычайной; через ее сделан мост на плоту, по которому ездят, а повыше его, против соборной церкви, – лава для пешеходцев. Ея вершины отсель отстоят верст на 70, а устьем впадает в Оку верст за 20. Нарочитости ее на

Храмлицевская церковь во Мценске. Фрагмент "Вида города Мценска с западной стороны". РГАДА. Прорись автора.

таком коротком расстоянии причиной многия речки, в её впадающая, из коих важнейшие называются Неручь, Чернь и Мокрая Мечна. Рыбы в ней белой весьма довольно, и между оною нередко попадают сомы в сажен величиною; суда из Оки по ней ходят только до сего места и здесь, нагружаясь хлебом, возвращаются обратно.

Во Мценске переночевав, на другой день прежде полдень отправились мы далее в путь, начиная оный выездом на нагорную крутую сторону широкою перспективою, к щастию путешественников ныне плитняком хорошо вымощенною; иначе в прежние годы нередко проезжающие, нечаянно попавшись в грязь под горою, принуждены бывали до свету дожидаться, покуда другие проезжие им на оная выкарабкаться помогут" [19].

Ведомость 1787 года дополняет весьма живописное описание В.Ф. Зуева и дает свод статистических сведений по городу этого времени: "Казенного строения: каменных винных магазинов (казенных складов. – В.Н.) 3, хлебной деревянной на каменном фундаменте 1, соляных деревянных амбаров 3. Улиц – 17, переулков – 16. Домов казенных: каменных – 2, деревянных – 4. Купеческих: каменный – 1, деревянных – 84. Мещанских: каменный – 1, деревянных – 388. Церковнических,

Императрица Екатерина II.

приказных, солдатских, ямщицких и проч.: каменных – 2, деревянных – 602. Сверх того: питейных домов деревян [ных] – 202, кузниц – 51. Жителей вообще состоит купцов, мещан и всяких иных званий – 2804" [20].

В 1787 году Мценск удостоился очередного посещения монаршей особы: в шесть часов вечера 18 июня в город прибыла императрица Екатерина II, устроившись здесь на ночлег. По словам А. Фирсова, "для этого пребывания был выстроен специально дом, существующий и в настоящее время и давший приют присутственным местам. Он двухэтажный, довольно большой и находится в центре города на Велевской улице, против городекого сада¹.

¹ К сожалению, здание присутственных мест не сохранилось до наших дней. В 1941 году, во время Великой Отечественной войны, в него попала немецкая авиабомба. После войны руины присутственных мест разобрали. В настоящее время на этом месте стоит кинотеатр "Октябрь".

Церковь св. Параскевы Пятницы во Мценске. На выезде из города видны обелиски Московской заставы. Фрагмент "Вида города Мценска с западной стороны". РГАДА. Рисунок автора.

На его фронтове имелись изображения государственного герба и надпись о годе его постройки, но, к сожалению, лет двадцать тому назад (около 1895 года. – В.Н.) безжалостные маляры закрасили и заштукатурили и то и другое. Интересна маленькая подробность: на другой день по выезде государыни из Мценска в комнате, которая служила спальней государыне, обрушился потолок. Это, разумеется, произвело большую тревогу и переполох. Немедленно дали знать в "губернию", откуда и были командированы чиновники для исследования причин катастрофы. Однако выяснить их губернским не удалось, по крайней мере, с достоверной ясностью... Тем дело это и кончилось" [21].

В 1823 году мценский полицмейстер Иван Антонович Сементовский решил проложить более удобную и широкую дорогу к Никольскому собору, поскольку старая была узка, крута и небезопасна. Несмотря на то, что его намерение казалось неподъемным, он не только на него решился, но и осуществил задуманное, срыв часть горы и проложив по "оной

преудобную и обширную дорогу не только для пешеходцев, но и для проезжающих в экипажах". Во время этих работ, оконченных в 1824 году, был найден древний тайник с осадным колодезем, о существовании которого к тому времени уже основательно забыли. Произошло это при следующих обстоятельствах: "Полицмейстер, любопытствуя, заметил в стороне онаго (провала. – В.Н.) ключик воды, который, проникая из-под основания громады, течет под насыпным берегом Зуши и потом каплями теряется в глубине сей реки. Он спустился вниз, призвал рабочего человека и при первом ударе лопаткою ощутил дерево, а по устранению набережной земляной и песчаной насыпи, нашел, что это дубовый желоб, покрытый такою же толстой доскою, и имеющий окружность около двух аршин с половиною; дуб почернел и окреп почти до окаменелости... В ту же минуту стали копать по направлению желоба к основанию и внутренности горы, не щадя трудов, ни терпения, и, когда прошли около 10 аршин (более 7 метров. – В.Н.),

Часовня свв. Кирика и Улиты. Первая четверть XVIII века. Рисунок автора по наброску И.И. Срезневского. 1839 год.

тогда обнаружился угол деревянного дубового сруба, в средину которого скрылся и руководитель к нему. Говорится: хорошее начало – половина дела. Но здесь было более чем половина; ибо едва открылся угол деревянного сруба, как вдруг показался и весь потаенный предков наших довольно длинный и широкий колодез. Он состоит из толстых дубовых бревен, со многими переводами или перекладами (врубками. – В.Н.), огражден и покрыт был сводом, построенным из камня на известке, который, однако, обрушился и массою своею подавлял благотворный источник... Но Иван Антонович не удовольствовался удовлетворением одному любопытству, а обратил плод своей деятельности во всеобщую пользу и употребление, ибо, разобрав обрушившийся свод и вынув из источника рассыпавшийся сруб, сделал над водою из камня, в виде пещеры, новый свод; построил также новый сруб с прочим к тому нужным; и таким образом доставил жителям Мценска и проезжающим не только удовольствие взирать на следы протекших

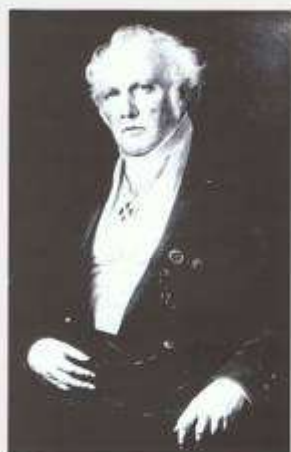
Мценские купчихи в юбках и шапках XVIII в.

Литография 1810 года из книги Д.Н. Бантыш-Каменского.

столетий, но и при жажде – питье; при зное прохладу..." [22]. Между прочим, при разборке обрушившегося свода обнаружили серебряную монету "Российской Державы".

Вскоре после этого, дабы облегчить доступ к собору, начали срывать крепостной вал и засыпать ров с южной стороны. Здесь нашли каменное ядро (по другим данным, два ядра) и серебряную татарскую монету. Одно из ядер и монеты передали на хранение в собор, а другое ядро вмуrowали в стену часовни [23].

Не прошло и полувека со времени перестройки Никольского собора после пожара 1757 года, как мценское городское общество и причт решили построить новый соборный храм. Старый Никольский собор, тесный, темный, обветшавший и к тому же представлявший из себя конгломерат разностильных построек, уже не удовлетворял приход быстро росшего и богатевшего торгового городка, и прихожанам хотелось иметь новый, более величественный и просторный храм, соответствовавший современному положению и

Портрет Авраама Мельникова.

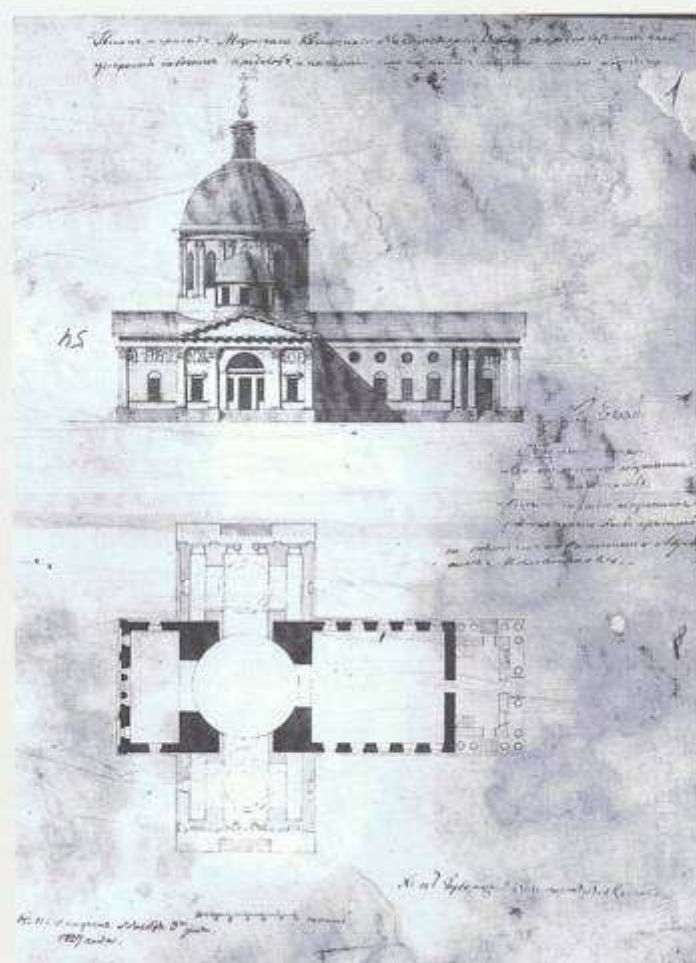

Вид на Никольский собор в бывшем Мценском кремле в 1837 году. Рисунок В.М. Неделкина по наброску И.И. Срезневского.

статусу Мценска. Фундамент нового собора после торжественного молебна заложили в 1810 году между старым собором, богослужение в котором продолжалось все время строительства, и тем местом, где некогда стояла Пятницкая церковь, сгоревшая во время опустошительного пожара 1757 года. Однако строительство, судя по всему, надолго затянулось и значительное время находилось на стадии закладки фундамента. Трудно объяснить, чем это было вызвано, возможно, первоначальный проект собора вызвал разочарование заказчиков либо в нем были обнаружены какие-либо конструктивные ошибки. Новый проект заказали известному архитектору, одному из корифеев стиля классицизма в России Аврааму Ивановичу Мельникову (1784–1854). Мельников в свое время выполнил несколько проектов для Орловской губернии. Предположительно (по мнению автора) по его чертежам был возведен центральный объем церкви Михаила Архангела в Орле, а в 1826 году он же разработал великолепный проект Успенского

собора для Архиерейского дома в Орле, к сожалению, не осуществленный [24]. Ему же местными краеведами приписывается проектирование Крестовоздвиженской (Никитской) церкви во Мценске [25], но это утверждение не имеет документального подтверждения. Проект нового Никольского собора, исполненный А. Мельниковым, был утвержден в 1827 году [26], и с этого времени работы велись исключительно по его чертежам.

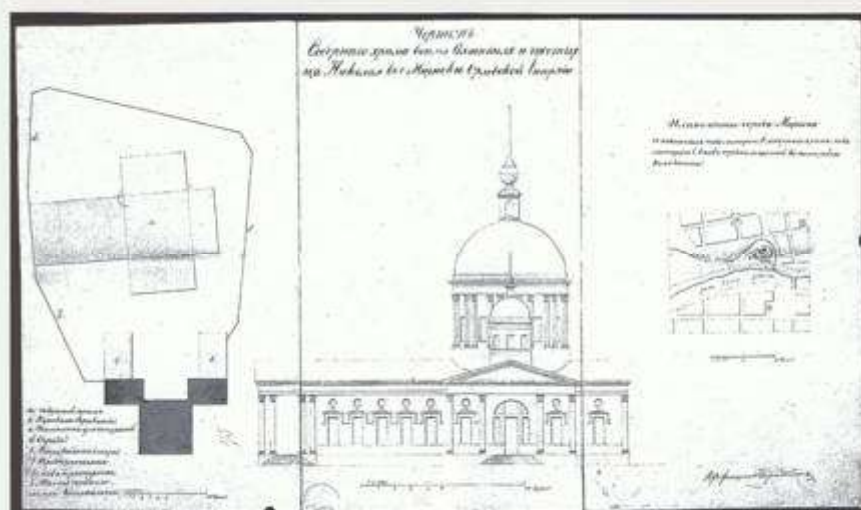
Строительство Никольского собора продолжалось в общей сложности (с перерывами) 55 лет. К 1837 году окончили теплую трапезу с двумя престолами: Св. Афанасия Александрийского и во имя Св. Параскевы Пятницы, последний устроили в память о древней Пятницкой церкви, ранее стоявшей рядом с собором [27]. Вскоре после окончания главного объема и трапезной началось возведение его второй очереди – массивных приделов с северной и южной сторон, каждый из которых был увенчан главой. Для исполнения этого проекта разобрали еще стоявший собор XVII века, сохранив от него

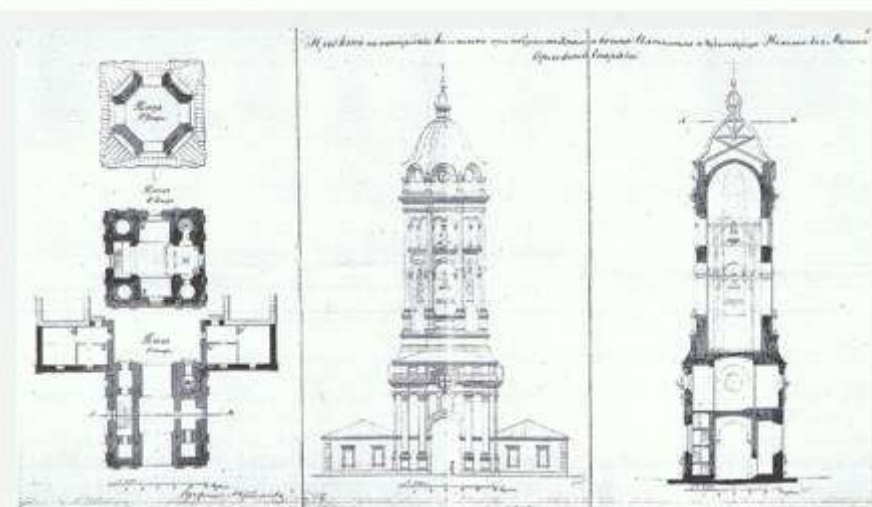
Проект Никольского собора в городе Мценске. Архитектор Авраам Мельников. 1827 год. РГИА. Публикуется впервые.

только колокольню, а также пробили огромные арки в северной и южной стенах нового собора. Приделы, первый во имя Св. Первомученика Стефана и второй –

Печерской Божней Матери, были окончены в 1841 году. Эти пристройки обогатили силуэт собора со стороны правобережья Зуши, а трехглавое завершение в сочетании

Южный фасад Никольского собора во Мценске и план соборного участка с показанием места для новой колокольни. Чертеж архитектора А.М. Горностаева. РГИА. Публикуется впервые.

Проект и планы, южный фасад и разрез новой соборной колокольни. Чертеж архитектора А.М. Горностаева. РГИА. Публикуется впервые.

с вертикалью колокольни, стоявшей сбоку, придало его облику необходимую живописность, восхищавшую проезжавших через город путешественников. Вскоре после окончания строительства приделов начались работы по внутреннему убранству и благоустройству собора. Были установлены новые резные иконостасы, пол вымостили чугунными плитами, а в 1844–1845 годах стены расписали “священным писанием” художники Тихон и Николай Богдановы. В 1859 году соборный погост окружили каменной с железной решеткой оградой. В 60-е годы XIX века была разобрана еще стоявшая старая соборная колокольня, вместо которой в 1865 году местным протоиереем Ильей Соколовым и купцом Николаем Ивановичем Золотаревым началось строительство по проекту архитектора Алексея Максимовича Горностаева (1808–1862) [28] новой, более высокой колокольни, оконченной через десять лет “тщанием соборного старосты мценского купца Ионы Николаевича Шаранова”. В результате всех достроек Никольский собор в начале XX века представлял собой сложный и величественный ансамбль, благодаря своему расположению на горе буквально “парящий” над городом.

Главной святыней Никольского собора являлся образ Св. Николая Чудотворца работы “черкасских” (украинских) мастеров, подаренный храму во второй половине XVII века Богданом Давыдовичем Протасовым, “чудный и даже можно сказать страшный (имеется в виду – грозный. – В.Н.)”, на поклонение к которому ежегодно стекались тысячи верующих со всей России¹ [29].

Кроме религиозного центра Мценска собор являлся хранилищем городских исторических святынь, поскольку музей

¹ Не случайно именно сюда перед трудной работой по подковке “английской бочки” направил своего героя Левшу Н.С. Лесков [31].

Деревянный резной образ св. Николая Чудотворца, хранящийся в настоящее время во Введенской церкви. Фото 1970 года.

в то время не было. Их было не много, но городу они были дороги. Прежде всего это были рукопись о крещении мценян в 1415 году и статейная опись города Мценска, составленная полуполковником Глазуновым при сдаче города воеводе Лутвинову 21 сентября 1669 года, “татарская монета и каменное ядро в 13¹/₂ вершков окружности и 22 фунта весом, найденное при срытии кургана², находившегося в середине древней крепости”, также рисунок панорамы Мценской крепости со стороны реки Зуши и ее чертеж, составленные “одним трудолюбивым дяконом” в первой четверти XIX века³ на основании

² Имеется в виду крепостной вал, обрамлявший гору Самарод к югу от Никольского собора.

³ В настоящее время находится в экспозиции Мценского районного краеведческого музея.

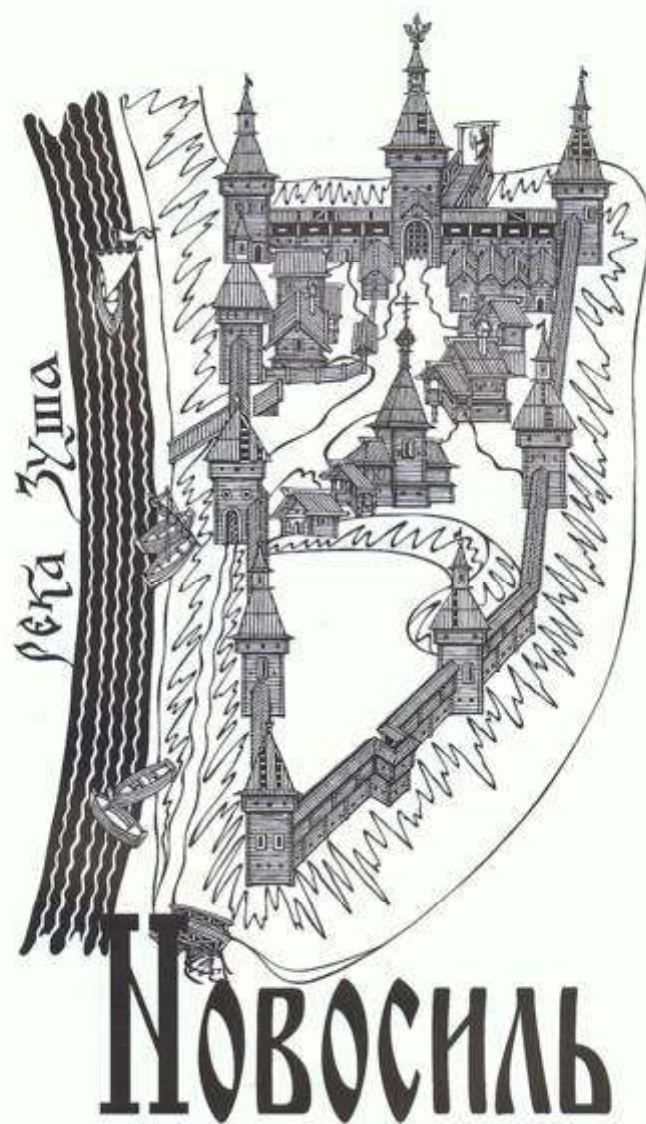

Вид на Никольский собор из-за реки Мтны. Фото начала XX века.

статейной описи Глазунова. Последний эскиз представлял собой своеобразную графическую попытку показать на рисунке внешний облик давно исчезнувших к тому времени крепостных сооружений. К числу мценских древностей относился и вестовой колокол, отлитый в Москве и присланный во Мценск в 1680 году, некогда подававший тревогу с одной из крепостных башен [30] и висящий сейчас на соборной колокольне.

Часовня (1997 год) во Мценском кремле на месте взорванного Никольского собора. Фото автора. 2003 год.

НОВОСИЛЬ в XII–XV веках

Древнейшее укрепленное поселение на месте Новосиля существовало в ранний железный век (I тысячелетие до н. э. – первая половина I тысячелетия н. э.), но затем было заброшено. Свидетелем тех времен является медная монета пантикапейского царя Асандра¹ второй половины I века до н. э. с изображением бога Аполлона на одной стороне и крылатого коня Пегаса на другой, найденная во время археологических раскопок в 2011 году.

¹ Асандр – архонт (наместник) Пантикапея (современная Керчь) при царе Фарнаке II (том самом, разбив которого Юлий Цезарь написал свое знаменитое «Пришел, увидел, победил!»), царь Пантикапея с 47 года до н. э. В 20 году до н. э. по требованию Рима был вынужден отречься от престола в пользу своей жены Динамии.

“Того же лета (1155 год. – В.Н.) прииде в Киев княгиня Юрьева Долгорукаго из Новосиля”.

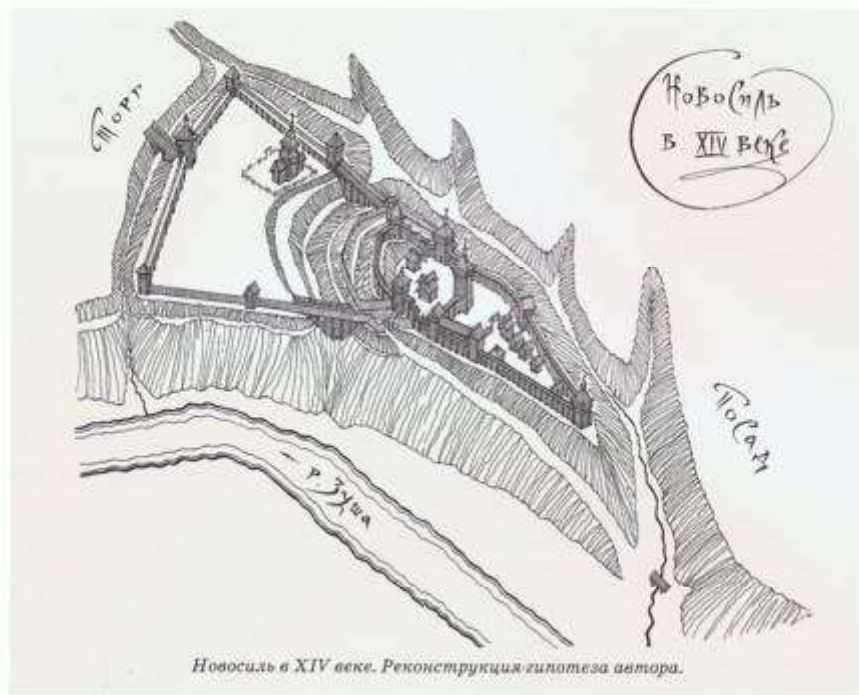
ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись [1].

В летописях же Новосиль впервые упомянут под 1155 годом в связи с пребыванием в нем супруги князя Юрия Долгорукого². Запись эта довольно загадочна: что могла делать жена великого князя суздальского в маленьком городке, к тому же

² Отношение к дате первого упоминания Новосиля в летописях среди исследователей далеко не однозначное. Некоторые считают это свидетельство недостоверным. Например, А.Н. Насонов полагал здесь наличие ошибки. По его мнению, «Новосиль. Упомянут впервые в Воскресенской летописи под 1155 г. в известии о том, что княгиня Юрьева прибыла в Киев («из Новосиля»). Однако можно думать, что слова «из Новосиля» являются испорченными словами «у весельи» («пребываю у весельи»), как читается в Ипатьевской летописи в известии о приезде и пребывании в Киеве княгини и Ростислава. Княгиня, как узнаем из Ипатьевской летописи,ехала в Киев «из Суздаля» через Смоленск, следовательно, «из Новосиля» она приехать не могла». (См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб., 2002. С. 206.)

Уважая мнение известного ученого, заметим, что знакомство с записью в Ипатьевской летописи, посвященной приезду княгини в Киев, позволяет охарактеризовать эту гипотезу как натянутую. Слова «у весельи» относятся к встрече жены князя в Киеве, и предположить, что летописец мог так описаться и превратить их в «из Новосиля», представляется невероятным.

Похожий с А.Н. Насоновым точкой зрения придерживается А.Ю. Карпов. По его словам, «Ряд более поздних летописей сообщает иначе по сведениям их авторов, «Княгиня Юрьева» явилась в Киев из Новосиля – города на реке Зуше (в нынешней Орловской области), т. е. совершила путь именно через «Вятичи»; см. ПСРЛ. Т. 25. С. 391. (Эрмитажный список Московского летописного свода конца XV в.); Т. 7. С. 63. (Воскресенская летопись); Т. 9. С. 203. (Никоновская). Но это известие явно противоречит указанно Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480), а потому должно быть признано недостоверным» (см.: Карпов А. Юрий Долгорукий. М., 2007. С. 398).

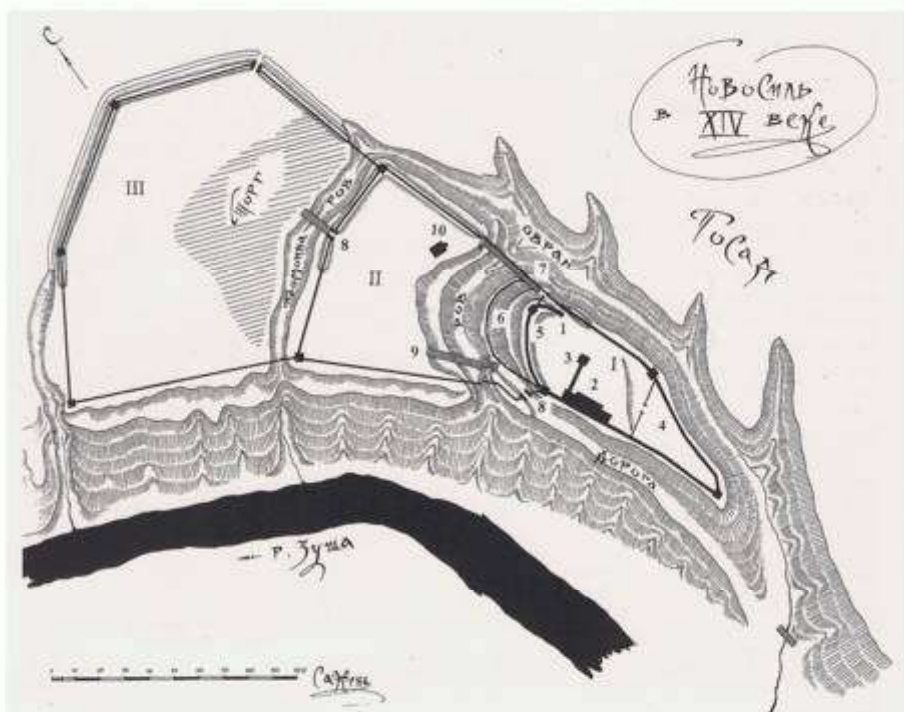

Новосиль в XIV веке. Реконструкция гипотеза автора.

Аналогичную точку зрения высказывает В.А. Кучкин в статье «О древнейшем упоминании Новосиля» (см.: Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. М., 2010. С. 58–70). По его мнению, отсутствие упоминаний о городе в древнейших летописных сводах – Лаврентьевской и Ипатьевской летописях свидетельствует о том, что в это время город еще не существовал, записи же в Воскресенской, Никоновской и других поздних летописях (XVI в.) являются недостоверными. При этом полностью игнорируются данные археологии, которые указывают на наличие в Новосиле культурного слоя XI–XIII вв. (см.: Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 61). Более того, автор делает следующий вывод: «...относить существование этого города к середине XII в. нельзя. Это означает, что как город и как столица Новосиль возник уже в послемонгольское время».

Рассмотрим эту версию. В 1259 году монголы разгромили Чернигов – столицу княжества, в которое входил не существовавший в то время, по мнению В.А. Кучкина, Новосиль,

и опустошили черниговские земли вплоть до Глухова. Князь же Михаил Всеволодович бросил свое княжение и ушел сперва в Киев, а затем бежал в Венгрию. Таким образом, получается, что Новосиль был основан между 1259 и 1246 годами. Напомним, что в 1246 году Михаил Всеволодович был убит в Орде, а его княжение было разделено между сыновьями (1246 год В.А. Кучкин признает как дату первого упоминания Новосиля). Выходит, что город был основан в условиях военной катастрофы, когда значительная часть княжества была разорена. Чернигов превратился фактически в необитаемый город, а уцелевшее население разбеглось в панноне, а также в отсутствие власти – юзья Михаил Всеволодович с семьей ушел в Венгрию, а основание городов, как известно, прерогатива княжеской власти. Причем он был не только основан, но и за 5–6 лет стал третьим по величине и значению после Брянска и Глухова княжеским центром в Восточно-Черниговских землях. И это в условиях военного разорения и, как следствие, разрыва торговых и экономических связей, которые, собственно говоря, и способствуют развитию и росту городов.

План Новосиль в XIV веке. Реконструкция-гипотеза автора.

I. Детинец.

- 1 – ворота в детинец;
- 2 – княжеский терем;
- 3 – вежа;
- 4 – хозяйственный двор;
- 5 – срубная стена детинца;
- 6 – передовая стена детинца (часток на валу);

7 – мост через ров в детинец.

II. Окольный город.

- 8 – ворота в окольный город;
- 9 – мост через ров в окольный город;
- 10 – Успенский (?) собор.

III. Укреплённый посад.

располагавшемся вне территории Суздальского княжества? По мнению автора, загадка пребывания в Новосиле великокняжеской супруги и вообще возникновения города содержится в его названии. Прежде всего отметим, что имя города, в отличие от названий других городов Орловщины, не связано с географическим фактором, а если быть более точным, с

названием реки (Орел – река Орел, современный Орлик; Волхов – речка Волхов, современная Волховка; Ливны – речка Ливна, современная Ливенка; Мценск – речка Мцна, Кромы – речка Крома), выпадая, таким образом, из общего ряда. Можно предположить, что в его основе лежит имя собственное, в какой-то степени это подтверждает и старое написание

названия города, употреблявшееся в XVI–XVII веках, – Новосиль, а не Новосилька, в честь которого был назван город, достаточно часто встречается среди древнерусских городов (Ростиславль Рязанский, Ярославль, Дмитров, Мстиславль, Владимир-Залесский, Юрьев-Польский и другие). Так кто же был этот Василий, в честь которого получил свое имя Новосиль?

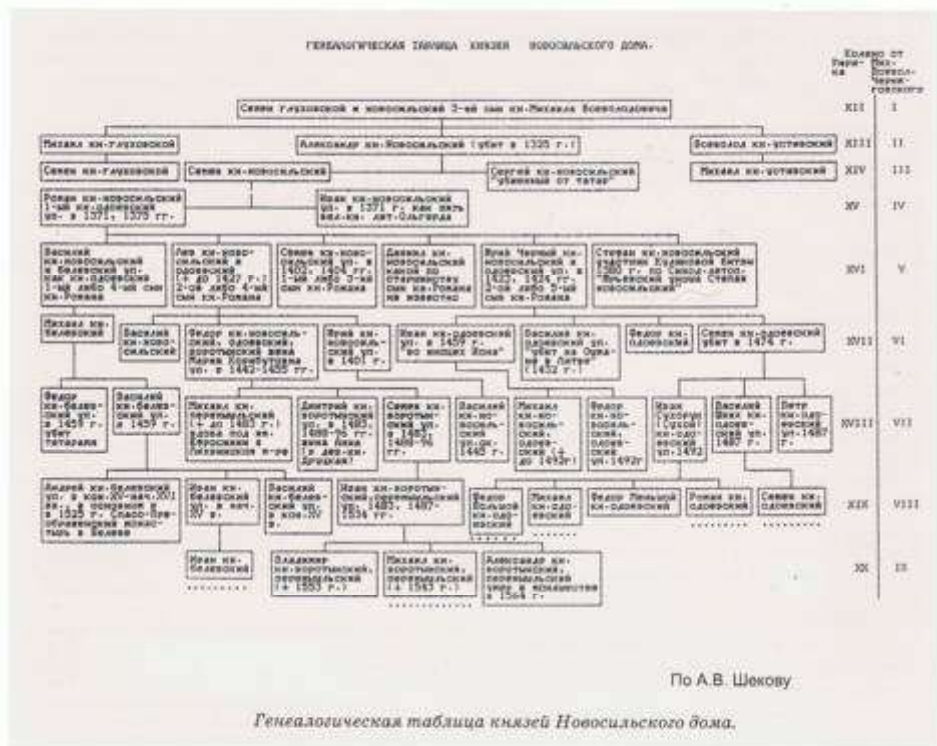
По мнению автора, это Василько Юрьевич, средний из троих сыновей суздальского князя Юрия Долгорукого от его второй жены, византийской царицы Ольги. Василько родился в 30–40-е годы XII века и во время междоусобной войны 1146–1147 годов был еще, вероятно, ребенком. Напомним, что в этой усобице Юрий Долгорукий выступал на стороне новгород-северского князя Святослава Ольговича, воевавшего с коалицией, в которую входили черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи и киевский князь Изяслав Мстиславич. Можно предположить, что после ее победоносного окончания Святослав Ольгович в благодарность за помощь со стороны своего союзника Юрия Долгорукого разрешил ему основать в своих владениях город, переданный суздальским князем в кормление своему младшему сыну Васильку и названный в его же честь¹. Ну а для того, чтобы не путать этот город с другими, уже существовавшими городами с похожими названиями, например Васильковом под Киевом, он получил название Новосиль. Судя по всему, этот город был действительно новым, особенно по отношению к уже существовавшему рядом с ним городу Воротыанску (впервые упоминается в летописях под тем же 1155 годом). Ничем иным столь близкое расположение по

¹ Здесь достаточно вспомнить заложенный в 1152 году Юрием Долгоруким и названный его именем город Юрьев-Польской, а также основанный в 1154 году Дмитрием, названный Юрием в честь поворожденного сына Всеволода (в дальнейшем – Большое Гнездо). Город получил название по крестному имени Всеволода – Дмитрий, данному в честь его святого покровителя Дмитрия Солунского.

отношению друг к другу (около 5 километров по прямой) этих действительно крупных по тем временам городов объяснить нельзя. Таким образом, хронологические рамки основания города Новосиль сужаются до периода между 1148 и 1155 годами. Следует заметить, что подобное пожалование города не является единственным во взаимоотношениях между Юрием Долгоруким и Святославом Ольговичем. Например, в 1146 году он отдал сыну князя Юрия Ивану Курск. В 1147–1148 годах Курском владел другой сын князя – Глеб Юрьевич, а с 1149 по 1152 год здесь, вероятно, княжил Василько Юрьевич². В 1152 году князь Василько получил в благодарность от Святослава Ольговича земли на реке Зуше, где, надо полагать, не без помощи отца, князя Юрия Долгорукого, и был построен городок, названный в честь Василько Юрьевича – Новосиль.

В 1155 году сбылась мечта князя Юрия Долгорукого – он сел на Киевский стол. Князь немедленно вызвал к себе своих сыновей, которые получили новые земельные

² В 1146 году новгород-северский князь Святослав Ольгович вступил в союз с Юрием Долгоруким и отдал Курск сыну Долгорукого – Ивану, но уже в конце 1146 – начале 1147 года Святослав изгнали из его княжества черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи и киевский князь Изяслав Мстиславич, а княжич Иван скорострельно скончался в феврале 1147 года. В 1147 году к Курску с дружиной подошел другой сын Юрия Долгорукого – Глеб Юрьевич, который вынужден покинуть город переславского князя Мстислава Изяславича, завладевшего Курском после смерти Ивана. Но и Глеб Юрьевич осенью 1148 года после княжеского съезда в Городце был изгнан своими соперниками, и Курском завладел Изяслав Давыдович Черниговский. В августе следующего года Курск вновь вернулся себе Святослав Ольгович, вскоре передавший его Юрию Долгорукому согласно прежней договоренности, поскольку ранее город принадлежал Ивану и Глебу Юрьевичам. По мнению А.К. Зайцева, далее город до весны 1152 года принадлежал сыну Юрия Долгорукого Василько Юрьевичу, оставленному с небольшой дружиной (50 человек) в помощь Святославу Ольговичу, а затем здесь последовательно сидели посадники переславского князя Мстислава Изяславича и Глеба Юрьевича. И лишь после смерти в 1158 году в Киеве князя Юрия Долгорукого Курск окончательно перешел в руки Ольговичей [2].

владения, города и волости: Андрею¹ отец пожаловал Вышгород, Борису – Туров, Глебу – Переяславль, а Васильку – Поросье². В данном случае становится понятной летописная запись, о которой шла речь выше, о пребывании в Новосиле супруги князя Юрия Долгорукого. Мать Василька княгиня Ольга находилась в принадлежавшем

¹ Будущий правитель Владимиро-Суздальского княжества князь Андрей Боголюбский.
² Поросье – область по берегам реки Роси к югу от Киева, своеобразный пикт Киевской земли, защищавший ее от набегов половцев. Значительную часть населения Поросья составляли “свои поганые” – печенег и торки, перешедшие в подданство к киевским князьям. Русские называли их беренды или “черные клобуки”. Наиболее крупные города области – Корсунь, Торческ и Юрьев.

ему городе, улаживая дела княжича, поскольку ее сын уже уехал в Киев по приказу отца, дабы вступить во владение Поросьем. Маленький Новосиль Васильку был уже не нужен, и через некоторое время город покинула его мать, торопившаяся на свидание с любимым сыном, причем в Киев она отправилась не через черниговские владения, что было весьма небезопасно, а вернулась в Суздаль и уже через Смоленск поехала в Киев. Именно эта ситуация, судя по всему, и отражена в летописях. Едва вступив во владение Поросьем, Василько Юрьевич осенью 1155 года вынужден был отражать набег половцев. Соединившись с берендеями, Василько “спосити” кочевников. Впрочем, Юрий Долгорукий правил

Трагическая гибель в Орде Михаила Черниговского 20 сентября 1246 года.
 Гравюра Дзедзица по картине А. Смирнова.

Киевом недолго – в 1158 году после пира у осменника¹ Петрилы, он заболел и, промучившись пять дней, 15 мая скончался². Его тело не успело еще остыть, когда киевляне, узнав о смерти князя, стали громить принадлежавшие ему “красные” дворы в Киеве. В числе прочих разграбили и двор Василька Юрьевича.

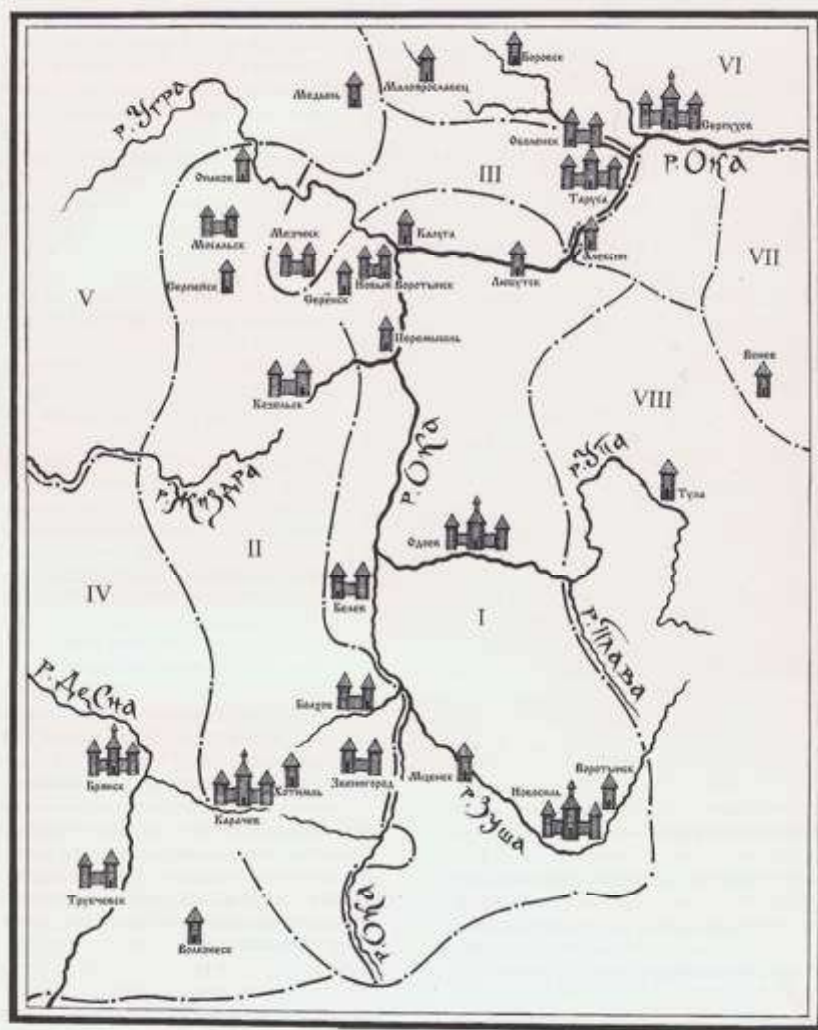
Потеряв свои владения на Киевщине, Василько Юрьевич вернулся в Суздальское княжество, где имел свой удел, но и здесь

¹ Осменник – сборщик княжеских налогов и податей.
² Существует предположение, что он был отправлен, но, возможно, это только слухи.

он пробыл недолго. В 1162 году его старший брат Андрей Боголюбский “брата свою погна Метислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего передни. Се же створи, хотя самовластец быти вси Суждальской земли” [3]. После этого Василько Юрьевич с матерью и родными братьями, Метиславом и маленьким Всеволодом (будущим Всеволодом III Большое Гнездо), ушел в Византию, где получил от императора несколько городов в управлении “и дасть царь Василькови в Дунай 4 города”. Впоследствии Василько вернулся на Русь. Потомства он, судя по всему, не оставил [4].

После гибели в Орде в 1246 году князя Михаила Всеволодовича Черниговское княжество было разделено на уделы между его сыновьями. Второй по значению удел – Глухово-Новосильский достался князю Семёну Михайловичу [5]. Так же, как и другие русские князья, князь новосильские много терпели от “насилия от татарского”. 15 сентября 1326 года по повелению хана Узбека в его ставку на реке Кондраклее был казнен тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи, “Того же дни, на том же месте” казнили и князя Александра Новосильского [6]. Но если вина тверского князя очевидна (он едва ли не на глазах хана убил московского князя Юрия Даниловича³), то о причине казни князя Александра мы ничего не знаем. Но, надо полагать, гибель князей взаимосвязана, поскольку их казнили одновременно. Вероятно, князь Александр Новосильский пытался защитить князя Дмитрия и выразил недовольство ханским притвором, возможно, он состоял в союзе с тверским князем и это стало известно, или осмелился обнажить оружие в

³ Князь Юрий Данилович являлся непосредственным виновником гибели отца князя Дмитрия – тверского князя Михаила Ярославича, которого он оклеветал перед лицом хана.

Новосильское княжество и его соседи в XIV веке.

- I. Новосильское княжество.
- II. Карачевское княжество.
- III. Тарусское княжество.
- IV. Брянское княжество.

- V. Великое княжество Смоленское.
- VI. Великое княжество Московское.
- VII. Великое княжество Рязанское.
- VIII. Владения Золотой Орды.

Строительство древнерусского города. XII век. Рисунок автора по миниатюре Лицевого Летописного свода XVI века.

ханской ставке, что само по себе являлось тяжчайшим преступлением, в общем, каким-то образом он выразил свое непознание, за что и был жестоко покаран.

В 1352 году по русской земле прокатилась эпидемия мора: "Тоже лета бысть мор силен зело в Смоленске, и в Киеве, и в Чернигове, и в Суждали, и во всей земле Русстей смерть люта, и напрасна и скоря: и бысть страх и трепет велий на всех человецех". Болезнь затронула и Глухово-Новосильское княжество. Его столица Глухово вымерла до последнего человека: "В Глуховех ж тогда ни один человек не остана, вси изомроша" [7], и внук князя Семена

Михайловича, тоже Семен Михайлович¹, был вынужден перенести столицу княжества из "мертвого города" в более отдаленный и менее пострадавший Новосиль. В Новосильский удел вошли города Одоев, Белев, Мценск, Любутск, Перемышль, Боротынский и Калуга. XIV век – время кратковременного расцвета Новосила, когда он имел то значение, какого уже больше никогда не достигал впоследствии, являясь самым сильным княжеством в верховьях Оки среди так называемых Верховских княжеств.

Может возникнуть вопрос: почему же князь Семен из всех городов своего княжества новой столицей выбрал именно Новосиль, а не какой-либо другой город? Почему ничем не примечательный городок стал сперва вторым, а затем первым городом в княжестве? Например, если бы князь хотел неприступную крепость, то он переселился бы во Мценск, местоположение которого в оборонительном отношении являлось одним из лучших на юго-восточных границах Руси. Мценск выделялся не только отменным положением на скалистой и практически со всех сторон неприступной горе, но и достаточно трудными подступами непосредственно к городу. Каждый, кто ездил из Орла во Мценск, помнит, как автобус то с трудом карабкался с горы на гору, то стремглав нырял в долины между ними – подступы к городу с юга преграждали подложки ручьев и речек, протекавших в довольно глубоких долинах. Еще в XIX веке подобное путешествие было сопряжено с немалыми трудностями, что же говорить про отдаленные времена, когда дороги и мосты были еще хуже либо их не было вовсе. Даже мобильной татарской коннице требовалось достаточно много времени для того, что бы преодолеть все эти препятствия. У Новосила же подступы с юго-востока были фактически открыты, здесь к городу подходила так называемая Новосильская дорога, проходившая по водораделу,

¹ В другом варианте реконструкции (Н. Квашнина-Самарина) – Александрович.

и единственной защитой городу со стороны степи служил только высокий берег реки Зуши и сама река, надо сказать, весьма мелкая в верхнем течении. Собственно говоря, в этом и заключалась причина того, что столицей княжества стал Новосиль, а не какой-либо другой город.

Дорога – торговый и посольский путь. Новосильская дорога шла на юг, сливаясь недалеко от не существовавших тогда Ливен со шляхом, получившим в XVI–XVII веках название Муравского. Этот шлях пересекал реку Сосну через один из бродов и направлялся далее, в сторону Золотой Орды. По этой дороге ехали на поклон к золотоордынским властителям русские князья, ею же они возвращались обратно (если везло), здесь проходили караваны как русских, так и восточных купцов. Фактически Новосиль был последним русским городом на пограничье, провожавшим русских путешественников и купцов и первым их встречавшим, далее на реке Сосне находился лишь Коршев, владельческая принадлежность которого нам неизвестна. И всем этим проезжавшим людям были необходимы услуги местных ремесленников и безопасный ночлег, купцы могли сбить часть товара, а также платили значительные пошлины в казну новосильского князя, что позволяло городу расти и развиваться, превращаясь в бойкий торговый и перевалочный пункт на степном пограничье.

Сохранившиеся земляные валы городища и привлечение археологических аналогов (Любеч, Вщиж, “Слободка”) позволяют в общих чертах произвести предположительную реконструкцию застройки города в древнейший период его существования. Центральную часть Новосила XII–XIV веков занимал детинец, служивший резиденцией местных князей и располагавшийся на вытянутом, крутом и высоком (до 50 метров) мысу при впадении в реку Зушу Градского оврага.

Основу его укреплений составляли два земляных вала – низкий наружный и гораздо более мощный внутренний, подково-

отсекавшие часть мыса. Надо полагать, что наружный вал был укреплен частоколом, а внутренний – более капитальной стеной из городен, таким образом, стрельба с забора (боевой площадки) внутренней стены могла вестись поверх наружной. Въезд в детинец находился с северо-западной стороны. Для того, чтобы попасть в него, надо было пройти по мосту через ров, затем через ворота в первом валу и некоторое время идти к воротам по дороге у подножия главного вала, будучи обращенным к нему правым, не защищенным щитом боком. Предположительно детинец имел не менее трех башен: над воротами, у юго-западной оконечности вала для контроля над поднимавшейся в околный город дорогой и на восточной оконечности мыса. Из-за узости участка княжеские хоромы могли быть встроены в одну из крепостных стен по типу замка в Любече. Возможно наличие в детинце вежи (донжона), а также небольшой часовни, так как собор находился в околном городе. Непонятно, как осуществлялось водоснабжение детинца. Возможно, для этих целей служил подземный ход к одному из многочисленных родников у подножия горы. О том, что такие сооружения не были чем-то необычным для региона, свидетельствует находка археологами остатков подземного хода к воде в Звенигороде, являвшемся центром удела в соседнем Карачевском княжестве (Орловский район, село Спаское) [8]. Вся остальная территория детинца, надо полагать, была застроена различного рода хозяйственными и складскими постройками: клетями, погребями, амбарами и прочими службами.

С северо-западной стороны к детинцу примыкал околный город, предположительно также укрепленный земляным валом, рвом и деревянной стеной. На площади перед рвом детинца, недалеко от въезда на мост, находился городской собор. Подобное расположение храма вне княжеской резиденции достаточно характерно для многих русских городов (Старая Рязань, Вщиж, Владимир-Волынский,

План Новосильского городища. Современная топографическая съемка.

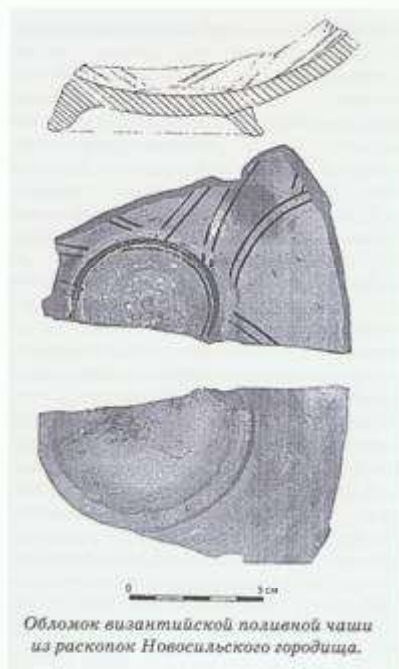
Овруч и другие города). Детинец и околный город полукольцом окаймляли посады и слободы, возможно, также имевшие свою линию укреплений, но достаточно слабую, типа надолб или “столпня”. Предположительно ее остатком являлись ров и вал, на котором в XVI веке поставили стены Малого острога. По преданию, уже в XIV веке в 5 километрах от города существовал мужской Свято-Духов монастырь, но ни письменными источниками, ни археологическими разведками это пока не подтверждено.

Кстати, об археологии: в 2008–2011 годах в Новосиле впервые в его истории Институтом археологии Российской академии наук под руководством сотрудника отдела охраны археологических работ Радюша Олега Александровича были проведены археологические раскопки, которые дали поистине поразительные результаты, выявив на городище мощный культурный слой эпохи Древней Руси и позднего средневековья. В сравнительно небольшом раскопе было собрано более 2500 фрагментов лепных и гончарных сосудов, в том числе два обломка амфор и осколки

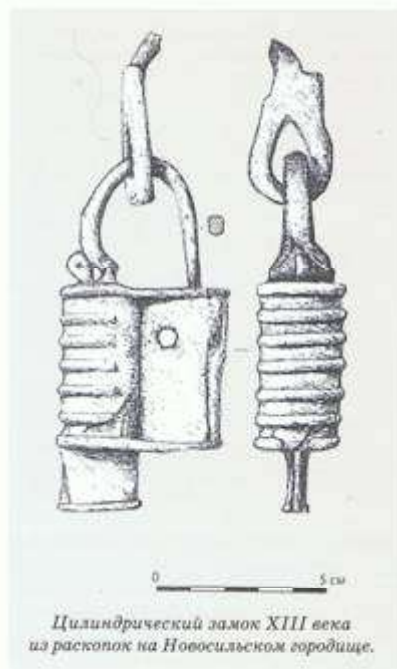
византийского поливного блюда, а также 125 находок из железа, латуни, серебра, стекла, керамики, кости. В их числе: обломки стеклянных браслетов, как гладких, так и крученых, арабские дирхемы (монеты), куски серебряных украшений, гвозди и их обломки, целые и ломаные ножи, цилиндрический замок с проушиной (петлей), поясные пряжки, фрагменты двух жерновов, железное писало в виде длинного заостренного стержня с лопаточкой в верхней части¹, обломок кавалерийской шпory с шином на шаровидном основании, медная пластина от чешуйчатого доспеха, нательные кресты, четыре металлических и один костяной наконечник стрелы (возможно, относящийся к эпохе раннего железного века). Из архитектурных сооружений обнаружены остатки столбовой жилой постройки, заглубленной в грунт на 80–90 см и отапливаемой глинобитной печью. Вероятно, она погибла в огне сильного пожара. Значительный интерес представляют находки фрагментов плинфы – широкого и тонкого древнерусского кирпича [9]. Конечно, делать на этом основании вывод о том, что в XIII–XIV веках в Новосиле был кирпичный княжеский дворец или храм, не стоит, но для чего-то она использовалась? Возможно, из плинфы выкладывались фундаменты некоторых построек.

В 1362–1363 годах русские земли постигло страшное бедствие, которое погубило людей больше, чем любое вражеское нашествие, – эпидемия моровой язвы (судя по всему, бубонной чумы), пришедшая из Золотой Орды. Поветрие не миновало и Новосиль: “Бысть мор на люди в Орде, так порядку и пошел и по русским городом в Новосиле и в Коршеве, и в Брянске и по иным местом и на Коломне” [10], “на день умираше человек 20 или 30, иногда же 60 или 70, а иногда и до 100 и боле” [11]. В числе прочих в Москве от чумы скончался брат великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) – Иван Иванович.

¹ Подобным писалом делали записи на дощечке, покрытой воском, а лопаточкой стирали написанное.

Обломок византийской поливной чашки из раскопок Новосильского городища.

Цилиндрический замок XIII века из раскопок на Новосильском городище.

Признаки болезни были таковы: “преже яко рогатиной ударит за лопатку, или под груди, или меж крыл (в пах. – В.Н.), и тако разболевся человек начнет кровию харкати и огонь зажжет и потом пот, таже дрожь, и полежав день или 2, а ретко 3 дни, и тако умираху, ни[и] железю (язвы, нарывы. – В.Н.) умираху. Железа же ни у всякого бываше во едином месте, но овому на шее, а иному под скулою, а иному под пазухою, другому за лопаткою, прочим же на стегнах...” [12]. Русские летописи рисуют жуткую картину разгула эпидемии: “...и по всем городом и страном бысть мор велик и страшен, не успеваху бо живыи мертвых опрыватьи, везде бо бе мертвыи во градах и в селех, в домех и у церквей. И бе туга и скорбь и плачь неутешим, мало бо бе живых, но вси

мертвыи. И погребяху же во единому яму 5 или 6 мертвых, а инде 10 и боле, а двory мнози пусты быша, а во иных един остася или два, ли женск пол, или мужеск, или отроча мало” [13].

В конце 60-х годов XIV века новосильский князь Иван вступил в союз и породнился с литовским князем Ольгердом, выдавшим за него дочь, разорвав тем самым прежние отношения, связывавшие княжество с Москвой. Возмездие не заставило себя долго ждать. В 1370 году по указанию великого князя московского Дмитрия Ивановича его воеводы без объявления войны – “не сложив клятвы”, вторглись в Новосильское княжество. Были захвачены города Березуйск, Калуга и Мценск, пленены мать и супруга (дочь Ольгерда) князя Ивана, а сам он смещен с

княжения [14]. Новосильский стол занял князь Роман Семенович, впоследствии верный союзник Москвы. Военные действия Дмитрия Ивановича против Литвы и союзных ей Твери, Новосиля и Нижнего Новгорода вызвали жалобу великого князя литовского Ольгерда с просьбой к патриарху Константинопольскому Филофею дать особого митрополита “на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород”, поскольку глава Русской православной церкви митрополит Алексей всецело поддерживал великого князя московского. Впрочем, просьба Ольгерда не имела последствий.

В 1374 году князь Владимир Андреевич Серпуховский “заложил град Серпухов в своей отчине, и повеле в едином дубу срубить его;... наместничество же приказа въ граде том Якову Юриевичу Новосилцу, околичему своему” [15]. В данной записи для нас наиболее интересна последняя часть. По предположению автора, упоминаемый Я. Ю. Новосилец (или Новосильский) является сыном, возможно внебрачным, Юрия Романовича Новосильского и соответственно внуком князя Романа Семеновича¹. По какой же причине он покинул Новосильское княжество и

¹ Даже если это предположение и неверно, то надо признать, что этот человек имел определенную связь с Новосильским княжеством, о чем свидетельствует его фамилия или прозвище, был весьма знатен – не всякого боярина упоминают в летописи с отчеством, да и титул околичного – одна из высших придворных должностей при втором человеке в Великом княжестве Московском князе Владимире Андреевиче, говорит о многом.

Судя по всему, князь Роман Новосильский и Владимир Серпуховский связывали довольно тесные отношения. В 1380 году князь Владимир поставил князя Романа с дружиной в свой засадный полк, куда брали самых опытных и проверенных в боях воинов, и оба князя буквально рубились “плечом к плечу”. В 1385 году они вместе ходили походом на Рязань. И если Яков Юрьевич действительно приходится внуком Роману Семеновичу, то можно говорить не просто о союзных, а о дружеских отношениях между князем Новосильским и князем Серпуховским.

поступил на службу к серпуховскому князю, неизвестно².

В 1375 году князь Роман Семенович со своей дружиной присоединился к общерусской рати под верховным командованием великого князя Дмитрия Ивановича, двинувшейся на Тверь. В походе также принимали участие князья Суздальские, Ростовские, Смоленские, Ярославские, Стародубские, Брянские, Оболенские и “инии князи со всеми силами своими”. Их возмущение вызвал союз тверского князя с литовским князем Ольгердом и недавно заключенный союз с Мамаем: “Вси бо вознегодоваша на великого князя Михаила Александровича Тверского, глаголюще: “колико сей приводил ратью зятя своего, великого князя Литовского Ольгерда Гедимановича, и много ала христианом сотвори, а ныне сложися с Мамаем, и со царем его, и со всею Ордою Мамаевою; а Мамай яростно дышет на всех нас, и аще сему попустит, сложився с ним, имать победити всех нас” [16]. Поход закончился успешно: тверской князь Михаил Александрович признал зависимость от Москвы и обязался быть с Дмитрием Ивановичем “за един”. Происшедшее вызвало гнев Мамаю, потерявшего союзника, и расправа с новосильцами не оставила себя долго ждать. Уже в начале декабря 1375 года “татарове Мамаевы приидоша ратью под град под Новосиль, глаголюще: “Пошто естя воевали Тферь?” Ордынцы всю “Новосильскую землю пусту сътвориша и со многым полоном возвратиша в свояси”, [17] в результате князь Роман был вынужден от “татарского насилия” перенести столицу княжения еще дальше на север – в Одою.

1380-й стал годом решительного столкновения Руси с Ордой. На Куликово поле вывел свою дружину и князь Роман Семенович. Среди его дружинников,

² Князь Яков Юрьевич Новосильский не упоминается в родословной Новосильских князей. Впрочем, в этом нет ничего удивительного: родословные русских удельных князей XII-XV веков знают лишь слуховыми прорехами.

Русская конная дружина. Миниатюра Сильвестровского списка
"Сказание о Борисе и Глебе". XIV век.

надо полагать, были воины из Мценска, Новосиля и Воротынского, уцелевшие после ордынской резни 1375 года. С собой на битву князь Роман взял и внука – князя Семена Юрьевича¹. Его отец Юрий Романович среди участников битвы не значился, вероятно, он не смог принять участие в битве по каким-то причинам, может быть, на него легла обязанность возглавить оборону княжества. Его сыну было скорее всего от 15 (приамвной возраст в то время) до 18 лет. В том же "Сказании о Мамаевом побоище" он назван "юрьевский юноша", опытного и изрубленного в

¹ В "Сказании о Мамаевом побоище" он назван Стефаном, хотя на самом деле его звали Семен. В некоторых справочниках говорится, что в битве участвовал не внук князя Романа, а его самый младший сын – Стефан (см.: Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. Том 2. М., 2005. С. 434), но в таком случае его отчество было бы Романович. В любом случае налицо путаница в источнике, и можно только предполагать, кто участвовал в битве – Семен Юрьевич или Степан (Стефан) Романович.

боях 20-летнего воина никто бы юношей называть не стал (как известно, Александр Невский разбил шведов в 20-летнем возрасте). Старых и опытных рубах, среди которых был и князь Роман Семенович, князь Владимир Андреевич Серпуховский взял в свой засадный полк [18], и именно они в конечном итоге решили исход сражения в пользу русских. Ну а молодежь – "удальцы и резвцы", среди которых находился и юный Семен Юрьевич и у которых еще "молоко на губах не обсохло", должны были принять первый, самый страшный удар ордынцев, и именно в их горячей крови он должен был захлебнуться.

Ход и исход Куликовской битвы хорошо известны, остановимся лишь на ее окончании. После битвы на заваленном телами поле долго не могли найти ни живым, ни мертвым великого князя Московского Дмитрия Ивановича. Тогда князь Владимир Андреевич Серпуховский стал опрашивать тех, кто видел его в последний

раз, среди них оказался и юный князь Семен Юрьевич. Его торопливый и сбивчивый рассказ является, вероятно, первым в русской истории и литературе межуарным свидетельством очевидца о происшедшем событии. Итак, послушаем князя Семена Юрьевича: "Я видел его (Дмитрия Ивановича. – В.Н.) незадолго до твоего приезда (то есть до удара Засадного полка. – В.Н.), пешком шел он по побоищу и был сильно ранен, и преследовали его четыре татарина. И я бился с татариним, и с Божьей помощью побил его скоро, и погнался за теми, которые так досаждали великому князю, но не мог догнать их, конь мой не мог быстро идти по трупам человеческим. Едва я догнал татарина и убил, вслед за ним упали на меня еще трое и адорово мне досаждали. По милости Божьей я от них отбился, третий побежал. Я гнался и за тем. Увидев это, иные татары напали на меня, и мне от них порядком досталось, много ран они мне нанесли, плохо мне пришлось, я едва спасся, упал с коня и был среди мертвых"¹ [19]. Поздние слова Семена Юрьевича подтвердились: великого князя нашли израненного, в жестоко изрубленных доспехах, но живого.

Князю Семену Юрьевичу в этом сражении повезло. Повезло гораздо больше, чем тысячам других русских воинов, либо сложивших голову, либо искалеченных на Куликовом поле. Выдержать свирепую рубку сразу с несколькими противниками, грохнуться с коня в груды трупов, не оказаться раздавленным конскими копытами и бьющимися в предсмертной агонии лошадьми и остаться на своих ногах (синяки, кровоподтеки, ссадины и порезы не в счет) – мальчишка явно родился в рубашке, вернее, в кольчуге.

¹ В краткой редакции "Сказания" его рассказ сильно сокращен: "Я видел его (князя Дмитрия Ивановича. – В.Н.) перед самым твоим приходом, пешком шел он с побоища, был тяжко ранен. Я не помог ему, потому что гнался за мной три татарина, но милостью Божьей я едва от них спасся и оченю от них потерпелся".

Великий князь Литовский Ягайло.
Гравюра XVI века.

Жизнь юному витязю наверняка спасли хорошие доспехи: будучи княжеским сыном, он мог позволить себе прекрасное вооружение. Впрочем, доспехи могли быть и не его, а одного из его предков. Даже для княжеской семьи военное снаряжение было делом весьма дорогим и не всегда по "калите" (кошеле), поэтому старое оружие тщательно хранилось и с любовью содержалось, передаваясь от отца к сыну и от деда к внукам, поэтому зачастую молодежь выходила на бой в дедовских доспехах. Так, например, князь Андрей Курбский, участник взятия Казани в 1552 году, упоминал в своих записках, что в сражении ему спасли жизнь "доспехи праотческие".

Бросим теперь взгляд на запад, откуда, как известно, на помощь Мамаю шел его союзник – литовский князь Ягайло. Союз Мамаю и Ягайло не являлся секретом ни для московского князя Дмитрия Ивановича, ни для новосильского Романа Семеновича, так же как и возможный маршрут движения литовских войск.

Несомненно, Роман Семенович перед уходом на битву постарался подготовить свое княжество к обороне: немногочисленные мосты на Оке и других реках были разобраны или сожжены, сельское население со своей живностью и скотиной укрылось за наспех срубленными городскими крепостными стенами либо вообще ушло в соседние пределы, возможно, даже удалось выделить несколько небольших летучих отрядов – “засад”, дабы шестые литовцев по новосильской земле не было веселым и беззаботным. Вероятно, возглавить сопротивление литовцам должен был кто-то из сыновей князя Романа Семеновича, как известно, у него их имелось пятеро: Василий, Лев, Семен, Даниил, Юрий Черный¹, но кто из них вместе с отцом отправился на битву, а кто должен был остаться сражаться с литовцами, мы не знаем. Однозначно известно только об участии в Куликовской битве княжича Семена, сына Юрия Черного.

Но всего этого было слишком мало. Новосильское княжество и в лучшие времена один на один, без союзников, не могло противостоять Литве, ну а после орднского погрома 1375 года, когда оно лишилось многих хороших воинов и значительной (если не большей) части населения, об этом вообще не могло быть и речи. И уводя почти всю дружину на Куликово поле, князь Роман Семенович фактически оставлял свое княжество на растерзание литовцам.

Несомненно, двигаясь по новосильской земле, литовцы несли потери в стычках с местным населением и новосильскими “засадами”, но скорее всего, очень небольшие – воевать с ними было особенно некому. Княжество страдало гораздо больше: горели села, городки и боярские усадьбы, а поселяне отлавливались и угонялись в полон. Вскоре Ягайло подошел к столице княжества Одоеву, откуда до Куликова поля оставалось несколько переходов. По сообщению некоторых летописей,

¹ Вопрос о том, был ли у князя Романа шестой сын Степан (Стефан), является спорным.

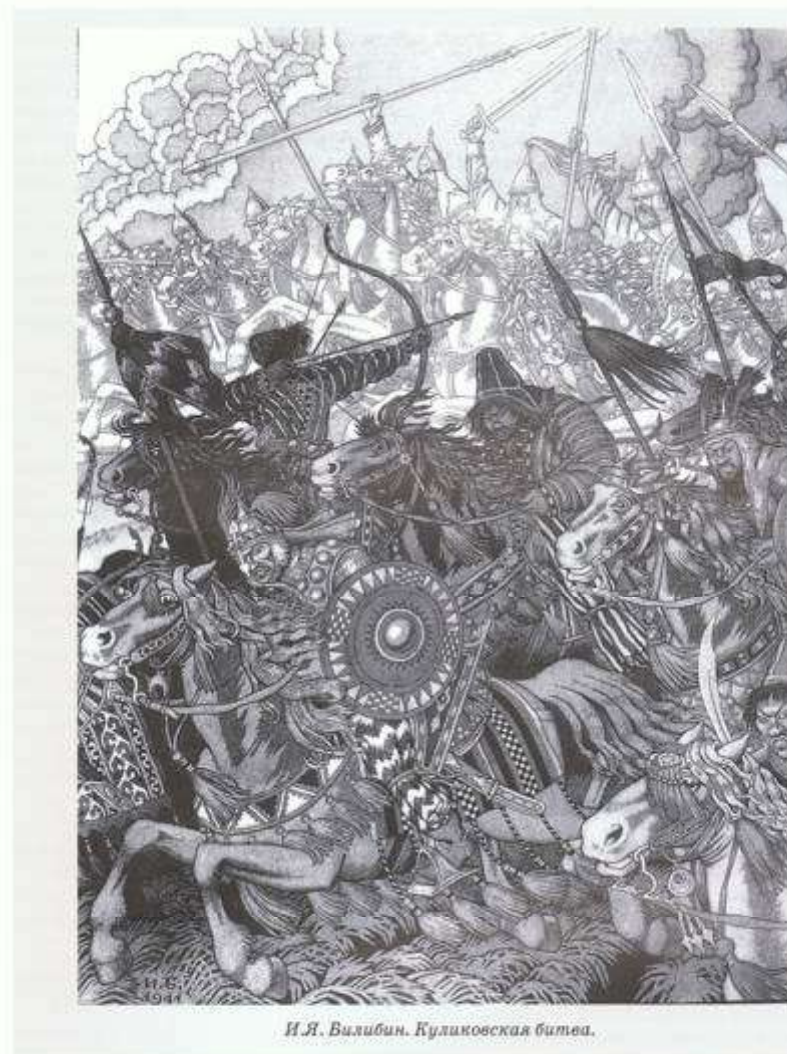

Герб Ягайло – золотой шестиконечный крест на лазоревом поле.

Ягайло не хватило всего одного перехода до Куликова поля. На самом деле его главные силы стояли под Одоевом, от которого до места битвы было не менее трех переходов, хотя возможно, что передовые литовские отряды уже рыскали в непосредственной близости от Куликова поля.

По мнению некоторых историков, дальнейшие действия Ягайло сковал другой союзник Мамай – рязанский князь Олег, который, вероятно, заключил тайный союзный договор с Дмитрием Ивановичем. В результате Ягайло не осмелился ни вступить в битву, ни напасть на ослабленное после Куликовской битвы русское войско, опасаясь получить удар в спину то ли от союзника, то ли от врага, о двусмысленной позиции которого он догадывался. Безусловно, этот фактор оказался основным, если не решающим. Но и сбрасывать со счетов отчаянное и безнадежное сопротивление истекающего кровью Новосильского княжества, благодаря чему Ягайло застрял у Одоева, также нельзя.

Получив известие о сокрушительном разгроме главного союзника – Мамая и о непонятной позиции другого – Олега Рязанского, Ягайло считал за лучшее не испытывать судьбу и, оставив за собой пожара, начал отступление на запад.

И.Я. Вилибин. Куликовская битва.

Несомненно, что, возвращаясь с Куликова поля со славой и, что немаловажно, с большой добычей, князь Роман Семенович и Семен Юрьевич, проезжая по своему

княжеству, испытывали горькое чувство при виде пепелиц на месте сожженных сел и городков. Два жестоких разорения за пять лет – такова была та страшная

цена, которую маленькое княжество заплатило за Великую Победу.

В 1385 году великий князь рязанский Олег внезапным нападением взял принадлежавшую Москве Коломну. Дмитрий Донской направил отбивать город сильную рать "воинства много отовсюду" под началом героя Куликовской битвы князя Владимира Андреевича Серпуховского-Храброго. К московскому войску присоединились дружины князя Романа Новосильского, а также тарусских князей. Союзники начали опустошать рязанскую землю, но встретили крепкий отпор со стороны князя Олега: "И тогда на том бою убиша бояр многих Московских и лутчих мужей Новгородских и Переславских; убиша же тогда и крепкаго воеводу великого князя Дмитрея Ивановича князя Михаила Андреевича Полотцакого, внука Ольгердова, правнука Гедиминова" [20]. Надо полагать, в сражении с рязанцами сложили свои головы и многие ратники из дружины князя Романа Новосильского. На следующий год соперники при посредничестве игумена Сергия Радонежского заключили между собой мир. Князь Олег вернул захваченную Коломну, но многих пленных удержал за собой. Двадцать пятого ноября 1402 года великий князь московский Василий I Дмитриевич "учинил" докопчание (договор) с великим князем рязанским Федором Ольговичем, где стороны обязались отпустить "полон весь", захваченный во время войны 1385 года. Но по какой-то причине это сделано не было, поскольку то же самое говорится в докопчании Василия I с великим князем Иваном Федоровичем Рязанским от 20 июля 1447 года [21].

В конце XIV – самом начале XV века князь Романа Семеновича на одоево-новосильском княжеском столе сменил его сын Семен Романович. Впервые он в качестве князя новосильского упоминается в тексте докопчания между московским князем Василием I и рязанским князем Федором Ольговичем от 25 ноября 1402

года [22]. При князе Семене достаточно тесные связи между Одоево-Новосильским и Серпуховским княжескими домами были закреплены династическим браком: зимой 1404 года дочь князя Семена Новосильского Василиса вышла замуж за сына князя Владимира Андреевича Серпуховского-Храброго Семена Владимировича [23].

В правление великого князя литовского Витовта (правил с 1392 по 1430 год) усиливается натиск Литвы на русские земли. В 1406 году между Литвой и Москвой вспыхнула война, ареной которой стала территория Верховских княжеств, находившихся в то время под московским протекторатом¹. Войска Витовта, усиленные татарами, польскими рыцарями и отрядом тевтонских рыцарей под командованием торуньского комтура Фридриха Цоллерна и войта Жемайтии магистра Михаила Кухмейстера² [24], вторглись в Одоево-Новосильское княжество, жестоко опустошая его. Витовт двинулся к Одоеву и, возможно, даже успел осадить город, но навстречу ему на выручку новосильских князей шли московское войско и тверская рать, присланная великим князем тверским Иваном Михайловичем, в которую входили дружины его братьев Василия и Федора Михайловичей, его сына Ивана Ивановича, а также примкнувшего к ним князя Ивана Еремеевича Дорогобужского. Кроме того, московскую рать усиливали многочисленные отряды татар, присланные ханом Шадибеком.

Осенью 1406 года противники встретились на реке Плаве, близ современной

¹ В докопчальной грамоте великого князя Василия I Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем от 25 ноября 1402 года сказано: "...занеже те все кня[я]зи (новосильские и тарусские. – В.Н.) со мною (Василием I – В.Н.) один ч[е]л[о]в[е]к" [25].

² Свидетельство об участии немцев и поляков в походе Витовта содержится и в русских летописях, например, тверской летописец упоминает о письме Василия I тверскому князю Ивану Михайловичу: "буди ти, брате, ведомо, яко Витовтъ грядет с немци и яхки" [26].

Крапивны. Положение Витовта оказалось не блестящим, за его спиной колючим ежом торчал невзятый Одоев¹, откуда в любое время можно было ожидать удара в спину, а за рекой Плавой на сильной позиции – высоким речном берегу – располагалось гораздо более многочисленное московское войско, которое, судя по всему, переходить реку и не собиралось. К тому же ратники Витовта стояли на разоренной войной территории, которую они сами же опустошили, за спиной же московского войства находилась союзная им и еще не затронутая войной земля. Безусловно, Витовт мог рискнуть и атаковать противника, авантюризм был в крови этого человека, который часто ставил на кон все, что имел, но, вероятно, морально-психологический надлом после поражения на реке Ворскле² был слишком силен, и на битву он не решился. Простояв девять дней друг против друга, противоборствующие

¹ Кто в это время правил Одоево-Новосильским княжеством, неизвестно, это мог быть либо князь Семен Романович, либо Юрий Черный.

² Двенадцатого августа 1399 года Витовт из-за своей самонадеянности потерпел жестокое поражение на берегах реки Ворсклы (где-то в районе современной Полтавы) от татарских войск эмира Едигея и хана Темир-Котлуя. Это была одна из самых страшных военных катастроф Литвы за всю историю. По словам Н.М. Карамзина, "Ни Чингис-хан, ни Батый не одерживали победы совершеннейшей". Сам Витовт едва спасся, а немецкий контингент, присланный магистром Тевтонского ордена, полег едва ли не полностью. В битве погибли и герои Куликовской битвы, перешедшие к тому времени на службу в Литву: знаменитый князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынец, князь Дмитрий Ольгердович Бранский и Андрей Кейстутович Полоцкий.

Триумф татар косвенно спас Великое княжество Московское, поскольку после своей блестящей победы, в которой Витовт несколько не сомневался, он намерелся разойтись со своим восточным соседом – московским князем Василием I – "сам сяду на Москве на великом княжестве на всей Русской земле". Блестящая победа своего великого отца Дмитрия Донского, к тому же находившийся под сильным влиянием жены Софьи, дочери Витовта, Василий I вряд ли сумел бы усидеть на московском столе под натиском полков, собранных великим князем литовским едва ли не со всей Восточной Европы.

Коломны (Колонны, Столпы Гедиминова) – личный герб великого князя литовского Витовта. Его сходство с геральдическими знаками Рюриковичей свидетельствует о претензии на политическое наследство Древней Руси и, как следствие, на ее земли.

стороны 1 октября 1406 года заключили перемирие до 15 мая 1407 года. Перемирие ничего не давало Василию I, к тому же возмутило его союзников – тверитян, которых не сочли нужным оповестить о заключении перемирия, а великого князя тверского даже не упомянули в перемирной грамоте. Происшедшее вызвало ярость тверских князей и воевод – "тако гневаючися на нъ" и "отъидоша во свояси". Когда о подобном умалении его чести узнал великий князь тверской Иван Михайлович, он даже заплакал от унижения и обиды: "зело съжаливси и прослезиси". Поэтому неудивительно, что, когда через некоторое время Василий I как ни в чем не бывало снова попросил у Твери рать, то получил категорический отказ. Неудовлетворенными оказались и татары, оставшиеся без добычи, поэтому в порядке компенсации, возвращаясь из похода, они изрядно пограбили московские земли [27]. Надо полагать, что досталось и Одоево-Новосильскому княжеству.

Заключив перемирие, Витовт развил бешеную деятельность по подготовке

новой кампании, в которой он собирался переиграть своего робкого и медлительно противника, и едва истек срок, как он обрушился на Одоев¹. Безусловно, в городе знали об окончании перемирия, но, надо полагать, не ждали литовцев так скоро. Уже 20 мая 1407 года (спустя четыре дня после начала войны!) «Литва взяша Одуев и огнем пожгли» [28]. После чего Витовт приступил к планомерной «защите» Одоево-Новосильского и соседних княжеств. В том же году литовцы взяли Мценск, можно предположить, что тогда же пал Новосиль², если он, конечно, к этому времени успел оправиться от орднского погрома 1375 года, и Старый Воротыанск. В свою очередь Василий I вторгся с большим войском в литовские владения и сжег городок Дмитровец. Противники встретились у Вязьмы и ... заключив очередное перемирие, разошлись. Если подобный ход был вполне в духе великого князя московского, то Витовта пойти на прекращение военных действий во многом вынуждало тяжелое внутривосточное положение в его княжестве. По сообщению Никоновской летописи, «того же лета (1407 год. – В.Н.), месяца Августа, в Литве бысть мятеж и усобицы многы, еще же и глад (голод. – В.Н.) по всей земле Литовской велик бе» [30].

В следующем 1408 году военные действия возобновились. На помощь Витовту подошел большой отряд поляков под началом маршала Збигнева из Бжези³ и 1800 конных воинов Тевтонского ордена [31].

¹ Трудно сказать, был ли в составе войск Витовта и на этот раз контингент польских и тевтонских рыцарей, но то, что они сражались в кампаниях 1399, 1406 и 1408 годов, позволяет предположить их участие в походе 1407 года и во взятии городов Одоева и Мценска.

² Косвенное свидетельство об этом содержится в Тверской летописи: «Приведше Литва повоеваша землю Новосильскую и град Одоев огнем поपालиша.» [29].

³ Во время знаменитой Грюнвальдской битвы в 1410 году Збигнев из Бжези являлся штатным знаменосцем польско-литовско-русской армии.

Безусловно, рыцарей среди тевтонцев было в лучшем случае несколько десятков, остальные служили, скорее всего, тяжелооруженными воинами, лучниками и арбалетчиками, которых посадили на коней, что являлось вполне естественным: за двухтысячекилометровый переход от Восточной Пруссии до границ Московского княжества пехота просто бы сбила ноги, да и награбленное добро на лошадях увозить куда сподручнее.

Прибавилось союзников и у Василия I. В июле 1408 года на его сторону перебежал брат польского короля Ягайло Свидригайло Ольгердович, а также приехали князья из разгромленных Верховских княжеств, не пожелавшие принять литовское подданство: Александр Федорович Звенигородский с сыном Федором, Михаил Иванович Хотетовский, Патрикей Нариманович и Семен Перемышльский с остатками своих дружин и другие князья и бояре⁴.

В августе 1408 года литовско-польско-немецко-русские⁵ войска Витовта стояли на берегах реки Угры напротив московско-татарской рати Василия I. Простояв «межи собою о реце Угре много дний» зять и тесть 14 сентября заключили мир «по старине», после чего разошлись. Больше дорогие родственники между собой не воевали.

⁴ «Того же лета (1408 г. – В.Н.) месьца июля в 26 день, прииде к великому князю Василью Дмитриевичю на Москву из Брянска, князь Литовский Съзвигригайло (Свидригайло. – В.Н.) Ольгердович служить, с ним же и владыка Брянский (епископ. – В.Н.) Исакий, да с ним же князь Патрикей Звенигородский, да князь Александр Звенигородский из Путимли, да князь Федор Александрович, да князь Семен Перемышльский, да князь Михайло Хотетовский (Хотетовский. – В.Н.), да князь Уруста Менский и бояре Черниговстии и Брянстии и Стародубстии и Ярославские» [32].

⁵ Значительную часть войска Витовта составляли русские воины из земель и княжеств, покоренных литовцами: Киевского, Черниговского, Новгород-Северского, Смоленского, Полоцкого и других.

Печать Витовта.
Слева – 1379 года, справа – 1404 года.

В результате войны 1406–1408 годов Верховские княжества, ранее находившиеся под московским протекторатом, перешли под власть Литвы. Некоторые из них прекратили свое политическое существование, как, например, Карачевское, Козельское, Болховское, Хотетовское, Звенигородское княжества; другие сохранили свои владения, правда, с территориальными потерями, а их владетели приняли литовское подданство. Перед одоево-новосильскими князьями тоже стояла та же дилемма – либо «отъехать» на службу к великому князю московскому на положение служилых князей, как, например, князья болховские и хотетовские, и в дальнейшем полностью зависеть от его милостей, либо сохранить свои «прадедовские» вотчины, но для этого необходимо было принести оммаж (вассальную присягу) новому сюзерену – великому князю литовскому. Когда произошел «отъезд» одоевско-новосильских князей на сторону Литвы, неизвестно, но очередной одоевский князь Юрий Романович Черный (впервые упоминается под 1422 годом) служит Витовту так же верно, как некогда служил его отец Дмитрию Донскому. Тем не менее свои владения он получил в весьма урезанном виде: сильные литовские гарнизоны в городах Мценске и Любутске,

расположенные к северу и югу от столицы княжества Одоева, описанные на великого князя литовского и превращенные в центры наместничества, должны были сделать новосильских князей более верными и сговорчивыми.

Впоследствии, когда княжеский стол освобождался, новый претендент на него должен был принести вассальную присягу великому князю литовскому, а по кончине правителя Литвы – его преемнику. Так, в 1427 году Витовт писал гроссмейстеру Ордена, что ему принесли присягу «князья Новосильские с детьми, Одоевские и Воротыанские с матерью-вдовой» [33].

Апофеозом политического могущества Витовта стала его поездка в том же году по восточным землям, в ходе которой он принимал изъявления покорности и дары от местных князей (одоевских, воротыанских и других) и даже от великого князя рязанского Ивана Федоровича. Лазутчик Тевтонского ордена шут Генне, состоявший в свите великого князя литовского, сообщал в 1428 году магистру: «Далее двинулись к одному замку, где князь посадил своего воеводу (возможно, это Мценск или Любутск. – В.Н.), тот доставил 150 коней, меха и деньги; жена его и дети поднесли большие подарки. А когда мой господин, великий князь отправился далее, рязанский великий князь вышел навстречу вместе с пятью другими князьями, с княгиней и с огромной массой людей. Они принесли ему присягу в подданстве и дали много подарков, коней, соболей меха и татарские монеты. Затем другие князья и паны, его воины, встречали нас, доставляя по 30, 20, другие по 12, 10, 5, 6, 8 коней, соболей мехов и денег, так что трудно было все это записать» [34]. Можно представить, с какой алобией настроенностью наблюдали за этим возжем Витовта, проходившим вдоль границ Великого княжества Московского, в его столице (всего 100–150 километров от Москвы!)

¹ Имеется в виду вдова князя Льва Романовича Новосильского.

Двадцать седьмого октября 1430 года Витовт скончался, так и не надев на голову королевскую корону. Несомненно, что одоево-новосильские князья принесли присягу на верность всем последующим правителям Литвы, но тексты этих докончаний не сохранились. Двадцатого февраля 1442 года князь одоевский и новосильский Федор Львович присянул великому князю литовскому Казимиру IV Ягеллончику [35]. Пятого февраля 1448 года он повторил присягу на этот раз уже королю польскому и великому князю литовскому Казимиру, поскольку тот пожаловал его городом Козельском [36]. Двадцать первого апреля 1459 года принеся присягу Казимиру князь Иван Юрьевич новосильский и одоевский со своими "братанчиками" (племянниками) Федором и Василием Михайловичами [37]. Привнесение присяги сопровождалось составлением докончания, подтверждавшего факт ее дачи. В докончании содержались взаимные обязательства сторон – князя, "бьющего челом в службу", и великого князя литовского и короля польского. Служебный князь обязывался "служити верно, без всякое хитрости"; "полетнее" (ежегодные выплаты) "давати по старине"; быть "мирным" или "немирным" с кем-либо по воле великого князя и без его ведома ни с кем "не доканчивати" (не договариваться), не воевать и никому не помогать; верно служить наследнику нынешнего великого князя. В свою очередь великий князь обязывался служилого князя "во чести и в жалованьи и в докончаньи держати", "боронити" его от недругов, в его вотчину не вступаться, а по "животе" (ковчине. – В.Н.) князя такую же докончательную грамоту дать его детям и обеспечить переход его вотчины по наследству; давать суд и управу во всех делах, а также служить верховным арбитром и посредником в спорах между новосильскими князьями. В случае несоблюдения сюзереном

обязательства по отношению к своим вассалам – князьям новосильским или их детям те имели полное моральное и юридическое право расторгнуть договор – "з нас целованье долов, а нам воля" [38]. Таким образом, князья новосильские, одоевские и воротыньские были достаточно самостоятельными в своих действиях, за исключением внешних сношений, и являлись полными хозяевами в своих владениях, последнее же положение (о возможности расторжения докончания) впоследствии сыграло роль троюбокого кося в период московско-литовских войн.

Осенью 1480 года татары хана Ахмата, отступая после бесславного "стояния" на реке Угре, опустошили союзные польскому королю Казимиру IV Верховские княжества. В скорбном списке "пленных" Ахматом городов среди прочих значатся Мценск и Старый Воротыньск. Впрочем, сами города татары не взяли, но жестоко опустошили их окрестности, угнав в полон захваченных людей. Новосиль же в этом списке не упомянут, вероятно, к этому времени он уже давно превратился в "городище пустое", а князь, в чьи владения он входил, назывался новосильскими лишь по традиции. Без сомнения, погром 1480 года сильно подорвал позиции короля Казимира среди верховских князей, которых он не сумел защитить, что являлось тем самым прямым нарушением условий докончания и имело в последующем для польско-литовского государства самые негативные последствия.

По мере дробления некогда единой княжеской фамилии потомков князя Романа Семеновича Новосильского все более и более обострялась борьба между отдельными ее ветвями – князьями одоевскими и воротыньскими. Десятого апреля 1483 года король Казимир заключил очередное докончание с верховскими князьями – потомками князя Федора Львовича Воротыньского – Дмитрием и Семеном

Федоровичами и их "братаничем" князем Иваном Михайловичем¹, названным владельцем "Новосильским, и Одоевским, и Воротыньским". Этот титул указывает на то, что старшинство в роду к этому времени перешло к князьям Воротыньским [39].

Во второй половине 80-х годов XV века на русско-литовской границе начинается так называемая "странная война" (1487–1494). Оба государства официально войны друг другу не объявляли, тем не менее на пограничье велись достаточно активные военные действия, причем активные именно с московской стороны. Великий князь Иван III частью силой, частью щедрыми обещаниями Верховским князьям соблюдать их привилегии и княжеские

¹ Иван Михайлович Воротыньский (год рождения неизвестен – 12.07.1535). Владелец "Новосильский, и Одоевский, и Воротыньский". В 1487 году перешел со своими землями на службу к Ивану III. "Победоносный воевода" в войнах против литовцев и татар. В 1508 году нанес поражение крымским татарам на реке Оке (вероятно, там или близ того места, где сейчас расположен современный город Орел, а то время еще не существовавший) и преследовал их до реки Рыбницы. В 1512 и 1513 годах принял участие в осадах Смоленска, в 1517 году отразил татар, неожиданно появившихся под Тулой. В 1521 году попал в опалу: его обвинили в том, что, оскорбленный юзевем Бельским, он не выступил ему на помощь во время нападения крымского хана Мухаммед-Гирея. Освободили его только в феврале 1525 года, когда он дал князю грамоту за ручательством духовенства загладить свою вину и не иметь никаких сношений с Литвой. В 1534 году в правление Елены Глинской, регентши при малолетнем Иване IV, когда стало известно о бегстве к королю Сигизмунду князя С.Ф. Бельского и окольничего Лятского, И.М. Воротыньского внезапно схватили как "соумышленника" беглецов и без всякого суда и следствия сослали на Белоозеро, где в следующем году он умер в заточении [43].

права "по старине" одного за другим перетягивает местных князей, зачастую с их вотчинами и городами, на свою сторону. Одним из первых, воспользовавшись своим правом "отъезда", перешел на московскую службу князь Иван Михайлович Воротыньский (предположительно в первой половине 1487 года), отослав королю Казимиру "отказную грамоту" и сложив с себя "крестное целование". Иван Михайлович подтвердил свою верность новому сюзерену не только на словах, но и оружием. Начиная с того же года литовские послы жалуются на наезды его людей на литовские владения и на разорение им, вероятно в августе 1487 года, города Мезецка (современный Мещовск) [40].

Пятого февраля 1494 года воюющие стороны заключили "вечный мир", по которому все Новосильские князья (воротыньские, одоевские и белевские) вместе со своими вотчинами были "записаны" за Иваном III [41]. Впрочем, "вечный мир" продержался недолго, и вскоре военные действия возобновились. Перемирие 1503 года между великим князем литовским Александром и Иваном III окончательно закрепило удельные Верховские и Северские княжества за Москвой. Попытка польско-литовского государства в ходе русско-литовской войны 1507–1508 годов вернуть утраченные земли окончилась полным провалом, а мирный договор между великим князем московским Василием III Ивановичем и польским королем Сигизмундом I Старым подтвердил московское подданство "служебных" князей новосильских, одоевских, воротыньских и других [42].

СУДБИЩЕНСКОЕ ПОБОИЩЕ 3–4 июля' 1555 года

"И на утро в четверг билися до пятово часу дни, полкы на полкы напуцали жестокым крепким боем и многих Крымцев в его полках передовых побили; и царь Крымской (Девлет-Гирей. – В.Н.) со своим полком пришел и со всеми людьми да воевод разгромил и людей побил многих... А околичей Алексей Данилович Васманов да Степан Сидоров наехал на дуброве коши своих полков и велел тут бити по набату и в сурну изграти, и к нему съехали многие дети боярские и стрельцы, тысяч с пять, с шесть, и тут оскелся. И царь к ним приступал со всеми людьми и з пушками и з пицалми и до вечерни. И Вожиим милосердием, дал Бог, Алексей Данилович тут от царя отсиделся, из луков и из пицалей многих Татар побили".

ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись [1].

Весной 1555 года Иван IV принял решение организовать поход русских войск под "крымские улусы". Основными пунктами сбора рати стали города Белев и Новгород-Северский. Второго марта "в Троицын день" рать тремя полками выступила из Белева. Большой полк возглавлял один из лучших русских полководцев XVI века боярин Иван Васильевич Шереметев. Князь Андрей Курбский знал его как "мужа зело мудраго, острозрительнаго и от младости своен и богатырских веща искуснаго" [2]. Немалым мужеством и опытом отличался и воевода сторожевого полка Степан Григорьевич Сидоров. По отзыву того же А. Курбского, "а тойто был Степан..., муж славный в добродетелех и в богатырских вещах искусен;

¹ Дата сражения дается по В.П. Загорскому, по Ю.Д. Рыкову битва произошла 26–27 июля, но эта датировка ошибочна.

Московский воевода XVI века.
Рисунок автора.

туляне и служилые люди из других городов [6]. По свидетельству князя А. Курбского, Шереметев "яко муж разумный" на походе соблюдал все меры предосторожности и вел войско, имея "стражу со обоих боков зело прилежную и подъезды под шляхи" [7]. Русское войско двинулось по Муравскому шляху и остановилось "верх Мжи и Коломака", поджидая ратных людей из Новгорода-Северского и северских городов. Здесь воеводы узнали от станичников о приближении к русскому пограничью орды хана Девлет-Гирея. Шереметев послал в Москву гонца, известив царя, что "уже грядет недруг его на него в силе тяжестей" [8]. Впоследствии стало известно, что крымское войско насчитывало около 60 000 человек и включало в себя 1000 турецких янычар с ружьями –

"огненным боем" и пушками¹. Их появление среди татар было вызвано тем, что турецкий султан был взбешен взятием Астрахани русскими войсками в 1554 году и решил подобным образом отомстить Ивану IV. Шереметев решил преследовать татар, собираясь напасть на них тогда, когда хан распустит по округе стонные отряды для разорения деревень и ограбления окрестностей. Воеводы "чаяли его в войне застати, нешто станет он воевати и распустит войну". Первоначально им сопутствовала удача. Было обнаружено местонахождение обоза – "коша" и табунов запасных коней. Для их захвата Шереметев послал голов Ширея Кобыкова и Григория Желобова, с которыми пошла почти половина войска – 6000 человек. Ратники на "царев кошь пришли и кошь взяли, лошадей с шестьдесят тысяч, да аргамаков з двесте, да восемьдесят верблюдов" [10], а также повязали два десятка языков. Пленные в расспросе сказали, что Девлет-Гирей пошел на Тулу, а далее двинется на Оку под Каширу.

Захватив обоз, Иван Шереметев со своими людьми пошел "наспех" по следам крымского хана, но неожиданно для себя, да и для татар тоже, на Судбищах натолкнулся на главные силы татар.

По словам А. Курбского, срыву московских планов способствовала болтливость приказных подьячих (по Курбскому – "писарей"), разославших по южнорусским городам хвастливые грамоты: "Се рекше (говорим. – В.Н.), исчезнет убо царь Перекопский со всеми силами своими! Царь наш грядет со множеством воинства против его, а Иоан Шереметев над головою его идет за хрептом (спиной. – В.Н.)" [11]. Девлет-Гирей долго был в неведении о русских замыслах, пленных также пока не удалось захватить, его воины безуспешно рыскали по всем сторонам, "ищуще языка", что очень беспокоило хана.

¹ Голландец Исаак Масса писал, что численность крымского войска составляла более 400 тысяч человек [9], но данная цифра представляется фантастической и завышенной почти в десять раз.

Первых двух сторожей взяли уже на подходе к Оке, подвергли пытке, и один из них, “муки не претерпев”, выболтал все, что “написали мудрые наши писари”. Девлет-Гирей с ужасом узнал, что находится в клещах, которые вот-вот начнут смыкаться. Хан собрал распущенные было отряды, и начал поспешное отступление, но в среду его авангард натолкнулся на отряд Шереметева у Судбищ. С полудня и до вечера ратники с успехом бились с передовыми отрядами татар: “и передовой полк царев (Девлет-Гирей. – В.Н.) и правую руку и левую потоптали, и знамя взяли Ширинских князей, и бились до ночи” [12].

Шереметев попробовал вернуть людей, отряженных на захват коша, “чтобы к ним спешили”, но те уже успели уйти с захваченными табунами “на Рязань” и в Мценск, и в результате к Шереметеву ночью подошло только 500 человек. Узнав о поражении своих передовых полков, Девлет-Гирей, с одной стороны, оставаясь в полном пведении о действительной численности войск И. Шереметева, а с другой – уstraшенный известием о приближении войск Ивана IV, решил в ту же ночь бежать в Крым. Но тут к хану привели двоих пленных дворян – в горячке боя они глубоко врубались в татарские ряды, и крымцы сумели их повязать. Девлет-Гирей приказал их пытать. Один дворянин держался “яко до стоило храброму воину и благородному”, другой же совершенно обезумел от страха и рассказал хану, что дорогу ему преграждает сравнительно небольшой отряд: “иже, рече, малый люд, и того яиче и четвертая часть на кош твой послано” [13]. В конечном итоге хан решил “расточить деньги своей храбрости на рынке битв с неверными и на базаре войны и сражения” [14].

Наутро 4 июля начался неравный бой русских полков с главными силами крымского войска: “билися до пятого часу дни, полки на полки напущали жестоким крепким боем и многих Крымцов в его полках передовых побили”. Сражение долго оставалось нерешенным, на некоторое время Девлет-Гирей остался на поле

Иван IV Грозный.
Иностранная гравюра XVI века.

боя один, в окружении тысячного отряда турецких янычар с пушками и пищальями, поскольку все его люди разбежались. Храбрость турок, а также внезапный удар с тыла по русскому лагерю, который нанес сын хана Мухаммед-Гирей-Султан, пришедший на помощь отцу из Крыма, заставили чашу весов сражения сильно заколебаться, а ранения главного воеводы Ивана Шереметева окончательно перевесило ее на сторону татар. “И по грехом нашим, – пишет князь А. Курбский, – в том часу сам гетман воинства христианского зельне (сильно. – В.Н.) ранен, и к тому коноу застрелиша под ним, иже еще к тому збил его с себя (яко обычай раненым конем), и оборониша его (защитили. – В.Н.) храбрые воины некоторые, едва жива и напы (наполовину. – В.Н.) мертва” [15]. Этот фактор оказался одним из решающих, поскольку, по словам того же А. Курбского, остальные воеводы “не были так храбры и справны” [16], как Шереметев.

Знатный русский воин.
Западноевропейская гравюра XVI века.

Князь А. Курбский с горечью замечает: “Аще бы и львов стадо было, без доброго пастыря не споро” [17]. Под ударами татар, лишившись главнокомандующего, русское войско стало рассыпаться, “и царь Крымской своим полком пришел и со всеми людьми да воевод розгромил и людей побил многих” [18]. Некоторые дворяне и дети боярские, утомленные боем, стали поспешно покидать поле сражения, срезая или срывая доспехи, чтобы облегчить ход измученных коней, и воеводам ничего не оставалось, как увести уцелевших ратников в Тулу.

Воеводы же А.Д. Басманов и С.Г. Сидоров с немногими людьми отступили к дубраве, где стоял полковой обоз, и организовали здесь сопротивление. Они вели “тут бити по набату и в сурну (зурну. – В.Н.) играти, и к нему съехались многие дети боярские и боярские люди и стрельцы,

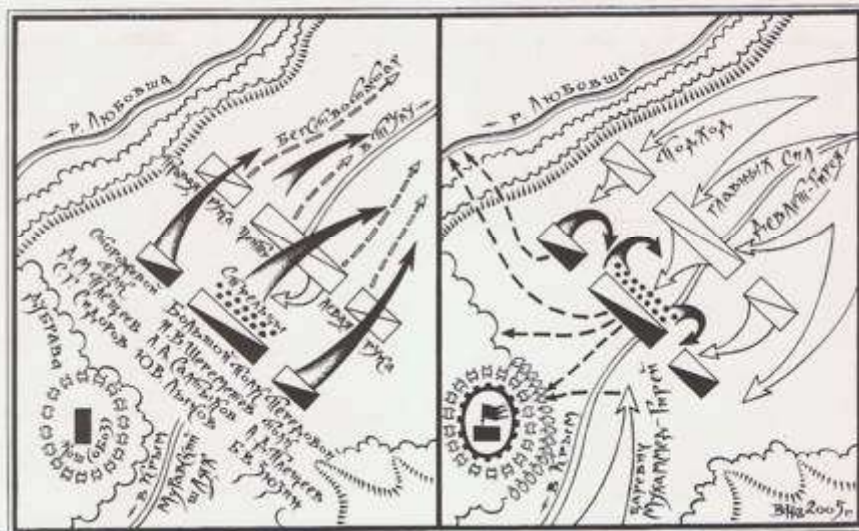

Знатный татарский воин.
Западноевропейская гравюра XVI века.

тысяч с пять, с шесть”¹ [19]. Здесь собрались в основном обозная прислуга, пешие стрельцы, потерявшие коней ратники, а также не сумевшие вырваться из татарского кольца дворяне и дети боярские. Кроме того, в обоз снесли много раненых.

Обложив обоз, крымский хан троекратно к нему приступал “со всеми людьми и з пушками и з пищальми и до вечерни”. Но русские воины под руководством воеводы Басманова “осеклись”, устроив в дубраве засеку, в которой сумели отсидеться до вечера, и “из луков и из пищалей многих татар побили”. Девлет-Гирей, узнав от пленных, что “царь и великий князь на Туле, а чают его на царя (т. е. хана. – В.Н.) приходу” [20], снял осаду засевших в дубраве ратных людей и “с великою тщетою”, поспешно пошел в Крым.

¹ По словам А. Курбского, в лесу, “в боираку”, засело более двух тысяч русских воинов.

Битва при Суджицах. 1555 год. Слева – бой 3 июля, справа – бой 4 июля. Реконструкция автора.

Между тем Иван IV с войсками находился на полпути между Окой и Тулой, «хотяше с ним (Девет-Гиреем. – В.Н.) битву великую свести», когда до него дошла весть о поражении И. Шереметева. Некоторые малодушные советники стали уговаривать царя вернуться в Москву, другие «мужественнейшии» уговаривали: «да не даст хрепта (спины. – В.Н.) врагу своему, да не посрамит прежние славы своея добрые и лиц всех храбрых своих, и да грядет мужественне против врага Креста Христова ... Аще он и выиграл, за грехи христианские, битву, но обане утруждено войско имеет, тако же множество раненых и побитых; бо брань крепкая с нашими пребывала два дни» [21]. Царь послушал «совета храбрых» и двинулся к Туле, где встретился с остатками войска и воеводами, пришедшими с Суджиц. Преследовать Девет-Гирея не имело смысла, воеводы поведали: «уже аки третий день, царь (хан. – В.Н.) поиде к орде» [22]. Их слова подтвердили

вернувшиеся сторожи: «царь идет в отход наспех по семидесят верст на день» [23].

Отряд Ивана Шереметева в бою понес тяжёлые потери. В двух списках Никоновской летописи указывается разное количество погибших и плененных русских воинов. В одном – «На бою убили и взяли детей боярских триста двадцать человек, а стрелцов 34 человека, а боярских людей ... (число не указано. – В.Н.)». В другом – убито и взято две тысячи детей боярских¹, 34 стрельца и пять тысяч боярских людей [24]. Воеводу Степана Сидорова при обороне засеки ранили в колено из затинной пищали, кроме того, он получил колотую рану копьём и умер через пять недель, тяжело страдая.

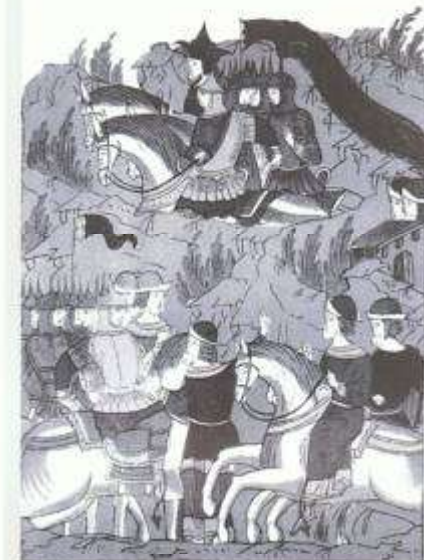
¹ Вероятно, данная цифра ошибочна. Если верить перечню потерь во втором списке Никоновской летописи, то получится, что в битве погибло все войско И. Шереметева (7034 человека), но это не так. Скорее всего, более близка к истине цифра в первом списке – 320 детей боярских.

«О посылке [осу]д[а]рьской на стада крымские. Того ж году м[еся]ца июня послал [осу]д[а]рь на стада крымские воевод в Майй луц: в Большем полку боярина Ивана Васильевича Шереметева да околиччево Лва Андреевича Салтыкова».

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографская копия XIX века.

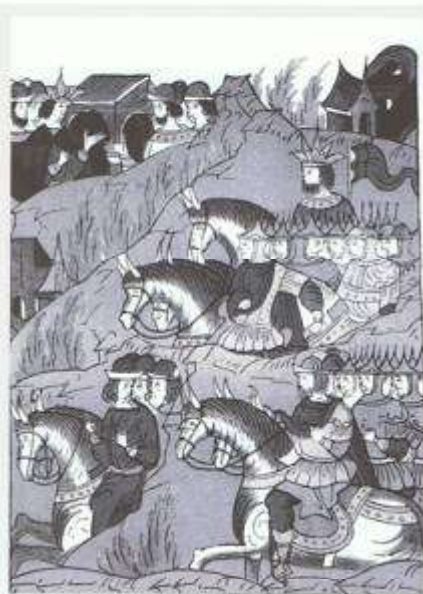
До наших дней сохранился Синодик Московского Кремлевского Архангельского собора, где перечислены по фамилии 50 дворян и детей боярских, погибших в битве. Среди погибших значатся: князя Иван Иванович Коркодинов, Андрей Васильевич Мезецкий, Борис Васильевич Мещерский, Василий, Иван и Михаил Семеновичи Мосальские, Дмитрий Федорович Хованский, а также дворяне: Василий Иванович Безобразов, Федор Григорьевич Вутурлин, Тихон Терентьевич Заболоцкий, Андрей Гаврилович

«И как воеводы пришли верх Мжа и Коломака и прибежал к ним сторож от С[вя]тых гор, да станичник Лаврентей Колтовской товарища прислал с тем, ц[а]рь крымской Дювец перелез со многими людьми, а идет к рязанским или тоульским (Тульским. – В.Н.) оукраинам».

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографская копия XIX века.

Карамышев, Алексей Игнатьевич («Горинцов сын») Колтовский, Григорий Иванович Наумов по прозвищу «Сердце», Григорий Иванович Слизнев-Мятлев, Яков Федорович Соломеин, Иев Борисович Ступинин, Гаврила Васильевич Хитрово и другие [25]. Безусловно, список Синодика далеко не полон, как уже говорилось выше, в бою погибли, умерли от ран и попали в плен 320 детей боярских. По мнению Ю.Д. Рыкова: «Воины, включенные в памяник, по всей вероятности, проявили исключительную ратную доблесть,

"И воеводы послали ц[а]рю и великому кн[язю] с вестью, что крымской ц[а]рь идет на его украину. А сами воеводы воротились, а пошли под сакмоу (т. е. за татарами, их дорогою. – В.Н.). И призоли от воевод ко ц[а]рю и великому кн[язю] с той вестью Ивашка Дариш с товарищи июня в пятницу." Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографская копия XIX века.

"И взяли лошадей с шестьдесят тысяч, да арамаков з двесте, да восемьдесят верблюдов, да и весть воеводам прислали с тем, что кошь взяли, и двадцать языков воеводам прислали. И языки воеводам сказали, что царь пошел на Тоулу, а ити ему наспех за реку за Окоу под Коширою." Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографская копия XIX века.

храбрость и отвагу в битве 1555 года с "басурманами". Списки этих особо отличившихся в бою лиц и были отправлены воеводами в Разрядный приказ с целью последующей передачи приказанных именных списков в МКАС (Московский Кремлевский Архангельский собор. – В.Н.) для вечного церковного поминовения. По сути это была своеобразная государственная награда христолюбивым воинам, самоотверженно отдавшим свои жизни в героическом бою с "иноплеменным" врагом за православную веру, царя и отечество, и их вечное прославление" [26].

По словам А. Барсукова: "Примеры истории неоднократно показывали, что иное поражение бывает славнее победы" [27]. Несмотря на крупные потери, Иван IV ратился Судбищенскую операцию как удачную, наградив воевод и участвовавших в ней служивых людей. Шереметев сковал действия крымского войска, не дав ему распустить "войну" для захвата добычи и пленных. Девлет-Гирею пришлось возвратиться в Крым, "не мало не вредя Русской земле". А утрата обоза и, самое главное, многотысячных табунов запасных коней явилась вообще трудновосполнимой потерей для

"И воеводы пошли за царем (Девлет Гирею. – В.Н.) наспех его сакмоу (дорогою. – В.Н.) И встретились со ц[а]рем в среду с полден на Соубищех, и со ц[а]рем бились и до вечера. И передовой полк ц[а]ря и правую роукою и левую потоптали. И знамя взяли ширинских князей и бились до ночи. И тут стояли полки чрез всю ночь." Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографская копия XIX века.

крымского войска, не говоря уже о том, что в бою погибли тысячи татарских воинов [28]. О том, насколько высоко в Москве оценили хоть и не победоносную, но, безусловно, удачную битву, говорит тот факт, что в Лицевом летописном своде, официальной государственной исторической хронике, ей было посвящено целых 25 (!) миниатюр [29].

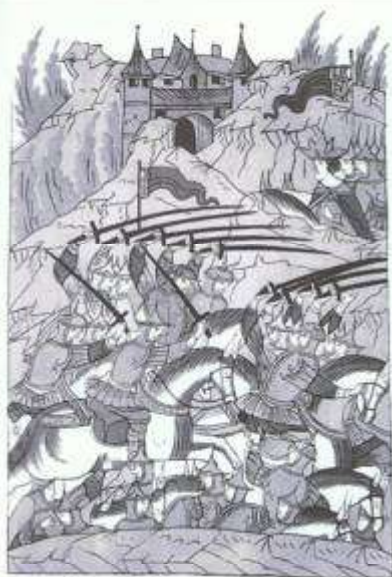
Судбищенская битва нашла отражение не только в русских, но и в турецко-татарских источниках. Вот как описано сражение в турецкой летописи: "Войско Московское овладело Астраханью. Хан Девлет-Гирей пошел освободить этот

"И воеводы посылали назад по головы и по дети боярские, чтобы к ним спешили, а они с ц[а]рем бьются. Прискакали к ним немногие люди, все поворотили ко украине со всем кошом, коуды ближе – на Резань и во Мценск". Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографская копия XIX века.

город, но, когда возвращался, обремененный бесчисленною¹ добычею, его настиг,

¹ Девлет-Гирей пошел освободить Астрахань почему-то прямо в противоположную сторону. Слова о "бесчисленной добыче" тоже вызывают сомнения. Во-первых, Девлет-Гирей просто не успел пройти в наиболее густонаселенные области Русского государства – первых двух (!) пленных татар захватили уже на подходах к Оке. Во-вторых, хану пришлось срочно сворачивать поход при получении известия о выдвижении ему навстречу Ивана IV с войсками. Даже обогнуть как следует убитых татарам после удачного для них сражения 4 июля вряд ли удалось, поскольку уже вечером они покинули поле боя под Судбищами. Желанная же добыча – русский обоз – также оказалась для них недоступна.

"А оутро в четвере билися до пятого часу дни, полки на полки напоуцали жестоким и крепким боем и многих крымцов в его полках передовых побили".

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. Литографическая копия XIX века.

предводительствуя 90 000 войском¹, поселившийся в России и славный отважностью между неверными выкрест из персидских армян по имени Шир-Мертун, ошибочно называемый Ширметом². Уйти было нельзя, потому хан по необходимости вступил в бой. Но так как лошади, утомленные долгим походом и тяжестью добычи, не имели сил, войско татарское

¹ Нигде не врут так и столько, как на войне. Численность русской рати преувеличена не менее чем в десять раз.

² Налицо явная ошибка турецкого историка: Шереметевы – исконно русский княжеский род, и армянских корней у них никогда не было.

испичи мѣсто и не прибухалъ . а поевъ
хланисошемъ вѣселоурипѣлѣмъ . и въ
приапопѣлѣмъ . прозвѣрѣмѣлѣ . и
мѣишѣмъ лѣтѣ поклѣмъ . а здохъ собо
хлан разлетѣлѣмъ чѣсоу ширѣмъ и шѣтѣ
люди .

а повои оудѣмъ лѣтѣмъ здохъ . дни
припѣмъ шѣрѣмъ . а вѣхѣмъ шѣрѣмъ

"...к ним многие [воини] не приехали, а поехали с кошем по украинам. И царь их [русских] потоптал и разгромил и многих людей побил. А з бою съехали розметав с собой орудие многие люди. А все воеводы, дал Бог, здорово...". Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

потеряло дух и пришло в расстройство. Ханские сыновья калга (верховный визирь, – В.Н.) Ахмед-Герай и Хаджи-Герай, пять султанов и безчисленное множество знатных и простых ратников мусульманских пали под ударами неверных; совершенная гибель была уже близка. Но нет победы неже от Господа: сын Девлет-Гираев, Мухамед-Герай-Султан, оставленный отцом стеречь Крым, устыдясь проводить время в покое и бездействии, тогда как отец его и братья были в походе, собрал, без позволения на то Девлет-Герая, сколько можно было храброго войска и,

Знаирибухланисогоже дни

а вои мѣишѣмъ лѣтѣмъ здохъ . дни
припѣмъ шѣрѣмъ . а вѣхѣмъ шѣрѣмъ

Оборона в засеке воевод А.Д. Басманова и С.Г. Сидорова от татар хана Девлет-Гирея. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

пустившись с ним на помощь и подкрепление отцу, прибыл именно в то самое время, когда войско мусульманское близко уже было к бегству. Помня божественные слова "Знайте, что рай обретается под сенью мечей", он немедленно с криком "Аллах! Аллах!" ударил на неприятельский лагерь. Это движение придало силы изнемогавшему ханскому войску; оно снова завязало бой, и неверные были разбиты. По возвращении домой победоносного и обогащенного добычею войска Мухамед-Герай награжден был почетною одеждою и сделан калгою" [30].

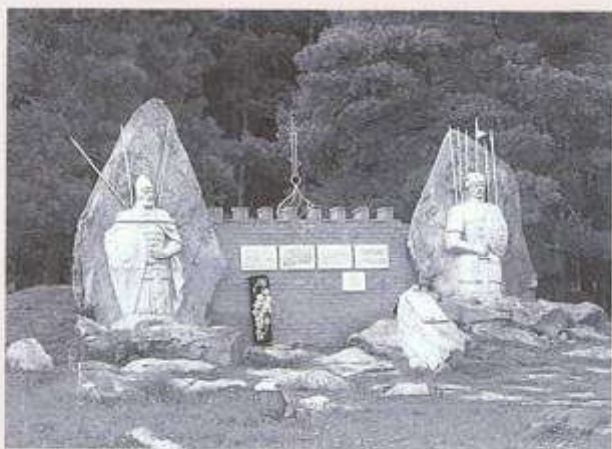
а вои мѣишѣмъ лѣтѣмъ здохъ . дни
припѣмъ шѣрѣмъ . а вѣхѣмъ шѣрѣмъ

а вои мѣишѣмъ лѣтѣмъ здохъ . дни
припѣмъ шѣрѣмъ . а вѣхѣмъ шѣрѣмъ

Оборона в засеке воевод А.Д. Басманова и С.Г. Сидорова от татар хана Девлет-Гирея. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

Турецкой летописи вторит историк крымских ханов эфенди Мухаммед Риза: "В то время, как хан Девлет-Гирей возвращался, обремененный богатою добычею, один проклятый неверный... Сой несчастиец, вследствие своей кабаньей смелости и собачьей наглости, проявленных во многих битвах, сделавшийся известным под именем Ширимета, искаженное от ширьмет (человек-лев или храбрый как лев), – во главе 90 000 диволов – своих собратьев, преследовал ханское войско наподобие огненной пыли" [31].

Орловская область, с. Суджица. Памятник на месте Суджиценой битвы. Сооружен в 1995 году. Фото В.М. Ромашова, 2011 год.

Впечатление о битве под Суджицами в Крыму осталось самое тягостное. В 1556 году прибывшие из татарского плена дети боярские Иван Трофимов и Богдан Шелонин, а также приехавший с ними крымский посланник Баймир на основании слухов, ходивших в Крыму, рассказали царю Ивану IV то, что говорило татарское население о сражении: "у царя у крымского на бою ... боярин Иван Васильевич Шереметев с товарищи побил многих лутчих людей, князей и мурз, и ближних людей; и безчестие царю и убытки, сказывает, в том, что кошь у него зябли, те лошади на Украину и увели, а на бою с ним русские немногие люди бились и побили у него многих людей: хотя их де царь розгромил, а которые де в дуброве сели (Басманов и Сидоров. – В.Н.), и тех взять не мог и назад на спех шел, блудился (опасаясь. – В.Н.) царя и великого князя приходу на себя" [32].

Действительно, утрата собственного обоза и многотысячных конских табунов была сильным ударом по ханскому самолюбию, как говорится, "пошли за шерстью,

а вернулись стриженными". Захваченная же добыча ни в коей мере не могла компенсировать утраченное. И, наконец, потери. Сами татары и турки охарактеризовали их как "безчисленные", причем среди убитых оказались лица самого знатного происхождения. Данные по татарским потерям отсутствуют, можно лишь предполагать, что они доходили до десяти и более тысяч человек убитыми и ранеными¹. Причем участь раненых было самой печальной: отсутствие должного ухода и невероятная скорость передвижения почти наверняка привели к тому, что большая часть из них скончалась, не доехав до дома. В результате Девлет-Гирею пришлось отменить намеченный на осень того же года новый поход, в чем не последнюю роль сыграла кровопролитная Суджиценой битва.

¹ Исаак Масса писал, что в битве было убито "до восьмидесяти тысяч крымцев", но, надо полагать, эта цифра завышена не менее чем в десять раз. Кроме того, он упоминает, что русские захватили более десяти тысяч коней и пятьсот верблюдов [33].

НОВОСИЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА И В ГОДЫ СМУТЫ (1604–1612)

"Вашему государю (королю Сигизмунду II. – В.Н.) и всем вам, по твоим словам, хорошо известно, что наш род – лучший из московских родов, что он государской крови и происходит от великих князей Новосильских и что мы до сих пор сохраняем в своей вотчине свои законы и обычаи и имеем там своих бояр и воевод; вашему великому государю известно также, что наша удельная вотчина за рекой Угрой примыкает к границе владений его королевской милости, к Северной области Великого княжества Литовского, из-за чего мне чуть не пришлось испить ту же смертную чашу, которую, по твоим словам, из-за зависти и злобого нрава наших государей испил мой отец, князь Иван Михайлович".

Из послания наместника Казанского и правителя Новосильского князя Михаила Ивановича Воротынского пану Григорию Александровичу Ходкевичу. 20 июля 1567 года [1].

В XVI веке владельцами Одово-Новосильского княжества являлись князья Воротыньские – потомки князей Одолевских и Новосильских. В 1561–1562 годах Иван IV закрепил своим указом за князем Михаилом Ивановичем Воротыньским¹ его владения: "треть Воротыньска, да город Перемышль,

да город Одоев Старое, да город Новосиль, да Остров Черну"² [2]. Надо полагать, что, получив подтверждение своих прав, Михаил Иванович летом того же года приказал отстроить заново заброшенный Новосиль и срубить в нем деревянную крепость. Но уже 15 сентября 1562 года князь

и третье лицо в военной иерархии после царя. Отличился "доблестью" при осаде и штурме Казани в 1552 году и был включен в состав "ближней царской думы". В 1562 году попал в опалу и был сослан в Белоозеро. В 1565 году возвращен из ссылки и восстановлен в правах состояния – ему вернули Одово-Новосильский удел. В традиционной осенней "рогатице" 1565 года его имя стояло вторым после двоюродного брата царя Владимира Андреевича Старшного, а сам он был назначен воеводой Большого полка, то есть главнокомандующим. Перед Земским собором 1566 года Воротыньский вместе с князьями Мстиславским и Бельским официально руководил Боярской думой.

¹ Воротыньский Михаил Иванович (ок. 1510 – 12.06.1573) – знаменитый русский полководец XVI века, "новосильский державец". По словам князя Андрея Курбского, "муж крепкий и мужественный, в полкоустроениих дело искусный, ... с ранней младости воевал храбро, без малого до шестидесяти лет". Участвовал в отражении многочисленных набегов крымских татар на русские земли. Был воеводой и наместником в городах Белеве (1543), Калуге (1544), Васильсурске (1545), Костроме (1550), Туле (1560) и других. Во время казанских походов в 1547 году – воевода полка Правой руки, в 1549 году – Левой руки, в 1552 году – второй воевода Большого полка (фактически руководит им)

попал в опалу и был сослан с супругой в Белоозеро, а его земли конфискованы [3]. С 1563 года в городе значится московский воевода: "В Новосили Василей Семенов сын Воейков" [4]. В апреле 1566 года царь соизволил простить Михаила Ивановича и вернул его вотчину "старую, город Одоев и город Новосиль ему совсем отдал и больша старого" с правом именоваться "державцем Новосильским" [6]. Несмотря на недолгое пребывание Новосила под его властью (до 1569 года), он успел провести в городе, который стал столицей его удела, большое строительство. По-видимому, при нем был возобновлен (или основан) мужской Свято-Духов монастырь и расширены городские укрепления. В своем письме Сигизмунду II в 1567 году М.И. Воротынский писал: "А что еще от прародителей наших невзгодами запустило город Новосиль, ино царского величества милостию и казною и тот есмь город поставили и ... тем городом обладаем" [7]. Польско-литовское правительство неоднократно тайно пыталось переманить Михаила Ивановича, естественно, со всеми владениями, на свою сторону (шла Ливонская война) и в своих посланиях упирало на неблагодарность московских правителей, на трагическую судьбу его отца Ивана Михайловича, на тиранию Ивана Грозного,

В 1571 году он занимался составлением "Боярского приговора о станционной и сторожевой службе" – первого пограничного военного устава, впоследствии действовавшего более 100 лет. В том же году М.И. Воротынский – один из немногих послов, кто удачно действовал против крымских татар во время опустошительного набега хана Девлет-Гирея на Москву. В 1572 году нанес сокрушительное поражение орде Девлет-Гирея (более 60 тыс. всадников) в битве при Молодах (30 июля – 3 августа). В 1573 году был обвинен в изменнических сношениях с крымским ханом (?), подвергнут жестокой пытке и сослан в Белоозеро, но умер в пути. Похоронен в Кашине [5]. М.И. Воротынскому – воспитателю, который в XVI веке являлся для России тем же, кем Г.К. Жуков в XX веке, нет в стране ни одного памятника, не сохранилась даже его могила. Остается надеяться, что когда-нибудь памятник этому замечательному человеку поставят в Новосиле, городе, который он восстановил и который недолго был его столицей.

а также намекало, что человек столь знатного происхождения, таких талантов и достоинств был бы более чем достойно вознагражден, если бы перешел на службу Речи Посполитой, но каждый раз получало от воеводы высокомерный и оскорбительный отказ [8]. Тем не менее в силу своей подозрительности Иван IV ему не доверял: князь М.И. Воротынский был слишком знатен (тоже Рюрикович!), слишком богат, слишком популярен и авторитетен. В начале 1569 года он заставил князя совершить принудительный обмен и отобрал у него приграничный Одоevo-Новосильский удел, предоставив взамен другие земли, да и те кусками в разных уездах: "А что есмь был пожалован князь Михаила... старую его вотчину, городом Одоевым, да городом Новосилью, да городом на Черни, и аз ту вотчину взял (Иван Грозный. – В.Н.) на себя, а князю Михаилу дал есмь в то место вотчину Стародуб Рязановской¹ да в Муромском уезде... волость Машок, да в нижегородском уезде село Княгинино с деревнями"² [9]. Уже в апреле 1569 года в Новосиле вновь находятся государственные воеводы "Микита Ефимевич Салтыков да Левонтий Беклемишев" [10].

Осенью 1571 года под Новосилем появились татары: "А из Новосили писали

² Надо полагать, в текст данной цитаты вкралась ошибка. Никакого острова в городе Чернь нет, и последние слова следует читать как "да острог Чернь".

¹ Городок во Владимирской земле.

² Вероятно, заставив князя М.И. Воротынского совершить столь неравноценный обмен, Иван IV рассчитывал не только отобрать у него, "на всякий случай", приграничный удел, но и оторвать от него верных людей. Князь Воротынский имел около тысячи лично ему преданных бояр, дворян, детей боярских и других служилых людей (одна из крупнейших частновладельческих армий на Московской Руси в это время), владевших землями и поместьями в Новосильском, Одоевском, Воротынском и Перемышльском уездах, и, когда их сюзерен получил новый удел, несомненно, лишь немногие смогли последовать за ним.

князь Андрей Палецкий да Михайло Назарьев сын Глебов, что приходили в Новосиль Крымские люди на посад на утренней заре сентября в 12 день и стояли под Новосилью до вечера, и пошли назад тою же саскою, а по смете их тысяч с шесть или с семь". Новосильские служилые люди сделали вылазку и захватили в плен семерых татар "Алаберде... да Долбасу с товарищи". На допросе в Серпухове пленные сообщили, что хан с сыновьями находится в Крыму и велел своим подданным готовиться к походу на южные окраины Московского государства – "лошеди кормить и запас насти", но пока не ведают, куда конкретно пойдет [11].

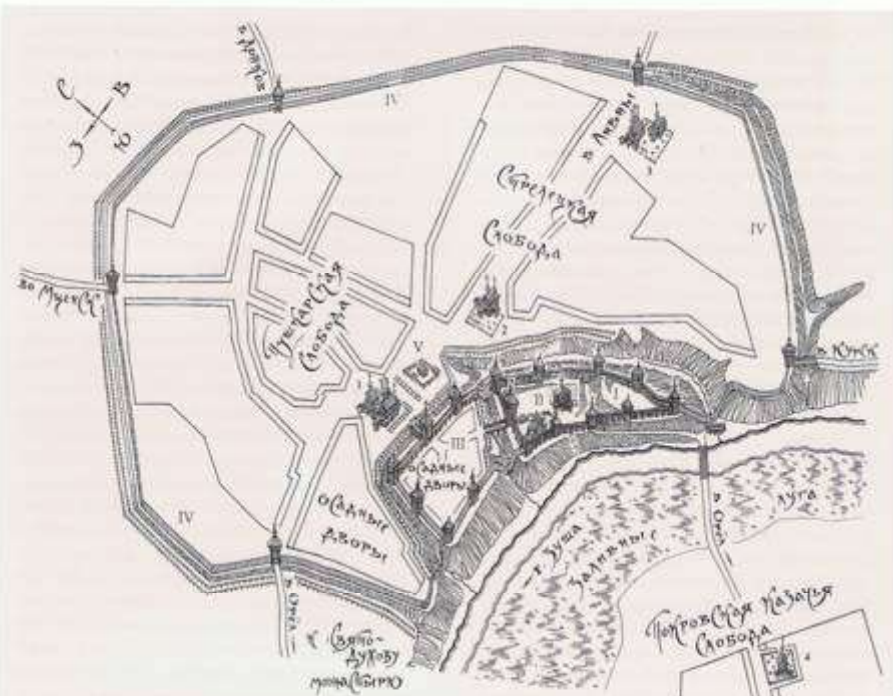
В 1572 году отряд из 450 новосильцев (в том числе 100 казаков с пицалами) в составе передового полка князей Андрея Петровича Хованского и Дмитрия Ивановича Хворостина участвовал в знаменитой битве с ордой хана Девлет-Гирея при Молодах (30 июля – 3 августа). В 1577 году по решению Боярской думы в Новосиле было велено набрать для сторожевой службы 300 казаков. Хотя сумели поверстать лишь немногим более половины – 153 человека, указанное число говорит, что было из кого выбирать. Кроме того, как новонабранным, так и старым казакам увеличили размеры поместий и денежного жалования. В 1581 году в схватке с татарами погиб новосильский воевода Семен Иванович Коркодинов. В 1592 году фортификационные сооружения Новосили были усилены. Их перестройкой руководили Степан Кузьмин и осадный голова Василий Матвеев [12].

В 1598 году крымский хан Казы-Гирей послал своих послов для мирных переговоров с Москвой. Поскольку путь посланников лежал через Новосиль, то местному воеводе указом царя Бориса Годунова было велено показать весь свой гарнизон "при полном параде", а для того, чтобы людей казалось больше, в Новосиль велели привести служилых людей во главе с воеводой Андреем Замытцким из Черни.

Воеводам указывалось: "... выехав встречати крымских посланников со всеми полки, и полки им [п]оказати. А как крымские посланники те города пройдут, и им бы со всеми ратными людьми иттить по своим местам, где хто был".

С 1599 года Новосиль становится местом расположения одного из полков "украинного разряда". Два других полка стояли во Мценске и в Орле.

Описания Новосила второй половины XVI века не дошли до наших дней, но, используя ссылки в более поздних документах XVII века, "как было прежнее", можно попытаться представить облик города в более ранний период его существования, и вот каким он вырисовывается. Планировка Новосила в конце XVI – начале XVII века была традиционна для русских пограничных степных городов. В ее основе лежали три линии укреплений – Рубленый город (кремль), включавший в себя территорию бывшего княжеского детинца и окольного города XII–XIV веков. Периметр стен кремля составлял около 450 сажен (ок. 900 метров). В Рубленом городе помещались Успенский собор, административные и казенные постройки, а также осадные дворы наиболее знатных местных дворян и детей боярских. С северо-западной стороны к кремлю примыкал Малый острог, длина стен которого составляла около 300 сажен (ок. 600 метров). Малый острог также был сплошь застроен осадными дворами. По обеим сторонам улицы от Московских ворот Рубленого города до Проезжих ворот острога тянулись торговые лавки. Здесь же располагался кузнечный ряд. Снаружи от Проезжих ворот находилась площадь с деревянной "клеткой" Никольской церковью с приделом Св. Параскевы Пятницы [13]. Рубленый город и острог полукольцом охватывали посад и слободы служилых людей – Стрелецкая, Пушкарская и Воротничья. Уличная сеть слобод сложилась вдоль Орловской, Мценской, Ливенской и Курской дорог,

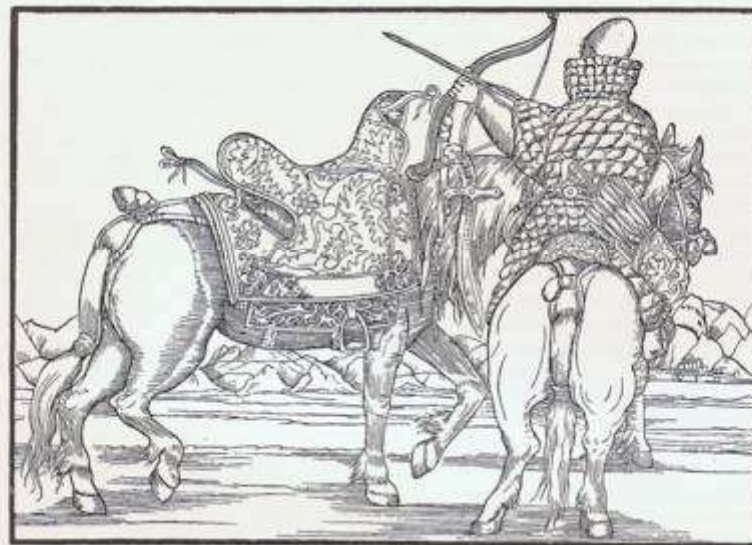
Новосиль во второй половине XVI – начале XVII века (до 1611 года).
Реконструкция автора.

I. Место детинца XII–XIV веков.	1. Св. Николая Чудотворца на посаде.
II. Рубленый город с Успенским собором.	2. Церкви св. Стратотернца Георгия и св. Флора и Лавра в Стрелецкой слободе.
III. Острог.	3. Церковь Рождества св. Иоанна Предтечи в Стрелецкой слободе.
IV. Большой острог.	4. Покрова Пресвятой Богородицы в Казачьей слободе.
V. Торговая площадь ("торговище").
Приходские церкви:	

сходившихся в узел на площади у Проезжих ворот Малого острожка.

Общее количество храмов в Новосиле в конце XVI – начале XVII века, по-видимому, составляло около десятка. Обычно рядом с холодной церковью рубили теплую, что было типично для степных городов в это время (Мценск, Ливны), но уже к середине XVII века их число в городе

сократилось вдвое. Об этом можно судить по тому, что почти все церкви Новосила в XVII веке имели приделы, представлявшие, по-видимому, ранее отдельные, но впоследствии упраздненные храмы. Все городские церкви почти до XVII века были "клевскими". Посад и слободы вместе с садами, огородами и даже частично сельскохозяйственными угодьями "для

Русский помещный конник с заводной (запасной) лошадей.
Гравюра из книги С. Герберштейна. 1556 год.

береженья от приходу воинских людей" подковой охватывал Большой острог общей протяженностью более трех верст (ок. 6 км). Его укрепления состояли из неглубокого рва, вала с частоколом и нескольких проезжих башен с воротами. Возможно, острог был усилен с внутренней стороны тарасами или городнями, а по наружному краю рва – надолбами. Аналогичная конструкция имелась у Большого острога в соседних Ливнах в 1615 году. За пределами городских укреплений в нескольких верстах от города находились Свято-Духов мужской монастырь, Ямская слобода с церковью Св. Дмитрия Солунского и приделом Св. Флора и Лавра, а за рекой Зушей – Покровская Казачья слобода (30 дворов) с одноименной приходской церковью. Слобода располагалась на вероятном пути набега крымских татар и, возможно, имела свою линию укреплений, но весьма слабую, типа плетней или надолб.

Главным "парадным" фасадом Новосила в XVI–XVII веках был южный, степной, обращенный в сторону "Дикого поля", откуда можно было постоянно ожидать набега крымских татар. Акцентируя на нем внимание, древнерусские градостроители старались раскрыть красоту Новосила как города и неприступность его как крепости. Высокий берег реки Зуши служил гигантским постаментом для города. Первыми путника, едущего со стороны Орла, встречали ансамбль Свято-Духова монастыря и Дмитриевская церковь в Ямской слободе, находившиеся слева от дороги, а затем перед ним раскрывалась панорама города на горе и Казачьей слободе с Покровской церковью на низменном берегу Зуши, "на подоле", при впадении в Новосиль. Благодаря небольшому наклону плато, на котором располагался Новосиль, к кромке берега уже издали можно было судить о всей градостроительной

структуре города, поскольку были видны даже те постройки, которые располагались довольно далеко от реки (например, полевые укрепления Большого острога). Застройка Новосила была вытянута вдоль Зупши и рассчитана на обозрение с ее стороны. Центром его почти симметричной градостроительной композиции был девяти- или десятибашенный дубовый Рубленый город. Его приречный фасад имел 5 башен, на них центральная являлась проезжей, за ней виднелись верх Успенского собора и шатры остальных башен. К Рубленому городу с двух сторон примыкали укрепления посадов, из-за которых выглядывали главы стоящих по сторонам от кремля Никольской и Георгиевской церквей. Главенствующее положение в застройке города занимали оборонительные сооружения, в то время как храмы из-за своей конструкции – «древяны клетки» – и малочисленности играли в ситуации города второстепенную роль. Сколько было башен в Малом и в Большом острогах, неизвестно, можно предположить, что около десятка. Таким образом, общее число башен, высившихся на земляных валах Рубленого города, Малого и Большого острогов, составляло около двадцати или немногим более того.

После вторжения в пределы Московского государства 13 октября 1604 года Лжедмитрия I царь Борис Годунов направил против него крупную армию, в состав которой входило много служилых людей из «украинных» городов, в том числе и из Новосила: в Сторожевом полку воевод Ивана Ивановича Годунова и князя Михаила Самсоновича Туренина – 30 стрельцов и 128 пеших новосильцев с пищалями, а также даточные люди: осадного головы Неустрой Мокеева – 4 человека конных и губного старосты Суворова Головина – 1 человек конный. Кроме того, в Передовом полку боярина Василия Васильевича Голицына было «из Новосила с сотником

Русские костюмы начала XVII века (1600–1614 гг.)
Иностранная гравюра. Прорись автора.

60 чел. казаков конных» [14]. Двадцать первого января 1605 года русская армия под верховным командованием воевод Ф.И. Мстиславского, В.И. и Д.И. Шуйских нанесла самозванцу решающее поражение под Добрыничами близ Севска. Впрочем, это не помешало Лжедмитрию I вскоре после приснопамятных событий под Кромами занять царский трон.

Летом 1606 года на южной окраине Московского государства вспыхнуло восстание под предводительством И.И. Болотникова. По указу царя Василия Шуйского против перешедших на сторону повстанцев городов Крома и Ельца двинулись главные силы царской рати. В частности, на Елец были направлены: «...в Болшом полку из Мценска боярин князь Иван Михайлович Воротынский да околничей Михайло Михайлович Кривой-Салтыков; да в Болшом же полку сходные воеводы:

не Переславля Резанкова боярин князь Василий Корданукович Черкасской да Григорей Федоров сын Сунбулов, да из Серпухова из Болшова полку боярин князь Михайло Федорович Кашин. В Передовом полку из Новосила околничей Михайло Борисович Шенн¹ да боярин Григорей Федорович Нагой». Полки князя И.М. Воротынского уже стояли под Ельцом, когда в Новосиль вступил подошедший из Серпухова полк боярина князя М.Ф. Кашина. Здесь в августе 1606 года присланный царем Василием Шуйским стольник князь Юрий Дмитриевич Хворостинин устроил смотр ратникам, после чего они покинули город и двинулись к Ельцу, который стойко оборонялся. Царские воеводы «стояху под градом, ничего не возмогша сотворити граду». Тем временем начались волнения в Новосиле, и для предупреждения возможного восстания туда из-под Ельца срочно направили полк воеводы М.Ф. Кашина, но он опоздал, ворота города оказались закрытыми: «И князь Михаила в Новосиль не пустили, а целовали крест вору, кой назвался царем Дмитрием: и князь Михайло пришел на Тулу» [15]. Подошедшие к Ельцу свежие силы восставших во главе с Истомой Пашковым нанесли правительственным войскам полное поражение, вынудив И.М. Воротынского оперативно снять осаду и начать отступление

¹ Первоначально М.Б. Шенн был воеводой в Ливнах, но там вспыхнуло восстание, и будущий герой обороны Смоленска в Ливен едва «утек душкою да телом, а животою (имущество. – В.Н.) его и дворянские пограбили».

к Туле, в ходе которого деморализованная армия почти полностью разбежалась.

В 1611 году Новосиль был взят и разграблен литовцами и украинскими казаками – черкасами. Захватчики сожгли и пригородный Свято-Духов монастырь, а монастырские колокола увезли с собой [16]. В 1613 году проходивший через Новосильский уезд казачий атаман Иван Заруцкий разорил здесь несколько дворянских имений и деревень, после чего ушел далее к Ливнам.

В августе 1615 года 200 служилых людей из Новосила и Черни, в том числе 100 казаков, в составе полка воеводы Степана Исленьева, входившего в рать князя Д.М. Пожарского бились с отрядом литовского полковника Александра Лисовского на Царевом Броду под Орлом [17].

Не оставляли в покое уезд и крымские татары. Новосильские воеводы не раз посылали за ними в погоню служилых людей и между русскими ратниками и крымцами происходили «бои многие». Так в августе 1617 года головы с сотнями натолкнулись в Черном уезде в деревне Дубны на татар, возвращавшихся из набега на Крапивенский уезд. Новосильцы татар частью побили, частью разогнали, захватили языков и освободили русский полон [18]. Первого декабря 1618 года между Московским государством и Речью Посполитой было заключено Деулинское перемирие, ознаменовавшее окончание того кровавого периода русской истории, который уже современники назовут Смутой.

НОВОСИЛЬ ПОСЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ. 1618–1700 годы

“Город Новосиль. Острог в длину 90 сажен, а попереk у Московских ворот 70 сажен, а у Водяных ворот попереk города 40 сажен, и всего города кругом двести девенсто сажен. Две башни проезжие, шесть глухих...”

Смотренная книга города Новосила воеводы Григория Андреевича Шаховского. 25 ноября 1642 года [1].

Предетанить облик Новосила после “литовского и черкасского разорения” 1611 года можно по материалам Дозорной книги писца Петра Есипова и подьячего Венедикта Махова, составленной в 1614–1615 годах. Город к этому времени уже отстроился, но далеко не полностью. Крепость еще не срубили, и на городище стоял только деревянный Успенский собор, а также три двора соборных попов – Ивана, Максима, Афанасия и 9 осадных дворов детей боярских и дворян, в том числе дворян-стольников князей Юрия Дмитриевича и Ивана Андреевича Хворостинных¹.

¹ Хворостинин Юрий Дмитриевич – князь, дворянин московский, младший из трех сыновей боярина князя Д.И. Хворостинина. В правление польского королевича Владислава отправлен на воеводство в Рославль, а после прихода отцу последнего Сигизмунду III Ваза получил должность начальника Пушкарского приказа. Верноподданническое отношение к полякам отрицательно сказалось на судьбе Юрия Дмитриевича после восхождения на престол Михаила Федоровича, что вынудило его в 1638 году постричься в монахи. Умер он в 1639 году, оставив единственного сына – Федора [2].

На посаде в бывшем Большом остроге на городском “торговище” были поставлены “лавки и столы ново на старых местех”, за которыми торговали местные служилые

Хворостинин-Старковский Иван Андреевич – князь “летописец” (автор труда “Словеса дней и царей и свитителей московских, еже ест в России”, сочиненного около 1619–1624 годов), воевода, единственный сын околотничего А.И. Хворостинина-Юрло. В 1606 году служил околотничим и крамчим при дворе Лжедмитрия I, где обзавелся с поляками, выучился латыни, начал читать латинские книги и заразился католическим мировосприятием. После убийства Лжедмитрия царь Василий Шуйский за близость к самозванцу и за “еретичество” отправил его на покаяние в Иосифо-Волоколамский монастырь, откуда он вернулся в Москву уже совсем озлобленным и погибшим для православия, впав в вольнодумство, отвергал молитву и веру в воскресение мертвых. Вместе с тем он был весьма начитан, выступал знатоком церковной истории и неуловимым полемистом, но его откровенное презрение к оппонентам – “в разуме себе в версту не поставил никого” – отталкивало от него людей. Современники считали его человеком самоуверенным, надменным и дерзким.

Военная служба князя была не слишком продолжительна. В 1613 году царь Михаил Федорович послал его воеводой во Мценск, откуда он должен был выступить к Мещовску и вместе с князем А. Хованским “промышлять” над сплотившимся

и “жилецкие” люди: лавка Тереха Чеботара, лавка стрельцов Семена Азарова да Игната Тимофеева, лавка казака Мишутина и другие, всего 7 лавок и столько же прилавок. Надо полагать, что до Смуты новосильский торг был гораздо более обширным и многолюдным.

Здесь же, на площади, находился “д[вор] кабацкой, а на дворе изба да анбар, а в анбаре погреб, а держат тот кабак да навасилскую тамгу на дв[о]ре целовальники”. Кроме того, здесь стояла деревянная клетская церковь Св. Николы Чудотворца с двором попа Кирилла и двумя кельями на погосте, где жили проsvирница и пономарь. В ее приходе находились 14 осадных дворов детей боярских.

В стороне располагались две слободы – Пушкарская и Стрелецкая. В Пушкарской слободе числилось 11 дворов пушкарских, 11 затинщниковых, 6 воротничьих “да двор кузнецов”. В Стрелецкой слободе имелись три церкви, из них только одна была действующей – Георгиевская. Две другие – ветхая Свв. Флора и Лавра, а также Рождества Иоанна Предтечи – стояли

там литовцами, но князь Иван фактически провалил поход, расстроившись с князем Хованским. В 1614 году князь Хворостинин-Старковский командовал сторожевым полком в Новосиле “для приходу крымских и ногайских людей”. В 1618 году он воеводствовал в Переяславле-Рязанском. Во время похода гетмана П. Конашевича-Сагайдачного запорожцы сожгли городские посады и слободы, но крепость, где заселился Хворостинин, взять не сумели, за что он был пожалован серебряным кубком и шубой стоимостью 160 рублей. На этом его военная карьера заканчивается.

Со временем из-за резкого неприятия канонов Русской православной церкви и традиций московской жизни того времени князь все более и более впадает в “еретичество”. Он пынствовал в православные праздники, держал у себя католические иконы и богослужебные книги, сам ходил и запрещал своим дворянам посещать церковь. Благодаря подобному образу жизни он оказался в полном одиночестве и от тоски решил бежать на Запад, для чего начал предпринимать конкретные действия. Но в 1623 году он был арестован, католические иконы и его личные записки с “хулой и укоризной” по поводу православной обрядности и русского образа жизни у него конфисковали, а самого князя

“без пеня” с 1610–1611 годов. Рядом с последним храмом лежали три пустых дворовых места – поща, пономаря и проскурицы. Всего в Стрелецкой слободе насчитывалось дворов: “один двор пятидесятников, да четыре двора десятниковых, да 43 двора рядовых стрелцов, а людей в них тож, да два места выбылых стрелцов”.

Из всех Новосильских слобод к этому времени еще не возродилась Ямская слобода, разгромленная в 1611 году, где ранее находилось 30 дворов: “А те ямские слободы охотники ... от войны от литовских людей побиты, а иные померли, а иные разбрелися безвесно” [5].

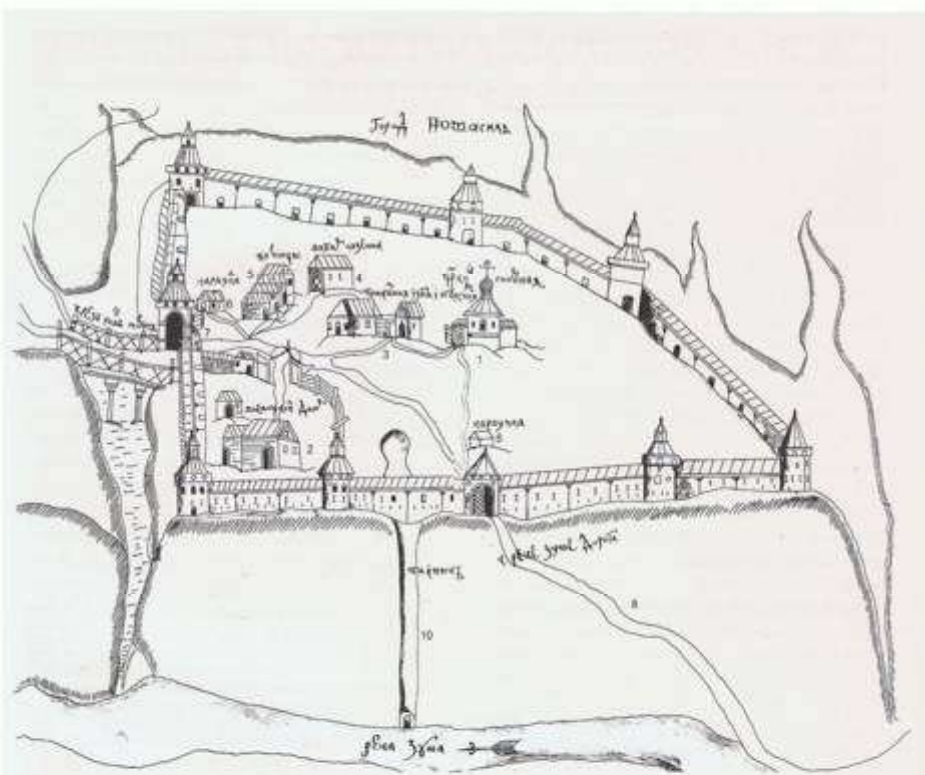
С юго-восточной стороны Новосиль полукольцом опоясывали Казачьи слободы. Они располагались вдоль реки Зуши под Большим Новосильским лесом, перекрывая места возможных татарских переправ. Всего их было семь. Первой их них была Казачья слобода напротив самого города (сейчас Заречье). Здесь стояла клетская Покровская церковь² и находились 39 дворов, “а людей в них тож, да 2 м[еста] дворовых выбылых казаков”.

сослал в Кирилло-Белозерский монастырь. Суровые условия содержания быстро заставили его покаяться, и уже в следующем году он получил полное прощение и был возвращен ко двору. Скончался князь 28 февраля 1625 года, приняв перед смертью монашество с именем Иосифа.

По словам С.Ф. Платонова, “... это был своеобразный русский вольнодумец на католической подкладке, прогнувшийся глубокой антипатией к византийско-церковной черствой обрядности и ко всей русской жизни, его пропитанной, – отдаленный духовный предок Чаадаева” [3].

В Новосильском уезде оба князя Хворостинины – Юрий Дмитриевич и Иван Андреевич имели довольно значительные вотчины, в частности, им принадлежало село Малые Вязи, половиной которого владел каждый из них. Кроме того, после “литовского разорения” Новосила в 1611 году князь Юрий Хворостинин захватил рыбные ловли на реке Зуше и деревню Поповицну. Азубову тож, принадлежавшие городскому Успенскому собору, которыми владел “несведомо почему” [4].

² Кирпичная Покровская церковь, построенная в 1801 году в Заречье вместо обветшавшей деревянной, сохранилась до наших дней в руинированном состоянии.

Чертеж Новосильской крепости. Конец XVII века.
РГАВМФ. Прорис автор. Надписи на чертеже: "Город Новосиль.
Противу того рисунка который из во[енной] коллегии взят зделан."

1. Церковь соборная.	6. Караулка.
2. Воеводской двор.	7. Ворота Грацкия.
3. Приказная изба и тюремная.	8. К реке Зуше дорога.
4. Анбар казенной.	9. Через ров мост.
5. Житницы.	10. Тайник ¹ .

Цифровые размеры прясел стен автором опущены.

Улица русского города. Гравюра из книги Адама Олеария. 1640-е годы.

Следующей являлась Шенна слобода на Шенном верху, с деревянной церковью Михаила Архангела, поповским двором, кельей пономаря и 47 казачьими дворами. Затем шли слободы Косарева с 11 казачьими дворами; Воротынцова (Воротынцева) с 15-ю дворами²; Былинная на Былинском городище³ с деревянной церковью Св. Никиты Мученика, перевесенной сюда из слободы Строганец из опасения "татарской войны". Здесь насчитывалось

16 казачьих дворов. И наконец, слобода Санкова с 20-ю дворами и слобода Строганец, также с 20-ю дворами [6].

Новосильскую крепость срубили заново между 1615–1625 годами, тем не менее из-за значительной убыли населения и трудностей со строительным лесом, обычных для степных городов, облик города весьма отличался от того, какой он имел до "литовского разорения". Укрепления кремля стали гораздо слабее, вместо прочной и мощной стены из городен, бывшей здесь ранее, возвели острог, правда, усиленный обламами и кроватями. Сократились и его размеры: самую оконечность мыса, ранее входившую в состав крепости,

¹ Слобода располагалась напротив покоснутого дремлерусского города Старого Воротынского, сейчас село Воротынцено Новосильского района.

² Вероятно, под Былинным городищем подразумевается сохранившееся городище у деревни Мужиково.

отделили от его территории, поставив поперечную стену. Это объяснялось тем, что противоположный берег оврага несколько возвышался над крепостной стеной, что давало возможность неприятелю поверх оборонительной ограды обстреливать защитников, стоящих у бойниц противоположной стены. Онисим Михайлов в своем труде "Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки" (1621 год) писал, что при закладке города или крепости следует посмотреть, нет ли близко места будущего строительства гор, или холмов, или курганов высоких, или "иннова високова места", и предупреждал, "чтоб выше города вершины ни которые не было" [7]. Поэтому при восстановлении Новосильской крепости сочли за лучшее отодвинуть крепостную стену повыше, пожертвовав частью территории кремля. Подобный прием отсечения более низкой части мыса или холма для удобства обороны известен во многих русских крепостях (Орел, Олонек, Болхов, Курмыш и другие).

Тем не менее это решение было не очень удачным: во-первых, значительно уменьшилась территория крепости, воевода жаловался, что в осадное время "уездным людям в город не поместится", во-вторых, покинутое место на оконечности мыса (его размеры составляли 30x40x30 сажен) могло служить прекрасным плацдармом для неприятеля, а крутые склоны горы скрывали от глаз защитников его осадные работы. Кроме того, напротив мыса находился Зареченский брод, через который "хаживал под Новосиль[ь] кр[им]-[ской царь] и царевичи", а накрыть его прицельным огнем из-за дальности расстояния было трудно.

Новосильцы подали челобитную о присоединении "выметного рукава" к крепости, оно было удовлетворено, и летом 1642 года воевода Федор Матвеевич Плещеев огородил мыс рубленой стеной,

а на самой его оконечности поставил новую Наугольную башню, "что против Зарачунского броду". Её высота составляла до уровня кровли шесть с половиной сажен (почти 14 метров), а с учетом шатровой крыши не менее 20 метров, в результате противоположный, несколько более высокий берег оврага защитникам был уже не страшен. Примыкавшие к кремлю с северной стороны укрепления Малого острога, от которого еще сохранились ров и вал, так больше никогда и не были остроены. Вместо Большого острога по линии полуосыпавшихся рвов поставили надолбы. Но из-за отсутствия достаточного количества людей оборонять во время татарских набегов эту весьма протяженную линию укреплений было тяжело, что вызывало жалобы жителей и просьбы перенести надолбы поближе к посадским дворам [8]. Свято-Духов монастырь и все городские храмы были восстановлены, но их количество, по-видимому, уменьшилось вдвое за счет упразднения парных церквей.

Облик города этого времени можно представить по Переписной книге 1625–1626 годов писца Константина Пущина и подьячего Бориса Иванова. Согласно ей, кремль в это время уже был восстановлен. Внутри крепости стоял деревянный Успенский собор с кладбищем, "а в церкви Вожия милосердия образ Успения Пречистой Богородицы, месной, да на престоле Пречистая Богородица, двери царские, над дверми деисус на празелени (на зеленом фоне. – В.Н.), строения распоя Олферья". При храме висели два колокола, пожалованные ему царем Михаилом Федоровичем. Кроме собора в кремле находились съезжая изба, три хлебные житницы, казенный пороховой погреб, воеводский двор, губная изба и караульная изба у ворот. Остальную территорию крепости занимали осадные дворы новосильских дворян и детей боярских:

князей Ивана и Юрия Хворостинных, Прокофия Воейкова и других (всего восемь дворов), но позднее из-за "городовой тесноты" и ради пожарной безопасности их перенесли из кремля на посаде.

Бывший Малый острог также был застроен осадными дворами: стольника Андрея Артемьевича Измайлова, осадного головы Кирия Головина, Федора Нащокина и прочих (всего 46 дворов), где проживали их дворняжки. Здесь же находились четыре двора Успенского причта, который к тому времени выселили из кремля.

Вдоль улицы, пересекавшей Малый острог, стояли лавки, принадлежавшие местным стрельцам, пушкарям, ямщикам и другим жителям (всего 14 лавок). "По стороне тех лавок" располагались полки (прилавки) и столы, "а на них торгуют хлебы и колачи и рыбою и мясом и маслом" (6 полок и 7 столов). Кроме того, здесь же торговали "на санях и на телегах солью всякие жилецкие люди". Всего таких торговцев насчитывалось 9 человек. Имелся и гончарный ряд (21 гончар), где продавали свою продукцию по большей части местные казаки. Ну и, наконец, кузнечный ряд – 9 кузниц.

На площади вне рва и вала Малого острога стояла деревянная церковь Св. Николая Чудотворца, при которой находились четыре двора церковного причта.

Прямо напротив кремля, за оврагом, высилась деревянная же церковь Св. Ильи с приделом Св. Флора и Лавра "попа Илья строеня" с кладбищем.

В Стрелецкой слободе находилась деревянная церковь Св. Великомученика Георгия, "попово и м[о]на[сты]рское строение". Колоколов в отличие от других храмов у нее не было, их заменяла "клепа железная". На церковной земле располагались кладбище, два поповских двора и столько же дворов поповых бобылей.

За рекой Зушей в Казачьей слободе стояла церковь Покрова Богородицы,

при которой кроме кладбища были дворы поповский, пономарский и четыре двора бобыльских.

Число стрельцких, казачьих, пушкарских и прочих дворов города в Переписной книге 1625–1626 годов не указано.

Как и в предыдущем столетии, Новосиль в XVII веке неоднократно подвергался татарским набегам (1625, 1628, 1632–1637, 1639, 1659). Вот краткая хроника наиболее крупных из них. Летом 1625 года большие силы татар появились в Черском, Ливенском и Новосильском уездах. Новосильский воевода князь И. Катырев-Ростовский послал в "подъезд" служилых людей, которые обнаружили татарский стан в верховьях реки Красной Мечи на Муравском шляхе. Воевода, стоявший с ратными людьми в 30 верстах, долго собирался и сумел упустить татар, снявшихся с привала и ушедших до подхода ратников, за что получил царский выговор за "мешкоту" и "нерадивость" [9].

В 1628 году пятисотенный татарский отряд действовал в Ливенском и в Новосильском уездах, но в 50 верстах от Ливен на реке Хвошине (Фощине) был разбит ливенскими служилыми людьми во главе с товарищем воеводы И. Рагозиным и казачьими головами Р. Каширяниновым и И. Павловым. Только убитыми крымцы потеряли 57 человек и лишились всего захваченного полона [10]¹.

В 1632 году десятитысячная татарская рать окружила и штурмовала Новосиль, но взять его не смогла. В то же время распущенные "згонные" отряды опустошили часть Мценского и большую часть Новосильского уездов. Осадив Новосиль, татары помешали местному ополчению сосредоточиться в нем, и уездным ратным

¹ По другим данным, в походе участвовали 120 малых ногтев во главе с Ширалей-мурзой, из них назад вернулись едва ли 20 человек, и 300 азовцев, из которых погибла и попала в плен почти половина [11].

людям пришлось принять бой в деревне Вяжи, имени думного дьяка И.А. Гавренева, куда сбежалось около двух тысяч человек населения¹. Бой был проигран, татары сожгли Вяжи и, забрав пленных, стали отходить [12]. Получив известие о вторжении татар, к Новосилью из Мценска выступил воевода И.М. Вельяминов со служилыми людьми. Шестого августа он нанес поражение крымцам у деревни Высокой, отбив 2700 человек мценского и новосильского полена. В тот же день он разбил двухтысячный татарский отряд у деревни Лыковой, после чего татары поспешно покинули Новосильский уезд. Одиннадцатого сентября в уезде появилась татарская сотня, захватившая полон на Остроганце, но при отходе ее настиг отряд новосильцев во главе с П. Глотовым, посланный воеводой И.М. Вельяминовым. Татар разогнали, а 88 человек русского полена освободили [13]. Двадцать девятого апреля 1633 года у Новосила вновь появились “татарове многие люди”. Высланные Чаадаем Спешневым головы с сотнями “многих татар побили” и взяли 6 языков [14]. Летом 1634 года к городу подошел пятитысячный татарский отряд, который после нескольких стычек ушел дальше на Чернь. Десятого августа мценский воевода Д. Колтовский разбил татарские отряды у деревни Лыковой и в Новосильском уезде на устье речки Колпны.

¹ В Вяжах укрылось население из деревень: Гилловоды, Одиноки, Глушки (владение Шаровкина монастыря), Городиловой, Кулиги, Глазковой, Тишесовой (Кирея Головина), Жашковой, Жердевой, Казначесовой (Троице-Сергиева монастыря), Толстелковой, Челюковой, Вешки Верхние и селцы: Степановского, Игумново (Свято-Духова монастыря) и Бедьково [15].

² Позднее новосильский воевода Иван Полтев оправдывал большие потери среди населения уезда непокорством местных казаков и служилых людей, которые не пошли в крепость, надеясь отбиться от татар в своих деревнях: “А козакы, [госуд]д[ар]я, сидели от татар по д[е]р[е]вням сомоволством, тем жон и детей своих потеряли...”, хотя из тех же Вяжей до Новосила можно было добраться пешком часа за полтора, “от Вяжей до города все лес” [16].

В сражении отличились новосильцы С. Росципин, Ф. Житкой, В. Головин, А. Данилов и другие [17]. В августе 1635 года в Новосильском уезде в очередной раз появились татары. На реке Зуше при устье Колпны ратные люди навязали им бой и отбили 326 русских пленных.

Для того чтобы обезопасить городские посады и слободы от татарских набегов, новосильцы в 1636 году при воеводе Дмитрие Сеитове поставили по трассе стен бывшего Большого острога, сожженного в годы Смуты, вдоль полуосыпавшегося рва, новые надолбы [13]. Работы провели весьма вовремя, тем не менее, как показали дальнейшие события, легкие полевые укрепления не смогли заменить более капитальную деревянную стену, стоявшую здесь ранее.

В сентябре 1637 года в Новосильский уезд вторглось большое татарское войско во главе царевичем Сафат-Гиреем. Девятнадцатого сентября передовые отряды татар и ногайцев подошли к городу. Новосильский воевода князь Андрей Несвицкий послал против них голову Наума Кирилова “с товарищи, а с ним дворян и детей боярских и рамоновских (романовских. – В.Н.) татар и мурз”¹, которые дали им бой в Казачьей слободе в Заречье. Ночью татары попытались атаковать посад, “и он князь Андрей, и ратные люди с теми с крымскими и с нагайскими людьми и азовцы билися и посадов жечи не дали” [19]. Двадцать первого сентября к Новосилью с главными силами подошел сам Сафат-Гирей, и без того значительное численное превосходство татар стало подавляющим. Тысячные лавы татар обрушились на окружавшую город трехверстную линию надолб, которую защищали всего несколько сотен новосильцев, и после ожесточенного боя прорвали ее. Новосильским служилым пришлось пробиваться к городу сквозь их толпы с большими потерями,

¹ Татары и мурзы из города Романова из Волге, находившиеся на русской службе.

Русские крестьяне.
Западноевропейская гравюра XVIII века.

причем одна пушка осталась в руках татар¹. Остановить крымцев удалось только в свирепом бою на посадских улицах и огородах. Татары четыре дня пытались взять Новосиль, атакуя “большими и жестокими приступы”, сильно опустошили уезд и сожгли Свято-Духов монастырь. Всего крымцы увели в полон 1275 человек (едва ли не две трети населения уезда), в том числе из вотчин Свято-Духова монастыря – 270 человек [20]. Но и татарам добыча досталась недешево, многие из них погибли в боях, а семеро татар и ногайцев попали в плен при штурме Новосила. Не обошлось и без перебежчиков. На “государво имя” 22 сентября приехал татарин Болдыр Чюра, а 29 сентября перебежал Болдыр Тевриз, причем, что самое интересное, один из них оказался русским, а другой – литвином. Бывший Болдыр Чюра в

¹ В 1639 году новосильцы жаловались в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу на малочисленность и на отдаленность от города надолб: “И в прошлом, государь, в 146-м (1637. – В.Н.) году, как приходил крымский царевич Народын сз многими крымскими и ногайскими людьми... и о тех, государь, надолбах держать было не с кем, людей было мало”, а также просили разрешения переставить надолбы поближе к городу [21].

малых годах попал в плен в Цареве-Борисове, служил у начальника геделевского (современная Евпатория) гарнизона Сюлемень Челибея. Вместе с ним он отправился в поход на Московское государство и при первом же удобном случае сбежал. Болдыр Тевриз происходил “из литовския стороны из города Львова”. Он также в малолетнем возрасте с матерью попал в полон и прожил у некоего татарина в Крыму около 20 лет. При известии о походе он присоединился к татарам, а потом удрал от них. Перебежчики сообщили много ценных сведений о намерениях татар, и их отправили в Москву [22].

В 1639 году 21–22 сентября татары во главе с ханом снова безуспешно осаждали Новосиль. В бою с ними отличился юный сын боярский Митька Боркалов, зарубивший двоих татар. Но и ему досталось: татары сбросили сына боярского с коня, а один из них рассек саблей Боркалову бровь. Новосильский воевода отписал о его подвиге в Разряд, и через некоторое время мальчишка отправился в Москву за заслуженной наградой [23].

В том же году было решено усилить гарнизон Новосила за счет черкас – украинских казаков, массово переселившихся в это время из Речи Посполитой в пределы Русского государства. Наряду с Орлом, Кромами, Ливнами и другими городами в качестве места их возможного расселения был выбран и Новосиль, куда было указано направить большую группу запорожских черкас – 40 человек “з женами, и з детьми, и со всеми их животы (имуществом. – В.Н.)”, а также наделить их “дворовыми и огородными месты, и пашнею, и санными покосы, и всякими угоды” [24]. Путивльскому воеводе Григорию Пушкину царским указом велелось для сопровождения переселенцев и “для береженья с теми черкасы до Орла и до Новосила послать бы еси по сыну боярскому по доброму и приказал детям боярским, чтоб они с черкасы в дороге и в селех, и

Русские женщины.
Западноевропейская гравюра XVII века.

в деревнях никою не били и не грабили, и иново никакова дурна никому не учинили. Да и того велел бы еси детям боярским оберегати, чтоб черкасом потому ж никаково дурна ни от ново в дороге и на ставнях (привалах. – В.Н.) не учинилось" [25].

В свою очередь от новосильского воеводы Григория Шаховского требовалось: "Над теми черкасы ... смотрети и беречи накрепко, чтоб они в Новосили на вечное житье строились, и указную свою пашню пахали и хлеб сеяли. А которые черкасы учнут огурятца (дурить. – В.Н.), за леностью пашни пахать и хлеба сеять не учнут, и ты б тем черкасом велел пашню пахать и хлеб сеять, и в неволю не з большою жесточью, и привет и ласку, и бережанье к черкасом держал, смотря по тамошнему же делу" [26]. На первых порах, пока украинцы отстроятся, воеводе рекомендовалось разместить их у местных, "у ково пригон".

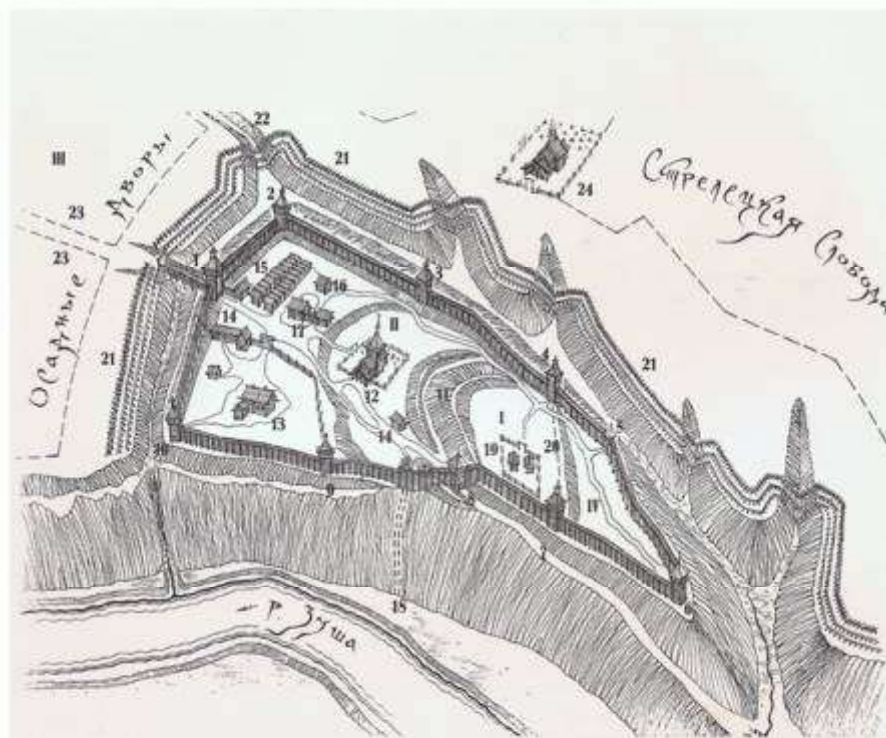
Тем не менее в Новосиле украинцам по какой-то причине не понравилось, и их пребывание в городе было довольно кратковременным, вероятно, последние из них покинули Новосиль в 1641 году. По их желанию казакам царским указом было

разрешено переселиться в Кромы, где образовалась большая украинская община, известная и сейчас под названием Черкасской слободы [27].

В начале августа 1659 года Новосильский уезд подвергся очередному нападению крымских татар и мятежных украинских казаков. Они жестокими приступами атаковали город и выжгли часть посада и слобод, но крепость устояла. Крымцы опустошили уезд, угнав в плен 1424 человека мужского пола и 1894 – женского, зарубили 25 человек и сожгли 532 двора [28]. Многие новосильские дворяне и дети боярские оказались разорены, лишившись не только своих поместий, но и семей. Например, Иван Нефедов, служивший в копейной роте полка окольного князя Г.Г. Ромодановского и участвовавший в несчастливом для русского воинства сражении при Конотопе (28 июня 1659 года), писал в своей челобитной царю Алексею Михайловичу: "В те поры у меня крымские люди женишек и детишек в полон побрали, да у меня ж людийшек (челядь. – В.Н.) и крестьянишек крымские люди в полон взяли 17 ч. И домишко все без остатку выжгли". Ведяга просил денежного пособия на "дворовое строение", и ему выплатили 5 рублей [29]. Это было последнее вторжение крымских татар в Новосильский уезд.

Впрочем, хотя у стен города татары более не появлялись, тем не менее еще около полувека новосильская крепость оставалась в числе действующих. Для этого были все основания.

Например, в 1670–1671 годах, во время восстания Степана Разина, в Новосильском и соседних уездах появились многочисленные шайки "воровских казаков" из числа повстанцев. Один из таких отрядов, насчитывавший более 40 человек, 2 октября 1670 года разграбил село Новое Гольское Ефремовского уезда, забрав у местных жителей "платья и лошадей и всякую скотину". Потом мятежников потянуло на сладкое: они опустошили насеку

Новосильская крепость в XVII веке. Реконструкция автора.

- I. Детинец XII–XIV веков.
- II. Рубленый город XVI–XVII веков.
- III. Острог XVI века.
- IV. "Выметной рукав" – территория, охваченная в состав крепости в 1645 году.
- Вашни Рубленого города.
- 1. Московские ворота.
- 2. Наугольная.
- 3. Пречистенская.
- 4. Петровская.
- 5. Отвод (бык).
- 6. Наугольная нижняя в рукаве (над Зареченским бродом).
- 7. Покровская.
- 8. Водяные нижние ворота.
- 9. Глухая нижняя.
- 10. Наугольная нижняя.

- Прочие постройки и сооружения:
- 11. Вал детинца XII–XIV веков.
- 12. Успенский собор.
- 13. Воеводский двор.
- 14. Караульные избы.
- 15. Казенные государевы житницы.
- 16. Казенный амбар с пороховым погребом.
- 17. Приказная изба и тюрьма.
- 18. Тайник.
- 19. Двор стрелецкого и казачьего головы.
- 20. Трасса стены крепости до 1645 года.
- 21. Надолбы и чистик.
- 22. Ров и вал острога XVI века.
- 23. Торговые лавки, полки и столы.
- 24. Ильинский женский монастырь.

Вид на Новосильский кремль из-за Градского оврага (с юго-восточной стороны).
Последняя четверть XVII века. Реконструкция автора.

и прихватили с собой, чтоб не скучно было, здешних женщин и девок. Узнав о появлении в уезде разинцев, ефремовский воевода Тимофей Зыбин выслал в погоню отряд стрельцов, казаков и драгун под началом стрелецкого и казачьего головы Ивана Лаврентьевича Замитина. Тот настиг грабителей 4 октября в Новосильском уезде на "Лакотнах", разгромил их и отнял пленных женщин. После чего гнался за остатками банды Муравским шляхом до речки Сосны еще пять дней, но за реку уже не пошел, "затем, что с ним [было] малоллюдно".

Деревянные крепостные сооружения Новосильского кремля со временем ветшали и нуждались в постоянном ремонте. При воеводе Павле Неклюдове стали заново ставить стену от реки Зуши,

но так и не доделали. Воевода Иван Ларионович Пятово в свой отписке от 10 июня 1672 года доносил: "И город Новосиль городовая и острожная стена обламы и кровати и лесницы обгнили и тайник обвалился и в городе съезжен изба и тюрьма згнила же и двор, где я, холоп твой, ... живу – избы розвалились и згнили ж, жить мне, холопу твоему, не в чем, а в городе в приход воинских людей сидеть в осадно время не надежно" [30]. Тридцатого января 1673 года ему выслали указную грамоту с разрешением на производство необходимых работ.

Тем не менее воевода за ремонт так и не принялся, когда же в Пушкарском приказе в 1675 году предприняли служебное расследование, то из расспроса новосильских дворян Микифора Петрова,

Вид на Новосильский кремль из-за реки Зуши. Последняя треть XVII века.
Реконструкция автора.

Константина Лазарева и Сергея Ивановича Шабанова выяснили, что "в Новосили воевода Андрей Пятово лежит болен другой год, отнялис[ь] у него рука да нога и язмок не владеет, говорит худо, города Новосили делать не починал и по сие время" [31].

Вновь вопрос о ремонте крепостных сооружений был поднят в 1678 году: "новосилцы дворяне и дети боярския и новосильския ж стрельцы и козаки пятидесятники и десятники и редовая и пушкари и воротники и посадекия люди и помещиковы и вотчишниковы прокащики старосты и целовальники и крестьяне", обратились к воеводе Алексею Мишкову, указав, что грамота о разрешении произвести строительные работы, адресованная на его имя,

уже лежит в приказной избе. Аксен Мишков оказался дельным воеводой, весной 1678 года под его руководством старые стены сломали и заменили их "рубленным городом", недостроенные участки укреплений доделали и накрыли тесовой кровлей, прошитой "гвоздьем железным". В общем, "в осадное время в новой крепости "просидет[ь] будет мочно и над[е]жно и водою тайником к реке Зуши ходи[ть] и будет не скудно" [32].

К сожалению, в многочисленных росписных и сметных списках Новосильской крепости [33], составленных в XVII – начале XVIII века, указаны только размеры крепостных башен и расстояние их по стене друг от друга, но не сообщается ничего об их конструкции.

Известна лишь высота одной из башен – угловой Зареченской. Другие башни, особенно те, которые имели дозорные вышки, были, по-видимому, еще выше. Одной из самых высоких башен Рубленого города являлась проезжая Московская, увенчанная дозорной вышкой с вестовым колоколом. Над ее воротным проездом снаружи висел “образ Спасов”, а внутри – “Владимирской Богородицы”, “на них оклады и венцы серебряные” [34]. Для водоснабжения крепости служил подземный ход – тайник длиной 45 сажен к роднику на берегу реки Зуши. Укрепления кремля усиливали честики (деревянные ежи) и надолбы, поставленные на внешней стороне рва и окружавших крепость оврагов [35].

Ценным дополнением к росписным спискам Рубленого города являются выявленные автором в 1994 году в фондах РГАВМФ чертежи Новосильского кремля. Чертежи, а их два, в основном идентичны, и на одном из них указано имя автора: “сей рисунок чертил инженерной ученик Тихон Опачиния”, а также сделана помета: “против того рисунка, которой из военной коллегии взят сделан” [36]. Чертежи выполнены в манере, характерной для русского чертежного искусства XVII – начала XVIII века, и являются копиями, изготовленными до 1725 года с не дошедшего до нас оригинала, о чем указывают надписи на них. По предположению автора, утраченные оригиналы чертежей были сделаны не ранее 1678 года, поскольку в этом году воеводой Аксеном Мишковым была полностью закончена перестройка Новосильской крепости. На чертеже кремль изображен уже после перестройки, хорошо видно, что стена, окружающая крепость, именно городской конструкции, а не острожной, видны входные двери в срубы-городки, и даже просматриваются консольные бревна, поддерживающие обламы. Тем не менее этот чертеж не является отчетным воеводой А. Мишкова о проделанной работе,

поскольку цифровые данные на нем несколько отличаются от приведенных в его отписке. Нет там и какого-либо упоминания об изготовлении чертежа [37]. Другой крайней датой чертежа является 1691 год. В смете за этот год говорится, что четыре прибрежные стены “поволились до почвы” [38]. На чертеже они же изображены целыми. Таким образом, точная дата изготовления чертежа “Города Новосиль” и сопутствующие этому обстоятельства пока остаются неизвестными. Выявленный чертеж обладает большой исторической и графической ценностью как неизвестный ранее образец русского картографического искусства XVII века, а также дает довольно полное представление об архитектуре Новосильского кремля, восполняя то, о чем умалчивают письменные источники: наличие на башнях полиц и дозорных вышек, количество этажей; позволяет судить о форме и расположении бойниц, конструкции моста через ров и других архитектурных особенностях крепости.

Набор построек внутри Рубленого города был типичен для русского города-крепости: собор, воеводский двор, приказная изба с тюрьмой, житницы, казенный амбар с погребом для хранения пороховой и свинцовой казны и караульные избы у двух крепостных ворот.

В центре кремля на месте, где начиная с XII века сменялось несколько поколений деревянных храмов, стоял “клецкий” Успенский собор с приделом Св. Петра и Павла [39]. Он был весьма мал и тесен и к концу столетия совершенно обветшал.

У Московских ворот находился воеводский двор. Он занимал участок 27x16 сажен. Согласно описи 1686 года, “двор, где воеводы живут”, выглядел следующим образом: “спереди оплетен плетнем, ворота створчатые, покрыты тесом, на дворе две горницы на жилых подклетах, меж ими сени, да чюланец дощатой, да чюлан же рубленой на мыльни смощено под один мост, покрыто все тесом.

Успенский собор в Новосильском кремле. Слева видна Пречистенская башня, справа, из-за вала детинца XII–XIV веков, выглядывает верх Петровской башни. Конец XVII века. Реконструкция автора.

Иза люцкая (для челяди. – В.Н.) поземная (без подклета. – В.Н.), не покрыта. Колючия не покрыта ж, гуня оплетена плетнем, у ворот избенка, не покрыта ж” [40].

Из прочих административных построек можно упомянуть “двор, где бывають стрелецкие и казацкие головы, оплетен плетнем, ворота не покрыты, на дворе хоромного строения: две избы на глухих подклетах, меж ими сени” [41]. Уже за пределами кремля на торговой площади стоял кружечный двор (государев кабак), где находились “изба поземная, покрыта тесом, погребок, ледник, на нем погребница не покрыта старая, изба на

подклете з жильем, под ним погреб, не покрыты ж, жить в них не мочно”. Несколько в стороне от него располагался таможенный двор, “оплетен плетнем, избенка все ветха, чуть не розвалилась” [42].

Следует заметить, что из-за постоянной нехватки хорошего строевого леса жилищная застройка Новосила в XVII–XVIII веках, как, впрочем, и остальных степных городов: Ливен, Старого Оскола, Орла, Кром, Белгорода и других, – была довольно мелкой. Современники отмечали, что обывательское деревянное строение в городе “очень маловажно” [43].

Весьма распространены были плетневые конструкции, которые часто обмазывали глиной и белили, а среди покрытий преобладала даже не дрань, а солома. В росписи 1755 года указано, что все казенные постройки в городе, в том числе канцелярия и воеводский двор, покрыты соломою [44]. Тесом крылись лишь стены и башни крепости и немногочисленные городские храмы.

На городском посаде находился Ильинский женский монастырь. Он был основан в 1686–1687 годах около опустевшей Ильинской приходской церкви Стрелецкой и Пушкарной слобод [45]. Обитель занимала квадратный участок размером 26 х 26 сажен, обнесенный плетнем, на котором находились крохотная деревянная церковь и десять келий [46]. Монастырь был весьма беден и немногочислен, к середине XVIII века фактически прекратил свое существование и в 1764 году был официально закрыт. Располагавшийся за городом мужской Свято-Духов монастырь был гораздо более богат, хотя и в нем каменных построек не

имелось. Опись 1702 года дает представление о его внешнем облике. В центре прямоугольного участка размером 38 х 31 сажен находился деревянный Троицкий собор с приделом Св. Николая Чудотворца и деревянной же колокольней. Храм и придел были “о двух главах”. Вокруг собора размещались “Келья игуменская двойня с сенями, брацких пять келей с сенями, хлебня (двойня. – В.Н.) и сарай хлебной, погреб с напогребницею, над ним амбар, погреб с выходом, четыре житницы – одна двойня”. Монастырь окружала ограда – заполот из дубового пласья (досок) с двумя Святыми воротами, из них главные, южные, венчала главка. На обоих воротах были установлены Деисусы – ряды из 12 икон. При обители находилось хозяйственное подворье, включавшее скотный и конюшенный дворы, насеку и мельницу на реке Зуше [47]. Главным фасадом монастыря являлся южный, рассчитанный на обозрение со стороны Орловской дороги, откуда открывался красивый вид на обитель, венчавшую высокий берег Зуши.

НОВОСИЛЬ в XVIII веке

В начале XVIII века Новосиль потерял какое-либо военное значение. Последняя роспись боевого состояния Новосильской крепости была составлена в 1718 году. О городских укреплениях в ней было сказано следующее: “В Новосили город деревянный, рублен в две стены, крыт тесом. По городу 9 башен и башни во многих местах сгнили и крыша опала. К нижним воротам у проезжей башни по правую сторону – тайник рубленый. Казенный погреб был без выводов и оный погреб огнил и завалился. Да 5 житниц, в том числе 4 крыты тесом, одна соломою”. Гарнизонную службу несли “служилые люди старых чинов”. Их насчитывалось годных к службе пушкарей, стрельцов, казаков и воротников 259 человек, негодных – 135 человек. Итого – 394 человека. Артиллерия “прежних гарнизонных пицалей затинных в ложах – 6. Ядер железных малых – 20. Пуль свинцовых мушкетных 10 п[удов]” [2].

“Заман (замок, крепость. – В.Н.), деревянной, рубленой, ветх, на горе. На берегу Зуши реки. Те места малогористые, сухие. А почему оной город назван Новосиль и каким языком, о том неизвестно. В оной реке Зуше щуна, окунь, голавль и другая мелкая рыба. Оной город и уезд в степных и малорослых местах, хлеба в том городе и уезде бывает рожь и яровому, а иные тому лет с десять и больше хлеба род бывает весьма плохой. Овощей огородных и полевых и лесных бывает малое число. В полях травы и цветы родятся и употребляются в сенокос. В городе и уезде народы: живут русские люди”.

Ведомость городам. 1724 год [1].

Про старые крепости вспомнили во время русско-турецкой войны 1735–1739 годов. В 1738 году по указу императрицы Анны Иоанновны на случай внезапного прорыва крымских татар было велено в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях “пограничные города для лучше впрядь от неприятеля предосторожности как возможно поправить и починить тех мест обывателями, чтоб во время неприятельского нападения подданным Ея Императорского Величества вреда приключитца не могло”. Из Орловской провинциальной канцелярии в Белгород было сообщено, что “по окому Ея Императорского Величества указу... исполнение чинитца” [3]. Из Орла указ был разослан и во все остальные города провинции, в том числе и в Новосиль. Сделали что-либо в Новосиле в исполнение указа “Ея Императорского Величества”, неизвестно, но в любом случае Новосильская крепость безнадежно устарела

План бывшего Новосильского кремля с привязкой его построек к современной планировке. Схema автора.

с военной точки зрения (впрочем, для крымских татар было вполне достаточно и этого), да и сами сражения той войны гремели в тысяче верстах от Новосила.

В конечном итоге потеря военной функции тяжело сказалась на городе, в результате чего он "утратил всю прежнюю свою славу и был оставлен, ибо в нынешнем состоянии есть маловажный из городов Тульской губернии" [4]. Торговое значение городка в регионе из-за удаленности от главных дорог было малозначительно, купечества в нем имелось весьма немного, и наличием особого капитала оно не отличалось. Таким образом, Новосиль служил административным и торговым центром только своего уезда и прилегающей округи.

Кремль в первой половине XVIII века по-прежнему играл доминирующую роль в облике Новосила и являлся религиозным

и административным центром города. Составленный 21 сентября 1755 года росписной список при передаче города от воеводы коллежского асессора Михаила Одоевцева новому воеводе секунд-майору Семenu Афросимову [5] позволяет представить облик этого уже порядком обветшавшего комплекса: "Город деревянный дубовой, рублен клетками, в том городе девять башен без верхов", кровля на стенах "погнила и развалилась". На проезжей Московской башне ранее висел вестовой колокол, но его перевесили на соборную колокольню. Колокол, кстати говоря, был разбит. Вероятно, он грохнулся о землю при падении со сгнившей дозорной вышки. Воротный проезд осеяли висевшие в кютах иконы: "с приезде (с внешней стороны башни. – В.Н.) в городе образ Спасова, да внутри образ Владимирския Богородицы,

на них оклады и венцы серебряные"¹. Рядом с воротами располагался воеводский двор, огороженный плетнем, в который были встроены плетневые сарай и конюшня. Внутрь двора вели створчатые ворота, у которых была "одна верев, а другая згнила и свалилась". "Во оном дворе хоромы воеводския, а имянно: светлица с комнатою разного лесу, в ней шесть окончи стеклянныя, печь кафленая зеленая (выложенная зелеными поливными изразцами. – В.Н.). Ва оной светлицы образ Спасова, на нем оклад и венец серебрянныя позлащенные. Да против оной светлицы – светлица ж, саснового ж лесу, в ней печь кирпичная, две окончины стеклянныя. Меж имя сени, забраны двойниками, чулан да нужник рубленыя. Во оных хоромых и сенях и в чулане шестера дверей, в том числе четверо на петлях и крючках железных да шесть оконных ставней". Кроме воеводских хором на дворе стояли "две избы людския (для челяди. – В.Н.) розного лесу, перед ними сени плетневыя. Погреб с творилом (входом. – В.Н.) ветхой, три амбара разного лесу, оное строение крыто соломою".

Напротив воеводского двора находилась канцелярия, где сидели канцелярские служители и хранился городской архив. Канцелярия выглядела следующим образом: "елового лесу, крыта соломою, в ней пять окон с окончины стеклянныя в дереве. Печь кафленая зеленая, дверь на петлях и крючках железных. Да построенная вновь для придестеныя (ипритух. – В.Н.) канцелярия елового лесу, крыта драпью, в ней три окна с окончины стеклянныя в дереве, печь кафленая разных цветов

¹ Надвратная икона была призвана в первую очередь охранять, оберегать вход в крепость, монастырь, храм или просто дом, служить его своеобразной защитой от всякого зла, от всех врагов... По своему происхождению он (этот обычай. – В.Н.) явно восходит к язычеству и еще более древним, первобытным представлениям, когда дверь или вход выступали своеобразной границей между "своим" внутренним миром дома и "чужим", враждебным человеку внешним миром, поэтому всегда нуждались в особой, символической охране, обереге".

Высолов В.Л. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 150.

(выложенная разноцветными изразцами. – В.Н.), дверь на петлях и крючках железных". В описи отражены и детали канцелярского интерьера, например, судейский стол покрывало сукно настольное красное, а стол подъячего с приписью – зеленое ветхое. На столе стояли колокольчик и два шандала (подсвечника) медных. Среди прочего здесь хранился присланный в 1755 году штемпель "для поставления присужденным... колодкам знаков", на котором были вырезаны три буквы – "вор". Пойманному на рецидиве преступнику этим штемпелем, раскаленным докрасна, ставили клейма на лицо – на лоб и на щеки, дабы каждый видел, с кем имеет дело. От обычной признать подобное наказание пошла поговорка: "Бог шельму метит".

Рядом с канцелярией находились две тюремные избы, представлявшие на две срубы без пола, опущенные в землю. "Овья избы крыты соломою, в оной тюремной избе цепь двойная железная".

В центре кремля высились деревянные Успенский собор, недавно отреставрированный заново прихожанами.

В рубленом казенном амбаре, крытом соломою и закрывавшемся на вислый замок, хранилось разного рода казенное имущество и старое оружие: "медная четыре пищали затиных железных, в том числе одна в ложи, девять стволов железных пушачных, в том числе два большия, асос воротней железной, контарь (весы. – В.Н.) железной, при нем кольцо на петле да крюк на петлях, гиря железная с крюком железным, репьев (чеснок. – В.Н.) железных восемьсот пятьдесят одно, три знамя ветхия, которая згнили и налицо не имеетца", а также два пушечных станка, четыре тысячи мушкетных пуль, 122 пушечных ядра и прочее.

Для хранения хлеба имелись две житницы "без верхних потолков, которые крыты были тесом и оная кровля огнила и обвалилась, и оная житницы покрыты соломою".

В число казенных построек входил и расположенный вне крепости полковой двор для командированных в Новосиль

Троицкий собор Новосильского Свято-Духового монастыря. 1754–1770 гг. Фото 70-х годов XX века.

солдат и офицеров. Он включал в себя офицерскую, комиссарскую и солдатскую светлицы, избу офицерских людей – прислуги и денщиков, амбар и конюшню. Двор окружала ограда с воротами и калитками. Впрочем, к этому времени он пришел в почти полную негодность: “Ныне по свидетельству выпешисанной полковой двор от долголетнего стояния весь развалился и огнил и написанных в помянутой прежней описи дверей, затворов, потолков и лавок, ворот и заборов ничего адароваго нет – все обвалилось и бес покрытия погнило”. Оконные же рамы и даже металлические крючья, петли и скобы растащили прыткие местные обыватели.

Случившийся через полгода, 29 марта 1756 года, “Великий пожар” “без остатку” уничтожил укрепления, канцелярию и архив вместе с большей частью города [6]. По свидетельству В. Ческого (1892 год), часть уцелевшего крепостного вооружения сохранялась в городе вплоть до середины XIX века: “Из орудий же одна медная пушка сохранной передана была по описи, вместе с другими казенными вещами в 1778 году на нововодское управление во вновь учрежденное в том же году городническое управление. Пушка эта сохранялась

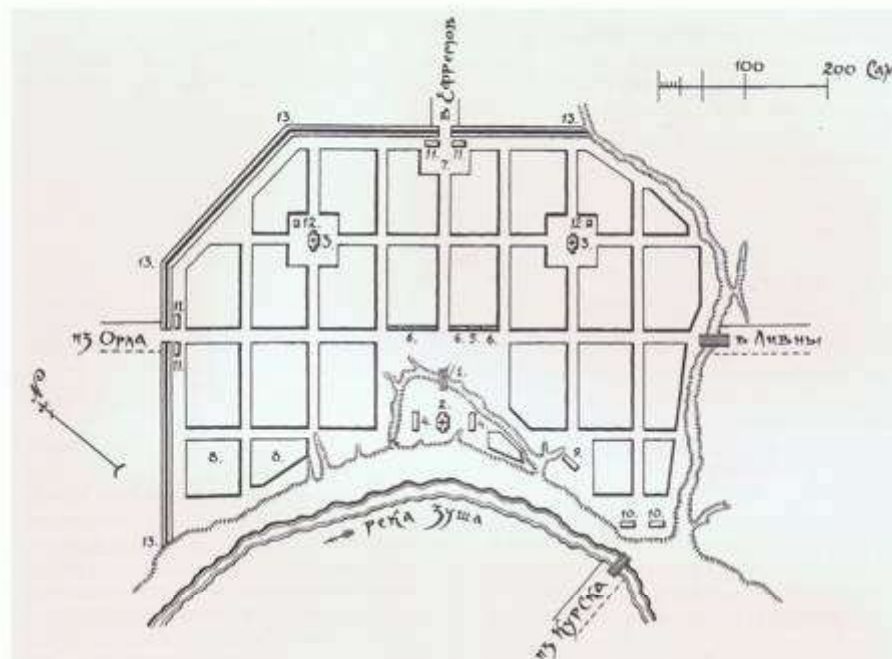
до 50-х годов настоящего столетия – на месте древней крепости, вместе с несколькими десятками ядер и пустых, не начиненных, чугунных бомб. Из нее на памяти многих ныне живущих жителей производились выстрелы ежегодно пред началом утрени в ночь под праздник Воскресения Христова, но по чьему разрешению из Новосила вывезен этот памятник древней крепости, неизвестно. Часть пустых бомб сохраняются до ныне в тюремном замке” [7].

В 1754 году в Новосиле начинается каменное строительство: возводится Троицкий собор пригородного Свято-Духова монастыря. Но храм был далеко не окончен, когда в ходе монастырской реформы в 1764 году обитель закрыли и превратили в приходскую церковь. И только по ходатайству помещиков Новосильского уезда премьер-майора князя П.Я. Голицына, статского советника и государственной коллегии экономии вице-президента П.В. Хитрово и других монастырь в 1767 году вновь открыли и отнесли к числу заштатных. Щедрое пожертвование благотворителей позволили завершить Троицкий собор, который был освящен в 1770 году¹.

Но алоключения Свято-Духова монастыря на этом не закончились: в феврале 1775 года обитель подверглась нападению разбойников, которые “мучили игумена, ограбили его пожитки и монастырские деньги, а келейника его убили до смерти”.

Тем не менее внимание вкладчиков позволило компенсировать монастырские убытки и продолжить строительство. Так, в 1780 году окончили надвратную колокольню, а в одном из примыкающих к ней флигелей устроили Крестовоздвиженскую церковь.

¹ В настоящее время Троицкий собор и уцелевшие постройки Свято-Духова монастыря переданы Русской православной церкви, но проведенные в нем “реставрационные работы”, к сожалению, не восстановили, а искажили облик древнего памятника.

Регулярный план города Новосила. Утвержден 16 ноября 1779 года. Прорись автора.

1. Главная площадь.	7. Торговая площадь.
2. (Место) для соборной церкви.	8. Кварталы для штатной команды солдат.
3. Для приходских церквей.	9. Для магазинов (складов. – В.И.).
4. Для присутственных мест и проч. казенных строений.	10. Для мясных и рыбных рядов.
5. Для магистрата.	11. Для кузниц.
6. Для торговых лавок.	12. Колодези.
	13. Вал и ров к ограничению.

Утратив после пожара главную архитектурную доминанту – крепость, Новосиль стал походить на большое село: церквей в городе было лишь три и только одна каменная – Казанская, заложенная в 1759 году [8], а храмы Свято-Духова монастыря, Ямской и Покровской слобод, превратившихся в пригородные села, из-за дальности расстояния никакой роли в формировании городского ансамбля не играли.

Новый толчок развитию градостроительной структуры Новосила дал регулярный

план, утвержденный 16 ноября 1779 года [9]. Он полностью игнорировал существовавшую к тому времени застройку, учитывая только старую крепость, сохранявшую еще свои рвы и валы, и каменную Казанскую церковь. Согласно плану, город представлял из себя прямоугольник со скошенными северо-восточным и юго-восточным углами, ограниченный с одной стороны рекой Зушей, с другой – оврагом, а с остальных – рвом и валом к “ограничению”. Этот ров и вал никакого военного значения

не имели, они служили таможенной и градостроительной границей. Новому плану Новосила была присуща жесткая и красивая симметрия, представлявшая разительный контраст по сравнению со свободной и живописной планировкой предшествующей эпохи. Территория города продольными и поперечными улицами делилась на 25 кварталов. Древнее городище по-прежнему являлось градостроительным и административным центром города. Здесь предполагалось разместить новый каменный собор и присутственные места. К востоку от городища разбивалась обширная прямоугольная площадь. С западной стороны ее ограничивали валы и рвы городища, с восточной – деревянные торговые ряды и здание магистрата, а с остальных – дома и лавки обывателей. Старая деревянная Никольская церковь была разобрана, а новый одноименный кирпичный храм заложили в

Новосильское городище.
Фото автора, 2001 год.

1810 году в центре площади [10] в створе Ефремовской улицы. Юго-восточный угол площади занимала каменная Казанская церковь, стоявшая на территории упраздненного Ильинского девичьего монастыря. Еще одну торговую площадь планировалось разбить с восточной стороны города у Ефремовской заставы.

Вид с Новосильского городища на исторический центр города. Слева видна Никольская церковь, справа – Успенский собор. Земляные валы и рвы кремля еще находятся в хорошем состоянии. Фото начала XX века.

Но в процессе реализации плана старая крепость полностью потеряла свое значение. Обветшавшая деревянная Успенская церковь “на городище” оказалась на окраине города, к тому же из-за рвов и валов доступ прихожан к ней был затруднен, поэтому ее упразднили, а функции соборной перешли к пересвященной во имя Успения Казанской. Но этот храм оказался мал и тесен, к тому же обветшал, и позднее, в 1882 году, на его месте заложили массивный Успенский собор в позднеклассическом стиле [11]. Следует заметить, что для удобства распланировки площади и создания более выгодного силуэта города со стороны реки Зуши оба новых храма, ставших наиболее значительными и высокими сооружениями Новосила, развернули почти по оси север – юг. С городища на площадь перенесли также все административные постройки, и древний центр города оказался полностью заброшен. На площади разместились также гауптвахта и питейный дом. Таким образом, главная площадь в Новосиле несла одновременно функции торгового, религиозного и административного центра города. Кроме главной на периферии городской застройки устроили еще две площади, на которых предполагалось построить

Вид центральной части Новосила. Справа – Никольская церковь, слева одали – Успенский собор. На первом плане – деревянные торговые ряды.

приходские церкви, но по бедности городка и немногочисленности прихожан они так и не были возведены. Выезды из города по четырем дорогам запирались шлагбаумами и караульными будками, рядом с которыми стояли куницы.

В словаре А. Щекатова (1803 год) содержится описание Новосила, которое позволяет представить его облик на рубеже XVIII–XIX веков: “В оном городе публичных строений: градская крепость укреплена с трех сторон рвом, а с четвертой рекою Зушею. Соборная церковь Успения Богородицы с приделом Казанския Богородицы,

Панорама Новосильского городища со стороны реки Зуши. Фото автора, 2001 год.

Фрагмент северного фасада.

Новосиль. Никольская церковь. XIX век. Фото автора. 2001 год.

Колокольня.

деревянная; приходских церквей две, из них одна каменная¹. Епархии Тульской. Жительства здесь около 200 дворов, в том числе вновь по плану построенных 25, а прочие старые. Часовня 1, лавок, особо построенных, 5, в коих торгуют разными мелочными товарами; мясных лавок 4, в коих продается мясо в год пуд до 100; питейных домов 6; строения все деревянное. Жителей вообще всякого звания 990, в том числе дворян мужеска 22, женска 25; духовного звания мужеска 22, женска 39, купцов мужеска 119, мещан 106, а всех того звания и с цеховыми в общем разумении мужеска 299, женска 226; военнопослужащих мужеска 37, женска 42; приказнослужителей мужеска 23, женска 25; помещичьих людей мужеска 24, женска 30; вольных людей, работою питающихся, мужеска 21, женска 18; отставных солдат и приказных мужеска 8, женска 17,

¹ Вероятно, ошибка. Успенский собор (бывшая Ильинская церковь) был каменным, а все остальные церкви, в том числе и Никольская, деревянными.

пушкарей 44 мужеска и 50 женска. Купцы большую частью торг имеют разными мелочными съестными припасами, а женщины упражняются в домашних рукоделиях. Город сей построен из давних времен, а когда и кем, о том, за бывшим в 1756 году марта 29 дня пожаром, сведения не отыскано. В нем 8 улиц и 2 глухих переулочка. Еженедельный торг бывает в пятницу, а сверх того еще две годовые ярмарки, 1-я в день Преполовления Господня, 2-я в день Пророка Ильи. Водами сей город изобилует и вода здоровая. В реке Зуше ловится рыба: щуки, окуни, плотва, голавли, шерешперы и проч. мелкая рыба. Река против города в летнее жаркое время бывает глубиною один аршин, шириною в 25 сажень, и по ней судового хода не бывает. Градской земли под поселением и неудобности 59 десятин 1626 сажень, да градской же выгонной земли не в заселении, общего пользования городских жителей и ямщиков, которых здесь находится 493 души: пашни 271 десятина 700 сажень, неудобной 30 десятин 271 сажень,

итого 515 десятин 818 сажень. Лес самый мелкой, называемый чернолесок. Герб сего города представляет по зеленому полю разлетающиеся через ряд цветки васильки и золотые колосья, изъясняющие плодоносие полей в окрестностях сего города" [12]. В общем, со страниц словаря Новосиль предстает как обычный маленький и не очень богатый городок, один из многих малых и ничем особенно не примечательных городов, разбросанных по необозримым просторам Российской империи.

Нахождение Новосила в стороне от торговых трактов и в значительном отдалении от губернского центра – Тулы, в своеобразном "медвежьем углу" Тульской губернии, привело к тому, что город рос очень медленно и практически не развивался. Вся его прежняя слава и значение затерялись в далеком прошлом, и напоминанием о них до сих пор служат лишь валы и рвы древнего детинца новосильских князей, высшиеся в центре города над мелкими водами Зуши.

Высочайшее утверждение
6-го Марта 1778 года.
Тульского Кавалермейстера.

Новосиль.

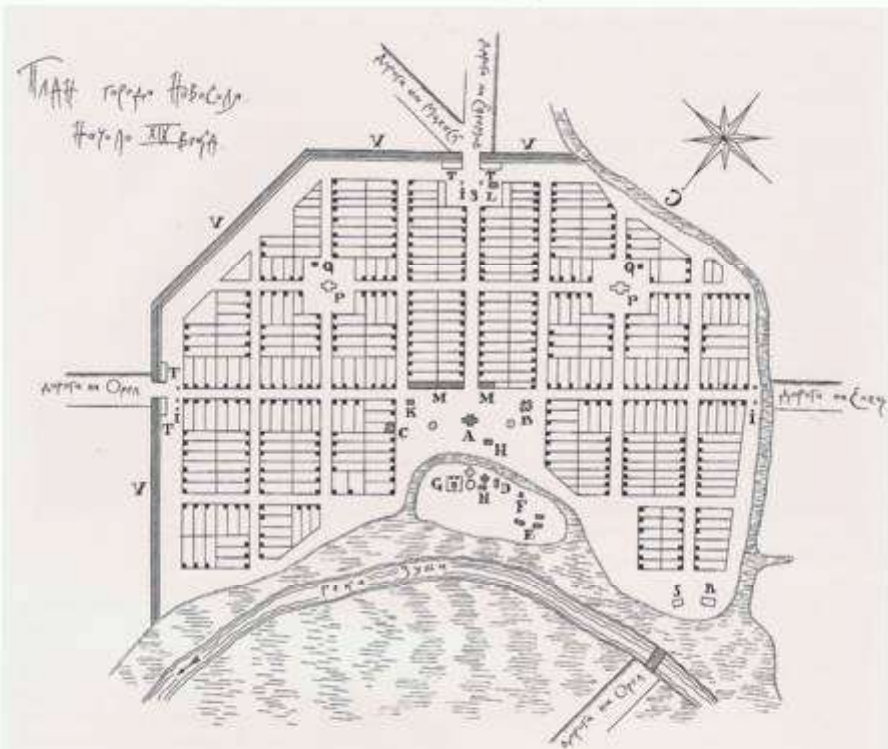
Тульской губернии. Уездный.

По зеленому полю разлетающиеся через ряд цветки васильки и золотые колосья, изъясняющие плодоносие полей окрестностей сего города.

Герб города Новосила

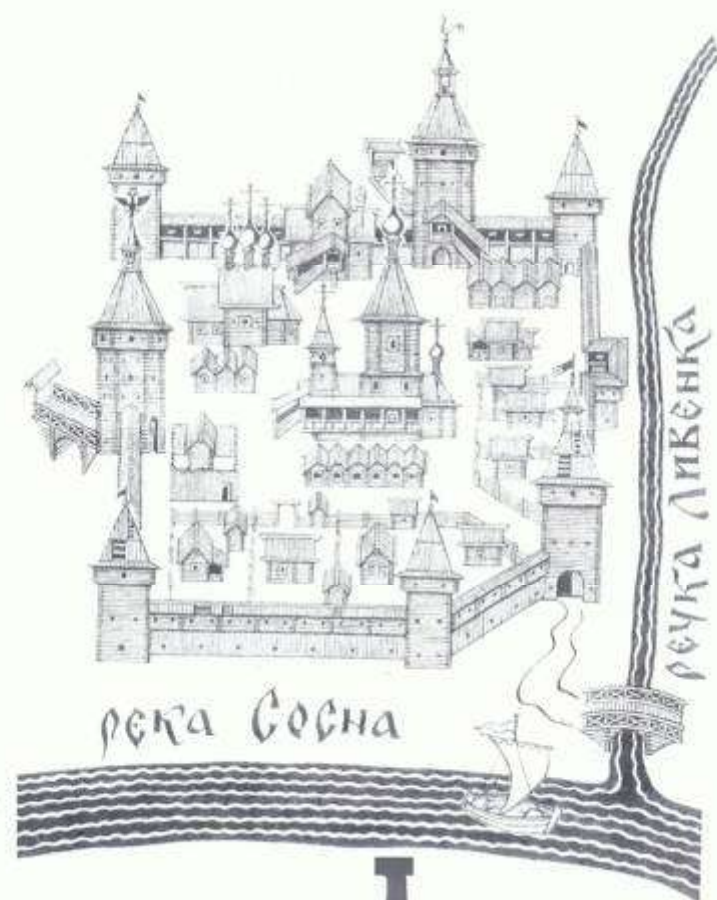
Ильинский женский монастырь в Новосиле. 1760-е годы. Реконструкция автора.

План города Новосила в начале XIX века.
Прорис автор. "Описание произведенному строению, ныне существующему."

А – каменная церковь Николая Чудотворца.
Занимает место соборной.
В – каменная церковь приходская Ильи Пророка.
С – деревянная ветхая церковь, подлежит сжатию.
D – деревянный корпус для присутственных мест.
E – каменные и деревянные соляные магазины.
F – старый тюремный замок.
G – вновь выстроенный тюремный замок.
H – гатваста / гауптвахта. – В.Н./.
I – шлагбаумы и караульные будки.
K – литейный дом.
L – кузница.
M – торговые деревянные лавки, где по конформированному плану положено строить каменные с торговыми лавками дома.

По конформированному плану как долженствует быть строению.
N – два места для присутственных корпусов, одно место занято под вновь выстроенный тюремный замок.
O – место для соборной церкви.
P – место для приходских церквей.
Q – места для колодезей.
R – для магистрата.
S – для рыбных рядов.
T – место для кузниц.
V – вал и ров по ограничению.
Y – главная площадь.
Z – вторая площадь, на которой торговля не производится".

ЛИВНЫ

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЛИВЕН XII–XIV века¹

"А у князя Глеба Ростиславича Резанского (внука Ярослава Святославича, правнука Святослава Ярославича, умершего в 1117 году) дети:

Князь Роман Резанский бездетной на Ливнах и на Воронеже был же.

Князь Игорь на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Владимир на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Всеволод на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Князь Святослав на Резане, на Ливнах и на Воронеже.

Глебовы дети Ростиславича Резанского, Всеволод да Святослав, сели на Ливнах, на Прони, и от них пошли Пронские князья".

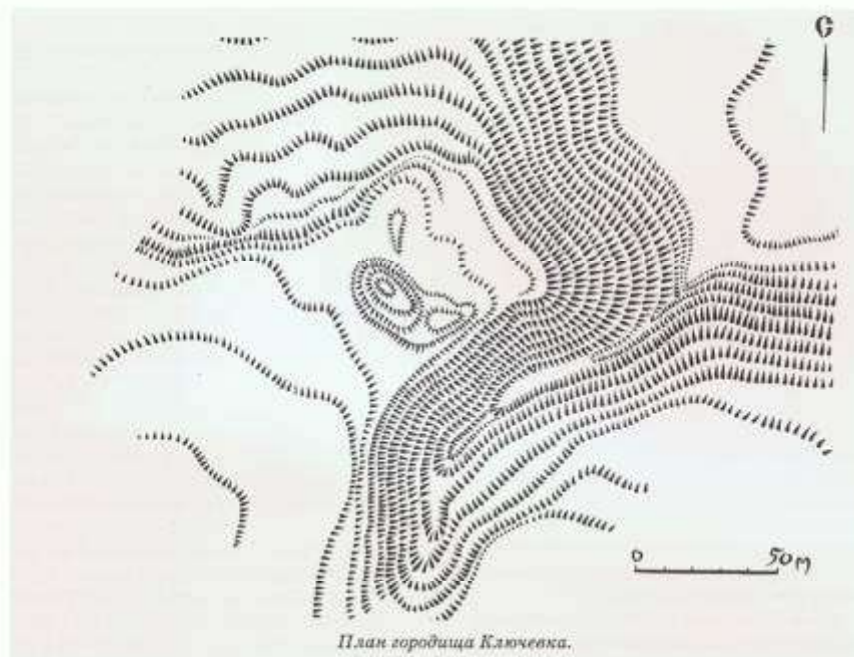
Синодик Рязанских князей [1].

В VII–VIII веках начинается колонизация Верхневолжских земель славянами-ливичами. На Сосну славяне могли попасть либо с верховьев Оки, либо по Дону, спускаясь по этой реке вниз по течению; не исключено, что заселение долины Сосны шло сразу с двух сторон, с той только разницей, что в низовьях Сосны поселения славян появились гораздо позже. С началом феодальной раздробленности Пососенье входит в Рязанское княжество, о чем свидетельствует вышеприведенная выдержка из синодика Рязанских князей. Судя по нему, Ливенские земли в XII–XIII веках представляли особый удел в Рязанском княжестве, которым владел один из представителей рязанского кня-

¹ Глава написана совместно с С.Д. Краснощекловой.

жеского рода, пользовавшийся в своих владениях известной самостоятельностью. Удел был не очень велик: кроме стольного града Ливны в него входили маленькая крепостица в урочище Ключевка и крепость-замок в селе Городецкое² на территории современного Колпнянского района Орловской области. Возможно, крепостей и замков на территории Ливенского удела раньше было больше, но не все из них выявлены к настоящему времени археологами, а некоторые, вероятно, были в XVIII–XIX веках разрыты и расплавлены во время сельскохозяйственных работ. Вокруг стольного города и крепостей, а также в долинах рек были разбросаны села и деревни, впрочем, не очень многочисленные. Восточной границей удела, возможно, служила река Чернава,

² По предположению автора, это остатки древнерусского города Коршова.

План городища Ключевка.

отделявшая его от Елецких земель. С юга естественной границей удела являлась река Сосна, хотя и на ее степном берегу встречались русские поселения. Далее же к югу начинались степи, где кочевали половецкие орды да промышляли ватаги бродников (вольных людей) – предшественников казаков.

Пососенье неоднократно подвергалось половецким набегам. Например, в 1156 году половцы разорили здесь русские поселения и захватили множество пленников, но до своих кочевий добычу не довели. Они "оплощиса" и, став на ночлег, не выставили боевого охранения, в результате были перебиты подоспевшей рязанской погоней, а русский полон – освобожден [2].

Стольный град удела Ливны располагался, по-видимому, на территории современного города, но не на мысу при впадении

в Сосну речки Ливны, где позднее в XVI веке была построена крепость¹, а выше по течению Ливны, там, где речка образует излучину, петлей охватывая скалистый полуостров. Подобное расположение города не случайно, первоначально многие русские города основывались в верховьях рек, позднее перемещаясь к их устью. Маленький городок старались поставить на небольшом притоке так, чтобы он находился вблизи большой реки, но в то же время несколько в стороне от нее, не бросаясь в глаза. К числу таких можно отнести Полоцк, Елец, Тарусу, а также вышеупомянутый замок-крепость в селе Городецкое. К сожалению, в древнейшем прошлом Ливен достаточно много белых пятен,

¹ Раскопки, проведенные в 1999 году на мысу при впадении Ливны в Сосну, не выявили на этом месте культурного слоя XI–XIII веков.

Крепостной вал городища Ключевка. Фото Л.М. Тучнина. 2000 г.

проследили которые могут только археологические раскопки на месте предполагаемого возникновения города.

Но если в Ливнах древние крепостные валы и рвы давно исчезли под натиском жилой застройки, то сохранившиеся земляные укрепления замков-крепостей у села Городецкое и в урочище Ключевка позволяют представить, хотя и в общих чертах, облик этих городков, некогда входивших в состав Ливенского удела. Замок-крепость у села Городецкое располагался на высоком клиновидном мысу, выступавшем в долину реки Фошны, и являлся, по-видимому, крайним западным форпостом Ливенского удела, принадлежавшим боярину или приближенному дружиннику ливенского князя. Замок был укреплен серповидным в плане валом высотой около 6 метров, отсекавшим оконечность мыса, по гребню которого некогда шла деревянная стена, прерывавшаяся башней с воротами в западном углу. В плане он представлял собой неправильный треугольник с закругленными углами. Вне крепости располагалось селище,

являвшееся городским посадом, где жили тягловое население и обслуживавшие владельца и его дружину ремесленники. Раскопок на Городецком городище пока не производилось, но подъемный материал: обломки битых стеклянных браслетов, металлических ножики и фрагменты керамики – свидетельствует о существовании этого городка в XII–XIII веках. По мнению автора, он погиб в 1363 году, во время набега литовцев. Гораздо лучше Городецкое изучено Ключевское городище,

археологические раскопки на котором проводились в течение восьми лет, в 1989–1997 годах (руководитель – С.Д. Краснощекова). Оно расположено в 7 километрах к северу от города Ливны и в 4 километрах к югу от деревни Воротыньск, на берегу речки Ливенки, и состояло из укрепления, служившего детинцем, и шести поселений, веером раскинувшихся вокруг него. Древнерусское название этого городка неизвестно.

Ключевское городище имеет довольно сложную предысторию. Древнейшее поселение здесь возникло в конце III тысячелетия до нашей эры, в эпоху ранней бронзы, и просуществовало более 500 лет. Свидетелями этого времени являются обломки керамики ручной лепки, украшенные необыкновенно красивым орнаментом – “в елочку” и “в косую клетку”. Кроме того, узоры делались при помощи оттиска веревочки, круглой и овальной косточки, заостренной палочки и, наконец, просто ногтями.

Со временем поселение оказалось заброшено и довольно долго пустовало.

Во второй половине I тысячелетия до нашей эры территория бассейна верхней Сосны становится местом соприкосновения лесостепных скифов и балтов, населявших леса. Скифы, спасаясь от засухи, двигались из степей на север, балты мигрировали на юг в надежде найти более сухие и плодородные земли. Во время таких перемещений племена поочередно занимали прекрасно защищенный самой природой мыс.

Вновь Ключевское городище было заселено уже славянами в XII веке. Городище Ключевка расположено между двумя глубокими оврагами на мысу высотой 27 метров над уровнем реки Ливенки. Площадка, окруженная земляным валом высотой до 2-х метров и в том же диаметре около 1,5 метра, в плане округлая, диаметром 27 метров. Учитывая небольшую площадь городища, его можно считать феодальным замком [3]. Археологические раскопки, проведенные на Ключевском археологическом комплексе, позволили представить социально-экономический облик маленького города, его архитектуру, занятия и быт населения.

Городище Ключевка является, по-видимому, остатками загородной резиденции ливенских князей XII–XIII веков. Укрепления Ключевки были достаточно традиционными для своего времени. Привлечение материалов археологического исследования и архитектурных аналогов позволяет хотя бы предположительно представить внешний вид замка ливенских князей.

Основу оборонительных сооружений укрепленной усадьбы составлял деревоземляной вал, надо сказать, менее мощный и

Вид на городище Ключевка XII–XIII веков. Фото Л.М. Тучнина. 2000 г.

высокий, нежели в Городецком, состоявший из двух рядов параллельных срубов, из которых наружный для большей крепости был засыпан землей и “каменем”. Во внутренних же срубах внутри были прорублены двери, и они служили в качестве осадных клеток для собиравшегося “в осаду” населения. Их плоские крыши использовались для размещения во время боя защитников замка и метательных снарядов. Надо полагать, что продолжением линии наружных срубов являлась крепостная стена, стоявшая непосредственно на валу. Вряд ли она была особенно высока, скорее всего, “в рост человека стояц”, представляя собой деревянную галерею, шедшую по верхушке вала. Наружный склон вала обычно обмазывался глиной и во время шторма обливался водой, что делало его труднопреодолимым. Со стороны речки и оврагов, где опасность нападения была меньше, вал насыпать сочли ненужным, ограничившись простым частоколом. Въезд в крепость находился в северо-западном углу укрепления и был устроен таким образом,

что противник при его штурме вынужден был подставлять стрелам защитников правый, не защищенный щитом бок. Почти наверняка воротный проезд венчала четырех- или шестигранная башня. Предположительно из-за небольших размеров феодального замка книжеские хоромы и жилые постройки были встроены в крепостную стену (по образцу замка в Любече под Киевом) и вдоль их наружной стены проходила оборонительная галерея. Остальную территорию занимали, по-видимому, складские постройки и погреба. Доожком (главной башней) предположительно являлась башня над воротами, соединявшаяся с жилыми помещениями галереей, хотя нельзя исключать и того, что в замке была еще одна башня, ступля (основание) которой еще не найдены. Перед крепостным рвом, скорее всего, располагались дополнительные оборонительные устройства типа надолбов, деревянных ежей и отдельно вкопанных столбов, которые должны были воспрепятствовать попытке неприятеля подтащить к крепостной стене штурмовые лестницы и пересидные мостики.

Возможно, свою, правда, весьма слабую линию укреплений – мелкий ров, частокол или “столпие” – имел и посад. Целью ее сооружения являлась необходимость помещать неприятелю “изгоном”, то есть внезапно, захватить поселение и дать возможность населению спастись в детинце. Наличие подобной линии укреплений было весьма актуально для пограничного степного городка ввиду ежегодной опасности набегов. Никаких видимых следов ее на поверхности не осталось, вероятно, она была позднее расплавлена в процессе сельскохозяйственных работ.

Одним из показателей развития уровня жизни древних людей является искусство обработки металла, то есть металлургическое производство, которое в Орловском крае в XI–XIII веках было основано на местном сырье – болотных и луговых рудах. На поселении Ключевка-2 была вскрыта часть сырдутного горна –

глинобитной овальной печи. Стенки горна были докрасна обожжены. Толстый слой глины, лежащей около печи, является, очевидно, остатками ее развалившегося свода. У горна и на значительном расстоянии от него найдены куски железного шлака. Производство кузнечной и слесарной продукции в местечке Ключевка велось мастерами, хорошо владевшими техникой обработки черных металлов – ковкой, вытяжкой, пробивкой отверстий, круговой и винтовой ковкой и т. п. Достижения в железообрабатывающем ремесле ключевских мастеров позволяют утверждать, что по уровню технического развития этот небольшой древнерусский город не уступал своим собратьям домонгольского времени в Орловском крае, таким как Слободка, Гать, Лужки и другим¹.

Продукция, полученная в результате горячей или холоднойковки металла, достаточно велика и разнообразна. Это орудия труда, куда входят многочисленные инструменты по обработке металла, дерева, кости, кожи, а также сельскохозяйственный и промысловый инвентарь, предметы вооружения и сваряжения всадника и коня.

Предметы быта стали самыми многочисленными и разнообразными находками на Ключевском комплексе: ножи, точильные бруски, гвозди, костьли, пробой, скобы, цепи, обручи, ключи от трубчатых замков, коса-горбуша, конские подковы, кресала и прочее. Больше всего найдено железных разнообразных ножей – кухонных и хозяйственных. Одни – маленькие, с узкими клиновидными лезвиями, другие – длинные, с широкими лезвиями, возможно, для обработки дерева или сапожные. Во время раскопок найден ключ анушительных размеров (более 20 сантиметров в длину), изготовленный из железного стержня прямоугольного сечения. Один конец ключа загнут глухой круглой петлей, другой, рабочий, представлял в виде фигурной

¹ Названия археологических памятников даны по современным, так как древнерусские наименования утрачены.

Находки с городища Ключевка. Фото Л.М. Тучина. 2000 г.

петли с язычком, расположенным под прямым углом к стержню. Не менее важным в быту было и кресало (металлическая фигурная пластина, служившая для удара о камень при высекании искры). Были обнаружены два кресала – калачевидное и овальное. Из железа делались некоторые предметы убора и туалета: одежные и поясные пряжки, подковки для обуви, булавки. Многочисленны находки гвоздей разных типов: строительно-крепежные, обойные, сапожные, подковные. Основную массу составляют строительно-крепежные гвозди разной величины, прямоугольные в сечении: с плоской круглой шляпкой, “костьльковые” (один конец стержня, образующий шляпку, загнут под прямым углом). В клетке, примыкавшей к насыпи вала городища, на обугленных сосновых бревнах, закрепленных в “венец”, между четвертым и пятым бревнами был найден массивный костьль длиной 16 см.

Второе место по численности после предметов быта занимает сельскохозяйственный и промысловый инвентарь: плужные лемехи, коса-горбуша, конские подковы, рыболовные крючки и грузила. Уборка зерновых культур (найжены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя) производилась серпами, а основным орудием сенозаготовок служила коса. Содержание крупного рогатого скота, а также лошадей (обнаружены кости предположительно коров, свиней и лошадей) требовало заготовки большого количества корма на зиму. На территории Ключевского посада найдена коса-горбуша: в средней части лезвие значительно изогнуто (отсюда и название), конец черенка загнут крючком для более прочного скрепления с деревянной рукояткой. Длина клинка – 50 сантиметров, ширина – 4 сантиметра. Черенок отделен от клинка небольшим уступом, что является характерным признаком древнерусских кос XII–XIII веков.

Найдены четыре конские подковы, крепившиеся к копыту тонкими гвоздиками через прямоугольные и овальные отверстия. Они также типичны для XII–XIII веков. Лошади использовались в хозяйстве как тягловая сила, для боевых целей, их мясо употреблялось в пищу.

Массовыми находками стали тысячи фрагментов гончарной керамики из хорошо отмученной глины с примесью мелко-го песка, хорошо обожженные, прежде представлявшие собой в целом виде различные горшки, сосудики, сковородки, миски и прочий бытовой инвентарь. Большинство сосудов были гладкостенными, некоторые орнаментированы рядами ровных глубоких полос или волнистых линий, нанесенных в верхней части горшков. На днищах отдельных сосудов встречаются клейма в виде кругов, прямых пересекающихся линий. Гончары изготавливали также многочисленные пряслица для веретен и грузики для ткацких станов (применялись при прядении и ткачестве).

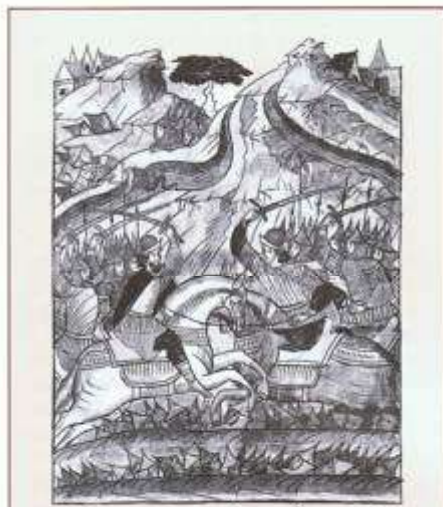
Кроме ремесел, земледелия и скотоводства население Ключевки занималось различными промыслами – рыболовством и охотой, которые служили важным источником питания. Рыболовные крючки имеют длину 6–7 сантиметром. Крючок представлял собой довольно массивный стержень прямоугольного сечения, на одном конце вытупленного острия помещался острый зуб, а на другом – петля для лески. Судя по размерам крючков и остаткам рыбных позвонков (15–18 сантиметров), рыба в реках Ливенке и Быстрой Сосне семь-восемь столетий тому назад достигала не менее полутора метров в длину. Свидетельством хорошо развитого рыболовного промысла являются и многочисленные каменные и глиняные рыболовные грузила: овальные и цилиндрические, гладкие и с орнаментом.

О наличии охотничьего промысла можно судить как по останкам лесной фауны, так и на основании находок наконечников стрел, дротиков, копий. Правда,

многие из них являлись как охотничьим, так и боевым оружием. Местные кузнецы ковали копыта, стрелы, боевые топоры, удила, стремена, подковы, и только дорогое оружие и оборонительные доспехи (найденны железные колечки от кольчуги, костяная резная декоративная обкладка для колчана) привозились из Киева или других традиционных центров изготовления оружия. Оружие у ключевских дружинников было разнообразным. Основным оружием дальнего боя, так же как и охоты, были лук и стрелы. Стрелы разделялись на втульчатые и черешковые, плоские и граненые – бронебойные. Из оружия ближнего боя найдены два наконечника копья – один втульчатый, с плоским листовидным лезвием, другой наконечник – черешковый, в виде четырехгранного стержня с небольшим плоским треугольным душильным пером. Это копьё-сулица, характерное для XII–XIII веков.

Изучение ювелирных изделий из цветных металлов позволило выяснить технологию их производства. Самым распространенным способом обработки цветных металлов являлось литье при помощи глиняных, жестких (каменных) или восковых формочек. К сожалению, на Ключевском комплексе пока не найдено ни одной мастерской ювелира-ремесленника, но довольно часто встречаются бронзовый и медный шлак, куски спекшегося ноздреватого стекла, а также сырье для изготовления предметов украшений – слитки медной проволоки. Осмотр нескольких кусков тонкой медной проволоки, сечение которой оказалось довольно ровным, позволил заключить, что местным ремесленникам были хорошо известны приемы волочения проволоки. Изготовление проволоки было особо трудоемким делом и являлось показателем высокого мастерства ювелира.

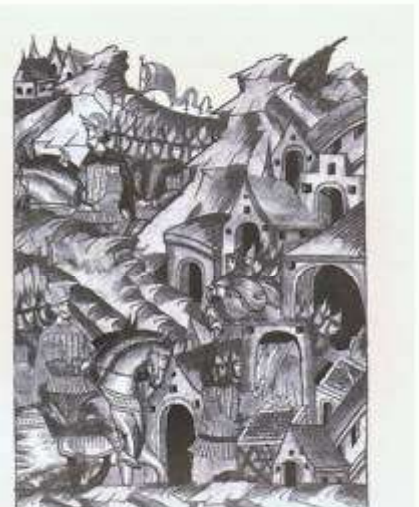
Самой многочисленной категорией украшений на Ключевском комплексе были стеклянные браслеты разного цвета, витые и гладкие (причем витые количественно

Историческая миниатюра: Бой русской погони с татарами на поле между реками Быстрой Сосной и Трудами.

Бой русской погони с татарами на поле между реками Быстрой Сосной и Трудами. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

преобладали): черные, фиолетовые, коричневые, синие, голубые, зеленые, желтые. Найдены две шаровидные хрустальные бусины, глиняные бусы, амулеты из костей и зубов животных с просверленными отверстиями, три височных кольца – два круглых проволочных с разокнутыми концами, третье семилопастное (лопасть от серебряного кольца), бислоновая (низкопробное серебро) подвеска в виде цветка, украшенная в технике зерни (“шишечками”), бронзовые буславки-фибулы, подвески из речных ракушек, четыре перстня из бронзы и билона:

Историческая миниатюра: Набег татар на окраинные русские земли.

Набег татар на окраинные русские земли. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

два решетчатых, один рубчатый, один овально-щитковый (в виде перстня-печатки) [4].

В XIII–XIV веках Пососенье, вероятно, подвергалось сильным татарским набегам, но ни о времени, ни о подробностях этих событий мы ничего не знаем. Батыево нашествие (1237–1238), по-видимому, миновало его стороной, татары при возвращении прошли гораздо севернее, по линии Козельск–Белев. Скорее всего, к этому времени Ливны уже утратили статус укрепленного города удела, который перешел к Ельцу. Во всяком случае,

в Пискаревской летописи в довольно поздней записи за 1584 год "Ливна" названа бывшей вотчиной елецких князей [5].

Перед решающим столкновением с Мамаем великий князь московский Дмитрий Иванович послал на Быструю Сосну сторожу "крешких оружников" Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Тупика и "иных крепкихъ и мужественныхъ на сие" с целью провести замыслы татар. Посланные долго не возвращались, и великий князь выслал им вслед вторую сторожу, которая встретила возвращавшегося Василия Тупика с языком. Последний сообщил ценные сведения о союзе Мамая с Олегом Рязанским и Ягайло Литовским и о намерении татар идти осенью на Русь [6].

В последней четверти XIV века елецким князем, а стало быть, и владельцем ливенских земель стал Федор, сын князя Ивана Козельского, герой Куликовской битвы, получивший Елец, по-видимому, в качестве приданого за дочерью великого князя рязанского Олега Агрипиной. Впрочем, прокняжил он сравнительно недолго. В августе 1395 года Тамерлан разорил Елец и жестоко опустошил земли Пососенья; а князь Федор либо погиб в бою, либо умер в плену: "и приде в землю Рязанскую, и взя Елец град, и князя Елецкаго поимѧ, и люди плени, а иных изби" [7]. Вполне возможно, тогда же были уничтожены поселения в Ливнах и Ключевке.

Во всяком случае, археологические раскопки в Ключевке свидетельствуют о том, что этот городок погиб во время вражеского нашествия¹, после которого от него остался только мощный слой пожараща. Местные жители были частью перебиты, а частью угнаны в полон. Жестокий удар по русским селениям в Пососенье татары нанесли в сентябре 1414 года: "придоша татарове многи и воеваша по Задонью реки власти (волости – В.Н.) рязанския, и много зла сотвориша, и град Елец взяша и елецкого князя убиша, а инии (жители. – В.Н.) в Рязань убежаша" [8]. Надо полагать, что после этого нашествия уцелевшее население ушло на север, под защиту лесов, покинув некогда обжитые земли, превратившиеся в Дикое поле.

В 1463² году земли по реке Сосне перешли во владение Московского государства. Окончательно факт передачи Елецких земель Москве зафиксирован в договорной грамоте великого князя Ивана III и рязанского князя Ивана Васильевича в 1483 году: "а тебе не вступатися в нашу отчину в Елец и во вся Елецкая места" [9].

¹ Впрочем, сказать точно, когда погибло поселение в Ключевке, пока нельзя, оно могло быть разгромлено как раньше нашествия Тимура, так и несколько позже. Ответить на этот вопрос могут только дальнейшие археологические раскопки.

² По мнению В.П. Загорюковского.

ЛИВЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ в XVI веке

"По государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу и по приговору бояр князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи на Сосне не доезжая Оскола два днища поставить велено город Ливны: ...а быти на Ливнах и город ставити воеводе князю Володимеру Васильевичу Кольцову Мосальскому, да Лукьяну Хрущову... И каковы будут вести на Ливнах про приход воинских людей на государевы украины, и с Ливен посылати с вестьми на Воронеж, а с Воронежа потому ж на Ливны с вестьми посылати, а ехат и которыми дорогами поближе и бережнее, а сторожи воеводам поставити присмотря в которых местах пригоже и станицы потому ж посылати присмотря, да о том отписати к государю".

Указ царя Федора Ивановича об основании городов Воронеж и Ливны. 1 марта 1586 года [1].

В XIV–XV веках земли по реке Сосне входили в состав Дикого поля – обширного незаселенного пространства, служившего барьером между Московским государством и Крымским ханством, полное опасностей степное пограничье, где постоянно рыскали отирающиеся в очередной набег татарские отряды. Прорываясь в центральные уезды России, они жгли деревни и села, грабили имущество поселян и угоняли главную добычу – сотни, а во время особо удачных набегов и тысячи русских людей – мужчин, женщин, детей, которых затем продавали на рабовладельческих рынках Гезлева (Бапатории) и Кафы (Феодосии). Иногда татар нагоняли преследовавшие их русские войска, и между противниками вспыхивали скоротечные бои и стычки. Одно из таких

столкновений произошло в 1492 году в междуречье рек Труды и Быстрой Сосны¹.

10 июля 1492 года отряд татар численностью в 235 человек под началом головы Темешеня совершил набег на волость Вошань в окрестностях Алексина "и пограбив, поидоша назад". В погоню за ним устремился отряд под началом Федора Колтовского и Горяина Суворова², насчитывавший всего 64 воина. Несмотря на то, что татары значительно превосходили их в численности, ратники нагнали и отчаянно атаковали крымцев. После свирепой рубки от обоих отрядов мало что осталось, русских polegло 40 человек, а татар – 60, кроме того, "иные Татарове, идучи в Орду

¹ Территория современного Колпачинского района.

² В других источниках – Сидоров.

Конный портрет царя Федора Ивановича. Изображение на царь-пушке. Прорись.

ранены, на пути измороза” [2]. Подобным боям было “шесть числа”, тем не менее эпизодические военные экспедиции не могли прекратить татарские набеги и защитить местное население, и правительство вынуждено было обратить самое серьезное внимание на оборону южных границ.

По царским указам восстанавливаются стены старых крепостей и возводятся новые укрепленные города, учреждаются цепь сторож – конных постов, курсировавших для предупреждения татарских набегов в местах наиболее вероятного вторжения крымских орд, в летнее время на наиболее опасные направления “по татарским вестям” выдвигаются войска во главе с воеводами. В правительстве, знакомясь с докладами и донесениями сторож и станичников, не могли не обратить внимание на высокий мыс при слиянии рек Сосны и Ливны, недалеко от которого проходила Муравская дорога – один из основных

путей набегов татар на Московское государство. Здесь же на Сосне находилось несколько бродов, хорошо известных татарам: Киршичный, Телячий и другие. Поэтому в 1556 году на устье Ливны была учреждена сторожа для наблюдения за дорогой и бродами. Впоследствии, ввиду важности этого места и для перекрытия дороги и бродов, сюда неоднократно выводятся войска. Уже в следующем году на “усть Ливен” из Дедилова¹ был прислан воевода Иван Петрович Яковлев-Хирон, а из Мценска – князь Иван Горенский с войсками [3]. В августе 1559 года из того же Дедилова на Быструю Сосну² направили воеводу Ивана Фетцова с ратными людьми, “а велели ему стоять в Сербольском лесу”³ [4]. В 1560 году из-за угрозы вторжения в русские пределы орды во главе с крымским ханом три полка русской рати во главе с князем Александром Ивановичем Воротыньским были выдвинуты на Быструю Сосну “стояти на поле на Ливне”⁴ [5]. Летом 1565 года воеводе князю Юрию Федоровичу Бярытинскому было указано из Новосиля “итти на поле к Сосне и за Сосну” [6].

Станы русских полков на Ливнях не представляли собой чего-либо постоянно. Они разбивались на месте достаточно защищенном природой, и у воды, предположительно там, где была позднее основана Ливенская крепость, на высоком мысу при слиянии Сосны и Ливны. Впрочем, они устраивались в зависимости от обстоятельств и в других местах: в Серболовском лесу и, возможно, на месте села Воротынцево, при впадении Ливны Лесной в Ливну Горную. Несмотря на то, что в планировке

¹ Дедилов – древний вятский город Дедославль, в XVI–XVII веках – русская крепость Дедилов, в настоящее время село Дедилово в Тульской области.

² В Разрядной книге 1475–1598 годов ошибочно написано Тихая Сосна.

³ Сербольский (Серболов) лес – лес в северо-восточной части Ливенского уезда, получил свое название по реке Серболовке.

⁴ Возможно, стан рати князя А.И. Воротыньского находился на месте современного села Воротынцево, получившего позднее в память об этом свое название.

Ливны в конце XVI – начале XVII века. Реконструкция автора.

русского военного лагеря того времени не было строгой регулярности, тем не менее определенный порядок в его разбивке имелся. В центре стана для воеводы и его ближайшего окружения рубилось несколько изб, вокруг них дворяне и дети боярские расставляли свои палатки и шатры, а простые ратники ютились по землянкам и шаламам. Вокруг шатра десятника или сотника группировалось жилье его подчиненных, дабы каждый начальник “ведал” своих людей. Для того чтобы ратники за время службы не были оторваны от слова Божиего, в лагере рубилась небольшая часовня или разбивалась походная церковь. Сам стан, во избежание внезапного нападения татар – “изгона”, окружался легкими полевыми укреплениями типа надолб,

плетней или засеки, если лагерь разбивался в лесу. Вокруг него расставлялись “караулы крепкие” и “сторожи отъезжие”. Войско находилось на стане до поздней осени, до “больших снегов”, когда исчезала опасность больших татарских набегов, и снова занимало его “по татарским вестям”.

В 1571 году был утвержден список сторож на реках Быстрой Сосне и Дону, возглавлявшихся воеводой города Донкова. Самой восточной из них являлась сторожа “на Сосне усть Ливен”. Стояли на ней служилые из Донкова, Епифани, Дедилова, Новосиля и Мценска, по два человека от города под началом стоялого головы [7]. Главной задачей сторож являлось предупреждение воевод ближайших городов и

московского правительства о появлении татар. Наемник на русской службе француз Жак Маржерет следующим образом описал тактику действий русских сторож: "Порядок, которого они придерживаются, чтобы обнаружить врага в этих громадных татарских равнинах, таков. Существуют дороги, которые у них называются: дорога императора (Царская. – В.Н.), дорога крымского хана, дорога великого хана; кроме того, на равнинах здесь и там рассеяно несколько дубов, удаленных на восемь, десять и до сорока верст друг от друга. Под большинством сказанных деревьев поставлены часовые, именно по два человека, каждый с подставной площадью, один из них караулит на вершине дерева, а другой пасет оседланных лошадей, они сменяются каждые четыре дня. В том случае, если верхний увидит, что в воздух поднимается пыль, он должен спуститься, ничего не говоря, пока не сядет на лошадь, и во весь опор скакать ко второму дереву, издали крича и делая знаки, что видел людей. Тот, кто стережет лошадей у второго дерева, садится на лошадь по команде того, кто, сидя на дереве, обнаруживает его (первого всадника. – В.Н.) еще издали, и сразу, как только услышит и различит, в какой стороне он видел сказанную пыль, скачет на своей лошади во весь опор до следующего дерева, где происходит то же самое. И так из рук в руки до первой крепости, а оттуда до Москвы, говоря только, что видели людей, хотя во многих случаях это оказывается всего лишь табуны диких лошадей или стадо каких-нибудь диких животных. Но если тот, кто остался на первом дереве, яляется и подтверждает сообщение, а также первый со второго дерева, тогда вооружаются, и собираются вышеназванные генералы (воеводы. – В.Н.), и посылают разведать силы врага. Те же часовые, сойдя с дороги, по которой следует неприятель, рассеиваются тут и там, поджидая, что он пройдет, и выходят к его следу и приблизительно выясняют его силы по ширине дороги,

проложенной им в траве, которая высотой больше лошади; но это не луговая трава, а пустынная, так как русские поджигают ее каждую весну как для того, чтобы татары в раннюю пору не имели пастбищ, так и для того, чтобы она росла выше. И если те являются по любой из вышеназванных дорог, то их силы приблизительно распознают ... по глубине протоптанной ими дороги. Также их... распознают по пыли, увидев, как она поднимается в воздух, поскольку они неохотно едут через траву, опасаясь загнать своих лошадей. И тогда сказанные часовые по известным им секретным тропинкам приносят известие об их силах, для сопротивления которым генералы отходят к рекам или лесам, чтобы затруднить их передвижение. Но татары – враг столь подвижный и проворный, что, зная это, с двадцатью или тридцатью тысячами всадников отлечет армию, отправив в то же время некоторое число по другой дороге опустошать страну, что они продвигаются с такой скоростью, что удар будет нанесен прежде, чем русская армия получит подтверждение" [8].

В 1575 году на Сосну с ратными людьми был послан воевода Михайло Далматович Карпов и Посол Ивашкин [9].

15 марта 1576 года правительственная комиссия во главе с боярином И.Ф. Мстиславским "приговорила": сохранить на ближайший год общероссийскую сторожу с воеводой "на Сосне усть Ливен", а также учредить еще четыре сторожи на реках Северском Донце, Осколе, на Дону и "меж Дону и Волги под Тюлерманским лесом". На реку Сосну воеводствовать направили князя Ивана Охлябинина и Михаила Назарьева сына Глебова со служилыми людьми из Новосиля [10]. В сентябре их сторожа подверглась нападению татар и была разгромлена. Под впечатлением этой неудачи, а также в связи с тем, что линия сторож продвинулась далеко вперед, на линию рек Донец, Оскол и Дон, Иван Грозный распорядился упразднить Ливенскую сторожу [11]. Тем не менее высокий,

удобный для обороны мыс не был забыт; по мере передвижения русских границ на юг на свободные земли передвигалось и население, и на устье Ливен правительство решило поставить город, который служил бы центром колонизации округи и защитой для переселенцев. 21 августа 1585 года сюда был направлен князь Дмитрий Михайлович Бярятинский из Мценска, которому велели быть на Ливне [12]. Вероятно, он должен был не только нести дозор, но и осмотреть местность и дать ответ, можно ли здесь поставить город. 1 марта 1586 года по указу царя Федора Ивановича на реке Сосне, "не доезжая Оскола два днища", было велено основать город Ливны, строителями которого назначили воеводу князя Владимира Васильевича Кольцова-Мосальского¹ и голову Лукьяна Хрущова [13].

Весна 1586 года ушла на сбор к месту будущего строительства служилых и работных людей, скорее всего, из ближайших городов: Орла, Мценска и Новосиля. Надо полагать, что, согласно русской градостроительной традиции, закладку города приурочили к ближайшему церковному празднику. В Ливнах городской собор был освящен в честь Живоначальной Троицы, таким образом, город заложили

¹ Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич – князь, дворянин московский и воевода, затем боярин, единственный сын князя В.В. Мосальского-Кольца. Способный администратор, градостроитель и военачальник, посвятивший всю свою жизнь "государевой службе" на воеводских должностях. Воеводствовал в 1580 году в Рязеви, в 1582 – в Орле и в Пронске, в 1583 – 1-й воевода в Орле, в 1585 – 2-й воевода Большого полка на "берегу" (Оки), в 1596 – в Ливнах, в 1588 – 1-й воевода в Волхове, в 1590–1591 – воевода в Тобольске, где организовал поход против хана Кучума и наголову разгромил его на реке Ишим. Хотя сам хан и успел бежать, в плен попали две его жены и сын Абдул-Хайра. В 1591 году князь Владимир Васильевич воеводствовал в Донкове, в 1592 – в Ивангороде, в 1594–1595 – в Кромах, после чего его послали на реку Яик "города ставить", а затем на службу в Астрахань, в 1598 году он возглавил Передовой полк в "славной" (сухой) рати в Серпухове, в 1599 – 2-й воевода Передового полка в Новосиля, в том же году 3-й воевода в Чернигове,

29 мая/11 июня² или близ этой даты, таким образом, ливенцы с полным правом могут отмечать этот праздник как день основания города.

Описаний Ливен в первые годы их существования не сохранилось, утрачен и хранившийся в царском архиве чертеж города, составленный, вероятно, после его основания. Надо полагать, что все эти документы погибли еще в годы Смутного времени, когда в Московском Кремле хозяйничали польско-литовские оккупанты. Тем не менее облик города этого времени можно представить по Приправочной книге 1615 года. Согласно ей, город состоял из двух частей – Малого острожка и Большого острога. Малый острожек, служивший кремлем, располагался на высоком и скалистом мысу при впадении в реку Сосну речки Ливны (современная Ливенка). Он представлял в плане неправильный шестиугольник и был обнесен острогом с тараками, стоявшими с напольной

в 1600 году – воевода в Валуйках, в 1601 – 1-й воевода "у обозу", в 1603–1604 – 2-й воевода в Терках, затем – 2-й воевода Сторожевого полка в Новгороде-Северском и Стародубе, в 1605 – снова воевода в Терках.

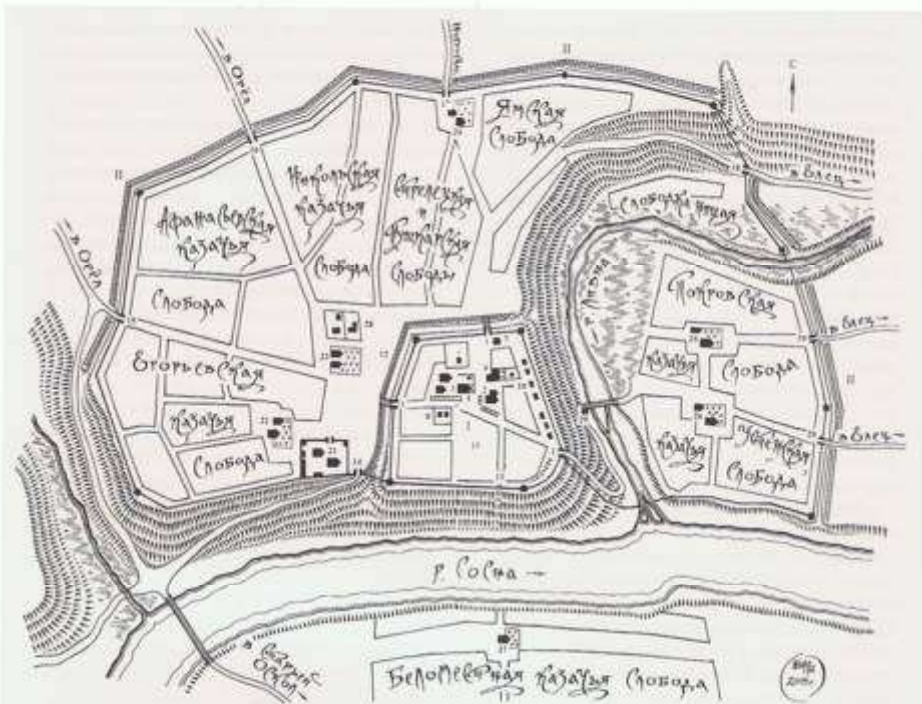
Надо полагать, что князь хорошо разбирался в военной архитектуре и градостроительстве, поскольку за свою жизнь построил по царскому указу четыре города: 1586 – Ливны, 1594 – Кромы, 1598 – город на реке Яик (Урал), 1600 – Валуйки.

В 1605 году Владимир Васильевич присягнул Лжедмитрию I и получил от него чин боярина. После убийства самозванца (17 мая 1606 года) он "целовал крест" царю Василию Шуйскому.

Осенью 1606 года во время восстания И. Болотникова князь участвовал в боях против отрядов восставших под предводительством Истомы Пашкова на Серпуховском направлении. Первоначально он терпел неудачи, главным образом из-за подавляющего численного перевеса повстанцев, но после подхода степных подкреплений во главе со стольником князем М.В. Скопинным-Шуйским воеводы разгромили восставших на реке Пахре.

Князь В.В. Кольцов-Мосальский погиб зимой 1609–1610 годов в бою с шаингой разбойников Салькова, когда вел обоз с продовольствием в сторону по Коломенской дороге. Оставил трех сыновей – Ивана, Андрея и Григория [14].

² По старому стилю/по новому стилю.

План Ливен в конце XVI – начале XVII века (до 1618 года)
 Реконструкция автора по Приправочной книге 1615 года.

<p>I. Малый острожек.</p> <p>1. Ворота Малого острожка.
 Церковь:
 2. Троицкий собор с приделом Рождества Богородицы.
 3. св. Николая Чудотворца и Обновления Храма Воскресения Господня.
 4. св. Ильи Пророка с приделом св. Дмитрия Солунского.
 5. св. Параскевы Пятницы.</p> | <p>Прочие постройки:</p> <p>6. Изна разрядная.
 7. Казенный погреб.
 8. Кабацкий двор.
 9. Торговые лавки и столы.
 10. Кузницы.
 11. Осадные и жилые дворы.
 12. Надолбы перед крепостным ровом.
 13. Тайник к реке Сосне.</p> | <p>II. Вольшой острог.</p> <p>Ворота:</p> <p>14. Потайные.
 15. Егорьевские.
 16. Афанасьевские.
 17. Пятницкие.
 18. Никольские.
 19. Успенские.
 20. Покровские.</p> |
|---|--|--|

Церкви:

21. Сергиев монастырь с церквами Сергия Радонежского и Благовещения Пресвятой Богородицы и Святыми воротами. 22. Св. Георгия Стратотерца и св. Афанасия и Кирилла Александрийских в Егорьевской и Афанасьевской казацких и слободах. 23. Св. Николая Чудотворца и св. Флора и Лавра в Никольской казацкой слободе. 24. Св. Параскевы Пятницы и св. Василия Блаженного в Стрелецкой слободе. 25. Покрова Богородицы и св. Великомученика Никиты мученика в Покровской казацкой слободе. 26. Успения Богородицы и Михаила Архангела в Успенской казацкой слободе. 27. Св. Дмитрия Солунского в Беломестной казацкой слободе. 28. Два двора воеводских. 29. Мельница с плотиной.

стороны на земляном валу. В стенах имелось несколько глухих и не менее трех проездных башен. Подступы к стене преграждали надолбы¹. Внутри Малого острожка помещались разрядная изба, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, три двора соборных попов, 37 лавок и 4 торговых стола, 8 кузниц да "двор кабацкой, а на дворе две избы ветхи, да погреб, да ледник", а также казенный погреб с оружием и пороховыми запасами. Начало Приправочной книги плохо сохранилось, тем не менее кое-что относительно артиллерийского вооружения Ливенской крепости здесь можно разобрать: "...пищаль скорострельная, да 2 пищали волколен, да 26 пищалей затинных, да 2 пищали затинных испорченныя на стрельбе..." [15].

Над кремлевской застройкой высились главы пяти клетских церквей: соборной – Живоначальной Троицы с приделом Пресвятой Богородицы; Святого пророка Ильи с приделом Стратотерца Христова Дмитрия Солунского. Святой мученицы Параскевы Пятницы; Святого Николая Чудотворца и теплая церковь Обновления храма Воскресения Христова. В Приправочной книге Троицкий собор и Ильинская церковь названы "ветхими", надо полагать, что они являлись первыми церквами Ливен, если к 1615 году уже успели обветшать.

Малый острожек огромным полукольцом опоясывал Вольшой острог, периметр стен которого достигал около двух верст. Он занимал обширное пространство в междуречье Сосны и Ливны, а также охватывал Заливенье. Его укрепления были аналогичны крепостным стенам Малого острожка и имели 7 башен с воротами: Потайными, Егорьевскими, Афанасьевскими, Пятницкими, Никольскими, Успенскими и Покровскими. Территорию Большого острога занимали многочисленные

слободы служилых людей: пять казацких – Егорьевская и Афанасьевская (двор казачьего головы, два двора пятидесятников, 15 дворов десятников и 180 дворов казацких "людей в них тож число, да 13 мест дворовых убылых казаков, да 2 места дворовых казацких сотников"); Никольская ("...всего 110 дворов, а людей в них тож, да 20 мест дворовых убылых казаков, да место дворовое казачье воротника"); Покровская и Успенская, помещавшиеся за речкой Ливной ("...всего в казачьих Заливеньских слободах – в Успенской и в Покровской 234 двора казачьих, а людей в них тож, да 36 мест дворовых казачьих убылых казаков, да 3 места дворовых казачьих сотников"); а также слободы: Стрелецкая ("2 двора пятидесятников, да 8 дворов десятников, да 90 дворов стрелецких, а людей в них тож"); Пушкарская (17 дворов пушкарских и 12 затинниковых) и Ямская ("а в ней дворы охотничьи, старосты Данилы Алексеева, Михайлы Трубицына... всего 12 дворов ямских охотников, а людей в них 13 человек, да 8 мест дворовых проезжих ямских охотников, и те охотники померли, а иные с бедности разбрелись"). Кроме того, в Большом остроге находились два двора воеводских, 8 дворов детей боярских, два двора – соборных попа и дьякона, две соборные церковные кельи, где жили пономарь и проскурница, богадельня, "да у реки у Ливны под горою пять келий, а в них живут нищие, – питаются по миру". Над слободской застройкой поднимались главы "клетских" приходских церквей: Стратотерца Христова Георгия и Св. Афанасия Александрийского в Егорьевской и Афанасьевской слободах, Св. Николая Чудотворца и св. Флора и Лавра в Никольской слободе, Покрова Пресвятой Богородицы и св. Мученика Христова Никиты в Покровской слободе; Успения Пресвятой Богородицы и Михаила Архангела в Успенской слободе. Традиционно церкви возводились парами – рядом с высоким,

¹ Начальные листы Приправочной книги с описанием укреплений Малого острожка утрачены, поэтому здесь дается их гипотетическая реконструкция.

красивым и просторным холодным (летним неоттапливаемым) храмом ставили небольшую теплую церковь, которая отапливалась и где богослужение было возможно и в зимнее время.

Кроме приходских церквей в Большом остроге находился Сергиев мужской монастырь. Первое упоминание о нем относится к 1592 году, когда царь Федор Иванович "пожаловал в Сергиев монастырь на церковное строенье... реку Тим со всеми угодьями". В Приправочной книге 1615 года содержится следующее описание обители: "В Большом же остроге монастырь Сергиев, а в монастыре церковь Великого Чудотворца Сергия Радонежского, да другая церковь теплая – Благовещения Пресвятой Богородицы, древяна клетки..., да на монастыре ворота Святые, а на воротах Деисусы на празелени писаны на оба лица¹ да на колокольне 6 колоколов... А в монастыре игумен Харлампий, да поп черный, да 11 человек братии". Кроме земельных угодий в Ливенском уезде монастырю принадлежала мельница в городе на речке Ливне, ниже кремля, но в 1616 году ее "отписали на государя" (царя Михаила Федоровича) и передали в ведение Приказа Большого Дворца².

На противоположном берегу реки Сосны, напротив города, располагалась Беломестная казачья слобода ("...дворы: сотника казачева Иева Головина, да пятидесятника Фирса Федорова, да 5 дворов десятиковых..., да 53 двора рядовых казаков, всего 60 дворов, а людей в них тож") с деревянной церковью Св. Дмитрия Солунского [15].

¹ Деисус – ряд из 12 икон, "на празелени" – иконописные изображения на зеленом фоне, "на оба лица" – с двух сторон.

² Мельница на реке Ливне стояла еще в начале XX века.

Водяная мельница.
Музей-заповедник Коломенское. Фото автора. 2009 год.
Подобная мельница была и в Ливнах на речке Ливенке.

Жизнь в новооснованном городе была весьма беспокойной в связи с постоянной татарской угрозой, причем особой опасностью отличалась служба "в сторожах" и станичников, причем не только от татар, но и от соседей – украинских казаков, подданных Речи Посполитой³. В 1590–1591 годах казаки, хотя официально никакой войны между двумя государствами не было, погромили все путевые сторожи и станицы. Подобное было весьма чревато: вся сторожевая служба на границе "ослепла", и тому же до Москвы из Крыма доходили безрадостные слухи о подготовке крымским ханом Казы-Гиреем большого похода. В этих условиях боярская дума в апреле 1591 года приняла решение об учреждении на Ливнах вместо многочисленных, но весьма узависимых сторож двух крупных станиц.

³ В 1593 году, памятуя о тяжелой службе станичных голов, станичников и вожей (проводников), царь Федор Иванович повелел щедро награждать их за понесенный урон: за убитого коня давать 4 рубля, за мерина – 3 рубля, "а которово станичника или вожа на поле в станице убьют, и за его службу, и убийство, и за изрон данати государевы жалования жеман и их детям по 4 рубли". Деньги по тем временам очень большие [21].

Одна из них должна была нести сторожевую службу по Муравскому шляху, другая – по Изюмскому: "а ездити тем двум станицам теми дорогами беспрестанно встречаясь и вестей проводывати и ждать больших вестей с Ливен, чтоб крымской царь и царевичи и большие люди на государевы украинны (окраинные земли, пограничье. – В.Н.) безвестно не пришли, чтоб про царя и про царевичей и про воинских людей весть была задолго до их приходу..." [17]. Меры были предприняты весьма вовремя, и для Московского правительства нашествие Казы-Гирея не стало неожиданностью. Ливенские воеводы Иван Михайлович Вутурлин и Андрей Дмитриевич Звенигородский сообщили о появлении в городе татарина-перебежчика, рассказавшего о том, что хан собрал для похода стотысячное войско. По его же словам, Казы-Гирей, надеясь на внезапность, приказал вплоть до Москвы не распускать "войну" (сгонных отрядов для опустошения окрестностей) [18].

В начале июля 1591 года восточнее Ливен на Москву прошла орда Казы-Гирея. Город и уезд не пострадали, поскольку татары шли спешно. В сражении 4–5 июля под стенами Москвы Казы-Гирей потерпел сокрушительное поражение. В 10-х числах того же месяца остатки его орды переправились через Сосну недалеко от Ливен. Самого же хана в Крым привезли с подвязанной рукой "в ноци, в телеге" [19]. Следует отметить, что ливенские воеводы И.М. Вутурлин и князь А.Д. Звенигородский в число военачальников, награжденных за отражение нашествия Казы-Гирея, не попали. Скорее всего, в обоих случаях они просто заперлись в крепости, ожидая, когда многотысячная орда татар "перелезет" через реку Сосну. Впрочем, их вполне можно понять: имея всего около тысячи человек, рассчитывать на какой-либо успех в попытке помешать татарам

переправиться воеводам не приходилось. Главное было – уберечь город.

Новый набег состоялся уже весной следующего 1592 года: царевичи Фети-Гирей и Бахты-Гирей пришли "безвестно" на "рязанские, каширские и тульские места", уведя многочисленный полон. По указу царя Федора Ивановича в погоню за татарами с Ливен послали "воеводу Ивана Вутурлина да Ортемя Колтовского, да голову Афанаса Зиновьева", но, судя по всему, догнать татар им так и не удалось [20]. Летом того же года ливенскому воеводе И.М. Вутурлину велели отослать на житье в новостроенный Елец 60 ливенских казаков – "лутчих, прожиточных и семейнистых". Этот указ вызвал недовольство среди ливенских служилых, только недавно устроившихся в Ливнах; в результате многие из них "с Ельца абежали" [22].

В конце XVI – начале XVII века Ливны являлись одной из крупнейших крепостей Московского государства на южной степной "украине", уступая по численности населения разве что Туле и возведенным в 1592 году Ельцу и в 1599 году Цареву-Борисову. Здесь съезжались для переговоров крымские и московские послы, а также производилась "посольская размена". После опустошительного набега крымских татар весной 1592 года русское правительство сделало попытку стабилизировать отношения с Крымским ханством заключением с ним мирного договора. Крым в это время тоже был заинтересован в мире, поскольку Турция готовилась к вторжению в Австрию и хан в качестве вассала должен был участвовать в походе вместе со своими полчищами. В конце концов стороны урядились встретиться для переговоров на Ливнах. О том, как они происходили, можно прочесть у известного историка С.М. Соловьева: "В ноябре 1593 года вместе с князем Щербатовым отправившись в Ливны боярин князь Федор Иванович Хворостинин да оружейничий Богдан Яковлевич Вельский

Переговоры о мире между послом хана Казы-Гирей и князем Хворостининым на мосту через реку Сосну близ Ливен. 1593 год. Гравюра Шюблера по картине Н. Дмитриева Оренбургского.

для переговоров о вечном мире с ханским уполномоченным Ахмет-пашою. Приехавши в Ливны, Хворостинин послал сказать Ахмет-паше, чтоб тот ехал к ним за реку Сосну на переговоры; Ахмет отвечал, что ему за реку ехать невместно: прежде приезжал в Путивль большой его брат Мурат князь, а с Москвы приезжал тогда на замену послов Андрей Нагой, который приезжал за реку Сейм к Мурату князю в шатер, потому теперь он, Ахмет-паша, государя своего имени потерять и прежнего обычая нарушить не хочет. Хворостинин возражал, что Андрей Нагой был дворянин обычный и великого такого дела тогда не было, а теперь для великого дела посланы люди великие.

Ахмет отвечал, что он у своего государя человек именитый же, да и служба его к царю Федору Ивановичу ведома, и ему от хана приказ — за Сосну не ездить. Когда Хворостинин дал знать об этом затруднении царю, то получил грамоту: “Сами знаете, что по ту сторону Сосны все наша земля, и вы бы приказали к Ахмет-паше, что вы для доброго дела и мимо нашего указа свой съезжий шатер на их стороне велите поставить, только бы Ахмет-паша приезжал к вам на съезд в ваш шатер”. Но Хворостинин урядился с Ахмет-пашою иначе: положили съезжаться на середине реки на мосту. Ахмет дал шерть (присягу. — В.Н.) за хана и царевичей — быть в прямой дружбе и братстве с царем, а Хворостинин обещал: “Если хан, калга (верховный министр. — В.Н.) и все царевичи в своей правде устоят, летом 1594 года на московские украинны воевать не будут, то государь осенью послов своих и другую половину запроса к хану пришлет, и вперед поминки (денежные выплаты и подарки. — В.Н.) станет присылать ежегодно, государя нашего слово инако не будет, в том верьте нам”. Ахмет отвечал: “Я вашим словам верю” [23].

Тем не менее ни эта договоренность, ни все последующие не привели к миру, тем более вечному, на степной границе: крымский хан нарушал договоры, когда ему вадумается, а когда не нарушал, русские окраины “шарпали” отряды музр, эмиров и просто удалых голов. В ответ же на протесты русской стороны хан отвечал, что в них, то есть в своих подданных, не волен, и требовал новых подарков и поминок. Впрочем, иначе и быть не могло — основу экономики и благосостояния Крыма составляла работоторговля. Как показало время, укротить крымских хищников смогли только укрепленные линии и новые крепости, отодвигавшие все дальше и дальше на юг границы Московского государства.

ЛИВЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ В XVII ВЕКЕ

“Город Ливны строен вновь стоячим острогом по старому основанию. Башни новыя, крыты тесом в 2 тесницы. И тот город и башни строены при воеводе при Василье Даниловиче Гриневе прошлого 185 и 186 (1677–1678. — В.Н.) году, весь в отделку. По городу трое проезжих вороты: Егорьевския, Никольския, Заливенския. На Егорьевской башне колокол вестовой, а в том весу пол-седьма (6,5. — В.Н.) пуда. 3 ключа городовые, ключ казенного анбара да два ключа казенного погреба. Приказная изба крыта лубьем. Перед избой сени, крыты лубьем же. Изба и сени крыты при воеводе при Василье Даниловиче Гриневе в прошлом во 185 году. Изба ветха”.

Сметный список города Ливны. 1678 год [1].

Начало XVII столетия ознаменовалось в России бурными социально-экономическими потрясениями, получившими название Смутного времени. Страшный голод 1601–1603 годов, когда люди, по словам летописца, “адома всяку траву и мертвечину и песь и кошка али кору липовую и соснову”, появление разного рода самозванцев, восстания и гражданская война в сочетании с польско-литовской и шведской интервенцией потрясли самые основы Русского государства, принесли стране колоссальные материальные и людские жертвы и едва не привели к потере Россией национальной независимости. Ливенцы принимали в событиях Смуты самое активное участие, а их пристрастие к поддержке самозванцев, липовых кандидатов на престол и разного рода авантюристов отразилось в поговорке “Орел да Ливны всем ворам¹ дивны”.

¹ Слово “вор” в те времена имело несколько иное значение, нежели сейчас. Ворами называли людей, связанных с антиправительственной деятельностью: повстанцев, мятежников,

В августе 1604 года в южных пределах Русского государства появился самозванец, объявивший себя чудесно спасшимся сыном царя Ивана Грозного Дмитрием, а правившего царя Бориса Годунова — узурпатором. Против Лжедмитрия было послано сильное войско под командованием воевод князя Федора Ивановича Мстиславского и князя Василия Ивановича Шуйского, которые нанесли ему жестокое поражение под Добрыничами 21 (31) января 1605 года. В сражении на стороне правительственных войск принимали участие и 200 новных ливенских казаков с пищальями под началом головы Курбата Челюткина [2]. Но бездействие царских воевод, которые вместо преследования самозванца занялись безуспешной осадой маленькой крепости Кромь и тем самым потеряли время, привело к перелому ситуации.

заговорщиков — одним словом, оппозиционеров. Человека, занимавшегося кражей чужого имущества, именовали “гаты”, а само это занятие “гатыбой”.

Очаг восстания расширяется, и на сторону Лжедмитрия переходят города и воеводы. Иезуиты Чижеский и Лавицкий, находившиеся в стане самозванца, в письме от 7 (17) марта 1605 года с радостью сообщали, что на сторону Лжедмитрия перешли сильные крепости Елец и Ливны [3]. Восставшие ливенцы схватили воеводу Дмитрия Михайловича Барятинского, отказавшегося присягнуть самозванцу, и отвезли его в ставку Лжедмитрия I в Путивль [4].

В 1606 году самозванец был убит в результате заговора в Москве и на престол взошел царь Василий Шуйский, но едва ли не сразу после его воцарения в южнорусских городах вспыхнуло восстание под руководством Ивана Болотникова, к которому вскоре примкнули и Ливны. Воевода Михаил Борисович Шенин, будущий герой обороны Смоленска от поляков в 1609–1611 годах, «едва утек с Ливен душою да телом, а животы его (имущество, – В.Н.) и дворянские пограбили» [5]. В начале 1607 года на выручку Болотникову, осажденному в Калуге, из Путивля двинулись казачьи отряды «царевича» Петра (Илейки Муромца). Путь повстанцев сопровождался грабежами и расправами над именитыми и богатыми людьми. Погромы были и в Ливнах. Позднее в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу Дементий и Елисей Замятнины жаловались, что отца их «вор Петрушка убил на Ливнах» [6]. Вскоре Ливны присягнули очередному самозванцу – Лжедмитрию II, затем перешли на сторону правительства Василия Шуйского, а после его свержения примкнули к Первому ополчению Прокопия Ляпунова, пытавшемуся выбить поляков из Москвы. В мае 1613 года Ливны дважды пытался взять штурмом казачий атаман Иван Заруцкий, но ливенцы под предводительством воеводы Григория Колтовского отбились, и Заруцкий ушел к Воронежу. После этого среди ливенцев долго ходили слухи о кладе, который лихой атаман якобы схоронил недалеко от города [7].

В свою очередь, ливенские служилые люди получили возможность расквитаться с мятежными казаками, когда их направили в Лебедянь к воеводе Никите Ивановичу Одоевскому для участия в погоне за Заруцким [8]. 29–30 июня и 2–3 июля в сражении под Воронежем Заруцкий был наголову разбит и бежал в Астрахань.

В августе 1615 года 300 ливенских служилых людей под началом своего воеводы Степана Исленьева в составе рати князя Дмитрия Михайловича Пожарского участвовали в сражении с отрядом литовского полковника Александра Лисовского на Царевом Броде под Орлом [9]. Впрочем, особой славы полк С. Исленьева не сыскал, воевода со своими людьми бежал с поля боя в самом начале битвы и вернулся в лагерь Пожарского с наступлением темноты.

Но городу предстояло пережить еще более тяжелые испытания. В 1618 году к Ливнам подошли полки гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, шедшего к Москве на помощь польскому королевичу Владиславу, стремившемуся сесть на русский трон. Запорожское войско насчитывало около 20 тысяч человек, не считая кошевых (обозных) людей. Ливенцы оказали ожесточенное сопротивление, но силы были слишком неравны: по росписи 1618 года в Ливенском гарнизоне насчитывалось всего 940 человек. Оставив пепелище на месте Ливен, Сагайдачный пошел дальше на Блещ.

«Ливенское разорение» нашло свое отражение в летописях. Вот как изображено побоище под Ливнами в Бельской летописи: «А пришел он, полковник пан Сагайдачный, с черкасы под украинной город под Ливны, и Ливны приступом взял, и многую кровь христианскую пролил, много православных крестьян и з женами и з детьми посеял неповинно, и много православных христиан поруганья учинил и храмы Божия осквернил и разорил и дома все христианские пограбил, и ... многих жен и детей во плен поимал» [10].

Гетман П. Конашевич-Сагайдачный.
Гравюра XVII века.

В плен попал и ливенский воевода Никита Иванович Егупов-Черкасский с женой, второй воевода Петр Данилов был убит в бою.

В следующем же году после «запорожского разорения» Ливны были срублены заново воеводой Григорием Васильевичем Измайловым. Новый город был бледной тенью предыдущего. Он уступал ему и в силе укреплений, и в количестве церквей, и в численности населения. Число храмов сократилось главным образом за счет ликвидации парных церквей: если в 1615 году в Ливнах насчитывалось 16 церквей, то в 1646 году их было 9 или 10: Св. Николы Чудотворца в Казачьей слободе, Великомученика Георгия на посаде в Казачьей слободе; Св. Параскевы Пятницы в Стрелцкой и Черкасской слободах, Св. Дмитрия Солунского в Казачьей Беломестной слободе, а также два или три храма в Сергеевом монастыре.

Григорий Измайлов, восстанавливавший город, отстроил только укрепления кремля – Малого острога, стены же

Герб запорожского гетмана
Петра Конашевича-Сагайдачного.

Большого острога восстанавливать не стал, по-видимому, из-за отсутствия денег, леса и людей. Позднее по их трассе поставили плетни и надолбы. Конечно, это были неважные укрепления, но против крымских татар, которые города брать не умели, вполне было достаточно и этого! [11]. При восстановлении Малого острожка использовали старые крепостные земляные валы, срубив на них новую острожную стену взамен сгоревшей протяженностью 309 сажен, с тремя проезжими – Егорьевскими, Никольскими и Покровскими (Заливенскими, Ливенскими) – и четырьмя глухими башнями. Из крепости к реке Сосне вели два подземных хода-тайника, один длиной 16 сажен, «а вода в нем ключевая добра», другой двенадцатисаженный – «весь завалился и вода слоевая наборная, и занесло илом».

¹ По словам хана Бегдыр-Гирей, оправдавшего перед турецким военачальником бездействие своих воинов при осаде Азова в 1641 году, крымские татары – «не градоимцы» и взять самый худой деревянный городишко им не под силу.

Вид на Беломестную казачью слободу в Ливнях в конце XVII века. Справа – церковь Св. Дмитрия Солунского. Вдалеке на горе виден Ливенский кремль и Сергиев монастырь. Реконструкция автора.

Из-за спешки в строительстве стеновые и башенные мосты (боевые площадки) сделали узкими и тесными, что вызвало нарекания у последующих воевод, например, Д.Ф. Колтовский в 1631 году писал, что “в приступное время по мосту пищаля перебраться с людьми перебежать скорым обычаем для помочи не можно, тесно”. Кроме того, башни не удосужились накрыть, и они стояли без крыш около 20 лет, что отнюдь не способствовало их сохранности. Крепость окружал ров, довольно мелкий и узкий, его склоны были “ослонены” (выложены) дубовым тыном. Впрочем, он не являлся серьезным препятствием, воеводы жаловались, что “во многих местах по рву пешему человеку взойти мочно, потому что тын ставлен на обе стороны добре отлого” [12].

Внутри Малого острожка вместо прежних шести храмов поставили только один – соборную церковь Св. Михаила Маленна в память ангела-хранителя царя Михаила Федоровича. Но к 1628 году служба в соборе прекратилась, так как соборный священник “отошел прочь” из-за отсутствия средств к существованию, поскольку государево ружное жалование ему не выплачивалось, а пашенные угодья к собору не были приписаны. Прежняя земля, принадлежавшая Троицкому собору, сожженному во время “ливенского разорения”, находилась от города в пяти верстах на татарской сакме, и “та земля запустела от татарской войны”, но и на нее у нового причта не было жалованной государственной грамоты, а без разрешения соборный протопоп не осмеливался ее распахать.

К тому же собор был не устроен, в нем не имелось ни икон, ни богослужебных книг, ни риз, ни колоколов [13]. По-видимому, в 40-е годы XVII века обветшавшую соборную церковь разобрали и рядом с местом, где стояли сгоревшие в годы Смутного времени Никольская и Воскресенская церкви, возвели храм Св. Николая Чудотворца¹, впервые упомянутый в Перечисной книге церквей и монастырей города Ливны за 1646 год [14]. Позднее, в третьей четверти того же столетия, в кремле заново срубили Троицкий собор взамен сожженного Сагайдачным.

В 1632 году истек срок Деулинского перемирия, заключенного между Россией и Речью Посполитой. Продлевать перемирие московское правительство не собиралось, активно готовясь отвоювывать утраченные в годы Смуты (1604–1612) Смоленск и города Северной земли (Новгород-Северский, Почеп, Стародуб, Трубчевск, Чернигов и другие). Были разосланы указы о приведении в порядок всех русских крепостей на западной и юго-западной границах, в том числе и Ливен. Во исполнение указа, полученного 31 декабря 1631 года, ливенскому воеводе было велено переселить в Малый острожек всех служилых людей, которые имели дворы на посаде, а самим слобожанам “для осадного времени велеть в городе и в остроге на порожних (пустых. – В.Н.) местех поставить избы и клетки тотчас, безо всякого мотчанья и велеть им держать хлебные и всякие запасы и ружья всякую”, что и было исполнено к 18 февраля 1632 года. Тогда же воевода составил осадную роспись ливенцам. По его прикидкам, к обороне города можно было привлечь 1987 человек.

¹ Нельзя исключать и того, что церковь Св. Михаила Маленна после капитального ремонта просто пересвятили во имя Св. Николая Чудотворца, подобное, правда, редко, но бывало. Произошло это, по-видимому, после 1645 года, когда скончался царь Михаил Федорович.

Ливны. Ансамбль храмов бывшего Сергиева монастыря с церковью Св. Сергия Радонежского (1692–1693 гг.) и надвратной Тихвинской Богоматери (1734 г.). Фото Н.Н. Усова. 1980-е годы.

Из них 1067 без ружья, в том числе 212 человек уездных крестьян. По росписи воеводы, все эти осадные люди расставлялись таким образом, что на каждые две сажени стены приходилось 3 человека с пищалями, 2 – с луками и стрелами и 4 безоружных; 30 человек поставили к пушкам, остальных к воротам (по 15 человек с пищалями, 10 с луками, 50 безоружных), башням и тайникам [15]. Воевода послал запрос о разрешении “худые места поделать” и ров выкопать, но указ прислали только после очередной отписки воеводы от 13 октября 1633 года, когда война была уже в самом разгаре. Впрочем, сколько-нибудь серьезный ремонт крепостных сооружений так и не был произведен. Артиллерийское вооружение Ливен в это время состояло из 5 пищалей полоторных (две по 6 гривенок, три по 4 гривенки), 4-х пищалей полковых и 16 пищалей затинных. Ядер ко всем пищалям имелось в наличии 1200 (в том числе к полоторным 354), пороха 284 пуда 16 гривенок, свинцу 393 пуда 35 гривенок. В конце 1630 года Боярская дума решила увеличить

количество снарядов у полоторных и полковых пицалей на 526. Тогда же по боярскому приговору было указано довести хлебные запасы в Ливнах до 1000 пудов. В конце того же года этот приговор выполнили, но оса прислали больше – 1000 четвертей [16]. В 1632 году началась война, и 70 ливенских казаков в составе рати воевод боярина М.В. Шенна и окольного А.В. Измайлова участвовали в походе на Смоленск [17].

В 1639 году ливенский гарнизон усилили за счет присылки сюда 59 украинских казаков-черкас с семьями во главе с атаманом Устином Холомоновым, приехавших на русскую службу из Речи Посполитой. По царскому указу им отвели пашенную и селитебную землю, где они основали свою Черкасскую слободу, а также выдали хлебное жалование и семена для посева [18].

К началу 30-х годов XVII века острог, построенный Г. Измайловым, изрядно обветшал. Ливенские воеводы Андрей Вутурлин и Ульян Шепин в 1633 году писали в Разряд о неутешительных результатах досмотра Ливенской крепости: «На Ливнах, государь, острог во многих местах подгнил и обломан и котки погнили ж и оболялись и башни, государь, были не крыты и в башнях мосты погнили ж и оболялись», категорично заявив, что без ремонта в осадное время в кремле сидеть невозможно [19]. Крепость отремонтировали лишь через несколько лет, в 1640–1641 годах. Воевода Федор Бояшев, осматривавший ее укрепления в 1642 году, писал в своей отписке царю Алексею Михайловичу: «на Ливнах, государь, острог поставлен новой дубовой и с облами и с терасы и покрыт тесом дубовым». Старые острожные стены разобрали до основания и выстроили заново, кроме того, на старом тайнике возвели новую башню. Тем не менее недоделок в новой крепости хватало. Глухие и проезжие башни остались старые и стояли с провалившимися крышами и мостами. Новая башня также осталась стоять «без верху не покрыта» [20].

Очередные ливенские воеводы Федор Вутурлин и Лавр Писарев жаловались, что крепостные башни по-прежнему стоят без крыш и от дождя «в башнях мосты и под нарядом (пушками. – В. Н.) станки гниют, да по твоему [государеву] указу сделаны на острогу два тайника к реке Сосне меж дву башен, меж Покровских ворот и наугольной башни, а меж, государь, тех башен на тайнике и меж тайников башни не поставлена, в приход воинских людей (татар. – В.Н.) без башни к тем тайником быт[ь] не мочно, да Покровская, государь, башня не свершена, верху нет, да от Николеския, государь, башни на углу башня не поставлена» [21]. Один за другим сменялись воеводы, по поводу починки крепости велась постоянная переписка с Москвой, а крепостные сооружения и казенные постройки все более и более ветшали.

В 1647 году город претерпел страшное бедствие – пожар. 17 августа «в четвертом часу после обедни» загорелся храм Св. Николы Чудотворца в Сергиевом монастыре. Надо полагать, пожар возник случайно, от плохо потушенной свечки или упавшей лампадки, но, как известно, от копейной свечки и Москва горела, а стоявшая сухая и жаркая погода только усугубила бедствие. От горевшего храма огонь перекинулся на другие монастырские церкви и кельи, и через некоторое время вся обитель пылала, как свечка. Огонь грозил перебраться на стены крепости, которые отделял от монастыря только ров, а ведь в кремле хранились пороховые, денежные и хлебные запасы, свинец, пушки и оружие. Сбежавшиеся служилые люди сумели отстоять от огня крепость, но слободы вокруг нее выгорели дотла. От двух приходских церквей – Георгиевской в Егорьевской казачьей слободе и Св. Параскевы Пятницы в Старой Стрелецкой слободе, трех храмов и келий Сергиева монастыря и 328 дворов ливенцев остались только обгорелые головешки, уцелели лишь отдельные дворы и казачьи слободы за Ливенкой. 20 августа ночью в

Егорьевские ворота Ливенского кремля, построенные в 1619 году.

Вид по состоянию на 1660 год. Реконструкция автора.

К воротам, увенчанным дозорной вышкой с вестовым колоколом, пристроена отводная стрельница, в нижней части которой находится потайная калитка для вылазок в крепостной ров. Для удобства обороны мост примыкает к отводной стрельнице под углом. Въезд на него закрывает деревянная створная решетка. Подступы ко рву презираждат четыре рда частика. Проезд сквозь него закрывает опускная колода.

Заливше в Покровской казачьей слободе вспыхнул новый пожар, но его сумели быстро потушить, и сгорело только 5 дворов. В огне погибло имущество и запасы многих казаков, стрельцов, пушкарей, а также присланных на службу в Ливны иногородних ратников. Ливенские служилые люди, а также наемники-иноземцы –

немцы, греки, литовцы и поляки, несшие службу в Ливнах, жаловались в своей челобитной царю Алексею Михайловичу: «Мы, холопы твои бедные и погорелые, бродим промеж двор, помираем голодной смертью, а иные лежат от цынги без приюта, а до того, государь, пожару многих нашу братью бедных и разоренных кормили

и поили стольники и стряпчие и дворяне московские, и те все сами погорели" [22]. Полностью от последствий пожара город с трудом оправился только через несколько лет.

Очередным ремонтом кремля занялся в 1650 году воевода Яков Кологривов, которому царским указом было велено "на Ливнах осаду укрепить, и которые места у города и у всяких крепостей порушались и те, ... места поделать, рвы почистить для приступного времени, по городу колья и камня изготовить". Крепость к тому времени находилась в довольно плачевном состоянии: крепостные рвы "засыпались и невычищены", перед Бгорьевскими и Никольскими воротами они вовсе не были выкопаны, и вместо мостов здесь имелись земляные перемычки, что облегчало к ним приступ. Перекрытия в отводных стрельницах у тех же ворот погнили и обвалились. Наугольная башня от реки Ливенки сгнила и рухнула в реку, а другая башня, средняя, стояла без мостов и обломов. Кроме того, у некоторых пушек сгнили лафеты и колеса. О тайнике Кологривов писал, что в нем "воды едва была, колодезь засарался и тиною завалакло и поталки агнили и провалялись". Нуждался в ремонте также казенные постройки: пушечный сарай и пороховой погреб с каменным выходом, на которых обвалилась кровля. На посаде требовалось накрыть построенную боярином князем Никитой Ивановичем Одревским, но стоявшую без крыши съезжую избу, а также заменить худую кровлю на аналогичной избе в остроге и огородить воеводский двор.

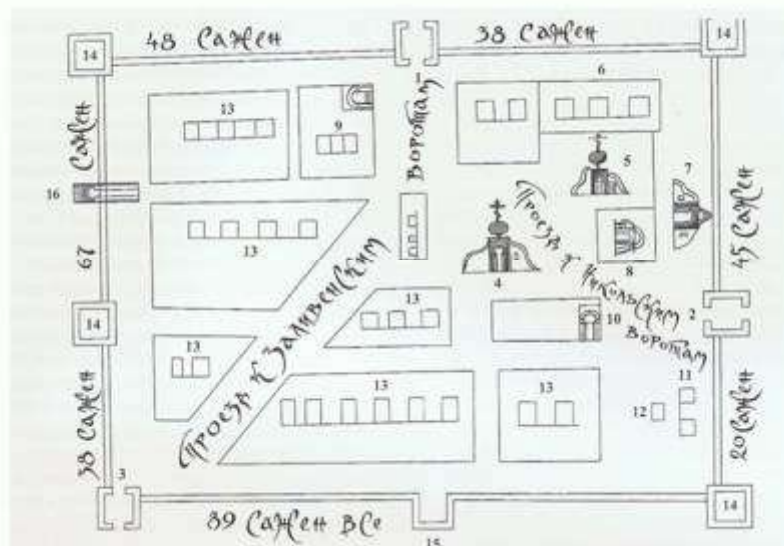
Яков Кологривов, в отличие от многих своих предшественников, оказался деятельным и энергичным воеводой, но ему пришлось столкнуться с упрямством ливенских служилых людей, которые оказались "огурливы¹ и непослушны" и, невзирая на царский указ, отлынивали от ремонтных работ. Воеводе пришлось

¹ Огурливы, т. е. державшиеся гуртом, дружно, кучей. В другом значении – дурные.

самому со своими дворовыми "людишками" начать работу по чистке рва, которого он вычистил четыре сажени с лишком, прежде чем ливенских служилых, кого добровольно, кого силой, удалось привлечь к работам. Кологривов разбил людей на десятки, поручив каждому "по сажению рву чистить" и "колье и камня" на крепостные стены "нонасить". В ходе работ почти полностью исправили все "городовые некрепости": были вычищены рвы, а около крепостных ворот выкопаны вновь, срубили заново Наугольную башню, поделали мосты и обламы на средней башне. Кроме того, починили воротные башни, в которых заново устроили лестницы и входы, покрыли лубьем пушечный сарай и съезжие избы, починили крыши на житницах, огородили воеводский двор и исправили испорченную мельницу на речке Ливне. Капитально был отремонтирован тайник: "и в тайнике, государь, колодезь вычистили и новой обруб² обрубали и потолки зделали новые по прежнему, и воды, государь, в колодези в груди человеку, а в трубу из него не переставая вода идет", – с гордостью писал в своей отписке Я. Кологривов. Перед рвом с приступной стороны поставили чистик (деревянные ежи) новый, причем "для поспешения" и "по татарским вестям" воевода нанял плотников делать тайник и чистик на свои деньги, "дакудова городовая [не] собрать". По его приказу сделали заново и окопали железом станки ко многим осадным и полковым пушкам и срубили заново острожек на Луковском броду³ [23].

² Обруб – колодезный сруб.

³ Луковский брод – переправа через реку Сосну около села Луковец (сейчас Малоярославский район), через которую проходила Луковская дорога, ответвление Пафнурской сямки – один из путей набегов крымских татар на южные окраины Московского государства. Русские сторожи на Луковском броду выставлялись начиная со второй половины XVI века. Во второй четверти XVII столетия на островке неподалеку от брода построили небольшую крепостину – Луковский острожек,

Чертеж Ливенского кремля (север справа). Вторая половина XVII века. РГВИА. Прорис автор. "Чертеж города Ливен, а рисован с чертежа который взят из военной коллегии, чертил Михайло Золотилов".

1 – Бгорьевские ворота;	8 – канцелярх;
2 – Никольские ворота;	9 – тюремный двор;
3 – Заливские ворота;	10 – пороховой погреб;
4 – Троицкий собор;	11 – житницы;
5 – церковь Св. Николая Чудотворца ("Никола Ратный");	12 – караульная изба;
6 – келья девичьего монастыря при Никольской церкви;	13 – дворы;
7 – воеводский двор;	14 – наугольные и глухие башни;
	15 – отвод;
	16 – тайник.

В 1659 году воевода Микифор Федорович Толстой произвел очередной ремонт крепости, в ходе которого производились

подведомственную ливенскому воеводе, куда на временную службу высылались десоток ливенских стрельцов с парой малокалиберных пушечек и запасом пороха и свинца. В 1650 году по приказу воеводы Якова Кологривова обветшавший острожек был отстроен заново под руководством ливенских детей боярских Смирнова Внукова и Устина Филатова. В 1659 году во время большого набега крымских татар острожек был оставлен без боя, сожжен татарами и с тех пор больше не восстанавливался.

почти те же самые работы, что и ранее при Кологривове. Был снова вычищен ров, почищены и укреплены стены, на которые для осадного времени уложили запасы заостренных с двух сторон кольев и "камень", отремонтировали и вычистили колодезь с тайником, перебрали пошатнувшуюся отводную стрельницу у Никольских ворот, а наклонившуюся и за малым не рухнувшую к реке Сосне Наугольную башню выпрямили и подвели под нее подпорные стены. Полусгнивший

честик на подступах к крепостному рву разобрали и заменили новым в четыре ряда. Всего на поделку ушло 1317 бревен. Работы шли спешно, и через 12 дней все "городовые ветхости" были исправлены силами ливенских служилых и "жилецких" людей [24].

Ремонт был осуществлен весьма вовремя, так как в следующем году Ливенской крепости пришлось выдержать одно из самых тяжелых испытаний за свою историю. 28 июня 1659 года в ходе русско-польской войны русские войска потерпели под Ковотоном тяжелое поражение от объединенного украинско-польско-татарского войска под началом крымского хана Мухаммед-Гирея и гетмана Ивана Выговского. Воспользовавшись разгромом, орды татар, усиленные украинскими казаками, вторглись в обход Белгородской черты в русские пределы, чиня им жестокое опустошение и вскоре подошли к Ливнам. Город и раньше выдерживал татарские осады, длившиеся иногда до двух недель, но особого беспочвенства жителям они не приносили. Крымцев не подпускали даже близко к укреплениям посадов и слобод, отгоняя самых дерзких пушечными выстрелами или вылазками, и дело ограничивалось обычно стычками и скоротечными боями на окружающих город посадских полях. На этот раз было по-другому. Толпы татар, поддержанные украинскими казаками, с "огненным боем"¹ обрушились на линию плетней и надолб, защищавших городские слободы, засыпали горящими стрелами соломенные кровли изб, и ливенским служилым пришлось не только отбиваться от татар и "черкасов"², но и тушить вспыхнувшие многочисленные пожары. Перевес татар был подавляющий, в орде насчитывалось около 60 тысяч человек, к тому же крымским татарам, обычно избегавшим штурмовать русские города, придавало смелости наличие в их рядах казаков.

¹ Огненный бой – огнестрельное оружие.

² Черкасы – украинские казаки.

В то же время защитников Ливен насчитывалось всего около тысячи, и им приходилось оборонять двухкилометровую линию надолб, в значительной части обветшавших. Вскоре под натиском татар служилым людям пришлось оставить свои позиции на посаде, который превратился в сплошной костер, и отступить в кремль, где укрылось и остальное население города. Крепость выдержала все атаки крымцев³, а залетевшие стрелы с горючим материалом и тлеющие головни от горящих городских построек были быстро затушены. Тем не менее ущерб, нанесенный городу, был огромен, выгорела почти вся городская застройка вне пределов крепостных стен⁴, уцелели лишь отдельные дворы и просто чудом церковь Св. Николая Чудотворца "нижнего".

³ Интересная запись об этой осаде содержится в Росписном списке воеводы А.Г. Чичерина 20 мая 1661 года: "И та ржекая мука и таланою и овсяные и гречневые крупы и сухари (собранные в 1654–1655 годах – В.Н.) все в росходе, роздано как съели в осаде в приход под Ливны крымского хана, а роздал тот запас ливенцом, которые сидели в осаде всяких чинов людем и полонником, ливенцом же, ис Канатолского бою розных городов, которые ис полону уходили, как стоял под Ливнами крымской хан с войсками людем и которая тот запас давал кулям и тому записные книги, а которым давал ховшами и тому записки нет, потому что записавати было не успеть, в то время, страшно" [26].

⁴ Предание об этом налете татар очень долго сохранилось среди городского населения Ливен. Еще в конце XIX века на Красной площади горожане показывали кабах под названием "Торелого", который якобы сгорел во время татарского нападения. Впрочем, не исключено, что это название он получил по фамилии одного из владельцев.

Другое предание говорит о гибели от татарской стрелы игуменни Николаевской женской монастыря Елизаветы, первой заметившей татар и ударившей в набат. Огромный валун на ее могиле сохранился у Старо-Николаевской церкви еще в 20-е годы XX века, тем не менее эта легенда, как это часто бывает с изустными преданиями, плохо связывается с историческими реалиями, поскольку Николаевскую женскую обитель основали по указу Митрополита Сарского и Подонского Павла только в 1666–1667 годах. Хотя, возможно, в основе легенды лежит реальный случай – гибель во время татарского набега одной из "черниц безместных" из женской религиозной общины при Сергиевом мужском монастыре.

но ее татары "пограбиша", утащив с собой благовестный колокол [25]. Не удалось отстоять от огня и Сергиев монастырь, сгоревший дотла и находившийся всего в 60 метрах от крепостной стены. Впрочем, город подобно фениксу очень быстро возродился, уже в следующем году была почти полностью отстроена слободская застройка, а на месте сгоревших прихожан срубили новые церкви. Восстановили и укрепления, защищавшие посад и слободы, поставив по улицам надолбы, а по проганам и пустырям – плетни.

Однако через 17 лет крепость вновь требовала починки. Очередной воевода Федор Колянинов в своей отписке от 12 февраля 1667 года писал в Разряд, что "город, государь, Ливны весь подгнил", тарасы, обламы и лестницы подгнили и обвалились, часть крепостной стены к реке Ливне длиной 30 сажень и "большие" свалились под гору, а "которые стены не вывалились и то стоят на подпорах". Тайники обвалились и засорились, и водою в них было "скудно". Крыши на крепостных стенах и башнях прохудились, а воротные башни настолько осели, что через них с трудом можно было проехать на лошади. В заключение Колянинов жаловался, что в осадное время в Ливнах – "страшно и немудрено".

Опись Ливенской крепости в годовой Сметной книге городов Белгородского стола за 1672–1673 годы позволяет представить ее облик в это время. Описание начинается с Ливенских (Заливенские, они же Покровские) ворот, располагавшихся на мысу при слиянии рек Сосны и Ливны. Дорожка от них спускалась вниз по горе, к устью Ливны, а затем по плотине переходила на другую сторону речки в Заливенские Казачьи слободы.

Егорьевские (Георгиевские) ворота Ливенского кремля, построены в 1677 году. Сгорели в 1774 году. Реконструкция автора.

Для предохранения от обвала воротная башня была укреплена с двух сторон подпорными стенами – тарасами, засыпанными землей. От Ливенских ворот стена шла по гребню крутого берега реки Сосны до Средней "безверхой" башни, также укрепленной от обвала тарасами, а затем продолжалась к Наугольвой башне "от реки Сосны". От нее стена поворачивала и тянулась к главным городским воротам – Егорьевским, получившим свое название по

церкви Св. Георгия Стратотерпца в Егорьевской Казачьей слободе. Егорьевская башня являлась наиболее высоким сооружением крепости и была увенчана дозорной вышкой, где висел вестовой колокол. С напольной стороны к башне примыкала отводная стрельница с дополнительными воротами для обеспечения лучшей защиты воротного проезда. Отводные стрельницы в XVI–XVII столетиях строились во многих русских крепостях, как каменных, так и деревянных. До наших дней дошли отводные стрельницы перед Спасскими, Никольскими, Боровицкими и Троицкими воротами Московского Кремля, они имеются у проезжих башен кремлей в Зарайске, Коломне и в других городах. В передней стене стрельни Егорьевских ворот под мостовым настилом находилась потайная калитка, через которую защитники могли делать вылазки в ров. Въезд на мосты у Егорьевских и Никольских ворот закрывали деревянные створчатые решетки. От Егорьевских ворот стена шла к Наутольной башне “от площади”, у которой поворачивала и шла далее к Никольским воротам, названным по церкви Св. Николая Чудотворца в Никольской Казачьей слободе. Никольские ворота также имели отводную стрельню и по устройству были аналогичны Егорьевским. Иногда здесь хранили оружие. Так в 1659 году в Никольской башне находились 50 пик “долгих” (длинных), 20 рогатин и 2 барабана. От Никольских ворот стена шла к берегу речки Ливенки, где над обрывом стоял отвод – башнеобразный выступ в крепостной стене, не превышавший ее по высоте. От него стена опять поворачивала и шла вдоль обрыва над Ливенкой вниз по течению к другому отводу и далее к Ливенским воротам, замыкая крепостной многоугольник. Таким образом, Ливенский кремль имел три проезжие башни, из них две с отводными стрельницами, три глухие башни и два отвода. Периметр крепостных стен “около всего города и с башнями”

составлял 310 сажен¹. С наиболее уязвимой северо-западной стороны подступ к крепостной стене преграждал ров глубиной в две сажени (более 4-х метров), пространство перед которым было перегорожено честилом в несколько рядов и столпцами (вкопанными в шахматном порядке и ничем между собой не связанными бревнами), к тому времени, впрочем, подгнившими. Проезд в заграждениях к воротам закрывал честилик “на вертлюгах”, представлявший собой дубовое бревно, поворачивавшееся в гнездах, к которому были прикреплены заостренные кольца. Со стороны же рек Сосны и Ливны подступы к стене преграждали крутые берега рек – “горы большия”, и дополнительные укрепления здесь не требовались [27].

Очередным ремонтом Ливенской крепости занялся в 1677 году воевода Василий Гринева, принявший у своего предшественника острог в полустгнившем состоянии. В Сметной книге, составленной им при приеме Ливен. о крепости сказано: “город весь подгнил, стены выволились. По городу и по башням обламы и лестницы и мосты все погнили” [28]. Гринева решил не длатать многочисленные дыры в ветхих стенах, а отстроить крепость заново. Строительство велось поодной осенью и зимой 1677 года как из-за легкости доставки леса по санному пути, так и потому, что городские жители и служилые люди к этому времени были свободны от полевых работ. Старые башни, построенные более полувека назад, еще при воеводе Г. Измайлове, полностью разобрали,

¹ В источниках приводятся различные данные по периметру стен Ливенского кремля: 1631 год – 309 сажен, 1633–321 сажен с полусаженью, 1645–343 сажени (с учетом башен), 1665–1666 годы – 326 сажен (без башен), 1672–1673 годы – 310 сажен (с башнями), 1676–1677 годы – 324 сажени с полусаженью, 1702 год – 324 сажени с полусаженью, 1718 год – 345 сажен без полусажени. Подобный разноречивый объясняется как разной точностью измерений, учетом или неучетом башен, а также тем, что обмеры производились саженью различных размеров – от 152,7 см до 213 см.

а на их месте срубили новые, в два раза выше. На месте Егорьевских ворот поставили мощную шестигранную башню высотой 17 сажен (около 36 метров), увенчанную дозорной вышкой с вестовым колоколом. Шестигранная башня аналогичных размеров встала и над Никольскими воротами. Остальные 5 башен, в том числе и проезжую Заливненскую, срубили четырехугольными, высотой от 10 до 11 сажень (21–23 метра). Высокие башни, построенные В. Гриневым, почти 100 лет определяли силуэт Ливен, будучи видны за несколько верст от города, особенно с южной степной стороны, откуда обычно появлялись крымские татары. Ветхие крепостные стены по приказу В. Гринева разобрали до основы и поставили вновь “все в отделке”, а промоины в валу заделали срубями, засыпанными землей и хрящем “до нижних бойниц”. Заново также раскопали оплывшие крепостные рвы и отстроили тайник. Единственное, что не успел сделать до окончания своего воеводства Гринева, это полностью выкопать ров, от которого остался 30-саженный невычищенный кусочек, и построить через него мосты к проезжим башням, в основном из-за нехватки людей, так как многие ливенцы находились на службе в государевых полках. Всего по смете на строительство ушло несколько тысяч бревен. В конце декабря 1677 года Василий Гринева отослал в Москву Стрельные книги новопостроенной крепости и в придачу к ним чертеж и “городовой образец” (макет). Судя по тому, что чертеж и макет отвозили в Москву ливенцы Прохор Косьянов и подьячий Кузьма Горностаев, по-видимому, они же и являлись их авторами, за что получили вознаграждение.

С.В. Иванов. Приезд воеводы.

Сам же Василий Гринева за добросовестность и образцовое выполнение своих обязанностей удостоился царской благодарности и пожалования [29]. К сожалению, макет и чертеж Ливенской крепости не дошли до наших дней, сметы же на строительство сохранились в Российском государственном архиве древних актов.

Во время работы в фондах Российского государственного военно-исторического архива автором были выявлены два чертежа Ливенского кремля, изготовленные в первой четверти XVIII века Михаилом Золотидовым и Михаилом Бузовлевым [30]. Судя по надписям, они являлись копиями с более старого чертежа, взятого из Военной коллегии. По мнению автора, основой для них послужил чертеж, изготовленный по приказу Василия Гринева, поскольку градостроительная ситуация, отображенная на нем, и характер его исполнения соответствуют последней четверти XVII века.

Чертеж города Ливен, предположительно Василия Гринева, является древнейшим графическим документом с изображением Ливенского кремля, он имеет

значительную историческую ценность и позволяет представить внешний облик крепости и ее планировку в конце 70-х годов XVII века. К сожалению, чертеж не свободен от ряда погрешностей: крепость на нем показана правильной четырехугольной формы, хотя в действительности кремль в плане образовывал неправильную фигуру. Кроме того, к недостаткам чертежа следует отнести то, что проезжие Егорьевские и Никольские ворота на нем изображены четырехугольными, в то время как в действительности они являлись шестиугольными; на чертеже не нарисованы реки Сосна и Ливенка, а добувок он ориентирован по оси запад-восток. Впрочем, все эти неточности не умаляют его ценности, поэтому рассмотрим его подробнее.

Почти в центре кремля изображен деревянный Троицкий собор, на площади у которого сходятся улицы, ведущие от Егорьевских, Никольских и Покровских ворот. Небольшой прямоугольный квартал слева от него, по-видимому, занят торговыми лавками. Согласно приходно-расходным книгам Разрядного приказа за 1628–1629 годы, торговые лавки в Ливенском кремле располагались по обеим сторонам улицы, начинавшейся у Никольских ворот, и тянулись от съезжей избы до собора. Всего здесь стояли 22 лавки и 8 столов (прилавков), принадлежавших крестьянам Сергиева монастыря и местным служилым людям – стрельцам, казакам и пушкарям [31]. Позднее их количество увеличилось, и, дабы не создавать суетолюку в кремле, лавки вынесли из крепости на площадь напротив Егорьевских ворот¹, где они стояли еще в начале XX века. Непременной частью торгового в русском городе являлись кузницы, в 1628–1629 годах в Ливнях их насчитывалось 13, но, во избежание пожара, кузницы перенесли из кремля на берег речки Ливенки (на чертеже не показаны). За пользование лавочным местом и кузницей их владельцы платили денежный оброк в казну.

¹ Современная Сергиевская площадь.

В северо-западном углу крепости изображен еще один храм – деревянная церковь Св. Николая Чудотворца, напротив которой находился прямоугольный участок, где стояли кельи Николаевского женского монастыря (“Никола Ратного”), основанного в 1666 году по указу митрополита Сарского и Подонского Павла [32].

Около Никольских ворот находилась резиденция ливенских воевод, представлявшая собой сложный комплекс жилых и хозяйственных построек. Центром воеводского двора являлись хоромы, построенные в 1677–1678 годах на месте более старых, обветшавших² и включавшие в себя две горницы на глухих подклетах. Горницы венчали чердаки с перилами, настроенные в 1681–1682 годах. Между горницами стояла высокая башнеобразная постройка – повалуша, а к боковым стенам горниц примыкали двое ветхих сеней. Вокруг хором располагались различные хозяйственные постройки: двухэтажная людская (для челяди) изба с горницею, баня дубовая, погреб с напогребнею, сарай с еще одним погребом – “творило каменное”³, конюшня с 10 стойлами, две ветхие клетки и поварня. Все постройки, в том числе и хоромы, были покрыты лубьем и огорожены тыном, который к тому времени уже обветшал и в ряде мест обвалился [33].

Напротив воеводского двора стояла съезжая изба (воеводская канцелярия), где находилось управление городом и уездом, сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, и хранился городской

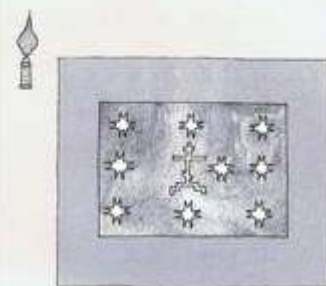
² Для сравнения приведем описание предшествовавшего воеводского двора из Росписного списка воеводы Алексея Григорьевича Чичерина от 20 мая 1661 года: “В городе воеводской двор, на дворе хором две горницы на жилых подклетах, промеж их сени лубяные да клеть на ряжах, две клетки на земле. Ледник на нем погребница, две конюшни – одна конюшня дубовая крыта лубьем, другая конюшня плетневая, третья конюшня ветха. Поварня ветчаная. Да на дворе же баня новая дубовая, перед нею сени лубяные”. Двор был “облежен плетнем”.

³ Творило – наружная часть погреба, вход с лестницей.

⁴ Описание дается по росписи 1687 года.

С.В. Иванов. В приказной избе московских времен.

Знамя девятой конной стрелецкой сотни: желтые звезды и крест на голубом фоне с желтой каймой. XVII в.

архив: 6 коробов и 2 сундука, “а в них великих государей грамоты и памяти на Розряду и из нных приказов и отписки бояр и окольных и воевод и приказных людей из городов к ливенским воеводам и к приказным людям...”. Поскольку подобных бумаг накопилось много, то часть из них “из давних лет” хранилась в казенном амбаре, стоявшем по соседству. Хранилась, надо сказать, небрежно, поскольку “те письма погнили и мыши переели...” [34]. Около Егорьевских ворот располагалась еще одна административная постройка – губная изба (суд) с тюремным двором, обнесенным тыном, внутри него находилась изба, под которой была выкопана земляная тюрьма. В 1659 году в тюрьме, например, сидели: “губной целовальник Мишка, что он нанялся у сторожа стеречь тюремных сидельцов и за своею старожельею упустил не тюрьмы тюремнова сидельца Анашку Енина, а сидел он Анашка в убыственном деле. Да сиделец же ливонец перковой дьячек Тараска Турбин” [35].

Стоит упомянуть двор, где жили ливенские казаки и стрелецкие головы: “Огорожен плетнем, на дворе две избы с сен[ь]ми, против изб повалуша, крыта луб[ь]ем. Ветхи”, а также таможенный и кружечный (кабакный) двор: “Огорожен

плетнем. На дворе изба, против избы клеть на подклете, погреб с выходом. Ветх” [36]. Остальную территорию Ливенского кремля занимали осадные дворы ливенских дворян и детей боярских, усадьбы церковного причта и местных служилых.

К западу от крепости, в 30 саженях (около 60 метров) от ее стены, на высоком и скалистом берегу реки Сосны располагался Сергиев мужской монастырь. К концу XVII столетия его деревянный соборный храм, срубленный в 1660 году, сразу после татарского нашествия, обветшал и требовал замены. Игумен Иосиф, посовествовавшийся с ливенцами – “лучшими людьми”, решил вместо ветхого постоять новый деревянный же храм, более того, по челобитью ливенцев было разрешено готовить для строительства лес, но, посовествовавшийся еще раз “общее”, градские жители заявили: “до обещанию своему, хотим в том Сергиевом монастыре вместо деревянной церкви, хотим строить каменную церковь во имя Пресвятыя Богородицы Печерския (т. е. Успенскую. – В.Н.), да в пределе Сергия Чудотворца”. Ливенцы приговорили “всем городом” собрать для строительства с каждого двора по гривне денег и по возу дров на обжиг кирпича и извести. Благословенная архиерейская грамота на

Сергиевская церковь.
Северо-восточный фасад. Фото 1887 года. ЛОИА.

строительство пришла в 1692 году¹, и горожане приступили к заготовке строительных материалов. Но, как это часто бывает, не все жители по приговору сдали деньги и дрова, отчего “за теми недоплатными деньгами и недовозными дровами учинилась остановка и мотчанье”, и в результате ливенцы были вынуждены обратиться с челобитной к царю, прося направить в Ливны указ местному воеводе о взыскании с неплательщиков положенного [37].

К 1696–1697 годам каменный соборный храм был уже построен и освящен, во всяком случае, он упоминается в Сметной книге воеводы Вискулы Семеновича Карпова: “Монастырь Сергия Радонежского Чудотворца, в том монастыре церковь, за тем монастырем крестьянских двенадцать

¹ В краеведческой литературе датой строительства каменного Успенского собора традиционно считается 1666 или 1667 год [39], на самом деле в 60-е годы XVII века построили деревянный храм вместо сожженного во время набега крымских татар в 1659 году. Выявленная автором в РГАДА переписка по поводу закладки храма однозначно свидетельствует о начале строительства каменного собора в 1692 году (см. РГАДА. Ф. 210. Столбы Белгородского стола. Стб. 437. Л. 153; Стб. 1379. Л. 12–15).

дворов” [38]. Архитектура Успенского собора традиционна для храмов конца XVII столетия. Он представляет собой четверик, увенчанный 5-ю главами, к которому с запада примыкает небольшая трапезная, а с востока – полукруглый алтарь. Храм был крыт тесом, возможно, тесовым лемехом изначальное крылись и луковичные завершения глав. Фасады храма богато декорированы кирпичным узорочьем: четверик венчает пояс кокошников, окна обрамлены изысканными наличниками, три входа в храм – северный, южный и западный – украшены перспективными порталами. Собор являлся единственной каменной постройкой обители, все остальные – колокольня, кельи, службы и ограда – продолжали оставаться деревянными. Пятиглавый объем Успенского собора наряду с башнями Ливенского кремля, построенными В. Гриневым, около сорока лет, до возведения других каменных храмов, играл важнейшую роль в силуэте города с южной степной стороны, живописно выделяясь своими белеными стенами на фоне сплошной деревянной застройки Ливен этого времени.

Сменивший Гринева 11 февраля 1678 года воевода Епифан Вельяминов тоже решил показать свою деловую хватку и предложил выкопать в крепости для осадного времени в дополнение к тайнику колодец. “На Ливнах, государь, – доносил он, – из города построен тайник к реке Сосне до полугоры, и в том, государь, тайнику один колодезь и в приход, государь, неприятельских людей в осаде водою в городе будет скудно, а кроме, государь, того тайника в городе колодезей нет, а на Ливнах, государь, в городе колодезь для воды выкопать мочно и чаю до воды копать [5] будет блиско”. Кроме того, воевода просиял

разрешения починить съезжую избу, в которой из-за ветхости в зимнее время невозможно было находиться и “твоих, государь, дел в той избе делать ... не мочно”. Неизвестно, отремонтировал ли Епифан Вельяминов съезжую избу, но колодец в Ливенском кремле он так и не выкопал [40].

На вооружении Ливенской крепости по росписи 1696–1697 годов состояли 15 пушек, из них самая большая весила 81 пуд, а в длину достигала 4 аршин (2,85 метра). Представляют интерес надписи, вылитые на некоторых из них, например, на самой старой: “Повелением Благоверного и Христолюбивого великого князя Иоанна Васильевича Государя всеа Росии зделана бысть сия пицаль в лето 6999-го (1490 год. – В.Н.) месяца сентября в 29 день лет государства его, а делал Яков”, другая пушка также была отлита 29 мая 1490 года, а лили ее “Яковлевы ученики Зана да Васюк”. Несмотря на то, что эти пушки были древними уже в то время, поскольку им исполнилось 205 лет, почтенные ветераны содержались в полной боевой готовности на походных станках. Другие орудия были более современными, о чем свидетельствовали надписи на них: “Божиею милостью повелением великого государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Росии. Лета 7130-го (1621–1622 годы. – В.Н.). Мастер Кондратей Михайлов”. На одной из пушек был отлит человек на коне¹, у запада – одноглавый орел, а ствол украшала надпись: “Лета 7165-го (1656 год. – В.Н.), делал Богдан Васильев”. Ко всем орудиям имелось в наличии 509 ядер. На вооружении крепости находились также 14 затинных пицалей, а в казенном погребе хранились различные военные запасы: 120 пудов ружейного и пушечного пороха, 74 пуда с четвертью свинцу, 2000 рогоулек и 3 знамени [41] довольно простого

¹ Возможно, это изображение царя Алексея Михайловича. Известно, что на знаменитой пярь-пушке был вылит конный портрет царя Федора Ивановича.

Фрагмент декоративного убранства фасада Сергиевской церкви. Фото 1968 года.

рисунка², представлявшие из себя желтые кумачовые полотнища, окаймленные красным киндиком. Для хранения хлебных запасов на случай осады в северо-восточном углу крепости, около Никольских ворот, были построены 7 житниц, казенный соляной амбар и караульная изба для охранявших запасы пушкарей. Еще три караульные избы стояли у всех крепостных ворот, где, ежесуточно сменяясь, по пять человек у ворот дежурили стрельцы и казаки. Кроме того, двое стрельцов постоянно несли караул у съезжей избы, а двое пушкарей – у порохового погреба. На станицы и за вестями в Белгород посылались ливенцы дети боярские по четыре человека в город [42]. Численность ливенского гарнизона в XVII веке колебалась от тысячи до трех тысяч служилых людей: стрельцов, пушкарей, казаков, детей боярских и других воинских чинов (см. приложение). Участие местных служилых в Крымских (1687, 1689) и Азовских (1695–1696) походах заканчивается военной историей Ливенской крепости.

² В 1644 году на Ливны было велено выслать двадцать знамен “жидящих розными цветами” [43].

ТАТАРСКИЕ НАБЕГИ НА ЛИВЕНСКИЙ УЕЗД в XVII веке

"...Августа, государь, в 10 день пришли в Ливенский уезд крымских людей с пят[ь] тысяч и болши и стояли в Ливенском уезде и воевали села и деревни и жгли всякой хлеб стоачей и молоченой и нежтой пожгли пожаром, а столли, государь, те крымския люди в Ливенском уезде и воевали потамест как пришло из Руси Крымской царевич со многими с крымскими людьми и стоял царевич под Ливнами нят ден и окола, государь, Ливен на посадцких полях и в уезде и досталной хлеб оржаной и еровой потравили и пожгли без остатка, а в Ливенском, государь, уезде у детей боярских села и деревни пожжены и многие, государь, уездныя люди от той войны обнищали из бедности бредут розна".

Из отписки ливенских воевод
Андрея Бутурлина и Ульяна Шепина. 1633 год [1].

Большая часть XVII столетия была заполнена для Ливен и ливенцев борьбой с татарами. Вне зависимости от того лагеря, к которому ливенцы примыкали в годы Смутного времени, татары являлись для них главным, постоянным и смертельным врагом. В результате гражданской войны и польско-литовской интервенции оборона южно-русской границы полностью рухнула, и Ливны остались одним из немногих уцелевших городов, гарнизон которого сковывал крымцев, не давая им возможности окончательно заустошить окрестные земли. Правительство полностью осознавало значение Ливен, и, когда в 1618 году город был сожжен запорожским гетманом П. Конашевичем-Сагайдачным, крепость была немедленно восстановлена, а ее гарнизон по мере возможности восполнен.

Крымские татары являлись таким врагом, с которым невозможно было заключить ни мира, ни перемирия, как, например, с Польшей или Швецией. Московское правительство неоднократно вело переговоры с Крымским ханством о мире и прекращении набегов, в том числе под Ливнами в 1593 и 1614 годах, но все они имели лишь кратковременный эффект. Крымские ханы требовали денежных контрибуций, высокомерно называя их данью, но даже если они начинали выплачиваться (война и выкуп пленных обходились дороже), то это не являлось гарантией от набегов, поскольку хан через некоторое время разрывал договор, требуя внесения в него изменений и увеличения денежных выплат. Иногда это совершалось уже задним числом, после совершения набега, в нарушение договора. Но если удавалось на некоторое

Русские костюмы XVI века.
Справа изображен татарский воин.
Гравюра из книги С. Герберштейна. 1556 год.

Татарин на коне.
По рисунку Альбрехта Дюрера. XV в.

время дорогими подарками и подношениями ублаготворить хана, то еще оставались ханские сыновья, мурзы, беки, эмиры и, наконец, просто отчаянные головы, которые продолжали совершать набеги на свой страх и риск, игнорируя ханские запреты, поскольку работорговля являлась основой экономики Крыма и одним из способов быстрого обогащения.

Материалов о татарских набегах на окрестности Ливен в период Смутного времени (1604–1612) сохранилось очень мало. Известно, что они были исключительно жестокими и татары буквально не вылезали из русских земель, кочуя там "без выходу", и совершали нападения даже зимой, чего раньше обычно не делали. На основе уцелевших бумаг Разрядного приказа попробуем составить их хронику за XVII век.

Одно из самых крупных татарских вторжений в годы Смуты произошло летом 1609 года. В грамоте от 15 мая в Вологде царь Василий Шуйский сообщал о появлении передовых крымских отрядов под Осолом и Ливнами. В июне они подошли к Орлу и Болхову. Позднее массы татарской конницы перешли Оку и появились уже в ближайших окрестностях Москвы. Крымцев возглавлял царевич Джанибек-Гирей, присланный ханом Селамет-Гиреем в помощь царю Василию

Шуйскому "а доказательство братской дружбы и любви" против сторонников Лжедмитрия II и литовцев. Южно-русские города, в число которых входили Ливны, в это время держали сторону самозванца, но никакого реального облегчения царю Василию Шуйскому крымское вторжение не принесло, вызвав только новую волну ненависти к непопулярному правителю, вольно или невольно наведшему татар на русскую землю. "Помощь" же крымцев заключалась в сожжении деревень и сел и массовом уходе населения в полон без разницы, сторонники это Василия Шуйского или мятежники, с последующей продажей на рабовладельческих рынках [2].

Восхождение на престол молодого царя Михаила Романова привело к определенной политической стабилизации в стране, но отнюдь не к окончанию войны. Россия в это время отчаянно воевала с Речью Посполитой и Швецией за возвращение утраченных в годы Смуты городов (Смоленск, Стародуб, Трубчевск, Новгород-Северский, Почеп, Великий Новгород, Порхов, Ладога и другие), и наличие еще одного фронта – южного только усугубляло положение. В 1612 году возобновилась война между Турцией и Польшей, и в 1614 году русские посланники сумели заключить мирный договор с турецким султаном,

облауясь стоять против общего врага задно. Немедленно, поскольку он являлся вассалом султана и был обязан участвовать в польской войне, начал мирные переговоры с Москвой и крымский хан Джанибек-Гирей. Для переговоров с крымскими послами из Москвы выехали окольный князь Г.К. Волконский и дьяк П. Евдокимов. Встреча послов, или "размена", как и в 1593 году, произошла под Ливнами.

Тем не менее заключение мирного договора с крымским ханом, несмотря на категорические требования и последнему правительству Турции, оказалось делом нелегким. Вопрос упирался в размер денежных выплат – "поминки", которые должны были заплатить русские послы крымскому хану за обязательство не тревожить русские окраины. Татарский представитель князь Ахмет Сулешов настаивал на шести тысячах рублей, русские послы, как покупатели коров на базаре, ожесточенно торговались и сбивали цену, отговариваясь тем, что страна разорена и денег взять негде. Послов уполномочили, уговаривая хана воевать с польским королем, постепенно поднимать цену, начиная с 1000 рублей и до 10 000 и даже до 15–20 тысяч рублей, включая "рядовые поминки" (взятки менее значительным лицам)[4]. Князь Сулешов горячился и даже угрожал войной: "Да и то вам объявляю, что со мною два дела надлежат – доброе и лихое... Вы ден ставите то 6000 в – дорого... А яз ден и на одной Ливне измещу, хоти де возьму 1000 полонянников, а за полоняника по 50 рублей, и у меня будет 50 тысяч рублей". Послы долго и свирепо ругались, прежде чем пришли к более или менее приемлемому соглашению. Князь Г.П. Ромодановский писал в своем отчете в Москву: "И были, государь, у нас, на съездем дворе о царевых запросах (Джанибек-Гирей. – В.Н.) и калгивных (верховного визиря. – В.Н.) с обе стороны многие жестокие спорные слова". Наряду с твердым отстаиванием своих интересов русские посланники улепывали Ахмета Сулешова

и его приближенных, одаривая их богатыми одеждми, шубами, и непрерывно поили. "И Ахмет, государь, паша, – писал Ромодановский, – и мурзы, и татарова все поехали от нас, холопей твоих, всем довольны и пьяны" [3]. Как говорится, на что только не пойдешь ради государственных интересов.

В результате размер "поминки" удалось соскочить почти на две тысячи рублей. Переговоры закончились 9 августа, но князю Г.К. Волконскому и дьяку П. Евдокимову, которые должны были взять договор в Крым для его ратификации ханом, пришлось задержаться в Ливнах еще на два дня, ожидая, когда мимо города непрерывным потоком пройдут татары, возвращавшиеся с Руси "из войны". Князю же Г.П. Ромодановскому, сопроводившему новых крымских послов в Москву, по дороге на Белев пришлось ехать в сплошном зарево от горящих деревень, "потому что шли все меж татарские войны..." [5].

Но даже заключение мира вовсе не означало прекращения крымских набегов. Да, крупные татарские орды во главе с ханом не появлялись, но мелкие отряды крымцев в надежде на захват добычи и пленных лазили по русскому степному пограничью почти постоянно, игнорируя ханский запрет, а иногда и с молчаливого согласия турецких и татарских агазей.

В октябре 1616 года ливенские воеводы Тимофей Измайлов и Петр Данилов настигли татар у Большого Колодезя в 30 верстах от Оскола, "многих побили и переранили и языки поимали", а остатки разбойничьего отряда били и гнали более 10 верст. Было освобождено 557 человек русских пленных [6].

В мае 1617 года к Ливнам подошел татарский отряд численностью около 300 человек. Тимофей Измайлов и Петр Данилов с ратными людьми сделали вылазку из крепости, разбили татар и одиннадцать из них, в том числе мурзу, захватили в плен. Крымцы, как говорится, "пошли за шерстью, а вернулись стригеными".

Уцелевшие татары бежали в степь, бросив захваченных в Ливенском уезде полоняников [7].

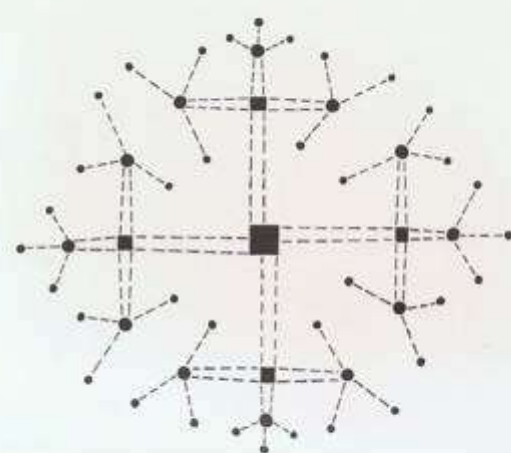
В августе того же года ливенский казачий голова Микита Бестужей разбил татар на Усть-Чернавском броду при впадении речки Чернавы в Сосну и отбил 372 русских пленника [8].

В октябре того же года ливенские воеводы Никита Егупов-Черкасский и Петр Данилов вышли в поход против татар. Они обнаружили крымцев в ста двадцати верстах от Ливен, "многих побили, и языки поимали", освободив 211 человек русского полна. Еще один татарский отряд воеводы настигли в 50 верстах от Ливен и вдребезги разнесли его, освободив русских пленных и захватив, в свою очередь, татарских [9].

Седьмого июня 1618 года в Ливны приехал с Усть-Чернавской сторожи ливенец Исая Рыжков, который сообщил, что татары появились в Серболовском стане Ливенского уезда в деревне Грязцы и "села и деревни воюют, и по полям людей поимали". Ливенские воеводы Н. Черкасский и П. Данилов немедленно выступили против них, обнаружили татар на Грязцах и разгромили крымцев, отбив русский полон [10].

Такой вот, с позволения сказать, "мир" продержался вплоть до 1621 года, когда между Турцией и Речью Посполитой было заключено перемирие и крымские татары лишились "законного" повода ходить за добычей и полоним на польскую Украину. После чего все началось по-старому, хотя формально договор 1614 года все еще сохранялся в силе.

В июне 1623 года трехтысячный татарский отряд прошел через "ливенские места" в Мценский, Карачевский, Орловский

План бегства татар. По рисунку Г.Л. де Боплана. На изображении видно, как татарский отряд численностью в 400 всадников делится на ватаги по 100, а затем по 33 и 11 человек. Подобные шайки могли легко разлететься по всей степи и уйти от вражеской погони.

и Болховский уезды. Несмотря на то, что местные воеводы устроили на него настоящую охоту, татарам, хотя и с потерями, удалось уйти, угнав кое-какой полон [11].

Семнадцатого июля 1625 года отряд татар численностью около 500 человек "в раннюю вечерню" подошел к Кирпичному и Телячьему бродам на реке Сосне. Ливенские воеводы Андрей Измайлов и Данило Яблочков со своими людьми перекрыли Кирпичный брод, а к Телячьему броду послали голову Перфилья Гринева с сотнями. Тот бился с татарами до вечера на реке Труды, но крымцы сумели обойти его и ушли к Новоселю [12].

В 1628 году воевода Федор Бутурлин прислал своего помощника Ивана Рагозина с ратными людьми по "татарским вестям" в Ливенский уезд. Тот наткнулся на татар на реке Фошне и наголову разгромил их. Много татар было порублено,

Ногайские татары.
Гравюра из книги Адама Олеария. 1640-е годы.

57 взято в плен, а остальных разогнали¹. В этот отряд входили 150 ногайцев во главе с Ширалей-мурзой, из них уцелело едва ли 20 человек, и 300 азовцев, из которых вернулось домой "не солоно хлебавши" около половины, потому что весь курский, новосильский и оскольский полон у них отбили. В награду за удачные действия оба воеводы были удостоены государственной благодарности и поистине царской награды. Им прислали золотые монеты², а также пожаловали:

¹ Цифрам, приведенным в воеводских отчетах, следует в основном верить, поскольку отчетность в Московском государстве была поставлена очень добросовестно. Воевода за липовые победы и сокрытые свои потери мог попасть в царскую опалу и подвергнуться довольно жестокому наказанию. Прекрасно сознавая, что нигде не врут так много, как на войне, разрядные дьяки, дабы воевод не возникало желания несколько преувеличить свои успехи и тем самым получить не слишком заслуженную награду, требовали от них не только отчета о победах на бумаге, но и материальных доказательств: пленных татар живьем – "головами", а от убитых – отрезанные уши.

² В XVI–XVII веках золотые монеты играли роль медалей. Пожалованные государем монеты как знак царской милости и проявленной доблести обычно носили на шапках.

Бутурлина – дорогим кубком и собольей шубой ценной в 76 рублей (целое состояние!), а также увеличили размер денежного жалования и земельных владений; Рагозина кроме увеличения земельной дачи дополнительно удостоили серебряным ковшем, штукой дорогой камки и сорока собольей ценной 30 рублей [13].

Первого мая 1631 года татарский отряд (150–200 человек) захватил полон под Ливнами. Но другому татарскому отряду такой же численности, "шарпавшему" окрестности Ливен, не повезло. Его выследил голова из Оскола сын боярский В. Митрофанов со сво-

ими людьми (450 человек). Рано утром на заре, когда татары еще не успели продрать глаза, он обрушился на их стан, расположенный в верховьях речки Грязной Потудони, и вдребезги разнес его. Крымцы потеряли убитыми 70 воинов, шестеро попали в плен, а весь ливенский полон (90 человек) был отбит [14].

1632 год для Ливен стал поистине трагическим. Началась русско-польская война за Смоленск, утерянный в годы Смуты, и татары, воспользовавшись тем, что гарнизоны степных городов, и до того немногочисленные, сильно ослаблены посылкой людей на польский фронт, в нарушение договора 1614 года массами обрушились на степное пограничье. Четырнадцатого мая произошел бой с татарами (300 человек) в окрестностях деревень Ревякиной и Свиной в 20 верстах от Ливен. Тогда же около 500 крымцев (возможно, это был тот же отряд) "повоевали" в Ливенском уезде деревни Вахино, Реткино и Шебаново. Около 50 татар, отделившись от главных сил, захватили пахарей на полях у деревни Вожовой.

Татарский полон.
Рисунок из старопечатной Псалтыри 1633 года,
хранящейся в древлехранитище Троице-Сергиевой лавры.

Татарский воин.
Рисунок автора на
основе гравюр XVII века.

Первого и второго июля крымцы появились в Ливенском уезде в деревне Под – Святным [15].

Тридцатого июля татарский отряд численностью около 300 человек прошел мимо Ливен в Курский уезд. В погоне за ним из города отправилось 700 детей боярских и казаков под началом головы Меньшова Гринева. Но, преследуя сравнительно небольшой татарский отряд, служилые люди нарвались на многочисленные лавы крымцев, шедшие по Муравскому и Изюмскому шляхам, и оказались в окружении. Засев в Савинской дубраве, ратники полдня отбивали татарские атаки, в том числе и янычар с "огненным боем", но невероятный численный перевес противника в конце концов сделал свое дело. После свирепого многочасового боя служилых наголову разгромили, спастись никто не смог. Ливенцы потеряли свыше трехсот человек убитыми, в том числе и голову Меньшова Гринева, а остальные, по большей части раненные, попали в плен. Но и татары понесли жестокие потери до

1000 воинов убитыми, в том числе и несколько мурз. По словам А.А. Новосельского, "решиться на такой связанный с потерями бой могло побудить татар очевидное превосходство сил, наличие людей с огнестрельным оружием и соблазн сразу же захватить значительный и ценный по качеству полон" [16]. После боя некоторые татары (до 3000 человек) вышли из похода, вероятно, решив, что с них достаточно. Остальные разделились: часть пошла в "курские и белгородские места", а остальные, переправившись через Кирпичный брод под Ливнами, "распустили войну" за рекой Сосной и двинулись к Новосилу.

Поражение ливенских служилых под Савинской дубравой стало настоящей катастрофой для Ливен, наверное, в городе трудно было отыскать семью, которая не лишилась бы в результате этой трагедии кого-либо из близких – мужа, сына, племянника или зятя. Тем не менее некоторым ливенцам повезло, они смогли божать из плена и после многих приключений

Русский конный воин.
Рисунок Э. Пальмквиста. 1674 год.

Der Maßwägen reitet mit feyn künstlichen
17
Русский помещный конник.
Западноевропейская гравюра XVI века.

вернуться на родину. Такая счастливая судьба выпала, например, на долю детей боярских Луки Плохого, Игната Бохтиярова и казака Сеньки Тотаренкова. По словам Л. Плохого, “на том ... бою ево Лучку и ево товарищей переранили, а переранив, взяли в полон”. Татары отвезли их в Крым, а затем продали в Турцию, откуда служилые попали в “Кызылбаши” (Персию). Из Персии ливенцы бежали к калмыкам на Терек, отсюда уже рукой было подать до Русской земли – до Астрахани. Двадцать первого января 1638 года страдальцы добрались до родного города и, немного отлежавшись, подали челобитную о пожаловании их за “положное терпение”. Их просьба была удовлетворена, и ливенский воевода отпустил их в Москву для получения денежного жалования [17].

Почти одновременно с Л. Плохим, И. Бохтияровым и С. Тотаренковым в Ливны 23 января прибыл еще один бывший пленник – сын боярский Фитьян Медведев.

В плен он угодил годом позже, при воеводе Андрее Бутурлине, который послал его в станицу на Оскол. По пути он и попался в руки татар. Никаких подробностей о его “одиссее” в отписке ливенского воеводы Д. Колтовского, к сожалению, не содержится [18].

В августе 1632 года крымские татары, вдоволь повоевав степные уезды Московского государства, начали постепенно покидать его пределы, и путь значительной части из них опять пролегал мимо Ливен. Восьмого и девятого августа крупные силы татар (до 30 тысяч человек) “всеми людьми жестокими приступы, пешими людьми” два дня и две ночи осаждали город. Надо полагать, что крымцы штурмовали Ливны, не столько желая их взять (все равно им бы это не удалось), сколько с целью связать гарнизон и не дать ему возможности помешать переправить через реку Сосну обозы с награбленным добром, стада и пленников. Восемнадцатого августа мимо Ливен “из Руси” снова

Крымский татарин переплывает реку.
Гравюра из книги Гийома Левассера де
Боплана “Описание Украины”,
1651 год.

“А теперь расскажем, как татары переходят вплавь самые большие в Европе реки. Все их лошади умеют плавать, особенно в этой холодной стране... Вот как они поступают. Когда войско хочет перейти Борисфен (Днепр – В.Н.), самую большую реку в крае, они отыскивают такое место, где оба берега были бы одинаково доступны. При этом каждый набирает запас камыша или тростника в зависимости от того, что попадается, и делают из него две небольшие вязанки, [на связки], расстояние между которыми составляет один фут, сверху поперек прочно крепят три палки, а снизу – из угла в угол – одну, так же хорошо приделанную, которую привязывают к лошадиному хвосту. Затем татарин кладет на этот плот седло своего коня, раздевается, складывает на седло одежду, лук, стрелы и саблю, прочно связав и укрепив все вместе; потом, совсем обнаженный, с хлыстом в руке входит в реку, погоняя коня уздечкой, [закинутой] на шею, держит уздечку и гриву то с одной стороны, то другой рукой попеременно, не выпуская их. Поступая так, заставляет лошадь плыть, он сам тоже плавает, постоянно гребя одной рукой, а другой – все время держит гриву и уздечку, которые не выпускает ни на миг. Ведя свою лошадь, он подгоняет ее калыкой, пока не переправится через реку. Затем, когда лошадь коснется копытами дна на противоположном берегу и когда вода ей будет не выше, чем по брови, погонщик останавливает ее, отвязывает плот от лошадиного хвоста и относит его на землю. Одновременно с ним переходят [реку] и другие, растянувшись в цепочку на пол-лье вдоль берега. Весь скот переплывает точно так же”.

Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины. М., 2004. С. 251, 253.

прошли многочисленные татарские отряды, переправившиеся через Сосну в Светлицкий брод (в 15 верстах от города). От них отделился загон в 200 всадников и пришел к городу на посадские поля, где ливенцы дали им бой. Второго сентября мимо Ливен прошел тысячный полк татар [19]. В довершение всех неудач в этом году ливенцы упустили отряд мурзы Орослана, возвращавшийся после набега на Елецкий, Донковский и Лебедянский уезды. Четвертого сентября Орослан с шестисотенным отрядом подошел под Ливны и стал “на посадских полях”. Ливенские воеводы Дмитрий Колтовский и Алексей Самарин дали ему бой, но больших потерь причинить не сумели: татары успели уйти за реку Сосну “из Руси вон”, оставив в руках русских одного пленного, некоего Мармат Бетя [20].

Впрочем, война с татарами в этом году еще не была закончена. В первых числах октября крымцы (около 900 – 1000 человек) снова “навестили” Ливенский и Елецкий уезды. Девятого октября часть татар, возвращаясь обратно через Ливенский уезд, натолкнулась на служилых людей, которые дали им бой, захватив 7 “языков”.

В общей сложности Ливенский уезд в результате “татарской войны” 1632 года потерял 1232 человека – мужчин, женщин и детей, в том числе и около 300 убитыми, в основном это были служилые, служившие свои головы в Савинской дубраве [21]. Большим потерям способствовала и

Татарский дозор. Рисунок автора.

Русские сторожа – "подзор" на степной границе. Рисунок С.М. Зейденберга.

На сторожевой границе Московского государства. С.В. Иванов.

беспечность уездных людей. Несмотря на то, что татары, словно частым гребнем, прочесывали уезд, местные дворяне и крестьяне отказывались ехать в город, надеясь отсидеться в своих деревнях, превращенных в маленькие крепостицы (вот он, знаменитый русский "авось!"). Ливенский воевода жаловался, что "уездные люди в осаду в город не едут, укрепили в селах и деревнях дворы во многих местах за острожков место".

Последовавшее в 1633 году очередное вторжение крымцев под предводительством сына хана Джанибек-Гирея царевича Мубарек-Гирея известно под названием "большой войны". Первое столкновение ливенцев с татарами произошло 25 апреля. Воевода Андрей Бутурлин послал "промышлять" татар в уезд голов Артемию Анисимова, Романа Воробьева и Кирея Поцелуева с ратными людьми. Те обнаружили татар под Серболовым лесом, навязали им бой "и татар многих побили и полон многой отбили, а в языцах взяли татар 7 человек". Привезшего победное донесение – "сеунч" Евстрата Анисимова в Москве наградили 10 рублями, тафтой и "сухим добрым" [22].

Семнадцатого июля в полдень к Ливнам подошли главные силы татар. Станичники сметили их численность в тридцать тысяч и больше, отметив, что у татар много знамен и огнестрельного оружия. Крымцы остановились по обе стороны Киричного брода на Сосне, а под Ливны послали передовой отряд в 500 человек. Воевода А. Бутурлин выслал на него своего помощника Ульяна Шенина, который отбросил крымцев от города: "и на том бою татар побили и языки поймали, а взяли на том бою языков татар пять человек". Ливенцы в стычке потерь не понесли – "государевы люди с того бою отошли здорово" [23].

Однако победы в отдельных стычках не могли изменить положения – отогнать орду было некому, поскольку главные силы русской рати завязли под Смоленском. Пока татары частью сил блокировали Ливны, остальные рассыпались по южным уездам, перешли Оку, появились даже в Московском уезде, приступали к Туле, Серпухову, Кашире и Пронску, сильно опустошив их окрестности. Не обошлось без потерь и в Ливенском уезде, где татары пленили около 200–300 человек, а сам уезд жестоко разорили [24]. Ливенские воеводы сообщали о поистине

бедственном состоянии подведомственного им уезда: "окола... Ливен на посадских полях и в уезде [татары] достали хлеб оржаной и еровой потравили и пожгли без остатка, а в Ливенском, государь, уезде у детей боярских села и деревни пожжены и многие, государь, уездные люди от тое войны обнищали из бедности бредут розна [25]".

Летом 1634 года крымцы вновь "полезли" через реку Сосну. Двадцать первого и двадцать второго июля около четырех тысяч татар переправились через нее у устья Фошни и пошли в Ливенский уезд. Городской воевода из-за безлюдья и бедности служилых людей, разоренных предшествующими набегами, каких-либо активных мер против них предпринять не смог. Двадцать пятого июля двухтысячный татарский отряд расположился на речке Вязовке, недалеко от Ливен, где 27 июля местные служилые дали им бой. Еще 5000 татар перешли Сосну через Луковский брод в 70 верстах от города и двинулись к Новосилу. Двадцать седьмого сентября полутысячный татарский отряд перешел Сосну через Коронный брод и стал станом на речке Вязовик в 15 верстах от Ливен, откуда пошел в Орловский уезд, где его разгромил мценский воевода Дмитрий Колтовский. Несколько человек из ливенского полена удалось освободить курскому голове Ивану Анненкову, разбившему пятисотенный татарский отряд на реке Рать в Курском уезде [25].

Московское правительство сделало выводы из тяжелых уроков Смоленской войны (1632–1634), когда массированные вторжения крымских татар в южные степные уезды во многом повлияли на неудачный для России исход военных действий под Смоленском. Начиная с 1635 года вдоль южной границы началось сооружение грандиозной укрепленной линии, получившей название Белгородской черты, полностью завершённой к 1655 году. Тем не менее сразу надежно

Русские сторожа на степной границе. XVI век. Гравюра Флюгеля по авторскому рисунку И. Каразина.

перекрыть тысячекilометровую степную границу было невозможно, и татары время от времени прорывались в еще оставшиеся "прорехи" в Белгородской черте.

В 1635 году татары снова переходили Сосну, направляясь в Новосильский и Чернский уезды [27].

В следующем году набеги продолжались, и в Ливенском уезде даже не производилась пахота. Спасаясь от непрерывной "татарской войны", значительная часть сельского населения бежала в город. Еще больше семей покинули свои дворы, перебравшись в другие, более безопасные места: за 1632–1635 годы Ливенский уезд потерял более 800 человек населения и в значительной степени запустел. Те же, кто остался, дорого платили за свою самоуверенность. Так, например, 7 апреля татарская сотня захватила в Ливенском уезде в селах Хмелевом и Яблонювом около 100 жителей.

Восьмого мая, накануне Николина дня, через Коровий и Быстрый броды на Сосне выше Ливен переправилось около 2000 татар. К 10 мая в Новосильском уезде скопилось около 10 тысяч татар. Новосильцам, чернянам и донским казакам удалось разбить один татарский полк у Желябовского острожка, после чего вся эта масса доманулась назад, в беспорядке переправившись через Сосну. Второго июля из Ливенского уезда изгнали последний татарский отряд численностью в 30 человек [28].

Серьезные потери людьми понес Ливенский уезд во время набега царевича Сафат-Гирея в 1637 году. Воевода Яков Дашков писал, что татары увели 142 человека, в основном женщин и детей, в том числе взятых в бою четырех детей боярских. На бою и в стычках погибли пятеро крестьян и один казак [29].

В очередной раз крымские татары появились в Ливенском уезде в 1643 году. Утром 3 августа из Галичьего острожка в Ливны прибежал сын боярский Сенька Борисов и сообщил, что на Кальмиусской сакме (дороге) показались крымские татары. Они перешли Сосну в Реутов брод и рассыпались по Серболову стану для грабежа. Воевода Иван Васильевич Бутурлин немедленно выслал на них голов туляк Мисулу Вельяминова и Якова Ильина с сотнями, ротмистров Василия Веселовского и Андрея Фаменидина с иноземцами, Сунгура Бордакова с ливенскими полковыми казаками, довских и яицких казаков, атаманов и ливенцев детей боярских. Служилые настигли отряд татар, который насчитывал около 600 человек, в восьми верстах от города у деревни Грязцы (Грязцы?) и дали им бой. Крымцы стали поспешно уходить, а ратники бросились за ними в погоню, "чтоб татаром Ливенского уезда воювать не давать". Татары, узнав о появлении погони, к тому времени успели собрать рассыпавшиеся по Серболову стану сгонные отряды,

и, когда служилые люди вновь настигли их уже на реке Сосне на Петесовском поле в 20 верстах от Ливен, крымцев оказалось более четырех тысяч. Завязался новый бой, продолжавшийся с полудня до вечера. Ратники "татар многих побили и переранили", взяли троих пленных и вынудили крымцев убраться восвояси.

Воевода Бутурлин, сообщив об успехе своих людей, не упомянул в отписке, что у ливенцев тоже оказались потери убитыми и пленными, за что получил от царя Михаила Федоровича выговор. Государь писал: "А нам ведомо учинилось, что в тот татарский приход наши служилые люди побиты и в полон поиманы, а ты пишешь к нам только о службе своей... А нам, великому государю, то надобно ведать, как которые служилые люди с басурманами за православную христианскую (христианскую. – В.Н.) веру и за наше государство бились, и кровь свою пролили, и головы свои поклали, а иные в полон поиманы, чтоб побитых и полоненных породство (жизнь. – В.Н.) и кровь николи в забвении не было, и за ту их явную службу было б почему зыскати нашею государскою милостью детей и родимцев их; а которые в полону, и тех бы за их явную службу было почему из полону откупить. А по нашему царскому указу служилых людей, которые на татарском бою побиты, и тех велено писать на Москве в соборной церкви Пречистой Богородицы, честного и славного Ея Успенкия и по монастырям в вечные сенаники (синодики. – В.Н.)..." [30].

Тридцать первого августа 1644 года Иван Бутурлин получил известие из Курска от воеводы Ивана Стрешнева о вторжении татар в Рыльский и Путивльский уезды. Опасаясь внезапного появления крымцев в своем уезде, воевода послал в дозор на Пафяутцеву сакму станцию из шести детей боярских под началом Игната Енина с наказом доехать до села Тагино

Мценского уезда¹. Те приехали в Тагино в ночь с четвертого на пятое сентября, но про татар здесь не слышали. В ту же ночь татары, легкие на помине, появились под Тагино сами, "тысяч двадцат и болши". Станичники с местными крестьянами заперлись в здешнем острожке и в течение двух дней отбивали жестокие приступы татар. Поняв, что острог им не по зубам, крымцы сняли осаду и ушли к Сновам, где стояли их главные силы. В Ливенский уезд они на этот раз не заглянули [31].

Летом 1659 года русская армия потерпела жестокое поражение под Конотопом от объединенных войск крымского хана Мухаммеда-Гирея и мятежного украинского гетмана Ивана Выговского, после чего крымские татары, обойдя с запада Белгородскую черту, разорили целый ряд южнорусских уездов, в том числе и Ливенский, а самим Ливнам пришлось выдерживать одну из самых жестоких осад в своей истории. В результате этого набега начавший снова заселяться Ливенский уезд в очередной раз был разорен вчистую, села и деревни сожжены, а люди забраны в полон. Происшедшее стало трагедией для многих, лишившихся всех своих близких, например, для сына боярского Лукьяна Огаркова, у которого крымцы "срубили" отца Тимофея, а мать Марину,

¹ Сейчас на территории Глазуновского района.

братьев Афанасия, Григория, Семена и сестер Ирину и Акулину утвари в плен. Сам Лукьян уцелел только потому, что находился на службе в Киеве, но вернуться ему было некуда, двор и гумно в уезде сожгли татары. В своей челобитной страдалец жаловался: "Я сизаюсь промеж двор и помираю голодною смертию", а также просил денежного вспомоществования. Лукьяну Огаркову, а также всем тем, чьи дворы сожгли татары, выдали на подъем по шесть рублей [32].

Вот еще одна печальная история – челобитная царю Алексею Михайловичу ливенского казачьего сына И. Зарина о пожаловании его "за полонное терпение" (выход из плена): "... в прошлом году, государь, в 167-м (1659. – В.Н.) году, как приходил под Ливны крымской хан с крымскими и ногайскими татары, и в то время бежал, государь, отец мой от воинских людей на Ливны в осаду. И на дороге, государь, отца моего, и мать мою, и меня, холопа твоего, и женишку мою, и братьев моих, сестер крымския люди в полон поимали. И Божию милостию и твоим, великого государя, счастьем я, холоп твой, на дороге, быв в полоне 6 дней, от воинских людей вышел. И дано мне, холопу твоему, твоего государева, денежного жалованья за выход и полонное терпение..." [33].

Это было последнее вторжение крымских татар в уезд, больше здесь они, по счастью, не появлялись.

ЛИВЕНСКАЯ КРЕПОСТЬ в XVIII ВЕКЕ

“В Ливнах город [поставлен] стоячим острогом, и в 1711 году, где имели быть слабыя места, починены против прежняго; тайник из города к реке Сосне сделан заново. По городу одна башня не крыта; около города с двух сторон ров вычещенный, в глубину двух сажен трех аршинных; с правой стороны города река Ливенка, на полуден (на юг. – В.Н.) впа-ла в Сосну; а вокруг того города меж башен стены 345 саж[ен] без полусажени; 3 проезжие ворота; на тех воротах 2 башни о шести стенах; на одной востовой колокол, весу в нем 8 пуд; 5 башен четы-рестенных”.

Ведомость Ливенской крепости.
1718 год [1].

Очередная роспись боевого состоя-ния Ливенской крепости была произведе-на в 1703 году. Согласно этой росписи, к городскому гарнизону было приписано 16 153 человека: стрельцов, рейтар, солдат, пушкарей, казаков, копейщиков и других служилых людей, из них большая часть проживала в уезде [2]. Гарнизон Ливен за все время существования города являлся одним из крупнейших на южной границе, уступая лишь полковым городам Белгору-ду и Севску, а также соседнему Ельцу.

В 1711 году, вскоре после начала оче-редной русско-турецкой войны, возникла угроза вооруженного вторжения в русские пределы крымских татар, поддержанных турками, и по указу Петра I были приве-дены в порядок укрепления ряда южно-русских городов, в том числе и Ливен. Ста-рые стены, “где имели быть слабыя мес-та”, были “починены против прежняго”, ров вычищен, а тайник к реке Сосне от-строили заново. Но, по счастью, все при-готовления оказались излишними.

298

В 1718 году составили последнюю ве-домость Ливенской крепости, после чего ее исключили из штата. Артиллерийское вооружение города в это время состояло из четырех пушек и 15 затинных пищалей в станках, а гарнизонную службу несли служилые люди “старых чинов” – стрельцы, пушкарки, казаки и воротники, всего 368 человек, из них 159 были старыми и к службе негодными [3]. Столь резкое сокра-щение числа служилых людей в Ливнах по сравнению с началом XVIII века объясня-ется как массовыми мобилизациями в дей-ствующую армию и на работы в Азов и Та-ганрог, так и выходом в отставку многих служилых “по старости и ветхости” и “по болезни многих ран”. К концу первой чет-верти XVIII века Ливны окончательно ут-ратили военное значение, а главным за-нятием ливенских служилых стала не “го-сударева служба”, а ремесло и торговля.

В 1752 году при очередной передаче го-рода воеводой коллежским ассессором Ива-ном Ергольским воеводе Ивану Дурову была составлен Росписной список Ливенского

Фрагмент панорамы:
“Вид городу Ливнам с восточной стороны”. Конец XVIII века.
Рисунок неизвестного художника. РГАДА. Прорись автора.

Церкви:

1 – Сергия Радонежского Чудотворца;	6 – Николая Чудотворца;
2 – Тихвинской Вожией Матери;	7 – Свято-Троицкая;
3 – Великомученика Георгия;	8 – Параскевы Пятницы;
4 – Рождества Богородицы;	9 – Казанской Вожией Матери.
5 – Покрова Пресвятой Богородицы;	

Прочие постройки:

10 – деревянный дом, в нем помещается уездный суд;	15 – тюремная изба;
11 – деревянный дом, в коем помещено уездное казначейство;	16 – купеческие лавки с красным товаром (на панораме не показаны);
12 – каменный дом, в коем хранятся уездного казначейства деньги;	17 – хлебные лавки (на панораме не показаны);
13 – казенный амбар для хранения соли;	18 – казенная пильная мельница;
14 – винный магазин;	19 – мушная мельница господина Евреинова;
	20 – река Ливенка.

кремля с описью казенных построек и иму-щества. Несмотря на то, что Ливны уже давно перешли к мирной жизни, в Роспис-ном списке на первом месте по-прежнему фигурирует городская крепость, пусть и обветшавшая, остатки воинского имуще-ства, хранившиеся в пороховом погребе, а также казенные постройки – воеводский двор и канцелярия: “Город Ливны строен острогом из дубового лесу, в нем пять ба-шень, в том числе проезжих две, глухих три”¹,

¹ В Росписном списке упомянуты пять ба-шен, в то время как ранее их было семь. По-видимому, к тому времени Покровская проездная и Раскатная башни настолько обветшали, что разрушились к реке Сосне.

и одной острог и башни огнили и верхи по-своились и тайник к реке Сосне огнил же и завалился. Внутри города казенной поро-ховой погреб с выходом. У оного стены скла-дены и над выходом свод сделан из самород-ного камня, а потолок над погребом дере-вянный и как свод, так и потолок весьма об-ветшали и в некоторых местах обвалились.

В том погребе имеится свинцу семь мест с половиною, да три отсечки, да мел-ких пузь к затинным пищалем, всего ве-сом семдесят два пуда дватцать фунтов, пушечных больших и меньших чугуных ядер девять сот пятдесят. Подле онаго по-рахового погреба караульная изба дубово-го лесу без верху и ветха” [4].

299

План и фасад воеводского дома в Ливнах. 1755 год. РГАДА. "Чертеж воеводских покоев четырех, между ими сени. 5 - сарай и колодезь, 6 - погреб".

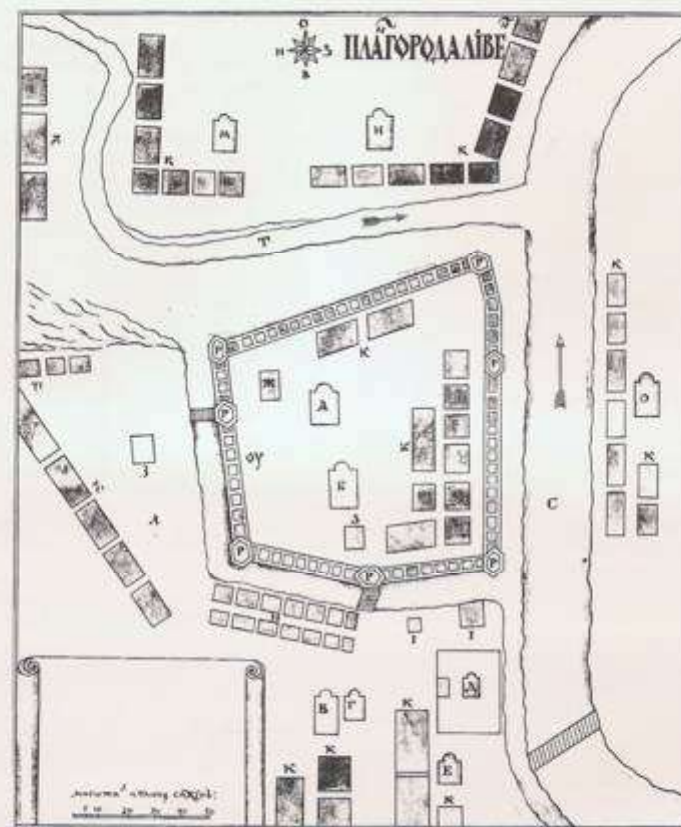

Изда Орловской губернии: разрез и план. По Л.В. Далю.

Местом проживания воеводы, как и прежде, являлся воеводский двор, но по своему внешнему виду он весьма отличался от стоявшего на этом месте в XVII веке. В центре двора находились воеводские хоромы, состоявшие из следующих помещений: "две светлицы низкие, в передней светлицы стол большой дубовой, против передней светлицы - светлица ж на подклете бес печи, промен тех светлиц сени с чердаком. В сенях два чулана. Подле другой нижней светлицы сени ж и в сенях чулан. Оные хоромы покрыты дубом и драхью". Рядом с хорами располагались многочисленные хозяйственные службы: топящаяся по-черному изба на подклете, два амбара - один с ледником, баня с предбанником, три сарая, крытых тростником, поварня без крыши, две клетки и людская (для слуг) изба дубового лесу. Большая часть этих построек была крыта соломой, "оное строение все ветхо, огнило и некоторое обвалилось". Усадьбу окружал забор, поставленный "в замет" с воротами и калиткой.

Недалеко от воеводского двора стояла канцелярия: "в ней две светлицы, подле прихожей светлицы сени, в них чулан. При той же канцелярии подушная канцелярия да архив, крыты тесом, токмо кровли обветшали". Неподдалеку располагался тюремный двор, где стояли две избы для содержания колодников "без верхов и бес кровли". Близ канцелярии на столбах был подвешен востовой казенный колокол с отбитым краем, который ранее висел на Егорьевских воротах крепости. По-видимому, колокол свалился с башни вместе с подгнившей дозорной вышкой, чем и объясняется отбитый край, "а весом по подписке (на колоколе имелась надпись. - В.П.) в том колоколе и с отшибенным краем восемь пуд".

Весьма подробно в Росписном списке описаны канцелярский интерьер и казенное имущество: "Во оной канцелярии Образ Спасителей не в окладе, другой Образ Николая Чудотворца в окладе ж серебряном, судейской стол, на столе сукно красное, на нем зеркало в рамках деревянных.

План города Ливны между 1766-1774 годами. РГИА. Прорись автора.

А - соборная Троицкая церковь.	И - обывательские оброчные лавки.
В - церковь Воскресения Господня.	І - соляные амбары.
Г - церковь Рождества Богородицы.	К - обывательские дворы.
Д - церковь святых Великомученицы Параскевы.	Л - площадь.
Е - упраздненной Свято-Успенской Сергиев монастырь.	М - церковь Покрова Богородицы.
Ж - канцелярия.	Н - церковь Успения Богородицы.
З - палатка для сбора подушных денег.	О - церковь великомученика Димитрия.
	П - оброчные кулницы.
	Р - городовая башня.
	С - река Сосна.
	Т - река Ливенка.
	ОУ - место, где был воеводский дом.

Сей план рисовал канцелярист Никита Скуридин".

Высочайше утверждать:
16-го Августа 1781 года.
Орловскаго Намѣстника Честнаго.

Ливны.

Орловской губернии. Уѣздный.

Въ верхней части щита гербъ Орловскій. Въ нижней—три летящія перелетки, въ золотомъ полѣ, которыя сія страня отъѣздно обозначаетъ.

Канцелярских две печати, первая без герба с вырезанием литер, другая с гербом и с литерами. Чернильница судейская оловянная. Шендал (подсвечник. – В.Н.) медной. Шесть ключей городских (от крепостных ворот. – В.Н.) и от казенного погреба¹. Далее в Росписном списке перечислялись многочисленные книги, дела и судейские бумаги, хранившиеся в канцелярии [5].

Между 1766–1774 годами канцелярист Никита Скуридин¹ начертил план Ливенского кремля и окружающей его центральной части города, являющийся наиболее точным и достоверным изображением крепости [6]. На плане кремль имеет форму неправильного шестиугольника с сильно вытянутым юго-восточным углом.

¹ Составитель чертежа Никита Скуридин был, по-видимому, ливенским уроженцем. В Государственном архиве Орловской области сохранилось дело "О рассмотрении доношения иеромонаха Ливенского Сергиевского монастыря Митрофана об избивании его с сыном Фивиллом Скуридиным диаконом Сергиевского монастыря Игуменством с товарищами, 1765–1766 гг.". Скорее всего, вышеупомянутые Митрофан и Фивилл являлись отцом и братом Никиты Скуридина.

Вид на Ливны с востока, со стороны Елецкой дороги, 1886 год.
Гравюра Шляеского по рисунку Н. Лосева. Слева направо изображены: Троицкий собор, Базанская и Ново-Никольская церкви. Высокая колокольня Ново-Никольской церкви была построена позднее, в конце XIX – начале XX века.

Вид на центральную часть Ливен с колокольни церкви Св. Николая Ратного.
Рисунок автора по фото начала XX века.

Его стены венчают три проездные и четыре глухие башни, правда, они изображены в виде шестигранников, что неверно, так как шестиугольную форму имели лишь две башни крепости – Егорьевская и Никольская. Но это, пожалуй, единственная неточность плана.

Внутри кремля показаны каменные Троицкий собор с приделами Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Дмитрия Ростовского Чудотворца, построенный в 1739 году, и Воскресенская церковь с приделом Св. Николая Чудотворца, возведенная в 1750 году. Последний храм являлся не только приходским, но и соборным ютешегося при нем крохотного женского монастыря Св. Николая Ратного, упраздненного в 1766 году. Вдоль восточной и южной стен кремля располагалась обывательская застройка, а рядом с Никольскими воротами стояло здание канцелярии.

Место воеводского двора пустовало – он либо сторел, либо, что, скорее всего, более вероятно, полностью обветшал и был разобран.

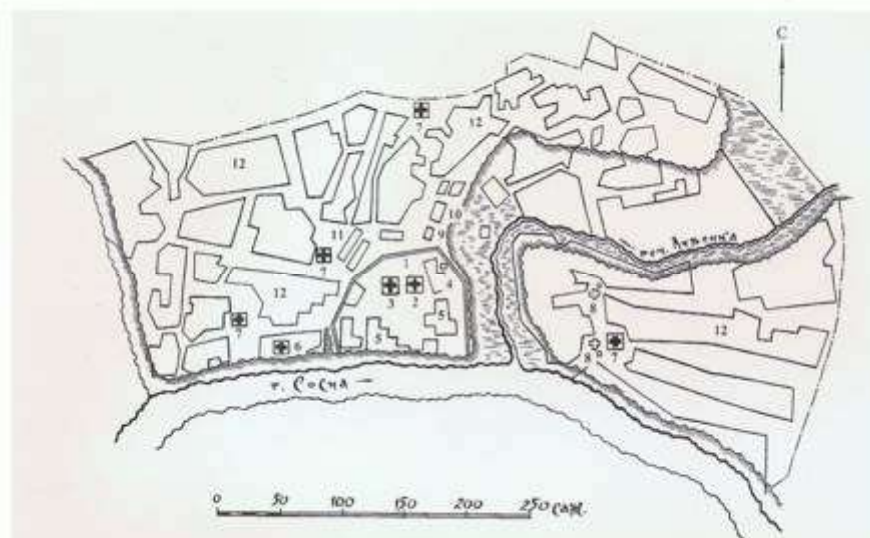
Кремль со всех сторон окружала обывательская застройка, среди которой высились приходские церкви. Каменных храмов в это время в Ливнах имелось довольно много, а их число входили: Сергиевский собор (конец XVII века) и Тихвинская надвратная церковь (1734) в упраздненном в 1766 году Сергиевом монастыре, Рождественская (1760) и Пятницкая (1752) церкви на торговой площади напротив Егорьевских ворот, Георгиевская церковь (1727) в Егорьевской Казачьей слободе и Никольская церковь (1770) в одноименной Казачьей и Ямской слободах. За рекой Сосной в Беломестной Казачьей слободе находилась церковь Св. Дмитрия Солунского (1760),

Вид на Ливны из-за ручья Пересыханка. Рисунок автора по фото начала XX века.

Вид на мыс, где стоял Ливенский кремль. Рисунок автора.

План города Ливны с поселеными при нем слободами. После 1789 года. РГАДА. Прорись автора.

1 – вал земляной, внутри него;	4 – присудственные места, при них острога для колодников;
2 – соборная церковь каменная;	5 – строение разных чинов деревянное.
3 – приходская церковь каменная;	

В предместьи города:

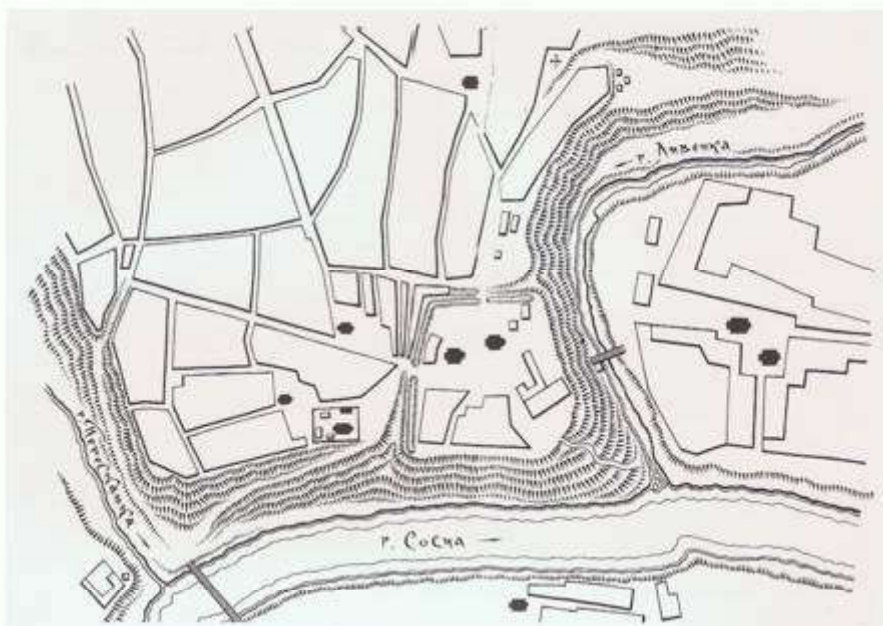
6 – испразненной мужской монастырь каменной;	10 – соляной анбар каменной;
7 – приходские церкви каменные;	11 – торговые лавки деревянные;
8 – деревянные церкви;	12 – строение в слободах живущих разных чинов людей".
9 – казенная кладовая каменная;	

Подписи на плане: "Надворный советник Александр Протасов. Ассесор Федор Поповцов. Поручик Николай Бобков. Чертежный директор капитан Григорий... С подлинным свидетельствовал землемер секунд-майор Богданов".

а в Заливенье – два деревянных храма: Покрова Богородицы (1728) и Успения Богородицы (1682) [7]. Из прочих построек, изображенных на плане, можно отметить два деревянных соляных амбара, стоявших между кремлем и Сергиевым монастырем, палатку для сбора подушных денег – единственное каменное гражданское сооружение в Ливнах и кузнечный ряд, протянувшийся вдоль берега речки Ливенки.

Вдоль наружной стороны крепостного рва от Егорьевских ворот до Наугольной башни в два ряда стояли торговые лавки. Так выглядели Ливны незадолго до опустошительного пожара 1774 года, уничтожившего "без остатку" большую часть города, а также стены и ветхие башни старинного кремля.

Последнее изображение, на этот раз уже остатков крепости, имеется на плане

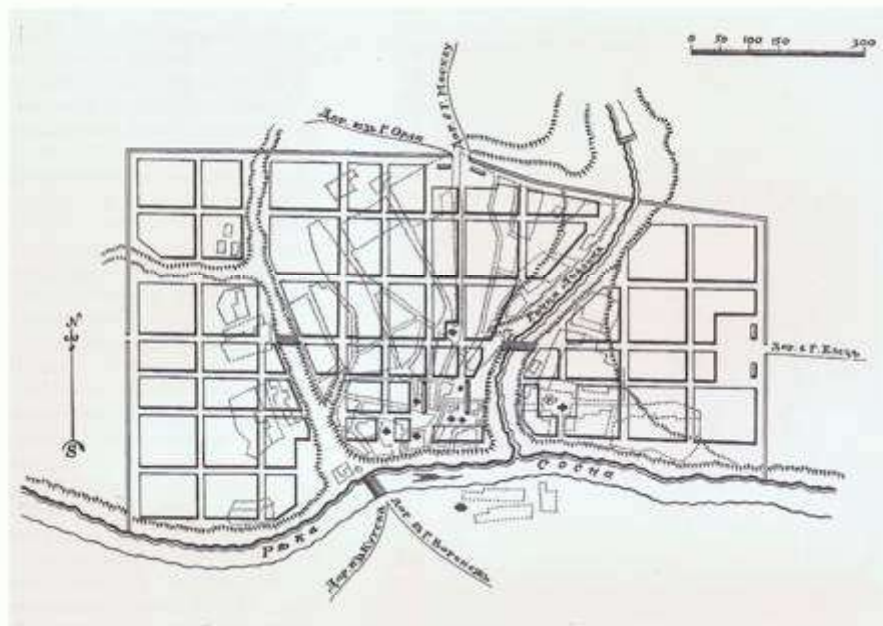
Дорегулярный план Ливен. Вторая половина XVIII века. Реконструкция автора.

города Ливны "с поселенными при нем слободами" периода генерального межевания (около 1789 года), составленном перед грядущей перепланировкой города [8]. Ливны на плане пока сохраняют живописную и несколько путаную средневековую планировку, центральное место в которой все еще принадлежит кремлю, вернее, его остаткам в виде земляного вала, ломаной линией отсекающего мыс на устье Сосны и Ливенки. Внутри кремля показаны две каменные церкви – соборная Троицкая и приходская Воскресенская, несколько кварталов деревянной обывательской застройки, административных мест и при нем "острог (тюрьма. – В.Н.) для колодников".

Согласно новому регулярному плану города, утвержденному 14 марта 1780 года [9], территория Ливен была перепланирована,

а прежнюю ломаную сетку улиц, переулков и пустырей заменили прямые улицы и прямоугольные кварталы упорядоченной застройки. Древние земляные валы кремля были срыты, большая часть застройки в нем (кроме храмов) спесена, а на его территории разбили торговую площадь. На этом закончилась двухсотлетняя история Ливенской крепости.

Получить общее представление о Ливнах в конце XVIII – начале XIX века позволяет Географический словарь А. Щекатова (1804 год). По его свидетельству, город стоял "... на высоком и прекрасном месте. О начале построения его хотя достоверно и неизвестно, однако он старинной и был обнесен валом с башнями и палисадом...", укрепленный кое-где только следы видны. Ныне простирается он в длину по

Регулярный план города Ливны. 1780 год. Прорись автора.

реке версты на полторы, а в ширину на версту и притом беспорядочно, так что улиц и переулков везде довольно¹. Составлен из 10 слобод, 4 сел, 4 селец, 6 деревень и к городу принадлежащих 8 хуторов, 7 пустошей и 4 водяных мельниц. Жители его суть дворяне, священно- и церковнослужители, приказные, владельческие и экономические крестьяне, однодворцы, войсковые обыватели и ямщики, коих всех дворов в городе имеется 1293, все деревянные, включая кладовой для казны и соляного магазина; церквей каменных и с собором Живоначальных

¹ Данная цитата свидетельствует скорее о градостроительной ситуации конца XVIII века, нежели начала XIX, поскольку в это время город уже активно перестраивался по новому регулярному плану.

Троицы семь, деревянных три, да обращенной в приходскую церковь бывший мужской монастырь (Сергиевский. – В.Н.), стоящий над рекою Сосною и обнесенный каменною оградой с башнями², в коем две каменные церкви. Сверх того, питейных домов 13, соляная стойка 1, лавок на каменных погребах и фундаментах 70. Жители: кушцов 10, мещан 65, разночинцов 103, ямщиков по ревизии 205, однодворцов по ревизии 139, помещичьих [крестьян] по ревизии 528. По обильному плодородию здешней земли, все хлебопашцы... Здесь бывает одна годовая ярмарка на

² Монастырь закрыт в 1766 году, а в 1785 году разобран на камень ограда с башнями. Была сохранена только надвратная Тихвинская церковь (1731–1734), возведенная одновременно со стенами [10].

Часовня надъ пещерой въ городѣ Ливнахъ.

Троице-Александровская часовня в Ливнах.
Возведена в 1882-1884 годах.
Гравюра конца XIX века.

десятой неделе после Пасхи в пятницу, на которую приезжают купцы из окрестных городов с шелковыми и прочими мелочными товарами, также собираются и крестьяне со своими изделиями. По малоимению купечества, жительствующие в городе однодворцы и войсковые жители торгуют красным мелочным товаром, также дегтем, лыками, бечвою, рогожами и железной мелочною поделкою, и покупными ж по Ливенскому и прочим уездам рогатым скотом и медом, и продают скот гуртами приезжающими для того тульскими, венежскими и московскими купцами, и сами гоняют гуртами ж в Тулу и Москву, а мед всегда продают и доставляют гужем в Тулу же и в одно только осеннее время; также скупают у деревенских жителей разной хлеб и доставляют оной гужем в разные окрестные города. Герб сего города: в верхней части щита имеет губернской, а в нижней половине три летящие перепелки в золотом поле, которыми сия страна отменно изобилует" [11].

КРОМЫ в XII – начале XVI века

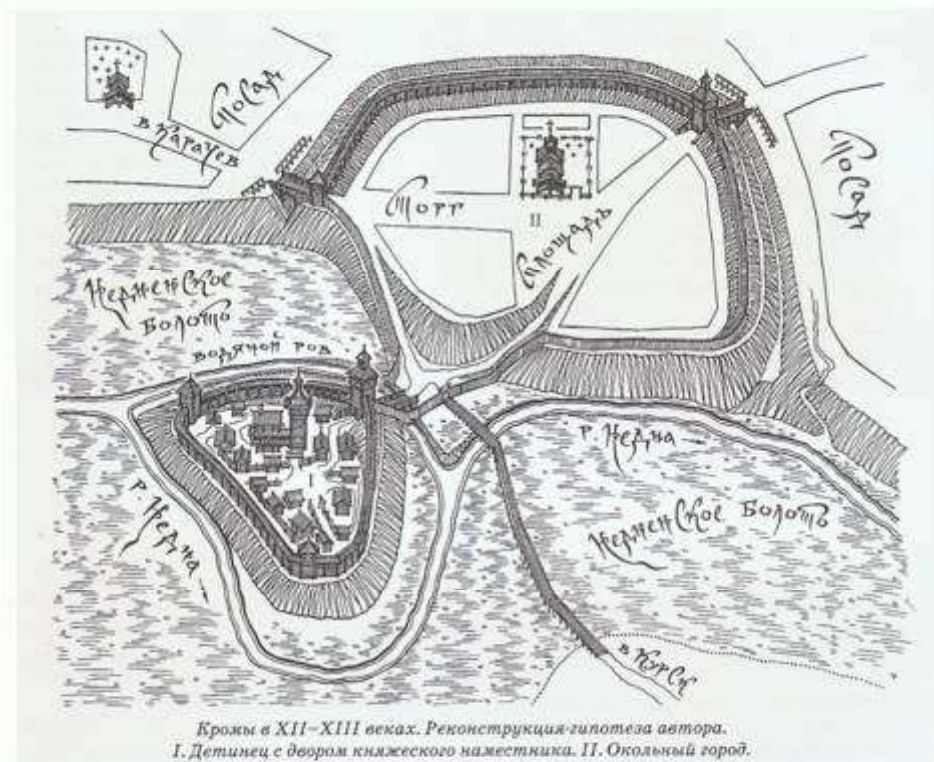
“В то же время приде Гюргевиц Глеб (сын Юрия Долгорукого. – В.Н.) ко Святославу [к] Девагореску и оттуда идоша Миценску Святославичем и с Гюргевицем и с половци и ту давая (дал. – В.Н.) им дары многы и поиде к граду Крому”.

Ипатьевская летопись.
1147 год [1].

Впервые Кромь упоминаются в Ипатьевской летописи под 1147 годом в связи с заключением мира между новгород-северским князем Святославом Ольговичем и черниговскими князьями Владимиром и Изяславом Давыдовичами. Кромской детинец XII–XIII веков располагался недалеко от впадения в реку Крому речки Недна на невысоком (около 10 метров) округлом холме площадью менее 1 гектара. С трех сторон детинец омывала заболоченная речка Недна, а с четвертой стороны к нему подступало Недненское болото. Детинец с материком соединяла седловина, искусственно углубленная и перекопанная рвом. Укрепления детинца, надо полагать, были срубными и с наиболее доступной юго-восточной стороны стояли на невысоком валу, здесь же, скорее всего, находились и проезжие ворота. Предположительно Кромь в XII–XIII веках имели и вторую линию укреплений – окольный город площадью около 1,5 гектара, также обнесенный земляным валом, рвом и частоколом. Обширный посад простирался от стен окольного города до устья Недны. Археологическими раскопками здесь были вскрыты остатки

жилых построек подквадратной формы с глинобитными печами, следы разного рода служб и хозяйственных ям [2].

В XII–XIII веках Кромь входили сперва в состав Новгород-Северского, потом в Черниговское княжество, а затем, скорее всего, вошли в выделившееся из него Карачевское княжество, где, возможно, стали центром самостоятельного удела. Обстоятельства и время прекращения существования города неизвестны. Тем не менее его гибель, судя по результатам археологических раскопок, не была насильственной: не обнаружено ни следов пожара, ни человеческих костяков и обломков оружия. Скорее всего, город умер постепенно: в XIII–XIV веках резко возросла опасность татарских набегов, и население стало покидать его, уходя на север, в более безопасные места. В результате Кромь запустели. После войны 1406–1408 годов Карачевское княжество вошло в состав Великого княжества Литовского, утратило свой статус и было преобразовано в наместничество, а кромские князья, надо полагать, перешли на службу к победившей стороне. Во время необъявленной русско-литовской войны в последней трети XV века кромский князь

Кромь в XII–XIII веках. Реконструкция-гипотеза автора.
I. Детинец с двором княжеского наместника. II. Окольный город.

Городище Кураб у деревни Пашково (Лужки)
Кромского района. Вид с юга. VIII–X,
XI–XIII вв. Фото Г.А. Ткаченко, 1990 год.

Городище Кураб у деревни Пашково (Лужки)
Кромского района. Вид с запада. VIII–X,
XI–XIII вв. Фото Г.А. Ткаченко, 1990 год.

(его имя неизвестно) воевал на стороне литовцев против москвичей и их союзников. Об этом есть косвенное упоминание в материалах мирных переговоров 17 января – 12 февраля 1494 года, когда писарь литовского посольства Федор Григорьевич просил отпустить пленных, содержащихся в Москве, в том числе некоего “кромского человека”, скорее всего, слугу кромского князя [3].

В 1500–1503 годах Верхнеокские земли были присоединены к Русскому государству, но ни Кромь, ни Кромская волость в списке земель, отошедших к Москве, не упоминаются, скорее всего, город к тому времени уже прекратил свое существование.

Кромские же князья, утратив свои владения, отъехали в Литву на положение служилых князей и принимали участие в русско-литовских войнах начала XVI века. Во всяком случае, в 1511 году литовское посольство во главе с полоцким воеводою паном Станиславом Глебовичем просило великого князя Василия III отпустить пленных, томившихся в московских тюрьмах, в том числе князя Андрея Кромского, попавшего туда, скорее всего, во время войны 1507–1508 годов. Великий князь смилостивился и разрешил отпустить одного из пленников, князь же Андрей Кромской и иные прочие остались в тюрьме [4].

ВОССТАНОВЛЕНИЕ КРОМ. 1594 ГОД

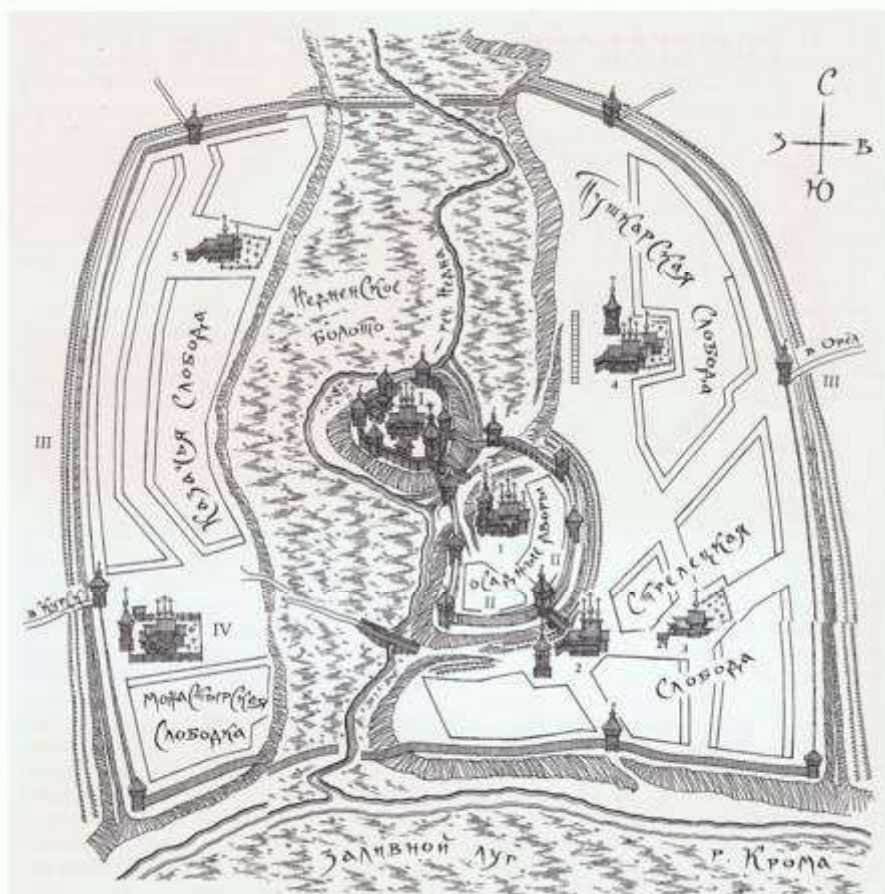
“Того же году (1594. – В.Н.) царь Федор Иванович видя от Крымских людей своему государству войны многие и помысла поставити на саммаз Татарским городам и посла воевод своих со многими ратными люд[ь]ми. Они же, шедше, поставиша на Украине города: Белгород, Оскол, Валуйку и иные города; а до тех городов поставиша на Украине города: Воронеж, Ливну, Курск, Кромы. И насади ратными люд[ь]ми: те же города ево праведною молитвою укрепишася и ныне стоят ...”

Новый летописец [1]

Во второй половине XVI века московское правительство развернуло на южной окраине государства обширные работы по приведению в порядок старых и строительству новых городов, прикрывавших от татарских набегов центральные области страны. Возводятся города Болхов (1555), Новосиль (около 1563), Орел (1566), Ливны (1586), Елец (1592), Старый Оскол (1596), Курск (1596), Царев-Борисов (1599) и целый ряд других. Многие из них строятся на древнерусских городищах XI–XIV веков. После основания в 1566 году Орла из него в летнее время высматывают сторожи для предупреждения татарских набегов. Согласно росписи Орловских и Карачевских сторож 1571 года, одна из них несла караул близ Кромского городища: “5-я сторожа на Оке у быстрого брода, от Орла пятнадцать верст, а беречи им направо до Кромского городища верст с десять, а налево за Оку до верх Кнубя верст с шесть; а сторожем быти из Орла шти человеком. А которая сторожа была на той же дороге усть Крому..., и те сторожи оставлены [3]”.

Данная запись свидетельствует о том, что никаких поселений ни на месте Кром, ни около них в то время не существовало.

Вскоре дошла очередь и до восстановления Кромской крепости. Впервые новая крепость упоминается в росписи воевод “по украинным городом”, датированной 15 марта 1594 года: “В новом городе в Кромах воевода ки[язь] Володимир князь Васильев сын Кольцов Мосальской да голова Петр Кошкарков [4]”. В другом списке Разрядной книги о строительстве Кром сказано более подробно: “Того же году (1594 год. – В.Н.) с весны послал государь воеводу на Кромы города ставить, а велел государь город поставить Кромы князя Володимера Васильевича Кольцова Мосальского да голову Петра Ильина сына Кошкаркова; да со князь Володимером Мосальским – головы: с Орла с самопальники – Богдан Юрьев сын Орсеньев да из Болхова голова сомопальники Карман Мешков сын Мясной; в Карачеве – голова с самопальники же Дементей Юшков, да с Тулы станишные головы Суддук (или Судок. – В.Н.) Андреев сын Мясной да Кресьянин Семенов сын Данилов” [5].

Кром в конце XVI – начале XVII века (до 1605 года). Реконструкция автора.

- I. Рубленый город с Успенским собором.
- II. Острок Завитый.
- III. Большой острог.
- IV. Троицкий мужской монастырь (Троицкая пустынь).

Приходские церкви:

1. Покрова Пресвятой Богородицы в остроге Завитый.
2. Николай Чудотворца в Стрелецкой слободе.
3. Великомученика Никиты.
4. Св. Параскевы Пятницы в Пушкарской слободе.
5. Спасо-Преображенская в Казачьей слободе.

Надо полагать, крепость окончили к концу лета или в самом начале осени. Предположительно 15 августа (28 августа по новому стилю), в праздник Успения Богородицы, освятили городской собор, получивший аналогичное посвящение.

Описаний Кром в первые годы их существования не сохранилось, но благодаря ссылкам в более поздних документах XVII века можно хотя бы в общих чертах представить облик города в конце XVI столетия. На месте детинца XII–XIII веков стоял Рубленый город, служивший кремлем. Внутри него находились Успенский собор, воеводский двор, приказная изба с тюрьмой, пороховой погреб и прочие казенные и складские постройки. С юго-восточной стороны к кремлю примыкал острог Завитый, занимавший место прежнего окольного города. Предположительно при возведении его укреплений использовался древний крепостной вал XII века, во всяком случае, в плане острог Завитый имел округлую форму, не характерную для русской фортификации XVI века. Если бы его строили на пустом месте, новой крепости или хотя бы ее напольной стороне придали бы более регулярные очертания с прямыми пряслами стен. Коренной берег в этом месте господствовал над кремлем, и острог прикрывал его с наиболее уязвимой восточной стороны. Позднее эта "фортификационная аномалия" сыграла определенную роль во время осады в 1605 году. Территорию Завитая занимали осадные дворы местных дворян и детей боярских, здесь же стояла Покровская церковь. Рубленый город и острог Завитый кольцом охватывал Большой острог, где располагались Стрелецкая, Казачья и Пушкарская слободы со своими приходскими церквями и Троицким мужским монастырем. Следует заметить, что в Кромах кольца укреплений не нарастали постепенно вокруг центрального ядра, как в более древних городах, а были возведены с ним одновременно, таким образом, трехчастная планировочная структура города была запланирована заранее.

Портрет царя Федора Иоанновича. Парусна работы неизвестного русского мастера. 30-е годы XVII века.

Подобное градостроительное зонирование характерно для многих степных городов, особенно строившихся в конце XVI века (Елец, Курск, Ливны, Царев-Борисов и другие), а наличие второго или третьего кольца укреплений, заложено одновременно с кремлем, защищавшего от татарских набегов не только слободскую застройку, но и ближайшие сельскохозяйственные угодья, являлось неотъемлемой чертой облика южно-русских городов.

И еще такая интересная деталь. При строительстве "новоземельных" городов в XVI–XVIII веках градодельцы в качестве образца часто использовали планировочные схемы старых "почтенных" русских городов. По мнению автора, образцом для Кром послужила столица государства – Москва. Несмотря на значительное различие в рельефе местности, совпадение некоторых ключевых градостроительных объектов вряд ли было случайным.

ОСАДЫ КРОМ. 1605 и 1606 ГОДЫ

Начало XVII столетия ознаменовалось для Русского государства бурными социально-политическими потрясениями. Страшный голод 1601–1603 годов сорвал с насиженных мест десятки тысяч людей, и дороги заполнили толпы голодных и обездоленных, не гнушавшихся разбоем и даже людоедством. Умерших от голода не успевали хоронить¹. Царь Борис Годунов приказал открыть государственные житницы, установил фиксированные цены на хлеб, жестко карал спекулянтов, организовывал большие строительные работы, дабы обеспечить заработком голодающих людей, но, к сожалению, всего этого оказалось недостаточно. Недовольство властью все более и более нарастало, и волнения пришлось подавлять уже силой оружия. На гребне этой волны возмущения и появился самозванец – Лжедмитрий I,

¹ По свидетельству современников, например, Авраамия Палицына, только в Москве за два с половиной года погребли 120 тысяч трупов. По мнению Конрада Буссова, от голода в стране погибло до полумиллиона человек. Даже если эти цифры значительно завышены, голодомор 1601–1603 годов стал подлинной катастрофой для России.

“Что делают меж тем герои наши? Стоят у Кром, где кучка казаков смеется им из-под гнилой ограды”.

А.С. Пушкин “Борис Годунов” [1].

“Дело невероятное – тысяч восемьдесят или более ратников, имел множество стенобитных орудий, без успеха приступило к деревянному городку, ибо в нем, сверх жителей, сидело 600 мужественных донцев с храбрым атаманом Корелом!”

Н.М. Карамзин “История государства Российского” [2].

объявивший себя законным наследником престола в лице “чудесно спасшегося” от смерти царевича Дмитрия Ивановича, сына царя Ивана IV Грозного². Это был, как полагают, Григорий Отрепьев, выходец из галицких мелкопоместных дворян, постригшийся в монахи. Некоторое время он подвизался в Московском Чудовом монастыре, откуда бежал в Польшу, где решил выдать себя за царевича Дмитрия Ивановича. Авантюра Отрепьева получила поддержку в лице некоторых польских магнатов, в частности Юрия Мишешка, пообещавшего даже отдать за него дочь Марину (в случае успеха предприятия, разумеется). На первых порах его снабдили деньгами, оружием и людьми, и 13 октября 1604 года с небольшим отрядом своих сторонников (около 3600 человек) самозванец перешел границу. То, что произошло дальше, можно назвать только чудом. При известии о появлении “законного” наследника престола ему открывают ворота города и присягают воеводы,

² Настоящий царевич погиб 15 мая 1591 года в Угличе при достаточно темных обстоятельствах.

НА КОНІСАВІІ
Олежъ Дмитріеъ Ворѣгоъ Сынъ
Мѣстобѣжецъ.

Nr 10000 DIMITRIJA is following shortly.
There is some personal matter to put up
pay off and financial matter to put up
I advise to read carefully and
Call to Olegovich with the name Dimitri
See the names and I shall wait

Портрет Лжедмитрия I.
Гравюра М. Снязецкого.
1606 год.

Федорович Басманов. На помощь гарнизону успели перебросить дворян, стрельцов и казаков из Москвы, Брянска, Трубчевска, Белева, а также около сотни казаков из Кром (всего до 1500 человек), в результате Лжедмитрий застрел под Новгород-Северским всерьез и надолго (11 ноября 1604 – 4 января 1605 года). На помощь городу двинулась и правительственная армия во главе с воеводой князем Федором Ивановичем Мстиславским. 21 декабря противоборствующие рати столкнулись недалеко от Новгорода-Северского. Длительное несколько часов сражение осталось нерешенным, каждая из сторон приписала победу себе. Тем не менее, несмотря на “победу”, в лагере самозванца вспыхнул мятеж, вызванный как невыплатой жалования, так и унижением короля Сигизмунда III, потребовавшего от своих подданных, чтобы они, во избежание начала войны между Речью Посполитой и Московским государством, оставили Лжедмитрия I. В результате большая часть поляков и литовцев покинула его лагерь. Под благовидным предлогом уехал

¹ Юго-западнее Чернигова.

а под знамена стекаются толпы добровольцев. На сторону Лжедмитрия I перешли Монастырский острог¹, Чернигов и Путиль.

Первый отпор самозванец получил у стен крепости Новгород-Северский, оборону которой возглавляли воеводы Никита Романович Трубецкий и Петр

Портрет царя Бориса Годунова
из “Титулярника” XVII века.

и Юрий Мишешк. Самозванец вынужден был снять осаду и с оставшимися верными ему людьми двинулся к перешедшему на его сторону Севску [3].

Борис Годунов мог праздновать победу. Геройский защитник Новгорода-Северского П.Ф. Басманов получил титул боярина, две тысячи рублей, поместья и дорогие подарки. Щедро наградили и рядовых участников обороны города, в том числе и кромских казаков: “по приговору боярина и воеводы князя Никиты Романовича Трубецкого да окол[ьничего и воеводы Петра Федоровича Басманова дано государева, царева и великого князя Бориса Федоровича всея Руси жалованья Кромским казаком... Всего девятисто одному человеку, лучшим из них пятидесятиком и десятником и равным тринадцати человеком (2 пятидесятника, 7 десятников и 4 равных. – В.Н.) по суку по доброму

Русский воевода. Западноевропейская гравюра XVI века. Прорись автора.

по четыре аршины сукно, а семидесят осми человеком по сукну по среднему да по два рубля денег человеку [4]¹.

Между тем, пока длилось Новгород-Северское противостояние, очаг восстания неуклонно расширялся: 23 ноября к мятежу присоединился Рыльск, в последних числах ноября его примеру последовала Комарицкая волость с центром в Севске, 1 декабря взбунтовался Курск, 3 декабря в лагере самозванца стало известно, что «волость Кромы сдалась [5]». Но к тому, что происходило в Кромах, мы вернемся несколько позже.

Очередное сражение в войне с самозванцем, едва не ставшее решающим, произошло 21 января 1605 года у села Добрыничи под Севском, где воеводы Ф.И. Мстиславский и В.И. Шуйский наголову разгромили Лжедмитрия I, который бежал в Путывль. В битве на стороне правительственных войск приняли участие

Русский конный воин. Западноевропейская гравюра XVI века.

и кромляне, правда, их было только четверо – конные даточные люди, снаряженные осадным головой Иваном Матовым [6].

Как уже было сказано выше, Кромы перешли на сторону Лжедмитрия I 3 декабря¹, чему в немалой степени, надо полагать, способствовала деятельность агентов самозванца, а также отсутствие верных правительству войск; кромские казаки, как известно, в это время обороняли Новгород-Северский. Восставшие кромляне и мужики Околенской² волости самоуверенно двинулись в поход на Орел,

¹ Кромской гарнизон в 1604 году находился под началом осадного головы Ивана Матова и городовых приказчиков Осипа Виденьева и Ивана Гридунова [8]. Примкнули они к восстанию или, наоборот, с ними расширились повстанцы, неизвестно.

² Околенская волость располагалась к западу от Орла, в 42 верстах от Карачева. Через село Околенки проходила прямая дорога из Орла в Карачев.

где в это время стояли головы Григорий Иванович Микулин и Истома Михайлович Михнев с «годовальщиками» – дворянами и детьми боярскими из Мещовска, Козельска и Велева. Головы послали против бунтовщиков сотню Самуила Ладыженского, которая разнесла мятежников вдребезги и без потерь со своей стороны. Ранение получил лишь мещовец Алексей Степанович Собакин, за что в качестве награды его послали в Москву с победным оубунчем [7].

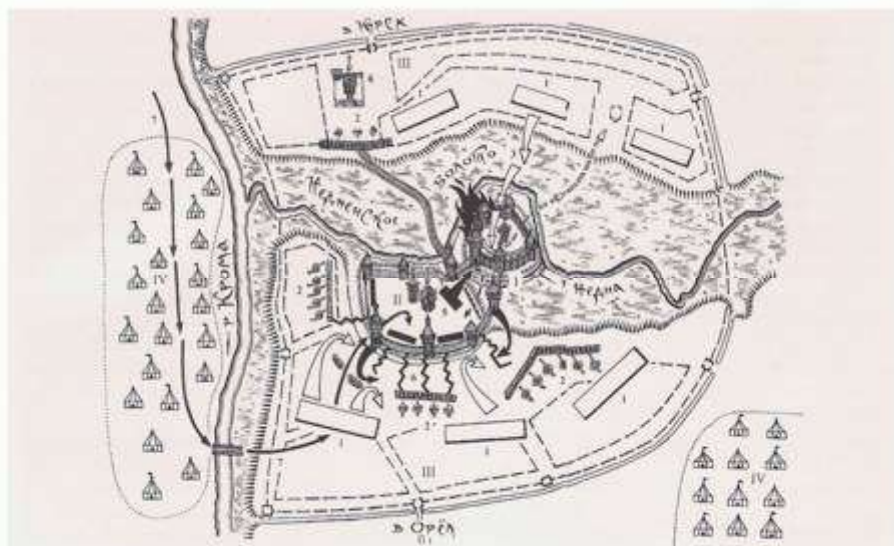
По указу царя Бориса Годунова для подавления восстания в Кромах направили воеводу Федора Ивановича Шереметева, которому велели «с Орла итти под Кромы», надо полагать, с орловскими служилыми людьми. Вместе с ним «промышлять» над мятежным городком должны были воевода князь Иван Григорьевич Щербатов со мценскими служилыми, голова Истома Михнев и дьяк Григорий Желябовский. Кроме того, по распоряжению Разрядного приказа в январе им придали тяжелую стенобитную артиллерию, стоявшую в Карачеве: две мортиры – «верховные пищаля» и пушку «Лев Слободской» «с пушечными запасами» [9]. Помощь получили и кромляне; незадолго до битвы при Добрыничах (21 января) самозванец послал в Кромы атамана Андрея Корелу¹ с 400–500 доисскими казаками, поскольку этот городок должен был сыграть ключевую роль в его грядущем походе на Москву. Но Добрынический разгром полностью разрушил его планы, а казаки атамана Корелы и кромляне во главе со своим предводителем Григорием Акинфиевым [10] оказались предоставленными собственной судьбе. Всего же в Кромах засело около четырех тысяч человек.

¹ По словам Исаака Массы, «...предводитель этих казаков был Корела, шедувий маленький человек, покрытый рубцами, родом из Курляндии, и за свою великую храбрость еще в степи был избран этой партией казаков в атамана и он так вел себя в Кромах, что всякий, как мы это еще увидим, страшился его имени» [11]. Впрочем, судя по прозвищу, бесстрашный атаман был не из Курляндии (сейчас, область в Литве), а из Карелии.

Шереметев обложил Кромы либо в самом конце января, либо уже в феврале. Но одно дело – разогнать плохо вооруженные толпы повстанцев в чистом поле, совсем другое – овладеть крепостью, пусть и деревянной. Безусловно, природная защищенность Кром была далеко не блестящей, городку было далеко до таких сильных крепостей, как Мценск, Рыльск или Брянск, которые благодаря расположению на очень высоких речных мысах были практически неприступны. Но, как говорится, «крепка крепость не стенами, а духом ратным», последнего у кромлян было в изобилии. Ратный дух и отчаяние – вот что помогало кромлянам и казакам держаться в поистине безнадежной ситуации, ведь сдача дала бы им только одно – долгую и мучительную смерть на пыточном колесе, поэтому они выбрали гибель в бою.

Как уже было сказано в предшествующей главе, Кромская крепость в начале XVII века имела три пояса стен и башен: Рубленный город (кремль), острог Завитай, примыкавший к кремлю, и Большой острог, кольцом опоясывавший оба центральных укрепления. Вероятно, кромляне даже не стали удерживать Большой острог. Деревянный забор протяженностью около двух километров с мелким рвом, не прикрытый с «приступной» стороны никакими естественными препятствиями, являлся неприступной преградой для татар, но никак не для войска с осадными орудиями, и закрывать его значило бы только понапрасну терять людей. Скорее всего, перед приходом царских войск кромляне сами сожгли Большой острог и всю находившуюся в нем посадскую и слободскую застройку, решив обороняться в лучше укрепленном Рубленном городе и в остроге Завитай. И в том, что они «сели на смерть», очень скоро убедился Ф.И. Шереметев со своими ратниками.

Самозванец прекрасно понял стратегическое положение Кром: пока этот невзятый городок колом торчал за спиной у Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского,

Осада Кром в 1605 году войсками царя Бориса Годунова. Реконструкция автора.

- I. Рубенный город.
- II. Острог Завитый.
- III. Сожженный Большой острог и городские слободы.
- IV. Лагерь осаждающих.
- 1. царские войска;
- 2. осадные батареи;
- 3. влзтие царскими войсками Рубленого города и их отступление;

- 4. Троицкий монастырь (пустынь), где, по преданию, войска приносили присягу на верность царю Федору Борисовичу;
- 5. отряды защитников Кром и их вылазки;
- 6. траншеи казаков;
- 7. прорыв в Кромы обоза из Путивля под началом Ю. Беззубцева.

они ничего не могли предпринять против его ставки – Путивля. Поэтому по приказу Лжедмитрия I спешно снарядили обоз из нескольких сотен телег с грузом для осажденного города, который сопровождали 500 казаков под началом путивляского сотника Юрия Беззубцева¹ [12]. Судя по всему, царские воеводы просто не ожидали

¹ Беззубцев Юрий (Юшка) – сын боярский, сотник путивляских казаков. Восстал сперва на стороне Лжедмитрия I, а в 1605–1607 годах участвовал в восстании И. Болотникова. В августе 1606 года второй раз сражался под Кромами, на этот раз против войск царя Василия Шуйского, участвовал в походе на Москву и в ее осаде. В 1607 году оборонял Калугу и Тулу. В 1609 году перешел на сторону Лжедмитрия II, позднее примкнул к Первому ополчению П. Липунова [14].

подобной дерзости: Беззубцев благополучно провел телеги с порохом и провиантом через весь правительственный стан, и осаждавшие опомнились только тогда, когда хвост обоза уже въезжал в крепостные ворота².

После прорыва в осажденные Кромы отряда Беззубцева стало ясно, что наличных

² В лагерь царской армии непрерывно подходили обозы – войска необходимо было кормить, так что прибытие еще одного обоза никого не удивило. Кроме того, данное происшествие свидетельствует об отвратительном состоянии караульной службы у осаждавших, впрочем, как это видно из дальнейшего, у Кромля она была поставлена тоже не лучшим образом.

сил для овладения крепостью у Ф.И. Шереметева явно недостаточно. По приказу Ф.И. Мстиславского на помощь Шереметеву направили стольника Василия Ивановича Бутурлина, «а с ним посланы головы с сотнями изо всех полков» [13]. Однако переломить ситуацию подкрепления не смогли, Кромы по-прежнему держались.

Тем временем после разгрома самозванца под Добрыничами царские войска заливали кровью восставшую Комарицкую волость, причем особенно отличились касимовские татары. По летописному свидетельству, «и имения их (комаричан. – В.Н.) расхищены быша, и домове до конца разорены быша, и огнем пожжены быша, вся в прах преврати». Ратники убивали «не токмо мужей, но и жен и безобливых младенцев осущих млека, и поби оу человек до скота» [15]. Но двухнедельная осада войсками Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского города Рыльска окончилась полным провалом. Более того, осажденные дерзкой вылазкой разгромили арьергард уходившей армии. После этой неудачи воеводы отвели армию на зимовку в Комарицкую волость в Радогоцкий острог. Взабешенный тем, что воеводы не поймали самозванца и не затушили окончательно мятеж, Борис Годунов послал к Ф.И. Мстиславскому и В.И. Шуйскому окольного Петра Шереметева и думного дьяка Афанасия Васильева с «гневым словом». Выговор, во многом несправедливый, произвел тяжелое впечатление на войско: «Бояре жь и вся рать, оскорбишася, и рати жь стало нестроение, мнение и ужасъ от Царя Бориса. С тое поры многие начаша думати, как бы Царя Бориса забыть, а к тому окаянному Гришке (Лжедмитрию I. – В.Н.) служити [16]». Повинуясь царскому приказу, воеводы двинулись на Кромы, под которыми беспомощно топтался Ф.И. Шереметев.

Камандный состав армии был следующим: Большой полк – князь Федор Иванович Мстиславский, Василий Иванович

Шуйский и Андрей Андреевич Телятевский; Передовой полк – Василий Васильевич Вулгаков-Голыцын и Михаил Глебович Салтыков; полк Правой руки – Дмитрий Иванович Шуйский и Михаил Федорович Капин; полклевой руки – окольный Василий Петрович Морозов и князь Лука Осипович Щербатой; Сторожевой полк – окольный Иван Иванович Годунов и князь Михаил Самсонович Туренин [17].

Четвертого марта 1605 года армия Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского подошла к Кромам и соединилась с полками Ф.И. Шереметева. С учетом прибывших подкреплений и людей Ф.И. Шереметева ее численность составляла, вероятно, около 30 тысяч человек. Еще около 15–20 тысяч приходилось на слуг и холопов дворян, князей и бояр и всяких чинов, обозную прислугу, торговцев с товаром и прочий люд³. Не оправдавших ожидания Ф.И. Шереметева и голову Истому Михнева отравили в Орел. Воевода князь Иван Михайлович Барятинский, стоявший в Карачеве, получил приказ вести всю осадную артиллерию к городу и стать «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже». Провожать наряд «для бережения» отрядили воеводу князя Михаила Самсоновича Туренина со «своими полчаны». После прибытия артиллерии к Кромам князя И.М. Барятинского отозвали в Донков, а на его место «у наряду» назначили князя Луку Осиповича Щербатого.

³ Иностранцы – современники давали совершенно невероятные данные по численности русской армии, осаждавшей Кромы: например, Исаак Масса оценивал ее в триста тысяч человек, в «Дневнике Марини Миншек» говорится о ста двадцати тысячах [19]; между тем, согласно разрядной росписи, перед битвой под Новгород-Северским она состояла из 25 336 человек (без учета босых холопов) [20]. В Кромах же заперлось, согласно тому же Исааку Массе, около четырех тысяч человек, что, скорее всего, достаточно близко к истине. Вероятно, в городе укрылась, надеясь спасения от репрессий, и часть населения Комарицкой волости. К концу осады из всех, кто находился в Кромах, осталась в живых, надо полагать, в лучшем случае четвертая часть.

В состав царских войск входил и сильный корпус наемников: немцы, шведы, поляки, литовцы – всего около четырех тысяч человек под началом лифляндского дворянина Вальтера фон Розена; кроме того, имелись многочисленные отряды татарской конницы. Осмотрев подступы к крепости и видя кромлян “крепкостояние”, бояре “начаша умышляти, как бы тот град зажечь”. Принятый ими нестандартный план едва не привел к падению крепости. Они решили нанести удар по самой ее сильной части – кремлю (Рубленому городу), который, как видно из дальнейшего, оказался и самым слабым ее звеном.

Кромской кремль в это время года был почти неприступен. Он стоял в излучине реки Недны на невысоком холме, со всех сторон окруженном болотами, превратившимися с наступлением весны в непролазную топь. Но эта недоступность сыграла с кремлем злую шутку: судя по всему, понадеявшись на болото, казаки его плохо охраняли. Ночью к Рубленому городу пошел отряд наемников-иностранцев. Исаак Масса называет даже имя командира, надо полагать, испанца – Лас Вейго [18]. Скорее всего, они подобрались к кремлю с северо-западной стороны, где склон холма вставал прямо из воды и, вероятно, караула не было вообще. Кроме того, эта сторона не просматривалась с высоты стен соседнего острога Завитай. Наемники подошли к стенам кремля, он запылал, и находившиеся в нем казаки в панике бежали в острог. Когда же пожар утих, наемники заняли пещище и закрепились на нем. Осажденные оказались в очень тяжелом положении, “и им бысть теснота велика”. Мало того, что они потеряли прочную позицию, в перспективе защитники рисковали оказаться и без воды. Если посмотреть на план Кромской крепости, то становится видно, что от кремля прекрасно просматривалась и соответственно могла простреливаться фланговым огнем вся долина и берега речки Недны, протекавшей у подножия острога. Пока была весна, воды, хоть и грязной,

вокруг хватало, но стояло немного подсохнуть, и осажденным пришлось бы оплачивать каждое ведро воды из реки собственной кровью. В результате уже через несколько дней перед ними встал бы богатый выбор: либо умирать от жажды, либо выйти на “последний и решительный бой” в тщетной попытке пробиться через окружавшее их железное кольцо. Понимая все это, казаки и кромляне делали непрерывные вылазки “биюцесь ... безпрестани”, в надежде вернуть утраченную позицию.

Впрочем, положение царских ратников, занимавших руины кремля, тоже было далеко не блестящим. Дело в том, что Кромской кремль располагался на более низком холме, чем примыкавший к нему острог¹, к тому же стены Рубленого города сгорели, а стены острога были еще целы, и с их высоты территория кремля простреливалась вдоль и поперек. В результате защитники Кром жарили сверху вниз из всех стволов по кремлю, где засели наемники и стрельцы. Внутри Рубленого города до сих пор сохранился подковообразный в плане земляной вал, выступающей стороной обращенный к острогу; возможно, его возвели годинувские ратники в надежде укрыться за ним от губительного огня кромлян и казаков. К тому же занимавшие городище стрельцы и наемники сами оказались в своего рода осаде. Подступы к кремлю с восточной, южной и частично с юго-западной стороны простреливались из острога, поэтому единственный безопасный доступ к Рубленому городу был с северо-западной стороны, через болото и разлившуюся речку Недну. Но здесь прямо из воды вставал отвесный десятиметровый обрыв²,

¹ Законы фортификации требуют, чтобы укрепления цитадели (центрального ядра) были выше либо располагались на более высоком месте, нежели примыкавшие к ней передовые укрепления. В Кромах все было с точностью до наоборот. Вот такая “фортификационная аномалия”.

² В настоящее время речка Недна “съела” примерно треть кромского городища, причем как раз его северо-западную часть, которая в XVII веке простиралась метров на десять дальше.

поэтому доставка подкреплений, пороха, продовольствия и эвакуация раненых с захваченной позиции представляли для царских войск немалые трудности. Тем не менее взятие кремля явилось для них значительным успехом, серьезно подорвавшим боевой дух осажденных, и вполне возможно, восставших удалось бы, несмотря на их остервенелое сопротивление, “додавить” в течение нескольких ближайших дней или недели, но тут произошло необъяснимое... Второй воевода Передового полка Михаил Салтыков, не посоветовавшись с боярами, приказал оставить руины кремля, чем вызвал впоследствии подозрение в пособничестве¹. Тем не менее здесь вряд ли идет речь об измене, скорее всего виной недостаточная военная компетентность воеводы Салтыкова, кроме того он мог уступить просьбам своих подчиненных вывести их из-под огня. Воевода не понимал, что проявленная им сейчас жалость может привести к во много раз большим потерям в дальнейшем, что в общем-то и произошло. Осажденным же “подарок” Салтыкова пришелся весьма кстати; они немедленно заняли городище, окопались на нем, и выковырять их оттуда уже не было никакой возможности [21].

После провала штурма решающее слово во взятии города было предоставлено артиллерии, которая была весьма многочисленна и хороша качественно (70 стволов).

¹ “Новый летописец” прямо обвинял воеводу в двурушничестве: “Михало же Салтыков, видя тем врагом тесноту и не поговоря з бояры, государеву рать сведе, з нороня тому океянному Гришке”. Тем не менее не следует забывать, что эта запись была сделана уже тогда, когда было хорошо известно, чем закончилась Кромская эпопея. В данное же время дело самозванца представлялось почти проигранным, в том числе и ему самому, Годунов же был силен как никогда. Поэтому предъявленное М.Г. Салтыкову обвинение представляется малоосновательным. Кроме того, воевода вплоть до конца осады сохранял верность династии Годуновых, а впоследствии стал активным участником заговора против самозванца, и если его и можно в чем-то упрекнуть, то только в бездарности и глупости, но не в измене.

По словам иностранцев, некоторые из пушек имели столь большие размеры, что рослый ратник в полном вооружении, стоя внутри жерла на дне такого чудовища, с трудом мог дотянуться до его края. Осажденные могли противопоставить царской артиллерии в лучшем случае десяток орудий среднего и малого калибра.

Пушечным огнем крепость была просто сметена с лица земли. Многопудовые ядра в щепки разносили крепостные стены и башни, десятками убивая и калеча людей. В Кромах сгорело все, что только могло гореть. Казалось, от непрерывно низвергавшегося на землю огненного града нет никакого спасения, но отчаяние подсказало осажденным единственный выход – зарыться в землю. По словам Конрада Буссова, “казаки вырыли вокруг всей оборонительной ограды снаружи и изнутри глубокие рвы. Из обоих рвов землю повыбрасывали наверх и сделали изнутри под оградой так много сквозных лазеек, что можно было, если нужно, миглом выйти и войти. Свои жилища казаки, подобно мышам, устроили тоже в земле, так что никакой пушкой их нельзя было потревожить. От наружного рва они прорыли к шанцам москвитов маленькие рвы и прятались в них... Когда москвиты приближались для схватки или посылали людей на штурм, казаки, как мыши, вылезали из земляных нор и храбро оборонялись, а если москвиты начинали одолевать их, они живо через отверстия забирались снова во внутренний ров и ждали там преследования со стороны москвитов, но тех мороз пробирал по коже, и они не хотели лезть туда...” [22].

Осажденные не только отбивались, но и сами постоянно совершали дерзкие вылазки: “Каждый Божий день двести или триста пеших казаков с длинными пищалями

² Наемник на русской службе француз Жак Маржерет следующими словами оценил действия царской рати под Кромами: “Обе соединившиеся армии пребывали под Кромами, не занимаясь ничем достойным и только насмехались друг над другом...” [23].

CLXXX
 Ein Russischer Krieger
 Ein Russischer Krieger
 Ein Russischer Krieger
 Ein Russischer Krieger

Русский воин.
 Западноевропейская гравюра XVI века.

делали вылазки из Кром, выманивали из лагеря некоторых охотников добыть себе чести, полагавших, что они верхами достигнут казаков, но казаки столь искусны в стрельбе из мушкетов и длинных пищалей, что не давали промаха и всегда подстреливали всадника или лошадь, и так каждодневно клали мертвыми тридцать, пятьдесят, шестьдесят воинов из московитского войска, среди которых было много молодых красивых дворян и были люди, искавшие себе чести; и пока Карела, атаман, был здоров, московиты не знали покоя: то внезапно нападали на них, то обстреливали, то глумились над ними или обманывали. Да и на гору часто выходила потаскуха в чем мать родила,

которая пела поносные песни о московских воеводах, и совершалось много другого, о чем непристойно рассказывать; и войско московитов к стыду своему должно было все это сносить, и стреляли они из своих тяжелых пушек попусту, ибо не причиняли и не могли причинить кому-нибудь вреда; в Кромах между тем беспрестанно трубили в трубы, пали и бражничали" [24].

Некоторый перерыв в военных действиях случился лишь тогда, когда Карела получил достаточно серьезное ранение: "Те, что сидели в Кромах, одно время держали себя тихо и только изредка отражали несильные нападения, ибо Карела был тяжело ранен, и без него не могли измыслить средств причинить вреда московитам, и когда он выздоровел, все пошло по-прежнему [25]".

В самом стане осаждавших тоже не все было благополучно. Затянувшаяся осада, провалы штурмов и большие потери привели к тому, что армия, толпившаяся на месте, стала постепенно разлагаться. Как это часто бывает при любой неудаче, ползли слухи о предательстве и измене, пока безосновательные, но людей было уже невозможно убедить в обратном. Следует отметить, что, как сказали бы сейчас, "информационную войну" самозванец вел блестяще, и неповоротливая официальная пропаганда проиграла ее на всех этапах. В правительственный стан постоянно проникали лазутчики, распространявшие действительные и мнимые слухи об успехах самозванца и разбрасывавшие грамотки и разного рода "подметные" письма. Была налажена едва ли не регулярная переписка между Кромами и Путивлем. Многих гонцов ловили и вешали, но это помогало мало.

Все это в конечном итоге сделало свое дело. Среди ратников появились сомневающиеся, а, как известно, на войне нет хуже солдата, потерявшего веру в свое дело; некоторые уже симпатизировали самозванцу (естественно, не зная, что он самозванец) и помогали ему не только словом, но и делом.

По словам Исаака Массы, "...всюду была измена, и в московском лагере дела шли не чисто, ибо воеводы не только не отправляли должности, но сверх того было заметно, что они сносились с Дмитрием¹, хотя еще не отважились на измену, ибо в темные ночи часто находили между турками мешки с порохом, которые уносили лазутчики из Кром в присутствии часовых, и много других подобных дел. В Кромы из московского лагеря также часто летали стрелы с привязанными к ним письмами, в которых сообщалось обо всем, что происходит в Москве и в лагере, так что приверженцы Дмитрия знали все, что делалось в Москве, как обстояли дела с Борисом и что он предпринимал и учинял, и о том, как роптал народ в Москве, где многие начали верить, что то истинный Дмитрий..." [26]. Кроме того, осада тянулась уже третий месяц, и вскоре произошло то, что неминуемо должно было случиться: людская скученность, антисанитария, отвратительные бытовые условия, холод и грязная вода привели к тому, что в правительственном стане вспыхнула эпидемия – "мыт" (дизентерия). К чести Бориса Годунова, он отреагировал весьма оперативно: в войска срочно отправили многочисленных врачей с лекарствами, и эпидемию удалось обить [27].

Скорее всего, мятежное гнездо в Кромах рано или поздно удалось бы раздавить, несмотря на весь героизм его защитников, но тут произошло непредвиденное – 13 апреля 1605 года царь Борис Годунов скоропостижно скончался, скорее всего, от апоплексического удара². На престол взошел его юный сын Федор Борисович.

¹ Данный посол совершенно безоснователен, во всяком случае, в отношении Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского, тем не менее он хорошо показывает, какая обстановка царил в лагере.

² Смерть Бориса Годунова оказалась столь неожиданной, что в народе пополнился слух о том, что царь покончил с собой, приняв яд. Данная версия получила отражение и в ряде источников, в основном иностранных, но это не более чем слух, который тем не менее свидетельствует о небывалом падении авторитета Годунова.

Портрет цари Василия Шуйского
 из "Титулярника" XVII века.

Одним из первых решений нового правительства стала замена командующих армией под Кромами: опозорившихся Ф.И. Мстиславского и братьев В.И. и Д.И. Шуйских отозвали в Москву, а на их место прислали князя Михаила Петровича Катырева-Ростовского и героя обороны Новгорода-Северского П.Ф. Басманова, на которого возлагались особые надежды.

Прибыв в лагерь, новые воеводы вместе с новгородским митрополитом Исидором³ привели ратников к присяге новому царю. Тем не менее некоторые воины во время общей сутолоки уклонились от церемонии крестоцелования [28]. Да и многие из тех, кто принес присягу, впоследствии, по образному выражению К. Буассо-ва, "эту клятву соблюдали ровно столько, сколько голодная собака соблюдает пост".

³ Патриарх Иов по старости и дряхлости не мог принимать присягу, поэтому остался в Москве.

Гонец XVI века. В.Г. Шварц.

По местному преданию, крестоцелование проходило в Троицкой церкви мужского монастыря (пустыни), стоявшей напротив крепости на другом берегу реки Недны.

Сначала П.Ф. Басманов начал жестко наводить порядок. Его люди шныряли по всему лагерю, подслушивая крамольные речи, затем болтунов хватали и безжалостно наказывали. Но со временем воевода встал на путь измены. Называются самые разные причины, толкнувшие этого человека на предательство, но рассматривать здесь и сейчас мы их не будем¹. Отметим только, что, вероятно, последний гирькой на весах стала присылка в войско новой разрядной росписи, составленной князем Семеном Годуновым без согласования с боярами и даже с царем Федором Борисовичем. Согласно ей, главным воеводой Сторожевого полка был назначен князь Андрей Телятевский, зять Семена Годунова,

¹ Более подробно об этом написано у Р.Г. Скрынникова. "Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках". М., 1988. С. 293, 296–297.

что, согласно обычаям местничества, являлось серьезным умалением фамильной чести Басмановых². Когда Петр Федорович узнал о произведенных служебных перестановках, с ним случилась форменная истерика, он "пачки на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, еялял и бил челом боярам и воеводам всем: "Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды болши деда князя Одреева... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи, князю Оondreю Телятевскому: и я не хочю жив быти, смерть приму лутче тово позору" [29]. Но главное, безусловно, заключалось не в тех или иных причинах или обидах, а в характере "с гильдой" этого человека, который считал возможным нарушить присягу и предать сына своего государя, от которого не видел ничего, кроме милости и пожалований. По меткому замечанию известного исследователя истории Смутного времени в России Р.Г. Скрынникова, "сын знаменитого опричника Басманов был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния" [30].

К этому времени в московском стане в пользу самоаванца уже созрел заговор, который возглавили князья В.В. и И.В. Голицыны, имевшие свои счеты с династией Годуновых. Под началом Голицыных находился Передовой полк, где служили около 1000 рязанских дворян во главе с Прокопием Ляпуновым, ставших их надежной опорой. Заговорщики поспешили установить связь с теми из своих друзей и родственников, кто уже успел перейти на службу к Лжедмитрию I. Крупнейшим их успехом стало привлечение на свою сторону воеводы П.Ф. Басманова.

² Согласно новой разрядной росписи командование распределялось следующим образом: Большой полк – князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский и Петр Федорович Басманов, Правой руки – Василий Васильевич Голицын и Михаил Федорович Кашин, Передовой полк – Иван Иванович Годунов и Михаил Глебович Салтыков, Сторожевой полк – Андрей Петрович Телятевский и Михаил Самсонович Туренин, Левой руки – Замятия Иванович Сабуров и Лука Осипович Шербагой.

Вооруженный польский дворянин. Гравюра XVII века.

Извещенный о готовящемся перевороте, Лжедмитрий I направил на помощь заговорщикам небольшой отряд Яна Запорского – около 200–300 наемных солдат и 800 донских казаков (по другим данным, до 4-х тысяч), практически все, что у него было. Но с такими силами рассчитывать на успех в полевом сражении было нечего, поэтому Запорский пошел на хитрость: он выслал к осажденным лазутчика, "дав ему наставление, как должно поступать, если попадетс в руки неприятеля. Этот Москвитянин, обещая оказать важную услугу, изъявил готовность пожертвовать за Димитрия самую жизнь и скорее перенести возможные муки, нежели открыть что-либо о своем Государе!"¹.

¹ По другому сообщению, Запорский использовал гонца "втемную": "Это письмо вручил он простодушному человеку, который, был сам обманут, обманул и других. Запорский постарался, чтобы сей посланный шел по дороге, занятой неприятельми, и чтобы они схватили его; так и случилось: пойманный Москвитянин и преданный пытке, он подтвердил все, что было в письме, ибо сам верил оному..." [32].

Польский гайдук. Гравюра XVII века.

Гонец сделал все, чтобы попасться, и при нем нашли письмо, где говорилось, что в передовом отряде, направленном самоаванцем к Кромам, насчитывается 2000 поляков и 8000 русских, сам же Лжедмитрий I готов выйти из Путивля, куда вот-вот должно подойти ему на помощь 40-тысячное польское войско. Лазутчика жестоко допросили, но он только подтвердил все, о чем сообщалось в письме. Это сообщение, а также известие о разгроме сторожевого отряда, который "в совершенном беспорядке прибежал в лагерь и с ужасным криком известил о приближении непобедимой силы поляков" [31], значительно подорвали боевой дух и усилили смятение и растерянность в московском стане. Между тем заговорщики из правительственного лагеря снеслись с осажденными кромлянами и договорились о совместном выступлении, которое назначили на 7 мая.

В этот день "около четырех часов утра кромляне, а также те, что были изменниками в московском войске, во главе со своим

предводителем Басмановым, были насто- рожке, и тотчас помчался из лагеря на во- роном коне всадник почти к самому кром- скому валу, и то было сигналом, и тотчас кромляне, подобно быстрому вихрю, на- пустились со всех сторон на лагерь, так что ни часовые, ни кто другой не успели единого слова вымолвить, а меж тем в лагере перевязали по рукам и ногам всех начальников и отправили их с димитрие- вцами в Кромы, а те, что были в Москов- ском войске, подожгли со всех концов собственный лагерь. Московиты, не знав- шие об этом умысле, приведены были в такой великий страх, что некоторые по- бросали оружие, другие одежду и так бы- стро рассыпались в разные стороны, что на это нельзя было взирать без удивления. Меж тем приверженцы Димитрия тыся- чами перебежали на другую сторону; да и бежали так быстро, что мост [наведен- ный] через реку, текущую под Кромами, на котором стояли три или четыре свя- щенника с крестами, чтобы привести на- род к присяге, что совершается у них це- лованием креста, этот мост погрузился, так что иные всплыли наверх, иные, ду- мая побегать по воде, тонули, иныеплы- ли верхом на лошадях, одним словом, было такое смтение, что казалось, зем- ля и небо переходят; помимо того один бе- жал в свой край, другой в свою деревню, третий в Москву, иные бежали в леса; не разумея, что происходит, и стреляли и ко- лоли друг друга, как разъяренные звери, и никто не знал, чего ради он побежал; один кричал: "да хранит Бог Димитрия", другой: "да хранит Бог нашего Федора Бо- рисовича", а третий, никого не называя, говорил: "я буду служить тому, кто возьмет Москву". Итак, большая часть войска предалась Димитрию, а те, что не передались ему, разбежались каждый сво- им путем, а многие во время бегства были обуреваемы страхом столь великим, что побросали дорогою свои повозки, выпри- гли из них лошадей, чтобы бежать скорее, полагая, что их преследуют" [33].

Тем не менее, не все воеводы и служи- лые люди потеряли присутствие духа, так "князь Андрей Телятевский, родственник Годуновых, до последней возможности оставался у пушек, крича: "Стойте твердо и не изменяйте своему государю", но так как на эти пушки скоро напали все, что были поблизости, то он принужден был [со] своими [людьми] их покинуть и обратиться в бегство" [34]. Бежали глав- ный воевода М.П. Катырев-Ростовский, начальник наряда (артиллерийского пар- ка) Василий Борисович Сукин и некото- рые другие. Не всем воеводам удалось уйти, многие схватили и повязали; среди них были Михаил Салтыков и Иван Ива- нович Годунов. Он с "другими воеводами лежал связанный в поле, как животное, и при нем стоял мальчик, опалахом отго- нявший от него мух" [35]. Связали и Вас- манова, но это было сделано с его ведома и по его же приказу: он был настолько не уверен в успехе пучка, что на всякий слу- чай решил обеспечить себе алиби, но ко- гда узнал, что все идет как должно, при- казал немедленно себя освободить.

Немецкие наемники, стоявшие от- дельным станом, видя бардак в москов- ском лагере, выстроились в боевой поря- док, но поскольку ничего не понимали, то в происходящее не вмешивались. "Васма- нов послал свой шпаш со значками к ро- мистру, начальствующему над немцами, которые еще держались возле своего зна- мени, и просил его перейти [в другой ла- герь] и присягнуть законному государю и служить ему. Капитан не захотел, но, ко- гда его много раз призывали к тому, он пере- дался вместе с другими, но семьдесят [но- инов] соблюли присягу и бежали в Моск- ву", за что впоследствии были награжде- ны царем Федором Борисовичем [36].

В общей свалке (назвать боем происхо- дившее язык не поворачивается) людей погибло сравнительно немного, поскольку атаман Корепа отдал приказ по возмож- ности щадить своих противников, и его казаки годуновских ратников "не скли и

не убивали", а "плетьми бьюще их и гоня- ще, глаголюще: "Да потом на бой не хо- дите противу нас!" [37]. В результате зна- чительная часть войска просто разбежа- лась: "...говыба и бегство через Москву продолжались три дня; и когда их спра- шивали, чего ради обратились они в столь- скорое бегство, они не умели ничего отве- тить; когда бояре кремлевские хотели дознаться от них, они сварливо отвечали: ступайте сами туда и посмотрите..." [38].

На следующий день, после мятежа под Кромами, стало относительно тихо: и осажденные, и осаждающие слились в одну толпу, раздираемую тем не менее са- мыми противоречивыми слухами. Через несколько дней после переворота князь И.В. Голицын со свитой прибыл в Путивль и принял заверения в верности Лжедмит- рию I, а князь Б.М. Лыков привел войска в Кромы и присяге самозванцу. Лжед- митрий I распорядился распустить по до- мам царское войско, кроме тех, кто изъя- вил желание встать под его знамена. Из- мученные ратники с большой охотой по- кинули стан под стенами осточертевшего им городка и разъехались по домам. Этим решением самозванец нанес еще один удар Годуновым, серьезно ослабив их власть во многих городах: "А стрельцов и казаков, приветчи х крестному целова- нью, отпустили по городом и от того в го- родех учинялась большая смута". Вскоре в Кромы со свитой и войском (около 2000 человек) прибыл Лжедмитрий I, остано- вившийся здесь на несколько дней. Его сопровождали вельможи, перешедшие на его сторону: князь Борис Татев, Василий Мосальский, Борис Лыков, Борис Туре- ин, думный дворянин Артемий Измай- лов, а также поляки, которые "с удивлени- ем разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию досталось 70 больших орудий, крупные запасы пороха и ядер, вой- сковая казна, много лошадей и прочее иму- щество" [39]. Прислгнувших ему ратников самозванец распорядился разбить на пять

полков, поставив ими командовать людей, которые еще вчера воевали против него и его сторонников: Большим полком – боя- рина Василия Васильевича Голицына и Бориса Михайловича Лыкова; Правой руки – Семена Ивановича Куракина и Луку Осиповича Щербатова; Передовым – Федора Ивановича Шереметева и Петра Ахмашуковича Черкасского; Стороже- вым – Бориса Петровича Татева и Федора Андреевича Звенигородского;левой руки – Юрия Петровича Ушатого и Семена Гри- горьевича Звенигородского [40]. Из Кром самозванец двинулся на Орел, который открыл ему ворота без боя. Победа или, если быть более точным, измена под Кро- мами способствовала падению династии Годуновых и восхождению на престол Лжедмитрия I, открыв ему дорогу на Мос- кву, навстречу его кратковременному цар- ствованию и бесславной гибели.

17 мая 1606 года в результате бояр- ского заговора Лжедмитрий I и его кле- рет П.Ф. Басманов были убиты. На престол взошел глава заговорщиков князь Василий Иванович Шуйский, в свое время тщетно бившийся лбом о стены Кром. Но уже во второй половине июня в народе начались волнения, вызванные слухами о новом "чудесном спасении" Лжедмитрия, кото- рые охватили юг страны, его степную "ук- раину". Центром восстания стал город Путивль, а военное руководство возглавил Иван Исаевич Болотников, объявивший себя полководцем "истинного царя", ко- торый в это время якобы находился в Польше. Мятеж быстро перекинулся на соседние города: Новгород-Северский, Монастырский острог, Стародуб, Белго- род, Оскол, Елец, Кромы, Ливны. Вос- ставшие отказались присягать новому царю: "Крест царю Василию не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их (имушество. – В.Н.) гра- бить" [41]. Из крупных городов на юге в руках правительства остались Брянск и Орел, главным образом потому, что туда успели подойти верные Шуйскому войска,

не дав возможности волновавшемуся населению и ненадежным гарнизонам примкнуть к повстанцам. Южнее этих городов все было охвачено жестоким востанием. Повстанцы жестоко расправлялись со своими противниками, а также со знатными и именитыми людьми: "Боляр же своих дома разоряху и животы (имущество. – В.Н.) грабяху, жен же их и детей позоряху и за себя имаху" [42]. На подавление мятежа царь Василий Шуйский бросил весьма крупные силы: Брянск занял отряд Ефима Вахромеевича Бутурлина, два полка – Большой и Передовой – под началом боярина князя Ивана Михайловича Воротынского и околичного Михаила Борисовича Шеина через Новосиль двинулись на Елец и осадили мятежный город. К несчастью для царских воевод, Лжедмитрий в свое время начал подготовку к войне с Турцией и сосредоточил в Ельце огромное количество пушек и военных припасов, поэтому они крепко завязли под ним. Главные же силы через Орел двинулись на "те самые" Кромь. Большим полком командовали князь Юрий Никитич Трубецкий и Михаил Александрович Нагой, Передовым – князь Борис Михайлович Лыков и князь Яков Петрович Барятинский, Сторожевым полком – околичный Григорий Петрович Ромодановский и князь Роман Иванович Гагарин [43].

Первым к Кромам подошел со своим полком боярин М.А. Нагой. Незнакомое, в каком состоянии в это время находились укрепления Кром и в какой степени успели их восстановить, или же кромлянам пришлось довольствоваться тем, что осталось от прошлогодней осады, но в любом случае царские войска мятежный городишко взять не сумели. На помощь Кромам подошел Болотников из Путиля, но был отброшен и стал дожидаться новых подкреплений. На радостях М.А. Нагой послал в Москву с суенцем дорогобуженина Андрея Семеновича Кольчева, удостоенного за победную весть награды. Вскоре подошли остальные полки,

полностью блокировав город. Подкрепления получил и Болотников, из Путиля пришел с новыми отрядами Юрий Беззубцев. Кроме были ему хорошо знакомы: в прошлом году он прорывался туда с обозом, а затем просидел в городе до конца осады. Новое наступление, предпринятое Болотниковым и Беззубцевым, увенчалось полным успехом повстанцев, которые сумели нанести поражение правительственным войскам и пробиться в Кромь. Надо полагать, что в большей степени этой победой повстанцы были обязаны именно Ю. Беззубцеву [44]. До столицы дошли явно преувеличенные слухи о разгроме войск царя Василия Шуйского. Поляк Вацлав Дамантовский писал в своем дневнике: "Пришла весть, что 8000 людей Шуйского побито под Кромами¹; гнали и били их на протяжении 6 миль. От этого на Москве тревога. Срочно разослано по городам за людьми: согнать их принудительно к Москве"[45]. Разрядная книга отзывается о сражении более сдержанно: "И под Кромами у воевод с воронскими людьми был бой, и из Путиля пришел Ивашко Болотников и Юшко Беззубцов со многими северскими людьми и с казаки пришли на проход в Кромь. И после бою в полках ратные люди дальних городов: ноугородцы и псковичи и лучаны и торопчане, и Замосковных городов под осен[ь] в полках быт[ь] не похотели, видячи, что во всех Украинных городех учинилас[ь] измена и учали ис полков разъезжатца по домом. И воеводы княз[ь] Юрий Никитич с товарищи ис под Кром отошли на Орел" [46].

Трудно сказать, насколько значительным был успех повстанцев под Кромами. В любом случае после прорыва в город Болотникова и Беззубцева о взятии Кром Ю.Н. Трубецкому и М.А. Нагому пришлось забыть – уроки прошлогодней осады города были слишком памятны,

¹ Надо полагать, что известие о потерях сильно преувеличено, вероятно, это общая численность царской армии, осаждавшей Кромь.

К тому же пришли вести о разгроме войск И.М. Воротынского и М.Б. Шеина под Ельцом. Воеводы были вынуждены начать отступление, в ходе которого деморализованная армия почти полностью развалилась, поскольку служилые люди стали толпами разбегаться по домам. Попытка удержать Орел также провалилась: "И с Орла князь Иван Андреевич Хованской да князь Иван Михайлович Барятинской писали к царю Василью: велено с ними быть ноугородцом Бежетцкой да Шелонской пятинь. И как воеводы от Кром отошли и ратные люди разъехались, и ноугородцы [с ними], видя в орлянех шатость, быть не хотят". На помощь Орлу выслали три приказа московских стрельцов, но они встретили бежавших орловских воевод уже у Лихвинской засеки¹ [46]. В конечном итоге поражения царских войск под Ельцом и Кромами позволили И. Болотникову значительно расширить очаг восстания и выйти на ближние подступы к Москве.

10 октября 1607 года повстанческая армия И. Болотникова капитулировала в Туле. Однако ликвидация одного из основных очагов восстания вовсе не означала окончания войны в целом. Весь юг страны по-прежнему находился вне власти правительства Василия Шуйского. Самым южным пунктом, где удалось закрепиться царским войскам, стал Волхов, "очищенный" от повстанцев князем Третьяком Семеновым.

В это время на исторической сцене появляется тот, за кого воевал Болотников, – самозванец, получивший позднее

¹ Город Лихвин (сейчас Чекалин) в Тульской области.

Сцена под Кромами из оперы М. Мусоргского "Борис Годунов".

прозвище Лжедмитрий II или "Тушинский вор". Человек неясного происхождения, он быстро стал знаменем всех противников царя Василия Шуйского. К нему примкнули остатки разбитых болотниковцев, обманутые люди, искренне верившие в чудесное спасение (в третий раз!) сына царя Ивана IV Дмитрия Ивановича (блаженны верующие), разного рода авантюристы, мечтавшие сделать карьеру при законном или незаконном (в конечном итоге это не имело никакого значения) наследнике престола, а также польско-литовская шляхта, стремившаяся поживиться во время гражданской войны, сотрясавшей Московское государство.

Самозванец собрал в Стародубе до трех тысяч войска, но выручить осажденного в Туле Болотникова не успел и отступил сначала в Карачев, а затем перешел в Орел, где встал на зимовку. Столь долгое его пребывание в Орле (зима 1607 – весна 1608 годов) послужило появлению еще одного прозвища – "Орловский царик" [48].

Зимой и весной 1608 года к "царствующему" на Орле самозванцу стекались многочисленные сторонники. Один из самых крупных отрядов (около 4-х тысяч человек) привел из Речи Посполитой князь

Роман Кирикович Рожинский. К концу зимы он дошел до Кром, где встал станом и откуда направил послов к Лжедмитрию II в Орел с предложением своих услуг. Посланники были приняты самозванцем достаточно холодно, что, надо полагать, являлось результатом интриг гетмана Меховецкого, боявшегося с приходом Рожинского потерять свою должность при "царике". В результате полчище Рожинского остаток зимы и большую часть весны 1608 года простояло в Кромах, объедая местных жителей. Следует заметить, что польско-литовская и украинская шляхта и на "короновых" польских землях вела себя более чем вольно, и зачастую с ней не было никакого слугу, что же говорить о чужой стране. Незваные гости забирали себе все, что понравится: продовольствие, фураж, имущество хозяев, приглянувшихся женщин, тот же, кто пытался протестовать или заикался о деньгах, тот рисковал получить саблей по лбу. Безусловно, московские ратники тоже были не подарок, но до разнузданной шляхты им было весьма далеко. Так что, когда Рожинский со своим войском в конце апреля ушел на соединение с Лжедмитрием II в Орел, кромляне наверняка вздохнули с облегчением и занялись подсчетом убытков [49].

В начале 1611 года Кромы примкнули к Первому (Рязанскому) ополчению Прокопия Ляпунова, которое пыталось выбить из Москвы польско-литовских интервентов. В преддверии наступавшей зимы стоявшие под стенами Московского Кремля ополченцы оказались без теплой одежды, "голодни и наги", и руководство ополчения распорядилось разослать для ее сбора в близлежащие города дворян и детей боярских. В Орле, Болхове, Кромах и Перемышле сбором бараньих шуб занимался Константин Опухтин (Апухтин), хотя вряд ли ему удалось так уж много собрать

с разоренного населения, даже несмотря на помощь кромского воеводы Матвея Игнатьевича Софонова [50].

Восхождение на престол нового царя Михаила Романова (11 июля 1613 года) стабилизировало внутриполитическую обстановку в стране, но не прекратило войну. Россия в это время одновременно воевала с Речью Посполитой и Швецией, южные границы терзали крымские татары, кроме того по стране бродила масса отрядов и шаек, примыкавших то к одной стороне, то к другой и грабивших всех подряд. О жизни Кром в этот период почти ничего не известно, можно только предполагать, что жителям почти постоянно приходилось отсиживаться в осаде, спасаясь от польско-литовских и татарских набегов. Так, в декабре 1616 года литовцы "воевали" Кромские места [51].

В 1618 году в преддверии очередного польско-литовского вторжения Боярская дума постановила упразднить города Карачев и Кромы, а остатки их населения и гарнизонов перевести в Болхов. Разрушенные крепости Карачева и Кром, к тому же оставшиеся почти без ратных людей, еще удавалось бы удержать во время татарского набега, но польско-литовские войска овладели бы ими без особого труда, что привело бы только к напрасной гибели людей.

Первого декабря 1618 года Россия и Речь Посполитая заключили между собой Деулинское перемирие. Страна постепенно приходила в себя после пятнадцатилетней внутренней и внешней войны. В 1621 году по указу царя Михаила Федоровича было велено восстановить города Карачев и Кромы, а их население "с нарядом и со всеми казенными запасами" вернуть на прежнее место жительства [52]. Придя на руины Кром, кромляне кое-как срубили деревянную крепостную стену и стали постепенно отстраиваться на родных пепелищах.

КРОМЫ в XVII веке

Пережившие в годы Смутного времени две тяжелые осады и ряд литовских и татарских набегов, Кромы почти полностью обезлюдели. От последствий лихолетья город с трудом оправился только к концу XVII столетия. В 1618 году по приговору Боярской думы город даже упразднили, а его уцелевших жителей перевели в Болхов. Около 1621 года Кромы срубили заново, но от этого было мало толку. Приехавший в 1625 году воевода И. Щербачев застал в Кромах на месте Рубленого города полустигивший острог с одной проезжей башней без крыши, 105 служилых и жильских людей, вооруженных чем попало, и полное отсутствие пушек и каких-либо военных запасов. Впрочем, последнее не совсем верно: на складе в Кромах хранились 34 разнокалиберных ядра, выкованных в свое время из крепостного вала, где они сидели еще со времен осад города войсками царей Бориса Годунова и Василия Шуйского. Но это мало утепало, пушек в городе все равно не было

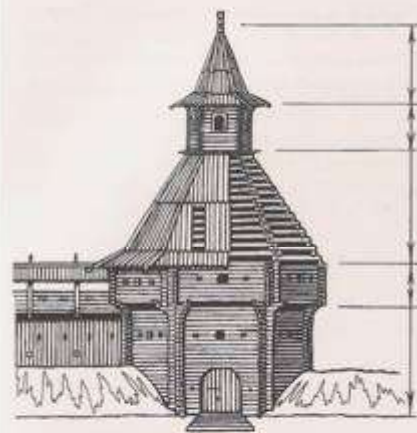
"А острог, государь, на Кромах сделан на трети городищи и тот худ, мнози острожины повыволились и коровати осыполись, а башня одна на воротах и та без верху, у ворот замка и затворы, никаких крепостей и наряду и зелья и свинцу и никаких пушечных запасов нет и ничево оприч зборных находных трицати четырех железных ядер малых и больших и в приход воинских людей (неприятеля — В.Н.) мне, холопу твоему, сидеть в Кромах не с кем и не с чим и о том, государь, мне, холопу твоему, как укажешь".

Из отписки воеводы Ивана Щербачева царю Михаилу Федоровичу. 27 ноября 1625 года [1].

ни одной, так что ядра пришлось бы бросать во врагов руками [2].

В 1631 году воевода С. Дашков и подьячий Иван Титов срубили Кромскую крепость заново, но лишь наполовину: на месте Рубленого города поставили Малый острог — на восстановление острога Завитай пока не было ни денег, ни леса, ни людей. Тогда же в крепость привезли пушку и небольшое количество военных запасов. Восстановление Кромской крепости проходило в рамках общегосударственной программы усиления крепостей на западной и юго-западной границах — в 1632 году истек срок заключенного в 1618 году Деулинского перемирия, и московское правительство лихорадочно готовилось к войне за утерянные в годы Смуты Смоленск и северские города: Стародуб, Трубчевск, Почеп и другие.

В разгар боев под Смоленском в 1633–1634 годах купленные на польские деньги орды крымских татар затопили южные окраины Московского государства,

«На крепкий шестер
В вышнюю шпотага Сафеев.
Сверх шпотагу крепца,
Десять уба венцов.
Ренца

Да шпотагу десяти венцов.
Вышняя башни до шпотагу
Двадцать три венца.»

Николевские ворота в остроге Завитай, построенные в 1667 году воеводой Иваном Никифоровичем Юшковым. Под неокрытой крышей видна ражгвал конструкция шатра. Реконструкция автора.

Появились татары и под Кромами. 29 июля 1634 года к городу подошел крупный отряд крымцев тысячи «с три и болши» и с ходу попытался ворваться в Стрелецкую, Пушкарскую и Казацью слободы. Воевода Дмитрий Волконский с немногочисленными местными служилыми и жителями сумел отбиться, и «на том бои многих татар побили, а слобод выжеч[ь] не дали». Потери кромлян составили четыре казака убитыми, «а многих казаков и стрелцов ранили». Простояв в версте от Кром до вечера, татары снялись со стана и в поисках более легкой добычи ушли в сторону Комарицкой волости [3].

В апреле 1639 года в Кромь для усиления гарнизона прислали 32 украинских казака с семьями во главе с атаманом Иваном Мольхоновским, перешедших из Речи Посполитой на русскую службу. Казакам выделили пашенную и селитребную землю, где они устроили свою Черкасскую слободу¹,

¹ Позднее слобода была перенесена на северо-восток города, где находится и в настоящее время.

а также выдали им хлебное, денежное и соляное жалование [4].

В очередной раз татары объявились под Кромами 2 сентября 1644 года. О приближении татар стало известно заранее, и воевода Яков Кутузов успел загнать все сельское население уезда за городские укрепления, так что крымцам пришлось довольствоваться тем, что они нашли в пустых деревенских избах. Татары простояли под Кромами две недели, а местные служилые неоднократно выезжали к ним на бой и стычки. Как и в прошлый раз, плохо укрепленные, если не считать окружавшую их линию надолб, пригородные слободы удалось отстоять, и «никакова дурна» учинить над ними татарам кромляне не дали, хотя не обошлось без потерь. Воевода Я. Кутузов в своей отписке писал: «за рекою за Кромкою убили татарова дву человек казаков – Якушка Усова да Прохорку Ларина, да казака ж Захарку Ларина ж ранили да казачка сына Микитку Усова убили ж. Да в полон взяли

дву человек казаков Левку Гребонкина, Кирилку Тиняева, да в полон поймали казачьих детей: Фомку Данилова, Матюшку Усова, Саяку Воронина, Ларку Филимонова, Макарку Яковлева». Воевода досконально отчитался и о количестве израсходованных военных припасов: за время осады расстреляли три пуда и три гривенки пороха, два пуда и 28 гривенок свинцу, выпустили четыре пушечных ядра и, надо полагать, кого-то из татар ими прихлопнули [5].

В 1647–1648 годах в Кромах появилось первое промышленное предприятие – селитряный «завод», кото-

рый построил Ефим Быков, присланный из Пушкарского приказа в Карачевский и Кромской уезды «для сыску селитряной земли». Найденная им земля оказалась достаточно насыщенной селитрой, причем для ее добычи довольно сильно развратили валы острога Завитай¹. Быков устроил здесь целый селитряный завод, «и амбары, и печки, и саран и что надобно к тому селитряному варенью все сделал». В 1648 году началась добыча селитры: «и сварил я твоей государевы селитры 300 пудов, а ставил я пуд с заводом и с мастерским кормом и с работными людьми и 14 алтын в 2 деньги». В своей челобитной царю Е. Быков жаловался на тяготы работы: «И будучи я беспрестанно на твоих государевых службах три года, оскудел и лошадьми опал, и людишка, которые были со мною в Белогороде и в Кромах от всякой скорби и нужи померли; а служил я твою государеву службу на своих лошадях, а подвод мне и твоего жалования не даю...; и без меня московский

¹ Особенно много селитры можно было добыть, разрывая старые крепостные валы, где содержалась перегнившая земля.

Украинские казак и казачка. Рисунок XVII века.

Татарский воин. Рисунок автора по западной европейской гравюре XVII века.

мой дворничко сгорел совсем без остатка, и животы и остатки разорили и разнесли». В награду за учиненную государевой казне прибыль Е. Быкова назначили воеводой в Велев [6]. Построенный же им завод просуществовал пару лет и, надо полагать, вскоре был заброшен.

Население города и уезда быстро росло, и Кромской кремль – Малый острожек оказался слишком мал и тесен, чтобы вместить хотя бы часть его в случае осады, поэтому стали подумывать о восстановлении сожженных еще в годы Смуты укреплений острога Завитай. В 1662 году воевода Прокофий Степанович Безобразов взялся за ремонт земляного вала Завитая, но вскоре его отозвали со службы. В своей челобитной кромляне жаловались на его мадомство и халтурную работу: «А как де он Прокофей у того городского дела был и с них де имел посулы большие, а которое де звенье он, Прокофей, построил земляного вала и те звенье обмыло водою и весь рассыпался, потому что земля песковатая» [7]. В 1667 году воевода И.М. Юшков построил на реке Невде плотину длиной 120 сажен,

Водяная мельница.
Музей-заповедник Коломенское.
Фото автора. 2009 год. Подобная мельница
была и в Кромах, на реке Недне.

Смотр служилых людей. С.В. Иванов.

благодаря чему вода "обошла" по крепостному рву Малый острожек, превратив его в остров. Кроме того, по его инициативе в остроге Завитая срубили мощную шестигранную воротную Никольскую башню.

Между прочим, при строительстве Никольской башни произошел следующий случай. Выходец с Украины кромчанин Пронька Ерофеев, работая наверху, сорвался вниз и грохнулся о башенный пол, сильно повредив ногу. После этого он пролежал больной больше полугода "и ныне де он животом болен же и от того стал увечен". Немного оправившись, страдалец подал челобитную на царское имя с просьбой пожаловать его за государеву службу и полученное на ней увечье. В челобитной он перечислил всю свою "службишку": полгода на возведении запасных амбаров в Севске, 15 недель "живот свой (имеется в виду здоровье. – В.Н.) мучил" на строительстве стругов в Брянске и, наконец, башня в Кромах. "И за ту, государь, службу и за работишку мою, – писал Ерофеев, – мне, холопу твоему, твоево государева корму и жалованья не было ни по деньги..., и одолжал великими долгами и разорился весь без остатку". То, что Пронька пострадал на государевом "городовом деле", а не свалился пьяный в канаву, подтвердили кромской воевода и пронькины сослуживцы, тем не менее

для окончательного "вершения" дела плотнику пришлось ехать в Москву. В Разряде его осмотрели тамошние "эскулапы" – не привирает ли, и вынесли следующий "диагноз": "А по осмотру у Проньки на голове рубец, значит было расшиблено. Да по левой ноге берцо зашиблено ж, и синова большая". После того, как истинность слов пострадавшего была подтверждена, последовал царский указ – выдать два рубля (сумма по тем временам весьма значительная) и отрез сукна [8].

К 70-м годам XVII века Малый острог обветшал, и в 1673 году на его месте, но по старому образцу воевода Иван Ушаков поставил новый острог. Одновременно приступили и к восстановлению укреплений Завитая. Сделали это довольно оригинальным способом: старые ветхие башни Малого острожка разобрали, поменяли наиболее подгнившие венцы и собрали на новом месте, в остроге Завитая. После окончания работ Ушаков распорядился изготовить "городовому делу образец (макет. – В.Н.)", который отвезли в Москву кромской рассыльщик Иван Лежнепов и казенный плотник Пронька Плешивый. Вероятно, последний и являлся автором макета [9].

Росписные и сметные списки Кром, составленные в последней четверти XVII века, отличаются исключительной

Суд в Московском государстве. С.В. Иванов.

Стрельцы. С.В. Иванов.

подробностью, указывая кроме размеров даже количество венцов в каждой башне, что позволяет реконструировать облик Кромской крепости этого времени с большой точностью. Вот, к примеру, описание Тайницкой башни: "...четырестенная, трех сажень, в вышину до режи¹ тридцать венцов, режи вместо страпил девять венцов, покрыта тесом. Под нею тайник, выходу до колодезя шесть сажень[ь], в тайнике струп (сруб. – В.Н.) трех сажень, воды в нем в глубину две сажени". Согласно описям, Кромская крепость второй половины XVII века имела три пояса укреплений: Малый острожек (кремль), острог Завитая и линию надолб, окружавшую городской посад и слободы [10].

Малый острожек в плане имел форму неправильного овала и был окружен острожной стеной с обламами и кроватями протяженностью 152,5 сажени (325 метров) с пятью башнями: Проезжей, Егорьевской, Тайницкой, Наугольной и Караульной-Востовой. Единственные ворота находились в шестигранной Проезжей башне, увенчанной дозорной вышкой. Все остальные башни были четырехугольными, одна из них, Караульная, завершалась вышкой, где висел востовой колокол.

¹ Режа – бревенчатая конструкция крыши. При рубке в "реж" бревна укладываются с боковыми просветами относительно друг друга.

Из Тайницкой башни к реке Недне вел тайник. Набор построек в Малом острожке традиционен для русского города-крепости: воеводский двор, приказная изба, тюрьма, пороховой погреб, оружейный амбар и караульная изба для дежурного наряда стрельцов. Наиболее представительным сооружением кремля являлись воеводские хоромы. Согласно смете на ремонт, составленной в 1695 году, в состав "хоромного строения" входили: "горница отхожая на жилом подклете, да горница с комнатою на глухих подклетах, да сени, да чердак". Перед входами располагались два крыльца, одно, "что у комнатных дверей", с рундуком. В смете перечисляются и некоторые элементы внутреннего убранства хором: две печи "зеленые (покрытые изразцами с зеленой поливой. – В.Н.)" в отхожей горнице и комнате, две кирпичные печи в подклетах, лавки с "опушками", "красные" окна и т. д. Здание крылось драгой, которой требовалось 500 драг. Но новые хоромы, скорее всего, так и не были построены, вероятно, из-за отсутствия денег (на ремонт сметили 133 рубля 24 алтына [11]; в описи 1703 года говорится, что на воеводском дворе: "...хоромы и люцкие избы горазда ветхи и углы огнили и уставлены все подпорами и жить в них не можно" [12]). Вряд ли всего за восемь лет новосрубленное здание могло бы

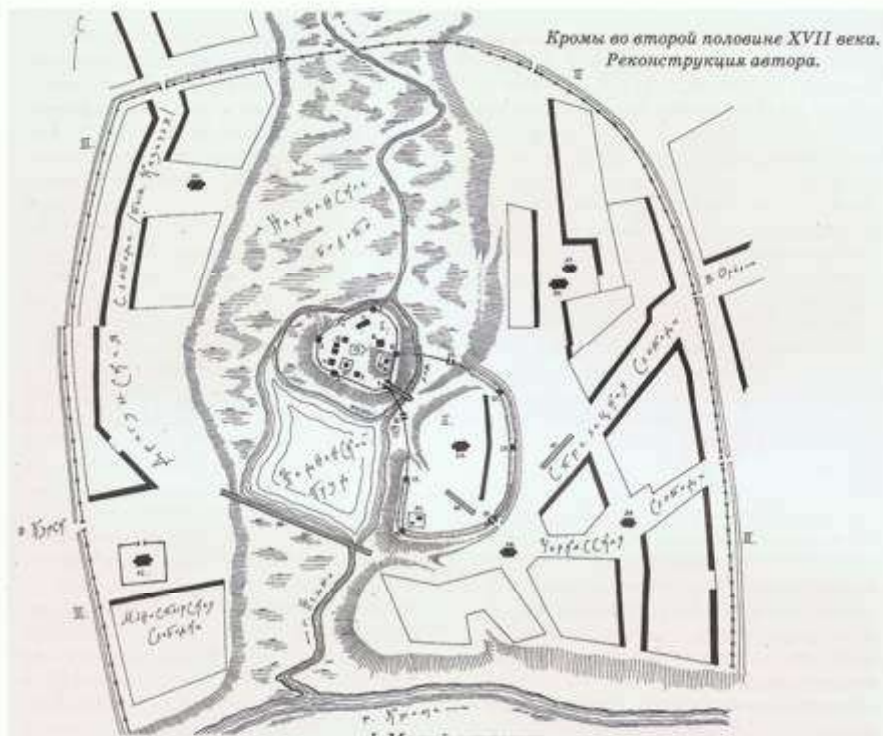
Панорама Кромской крепости с северной стороны. Последняя четверть XVII века (после 1674 года). Реконструкция автора.

дойти до такого состояния. Из прочих построек представлял интерес конструкция порохового погреба: это был восьмигранный сруб, заглубленный в землю, куда вели две рубленые галереи. Подножие холма, на котором стоял Малый острожек, с восточной и юго-восточной сторон опоясывал ров длиной 32 сажени (около 68 метров), подпор воды в котором создавала плотина на реке Недне. Откосы рва были вымощены дубовым бревенцем. Мост, перекинутый через ров у Проезжей башни, соединял Малый острог и Завитай.

Укрепления острога Завитай состояли из рва, вала и острожной стены общей протяженностью 251 сажень (534, 6 метров). На валу стояли семь башен, три из них имели проезжие ворота: Неднеиские (Спасские), Никольские и Пятницкие; остальные башни были глухими: Караульная, Земляная, Троицкая и Глухая. Из-за нехватки людей и строевого леса острожную стену с обламами поставили только на некоторых участках, в основном в месте примыкания Завитай к Малому острожку [13]. Постоянные указы грамоты из Разряда с напоминанием кромским воеводам о достройке острога так и не были выполнены. Воевода Иван Волконский писал в 1681 году, что его предшественники Л. Полонский и Я. Челищев "того города не делали, не знаем для чего", впрочем, он сам тоже в этом не преуспел [14].

Внутри Завитая находились несколько осадных и жилых дворов, торговые лавки и Успенский собор. Первоначально, в конце XVI – начале XVII века собор стоял в Рубленом городе (кремле) и сгорел во время осады в 1605 году. По причине бедности городка соборную церковь долго не могли возобновить, о чем кромские воеводы неоднократно писали в своих отписках [15]. В 1673–1674 годах собор наконец срубили, но не в Малом острожке, вероятно, по причине тесноты последнего, а в остроге Завитай, на месте, где ранее стояла Покровская церковь. Собор строился на средства попа Герасима, который собрал деньги "испродажи пожитки свои и всякую рухлядишку" [16]. В сметном списке 1682–1683 годов содержится его описание: "...соборная ц[е]рковь во имя Успение Пресвятой Б[о]городицы деревянная с пределам и с папертью. Олтари круглые, главы на осмериках побиты чешою, кресты опаены белым железом, ц[е]рковь крыта тесом" [17]. Судя по описанию, храм был двухшатровым – второй шатер венчал придел.

Третья линия укреплений кольцом опоясывала Малый острожек, острог Завитай, городской посад и слободы Стрелецкую, Черкасскую, Пушкарскую и Драгунскую (бывшую Казачью). Она состояла из рва, вала и надолб протяженностью 1000

I. Малый острожек

- Башни:**
1. Проезжая.
 2. Георгиевская.
 3. Тайницкая.
 4. Отвод.
 5. Наугольная.
 6. Караульная (Восточная).
- Казенные и административные постройки:**
7. Воеводские хоромы.
 8. Приказная изба.
 9. Караульная изба.
 10. Тюрьма.
 11. Казенный амбар.
 12. При воеводских хоромам амбары.
 13. Место, где в XVI веке стоял Успенский собор.
 14. Двор стрелецкого и казачьего головы.
 15. Тайник.
- II. Острог Завитай.**
21. Караульная.
 22. Ворота Пятницкие.
- Прочие постройки**
23. Успенский собор (на новом месте с 1673–1674 гг.).
 24. Двор подьячего "с прописью" Анисудина Булгакова.
 25. Торговые лавки.
- III. Надолбы по трассе стен и вдоль рва Большого острога XVI века.**
28. Николая Чудотворца в Стрелецкой слободе.
 29. Великомученика Никиты в Черкасской слободе.
 30. Спасо-Преображенская в Драгунской слободе.
 31. Троицкий мужской монастырь (Троицкая пустынь).
 32. Плотина.
- Церкви:**
26. Параскевы Пятницы в Пушкарной слободе.
 27. Покрова Богородицы в Стрелецкой слободе.

сажен (2130 метров), поставленных по трассе стен бывшего Большого острога конца XVI – начала XVII века. Но уже к концу XVII столетия эти укрепления практически перестали существовать. В смете Кром 1681 года о них говорится: “и тот ров огородами запахан и огуменники заставлен, а те все надолбы подгнили и развалились” [18]. Над избами слобод высились главки церквей: Св. Николая Чудотворца и Покрова Богородицы в Стрелецкой слободе, Св. Никиты мученика в Черкасской, Св. Параскевы Пятницы в Пушкарской и Спасо-Преображения в Драгунской слободах. Небольшая Монастырская слободка (4 двора) существовала при Троицком мужском монастыре (пустыни), основанном в конце XVI или в самом начале XVII века. В годы Смуты (1604–1612) обитель была разорена: “и та пустыня от воинских крымских и литовских людей запустела и лежала впусте многие лета и строенье монастырское в той пустыни ничего не было”. Монастырь возобновил около 1628 года игумен Елисей, но после его смерти он снова пришел в упадок. Монастырь был очень беден. В нем имелась одна небольшая “клецкая” церковь и несколько изб, где жили 5 человек братии. Территорию обители окружал плетень. В 1662 году монастырь был приписан к Московскому Чудову, а с 1666 года к Белевскому Спасскому монастырю и просуществовал до середины XVIII века, когда его закрыли [19].

Завершая наш очерк об истории Кром в XVII веке, расскажем об одном происшествии, случившемся в городе в 1663 году. По приказу Белгородского полкового воеводы Григория Ромодановского кромской воевода Прокофий Безобразов должен был выслать на службу в Белгород

кромских служилых людей, но он этого не сделал, игнорируя приходившие требования. Ромодановский, которому надоело переводить бумагу, направил в Кромы подполковника рейтарского строя Алексея Левашова с приказанием доставить кромлян на службу. Прибыв к Кромам, Левашов послал к воеводе с письменным приказом своего поручика, но Безобразов заперся в Малом острожке “и велел городские ворота запереть...”, и велел де бить в вестовой колокол и у всех приходских церквей велел бить в колокола ж, и по нему де, Алексею, велел из города городовым людям стрелять из пищалей”.

Ошарашенный подполковник, видя такое неадекватное поведение и столь явное игнорирование государевых указов, передал Безобразову, чтобы он явился для служебного расследования – “очные ставки и подлинного сыску” в Белгород, но воевода и тут уперся и, понимая, что за “ослушанье” ему ничего хорошего не светит, в полковой город не поехал. По словам Левашова, к неповиновению кромского воеводу подбивали “старые заводчики (подстрекатели. – В.Н.) и бунтовщики”: пятницкий поп Герасим, никитский поп Иван и “ведомый вор” – подьячий Куземка Павлов, “а говорили те бунтовщики и заводчики, чтоб он меня (Левашова. – В.Н.) не слушал, и воевод в Кромах выбирают они сами. А в прошлых де годах отцы их и они выбрали в Кромах воеводу из пушкарей, пушкаря прозвища Огня, и тот де пушкарь сидел в Кромах будто 7 лет, а пятницкий де поп Герасим за старые бунты и за заводы ослан был в Сибирь, и из Сибири де тот Герасим сбегал” [20]. К сожалению, неизвестно, чем закончилось это любопытное дело и удалось ли воеводе Прокофию Безобразову из него выпутаться.

КРОМЫ В XVIII ВЕКЕ

В начале XVIII века Кромы во многом уже утратили военное значение, но какую-либо иную функцию, которая могла бы стимулировать рост населения и благосостояния, например, торговую или промышленную, город не приобрел. Главной бедой всей истории Кром было близкое расположение (около 20 верст) сначала к провинциальному, а затем к губернскому и областному центру – Орлу. Образно выражаясь, “Кромы всегда находились в тени крыльев своего младшего брата”. Городок имел значительный потенциал и развитию: через него проходила оживленная дорога Москва–Киев, но именитые орловские гильдейцы перебивали кромскому купечеству всю торговлю.

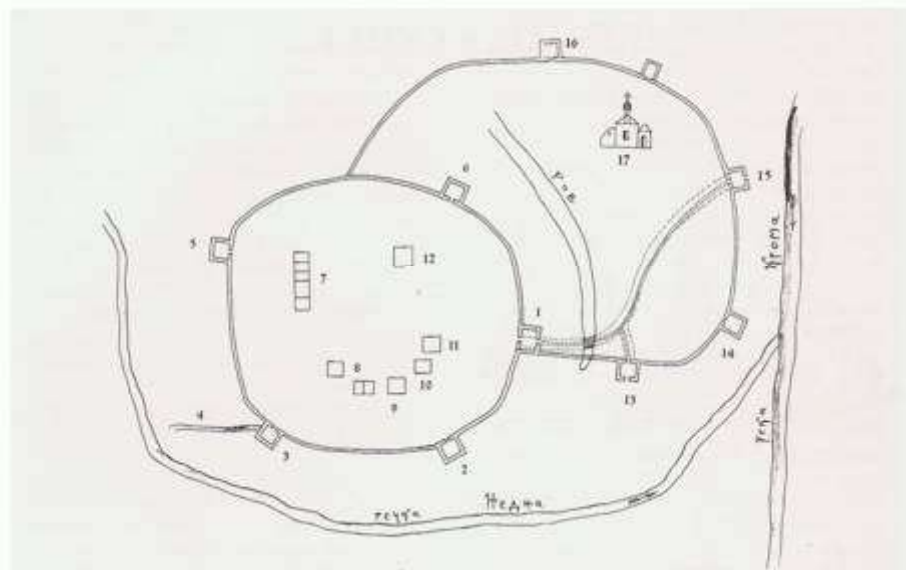
Крайнюю захудалость городка этого времени отметил проезжавший через Кромы в 1710 году священник Иван Лукьянов: “Город Кромы самый убогий; нет в нем и базару, люди в нем зело убоги, шереш нагольный, а что кочевые татары живут – избенки зело нужны (очень плохи. – В.Н.)”. Лукьянову было за что не

“Из давних лет построен острог дубовый на насыпной земле подле речки Недны, которая впала близ посаду в речку Кромку. За оной рекою ровные болотные места шириной на одну версту. А в оной реке Недны и в реке Кромке изобилие рыбы бывает: щука, плотва, линь, голец, язь, а окуня самое малое число. Всякому хлебу род бывает неровно по годам. А огородных овощей родится: капуста, свекла, огурцы, морковь, лук, чеснок и иные прочие овощи. А оный город в осаде не был, а потому городу прежнего герба не имеется”.

Ведомость городам. 1724 год [1].

жаловаться Кромы. В окрестностях городка традиционно шалили разбойники, остановившие сани со священником, и батюшке пришлось от злодеев “много греха принять”. По счастью, разбойники не отобрали у него тетрадь (по-видимому, по причине неграмотности), где он записывал свои путевые впечатления, и священнику оставалось только в расстроенных чувствах излить свою досаду на непутевый городишко [2].

Отмеченная И. Лукьяновым непрезентабельность внешнего облика городка имеет свое объяснение. Из-за нехватки хорошего строевого леса застройка Кром, как, впрочем, и других степных городков – Курска, Орла, Старого Оскола и других, была достаточно мелкой и довольно скромной, если не сказать убогой, но даже такое деревянное строительство обходилось немногим дешевле каменного из-за дороговизны леса. Среди покрытий преобладала даже не дрань и тем более не тес, которым крыли только церкви, крепостные стены, башни и административные каменные постройки,

Чертеж Кромской крепости (север слева). Начало XVIII века. РГАВМФ.
Прорись чертежа и аннотации вместо надписей на оригинале – автора.

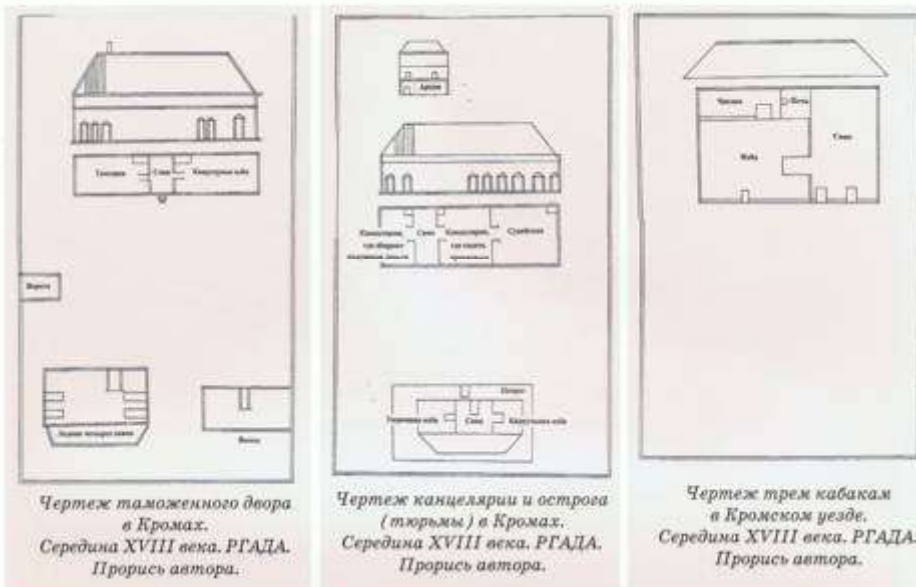
"Чертеж города Кромь, сделан против того чертежа, который прислан из военной коллегии, чертил кондуктор Иван Дуров".

1 – Проезжая башня в замок;	10 – тюрьма;
2 – Георгиевская четырехстенная башня;	11 – караульная изба;
3 – Тайницкая четырехстенная;	12 – приказная изба;
4 – из башни до Неды тайник;	13 – от реки Неды проезжая Спасская башня;
5 – Глухая башня четырехстенная;	14 – Троицкая наугольная башня;
6 – Востовая башня четырехстенная;	15 – Никольская проезжая башня в Завитай;
7 – воевоцкие хоромы;	16 – башня;
8 – при воевоцких хоромых амбары;	17 – Соборная церковь с приделом".
9 – казенный амбар;	

а солома. Весьма распространены были плетеные конструкции, которые использовались при строительстве сней, заборов, служб. Часто избы обмазывали снаружи глиной и белили.

В первой половине XVIII века было составлено несколько описей Кромской крепости, которые позволяют судить о ее состоянии в это время. Например, в

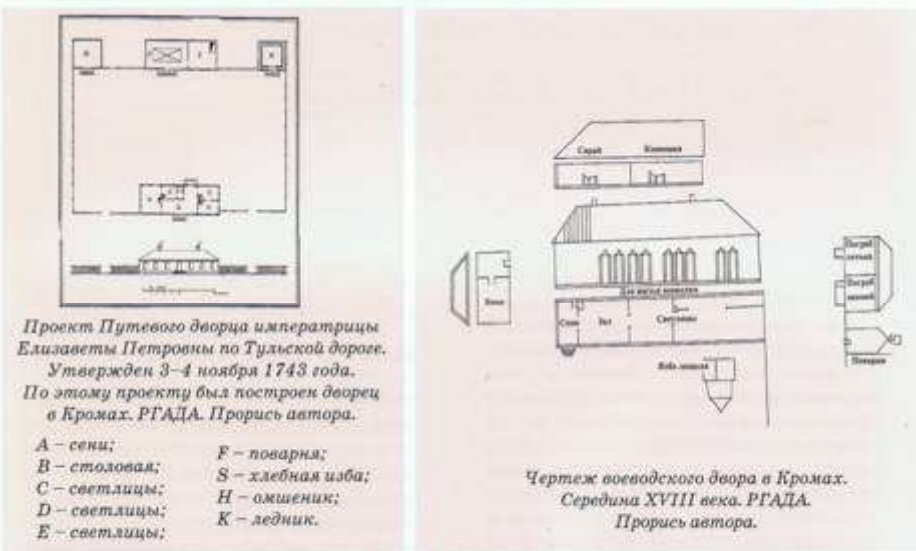
годовой смете 1703 года зафиксирована крайняя ветхость ее сооружений: "тот вышписанный городской острог весь ветх, и от земли подгнил, и на башнях кровли огнили ж и обволились и ис под башен и около острогу земля осыпалас[ь] и башни покривились и обламы огнили и обвалились, и [ы]не тот острог и башни устанены подпорами" [3]. Плотину на реке

Чертеж таможенного двора в Кромах. Середина XVIII века. РГАДА. Прорись автора.

Чертеж канцелярии и острога (тюремь) в Кромах. Середина XVIII века. РГАДА. Прорись автора.

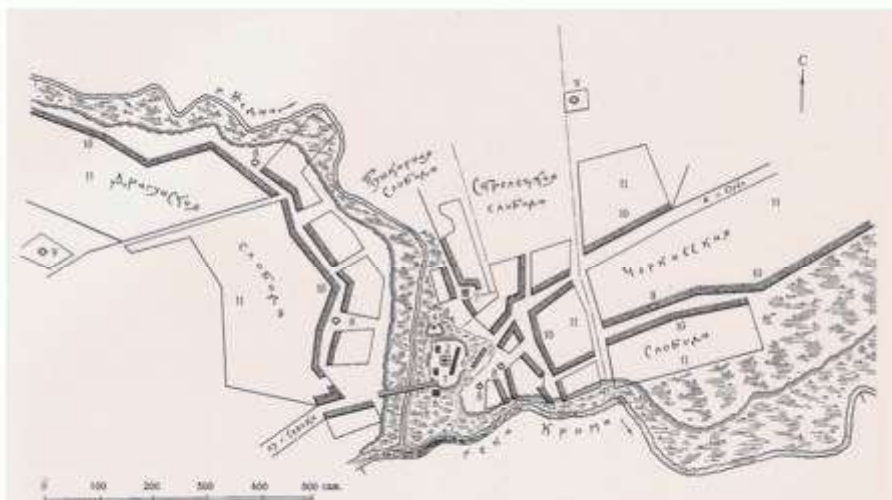
Чертеж трех кабаков в Кромском уезде. Середина XVIII века. РГАДА. Прорись автора.

Проект Путевого дворца императрицы Елизаветы Петровны по Тульской дороге. Утвержден 3-4 ноября 1743 года. По этому проекту был построен дворец в Кромах. РГАДА. Прорись автора.

А – сени;	Г – поварня;
В – столовая;	С – хлебная изба;
С – светлицы;	Н – ошеник;
Д – светлицы;	К – ледник.
Е – светлицы;	

Чертеж воеводского двора в Кромах. Середина XVIII века. РГАДА. Прорись автора.

План города Кромь с поселенными при нем слободами. Около 1780 года. РГАДА. Прорись автора.

1 – город, вал земляной. Внутри него: 2 – соборная церковь каменная (Успенская. – В.Н.); 3 – присутственные места и при них кладовая; 4 – острог (тюрьма. – В.Н.); 5 – торговые лавки; 6 – строения живущих разных чинов людей деревянные.

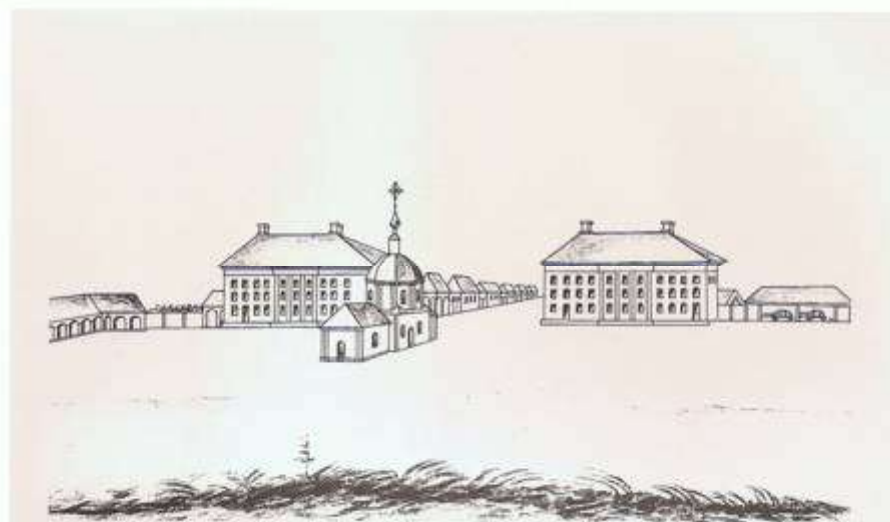
В предместии города: 7 – приходская церковь каменная (Пятницкая. – В.Н.); 8 – церкви деревянные; 9 – кладбище. Строения в слободах живущих разных чинов людей: 10 – деревянные; 11 – сады и огороды”.

Подписи на плане: “Статский советник Яков Сошин. Ассесор Федор Поповцов. Поручик Николай Бобков. Секунд-майор Михайло Мамышев. Свидетельствовал в ведомости землемер-помощник Федор Волнов”.

Недне, поддерживавшую подпор воды в крепостном рву, свесло в половодье, а воеводские хоромы настолько обветшали, что жить в них было “не мочно” [4]. Все военное и артиллерийское вооружение из Кром вывезли: 4 пушки в Москву, 6 – на тульские оружейные заводы, порох, ядра, свинец, целые и ломаные мушкеты и прочее – в Брянск. В казенном амбаре остались только три старых знамени: тафтяное черное, киндячное желтое и кумачовое

красное, а также 70 пудов фитилю, который от дождевой течи весь сгнил [5].

В 1713 году начались лихорадочные работы по ремонту Кромской крепости, что было связано с провалом Прутского похода Петра I (1711). Состояние войны с Турцией продолжалось до 1713 года, и в ожидании возможного массированного вторжения крымских татар – союзников турецкого султана – ряд южнорусских городов было решено укрепить. Работы начались и в Кромах. Малый острожек и

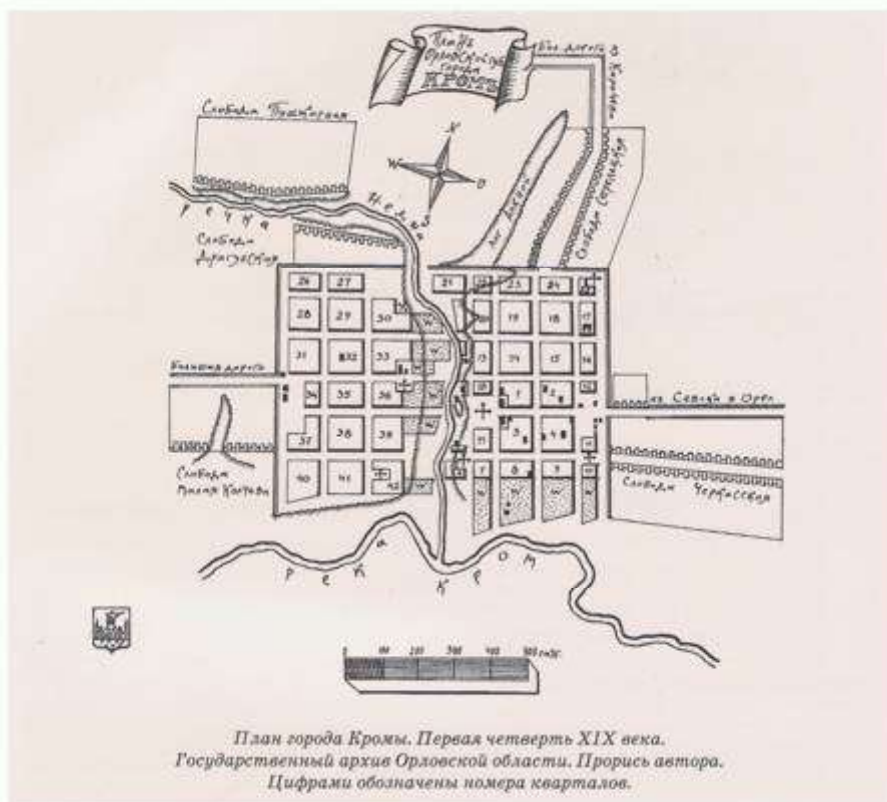
Центральная часть рисунка “Вид городу Кромам с западной стороны”, Конец XVIII – начало XIX века. РГАДА. Прорись автора.

Рисунок сделан с территории бывшего Кромского кремля, поросший травой земляной вал которого виден на переднем плане. В центре площади стоит кирпичная церковь Св. Параскевы Пятницы, позднее разобранный для строительства величественного Успенского собора. По сторонам от нее располагаются присутственные места и дом городничего. Оба здания сохранились до наших дней, только их крыши стали гораздо ниже. В перспективе улицы видны деревянные торговые лавки. В левой части рисунка изображены красные ряды, а в правой – полицейский шатер, под навесом которого стоят телеги с различным пожарным инвентарем.

На оригинале рисунка имеются подписи: “Чертежный директор Надворный советник Посников. Второй член Алексеев. Третий член Гусев”.

острог Завитая обнесли новой крепостной стеной, но башни остались старые, а верха на них давно сгнили и свалились. Впрочем, и крепостные стены остались недостроенными. В Малом острожке позади стены вкопали сваи, на которые должны были опираться кровати (боевые площадки) и обламы, но их так и не сделали [6]. В том же 1713 году с Турцией был подписан Андрианопольский мирный договор, и все строительство, само собой, забросили.

Вероятно, тогда же как отчет о проделанных работах изготовили два чертежа Кромской крепости, датируемые первой четвертью XVIII века [7]. Чертежи полностью идентичны, с той только разницей, что один из них раскрашен красками, а другой – нет. Их авторами являются кондукторы Иван Дуров и Павел Зеленый. Изображения на чертежах, несмотря на схематичность, в основном соответствуют росписным и сметным спискам, тем не менее на них имеется целый ряд неточностей.

Во-первых, острог Завитый изображен стоящим при слиянии рек Кромы и Недны, хотя устье располагалось от крепости довольно далеко, не менее чем в 200 метрах. В том же Завитае отсутствуют какие-либо постройки, кроме собора, хотя в действительности он был достаточно густо застроен, в частности, около Троицкой башни находился двор подьячего "с приписью" Анкудина Булдакова, от которого она в свое время сгорела [8]. И, наконец, Никольская башня в Завитае и Проезжая в Малом острожке были шестигранными,

в то время как на чертеже они изображены четырехугольными. Впрочем, все это не умаляет исторического значения этого чертежа, являющегося первым графическим изображением города Кромы.

В ведомости Кромской крепости 1718 года указано, что гарнизонную службу в городе несут служилые люди – пушкеры, стрельцы, рассыльщики и драгуны, из них годных к службе насчитывалось 218 человек, негодных – 408, итого – 626 человек. Артиллерии и артиллерийских припасов в Кромах не имелось [9].

Опись капитана Ивана Миронова (1756 год) [10] позволяет представить облик Кромской крепости в последние годы ее существования. Ее деревянные стены и башни еще стояли, но пребывали в весьма ветхом состоянии: "Городаваго строения острог древенной дубовой стоячей ветхой. Десять башен, на оных башнях кровель нет и оныя башни ветхи. В том городе в замке на проезжей башни Обрас Пресвятыя Богородицы Знамение в окладе серебряном позлощеном, которой положен мирским поданием в прошлом 1731 году, перед оным Образом фоварь именная. А с приезду той башни Обрас Пресвятыя Богородицы Казанския в киоте"¹.

¹ Архимандрит Павел Алеппский (1654 г.) писал по этому поводу следующее: "...над воротами (русских – В.Н.) городов, крепостей и укреплений непременно бывает икона Владычицы (Богородицы – В.Н.) внутри иконы

Височайше утверждён
18-го Августа 1781 года.
Орловскаго Намёстничества.

В верхней части щита герб Орловский. В нижней – пять слез, въ золотомъ полѣ, означавшихъ побиение сего града.

Герб города Кромы.

Висевший ранее на одной из башен востовой колокол ради сохранности передали соборной церкви. Далее в описи перечисляются "в том городе" различные каменные постройки: три деревянные канцелярии, крытые сверх драги камышом и соломой; два амбара, в одном были сложены остатки "снаряду артиллерийского", в том числе одна чугунная пушечка на деревянном лафете, в также сваленные здесь в 1736 году "давних лет указы и всякия писма, которыя разобрать невозможно", в другом помещалась конюшня; две тюремные избы, где "содержутца колодники".

Господа снаружи в заделанном окне, и перед нею ночью и днем горит фонарь; на нем молятся входящие и выходящие". (Алеппский П. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005, с. 198.)

Денежная казна хранилась в бывшем похоронном погребке. Большую часть территории "замка", как и прежде, занимал воеводский двор, представлявший комплекс построек самого различного назначения. Сохранившиеся описание (1756 год) и чертежи (середины XVIII века) [11] позволяют реконструировать их облик и сравнить с тем, что здесь находилось ранее. Воеводские хоромы включали "две светлицы, из них при одной комната, полутреть (две с половиной. – В.Н.) сажени, крыты соломою. Перед оными светлицами сени, две стены с одной стороны два сожени, с другой стены полтора сожени. Оное весьма ветхо". Далее идет перечень построек, стоявших на дворе: "Светличка еловая с сенми, крыта дранью, да нужник ветхия и оная светличка без мосту (без пола. – В.Н.). Три клетки разного лесу крыты соломою, ветхия. Ледник, на нем оибар дубовой, крыт соломою, позади ево сарай – три стены рублено, крыт соломою, оное строение весьма ветхое... Да вновь пристроенная светлица разного лесу мерою шести аршин с половиною, а в ней печь кафельная белая, сени двух стен одно сажени. Близ старых хором в сенях чюлан, забрано досками стоячими мерою три аршина три четверти. Курня плетневая, сверх ее взруб деревянной. Подле малой светлицы збоку пристроен чюлан, забрано разным стоцким

лесом с трех стен. Оное все ветхо. Иза черная разного лесу мерою шести аршин дву четвертей, среди двора сушило на четырех столбах, забран разным стоящим лесом мерою 6 аршин. Ветх". Ранее в состав двора входила еще баня, но она "огнила и развалилась вся".

В той же описи содержатся реестры конфискованных дворов на посаде канцеляриста П. Васильева и копейста Ф. Казмина, дающие представление о жилье кромского обывателя средней руки: "Светлица с комнатою, перед нею изба с сенцами, чюлан и нужник крыты дором. Ледник разного лесу, баня разного лесу, сарай плетневой. Вокруг двора острожа – плетень... Погреб с выходом, ...овин рубленой...". Второй двор: "...светлица с печью кафельною зеленою, изба с сенями, амбар, ледник ветхой, ворота с верями, огорожа около двора плетневая..." [12].

В 1744 году императрица Елизавета Петровна совершила поездку на богомолье в Киев. На протяжении всего маршрута следования императорского поезда были построены по типовому проекту деревянные путевые дворцы, предназначавшиеся для ночлега высочайшей особы и наследника престола. Большая же часть ситы, вероятно, квартировала в избах обывателей. Путевой дворец возвели и в Кромах. Сохранившиеся чертежи и опись дворца позволяют в деталях представить облик этого интересного сооружения. Путевой дворец располагался на правом берегу реки Недны, вероятно, на западной окраине города. Комплекс состоял из собственно дворца, включавшего столовую светлицу, двух спален и двух сеней. "позади дворца нужник". Здание отапливалось четырьмя "венцейскими" печами. Во дворе находились службы: "изба для печения хлебов", поварня, амбар и ледник. Все постройки крылись тесом. Дворцовый участок ограждал основательный деревянный забор "поперечнику и длиннику тридцать сажень" [13]. Несмотря на почти полное отсутствие какой-либо архитектурной декорации и утилитарность постройки,

поскольку императрица должна была остановиться здесь всего на одну ночь, здание своей добротностью и благородной скромностью пропорций производило действительно дворцовое впечатление, особенно на фоне крытых соломою изб кромских обывателей. К 1756 году путевой дворец уже начал приходить в ветхость и на плане Кром 1780-х годов не обозначен, вероятно, к тому времени его уже разобрали.

Во второй половине XVIII века Кромы еще сохраняли свою средневековую планировку, хорошо видную на плане периода генерального межевания, составленном около 1780 года [14]. К тому времени город полностью утратил свои деревянные крепостные сооружения, от которых уцелели только рвы и валы, однако старая крепость все еще оставалась административным, религиозным и в некоторой степени торговым центром города. На территории бывшего острога Завитай располагались деревянный корпус присутственных мест, несколько жилых дворов, торговые лавки и кирпичная "израдная работня" – соборная церковь Успения Богородицы, построенная в 1759 году, весьма скромное сооружение в архитектурном плане. Она представляла собой четверик, увенчанный четырехскатной крышей с небольшой главкой, к главному объему с западной стороны примыкала небольшая трапезная. Похоже выглядела и вторая каменная церковь города Св. Параскевы Пятницы (1775 год) в Стрелецкой слободе. Других каменных построек в Кромах не имелось [15]. Остальные деревянные городские храмы, судя по рисунку конца XVIII века, были традиционного типа Орловской и соседних провинций типа восьмерик на четверике, с граненым алтарем и трапезной с колокольней. При отсутствии колокольни к трапезной пристраивали гульбище или крытую паперть, как, например, у Никольской церкви (1685, перестроена в 1778 году) [16]. Образцом подобного храма являлась Никитская церковь (1740 год) в Кромах – старейшее сооружение города, просуществовавшее до 30-х годов XX века,

и еще стоявшая в 70-е годы того же столетия церковь Св. Николая Чудотворца (вторая половина XVIII века) в селе Добрынь Кромского района.

Общее представление о Кромах в конце XVIII века дает Географический словарь А. Щекатова (1804 год): "Окружность онаго (крепостного вала вокруг города. – В.Н.) была 283 сажени, в которой имеется каменная соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы, с приделом Великомученицы Параскевы, нарицаемой Пятницы.

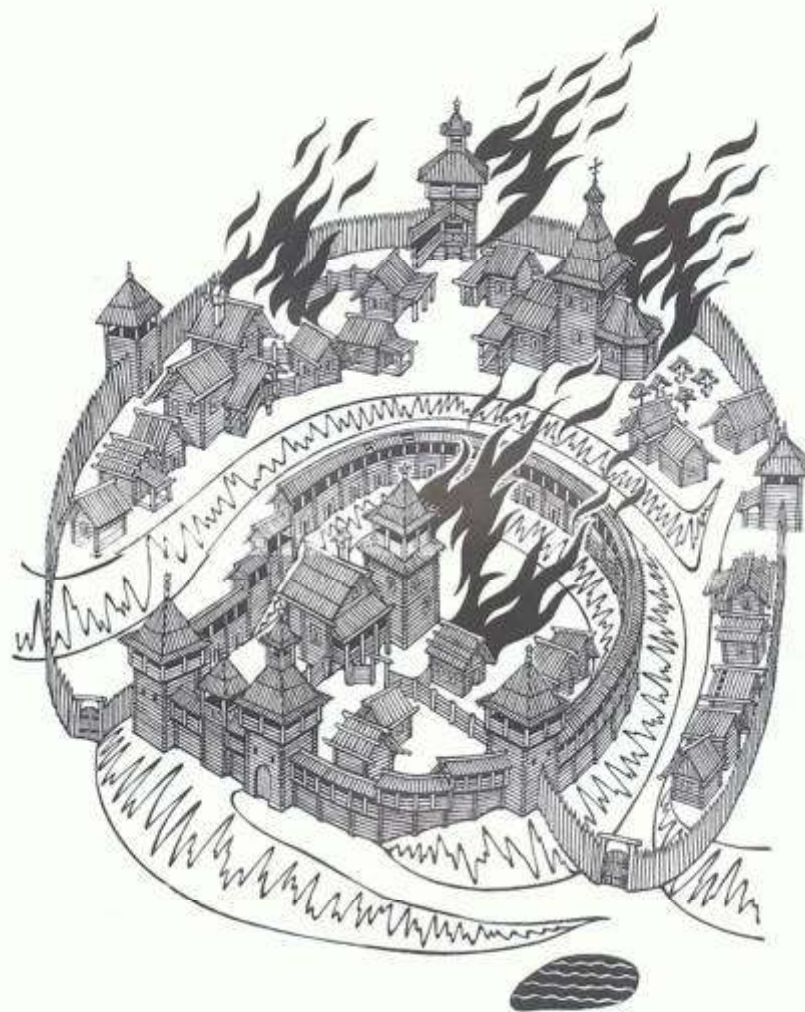
Костюм жительницы города Кром. Рисунок орловского чиновника. Конец XVIII века.

Казенных строений 3, в коих помещены При- судственные места и кладовая для хранения денежной казны. В натуральном кургане (бывшем Малом остроге. – В.Н.) острог (тюрьма. – В.Н.) и торговая лавка. Предместие города составляют однодворческих 4 слободы, одно село и три деревни, в них приходских церквей каменных одна и 6 деревянных. Обывательских дворов 590. Строение всё деревянное, простирающееся в длину по рекам на полтрети (две с половиной. – В.Н.), а ширину менее полуверсты. Жители греко-русского исповедания (православные. – В.Н.), Епархии Орловской, коих числится мещан и кушцов 59, которые торг имеют мелочными товарами, железными вещами, деревянную посуду и хлебом, а некоторые промышляют содержанием постоянных дворов, а при том имеют отъезды в разные города, где закушают пеньку, мед, воск, сало и рогатую скотину, и продают в оном городе в разных слободах. Однодворцы, коих 2375, большая часть хлебопашцы, а женщины занимаются домашними рукоделиями. При слободах же две мельницы водяные. Здесь бывають две годовые ярмарки на десятой и одиннадцатой неделях по Пасхе, на которых приезжают купцы, привозят парчи, сукна, разная шелковая материя, железные вещи и другие мелкие товары; также пригоняют из разных мест довольно лошадей, а городские жители торгуют своими собственными произрастениями и вещами, також пенькою и холстом; город водами изобилен и вода здоровая... Рыба в них (в реках Недне и Кrome. – В.Н.) ловится: щуки, окуни, плотва,

пискарни и ерши, которую пользуют городские жители... Герб: в верхней половине щита Губернский, а в нижней пять слив в золотом поле, означающая изобилие сего плода" [17].

Регулярный план Кром, утвержденный 14 марта 1780 года [31], в основном игнорировал сложившуюся средневековую планировку города и в процессе осуществления почти полностью уничтожил ее. Надо сказать, что, при всей беспощадности перепланировки русских городов в конце XVIII – начале XIX века, это случай достаточно редкий. Не избежали этой участи даже церкви, к которым при составлении регулярных планов относились достаточно бережно. Из всех городских храмов свое место сохранила только деревянная Никитская церковь, остальные приходы укрупнялись, храмы переносились с места на место и переосвящались. Земляные валы острога Завитая срыли по неужности, а Успенский собор в третий раз за историю города перенесли на другое место, туда, где ранее стояла Пятницкая церковь, разбив здесь обширную площадь. Старый же Успенский собор, вероятно, разобрали вскоре после освящения в 1822 году нового храма, если не ранее. Территорию древнего кромского детинца, а впоследствии, в XVI–XVIII веках, его кремля (Рубленого города и Малого острожка) отдали под обывательскую застройку. К сожалению, за 250 прошедших лет речка Недна "съела" третью часть кромского городища, а обособившаяся на нем частная застройка и огороды не способствуют его сохранности.

В 80-е годы XX века на северной оконечности городища установили артиллерийское орудие времен Великой Отечественной войны, совершенно здесь неуместное, позднее его заменили памятным камнем в честь основания на этом месте города. Сейчас, глядя на этот поросший зеленой травой холмик, трудно поверить, что некогда здесь решалась судьба династии Годуновых и стояла деревянная крепость, о дубовые стены которой дважды разбилась многотысячная царская армия.

Исчезнувшие грады

На территории современной Орловской области разбросано около 50 древних городищ, представляющих собой остатки дославянских и древнеславянских укреплений, вятических крепостей, древнерусских феодальных замков и городков. Многие из них исчезли в тьме веков настолько давно, что не оставили после себя даже названий. Сейчас только остатки мощных земляных укреплений безымянных крепостей, окруженных рвами и валами, на которых некогда высились деревянные стены и башни, свидетельствуют о том, что некогда здесь была ключом жизнь, прерванная в большинстве случаев военным лихолетьем, оставившим после себя только пепел и кости. Рассказывать обо всех орловских городищах не представляется возможным – это тема для отдельной книги, да и материала по данной теме в общем-то маловато, но с историей самых интересных из заброшенных крепостей Орловской земли мы с вами познакомимся.

РАДОВИЩЕ.

Вторая половина I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.¹

Древнейшим укрепленным поселением на территории Орловской области является городище Радовище (Хотмыцкий район)², построенное балтами, жизнь на котором продолжалась с середины I тысячелетия до нашей эры до рубежа нашей эры.

Это было время, когда железо окончательно вытеснило камень из основных материалов для производства орудий труда и оружия. Леса с севера постепенно отесняли степную растительность, а вслед за ними на юг продвигались и обитатели лесной полосы – балты (это не означает их происхождения от жителей побережья Балтийского моря, но подчеркивает вероятную близость). Можно предположить, что Радовище стало первым поселением,

“Местные крестьяне приписывают постройку городища Кудеяру и называют его “Кудеяровой горой”. 24 июня я приступил к пробному исследованию городища. Его поверхность ровная и имеет две ямы, вырытые кладочистателями. Крестьяне убеждены в том, что Кудеяр спрятал в недрах городища бочки с золотом. Мною были заложены 4 траншеи, в которых обнаружены кости животных, черепки глиняной посуды ручной работы с орнаментом, куски угля, золотистые прослойки и обломки глиняных цилиндров (рыболовные грузила. – В.Н.). Больше ничего не было найдено”.

Апухтин В.Р. [1].

основанным балтами на территории Орловщины по пути на юг.

Основой хозяйства верхнеокских балтов было скотоводство с ведущей ролью мясного коневодства и земледелие. Охота, рыболовство и собирательство были весьма важными отраслями хозяйственной жизни, особенно пушной промысел. Балты в достаточной мере владели искусством получения железа, кузнечным и бронзолитейным мастерством. Были развиты косторезное дело, прядение, вязание, ткачество и другие промыслы. Поселения этого периода (вторая половина I тысячелетия до н. э.) представляли собой селища близ земледельческих полей и небольшие укрепленные городища, расположенные в труднодоступных местах. Каждый из таких поселков принадлежал одной патриархальной общине – небольшой группе кровных родственников. То, что балты жили в укрепленных городищах, позволяет предполагать наличие опасности со стороны кожных соседей.

¹ Глава написана совместно с С.Д. Краснощековой.

² Располагается на территории национального парка “Орловское Полесье” в 1 километре к северо-западу от деревни Радовище, слева от дороги на деревню Жудре в урочище “Кудеярова Гора” по левобережью реки Вытебеть.

Городище Радовице. Начало I тысячелетия нашей эры. Реконструкция-гипотеза автора.

Одним из таких укрепленных поселений стало городище Радовице.

По типологии оно относится к “болотным” городищам, так как до мелиорации данная местность была весьма болотистой. Овальное в плане поселение (88 x 44 м) возведено на высокой песчаной дюне, над которой возвышается на 2,5 метра. В древности оно являлось островом посреди болота. Площадь поселения около 0,4 гектара. Городище было окружено кольцевым валом, сегодня основательно разрушенным, а перед валом имеется кольцевой ров глубиной до 2-х метров, некогда заполненный болотной водой. Открыто городище Радовице в 1902 году орловским краеведом В.Р. Алухтиным. В 2004–2005 годах раскопки городища Радовице проводила археологическая экспедиция Орловского краеведческого музея под руководством С.Д. Краснощековой. Выяснилось, что значительная часть площадки разрушена траншеями и воронками от

бомб периода Великой Отечественной войны. Ров, склоны площадки и валы поселения поросли высокими соснами, густым подлеском и кустарником. Проведенные разрез вала и части площадки городища выявили, что наибольшая высота вала была в пределах 2-х метров, а насыпан вал на материковом белом песке. Насыпь вала довольно рыхлая, состоит из песка с включением фрагментов лепной керамики, обломков больших глиняных рыболовных грузил для сетей, украшенных перед обжигом округлыми пальцевыми ямками – вдавлениями, а также углей, костей животных и линз золы. Данные находки идентичны находкам В.Р. Алухтина. Можно предполагать, что первоначально для поселения была выровнена площадка на вершине возвышенности болотного “острова”, аскарированы склоны. Затем по подошве острова был выкопан кольцевой широкий и глубокий ров. По внешнему краю площадки был поставлен кольцевой дом-стена.

На втором этапе жизни поселения, после обветшания и пожара дома-стены, были насыпаны песчаные валы, наверху которых вновь возвели деревянные оборонительные сооружения. Есть мнение, что поселение было городищем – убежищем для окрестного населения в случае военной опасности, и на нем постоянно проживало немного жителей, что подтверждается малой мощностью (до 0,2 метра) культурного слоя. Трудно объяснить полное отсутствие орудий труда из металла и кости. Обломки грузил для сетей свидетельствуют о рыболовстве, но нет обычных для поселений балтов костяных наконечников стрел для охоты. Возможно, Радовице становилось убежищем при нападении врагов, а в мирное время являлось “перевалочной базой” рыболовов, делавших здесь складирование рыбного улова для дальнейшей переправы к местам постоянного проживания. По словам местных жителей, в послевоенное время на городище часто находили небольшие глиняные фигурки людей. Вполне вероятно, что городище Радовице также играло роль своеобразного культового места, где население, проживавшее среди многочисленных рек и озер, в окружении болот, поклонялось силам водной стихии и ее обитателям.

Жизнь на городище прекратилась на рубеже нашей эры, что, вероятно, связано с продвижением почечских племен эпохи раннего железного века, чьи поселения известны ниже по течению реки Вытебети у деревни Вулатово. До принятия христианства городище могло быть славянским языческим святилищем, что отмечено по регионам Калужской и Смоленской областей, а впоследствии, вплоть до XVII века, Радовице могло использоваться местным населением как убежище на случай военной опасности.

В полутора километрах к северу от деревни Радовице сохранился курганный

могильник, но он принадлежит уже не балтам, а славянам-вятичам и относится к XI–XIII векам. Обнаружил его в 1902 году тот же В.Р. Алухтин, который открыл и городище Радовице. В своем дневнике он записал: “Я намерен подвергнуть раскопкам только городище, но, узнав от крестьян, что в двух верстах от него находятся курганы, я решил взять на свою душу грех и раскопать их, чтобы они не исчезли навсегда для науки. Из рассказа крестьян я узнал, что они выпахивали на курганном поле человеческие кости и находили бронзовые вещи – кольца, браслеты, кресты, заржавленные железные полосы в виде ножей. Вещи бросали, давали играть детям, и они вновь затерялись. Лет 20 тому назад при корчевании леса курганов было более десятка, теперь же большинство из них распаханы, сохранились лишь два кургана. Один распахан и пустой. Другой на уровне материка содержал костяк длиной 2 аршина 9 вершков (180 см. – С.К.). Скелет лежал на спине, со сваленной головой на левой висок, ноги вытянуты, руки тоже. На груди найдена бронзовая привеска-конек. Интересно выяснить: имеет ли этот могильник отношение к Радовицкому городищу? Теперь он уже весь исчезает. Через несколько лет исчез бы и этот курган, как исчезло большинство курганов в Орловском крае [3].”

Сохранившиеся курганные могильники у деревни Радовице представляют собой 22 куполообразные насыпи высотой от 1,5 до 2,5 метра и диаметром 10–20 метров, разбросанные на площади 320 x 280 метров [4].

Славяне-вятичи, пришедшие сюда в середине VIII века, в соответствии с языческими обычаями кремивали (сжигали) своих умерших. По словам древнерусского летописца, “и радимичи, и вятичи, и север (северяне. – В.Н.) один обычай имяху: ...аще кто умряше, творяху кладу

велику (большую грудю дров. – В.Н.), и възложухуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложяху в судину (сосуд. – В.Н.) малу, и поставляху на столпе на путе, еже творять вятичи и ныне” [5]. Пепел и обгоревшие кости хоронили под насыпью или в насыпи кургана (если курган был насыпан ранее над другим захоронением) в глиняном сосуде-урне, поставленном в погребальную камеру или непосредственно на грунт. Вместе с погребальными урнами в захоронения помещали глиняные сосуды, вероятно, с жертвенной пищей, что свидетельствует о совершении погребального ритуала. Во многих курганах находилось несколько захоронений,

совершенных в разное время. Часто глиняные урны помещались в деревянные срубы-домики, которые назывались “избами смерти”.

После крещения земли вятичей под влиянием христианства трупосожжение постепенно заменяется трупоположением, и оба обряда довольно долго сосуществовали друг с другом. Постепенно трупоположение вытесняет древний языческий обычай, свидетельством чего являются полуистлевшие доски гробов и погребальных колод и находка в захоронениях гвоздей от гробов и христианских символов. Со временем отмирает традиция хоронить умерших в курганах, которые сменяются индивидуальными захоронениями с низким могильным холмиком.

ХОТИМЛЬ. XII–XV ВЕКА

“Бил нам (Великому князю Литовскому Александру. – В.Н.) чолом князь Семен Иванович Можайской и просил нас абых мо ему потвердили нашим листом выслугу отца его князя Иванову, замки, которые ж выслужил на отца нашом короли его милости, на имя Стародуб и Гомей, и те же што он на нас выслужил замок Чернигов и волости на имя Карачов а Хотимль. Ино мы впамятавши его к отцу нашому доброе памяти королю его милости и к нам верную службу, з ласки наше, тыи вышей писанным замки, выслугу отца его, што выслужил на отца нашом короли его милости, Стародуб и Гомей, и теж, што он на нас выслужил замок Чернигов и волости Карачов и Хотимль, подтверждаем сим нашим листом, вечно, ему и его княгини, и их детем и потом будущим их счадком”.

Из пожалованной подтверждающей грамоты великого князя литовского Александра Можайскому князю Семену Ивановичу на отчину, Стародуб и Гомель, замок Чернигов и волости Карачов и Хотимль. 1499 год, 26 марта [1].

Городище в селе Хотимль-Кузменково является остатками самой крупной в Орловской области крепости (детинца), древнерусского города Хотимля. Однако каких-либо летописных упоминаний об этом городе не существует. Предположительно в XII–XIV веках он являлся центром волости в Карачевском княжестве и крупнейшей крепостью удела, чьи укрепления по размерам и мощи не уступали самому стольному городу Карачеву.

Городище занимает территорию правого берега безымянного ручья, который является левым притоком реки Вытебеть. Площадка городища размером 200 на 170 метров овальная в плане, высотой над ручьем около 4–5 метров, окружена кольцевым валом,

местами достигающим пятиметровой высоты. Перед валом ров глубиной до 2-х метров. Как и городище Радовище, городище Хотимль относится к “болотному типу”. Предположительно оно может интерпретироваться как остатки укрепленной феодальной усадьбы [2].

В древности на валу стояла деревянная рубленая стена с башнями. В детинец вели не менее двух ворот. Внутри крепости помещались хоромы княжеского наместника или боярина, разного рода складские постройки и осадные клетки местного населения. Одна особенность Хотимльского городища делает его уникальным среди древнерусских крепостей региона: внутри него бил родник, образовавший пруд, излишек воды из которого по специально

Крепость Хотимль. XIII–XIV века. Реконструкция-гипотеза автора.

прокопанной протоке стекал в близлежащий ручей, благодаря чему крепость в случае осады оказывалась в изобилии снабженной водой.

Когда были разрушены деревянные стены и башни Хотимльского детинца, неизвестно. Предположительно, это произошло в 1310 году, когда брагский князь Василий с русско-татарским войском разорил город Карачев и убил карачевского князя Святослава Мстиславича. Тогда же, возможно, сожгли и Хотимль [3].

В письменных источниках Хотимль впервые упоминается в 1499 году в жалованной подтверждающей грамоте великого князя литовского Александра Можайского князю Симеону (Семену) Ивановичу. Последний в придачу к пожалованным его отцу князю Ивану городам Стародубу и Гомелю получил еще Чернигов и Карачев (июль 1496 года), а в 1499 году и волость Хотимль [4]. Впрочем, проявленная к нему литовским государем щедрость не помешала князю Симеону в том же 1499 году вступить в тайное соглашение с великим князем московским Иваном III, а в 1500 году вместе с пожалованными владениями перейти на его сторону [5].

Впоследствии волость Хотимль как московское владение упоминается в договорной грамоте великого князя московского Василия III с польским королем Сигизмундом I от 8 октября 1508 года [6],

в их же перемирной грамоте от 18 февраля 1523 года [7], а также в перемирной грамоте Ивана IV и Сигизмунда II Августа [8].

В XVI–XVII вв. Хотимль являлся центром Хотимской волости Карачевского уезда, а древнее городище могло использоваться в качестве убежища для местного населения от набегов крымских татар.

Интересные сведения о городище Хотимль или Хотим, расположенном по левой стороне почтового тракта из Карачева в Болхов, дает краевед А.Г. Пупарев в 1877 году: "Городище в селе Хотимль, южнее церкви, на 20 саженах между деревнями Кузменковой и Куликовой, кругообразной формы. Внутренняя площадь его с одной стороны имеет в поперечнике 70 саженах, с другой – от востока на запад 55 саженах, где и оканчивается небольшим прудом, за которым уже находится вал с источниками весьма хорошей воды, наполняющими пруд. Южная сторона вала перервана односапной мельницей (колотовкой), которая принадлежит священнослужителям и существует около ста лет. Поверхность площади ровная, с небольшим возвышением к югу. В северо-восточной части ее небольшой сад и огороды священника и причетника, остальная же занята конопляниками. Городок стоит на возвышенном месте, в 10-ти саженах от небольшого болота, примыкающего к пруду.

Насыпной вал сохранился по преимуществу с северо-востока, северо-запада и юго-запада; длина его 300 саженах, а высота 20 аршин. С востока, севера и запада вал окружен рвом глубиною и в ширину по 12-ти аршин, достаточно сохранившимся, доведенным до болота, находящегося к югу от городка. Кроме того, на юго-запад, за валом и рвом, уцелело несколько небольших насыпей, образовавших прямой угол. Предполагают, что это были современные городку батареи. Городище имело входы с востока и запада – признаки последнего сохранились лучше, восточный же вход скрыт и застроен домами священника и причетника. Сохранилось предание, что городок построила среди леса какая-то царица, бежавшая от своего лютого мужа, что укрепление это имело чугунные ворота и подъемные мосты. Царица славилась своим богатством, которое и было поводом к тому, что разбойники напали на городок и разорили его, но будто часть богатств – несколько бочек золота, серебра и других сокровищ – осталась скрытой в валу. Это предание и до сих пор привлекает к Хотимльскому городищу кладоискателей, но им ни разу не удалось ничего найти в валу.

План городища в селе Хотимль-Кузменково.

На поверхности городища находили при расчистке его прежде мелкие серебряные монеты треугольной и эллиптической формы, тоньше серебряного пяточка, но монеты эти погибли в пожар, бывший в Хотимле лет 9 тому назад (около 1868 года. – В.Н.)".

"На запад, в 1½ версты от городища, в поле, находится две группы курганов – в первой их три, а во второй – четыре. Не в очень отдаленные времена их было гораздо больше, но они уничтожаются мало-помалу от ежегодного подпахивания.

Остатки крепостных валов детинца в селе Хотимль-Кузменково. Виден ручей, вытекающий из осадного пруда. Фото Л. Домазрацкой. 2000 год.

Можно надеяться, что и оставшиеся скоро сровняются с землей" [9].

Как видно из слов А.Г. Пупарева, Хотимльское городище к этому времени сильно пострадало, и крепостной вал в ряде мест был разрыт и сохранил первоначальную высоту только на некоторых участках. От курганов, упоминаемых Пупаревым, к настоящему времени не осталось ни следа. Археологические раскопки, проведенные на городище, обнаружили культурный слой толщиной до двух метров, содержащий гончарную древнерусскую керамику позднего средневековья.

Как и любой древнерусский город, Хотимль имел деревянную церковь, но сведений о ней в древнейший период существования города не сохранилось. Надо полагать, она стояла там же, где впоследствии высилась деревянная Успенская церковь – на сельском кладбище. Первое же упоминание о церкви в селе Хотимль в письменных источниках содержится в Писцовой книге Карачевского уезда 1626–1627 годов: "На великого государя царя и великого князя

земле погост Хотимль, на колодезе Хотимском, а на погосте место церковное, что была церковь Успения Пречистой Богородицы, да придел Св. муч. Пятница, да церковных мест: попово, пономарево, да 3 места келейных, пашни перелогом добрые земли 15 чети в поле, а в дву потомуж (под паром. – В.Н.), сена 100 копен, лесу 5 десятиин" [10]. Предположительно храм был сожжен в годы Смуты (1604–1612) и к 1626–1627 гг. его еще не восстановили. Заново Успенскую церковь с Пятницким приделом срубили в 1652 году. В 1731 году по чело-

любитию поручика Аммоса Бавыкина ему разрешили построить вблизи холодной Успенской церкви для зимнего времени деревянную теплую церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделом Св. Алексея Митрополита. Очередную деревянную Успенскую церковь взамен обветшавшей построили в 1807 году [11].

В начале XX века в селе началось строительство вместо деревянной новой кирпичной церкви в стиле неоклассицизма¹. В отличие от древнего храма, стоявшего на кладбище, новый храм возвели в центре села, недалеко от валов древнего городища. Колокольню при нем построить так и не успели. Венчавший церковь барабан с главой разобрали в 60-е годы XX века.

На кладбище села Хотимль был похоронен Герой первой мировой войны Георгиевский кавалер, награжденный за храбрость "Золотым оружием", командир полка Николай Федорович Артемьев-Карелов (1894–1919) [12].

¹ Вероятно, это единственный образец стиля неоклассицизма в Орловской области.

ДОМАГОЩ, XII–XIII ВЕКА

История села Городище берет свое начало в глубокой древности, о чём свидетельствуют валы древнерусского городища, сохранившегося на окраине села. В XII веке на этом месте находился древнерусский городок Домагощ¹, единственный раз упомянутый в русских летописях под 1147 годом в связи с феодальной войной между черниговскими князьями Давыдовичами – Владимиром и Изяславом, киевским князем Мстиславичем с новгород-северским князем Святославом Ольговичем. Первоначально война складывалась неблагоприятно для Святослава: под натиском противника он вынужден был покинуть принадлежавшие ему земли и города, в число которых входил и Домагощ. Но затем, заручившись помощью своего союзника суздальского князя

¹ Местонахождение Домагоща в с. Городище Болховского района Орловской области убедительно локализовал в своей статье "Домагощ и границы "Вятчей" XII в." А.К. Зайцев [2].

² В связи с событиями этой междоусобной войны в летописях впервые упоминается и Москва, где 4–5 апреля 1147 года встретились Святослав Ольгович и Юрий Долгорукий,

"В то же время выбежоша посадники Володимири Изяславли из Вятчи, из Бряньска, и из Мченьска и из Блэве, и оттуда (Святослав Ольгович. – В.Н.) иде Девягорьску, иде заем вси Вятчи и Добрянскъ и до Воробиии, Подесенье, Домагощ и Мценск".

Ипатьевская летопись. 1147 год [1].

Юрия Долгорукого² и наняв половецкие отряды и бродников, он вернул все свои земли. Согласно летописному сообщению, князь Святослав "иде заем (занял. – В.Н.) вси Вятчи и Добрянск (Брянск. – В.Н.) и до Воробиии, Подесенье, Домагощ и Мценск". Это первое и последнее упоминание Домагоща в летописях. Надо полагать, что впоследствии, в XIII–XIV веках, городок входил сперва в Звенигородское, а позднее в Болховское княжество, выделившееся из последнего, и принадлежал одному из княжеских дружинников или бояр [3].

Детинец древнего Домагоща представлял собой типичный древнерусский замок-крепость. Он размещался на высокой береговой террасе Оки (19 метров) и занимал трапециевидную в плане площадку размером 80x56 метров, ограниченную с востока берегом Оки, с севера и юга – склонами оврагов, а с запада – выгнутым в

причем последний дал в честь друга и союзника "обел стлен", а Святослав одарил Юрия многими дарами, в числе которых был и "пардус" (генард).

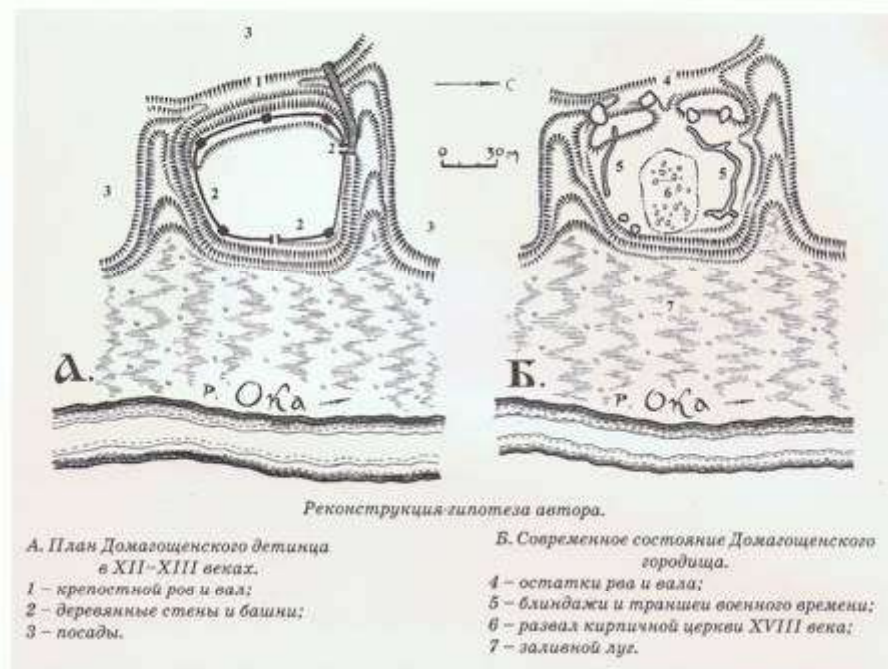

виде серпа рвом глубиной до 2-х метров и валом высотой до 3-х метров. На основании археологических раскопок подобных замков, а также городища близ деревни Слободка в Шаблыкинском районе Орловской области можно попытаться реконструировать облик древнего Домагожа, правда, подобная реконструкция будет обладать достаточно большой долей гипотезы (предположения), поскольку на Домагоженском городище никогда не велись археологические раскопки, только разведки.

Замок был окружен срубной на городней или острожной стеной из дубовых бревен протяженностью немногим более 200 метров. Въезд в него, укрепленный башней, был, судя по всему, со стороны Оки, где на площадке городища поднималась дорога. В валу с западной стороны есть проезд, но он,

по-видимому, появился позднее и был прокопан для облегчения прохода крестьянам к церкви. Вторые ворота, вероятно, находились в северо-западном углу крепости, и, чтобы подойти к ним, надо было повернуться к стене правым незащищенным щитом боком – прием, типичный для древнерусских крепостей XII–XIII веков. Кроме воротных в стене наверняка были еще башни, но вряд ли больше двух-трех. Внутри детинца находился деревянный терем, возможно, с башней-повалушей, игравшей роль дозорной вежи, а в случае осады – дожжона¹. Здесь же, надо полагать,

¹ Остатки подобной споровшей и рухнувшей повалуши, в которой было обнаружено более 20 костей укрывавшихся в ней людей, были найдены во время археологических раскопок городища у деревни Слободка Шаблыкинского района Орловской области.

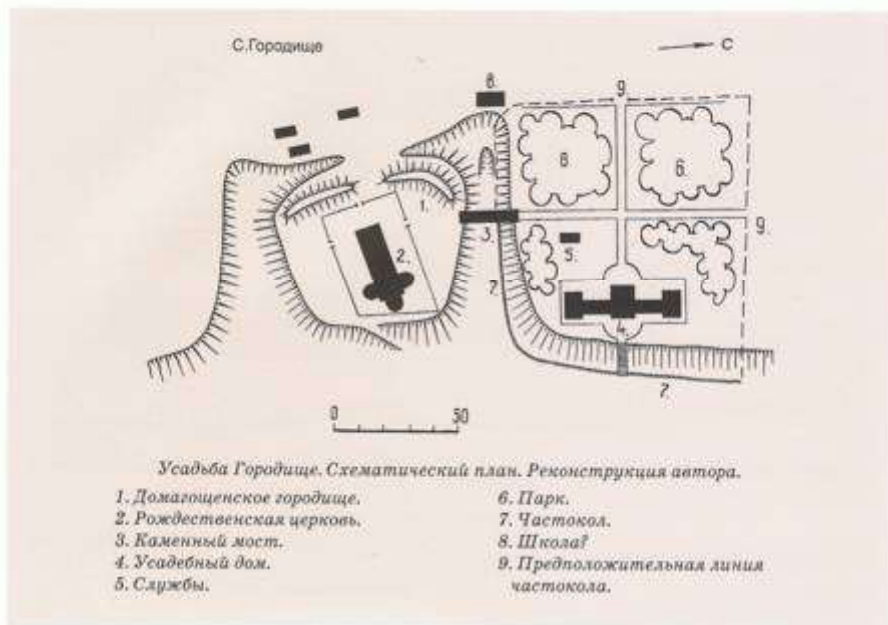

размещались мастерские, жилье зависимых от феодала людей, житницы и, возможно, осадные клетки для местных жителей. Вероятно, в детинце был и небольшой деревянный храм, стоявший там же, где позднее, в XVIII веке, была построена кирпичная церковь. Для водоснабжения служил колодец или подземный ход-тайник. Находка остатков подземного хода к воде при раскопках Звенигорода Карачевского говорит, что подобные сооружения в регионе не являлись чем-то необычным [4].

Когда и по каким причинам был покинут Домагож, сказать трудно, возможно, он погиб во время набега татар или литовцев. Во всяком случае, крайней датой является 1406 год, когда под натиском войск великого князя литовского Витовта

прекратили своё существование Болховское¹ и Звенигородское княжества, а их бывшие владельцы, не сумевшие, несмотря на помощь Москвы, отстоять свои владения, «отъехали» под руку великого князя московского и впоследствии занимали должности государевых наместников и воевод [5]. Тем не менее, несмотря на все невзгоды и лихолетья, поселение на этом месте не исчезло окончательно, во всяком случае, оно существовало в XVI – начале XVII века. В годы Смутного времени здесь происходили какие-то военные действия,

¹ Надо полагать, именно во время этого похода погибли города Болхов и Звенигород. Но если Болхов был восстановлен в 1555–1556 годах, то Звенигород уже никогда не возродился. О древнем Звенигороде более подробно рассказано в книге: Неделин В.М. Орел изначальный. Орел, 2001. С. 29–38.

и городок, по-видимому, использовался как крепость. В разное время на его территории местные жители находили чугунные ядра [7]. Кроме того, у церкви, стоявшей на городище, были установлены две старинные пушки, вероятно, найденные при её строительстве, хотя нельзя исключать и того, что они были подарены строителем храма князем Несвижским [8].

Впоследствии село упоминается в Белевских писцовых книгах 1613–1614 годов (“написано в Белевском уезде, в Руцком стану, в Домагощи” [9]) и в писцовой книге 1627–1631 годов, где содержится перечень рыбных ловель Белевского Спасо-Преображенского монастыря: “Да ото Мценского рубежа на низ по реке по Оке, по другую сторону реки Оки, против села Городища Дамагашевского – три озера...” [10]. В той же книге содержится и описание села, но уже под названием Городищи.

В это время оно находилось во владении Михаила Васильевича Племянникова и его племянника Федора Дмитриевича. Книга фиксирует полное запустение села, в нём сохранились лишь следы некогда стоявших дворов и церкви: “место церковное великаго чудотворца Николы, да четыре места церковных пусты: место попово, м[есто] дьячково, м[есто] пономарево, м[есто] просвирицино; пашни церковныя перелогом 20 четв[ертей] в поле, а в [дву] п[отому]ж (под паром. – В.Н.), сена по дуброве 30 к[опен], да в селе ж двор людской (для челяди. – В.Н.) Ивашки Иванова; да бобыль во дворе Ивашка Иванов, прозвище Ломака, с племянником Филимонком Ивановым да с пасынком Карлушкою Фоминым, да место дворовое крестьянское пусто, старья пустоты, а чье имяем, того никто не помнит” [11]. По-видимому, село было сожжено и запустело в

годы Смутного времени (1604–1612), но позднее, уже во второй половине XVII века, оно возродилось, но уже утратив в своем названии имя древнего города.

Во второй половине XVIII века село Городище принадлежало князю Федору Иоанновичу Несвижскому. Он возвел на городище, возможно, на месте древней деревянной Никольской церкви кирпичную церковь во имя Рождества Христова с приделами Казанской иконы Божией Матери (правый) и Св. Николая Чудотворца (левый), оконченную в 1773 году [12]. Подобное размещение храма на территории древнего городища в регионе достаточно типично, например, в Орловском уезде церкви были построены на городищах XII–XIII веков в селах Редькино и Маслово.

Надо полагать, при Федоре Иоанновиче был возведен на соседнем холме и весьма внушительный кирпичный усадебный дом.

Несмотря на то, что на сохранившихся фотографиях 1909 года дом виден не полностью, по видимым фрагментам можно в основном реконструировать его облик. Это был типичный классицистический усадебный дом, имевший трехчастное членение – центральный объем и два боковых ризалита, соединенных одноэтажными крыльями. Вероятно, центральная часть дома имела два традиционных симметричных портика. Один из них украшал речной, а другой – дворовый фасад. Надо полагать, перед домом находился и небольшой партер, откуда открывался чудесный вид на заливные луга долины Оки. От партера к подножию горы спускалась лестница.

Усадебный дом и располагавшаяся на древнем городище церковь соединялись кирпичным трехарочным мостом,

возведенным предположительно ещё при жизни князя Федора Иоанновича для удобства прохода владельцев имения на храмовое богослужение. К западу от дома располагались службы и парк, о планировке которого не сохранилось никаких сведений. Можно лишь предполагать, что основу его составляли две пересекавшиеся под прямым углом аллеи: одна из них шла от моста, а другая от центрального ризалита усадебного дома. На фото 1909 года виден опоясывающий подножие холма, на котором стоит дом, довольно высокий и уродливый частокол. Возможно, это реакция владельцев имения на волну погромов усадеб крестьянами, сотрясавших в 1905–1906 годах Орловскую губернию [13].

В 70-е годы XIX века имение перешло во владение графини Варвары Петровны Толстой, построившей в селе в 1876 году земскую школу. В 1883 году на её средства была капитально отремонтирована Венедская церковь, в ней провели отопление и вызолотили иконостас. После смерти графини Толстая была похоронена в храме, там же, где в своё время погребли и его первого строителя, князя Федора Иоанновича Несвижского [14].

Дальнейшая история имения Городище обидна по своей трагичности. Во время революции или сразу после неё оно было разгромлено, и побывавший в нем в 1926 году заведующий Орловским губмузеем Павел Сергеевич Ткачевский не астал здесь даже развалин. Огромный трехэтажный дом был растащен в считанные годы.

Мостик также стоял в руинах. Но храм был цел, только одну из находившихся при нем пушек в 1925 году увезли в Волховский музей, куда задевали вторую – неизвестно. Ткачевским был выполнен схематический чертеж городища и несколько фотографических снимков, к сожалению, пока не обнаруженных [15].

Но трагедия Городища не этом не закончилась. Зимой 1942 года откатывавшиеся от Москвы немецкие войска смогли стабилизировать фронт к северо-востоку от Волхова. На одном берегу Оки закрепились советские войска, на другом, в Городище, немцы. 16 февраля 1942 года началась так называемая Кривцовская наступательная операция советских войск по прорыву немецкой обороны на участках Кривцово–Чегодаево–Городище. Советская артиллерия, бившая прямой наводкой, вдребезги разнесла Рождественскую церковь, а само село Городище несколько раз переходило из рук в руки. Яростные и бесплодные атаки, стоившие жизни тысячам советских воинов, усеявших своими телами склоны древнего городища, прекратились только 18 марта ввиду полного истощения сил наступавшей стороны. Фронт под Городищем простоял вплоть до середины июля 1943 года.

В настоящее время здесь сохранились только валы древнерусского городища, густо усеянные воронками и траншеями военного времени. Есть что-то роковое в этом месте, столь обильно омытом кровью русских воинов как в глубокой древности, так и в 40-е годы XX века.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОРОД¹ У ДЕРЕВНИ СЛОБОДКА. XII–XIII ВЕКА

История "Слободки" берет свое начало в IV–VII веках, когда на этом месте существовало неукрепленное поселение дославянской (восточно-балтских племен) мощиной культуры². Остатки нескольких построек этого времени были вскрыты в древнейшем слое "Слободки". Позднее, в VIII веке, на этом месте расположилось славянское кладбище, одно из древнейших на территории области, включавшее остатки грунтовых трупосожжений, заключенных в глиняные урны, а иногда и без урн. Было найдено и одно более позднее погребение, уже не трупосожжение, а трупопогребение. Здесь была захоронена женщина, которую ее родственники постарались по

*"Вал земляной, гремя костями,
Лежит, как пес сторожевой.
Здесь землю русскую горстями
Хватал татарин молодой.
Здесь азиатов древних рать,
Взбираясь кручей к гребню вала,
Глазами, саблями сверкала".*

Неизвестный поэт начала
XX века [1].

возможности как можно более достойно снарядить в последний путь. На ее левую руку был надет ленточный биллоновый браслет со слегка расширяющимися концами, на шею висели бронзовый бубенчик с крестовидной прорезью, от шнура которого не осталось и следа, янтарная (?) призматическая бусина и бронзовые пружинные проныжки [2].

Вероятно, в первой половине XII века на этом месте возникла усадьба, возможно, боярская и, скорее всего, неукрепленная³. Некоторые ее постройки археологи проследили в южной части городища. В 10 метрах от бровки холма были обнаружены остатки ограды из горизонтально уложенных бревен,

¹ По мнению Т.Н. Никольской, описанные выше сооружения являлись остатками древнейших укреплений "Слободки" [3]. Но слабость их конструкций, включавших плетень, а самое главное, расположение в 10 метрах (!) от края берега, что с военной точки зрения совершенно бессмысленно, поскольку с высоты этих "укреплений" не просматривается склон холма, а перед стеной образуется обширный плацдарм, позволяют автору считать эту "крепостную" стену обычным забором.

² Т.Н. Никольская считает, что он назывался Болдык, но ее доказательная база не слишком убедительна, поэтому в дальнейшем автор, за именем более приземистого варианта, будет называть этот город ориентировочно "Слободка".

³ Получила свое название по деревне Мошино близ города Мосальска Калужской области, где были впервые найдены памятники этой культуры.

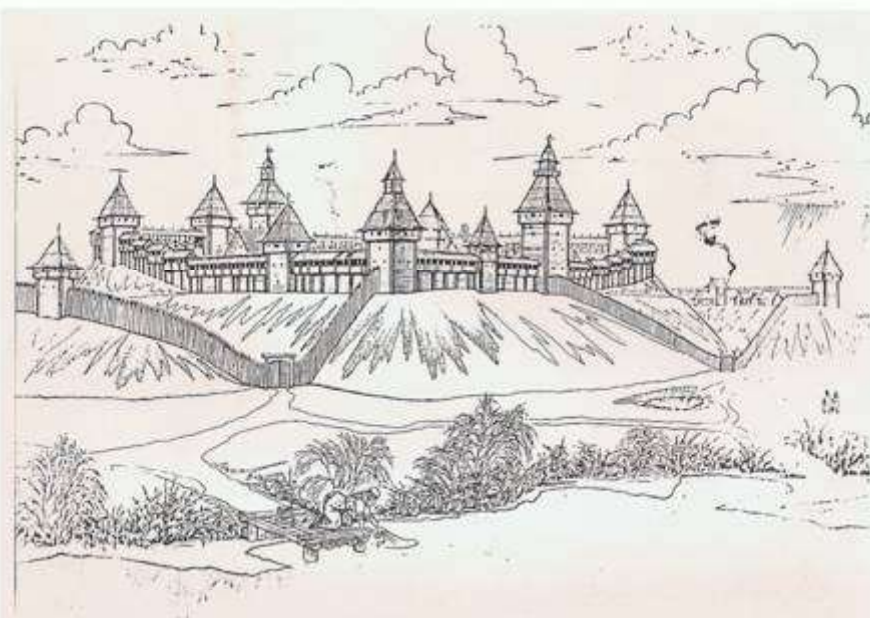
Угловая башня и стена "Слободки". Реконструкция Г.В. Борисевича. Экспозиция Орловского областного краеведческого музея.

продолжением которой служил, вероятно, плетень, его мелкие ямки от кольев шли вдоль южного края городища на протяжении 3,5 метра, а затем под прямым углом поворачивали к его склону. Стена завершалась небольшой (2 x 2 метра) клетью, в которой было найдено несколько обломков гончарных сосудов и фрагментов гладкого фиолетового стеклянного браслета. Все эти постройки сгорели в огне пожара [4]. Безусловно, пожар мог произойти от самых разных причин, в том числе и случайных, но датировка этих сооружений серединой XII века позволяет предположить их гибель во время военной катастрофы – междоусобной войны 1146–1147 годов. Хотя "Слободка" во время этой усобицы в летописях не упоминается, тем не менее она не могла не оказаться на пути войны,

Напомним, что дорогой от Севска через "Слободку" на Карачев и далее на север под натиском войск киево-черниговской коалиции во главе с князем Изяславом Мстиславичем, отступал на соединение со своим союзником, суздальским князем Юрием Долгоруким, новгород-северский князь Святослав Ольгович¹. Вероятно, по его же приказу "Слободка" была разграблена и сожжена²:

¹ В это время земли витичей в Верхнем Почье и часть Подесены (район Брянска, Трубчевска и Карачева) входили в состав Новгород-Северского княжества.

² Позднее, при дальнейшем отступлении, князь приказал разграбить и Карачев [5], возможно, та же участь постигла и другие города и селения, через которые проходило отступление Святослава Ольговича. Вероятно, надеясь воспользоваться подобным бесцеремонным обращением со своими владениями и имуществом подданных, его противники Изяслав Мстиславич,

Панорама "Слободкинского" детинца со стороны реки Навли. XIII век. Реконструкция автора.¹

князь не желал отдавать врагам свою землю нетронутой. 16 января 1147 года князь Святослав Ольгович во главе своей дружины наголову разгромил преследовавший его трехтысячный отряд юного черниговского князя Изяслава Давыдовича и воеводы

Изяслав и Владимир Давыдовичи создали в Дедославле (современное село Дедилово Киреевского района Тульской области) вече, где сделали попытку натравить витичей на собственного князя, заявив о нем, "что он витич не любит и разорит яко не свою область, чтоб они (витичи. – В.Н.) его поймали или убили, а имение его все себе разделили". Тем не менее витичи, хотя война уже принесла им немало страданий и горя, отказались восстать против своего сюзерена: "А руку на господина своего (Святослава Ольговича. – В.Н.) поднять не можем, и никогда того и нас и в протех наших не бывало" [6]. Впрочем, "Слободку" могли сжечь и князь-длин с черниговцами, в конце концов они шли по чужой земле и особенно тоже не церемонились.

Шварна [4]. Точное место битвы определить невозможно, известно лишь то, что противники столкнулись в полудне пути от Карачева "на чистом месте". Вероятно, сражение произошло в пойме реки Навли, как раз напротив "Слободки".

Война 1146–1147 годов лишний раз подтвердила выгодное местоположение "Слободки". Вскоре на месте сожженного поселения отстроили городок, окруженный

¹ Во время археологических раскопок были выявлены фундаменты четырех башен, но по мнению автора, и это отображено на рисунке, их было больше, поскольку не вся трасса вала была обследована. К воротной башне детинца подходит бревенчатый острог, являющийся продолжением стены окольного города. Башня-вежа на княжеском дворе изображена значительно большей высоты, нежели на реконструкции Г.В. Борисевича, что обеспечивало с ней гораздо лучший обзор.

Вид на "Слободку" со стороны реки Навли. Реконструкция Г.В. Борисевича.

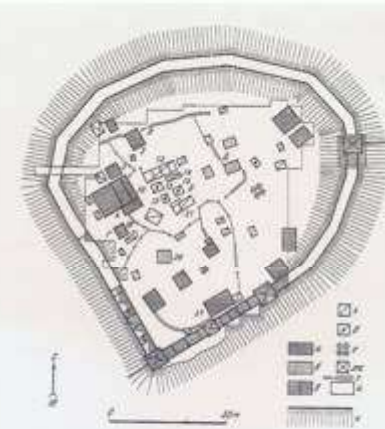
крепкой рубленой стеной, ставший центром местной сельскохозяйственной округи. Здесь же располагалась резиденция феодала. Произошло это, вероятно, в середине XII века или вскоре после того. Жизнь небольшого, но процветающего города оборвало вражеское нашествие, после которого здесь не осталось "ни стонущего, ни плачущего". Произошло это, по предположению Т.Н. Никольской, весной 1238 года во время монголо-татарского нашествия, а по мнению автора, в 1310 году, но об этом чуть позже. Свидетелями прежде кипевшей здесь жизни остались только мощные земляные валы укреплений да время от времени находимые при пахоте древние предметы.

Интерес к городищу возник в конце 60-х годов XX века, когда местные краеведы сообщили о нем в Орловский краеведческий

музей. Тогда же стало известно, что школьниками Сомовской средней школы в реке Навле была найдена кольчуга. Летом 1959 года сюда выехала археологическая экспедиция во главе с Татьяной Николаевной Никольской, включавшая также сотрудников Орловского краеведческого музея и Орловского областного управления культуры. Ее члены констатировали хорошее состояние памятника и его пригодность к обследованию. С этого времени в течение семи полевых сезонов (1959–1966) под руководством Т.Н. Никольской на городище велись раскопки, ставшие своего рода региональной археологической сенсацией; они дали широкую картину рождения, жизни и гибели этого древнерусского города [7]. В ходе археологических раскопок была вскрыта почти вся территория детинца,

План городища "Слободка".

План детинца "Слободки" с показанием найденных построек. По Т.Н. Никольской и Г.В. Борисевичу.
 а – срубные жилища; б – полуземлянки; в – остатки крепостной стены; г – хозяйственные постройки; д – производственные сооружения; е – колодец; ж – башни; з – столбы, ограда, частоклад; и – раскопанная территория; к – насыпь вала.

а полученные материалы позволили представить, разумеется, в общих чертах, внешний облик и планировку этого древнерусского городка.

"Слободка" состояла из трех частей: детинца, окольного города и посада. Детинец и окольный город в плане походили на две подковы, вложенные друг в друга и открытой стороной обращенные к реке Навле. Центральная часть города – его детинец (диаметр около 80 метров, периметр стен около 250 метров) высился на четырехугольном плато высокого правого берега Навли, которое опоясывал короткий, но глубокий овраг с восточной стороны и широкая ложбина, обрамлявшая его с запада. Сюда детинец прекрасно прикрывали крутые берега Навли. Наиболее уязвимой была северная сторона детинца,

но ее защищал мощный подковообразный в плане вал. Современная его высота, считая со дна рва, составляет 6–8 метров на различных участках, но, учитывая, что и ров, и вал значительно оплыли, ранее его высота, равно как и глубина рва, были значительно больше. Основу вала составляли клетки из дубовых бревен длиной одна, две и три мерных сажени¹ при ширине в две мерные сажени, засыпанные землей. Продолжением клеток служила срубная стена, венчавшая гребень вала. С западной, восточной и южной сторон детинца вала не было, точнее, была невысокая земляная подушка, и стена шла непосредственно вдоль берега реки и оврагов.

¹ По наблюдениям Г.В. Борисевича, при строительстве применялись два типа сажени: малая (142,3 сантиметра) и мерная (176 сантиметров) [8].

Внутренняя застройка детинца "Слободки". XIII век.
Рисунок автора по реконструкции Г.В. Борисевича. Справа располагаются жилые и хозяйственные постройки княжеского (?) двора, слева – две боярские(?) усадьбы. Вдалеке видны башни загородной княжеской(?) резиденции.

Крепостные стены Слободки шириной на отдельных участках от 3,5 до 4 метров состояли из разновеликих по длине дубовых срубов, снабженных с внутренней стороны дверями. В военное время они могли служить осадными клетями для населения (в некоторых из них обнаружены остатки глинобитных печей), а в мирное – использовались под разного рода хранилища. Наверняка стены вверху имели боевую площадку – забороло, где во время штурма располагались воины, накрытую сверху тесовой или драчочной кровлей.

Стену некогда венчали башни, при раскопках вскрыли нижние венцы трех из них: угловой юго-западной, восточной и находившейся между ними воротной.

Дорога от ворот спускалась к подножию холма, где стоял детинец, и, огибая его с юго-восточной стороны, вела в окольный город. Остатки еще одной башенки, четвертой, были выявлены в стене между воротной и юго-западной (вероятно, дозорной) башнями. Неподалеку от башенки нашли осколки колокола, который висел либо непосредственно на ней, либо рядом. Надо полагать, что ударом в колокол подавали сигнал тревоги [9]. По мнению автора, башен на самом деле было больше, поскольку трасса стен так и не была полностью вскрыта, особенно ее северная часть.

Территория детинца была весьма тесно застроена. Раскопки выявили здесь два крупных двора, включавших большое

Уголок детинца в "Слободке". Слева видна часть княжеского (?) терема. Рисунок автора по реконструкции Г.В. Борисевича.

количество построек. Один принадлежал, вероятно, князю или его наместнику и занимал примерно треть часть территории детинца. От прочей застройки его отгораживал частокол. Центром двора являлся обширный двухэтажный деревянный дом, опоясанный на уровне второго этажа г-образной в плане галерей. В полутора метрах к северу от дома высились деревянная башня-вежа, соединенная с хоромами переходом и, надо полагать, увенчанная "теремцом" (дозорной вышкой) [10]. В случае необходимости башня могла служить дозником¹ и,

¹ Дозикон – самая высокая и хорошо укрепленная башня западно-европейского замка, последняя опора обороняющихся. На Руси подобные башни называли вежами.

как будет видно впоследствии, действительно сыграла эту роль. С запада к веже примыкала изба с печью, возможно, это было жилище челяди. Т.Н. Никольская следующим образом охарактеризовала эту усадьбу: "Характер предметов, найденных в пределах этих разрушенных построек, а также их обилие свидетельствуют о том, что в этой части детинца обитала более привилегированная прослойка населения. Здесь найдены глиняная иконка с надписью "NCNC", писало, книжная застёжка, обломки стеклянных тонкостенных сосудов (желтого стекла), стеклянных браслетов, глиняных амфор и поливной посуды, перекрестье сабли или меча, ромбический уплощенный наколчик стрелы, бронзовое семидоластное

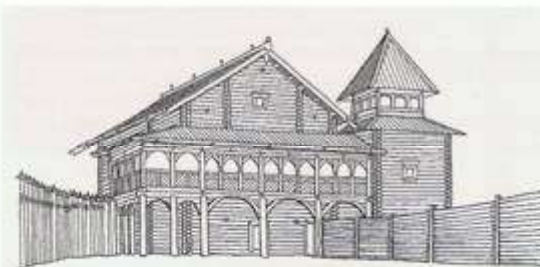

Княжеский(?) двор в "Слободке". XIII век. Рисунок автора по реконструкции Г.В. Борисевича.

(раннего типа) височное кольцо (около развала печи), бронзовая лампадка с тремя ушками, орнаментированная линейными поясками... Найдены здесь и предметы быта: железные цилиндрические замки... и ключи к ним, топор, пробой, дужки от ведер и т. п. Здесь же на обгоревшем полу лежало сразу три железных обруча..., внутри которых было скопление углей, — остатки сгоревшей деревянной бадейки...

На пространстве, занятом остатками жилищ, собрано большое количество обломков гончарных сосудов — горшков, мисок [11]. Часть двора занимали производственные и хозяйственные сооружения: кузница с горном, гончарные мастерские с печью для обжига поливной керамики, погреба и еще одна постройка, возможно, конюшня. Следует отметить, что в городке работал и свой ювелир: при раскопках были найдены пинцеты и ювелирные молоточки. Но, к сожалению, выделить какую-либо постройку как мастерскую ювелира-ремесленника оказалось невозможно [12].

Вторая усадьба располагалась в южной части детинца; в нее входили две избы с глубокими подпольями и ряд хозяйственных построек — погреба, ямы для хранения зерна, кладовые, полуземлянка плотника, вероятно, работавшего на хозяйина, служившая одновременно и его жилищем, и мастерской, а также домища с сырорудным горном [13]. Остальную территорию детинца занимали избы,

Вариант реконструкции Г.В. Борисевичем княжеского(?) дома в "Слободке". По мнению автора, вежа рядом с теремом была гораздо выше. При такой высоте, какая показана на рисунке, крыша терема заслоняла вид с вышки вежи на всю южную и юго-западную стороны детинца.

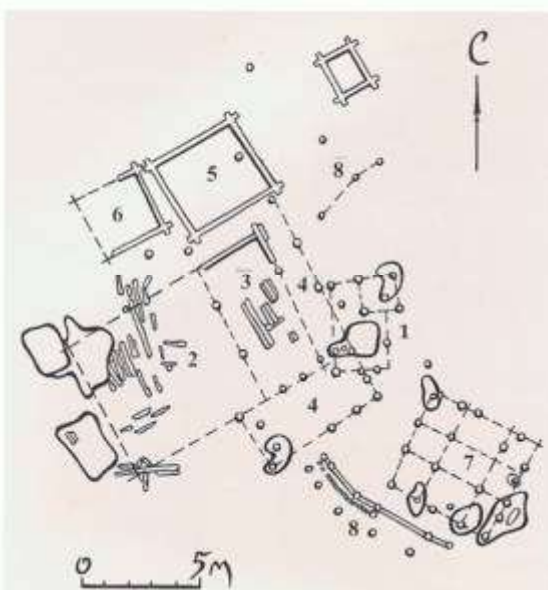

Княжеский(?) двор в "Слободке". XIII век. Рисунок автора по реконструкции Г.В. Борисевича.

реже полуземлянки, принадлежавшие, вероятно, дружинникам и зависимым от феодала людям. Их дворы тоже окружали нагоры, но из-за того, что они не имели капитального характера, а также из-за плохой сохранности дерева в "Слободке"¹

¹ "Слободке" в этом отношении далеко до Новгорода, где из-за особенностей почвы сохранились не только венцы срубов, мостовые и частотолы, но и масса предметов домашнего обихода, сделанных из дерева, не говоря уже о знаменитых берестяных грамотах. В "Слободке" о деревянных постройках напоминают лишь слои древесного тлена и трухи. Дерево сохранилось лишь там, где оно обгорело и, таким образом, законсервировалось.

их направление в большинстве случаев проследить не удалось. Следует отметить, что дома в "Слободке" рубались из сосновых, реже из дубовых бревен. Некоторые из них обмазывались изнутри, а возможно, и снаружи глиной и белились — при раскопках находили кусочки глиняной обмазки со следами примазки к бревнам, напоминая, таким образом, малороссийские мазанки [14]. Дома подобного типа сравнительно недавно были широко распространены в Орловской губернии, а кое-где их можно увидеть и сейчас.

План остатков построек на нижеском(?) дворе в "Слободке".
По Т.Н. Никольской и Г.В. Борисевичу.

1 – полуземлянка кузнеца с горном;	5 – вежа;
2 – терем;	6 – изба челяди (?);
3 – сени;	7 – керамическая мастерская;
4 – галерея;	8 – изгороди и заборы.

На чертеже хорошо видны опорные бревна ("стулья") фундаментов, а в некоторых местах уцелели и нижние венцы срубов. Полуземлянка кузнеца относится к первому строительному периоду, и после того, как она сгорела, часть ее территории занял терем владельца городка. Округлые, расплывающиеся пятна на чертеже – это развалы глинобитных печей.

На случай осады в детинце "Слободки" имелся колодец – сооружение, для крепости совершенно необходимое. Река Навля протекала от города в семидесяти метрах, и в случае появления врагов отрезать его от воды не составляло особого труда. В настоящее время от колодца осталась воронка диаметром 5,8 метра и глубиной

почти 3 метра. В бышем колодце обнаружили предметы, попавшие туда либо случайно, либо умышленно: железный штырь, нож, точильный брусок, шиферное пряслице, фрагменты гончарной керамики [15]. Для повседневных же нужд обитателей детинца у подножия холма, на котором стояла крепость, был выкопан пруд, сохранившийся до наших дней.

Детинец подковой охватывал окольный город, также укрепленный, но его валы были менее прочны и высоки и не имели внутривальных клетей, стена, венчавшая его, скорее всего, была достаточно простой конструкции – острог или заподот [16].

Окольный город, как минимум, имел одну воротную башню, которая могла располагаться либо в северо-восточном, либо в северо-западном углу укрепления. Кроме того, ворота, но скорее всего без башен, находились в южной стене, в устьях оврагов. Через них ходили за водой к реке Навле.

Окольный город был изучен археологами гораздо хуже, но, надо полагать, его застройка была далеко не престижной – здесь теснились избы и клетки ремесленников, обслуживавших феодала, а также зависимых от него людей. Скорее всего, здесь же стояла и соборная церковь, тоже деревянная, как и весь город. Вдоль берега реки Навля к востоку и западу от крепости протянулся обширный неукрепленный посад. Общая площадь заселенной территории составляла около 40 гектаров. К городу тяготел и целый ряд селищ, расположенных по обеим берегам Навля, в том числе и на территории современного

Северо-западная стена детинца.
Вид с внутренней стороны.
Реконструкция Г.В. Борисевича.

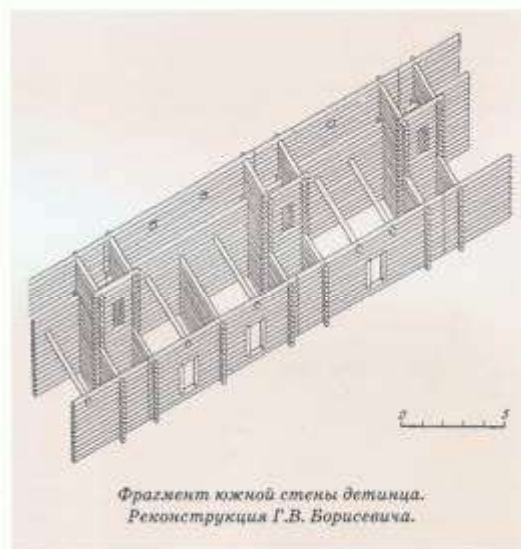
села Сомово. Вероятно, это были села или слободы, жители которых в основном занимались сельским хозяйством. Примерно в километре к западу от города, на берегу реки Навля при впадении в нее ручья, располагалось еще одно городище, но сравнительно небольших размеров. К сожалению, оно было сильно разрушено еще до раскопок Т.Н. Никольской при строительстве плотины через овраг. Надо полагать, здесь находилась загородная княжеская резиденция [17].

Археологические раскопки города дали большое количество вещевое материала XII–XIII веков, обнаруженного среди развалин зданий: предметы быта, инструменты, оружие, украшения. В частности, были найдены железные навесные цилиндрические замки, целые и в обломках (47 шт.),

¹ Пяслице – каменный, костяной или глиняный кружок, надвешивавшийся на конец веретена, дабы обеспечить его устойчивое вращение. В Древней Руси были весьма популярны пряслица из разового шифера, добывавшегося у города Овруча, недалеко от Киева. Там находились большие мастерские, откуда пряслица расходились по всей стране.

ключи от замков (49 шт.), кресало калачевидное (1) и овалы (9), железные ножи (107), наконечники стрел (15), наконечники копий (2), перекрестье меча (1), бронзовая обкладка булавы (1), железные шпory с шипом (3) и колесиком (1), стремена (5), удила (7), навершие плетки (1), конская скребница (1), железные серпы (5), сошники (2), топоры (6), шиферные (24) и глиняные (13) пряслица¹. Одной из наиболее массовых находок при любых археологических раскопках являются обломки керамики – здесь их было обнаружено 102, примерно от 10 сосудов [18].

Желание украсить себя было не чуждо нашим предкам, особенно представителям прекрасного пола, о чем свидетельствуют многочисленные украшения, в основном женские, найденные при раскопках. Среди них особо выделяется клад серебряных вещей:

Фрагмент южной стены детинца.
Реконструкция Г.В. Борисевича.

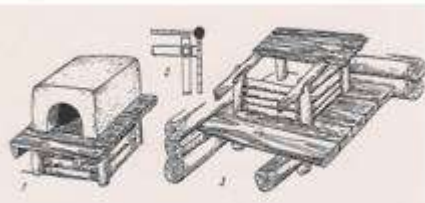
Производственные сооружения:
1 - кузница; 2 - керамический горн.
Реконструкция Г.В. Борисевича.

два колта с чернью¹ и ободками из петелек скани², два браслета - плетеный овальноконечный и узкопластинчатый. Завершала этот комплект шейная гривна

¹ Чернь - сплав серебра, свинца, серы и других компонентов, с помощью которого украшают изделие из металла, главным образом из серебра. Измельченная чернь наносится на гравированную поверхность, после чего изделие обжигается и на нем проявляется черный или темносерый рисунок, прочно сплавившийся с основой.

Жилые и хозяйственные постройки в дачнице "Слободки". Внизу полуземлянка плотника. Реконструкция Г.В. Борисевича.

Печь в одной из построек:
1 - печь; 2 - план расположения печи в избе;
3 - под. Реконструкция Г.В. Борисевича.

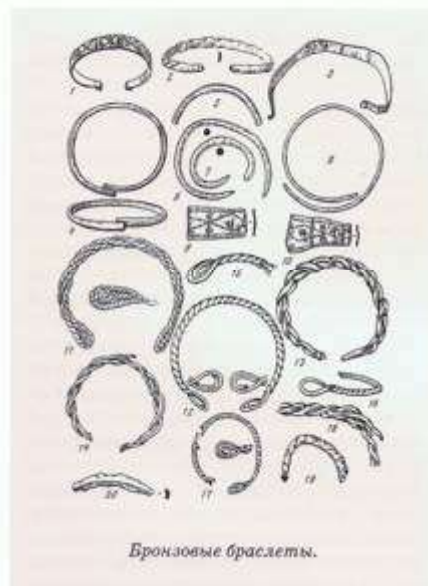
(спирально завернутая). Другие украшения, попадавшиеся археологам, были более просты: бронзовые витые (тройные) плетеные, крученые и пластинчатые,

² Скани - от древнерусского "скагы" - сучить, свивать. Один из видов ювелирной техники. Тонкая золотая, серебряная или медная проволока, гладкая или свитая в несколько нитей, из которых выполняются узоры, напаянные на металлический фон.

Албар (вверху) и погреб. Слева внизу - разрез погребя. Реконструкция Г.В. Борисевича.

Подвал, где были найдены скелеты двух мужчин и женщины. Реконструкция Г.В. Борисевича.

Бронзовые браслеты.

в том числе загнутоконечные браслеты (12), решетчатые и пластинчатые перстни (5), бронзовое семилопастное вятическое височное кольцо. Поистине массовым женским украшением являлись разноцветные стеклянные браслеты, витые и крученые, обломков которых было найдено более 800 штук [19]. Вероятно, они были весьма дешевы и щеголять ими могли даже девушки из небогатых сословий, потому что их никогда не пытались ремонтировать или скреплять, когда они ломались, а просто выбрасывали.

Безусловно, основным занятием населения "Слободки" являлось сельское хозяйство, о чем свидетельствуют находки серпов, кос, лемехов и других инструментов [20]. Тем не менее городок был и ремесленным центром, безусловно, регионального масштаба, поставлявшим свою продукцию местному населению и обслуживавшим хозяйство феодала. О развитии кузнечного дела говорят наличие кузницы, находки инструментов для

Украшения: 1-6 перстни; 7 - пуговка; 8-9 - бубенчики; 10 - височное кольцо; 11 - перстень; 12-21 - стеклянные браслеты и их обломки.

обработки металла и меднолитый горн [21]. Вероятно, кузниц было больше, но они находились в окрестном городе и, возможно, на посаде, на участках, не затронутых раскопками. Самое главное, имелось сырье для производства - это местные болотные или луговые руды.

Клад серебряных украшений, найденный в дачнице.

Предметы импорта на городище "Слободка":
1-1а - лампада; 2 - иконка; 3 - колокол
(реконструкция); 4 - фрагмент колокола;
5-8 - каменные крестики.

В Шаблыкском районе до сих пор существует деревня Железная, где некогда добывалась руда, а недалеко от нее находится Железное городище и селище XI-XIII веков, являвшиеся в свое время центром добычи руды [22]. Имелся в городке и свой ювелир, а также налаженное керамическое производство.

Наряду с сельским хозяйством жители городка занимались животноводством, о чем свидетельствуют кости домашних животных. Первое место занимал крупный рогатый скот, второе - свиньи, встречались и кожные кости. По словам Т.Н. Никольской, "население "Слободки", по-видимому, все еще употребляло конину в пищу" [23]. В пищу шли не только домашние животные, но и дикие, добытые на охоте: были найдены кости досей, зайцев, бобра, косули и даже волка.

Последнего, конечно, убили не для того, чтобы съесть, а ради шкуры [24]. О бортичестве говорят находки медорезок - специальных ножей для извлечения из сот меда, а о рыболовстве - гарпун, остроги, блесны, три рыболовных крючка, каменные и глиняные грузила, причем, судя по наличию гарпунов и острог, рыба в реках водилась весьма крупная [25].

И еще одна деталь: "Слободка" находилась рядом с переправой через реку Навлю, и на верняке здесь стоял таможенный пост, взимавший в пользу ее владельца пошлину - "мостовщину" с купеческих караванов. Эти поборы, вероятно, составляли львиную долю доходов феодала. Расположение городка на оживленном торговом пути, несомненно, играло важную роль в его жизни. Остановившиеся купцы вынуждены были расплачиваться с жителями городка за те или иные услуги (подковка лошадей, мелкий ремонт, продукты, ночлег и т. д.). В свою очередь купцы могли компенсировать убытки, продавая горожанам, хозяину "Слободки" и его дружинникам те или иные вещи. О богатстве владельца городка и о том, что он мог позволить себе многое, свидетельствует целый ряд предметов, являвшихся наверняка импортом: колокол, книга, лампада, некоторые ювелирные украшения, сосуды из тонкого стекла. Его воины могли приобрести вооружение гораздо лучшего качества, нежели произведения местных кузнецов - мечи, сабли, кольчуги, бронзовые булавы киевского производства. Со всем остальным - наконечниками стрел и копий, деталями конской упряжи и прочим вполне мог справиться и здешний кузнец. Простым горожанам, вернее, горожанкам, сбывались пряслица из розового шифера, стеклянные наручные браслеты, украшения [26].

В общем, в свое время "Слободка" представляла бойкий, расположенный на оживленном торговом пути и достаточно многолюдный городок, один из сотен малых городов и замков, некогда густо

покрывавших Русскую землю. Вражеское нашествие смело его с лица земли, оставив от городка только земляные валы укреплений и толстый слой золы, который на протяжении всех раскопок изводил археологов. Еще одним свидетельством катастрофы, погубившей город, были человеческие скелеты. Особенно много их ветретило под развалом башни-вежи, примыкавшей к терему; всего здесь насчитали 16 лежащих в беспорядке и обугленных костяков. По словам Т.Н. Никольской, "...очевидно, сгоревших здесь людей было гораздо больше, так как найдены еще отдельные части многих разрушенных черепов и скелетов. По-видимому, многие обитатели города пытались укрыться за стенами этой башни в момент осады, но погибли вместе с этой постройкой" [27], которая превратилась в их братскую могилу.

Подобные свидетельства происшедшей здесь трагедии встречались при археологических раскопках неоднократно. Некоторые из жителей пытались спрятаться в подвальчиках и кладовках, но смерть настигла их и здесь. В подполе одной из кладовок были найдены останки, вероятно, целой семьи - мужчины, женщины и ребенка. Отец семейства лежал в середине ямы, на спине, головой на север, с закинутыми за голову руками и слегка подогнутыми ногами. Женщина покоилась в восточной части углубления. Ее левая рука с серебряным витым браслетом была закинута за голову, правая вытянута вдоль тела, ноги слегка согнулись в коленях. Рядом с правой рукой отца лежал ребенок [28]. Враги их не нашли, иначе с руки женщины непременно содрали бы серебряный браслет. Семья, скорее всего, сгорела заживо. Подиол, в котором они притались, представлял собой фактически земляной гроб глубиной около 0,3 метра, и располагаться там можно было только лежа. И когда на дощатый пол, под которым они укрывались, с треском стали падать горящие стропила постройки,

Оружие и снаряжение всадника из детища "Слободки".

1-3 - наконечники стрел; из них - 12 - бронзовый наконечник, а 5, 6, 9 - татарские срезни (срезни - стрелы с широкими лопатовидными лезвиями, применявшиеся для стрельбы по бездоспешному противнику и лошадям, которые давали широкие раны, вызывавшие обильное кровотечение. В результате человек или конь, в которого попадал срезень, быстро терял силы и становился небоеспособен); 14 - наконечник копья, вероятно, бронзовый; 15 - перекрестье меча или сабли; 16 - арбалетный крюк; 17 - фрагмент бронзовой обкладки булавы. Подобные булавы производились в Киеве, откуда расходились по всей Руси; 18 - стрела тяжеловооруженного всадника (по А.Н. Кирпичникову); 19 - обломок шпоры с шином; 20-21 - стремя легковооруженного всадника (по А.Н. Кирпичникову); 22-24 - позьяные пряжки; 25 - костяная гирька кистеня; 26-27 - шпоры.

Предметы быта: 1 – костяное навершие посоха; 2–3 – обломки костяных гребней; 4 – ножницы; 5 – писало.

муж и жена инстинктивно векинули руки к головам... Еще три скелета – двух мужчин в возрасте 40–45 лет и 30–35 лет и женщины 35–40 лет – были найдены в другом погребении. Вероятно, их убили прямо здесь, во всяком случае, у одного из мужчин была отрублена голова [29].

Одна из построек, где были найдены останки людей, по мнению Т. Н. Никольской, служила “порубом” (тюрьмой). Это была клеть, вернее, клетушка размером всего 2х1,6 метра, где лежали на полу четыре вытнувшихся мужских скелета, у одного из которых была проломлена голова. Из вещей здесь нашли бронзовое писало: судя по всему, один из сидевших здесь являлся грамотеем; обломки бронзового круглопроволочного браслета, куски перегоревших железных предметов (кандалов?). Под полом постройки был обнаружен развал большого глиняного сосуда (для естественных надобностей?), а в ногах скелетов стоял горшок с остатками пищи. Кроме того, были найдены обломки еще

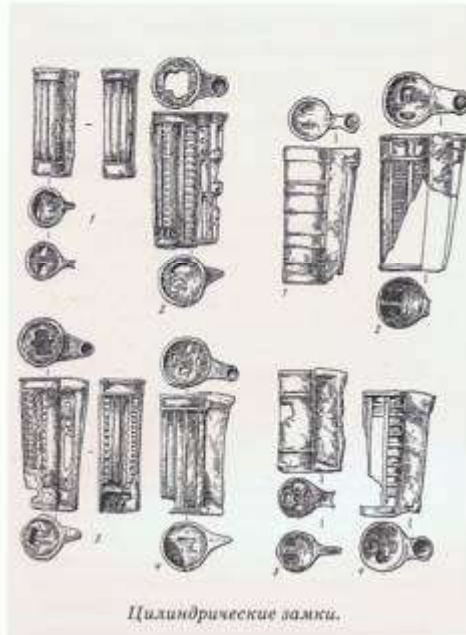
¹ По наблюдению Т. В. Радиной, у его черепа был срезан правый височный отросток. Кроме того, по мнению Г. И. Алексеевой, один из мужчин имел европеоидный тип с налетом монголоидности.

Инструменты для обработки металла и дерева: 1–3 – зубила слесарные; 4–6 – долота; 5 – долото фигурное; 7 – обломок пружинных ножниц; 8 – струг; 9–12 – топоры.

двух сосудов, вероятно, для воды [30]. Кто были эти люди и за что они попали в “поруб”, так навсегда и останется неизвестным. Вероятно, в момент нападения о них просто забыли и они погибли в горевшей постройке.

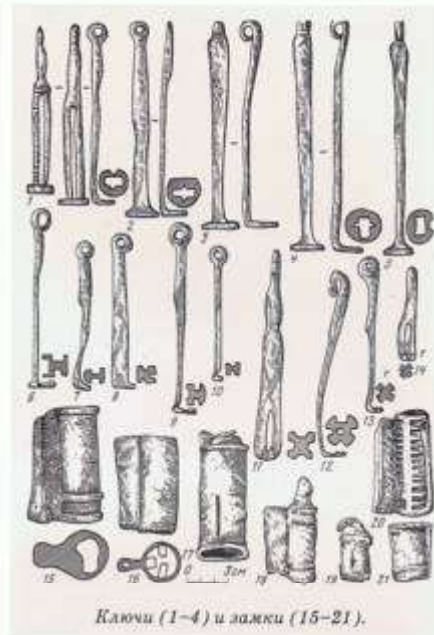
Факт насильственной гибели этого городка, выявленный во время археологических раскопок, после чего он так и не отстроился, несомненно, но только когда это произошло? По мнению Т. Н. Никольской, “...город был сожжен и разрушен, по-видимому, в 40-е годы XIII столетия, и жизнь на нем больше никогда не возобновлялась” [31]. Что произошло в 40-е годы XIII века, хорошо известно – это Батыево нашествие. Но, скорее всего, монголы здесь ни при чем. Брянск от монгольского нашествия уцелел, это однозначно, хотя один из их отрядов разгромил лежащий в двух десятках километров севернее

Цилиндрические замки.

от него город Вщиж, который после этого погрома так и не возродился. Не добрались монголы и до затерянного в лесах Карачева, а ведь “Слободка” лежит гораздо южнее. К тому же главные силы монголов завязли под Козельском, взять который стало делом их чести. Козельск же от лежащих к югу и не затронутых вторжением Черниговских земель был отделен огромным массивом Вятического леса. Наступала весна с ее грязью, хлябью и распутицей, у монголов кончались провиант и фураж, и о ведении военных действий в лесной стране в таких условиях не могло быть и речи. Поэтому, вероятнее всего, после взятия Козельска монголы двинулись на восток и вернулись в степи по водоразделу между Зушей и Упой, истребляя все на своем пути.

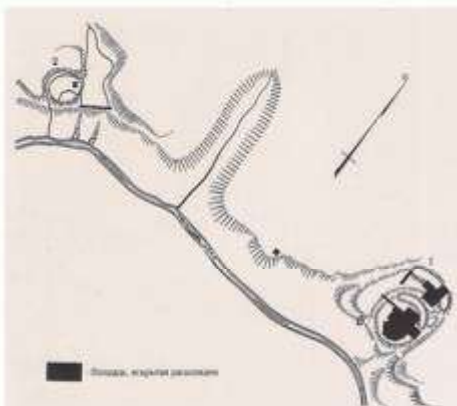
Новое монгольское вторжение в 1239 году, когда их орды стерли с лица земли Чернигов и опустошили южные земли

Ключи (1–4) и замки (15–21).

княжества, также не затронуло Верхнее Почье. Самой северной точкой продвижения монголов стал Глухов. Как это ни парадоксально, монгольское нашествие в определенной степени способствовало освоению Верхнеокских земель. Сюда, под защиту лесов, как можно дальше к северу, стекаются уцелевшие жители Черниговщины, и население Брянска, Карачева, “Слободки”, Новосиля и других городов и сел быстро растет.

После трагической гибели в Орде 20 сентября 1246 года князя Михаила Черниговского его сыновья и наследники разделили отцовское владение на ряд более мелких княжений, прежде всего земли в бассейне Верхней Оки и Средней Десны, не пострадавшие от монголо-татарского нашествия. Поскольку Ростислав, старший сын князя Михаила, навсегда остался в Венгрии, то следующему по старшинству

Ситуационный план расположения Большого и Малого городищ в "Слободке".
По Т.Н. Никольской.

князю Роману Михайловичу достался Брянск, куда переместился центр Черниговского княжения. О Чернигове при разделе не было и речи, делить там было нечего, от города остались только руины, заваленные костями. Некогда один из славнейших и богатейших городов Руси настолько обезлюдел, что некоторое время был просто заброшен. Третьему сыну – князю Семену Михайловичу – отошли Глухов и Новосиль, самый младший – Юрий Михайлович – получил Тарусу, а князю Мстиславу – четвертому сыну Михаила Черниговского – достался во владение Карачев. Почти наверняка в его удел вошла и "Слободка", располагавшаяся менее чем в 30 километрах к югу от Карачева.

Таким образом, во время монгольских нашествий 1237–1238 и 1239 годов "Слободка", как и другие города региона, скорее всего – поскольку утверждать это абсолютно невозможно – не пострадала. Хотя, безусловно, городок мог погибнуть во время одного из татарских набегов во второй половине XIII века, не отраженных или описанных в летописании очень скупо.

Тем не менее есть летописная запись, которая к гибели "Слободки" имеет, скорее всего, самое прямое отношение. Она свидетельствует о междоусобице в Брянском княжестве, происшедшей в 1309–1310 годах. Напомним суть событий. В 1309 году смоленский князь Святослав Глебович изгнал из Брянска своего племянника, князя Василия Александровича. Тот обратился за помощью в Орду и вернулся с большим татарским отрядом. Митрополит Петр стал уговаривать князя Святослава либо поделиться с Василием, либо бежать – "бежи из града, а не бейся". Князь же, "надеясь на свою силу и на мужество, бе бо крепок телом и мужествен zelo, и възнеслся умом многим и многою силою Брянскою", – заявил церковному владыке: "Господине! Брянск мя не пустит, хотя за меня головы свои сложити". Происшедшие события и приближение "законного" князя с татарами вызвали смутные среди жителей города: "и бысть мятеж велый во граде во Брянске".

В конце концов, собрав "ратью великою и силе мнозо", значительную часть которой составляло брянское ополчение, князь Святослав вышел навстречу татарам князя Василия Александровича. В полудне пути от Брянска противники столкнулись. Но ополченцы оказались совсем не крепкими в бою: одно дело – орать на вече, что мы де татар шапками закидаем, совсем другое – схватиться с этими же татарами в бою: "и помрачиша стрелы татарския воздух, и бысть аки дождь, таже копья и саблями снышася и бысть сеча ала". Под ливнем татарских стрел ополченцы, побросав свои стяги, разбежались, оставив князя Святослава с его дружиной на поле битвы одного¹. Окруженный верными воинами ("двором"), князь яростно сражался и сложил свою голову последним.

¹ В Никоновской летописи содержится прямое обвинение брянцев в трусости и даже предательстве: "Брянцы же выдали князя Святослава Глебовича Брянского: крамоульницы суще, и стяги пометаша, и сами побегоша" [34].

Второго апреля 1310 года князь Василий Александрович занял Брянск, который отдал на разграбление своим союзникам, впрочем, митрополита Петра, запершегося в церкви, татары не тронули [32]. Однако, надо полагать, добычи оказалось маловато, да и сам князь Василий, скорее всего, не хотел окончательно запустить город, являвшийся его собственностью. Союзников-татар, да и собственную дружину следовало более достойно вознаградить, и он повел войско на соседнее Карачевское княжество. Неизвестно, чем провинился карачевский князь Святослав Мстиславич перед Василием Брянским – не оказал в свое время помощи, был враждебно настроен, или его вина заключалась лишь в том, что он был соседом, причем достаточно слабым. Как бы то ни было, русско-татарское войско князя Василия Александровича взяло Карачев штурмом, а сам князь Святослав Мстиславич погиб [33]. Надо полагать, кроме Карачева русские и татары князя Василия опустошили и всю территорию Карачевского удела. Основные, наиболее густонаселенные земли Карачевского княжества находились к востоку от стольного города, а к западу между Карачевом и Десной тянулись обширные хвойные леса, пахотной земли и поселений здесь было мало. Восточную же часть княжения, где были более плодородные земли, простиравшиеся, вероятно, до самой Оки, усеивали многочисленные села и укрепленные боярские замки¹. Здесь же примерно на равном расстоянии от центра княжения (около 30 километров) располагались два наиболее крупных городских центра, мало уступающие столице, – Хотимль (к северо-востоку) и "Слободка" (к югу). Нет никакого сомнения в том, что после разорения Карачева русско-татарская рать брянского князя обрушилась и на них.

¹ Их остатками являются городища у сел и деревень Урицкого и Орловского районов Гусевское, Городище, Мерцалово, Титово-Мотыка, Гать, Надежда, Спасское (Погост Звенигородский) и др. В это же время в состав Карачевского княжества входили города Козельск и Болхов, но до них, вероятно, татары князя Василия не добрались.

И следы зверского погрома, обнаруженные археологами на слободкинском городище, по мнению автора, являются делом рук татар и, к сожалению, наших соотечественников из войска князя Василия Александровича, являя собой печальный памятник княжеских междоусобиц в стране, находившейся, кроме того, под чужеземным игом.

Другой вопрос, поднятый Татьяной Николаевной Никольской, – это имя погибшего города. По ее гипотезе, он назывался Волдыж [35]. Обосновывая свою версию, она опирается на два летописных сообщения 1146 года, в которых упоминается это название: первое "иде ис Поутиня на Севьско и на Волдыж, прсте бо бе ему (князю Изяславу Давыдовичу. – В.Н.) путь Карачевоу", и второе – "...пришедшимъ же им (князьям Изяславу Мстиславичу и Владимиру Давыдовичу) лес Волдыж и тоу бяхоуэт стали обедуоу..." [36].

Да, действительно, дорога, проходившая по трассе Рыльск – Севск – Карачев – Волхов и далее на Белев², была известна с древнейших времен и активно использовалась еще в начале XVIII века. Именно на ней, за Карачевом, у Десяти Дубов, Илья Муромец встретил Соловья-разбойника, после чего тот окрикнул и вынужден был совершить незапланированную поездку в Киев, где его встретили весьма гостеприимно. По этой же дороге в поход на Киев и Чернигов ходили рати Юрия Долгорукого. Впоследствии, в XVI–XVII веках, отрезок этой дороги между Рыльском и Волховом использовался крымскими татарами для набегов на Русское государство и получил прозвище "Свиного шляха"³.

² Этот путь был частью большой дороги, соединившей Северо-Восточные Русские земли (Ростовское, позднее Владимиро-Суздальское княжество) с Черниговской и Киевской землей.

³ А Свиная дорога от Рыльска до Болхова; а тою Свиною дорогою прихаживали Белогридацкие татарови на Рыльские, и на Карачевские, и на Волховские и на Орловские места, Бакай мурза, как Польских городов не было (имеются в виду города Белгородской черты, начатые возводиться в 1635 году. – В.Н.) [37].

Современный вид "Слободкинского" городища. Фото 1970-х годов.

Действительно, "Слободка" находится на этой дороге в одном переходе от Карачева и вполне может оказаться Болдыжем. Но дело в том, что Болдыж живет и здравствует поныне, только сейчас это село Болдыж в Дмитровском районе Орловской области, кстати, расположенное на той же самой дороге. В 1964 и в 1973 годах в этом районе Верхнеокская экспедиция (И.К. Фролов, Т.Н. Никольская) провела сплошное обследование местности в поисках древнего городища, но ничего подобного не нашла. Но зато здесь обнаружили обширное селище размером 300х400 метров, правда, XIV–XVII веков [38]. Тем не менее археологическая разведка – это не раскопки, и результаты она дает в прямом смысле поверхностные. Можно предположить, что культурный слой XII–XIII веков в Болдыже есть, только он погребен под более поздними отложениями. Да и само название села свидетельствует о его глубокой древности, восходящей, вероятно, еще к дославянским временам¹. Таким образом, можно предположить, что это тот самый Болдыж, который упоминается в летописи под 1146 годом, только не город,

¹ По В.И. Нерознаку, Болдыж – "Название, по всей вероятности, индоевропейского, возможно, балтийского происхождения [39]".

а село², причем настолько большое, что оно попало на страницы летописи в качестве географического ориентира. В летописи упоминается еще Болдыж лес, начинавшийся, вероятно, сразу за селом и простирившийся на достаточно большое расстояние³.

В результате, если принять гипотезу Т.Н. Никольской, у нас получается два населенных пункта с одинаковыми названиями – Болдыж-город и Болдыж-село, расположенные на одной дороге на расстоянии более 40 километров друг от друга и разделенные одноименным лесом. Надо признать, что подобная версия выглядит не очень убедительно, и вопрос о названии города на реке Навле пока остается открытым.

Надо сказать, что у автора есть своя гипотеза о вероятном названии этого древнерусского города. Безусловно, неопровержимых доказательств она пока не имеет (гипотеза есть гипотеза), что дает возможность всем интересующимся этим вопросом работать как над ее подтверждением, так и над опровержением.

² Впрочем, возможно, это было не село, а урочище.

³ По сообщению краеведа Н.М. Макарова, известны топонимы Болдыж лес и Болдыж овраг близ села Рыжково в Сосновском районе Орловской области. Это примерно в 30 километрах к северу от села Болдыж.

Итак, в конце XIII–XIV веков Карачевское княжество, как, впрочем, и другие феодальные владения, начинает дробиться на более мелкие уделы, что было вызвано разрастанием княжеских семей, вернее, их мужской части. Из рода Карачевских князей выделяются князья Козельские, Звенигородские, Мосальские, Волховские. Соответственно каждый князь получал прозвище по полученному или унаследованному им уделу, и названия стольных городов со временем становятся фамилиями княжеских родов. Кроме упомянутых выше Карачевские князья стали родоначальниками еще одной княжеской династии. У князя Мстислава Святославича (его отец, князь Святослав Титович, упоминается под 1377 годом) был сын Иван по прозвищу Хотет, ставший основателем новой княжеской ветви князей Хотетовских, получивших свой удел [40].

Город Хотет, или Хотетов, в русских летописях не упоминается, но это ничего не доказывает: по просторам Русской земли разбросаны сотни и сотни древних городищ, иногда весьма крупных, названий которых мы не знаем из-за отсутствия письменных источников, но ведь как-то в свое время они именовались! По мнению автора, "Слободка" – это древнерусский Хотетов, являвшийся стольным городом этого княжеского рода.

После разгрома Хотетова какие-то представители рода князей Хотетовских уцелели, в родословных книгах упоминается сын князя Ивана Хотета Михаил, в свою очередь имевший двоих сыновей – Ивана и Даниила.

Вероятно, в начале XV века в ходе русско-литовской войны 1406–1408 годов Карачевское и ряд других окрестных княжеств попали в руки Литвы. В результате многие князья были вынуждены либо привести присягу великому князю литовскому Витовту и тем самым сохранить свои владения, иногда в весьма урезанном виде, либо покинуть разоренные вотчины

и "отъехать" к великому князю московскому Василию I Дмитриевичу, приняв положение служилых князей, всецело зависевших от его милостей. Так, в 1408 году среди целого ряда князей и бояр Черниговских, Брянских, Стародубских и прочих, уехавших в Москву из Литвы, упоминается князь Михаил Иванович Хотетовский [41].

В Орловской области есть несколько сел и деревень, носящих имя Хотетово (в Орловском и Волховском районах), но к глубокой древности они никакого отношения не имеют – это царские пожалования и вотчины князей Хотетовских XVII–XVIII веков.

Среди исторических загадок Слободкинского городища автор выделил лишь две – о времени и обстоятельствах гибели этого города и о его названии, хотя на самом деле загадок гораздо больше и они не менее интересны; другое дело, что на них нет ответа. Кроме исторических загадок имеются и другие – архитектурные. Например, такая: археологи практически полностью вскрыли территорию детинца, но не обнаружили в нем постройки, являющейся непременной принадлежностью любого русского города – православного храма. Церковь имеет специфическую планировку, которую невозможно спутать ни с каким другим зданием, да и археологический инвентарь, найденный при ней, сразу же раскрыл бы культовый характер этого здания. Ну и, конечно же, захоронения. Но ничего этого в детинце не нашли. Тем не менее отсутствие церкви непосредственно в крепости вполне объяснимо. В малых древнерусских городах со сравнительно небольшим и густо застроенным детинцем собор часто ставили в околном городе, напротив крепости¹.

¹ Например, Рязань (Старая Рязань), Новосиль, Звенигород (Погост Звенигородский) и другие города. Позднее, при расширении детинца, его территория охватывала и часть околного города с собором. Церкви или часовни в детинце "Слободки" не было, но о наличии в доме феодала молельни или "красного угла" говорит заставка от книги (вероятно, богослужебной), а также глиняная иконка и бронзовая лампадка.

Это было вызвано, вероятно, как теснотой цитадели, так и соображениями безопасности. Сам детинец являлся своего рода замком феодала и бдительно охранялся, сюда пропускали только тех, кто здесь непосредственно жил, а также лиц, приглашенных лично хозяином. Лишь в военное время сюда стекалось все население городка. При наличии соборной церкви в детинце сюда получали доступ, поскольку нельзя было отказать в присутствии на богослужении, многие люди, в благонадежности которых владелец имел все основания сомневаться: местные крестьяне, посадские люди, приезжие купцы, наемные воины, ищущие службу, бродячие ремесленники, среди которых вполне могли затесаться и лазутчики. Переодетые разбойники и воины из соседнего княжества, спрятав оружие под одеждой, вполне могли попытаться овладеть замком и изнутри. При расположении же собора в околном городе все эти проблемы легко снимались. Сюда же, поскольку в слободкинском детинце не имелось ни церкви, ни часовни, ходил на службу вместе с семьей и челядью и здешний феодал. Таким образом, церковь в "Слободке" находилась, скорее всего, в околном городе, на территории, не затронутой раскопками.

Еще одним вопросом, вызывающим недоумение, является расположение ворот крепости. Дело в том, что детинец не имеет прямого сообщения с околным городом – его единственные ворота выходят к реке Навле. В результате во время осады оба его укрепления – детинец и околный город – оказывались фактически изолированы друг от друга, и в случае прорыва неприятеля в околный город посадскому населению пришлось бы выбегать

через речные ворота, дабы попасть на дорогу, поднимающуюся вверх, к воротам детинца. Врагу, который знал бы эту особенность укреплений "Слободки", достаточно было поставить здесь отряд воинов, и вряд ли кто-либо из населения околного города смог бы попасть в детинец. Кроме того, неприятель на плечах бежавших людей вполне мог ворваться непосредственно в ворота детинца. Без сомнения, это было весьма уязвимое место крепости, и если ее хозяин этого не понимал, то это было очень странно¹.

По мнению автора, обеспечить защиту отступающим защитникам посада мог дополнительный частокол, поставленный вдоль дороги от речных ворот околного города до ворот детинца, благодаря которому получился бы коридор, ограниченный с одной стороны крепостной стеной, а с другой – уходящим вверх склоном холма. Но это только гипотеза, раскопки на этом участке не проводились, и ни доказать, ни опровергнуть эту версию невозможно.

Древний русский город на реке Навле хранит еще много тайн и загадок, и остается надеяться на то, что когда-нибудь лопата археолога поможет раскрыть некоторые из них и новые исследователи полностью завершат изучение этого города, которое некогда блестяще начала, но так полностью и не закончила замечательный археолог Татьяна Николаевна Никольская.

¹ Историк архитектуры Гурий Викторович Борисевич в свое время участвовал в этих раскопках и выполнил прекрасные графические реконструкции "Слободки". В личной беседе автор обратил его внимание на этот "фортификационный ляп". Борисевич Г.В. полностью согласился с мнением автора, но каким-либо убедительным образом объяснить подобное упущение не смог.

КОРШЕВ (КОРШОВ, КОРШЕВА). XII–XIV ВЕКА

На окраине села Городецкое высится мощный крепостной вал сравнительно небольшого городища. По предположению автора, это остатки древнерусского¹ города Коршева, дважды отмеченного в летописях: в первый раз из-за эпидемии мора в 1362–1363 годах, а во второй раз в связи с разорением его литовцами в 1363 году. В третий раз под названием Коршов он упоминает в "Списке русских городов дальних и ближних" (ориентировочно 1390–1391 годы) [4].

Первую попытку локализовать Коршев предпринял академик М.И. Тихомиров. В своей статье "Список русских городов дальних и ближних" он писал: "Город Коршов показан в списке непосредственно после Курска, стоящим на Сосне"²,

¹ Принадлежность городища к древнерусскому времени подтверждена археологом С.Д. Краснощековой на основе подъемного материала.

² Это, безусловно, не Тихая Сосна, бассейн которой в состав Древнерусского государства не входил.

"Того же лета (1362–1363 годы. – В.Н.) бысть мор на люди в Орде, так пояду и пошел и по русским городом в Новосиле и в Коршеве, и в Брянске и по иным местом и на Колодне".

Русские летописи. Т. 6. Рогожский летописец, Тверская летопись [1].

"Того же лета (1363 год. – В.Н.) Литва взяла Коршеву".

ПСРЛ. Т. 11, 12. Патриаршая или Никоновская летопись [2].

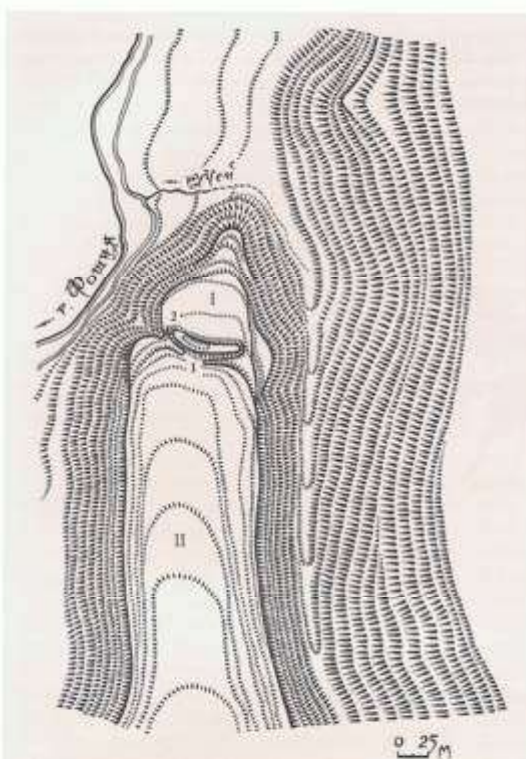
"А се Киевские зроби: ...Рылеск, Куреск на Тускоре, Коршовъ на Сосне".

Русские летописи. Т. 10. Новгородская летопись старшего и младшего изводов [3].

под которой, видимо, следует понимать Выструю Сосну, правый приток Дона. В летописи под 1363 годом говорится, что "Литва взяша Коршеву". Это сказано в связи с завоеванием литовскими войсками Синей Воды и Белобережья. Следовательно, Коршев должен был находиться в непосредственной близости от татарских земель, вероятно, где-нибудь в верховьях Выстрой Сосны, где мы его условно помещаем на карте, в районе поднейшего города Ливны" [5].

Наличие древнерусского городища у села Городецкое позволяет уже не условно, а точно локализовать его как город Коршев. Но, может быть, Коршев располагался где-нибудь в другом месте на реке Сосне, а перед нами остатки другого древнерусского города, название которого мы не знаем?

Попробуем проанализировать все известные сведения. Древнерусских городищ на реке Сосне известно всего девять:

План городища у села Городецкое Колыманского района Орловской области. Чертеж автора на основе инструментальной съемки Ю.В. Лариной (2009 год).
I. Детинец. 2 – въезд в детинец.
1 – ров и вал детинца; II. Посад.

одно в Городецком, другое, вероятно, было в самом городе Ливны, но до наших дней не сохранилось, третье в урочище Ключевка в 5 километрах от Ливен, четвертое – в Ельце, оно тоже не сохранилось¹. Еще три городища близ Ельца –

¹ Ориентировочно это территория Знаменского монастыря “на каменной горе” на речке Ельчик (по В. Горлову и А. Новосельцеву).

I и II Воргольское и Паженское – выпадают из нашего списка, поскольку датируются IX–X веками. Последние два городища – Лавское и Ольшанское – расположены в ближайших окрестностях Ельца, западнее и восточнее города, каждое примерно в 5 километрах от него [6].

Ни то, ни другое Коршевом, скорее всего, не были: небольшие размеры и близость к Ельцу позволяют предполагать, что это остатки феодальных замков. К тому же если бы сюда добрались литовцы, то, вероятно, в летописи появилось бы уточнение: “на Елец и елецские места”. Ключевка тоже выпадает из этого ряда: крошечные размеры и слабые укрепления позволяют охарактеризовать ее как маленький замок или укрепленную усадьбу, тяготевшую к Ливням. Вероятно, городище у села Городецкое – это все-таки Коршев.

Еще одно возражение на то, что данное городище – это Коршев, содержится в его расположении. Городецкое городище находится не на реке Сосне, а на речке Фощне, впадающей в 4 километрах от этого места в Сосну. Но летописную запись в данном случае не следует понимать буквально. В свое время археологи, руководствуясь сообщением Нестора из “Повести временных лет”, начали поиски поселений славян уличей и тиверцев на берегах Днестра: “а уличи и тиверцы сидели по Днестру и воле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились их города доныне; и греки называли их “Великая Скифия”. Так вот, когда провели сплошное обследование берегов Днестра, никаких следов славянских поселений там не нашли. Возникли даже сомнения в правдивости Нестора. Но когда исследователи углубились

в речные долины впадавших в Днестр ручьев и речек, то обнаружили многочисленные славянские поселения – городища и селища, наназанные на речки, словно бусины на нитку. Сказанное выше в полной мере относится и к древнерусским городам в Пососенье: Городецкому городищу (Коршеву), Ливнам¹, Ельцу, Паженскому, Воргольскому I и II городищам (три последних памятника – IX–X веков). Все они располагались не на устьях малых рек, впадавших в Сосну, а на довольно значительном расстоянии (от нескольких сот метров до нескольких километров) от них.

Подобная “посадка” малых городов имеет в древнерусском градостроительстве свое объяснение: “Малый городок выгодно было поставить на небольшой протоке так, чтобы он находился вблизи большой реки, но несколько в стороне от нее, не бросаясь в глаза”. Посадное город рос, приобретал более важное значение и перемещался на устье реки, для того чтобы контролировать водный путь по большой реке [7]. Так “переехали” на новое место такие города, как Елец, Ливны, Таруса, Полоцк и некоторые другие.

Итак, что же представлял из себя древнерусский Коршев? Его планировка типична для малых городов Древней Руси. Он располагался на высоком мысу при впадении в речку Фощню оврага. С приступной стороны треугольный в плане мыс перерезали ров и подковообразный в плане вал высотой около 5 метров (если считать со дна рва). Въезд в крепость помещался в западном углу, там, где вал загибался к обрыву над рекой Фощней. Подобное расположение ворот создавало большие трудности для неприятеля, рискнувшего их штурмовать: он не мог развернуться большими силами на тесном участке между

¹ В отношении города Ливны это предположение носит характер гипотезы.

Городище у села Городецкое.
Вид с внутренней стороны городища на крепостной вал.
Фото С.Д. Краснощечковой, 2009 год.

скатом холма и валом, к тому же к воротам необходимо было прорываться по мосту, подставляя под стрелы и копей защитников правый, не защищенный щитом бок. На валу и по гребню холма стояла частокольная или срубная стена с заборолом и несколькими башнями, вероятно, их было не меньше трех, может быть, больше. Общая протяженность деревянных стен городка составляла около 250 метров. Надо полагать, что его территорию занимали многочисленные складские и осадные клети местного населения, укрывавшегося здесь в военное время. Собственно жилищная застройка – посад и слободы занимали территорию довольно вытянутого мыса к югу от детинца. Вероятно, эта часть города имела свои укрепления, но весьма слабые, вроде частокола и мелкого рва. Особого военного значения эта стена не имела, ее назначением было задержать на некоторое время неприятеля и дать населению возможность запереться в основной крепости – детинце.

Эпидемия 1362–1363 годов сильно проредила население города и свела в могилу многих мужчин, потенциальных защитников города. Надо полагать, об этом хорошо были осведомлены литовцы, когда решили совершить набег на Коршев.

Археологические находки с городища. Фото С.Д. Краснощечковой. 2009 год.

Несомненно, коршевцы держали сторожи и “караулы отъезжие” – вряд ли городок на окраине Дикого поля смог бы просуществовать до середины XIV века, если бы не берегся от многочисленных кочевнических шаек, рыскавших по степи, но от нападения литовцев это его не спасло. Есть и другая версия: Коршев был нужен ордынцам как перевалочный пункт в торговле с Русью, поэтому они его не трогали, возможно, здесь находилось необходимое им производство. В конце концов, городок просто мог находиться под ордынским протекторатом: сидели же в Туле несколько раньше этого времени баскаки ханши Тайдулы [8]. О возможной связи Коршева и Орды косвенно свидетельствует и порядок записей в Никоновской летописи: сразу же после сообщения о взятии литовцами Коршева в летописи говорится: “Того же лета князь великий литовский

Ольгерд Гедиминович Синою Воду и Белобережье повоюет” [9]. Это было знаменитое сражение при Синоих Водах¹, в котором Ольгерд нанес чувствительное поражение ордынцам. В последний раз Коршев значится в “Списке русских городов дальних и ближних” (1390–1391), но, вероятно, уже задним числом, скорее всего, к этому времени он уже давно не существовал.

И в заключение несколько слов о возможной владельческой принадлежности Коршева. В “Списке русских городов...” он назван Киевским городом, но это явная ошибка – перед Коршевым в списке идут Рыльск и Курск, которые надревле входили в Новгород-Северское княжество. М.Н. Тихомирнов назвал Коршев черниговским городом, но это, скорее всего, тоже

неверно: до черниговских владений на Верхней Оке и до Новосиля от Коршева около 80 километров по прямой, и, безусловно, он не мог существовать таким изолированным анклавом. Зато принадлежность Коршева Рязани, а затем Ельцу гораздо более вероятна. Нижнее и Среднее Пососенье с Ельцом надревле являлись рязанским владением. Ливны, если верить “Синодику рязанских князей”, первоначально входили в Рязанское княжество, а затем, согласно записи в Пискаревской летописи “Елецких князей вотчина Ливны” [10] – в Елецкое княжество. От Ливен же до Коршева по реке Сосне всего около 30 километров. Надо полагать, что Коршев являлся самым западным опорным пунктом в Пососенье сначала Рязани, а затем Ельца.

¹ Район среднего течения Южного Буга.

ВОРОТЫНСК (СТАРЫЙ ВОРОТЫНСК). XII–XV века

“Тогда приеха к Святославу Ольговичу с[ы]новец его С[в]ятослав Всеволодич и целова к нему хрест, тогда же прида ему 3 городы, а Сновск себе, отья, и Корачев и Воротинск, зане бе его отступил: и поиде Святослав Ольгович [к] Сновску”.

Ипатьевская летопись. 1155 год [1].

“Вероятность догадки о более раннем сравнительно с нынешним заселением местности села Воротынцева подкрепляют ясные следы очень древнего кладбища и остатки городища, находящегося на так называемой Никитской горе, в $1/2$ версте от нынешнего поселка. Это городище имеет форму треугольника и занимает пространство приблизительно в 400 кв[адратных] саж[ень]. С севера оно было обнесено двумя параллельными земляными валами, с воротами в середине, остальными же двумя сторонами круто спускалось к р. Зуше и в верх под названием Булинка”.

Малицкий П.И. [2].

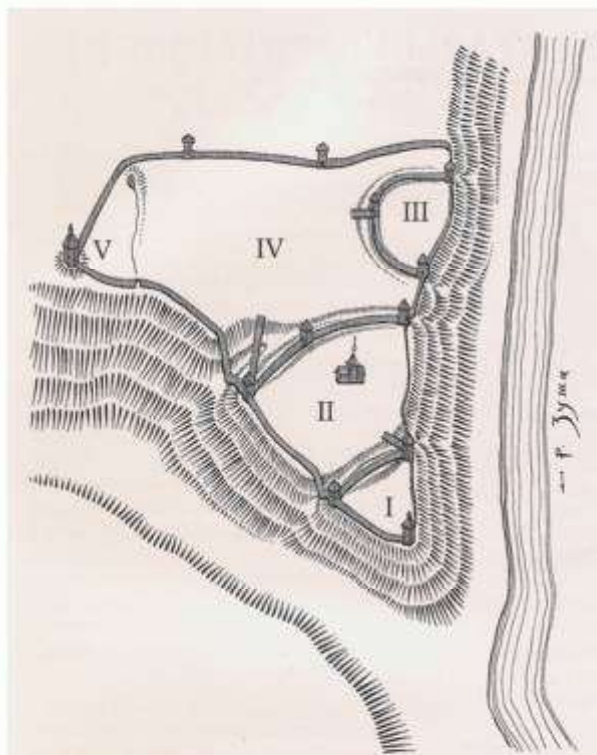
Внушительные земляные валы, высящиеся на высокой¹ горе за рекой Зушей напротив села Воротынцево, являются остатками древнерусского города Воротынска (Воротинеска)². Он располагался в 6 километрах от Новосиля по прямой и

¹ Местное население в настоящее время называет это место “Земной горой” из-за множества обитающих на ней ушей и гадюк.

² По мнению ряда калужских краеведов и археологов, Воротынск (имеется в виду Старый Воротынск) находился на территории Калужской области, и его привязывают к тому или иному городищу на ее территории. Автор в данном случае присоединяется к мнению И.К. Фролова, который локализует Старый Воротынск с городищем у села Воротынцево Новосильского района Орловской области.

в 16 километрах, если следовать к нему вдоль берега Зуши. Благодаря столь близкому соседству история Новосиля и Воротынска, а также их жизнь, были тесно связаны друг с другом.

Предположительно Воротынск являлся более древним поселением, нежели Новосиль, что явствует из названия последнего. Первое свидетельство о Воротынске относится к 1155 году (тогда же в летописях упоминается и Новосиль) и связано с заключением союза между князьями Святославом Всеволодовичем и Святославом Ольговичем, причем последний пожаловал своему племяннику (“сыночку”) Святославу Всеволодовичу города Воротинеск и Карачев [3]. В XII–XIII веках город входил сначала

Система укреплений города Старого Воротынска. XIV век.

I. Детинец.	IV. Посад.
II. Окольный город.	V. Башня для защиты родника.
III. Княжеский двор (замок).	

Реконструкция гипотеза автора.

в Новгород-Северское, а позднее в Черниговское княжество. После гибели в Орде в 1246 году черниговского князя Михаила Всеволодовича и раздела отцовского княжения его сыновьями на более мелкие владения Воротынск вошел в состав Глухово-Новосильского княжества. По-видимому, в конце XIII века из Новосильского княжества выделился Воротынский удел, а родоначальником династии князей

Воротынских стал князь Федор Юрьевич, сын Юрия Романовича Новосильского и правнук Михаила Черниговского.

Из древнерусских городов на территории Орловского края Воротынск имел, пожалуй, наиболее сложную планировочную структуру. Город высился на высоком мысу (до 30–32 метров) правого берега р. Зуши при впадении в нее глубокого оврага и состоял из нескольких частей. На самой оконечности мыса находился треугольный детинец размером 69х80 метров, укрепленный с напольной стороны земляным валом высотой до 3-х метров и рвом аналогичной глубины. На валу в древности стояла деревянная стена с башнями. С северо-запада к детинцу примыкал трапециевидный в плане окольный город (165х93 метра), также укрепленный валом (высотой до 2-х метров), рвом (1–1,5 метра) и деревянной стеной. Вероятно, в XIV веке севернее окольного города на скалистом берегу Зуши было возведено еще одно округлое в плане укрепление диаметром 42 метра, надо полагать, являющееся остатками княжеского

двора (замка), окопанного рвом (1 метр), валом (2 метра) и некогда обнесенного деревянной стеной с башнями. К северо-западу от окольного города и княжеского двора располагался обширный посад, возможно, также имевший свою линию укрепления, но гораздо более слабую, типа часток-кола или надолб. Ее остатком является курганообразная насыпь, предположительно основание мощной деревянной башни,

Вид Воротынского городища со стороны реки Зуши. Фото 1960-х годов.

защищавшей струившийся рядом с ней родник [4]. На посаде находилась деревянная церковь, от которой осталось старое кладбище [5]. В 5 километрах к северу от Воротынска на берегу р. Зуши у деревни Мужиково сохранилось еще одно округлое в плане городище XII–XIV веков, являющееся, по-видимому, остатками загородного княжеского замка или укрепленной боярской усадьбы.

В 1375 году татары хана Мамая в отместку за участие новосильского князя Романа Семеновича в походе великого князя московского Дмитрия Ивановича на Тверь сожгли Новосиль и "землю новосильскую всю пусту сътворили" [6]. Князь Роман вынужден был перенести столицу княжения дальше на север, в Одо-ев, подальше "от насилия татарского",

Вид с Воротынского городища на реку Зушу и село Воротынцево. Фото С. Ветрова. 2005 год.

Осадный пруд на Воротыньском городище.
Фото С. Ветрова. 2005 год.

Вероятно, тогда же татары разгромили и Воротыньск, князя которого постигли как и князь Роман – перенесли свой стольный город на север в глубь лесов, на территорию современной Калужской области, где основали город, также получивший название Воротыньск, или, в отличие от старого, Новый Воротыньск¹. В очередной раз Старый Воротыньск разорили во время войны 1406–1408 годов литовцы князя Витовта², тогда же Одоєво-Новосильское княжество перешло под сюзеренитет великого князя литовского.

В 1480 году ордынский хан Ахмат, возвращаясь после аласчастного для него “стояния на реке Угре”, в отместку за неказание ему помощи польским королем Казимиром IV, состоявшим с ним в союзе, опустошил подвластные ему Верховские княжества: “А всего в Литовской земле стоял 6 недель, а градов Литовских пленил: Мчненск, Белев, Одоєв, Перемышль, два Воротыньска старои да новои,

¹ В настоящее время село Воротыньск.

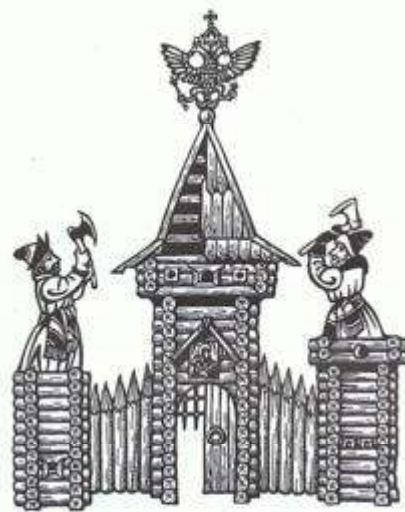
² Данный факт является предположительным.

два Залидова, старои и новои, Опаков, Серенеск, Мезыск, Коделеск. А всех городков плени 12... ” [7]. Впрочем, ни одного города Ахмат “милостью Божьею не взял”, но зато жестоко опустошил их окрестности – “волости все плени и полон вывел”. Вероятно, эти обстоятельства – разорение сельскохозяйственной округи и угон в полон крестьян – привели к упадку Старого Воротыньска, лишившегося значительной части кормившего его населения. Окончательно он запустел, надо полагать, в конце XV века, вскоре после начала русско-литовской войны.

Вновь Воротыньск упоминается в Писцовой книге 1614–1615 годов, но уже не как город, а как пригородная новосильская казачья слобода Воротыньцова. Слобода располагалась под Большим Новосильским лесом и в то время насчитывала 15 казачьих дворов, “а людей в них тож” [8]. Новое поселение разместилось не на древнем городище, а на противоположном низменном и более удобном для жизни и земледелия месте. Со временем казаки поставили и деревянную церковь во имя Михаила Архангела. В 1759 году прихожане вместо старого возвели новый деревянный храм в то же имя. Он простоял целое столетие и был заново срублен в 1858 году, а в 1885 году в нем устроили придел во имя Вознесения Господня [9]. К сожалению, до наших дней эта церковь не сохранилась.

В настоящее время только мощные земляные валы и вросшие в землю древние могильные плиты напоминают о стоявшем на этом месте древнерусском городе.

ГОРОДКИ И ОСТРОЖКИ КОМАРИЦКОЙ ВОЛОСТИ. 1646 год

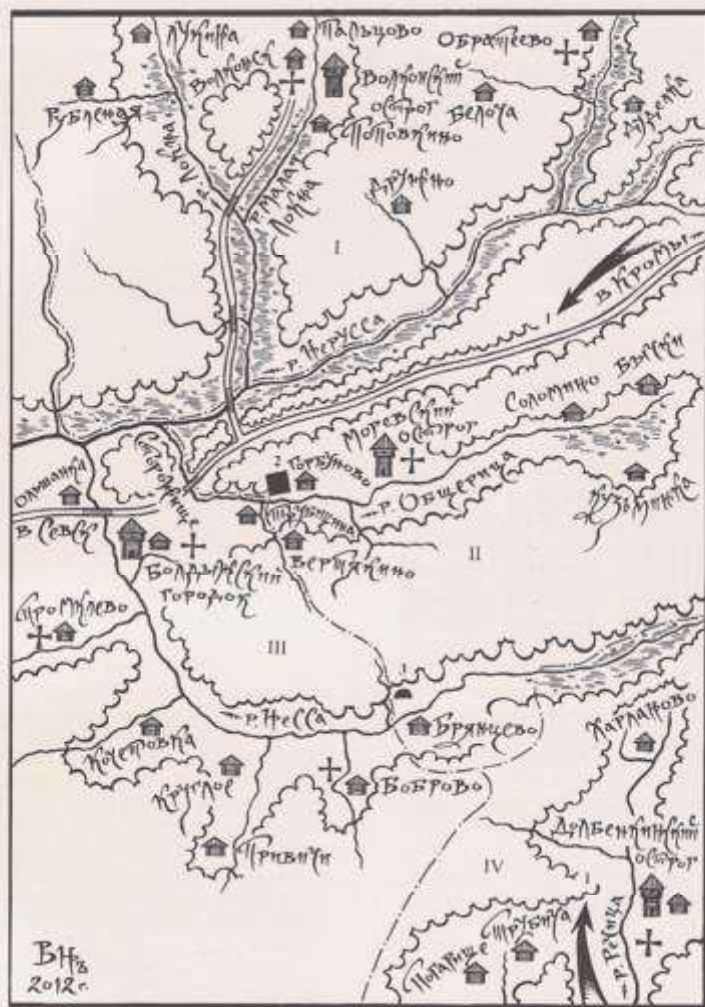
В XVI–XVII веках в Комарицкой волости, центром которой являлся город Севск, располагались многочисленные вотчины, принадлежавшие царской семье. Будучи пограничной, волость часто подвергалась нашествиям крымских татар, проникавших в нее по Свиной дороге (Путиаль–Рыльск–Севск–Карачев–Волхов). Особенно сильный набег, во время которого волость подверглась жестокому опустошению и понесла серьезные потери людьми, последовал в августе 1644 года, когда татары “повоевали” здесь 17 деревень и овладели четырьмя острожками. Крестьяне собирались отсидеться от крымцев по деревням, и татары забирали их в плен по 5, 6, 10 и 20 человек в деревне.

“И я (воевода Замятня Леонтьев. – В.Н.), холоп твой, по твоему государеву указу (царя Алексея Михайловича. – В.Н.) и по роспросу комарицких дружнов, устроил в Комарицкой волости три городка да восемь острогов, где пригоже, для того, что г[осу]д[а]рь, Камарицкая волость сидит в розни (обширна. – В.Н.), а болши, г[осу]д[а]рь, того в Комарицкой волости городков и острогов строит я, холоп твой, не смел, для того что мне, холопу твоему, в Комарицкой волости многих городков и острогов строит не указано”.

Из отписки севского воеводы
З.Ф. Леонтьева. 15 июля 1649
года [1].

Только в Краснопольском острожке, где пыталось укрыться местное население, татары пленили около 1000 человек. Зимой 1645 года крымские татары появились в Комарицкой волости вновь – они воевали деревни Старшую, Клиньцы (20 декабря), Болдыж, Нерусу, Толстодубову (23 декабря), и тот же день татары безуспешно пытались взять приступом острожек в селе Розветье [2].

Поскольку одной Севской крепости для защиты обширной волости оказалось недостаточно, правительство решило поставить в местах наиболее многолюдных и удаленных от Севска цепь небольших крепостей, что и было осуществлено в 1646 году силами местного населения под руководством севского воеводы Замятни

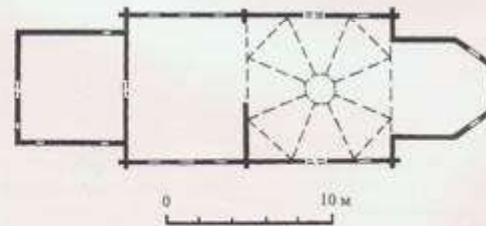
Схематический план восточной части Комарицкой волости с показанием укреплений и поселений.

Пунктирами показаны примерные границы "военных округов":

I. Волконского острога.	IV. Долбенкинского острога.
II. Моревского острога.	1 - основные направления вторжения крымских татар;
III. Болдыжского городка.	2 - место учреждения в 1778 году города Дмитровска;
	3 - заброшенное древнее городище.

Церковь Рождества Богородицы в селе Волконск Дмитровского района Орловской области. 1769 год. Реконструкция автора.

План церкви Рождества Богородицы в селе Волконск. По В.И. Плужникову.

Церковь Рождества Богородицы в селе Волконск. Фото 1980-х годов.

Леонтьева [3]. Крепости были оснащены присланным из Москвы ружейным и артиллерийским нарядом, а для самообороны и охраны укреплений из крестьян сформировали три драгунских полка по шесть рот в каждом (всего в трех полках 5 тысяч 100 человек). Кроме того, майор Циклер привез “к драгунскому строю” двадцать медных труб “с муштуки” и белое знамя из камки “набито золотом” [4]. К 1653 году количество полков увеличилось до четырех, а рот до 48 (по 12 в полку). Впрочем, их численный состав был пока далек от штатного, вместо 300 “во всякой роте драгунов по 120, и по 130, и по 160 человек”. Для командования и обучения драгун прислали русских и немецких начальных людей – полковников, майоров, капитанов и поручиков. Кроме того, было востребовано недостающее вооружение: 600 пищалей с замками, 60 барабанов, 5600 бандельеров,

148 протазанов и столько же алебард (для офицеров), 46 труб [5].

К новопостроенным городкам и острожкам приписали определенную сельскую округу, жители которой могли укрываться в них во время “татарской войны”, а также должны были поддерживать их в обороноспособном состоянии. В военно-административном отношении крепости подчинялись севскому воеводе. Всего возвели три городка и восемь острогов: в Чемлыжском стане – Пьяновский (Пьяновский городок); в Радогощском стане – Радогощский городок, Волдыжский городок, Выховский острог, Десятинский острог, Моревский острог, Черемошенский острог, Долбенкинский острог, Гваньский (Гваньский) острог; в Глодиевском стане – Волконский и Иванидинский остроги [6]. В Москву был отослан чертеж Комаришской волости с показанием городков и острогов и приписанных к ним сел

и деревень, к которому прилагалась его опись¹. Не вдаваясь в рассмотрение тех городков и острогов, которые находились на территории современной Брянской области (Пьяновский и Радогощский городки, остроги Выховский, Десятинский, Черемошенский и Иванидинский) и в Курской области (Гваньский острог), познакомимся с теми укреплениями, которые располагались на территории Орловской области. Это Волдыжский городок, Волконский, Моревский и Долбенкинский остроги.

Волдыжский городок стоял на высоком берегу Неруссы в селе Волдыж (Балдыж) в 50 верстах к востоку от Севска. Периметр рубленых стен городка составлял

¹ К сожалению, этот чертеж, вероятно, утрачен, поскольку в фондах РГАДА обнаружен не был. Опись к нему уцелела и находится в том же архиве (ф. 210. Столбы Белгородского стола. Стб. 374. Л. 216–223).

92 сажени (около 200 метров). Точное его местоположение сейчас неизвестно. К городку были приписаны следующие села: Болдыж (54 двора), Боброво (29 дворов), Промклево (41 двор) и деревни: Ольшонка (27 дворов), Трубицина (24 двора), Тонкино (25 дворов), Привичи (6 дворов), Круглая (29 дворов), Кочетовка (31 двор) – всего 9 сел и деревень и 266 дворов [7].

Волконский острог располагался на берегу реки Локны в селе Волконск в 70 верстах к востоку от Севска. Укрепленный городок или замок Волконск был сооружен, вероятно, в XIII–XIV веках и являлся одной из крепостей и волостных центров Брянского княжества. Первое же упоминание о нем относится к 1504 году и содержится в Духовной грамоте великого князя московского Ивана III: “Да сыну же своему Юрью даю город Брянск с волостями..., да волости... Пьянова, Волконск” [8]. Замок Волконск был построен

Церковь Рождества Богородицы в селе Волконск. Фото 1980-х годов.

Церковь Св. Дмитрия Солунского в селе Мореве. Около 1705 года. Фото В.М. Ромашова. 2011 год.

Оконный наличник церкви Св. Дмитрия Солунского в селе Мореве. Фото В.М. Ромашова. 2011 год.

в соответствии с древнерусскими градостроительными традициями. В плане он представлял округлую крепость площадью около одного гектара. С запада, северо- и юго-запада его защищала болотистая долина реки Локны (в настоящее время запружена), а с востока ров и полукруглый земляной вал высотой около 4-х метров, на котором некогда стояла деревянная стена с башнями. В 1646 году на валах брошенного к тому времени древнерусского городища поставили острог, периметр стен которого составлял 124 сажени (немногим более 250 метров). К острогу приписали села Волконск (27 дворов) и Обратеево (11 дворов), а также деревни: Поповкино (12 дворов), Пальцово (27 дворов), Могиличи (12 дворов), Дудилка (29 дворов), Белоча (17 дворов), Дружны (12 дворов), починки Казанский (3 двора), Рубленая (18 дворов), Лукина (6 дворов) –

Церковь Обновления храма Воскресения Христова в селе Долбенкино. 1805 год. Фото В.М. Ромашова. 2011 год.

всего 11 сел и деревень с 174 дворами [9]. Волконское городище достаточно хорошо сохранилось до наших дней и является памятником археологии [10].

Моревский острог стоял на высоком берегу реки Общерицы в 60 верстах к востоку от Севска. Периметр его острожных стен составлял 41 сажень (немногим менее 100 метров). Никаких его остатков в селе Мореве не сохранилось, предположительно он находился к западу от церкви Св. Дмитрия Солунского, на высоком мысу при впадении в реку Общерицу оврага. К острогу были приписаны село Мореве (36 дворов) и деревни Соломино (29 дворов), Вычки (16 дворов), Кузминка (15 дворов), Вранцево (14 дворов), Горбуново (24 двора), Вертякино (20 дворов) – всего 6 сел и деревень с 139 дворами [11].

Долбенкинский острог располагался на высоком берегу реки Речицы в селе Долбенкино в 70 верстах к юго-востоку от Севска. Периметр острожных стен составлял 98 сажень (около 200 метров). Точное место его расположения неизвестно, вероятно, он находился к северу от церкви Обновления храма Воскресения Христова, за оврагом, на высоком мысу. К острогу были приписаны село Долбенкино (43 двора) и деревни Харланово (19 дворов), Студенок (26 дворов), Погаричи (16 дворов), Чернякова (38 дворов) и слободка Трубича (21 двор) – всего 1 село, 4 деревни и 1 слободка с 163 дворами [12].

К концу XVII века Комарицкие городки и острожки утратили военное значение, обветшали и постепенно развалились, а их остатки местные жители растащили на дрова и иные надобности.

УЕЗДНЫЙ ГОРОД ДЕШКИН. 1778–1798 ГОДЫ

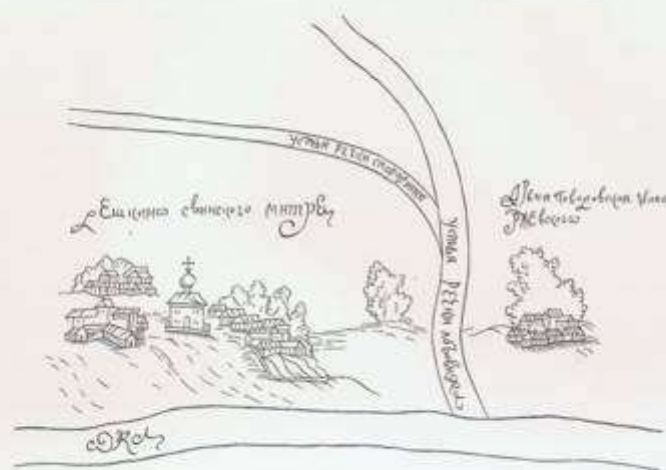
“Дешкин. Также сперва монастырское, после экономическое, а потом в 1778 году городом учиненное село, стоит на ровном и красивом месте, на левом берегу Оки пониже губернского города Орла верстах в 50, где река уже довольно глубока, так что суда во всякое время ходят уже беспрепятственно. Строение в нем небольшое, деревянное, дворов до 70 и одна деревянная церковь во имя Дмитрия Солунского чудотворца. Жители по большей части хлебопашцы, числом до 230 душ мужеска полу, прочее ж для жизни нужное получают из Мценска, а сверх того ходят и на судах вниз по Оке до Москвы и в другие низовые города. В городе сверх присутственных мест имеется еще соляное комиссарство, доставляющее соль во все города бывшей Белгородской губернии; для хранения оной построены 11 амбаров”.

Василий Зуев, 1781 год [1].

Время основания деревни Дешкино неизвестно. Вероятно, она возникла еще во второй половине XVI века, когда под защитой крепостей Мценска и недавно основанных Болхова (1555 год) и Орла (1566 год) началось освоение опустевших земель в верховьях Оки. В Писцовой книге Руцкого стана Белевского уезда (1627–1631 годов), в состав которого входила в то время эта территория¹, говорится, что ранее здесь была слободка “под Долгим болотом” [2]. Вероятно, поселение обезлюдело в годы Смуты (1604–1612). После окончания дикой охоты деревня стала возрождаться, но медленно. В Писцовой книге отмечено, что большая часть здепших пахотных земель поросла лесом.

¹ В настоящее время – Мценский район.

Деревня Дешкино в то время имела трех владельцев. Первый – это стольник Василий Кузьмич Безобразов, которому это поместье досталось от отца, и его право владения было подтверждено записью в Приправочной книге 1615–1616 годов и грамотой царя Михаила Федоровича от 1622 или 1623 года. Кроме того, за участие в обороне Москвы в 1618 году от войск королевича Владислава (будущий польский король Владислав IV) земельные владения В.К. Безобразова в Руцком стане были расширены: ему пожаловали деревню Уткино. Впрочем, в Дешкинской доле вотчинника крестьянских дворов не было, только пахотные угодья, да и то большая часть их поросла лесом [3].

Фрагмент чертежа части Белевского уезда с изображением принадлежавшего Брянскому Свенскому монастырю села Дешкино. 1721 год. РГАДА. Прорис автор.

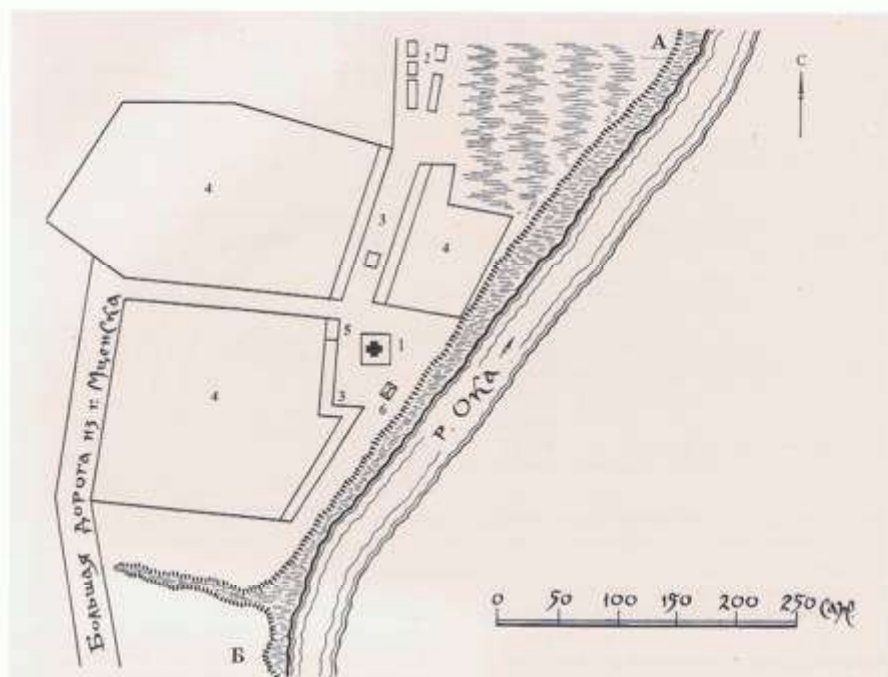
Вторым владельцем Дешкино являлся Петр Иванович Юшков, которому принадлежало здесь несколько дворов: “...на его Петрове половине двор прикащиков Ивашки Васильева, да [двор] людской (челядинца. – В.Н.) Нефедки Матвеева, да крестьянин [двор] Илошки Кузь[ь]мни да Петрушка Анавьян, да с ним Карпушка Лук[ь]янов с зятем с Иваном Андреевым, да бобыльских дворов: [двор] Олфимко Кирыяков с братом с Сен[ь]кою Павловым да Куземка Чемарда, [двор] Олешка Семенов да Валька Иванов, прозвище Шаболлев, двор пугет крестьянской Ромашка Иванова да Максимики Ларионова, сошли безвестно в 1738 году (1629–1630 годы. – В.Н.)” [4].

И наконец, третьим владельцем села Дешкива был Брянский Свинский¹ монастырь. Когда обители пожаловали кусок здепшей землицы или у кого она приобрела

его, неизвестно. Вероятно, это произошло еще до Смуты. Монастырская вотчина в Руцком стане была довольно большой. Ее центром являлось село Студенинково на речке Козелне, где стояла построенная монахами деревянная “клецкая” церковь Успения Богородицы. Здесь же находился монастырский двор, где проживали представители обители, а также располагалось несколько крестьянских дворов. Позднее, когда по Оке открылась навигация и начали ходить суда, центр управления вотчиной переместился в более выгодное расположенное Дешкино.

Кроме того, в состав монастырских владений входили еще деревня Остафьевы Станы, Комелева тож, на речке Шеревке; пустошь, “что была деревня Тишкова, а Братово Селище тож, на черной грязи”; еще одна пустошь, “что была деревня в Кобыльях Лугах, на дубовых мостках”, и деревня Протиревская, Дешкино тож, на речке Любовиже. В ней находились “двор служий (монастырского служки. – В.Н.) Фильки

¹ Получил свое название по реке Свинь, впадавшей в Десну. Поднялся, по причине неблагоприятности названия, был переименован в Свенский.

План города Дешкина с поселенными при нем слободами. 1789 год. РГАДА. Прорись автора.
Изъяснение плана:

1. Церковь деревянная;	4. сады и огороды;
2. соляные амбары;	5. каменный питейный дом;
3. строения деревянные разных чинов людей;	6. кузница.

Описание смежных земель: "От А до Б – за рекою Окою земля деревни Вороновой владения майора Михайлы Афанасьева сына Гринева с прочими. От Б до А – городская незаселенная земля.

Подписи: статский советник... (неразборчиво, – В.Н.);

ассессор Федор Поповцов; поручик Николай Бобков; секунд-майор Михайло Малышев.
Свидетельствовал в должности землемера помощник Матвей Потрохов".

Семенова, да крестьянин [двор] Андриюшка Афонасьев, да боб[ыльских] дворов: [двор] Фед[ь]ка Афонасьев, [двор] Никифорка Куз[ь]мин, да пустых дворов крестьянских: Истомка Семенова, а Истомка сшел в мир кормиться в 7133 году (в 1624–1625 годах. – В.Н.), [двор] п[уст] Филыка Иванова, [двор] п[уст] Федька Васильева; и те крестьяне и бобыли сошли безвестно в 7133 г." [5].

Всего в селе и трех жилых деревнях насчитывалось: "двор монастырской, да двор приказчиков, да два двора людских (челюди. – В.Н.), да 13 дв[оров] крестьянск[их], а людей в них 17 человек, да 19 дв[оров] боб[ыльских], а людей в них тож". Еще пять крестьянских и бобыльских дворов стояли пустыми [6].

Со второй половины XVII века внешне ничем не примечательное село, раскинувшееся на берегу Оки, приобретает важное значение. В "Топографическом описании Орловского наместничества" от 1787 года написано: "Знаменито оно было тем, что тут уже река Ока становится глубже и всякия суда ходят во всякое время [года] без всякой другой помощи, также и запасными соляными магазинами (складами. – В.Н.), ибо до сего села суда, солью нагруженные на волне тинутыя вверх ею и потом Окою рекою и дошед до сего места выгружают, а оттуда уже сухим путем развозится в прочие города бывшей Белгородской губернии ..." [7].

Крупный торговый, а позднее провинциальный центр Орел находился выше по течению, и судоходство с Орловской пристави было возможно в считанные недели весеннего половодья, и поэтому торговые обозы со всяким товаром потянулись в Дешкино – первый постоянный судоходный пункт в верховьях Оки. И тот, кому принадлежали здесь земли, имел с этого доход, и весьма немалый.

Одной половиной Дешкино во второй половине XVII века владели думные дворяне братья Ловчиковы Иван и Степан, другой – стольник Андрей Ильич Безобразов. Безобразов имел на Оке возле Дешкино пристави и перевозки и стремился овладеть левым берегом Оки в этом месте, приобретая земли у мелкопоместных детей боярских. Ловчиковы же, в свою очередь, стремились оттереть Безобразова от берега, не брезгуя при этом никакими средствами.

В 1686 году приказчик Безобразова Марк Дмитриев писал своему господину: "Да ведомо тебе, государю, буди, – думных дворян Ивана да Степана Богдановичев Ловчиковых человек их, которому приказана деревня Дешкина с деревнями... запахал берег к Оке реке, где ваш боярский перевоз ходит, и крестьян... перевозчиков из лука перестрелял, паром хотят изрубить и посадских людей от перевозу отбили, на свой перевоз велют ездить

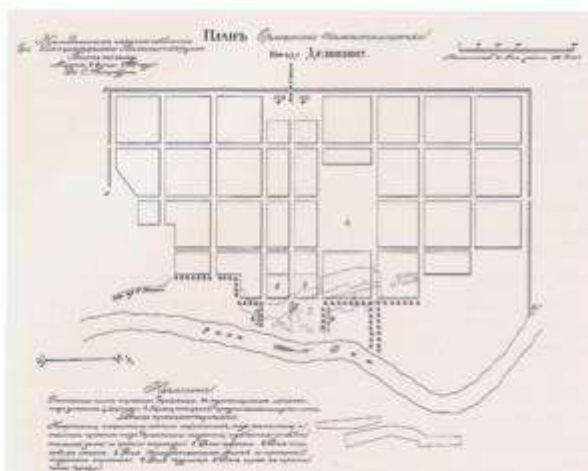
бодловичам, и дорогу на ту сторону к тому берегу не дают" [8].

Приказчики А.И. Безобразова стремились и сами поживиться за счет "струговщиков". Например, многие из последних жаловались Безобразову на приказчика Афанасия Казакова, который собирал "на себя" "причальные" и "отчальные" деньги. Этот же приказчик взимал еще с купцов и деньги за "почесть". Он зазывал их к себе домой и "заставлявал с женою своею насильно целоваться". Тех, которые подносили после этого его супружнице алтын, он потчевал. Тех же, кто почесть оценивал дешевле, он "бил по шее".

Немногим отличались от безобразовских и ловчиковские приказчики. Один из них, например, звал к себе в гости приплывшего со стругом "москвитина" Моисея Столыпина и избил его мало не "смертным боем", приговаривая: "Не становися де на пристави Андрея Ильича, становися де у нашей пристави..." [9].

Пока Безобразов и Ловчиковы вели бесконечные тяжбы, таская друг друга по судам, их люди – приказчики и крепостные крестьяне, поощряемые своими господами, устраивали между собой настоящие побоища, после которых побитых развозили на телегах по домам, а кое-кого на местный погост.

В начале XVIII столетия Дешкино становится селом. Строителем и наместником монастыря Варсонофием в нем в 1734 году возводится деревянная "изрядной работы" церковь Св. Дмитрия Солунского [10]. Для управления монастырскими вотчинами, в число которых кроме Дешкино входило село Студеншиково, деревни Соинна, Дубовая, Калинеева и Тимкова, к "приезду монахов" в селе построили монастырский двор размером 30х29 сажен, состоявший из нескольких жилых горниц и келий с изразцовыми печами, "калуужского мастерства". Кроме того здесь находилась ряд хозяйственных построек: шесть житниц, два каменных погребя, ледник, баня, поварня и прочие постройки, потребные

План Орловского наместничества городу Дешкину.
Прорис А.В. Седых. Надписи на плане: "Состоящее ныне строение;
деревянное в пунктирных линиях.
Под знаком + церкви.

А – овраг, который предполагается засыпать:

- 1 – для церкви;
- 2 – для торговых лавок;
- 3 – для присутственных мест и прочего казенного строения;
- 4 – для кузниц;
- 5 – вал и ров к ограничению города".

для монастырского хозяйства. Все они были крыты частью дранью, частью соломою, и, по словам поручика Сибирского пехотного полка Ефима Одоенцева, "в котором году [монастырский двор] построен, о том за много прошедшими годами неизвестно" [11].

Первое изображение села Дешкино и его окрестностей имеется на чертеже части Белевского уезда 1721 года [12]. В центре села весьма схематично нарисована церковь Св. Дмитрия Солунского. С левой стороны от нее показаны длинные постройки типа сараев и амбаров, вероятно, это двор Свиного (Свенского) монастыря, а справа – крестьянские избы со спускающимися к реке Оке огородами.

Чертежник попытался изобразить сельские постройки с учетом перспективы: такой вид на них открылся бы с противоположного берега реки Оки. Подобные изображения в русской чертежной графике начала XVIII века встречаются очень редко. С правой стороны в Оку впадает речка Любовижа (Любовжа), в которую, в свою очередь, вливается речушка Смородина. На противоположном берегу Любовижки видны избы деревни Поводовская, принадлежавшей помещику Ивану Ржевскому.

В 1743 году в Дешкино учредили соляное комиссарство, поскольку соль являлась одним из основных грузов, сплавлявшихся по Оке, и для ее хранения здесь построили более десятка магазинов (складов). В 1764 году, когда земельные владения многих монастырей были реквизированы в пользу государства, та же участь постигла и село Дешкино, и оно перешло под ведомство Коллегии Экономии, заведовавшей имениями, конфискованными у духовных лиц и монастырей. В 1778 году Дешкино по указу Екатерины II учредили уездным городом Орловской губернии. При этом главным образом исходили из того, что "сей город подает надежду, что умножась будет торговлею и всякими выгодами по авантажному его положению, исходящему от того, что он водяной ход имеет не только беззужный, но и прейзобильной воде и по близости ево хлебобродных места, каковы суть: Чернь, Ефремов, Новосиль, Ливны и Елец" [13].

Кроме того, многие из жителей "упражнялись" в том, что ходили на судах "вниз по Оке-реке до Москвы, а иногда и Нижнего-нова города" [14].

Новоиспеченный город имел одну улицу, извилистой линией протянувшуюся вдоль берега Оки, по обеим сторонам которой были разбросаны 64 двора, а также 11 соляных амбаров, питейный дом и стойку (прилавок). Жителей в нем состояло "купцов, мещан, церковнослужителей, приказных и прочих разночинцов" 230 душ мужского пола. В городке были учреждены соответствующие органы уездного управления: присутственные места, суд, дворянская опека, нижний земский суд, правление городническое и казначейское, "кои по образцу Всеысочайшаго учреждения изданнаго в 7 день ноября 1775 года открыты здесь в 1779 году февраля 1 дня правления Советником господином бригадиром Шеншиным" [15].

Дешкино пожаловали также герб и регулярный план. Герб города был "высочайше утвержден" 16 августа 1781 года. В верхней его части изображался герб Орловский, а в нижней – "летающий ястреб, в голубом поле; по причине той, что сего рода птиц в окрестностях сего города весьма много" [16]. Регулярный план города, долженствовавший сменить деревенскую застройку, был довольно красив. Он представлял собой прямоугольник, вытянутой стороной обращенный к Оке и разбитый на 33 квартала. С трех сторон город ограждали ров и вал "к ограничению". Главная площадь, где располагались все уездные присутственные места, устраивалась на бровке берега, откуда открывался чудесный вид на заокские дали, а единственная церковь Св. Дмитрия Солунского, она же городская собор, переносилась для соблюдения "регулярства" несколько в сторону – в створ улиц. Вдоль берега Оки намечалось разбить бульвар, обсаженный деревьями, для "променаду" изысканной публики и купечества. Регулярный план Дешкина Екатерина II утвердила 14 марта 1780 года,

Русские гребные суда XVI–XVII веков.
Стрелка (вверху) и паузок.

Коложенка – русское судно XVI–XVII веков
для перевозки тяжелых грузов.

поставив на нем соответствующую резолюцию: "На подлинном написано собственного Ея Императорского Величества рукою: Быть по сему" [17].

К городу прирезали уезд, который граничил "с соседственными городами здешняго наместничества Мценским, Орловским, Болховским (уездами. – В.Н.) и Тульским наместничеством, от конх здешний город отстоит от Мценска в 15, Болхова – 30, Орла – 50 верстах.

В уезде его сеют хлеб озимой рожь и пшеницу в августе. С полей снимают в июле яровую, пшеницу, овес, горох (горох. – В.Н.), ячмень, а в большом количестве конопляное семя, а несколько и просо. В апреле и сентябре урожай бывает посредственной, однако ж земледелец награждается за его труды и за расходом своим продают по большому частию конопляное семя

Высочайше утверждено
19-го Августа 1781 года.
Дешкинъ,
Орловскаго Наместничества.

Дешкино.

Орловскаго Наместничества.
Из верхней части щита—горб Орловский. Из нижней—ветхий острогъ. Из голубыхъ облакъ по правому боку, что сего рода ступа изъ известняковъ этого города земля ясная.

и из обилия его сделанную пеньку, а от сего и получают главный свой доход на заплату в казну податей, помещику оброку и на домашни надобности" [18].

Но новый статус оказался не более чем прожектом, и вся городская слава и богатство Дешкина так и остались на бумаге. Соседство близких богатых торговых городов Орла, Болхова и Мценска, в треугольнике которых был заперт Дешкин (достаточно сказать, что до Мценска было всего 15 верст), перебивало торговлю, и население города почти не росло. Купеческие капиталы проплывали мимо Дешкина, не задерживаясь в нем, по принципу "сгружай, нагружай, увози", а местное купечество было слишком слабо, чтобы конкурировать с именитыми губернскими и столичными "гостями". О бедности и убогости городка говорит тот факт, что для городничего Сухотина с семейством не нашлось приличной квартиры, и он вынужден был ютиться в избе экономических крестьян братьев Василия и Ивана Кравцовых, и когда градоначальник собрался на свои средства пристроить к их хате еще

одну горницу, те пожаловались на него орловскому и курскому генерал-губернатору [19]. О воплощении же в жизнь регулярного плана застройки города нечего было и думать. К тому же сам Дешкинский уезд, который собрали из кусков, отрезанных от Мценского и Орловского уездов, оказался спланированным неудачно, и до отдельных его уголков можно было добраться гораздо легче и проще из указанных городов, нежели из самого Дешкина.

Звездный час Дешкина продолжался недолго, и уже в 1798 году по указу императора Павла I не оправдавший себя город был возвращен в прежнее свое состояние, а 17 сел, входивших в Дешкинский уезд, передали в Орловский и Мценский уезды, куда они входили раньше [20].

Окончательный удар Дешкину как пристани нанесла прокладка железной дороги, прошедшей в стороне от села. Пристань в нем была упразднена, и Дешкино превратилось в заурядное землевладельческое село.

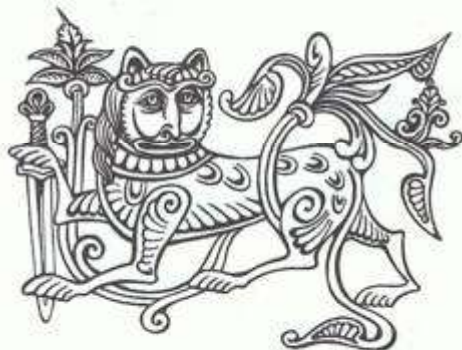
В настоящее время как-то уже не верится, что некогда на этом месте кипела бурная жизнь и землевладельцы гускались во все тяжкие, пытаясь урвать кусок адепной земли; что Ока когда-то была запружена стругами и барками, а купечество с помощью безменов и дреколя сводило взаимный "дебет и кредит". Сейчас здесь царит поистине могильная тишина: кирпичная Дмитриевская церковь, возведенная в 70–80-е годы XIX века рядом с ветхой деревянной 1734 года церковным старостой, государственным крестьянином И.Г. Орловым "на собственные средства" [21], была взорвана, как и многие другие, немцами, дабы лишить советскую авиацию ориентира для налетов на Орел, и лишь несколько обветшавших домиков постройки еще начала нашего столетия, спрятавшихся в зелени, напоминают о том, что некогда здесь было многолюдное и бойкое торговое село.

А с бровки берега, где стояла Дмитриевская церковь, по-прежнему открывается прекрасный вид на заокеские дали, которые выглядят почти так же, как и в XVIII веке...

Документы и материалы по истории городов Орловской земли. XII-XVIII века

ЛЕТОПИСЬ ЗЕМЛИ ВЯТИЧЕЙ. VIII–XIII века¹

VIII–IX века – заселение и колонизация бассейна реки Оки (начиная с верховьев) западно-славянским племенным союзом вятичей. Согласно “Повести временных лет”, “...радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в лясех, – Радим, а другой Вятко, – и пришедъша седоста Радим на Съзю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе с родом своим по Оце, от него же прозвашася вятичи”.

859 год – хазары наложили дань на полян, северян, дреговичей и вятичей “по серебряной монете и по белке с дыма (семейного очага. – В.Н.)”.

883–886 годы – князь Олег освободил от уплаты дани хазарам полян, северян и дреговичей, а при походе на волжских булгар и вятичей².

¹ Здесь идет речь только о тех землях вятичей, что входили сперва в Новгород-Северское, а затем в Черниговское княжество (Верховья Оки). Северо-восточные вятичские земли вошли в состав Ростово-Суздальского (бассейн р. Москвы) и Муромо-Рязанского княжеств (средняя Ока), и их история здесь не рассматривается.

² Факт предположительный. Гипотеза Г.Я. Москеева.

907 год – вятичи участвовали в походе князя Олега на Константинополь. “Иде Олег на греки, ... поя же множество варяг, и словен, и чюдъ, и кривичи, и мерю, и древляны, родимичи и поляны, и северо, и вятичи, си вси завахуться от грекъ Великая Скуфь (Скифь. – В.Н.)”.

912 год – смерть князя Олега. Вскоре после его гибели хазары восстановили сюзеренитет над вятичами, обязав их снова выплачивать дань¹.

944 год – поход князя Игоря на Византию, в котором участвовали и вятичи: “Игорь съвѣзкупн вой (воинов. – В.Н.) множество, Варягы, Русь, Поляне, Словяны, и Кривичи, и Витичи, и Тиверцы, и Печенегы... и поиде на Греки въ лодиахъ и на конехъ, хотя мстити себе”. Войско Игоря дошло до Дуная, где его встретило посольство, посланное византийским императором с предложением мира и дани. Бояре посоветовали князю принять дары, подчеркнув, что военное счастье переменчиво: “егда кто вестъ, кто одолеть, мы ли, они ли? Или съ морем кто съветен (сватан. – В.Н.) се бо не по земле ходимъ, но по морьстей глубине, обща же смерть всемъ”. Игорь послушался мудрого совета, взял дань и повернул назад.

964 год – с вятичей взял дань князь Святослав Игоревич: “... иде на Оку реку и на Волгу, и налезе [Святослав] вятичи и рече вятичем: “кому дань даете? Они же реша: козаром по щелягу (монете. – В.Н.) от рала (сохи. – В.Н.) даем”. Возможное участие вятичей в походе со Святославом на хазар.

¹ Факт предположительный. Гипотеза Г.Я. Москеева.

966 год – отказ вятичей после падения Хаазарского каганата выплачивать дань Святославу. Их разгром киевским князем: “Вятичи победи Святослав и дань на них възложи”.

972 год – гибель князя Святослава при возвращении из Болгарии. Предположительное прекращение вятичами выплаты дани Киеву. Возможно, это произошло еще раньше, когда Святослав ушел в поход на Болгарию.

981 год – сын Святослава князь Владимир нанес поражение вятичам “и възложи на нь (них. – В.Н.) дань от плуга якоже и отец его имаше”.

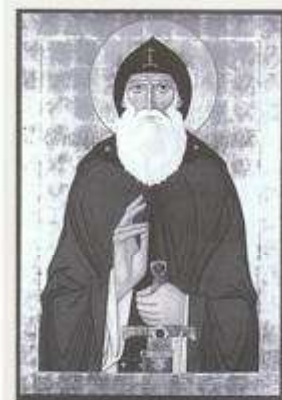
982 год – восстание вятичей против Владимира, подавление князем мятежа и возобновление выплаты дани: “заратншася вятичи, и иде на ня Володимерь и победи е второе”.

988 год – крещение Руси князем Владимиром, предположительное начало крещения земли вятичей.

Тот же год – строительство князем Владимиром городов на Руси, добровольно-принудительное переселение туда части вятичского населения: “И рече Володимерь: се не добро, еже мало город [ов] около Киева. И нача ставити городы по Десне, и по Ветри, и по Трубежю, и по Суле, и по Стругве. И поча на рубати (набирать. – В.Н.) мужи лучшии от словен, и от Кривич, и от чуди, и от Вятич, и от сих насади грады: бо брать (война. – В.Н.) от Печенег...”

992 год – учреждение Черниговской епископской кафедры, которая должна была духовно “оформлять” землю вятичей.

1026 год – после битвы при Листеве между братьями Ярославом Владимировичем (Мудрым) и Мстиславом Владимировичем, закончившейся поражением первого, князья разделили русские земли надвое. Ярославу достался западный берег Днепра с Киевом, а Мстиславу – восточный с Черниговской, Северной, Муромской и иными землями, а также область вятичей.

Илья Муромец.
Современная икона.¹

1034 или 1036 год – смерть князя Мстислава Владимировича, объединение Русской земли под властью Ярослава Мудрого.

1054 год – по завещанию князя Ярослава его сын Святослав получил “... Чернигов и всю страну восточную и до Муромы”.

1113–1125 годы – правление князя Владимира Мономаха (родился в 1053 году). Поход его в юношеском возрасте “сквозь землю вятичей” и Ростову. Позднее он подавляет продолжавшееся два года восстание Ходоты: “а в Вятичи ходихом по две зиме на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну”, ходил 1-ю зиму”.

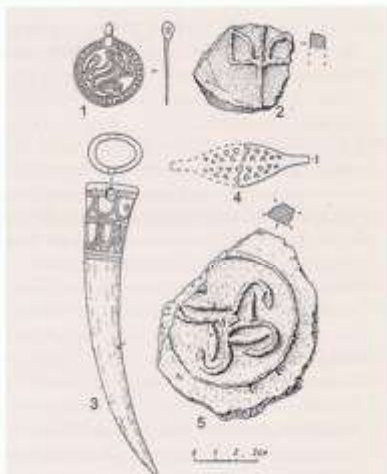
1113 год, 27 августа – убийство вятичскими монахов-миссионеров Киево-Печерского монастыря Иоанна Кукши

¹ Легендарный богатырь Илья Муромец, живший в княжение киевского князя Владимира Красное Солнышко (правил с 980 по 1015 год), также принимал участие в покорении земли вятичей. Он пленил и отвез в Киев на казнь вятичского старейшину или князя Соловья Будимировича, обитавшего около Карачева, а весь его род истребил.

² По мнению археолога Н.И. Буланова, город Корьдну располагался на речке Коринке (приток Россы) у деревни Корное (Мосальский район Калужской области), где сохранилось древнерусское городище.

Обычай радимичей, вятичей и северян: "Схожались на пирища, на плясанье и на вся бесовская песния". Миниатюра Радзивиловской летописи.

Археологические находки с городищ Орловской области.

1 – Серебряная подвеска с городища у деревни Гать с изображением оставшего на дыбы льва. Подобный знак являлся геральдической эмблемой Владимиро-Суздальского княжества, так что подвеска, вероятно, являлась военным трофеем; 2 – Обломок горшка с геральдической эмблемой с городища у деревни Титово-Мотыка; 3 – Костяной футляр для маленького ножика (?) с городища у деревни Городище; 4 – Решетчатый перстень с городища у деревни Гать; 5 – Глиняное донце с геральдическим знаком с городища у деревни Титово-Мотыка. Эта интересная эмблема в виде свастики, вероятно, являлась гербом владельца данного замка.

Рисунок из статьи: Никольская Т.Н., Полулюбаранова М.Д. Раскопки древнерусских городищ Орловской области // Краткие сообщения Института Археологии. Вып. 110. М., 1967. С. 65.

на Карачев. Разграбление Святославом Ольговичем Карачева и бегство во Мценск (первое упоминание города в летописях) и далее из Вятической земли. Сзыв союзниками вятического веча в Дедославле, где они предложили старейшинам, чтобы те Святослава Ольговича

Подношение дани князю подвластными племенами. Миниатюра из летописи.

"поймали или убили, а именья его все себе разделили", поскольку он "вятичи не любит и разоряет, яко не свою область". Отказ вятичей восстать против Святослава Ольговича: "А руку на господина своего поднять не можем, и никогда того нас и в пратцех наших не бывало".

1147 год, вторая половина января–май – княжение в Карачеве союзника Изяслава Мстиславича и Черниговских Давыдовичей князя Святослава Всеволодовича. Отъезд Изяслава Мстиславича в Киев. Пребывание Давыдовичей в Брянске и их отъезд; Владимира – в Чернигов, а Изяслава – в Стародуб.

1147 год, 4–5 апреля – встреча в Москве Святослава Ольговича с Юрием Долгоруким, который дал в его честь "обед силен". Подтверждение сторонами военного союза.

Тот же год, апрель–май – контраступление Святослава Ольговича, поддержанное дружиной сына Юрия Долгорукого Глеба Юрьевича, половецкими отрядами и ватагами бродников. Соединение сил союзников в Деягорске (местонахождение не установлено). Бегство посадников Владимира и Изяслава Давыдовичей из вятических городов, в том числе из Мценска. Занятие Святославом своих прежних

Выплата дани в 859 году. Варяги взимают дань с кривичей и чуды, а хазары – с полян, северян и вятичей. Миниатюра Радзивиловской летописи.

владений – "все Вятичи и Добрянскъ и до Воробинь, Подосенье и Домагощъ и Мценскъ".

Тот же год, вероятно, май или июнь – встреча посланников Давыдовичей и Святослава Всеволодовича со Святославом Ольговичем в Спаши¹ (по другому летописному известию – между Спашем и Кромами) с предложением мира: "Не жалуясь на нас, будем все заодно, позабудь нашу злобу; целуй к нам крест и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадим назад". Заключение между бывшими противниками мира и союза против Изяслава Мстиславича Киевского.

1159 год, зима – вторжение в вятические земли Изяслава Давыдовича и его войнa с черниговским князем Святославом Ольговичем, владевшим "Вятичами". Вятие Изяславом "на щит" (штурмом) городка Обловь², принадлежавшего

¹ Спаши – город в земле вятичей, местоположение которого пока неизвестно. Располагался где-то юго-западнее Мценска (по АК Зайцеву). Можно предполагать, что его остатками является одно из древнерусских городищ, расположенных в этом районе (у с. Старосково, у д. Городище, у с. Большая Крутица Мценского района или у д. Гонючее Орловского района).

² Обловь – город в верховьях реки Волы на стыке вятических и смоленских земель. В настоящее время не существует.

и его ученика Никона. Предположительно это произошло у современной деревни Карандаково Мценского района.

1146 год – начало междоусобной войны между новгород-северским князем Святославом Ольговичем, союзником которого являлся суздальский князь Юрий Долгорукий, и коалицией, в которую входили киевский князь Изяслав Мстиславич, черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи, а также смоленские князья. Бегство Святослава Ольговича с семьей и дружиной из Новгород-Северского в "Вятичи", в Карачев.

1147 год, 16 января¹ – битва между перодовым полком князя Изяслава Давыдовича (около 3000 воинов) и дружиной князя Святослава Ольговича (тоже около 3000 воинов) в полудне пути от Карачева². Разгром Изяслава Давыдовича и его бегство.

1147 год, вторая половина января–февраль – возобновление наступления войск Киево-Черниговской коалиции

¹ По современному летоисчислению. По древнерусскому, новый год начинался с марта, то есть события января – февраля относятся к 1146 году.

² Предположительно на территории современного Шаблыкинского района.

Древнерусское городище в селе Маслово Орловского района. На вершине вала установлен крест в память о Покровской церкви, стоявшей на городище и разрушенной в августе 1943 года отступавшими немецкими войсками. Фото В.М. Ромашова. 2010 год.

жене Святослава, и захват им вятических земель: "и оттуда [из Облвы] иде у Вятичь и ави вси Вятиче".

- 1185 год, апрель – князь Святослав Всеволодович собирает в "верхних" (вятических) землях войско для похода на половцев. Отмена князем похода при получении известия о разгроме половцами повгород-северского князя Игоря Святославича и отправка новобранных воинов в Киев на опасения половецкого набега.
- 1194 год – совет князя Святослава Всеволодовича в Карачеве с братьями и союзниками о походе на Рязань: "Святослав позва братью свою в Карачев, Ярослав, Игоря, Всеволода, и поча с ними думати хотя на рязанским князи...".

Древнерусское городище (предполагаемый Звенигород) близ села Спасское (Житкое) Орловского района. Фото В.М. Ромашова. 2010 год.

Срыв похода по причине отказа участвовать в нем владимирского князя Всеволода III Большое Гнездо. Болезнь и смерть князя Святослава по возвращении в Киев.

1196 год, осень – вторжение владимирского князя Всеволода III Большое Гнездо в союзе с князем Давыдом Смоленским, князьями рязанскими и муромскими, а также с половцами в вятические земли, принадлежавшие черниговским Ольговичам. Взятие и сожжение ими Козельска и Болхова. Последнее упоминание вятичей и вятических земель в русских летописях.

- 1223 год – участие Мстислава Святославича Черниговского в общерусском походе на монголов. Разгром русской рати 31 мая на реке Калке. Гибель в битве князя Мстислава с сыном и большей части черниговского воинства.
- 1238 год, весна – разорение монголо-татарами хана Батюя северных вятических земель, входивших в состав Черниговского княжества. Взятие монголами после семинедельной осады Козельска.
- 1239 год – бегство черниговского князя Михаила Всеволодовича в Венгрию. Взятие и сожжение монголами Чернигова и опустошение южных черниговских земель вплоть до Глухова.

1246 год, 20 сентября – убийство в ставке Батюя князя Михаила Всеволодовича и его боярина Федора за отказ пройти сквозь очистительный огонь. Раздел северо-восточных черниговских земель между сыновьями князя Михаила: Роману Михайловичу достался Брянск, куда из разоренного Чернигова перемещается центр княжения и епископская кафедра, Семену – Глухов и Новосиля; Мстиславу – Карачев; Юрию – Таруса. Прекращение существования единого Черниговского княжества.

ЛЕТОПИСЬ ГОРОДОВ ОРЛОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Летопись Болховская

XII век

- 1196 год, осень – первое упоминание Болхова у В.Н. Татищева в связи с сожжением его владимирским князем Всеволодом III Большое Гнездо.

XIII век

- 1246 год – после раздела Черниговского княжества Болхов вошел в состав Карачевского удела князя Мстислава Михайловича.

XIV век

- Болхов входит в Звенигородское княжество, выделившееся из Карачевского. Вероятно, с последней трети XIV века Болхов – столица удела в Звенигородском княжестве*. Правление князя Ивана Болха – родоначальника династии Болховских князей.

XV век

- 1406–1408 годы – разорение и запустение Болхова во время русско-литовской войны*. Вхождение Верхнеокских земель в состав Великого княжества Литовского. Отъезд болховских князей на московскую службу*.

XVI век

- 1503 год – по условиям русско-литовского перемирия Верхнеокские земли вошли в состав Великого княжества Московского.
- 1555 год – запись в Разрядной книге 1475–1598 годов, что на реке Нугре "стоит воевода Михаил Петрович Репнин, а город делал Григорий Иванов сын Нагово".
- 1556 год – первое упоминание в Разрядной книге 1475–1598 названия города – "На Нугри в Болхове".
- 1562 год – болховский воевода В.А. Бутурлин разбил отряды татар Дивей-Мурзы и Мустафы-аги, грабившие уезд.

Факты, отмеченные звездочкой (), являются предположительными.

- 1562 год, осень – 1563 год, зима – 170 болховитян "больших статей" в составе "наряда" (артиллерийского парка) под руководством воевод князя Михаила Петровича Репнина, Михаила Ивановича Вороного-Вольнского и Бориса Ивановича Сукина участвовали в походе на Полоцк. Местом сбора для них была назначена Калуга.

- 1565 год, октябрь – двенадцатидневная (по другим данным, однодневная) оборона Болхова от орды хана Девлет-Гирея.
- 1566 год, май – посещение Болхова Иваном IV Грозным.

- 1571 год – по указу Ивана IV город укреплен "более прежнего".

- 1572 год – отряд болховитян под началом князя И.И. Лыкова включен в состав "берегового войска" князя М.И. Воротынского, предназначенного для обороны берегов реки Оки. Участие болховских ратников в битве с ханом Девлет-Гиреем при Молодях (27 июля – 2 августа).

- 1591 год, июль – болховский воевода Петр Васильевич Годунов удостоен золотой монеты в награду за успехи при отражении нашествия крымского хана Казы-Гирея.

- 1594 год – болховские самопальники во главе с головой Карманом Мешковым, сыном Мясным, участвовали в строительстве города Кромы.

- 1598 год, июль – через Болхов проехали послы крымского хана Казы-Гирея. Встретить их кроме болховитян прибыли орловский воевода Федор Туренин и голова Федор Колтовский "со всеми людьми".

XVII век

- 1605 год, 21 января – участие болховитян в битве при Добрыничах против Лжедмитрия I (357 человек с пищальми, 140 казаков, 20 стрельцов пеших, 7 человек конных даточных людей).

- 1606 год, осень – Болхов открыл ворота повстанцам И.И. Болотникова. В Болхове восставшими были казнены Афанасий Пальчиков и Матвей Зиновьев.
- Тот же год, конец ноября – начало декабря (до 5 декабря) – переход Болхова на сторону царя Василия Шуйского. Болховитяне у себя многих воров побили и живых к нам привели и город очистили”.
- 1607 год, 16 октября – в Болхове в течении суток был Лжедмитрий II, на следующий день он покинул город и уехал в Карачев.
- Тот же год, конец осени – город “очищен” от сторонников самозванца князем Третьяком Сентовым.
- Тот же год, конец декабря – январь – вступление в Болхов рати воеводы Д.И. Шуйского.
- 1608 год, 10–11 мая – сражение под Болховом между отрядами Лжедмитрия II и войсками Д.И. Шуйского. Сокрушительное поражение царских войск. После трехдневной осады болховитяне 13 мая открыли ворота самозванцу и целовали ему крест на верность.
- 1611 год – сожжение Болхова литовцами, “очищение” города от интервентов стольником и воеводой князем Ф.А. Елецким, восстановление Болховской крепости.
- Тот же год, 5 сентября – для сбора шуб ратникам Первого полчения, стоявшего под Москвой, в Болхов послан Константин Апухтин, но по челобитью болховитян, жаловавшихся на разорение, земское правительство постановлением от 25 января 1612 года отменило этот налог.
- 1613 год, июль – болховский острог снова сожжен литовцами. Им же был сожжен и Рождество-Богородичный Оптин монастырь.
- 1615 год, август – 206 болховских служилых людей в составе рати князя Д.М. Пожарского участвовали в сражении с литовским полковником А. Лисовским на Царевом Броду под Орлом.
- Тот же год, 31 августа – оборона Болхова воеводой С.И. Волинским от отряда А. Лисовского.

- 1616 год, август – к Болхову дважды подходили крымские татары, но их “от осаду отбили и посаду и слобод и в гумнах хлеба жечь не дали”. Посланный в погоню голова Прокофий Сюлеменев настиг татарский отряд в Болховском уезде на реке Рог, разогнал его и отбил более ста человек русского полона.
- Тот же год, декабрь – воевода Дмитрий Скуратов и Михаил Дмитриев дали под Болховом бой литовцам. В сражении погиб М. Дмитриев. После боя литовцы ушли к Курску. В погоню за ними из Болхова были отправлены воеводы Д. Скуратов и И.Ф. Хованский.
- 1617 год, сентябрь – воевода Богдан Вельяминов разбил татар на реке Горноше, взял трех языков, “а полову отполонил человек 400 и болши”. Голова Микита Сокин разгромил еще один татарский отряд “у Егорья на Пелеве”, освободил более ста полоняников.
- Тот же год, ноябрь – голова Игнатий Кривцов уничтожил литовский отряд в своем поместье – деревне Нагой в 20 верстах от Болхова. В бою убит литовский ротмистр Василий Рогановский и взято 12 языков.
- Тот же год, декабрь – сильный литовский отряд напал на город, но был отбит: “Ис посаду их выбили и дворов жечи не дали”. Голова Неустрой Лукин разгромил литовскую заставу в деревне Науколецах и захватил двух пленных.
- 1618 год, 2 февраля – отбито внезапное нападение литовцев на город.
- 20 марта – новое нападение литовцев на Болхов, полный их разгром у Деевского моста на реке Нугрь. Взято 160 лошадей и четверо пленных во главе с Валентом Гроцким.
- 3–8 июня – неудачная осада Болхова литовским полковником Казановским.
- Июнь – болховитяне во главе с головой Игнатием Кривцовым в составе русской рати участвовали в осаде Козельска, где засели литовцы.
- 4–5 июля – очередная неудачная осада Болхова литовским отрядом Устина Лисовского и Ивана Шверды. В бою болховитяне убили И. Шверду и захватили неприятельские знамена.

- 1623 год, июнь – набег на Орловский, Карачевский, Мценский и Болховский уезды трехтысячного татарского отряда Ахмета-мурзы, Клич-мурзы и Алшабина-мурзы. Уходящие по Бахмутской сагме татары настигнуты и разбиты курскими и белгородскими служилыми людьми под началом Ивана Антиповича Анненкова, Василия Торбина и Плакиды Темирова в бою на котлубанской Семице (около реки Семь).
- 1624–1625 годы – писец Мисота Иванович Беклемишев и подьячий Осип Трофимов составили Писцовую книгу города Болхова с описанием церквей, торговых лавок, кузниц, харчевен и посадских дворов.
- 1625 год – в селе Ильинском Болховского уезда, имени боярина Ильи Милославского, родилась Мария Ильинична Милославская, впоследствии жена царя Алексея Михайловича (с января 1648 года) и мать царей Федора Алексеевича (царствовал с 1676 по 1682 год), Ивана Алексеевича (царствовал с 1682 по 1696 год) и царевны Софьи.
- 1632–1634 годы – участие болховитян в Смоленской войне. Сотня болховских дворян и детей боярских из полка воеводы Ивана Еропкина участвовала в осаде и взятии Стародуба.
- 1633 год, май – болховитяне дворяне и дети боярские под началом путивльских воевод Федора Бутурлина и Григория Олябьева направлены для отражения нападения литовцев.
- Тот же год, лето – в результате татарского набега из Болховского уезда уведены в полон 40 человек.
- 1634 год, 22 июля – бой болховитян с татарами на Черной Грязи в Болховском уезде.
- 1637 год, весна – ноябрь – 5 болховских стрельцов и 12 конных казаков участвовали в строительстве крепости Усерд на Белгородской черте. Отпущены домой в ноябре.
- Тот же год, 1 апреля – согласно указу царя Михаила Федоровича Болхов с уездом включен в число “заказных” (запретных) городов, где крупным вотчинникам запрещалось приобретать земли и поместья, защищая тем самым

землеуладения мелких служилых людей юга страны от произвола богатых феодалов. Система заказных городов просуществовала до конца XVII века.

- Тот же год, 21 сентября – набег крымских татар на Годыревский стан Болховского уезда. В полон взяты 27 мужчин, женщины и детей (по другим данным, 33 человека).
- 1639–1641 годы – ремонт Болховской крепости при воеводах И. Волконском и М. Измайлове.
- 1641 год, 28 апреля – ураганный ветер снес крыши с крепостных башен: “верхи все разнесло и крышки все переломало”.
- 10 мая – пожар на дворе стрелецкого и казачьего головы, во время которого сгорели Наугольная башня и тридцатидвухсаженный участок крепостной стены.
- 1647 год – согласно Переписной книге, в Болхове насчитывалось 655 посадских людей и 7 вдов. С учетом крестьян количество тяглого населения составляло: “Всего в Болхове на посаде и в Болховском уезде за помещики и за вотчинники и на погостех крестьянских и бобыльских и старинных и кабальских людей 1432 двора, людей в них и со вдовами 4025 человека”.
- 1652 год – с боярином и воеводою князем Григорием Семеновичем Куракиным было велено быть “в сходе” в Путивле на случай набега украинских казаков и татар “Из Болхова Тимофей Сатин, с ним дети боярские, и казаки, и стрельцы с головами и с сотники”.
- 1653–1654 годы – крепость снова отремонтирована. заново построен воеводский двор в кремле.
- 1654 год, 13 сентября – 6 декабря – эпидемия морового поветрия. “В Болхове, на посаде и в казачьей слободе, умерло всяких чинов людей, мужеска полу и женска..., 36 человек; а в остатке в тех же дворах, 50 человек. Да в уезде умерло всяких чинов людей, мужеска полу и женска, и младенцов, 180 человек; а в остатке, в тех же дворах, 128 человек. И всего в Болхове, на посаде и в казачьей слободе и в уезде, умерло 216 человек; а в остатке 178 человек”.

1658–1659 годы – в ходе русско-польской войны (1654–1667) производился набор дачных людей в полк околичного и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского "с товарищи". Из Белова и Болхова туда направлено 143 человека.

1659 год, июль – крымские татары и украинские казаки в последний раз "повоевали" Волховский уезд.

1661 год, 21 сентября – сгорела деревянная Благовещенская церковь с приделом Св. Никиты мученика.

1668 год – на средства царя Алексея Михайловича по желанию его супруги Марии Ильиничны Милославской начато строительство каменного Троицкого собора в Оптином монастыре.

1670-е годы – околичный и воевода И. И. Ржевский (прапур А. С. Пушкина) строит в Волховском кремле каменный Спасо-Преображенский собор.

1678 год, 10 сентября – похороны в соборе И. И. Ржевского, героически погибшего 3 августа при обороне от турок крепости Чигирин.

1681 год – постановлением Московского собора велено образовать Волховскую епархию, в которую вошли бы города Болхов, Мценск, Новосиль, Карачев, Кромы и Орел (не осуществлено).

1691 год, сентябрь – посадский человек Елисей Борисов подал челобитную митрополиту Сарскому и Подонскому Евфимию с просьбой построить у основанной им богодельни часовню Печерской Божией Матери.

1695 год, 7 мая – большой пожар в Болхове. Сгорели 2 церкви, кружечный и таможенный дворы, семьдесят пять обывательских дворов, семьдесят девять лавок и двадцать шесть кузниц.

1695–1696 годы – Болховский кремль срублен заново.

1696 год, лето – осень – в Волховском кремле построена новая приказная изба.

Конец XVII века – игуменья Анна возводит в Рождественском девичьем монастыре кирпичный Христорождественский собор.

1699 год, май – ратные люди из городов Брянска, Трубчевска, Карачева, Болхова, Белова, Орла и Кром (всего 2246 человек) участвовали в заготовке леса для строительства 1000 байдаков и 1000 лодок на реке Десне.

1700 год – построена кирпичная церковь Свв. Петра и Павла.

XVIII век

1701 год – в Болховском Христорождественском девичьем монастыре возведена кирпичная надвратная церковь Св. Алексея Митрополита.

1705 год – в Спасо-Преображенском соборе погребен Тимофей Ржевский (сын И. И. Ржевского), убитый 30 июля во время Астраханского восстания.

В том же году в Болхове побывал царь Петр I с царевичем Алексеем, посетивший Троицкий собор Оптиного монастыря. По его указу в монастыре "велено быть архимандриту".

1706 год – полностью окончена теплая кирпичная Рождественская церковь в Троицком Оптином монастыре.

1708 год – купцами Исидором, Иоанном и Антонием Бабковыми (Бобковыми) в Волховском кремле построена кирпичная Троицкая церковь.

1712 год – в Волховском кремле построена кирпичная церковь Св. Иоанна Предтечи.

1718 год – построена кирпичная Петропавловская церковь (по другим данным, в 1700 году). Болхов исключен из штата российских крепостей.

1719 год – Болхов в качестве уездного центра вошел в состав Орловской провинции Киевской губернии.

1720 год – по указу Петра I велено послать в Болхов кожевенных мастеров для дальнейшего развития этого промысла в прибавку к уже имевшимся там 50 мастерам: "И тем мастерам по прежнему указу, который послан в губернию, против своих контактов кожевенное дело против заморского образца производить и российский народ обучать на тех же заводах, где болховские кожевники ныне сами про себя делают..."

1721 год – орловскому воеводе Отяеву приказано укрепления провинциальных городов, в том числе и Болхова, которые "для защищения учинены, оные велено содержать в добром состоянии и исподволь, без пушного утеснения подданных, ежегодно починять".

1722 год – построена деревянная церковь Свв. Антония и Феодосия Печерских.

1724 год – построена деревянная Архангельская церковь.

1727 год – Орловская провинция вошла в состав Белгородской губернии, выделившейся из Киевской.

1730 год – построена кирпичная церковь Благовещения Богородицы (Никитская) и деревянная Введения Богородицы.

1735 год – построена кирпичная церковь Св. Николы Чудотворца (Николы Гончарного).

1740 год – построены кирпичные Вознесенская и Покровская церкви.

1741 год – начато строительство кирпичной Георгиевской церкви, оконченной в 1754 году. Начато строительство кирпичной Казанской (Сергиевской) церкви с приделами Св. Сергия Радонежского и Св. Иоанна Златоуста, оконченной в 1743 году.

1742 год – построена деревянная Воскресенская церковь с приделом Св. Николая Чудотворца (по другим данным, в 1752 году).

1744 год, 25 июня – большой пожар в Болхове. Сгорело 110 дворов и 2 башни кремля.

1746 год – капитально перестроена деревянная Архангельская церковь.

1747 год – рядом с Георгиевской построена кирпичная Знаменская церковь.

1748 год, 26 июля – "Великий" пожар в Болхове. Сгорело 12 церквей каменных и деревянных, Рождественский девичий монастырь, деревянный кремль (по другим данным, сгорел в 1753 году), до 1500 обывательских дворов и "людей немалое число".

1749 год – построена кирпичная Успенская церковь (по другим данным, в 1751 году). При Георгиевской церкви

начато строительство кирпичной колокольни, оконченной в 1750 году.

1750 год – построена деревянная церковь Свв. Афанасия и Кирилла Александрийских.

1757–1760 годы – ученик архитектора Д. В. Ухтомского Василий Алисов отремонтировал постройки Болховского Троицкого Оптиного монастыря.

1760 год – в Благовещенской церкви устроен теплый придел Свв. мучеников Кирика и Иудитты.

1764 год – закрыт девичий Рождественский монастырь. Мужской Троицкий Оптиного монастыря определен в 3-й класс.

1765 год – построена деревянная церковь Св. Дмитрия Ростовского.

1768 год – начата постройка кирпичной Николо-Козмодамианской церкви, оконченной в 1774 году (по другим данным, в 1766 году купцом Кобзевым).

1771 год – построена деревянная церковь Св. Иоанна Милостивого.

1773 год – согласно сообщению "Географического лексикона Российского государства" Ф. А. Полухина и Г. Ф. Миллера, в Болхове находится "изрядные кожевенные заводы и отменно славен сей город ремеслами сапожным и рукавичным". Наряду с этим в городе "в лучшей доброты вяжут чулки шерстяные".

1778 год – Болхов в качестве уездного города вошел в состав Орловской губернии.

1780 год, 14 марта – утвержден регулярный план города Болхова.

1781 год, 16 августа – утвержден герб города Болхова. На нем было изображено: "В верхней части щита герб Орловский. В нижней – в серебряном поле засеянное гречихой поле; в знак его оным изобилия".

1792 год – начато строительство кирпичной Введенской церкви с приделами: иконы Божией Матери Одигитрии, Св. Великомученицы Варвары и Св. Василия Парийского. Окончена в 1800 году.

1800 год – на средства купца Богомолова построена кирпичная церковь Свв. Афанасия и Кирилла Александрийских.

Летопись Мценская

XII век

1113 год, 27 августа – убийство вятичами близ Мценска (по легенде, около современного села Карандаково) миссионеров Киево-Печерского монастыря монахов Кукши (впоследствии канонизирован) и его ученика Никона.

1146 год – первое упоминание Мценска в летописях в связи с событиями феодальной войны 1146–1147 годов между новгород-северским князем Святославом Ольговичем, владевшим в это время Верхнеокскими землями, и киево-черниговской коалицией, в которую входили черниговские князья Владимир и Изяслав Давыдовичи и киевский князь Изяслав Мстиславич.

1147 год – Мценск взят обратно объединенной ратью князя Святослава Ольговича, князя Глеба Юрьевича (сына Юрия Долгорукого) и половцами.

1152 год – во время войны между суздальским князем Юрием Долгоруком, с одной стороны, и киевским князем Изяславом Мстиславичем и черниговским князем Изяславом Давыдовичем – с другой, Мценск занят войсками Юрия Долгорукого “с Ростовцы, и Суздальцы, и с Рязанские князи Ростислав Ярославич с братиею и с полки своими с ним, а также и Половци Орльпюеве и Токсобичи, и вся Половецкая земля, что их ни есть межн Волгою и Днепром”.

1159 год – Вятчские земли разорены князем Изяславом Давыдовичем.

XIII век

1246 год, 20 сентября – убийство в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича. Раздел Черниговского княжества на уделы между сыновьями князя: Романом Черниговским и Брянским,

Семеном Новосильским и Глуховским, Мстиславом Караческим и Юрием Тарусским. Мценск входит в состав Глухово-Новосильского, а позднее в Одоово-Новосильское княжество.

XIV век

1370 год – взятие Мценска воеводами великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского).

1380 год, 8 сентября – участие мценян в составе дружины князей Романа и Семена Новосильских в Куликовской битве (предположительно).

XV век

1406 год – война великого князя литовского Витовта с великим князем московским Василием I Дмитриевичем. Девятидневное стояние на реке Плаве. Заключение перемирия между воюющими сторонами с 1 октября 1406 года по 15 мая 1407 года.

1407 год, 20 мая – возобновление военных действий. Сожжение литовцами Одоева – столицы Новосильского княжества.

1406–1408 годы – захват литовцами Мценска (скорее всего, в 1407 году). Учреждение великим князем литовским Витовтом наместничества во Мценске и Любутске.

1408 год, 1 сентября – заключение мира между Вильно и Москвой. По условиям мирного договора Одоово-Новосильского княжество переходит под сюзеренитет Литвы.

1422 год, сентябрь – мценяне под началом литовского наместника Григория Протасьева вместе с дружиной князя Юрия Романовича Одоовского разбили татарского хана Барака.

1423 год – литовский наместник во Мценске Г. Протасьев совместно с князем Ю.Р. Одоовским разбил под Одоовом хана Куйдадата.

1430 год, октябрь – безуспешная трехнедельная осада Мценска татарским князем Айдаром. Вероломное пленение им во время переговоров наместника Г. Протасьева. Отпуск его “с честью и з дары” ханом Улу-Мухаммедом.

1437 год – поход на Белев объединенной русско-литовской рати против хана Улу-Мухаммеда. Разгром московского войска зимой 1438 года вследствие измены мценского наместника Г. Протасьева.

1438 год – пленение и ослепление москвичами Г. Протасьева.

1456 год, весна – сожжение Мценска рязанцами.

1480 год, осень – разорение ханом Ахматом окрестностей Мценска после возвращения со “стояния” на реке Угре.

1486 – 1490-е годы – литовский наместник во Мценске и Любутске князь Иван Юрьевич Трубецкой.

1487 год – начало необъявленной войны между Великим княжеством Московским и Литвой.

1488 год – вторжение в Мценско-Любутское наместничество московских войск из Калуги.

1490 год – мценяне разгромили московские сторожи на реках Шат и Денец и разграбили деревню, принадлежавшую Ермакову-Лопатину.

1491 год – мценские “наездники” ограбили алексинских сторожей и сторожу на реке Шат. Вторжение в “Мценскую державу” отряда дворянина Федора Голохастова, разорение им деревень и угон сотни пленных.

1492 год, август – взятие Мценска и Любутска пришедшим “безвестно” московским воеводой Федором Телепень-Оболенским. Город сожжен. В плен уведены мценский и любутский наместник Борис Семенович Александров и подпорты тысячи пленных.

1494 год, 5 февраля – заключение “вечного” мира между Москвой и Великим княжеством Литовским. Возвращение Мценска Литве.

1494 год, весна – окрестности Мценска разграблены людьми князей Одоовских и Белевских, “слуг” Ивана III.

1495 год, август – заявление Ивана III об освобождении всех “мценян”, плененных во время набега 1492 года.

Конец того же года – жалоба мценского наместника на “шкоды”, причиненные мценским волостям “людьми из Белева”.

1497 год, лето – прибытие в Вильно посольства Ивана III во главе с Д. Загряжским с жалобами на чинимые мценянами обиды и нападения на рязанские земли.

1498 год, в начале лета – поход людей князей Белевских на Мценск, неудачный приступ к крепости, разграбление сел вокруг города, “и что было животных и статков у бояр и людей... по селам, то все разграбили и дватцать человек до смерти забили”.

Лето того же года – жалоба великого князя рязанского на пограничные “шкоды”, чинимые мценянами. Ограбление ими сторожи князя Ивана Белевского.

Тот же год – требование мценских бояр Ивану III об освобождении из плена боярина Голуни, захваченного во время набега 1492 года со всем семейством и челядью. Их же жалоба на “шкоды великие” со стороны Белевских князей.

1499 год, апрель – бегство к “Москве” мценского боярина Сеньки Бунакова.

1499 год, осень – 1500 год, февраль – начало новой войны между Литвой и Москвой. Взятие штурмом Мценска войсками Ивана III и дружинами Белевских князей. Оставление москвитянами города и увоз из него пушек и пищалей.

1500 год, февраль – начало марта – сдача Мценска войскам Ивана III. Присяга “мценян” и мценских бояр “с землями

- и с водами и с людьми" на верность великому князю московскому.
- Тот же год, конец апреля – протест литовского посольства Станислава Петровича и Федора Григорьевича от имени великого князя литовского Александра Ивану III на взятие московскими войсками Мценска, Серпейска и Мосальска.
- Тот же год, сентябрь – Мценск находится во владении князя Ивана Белевского, "слуги" Ивана III.
- XVI век**
- 1503 год – заключение перемирия между Великим княжеством Литовским и Москвой, по которому Мценск остался за Великим княжеством Московским.
- 1504 год, ранее 16 июня – духовной грамотой Ивана III "город Мченск с волостями, и з селы, и со всеми пошлинами, со всем, что к нему потягло", пожалован его сыну Василию Ивановичу, будущему великому князю московскому Василию III.
- 1507 год – крымский хан Менгли-Гирей своим ярлыком "пожаловал" Мценск королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду I Старому.
- 1508 год, 15 января – мирным договором между великим князем московским Василием III Ивановичем и польским королем Сигизмундом I Старым подтверждена принадлежность Мценска Русскому государству.
- 1553 год, август – татарский отряд из 50 человек разгромлен мценским воеводой князем Петром Васильевичем Горенским. Пятеро "языков" отосланы в Москву.
- 1563 год, июль – безуспешная трехдневная осада Мценска пятнадцатитысячной ордой хана Девлет-Гирея.
- Осень того же года – 1564 год, февраль – 164 мценянина (даточные люди и дети боярские) в составе наряда (артиллерийского парка) под началом воеводы Бориса Ивановича Сукина участвовали в осаде и взятии Полоцка. Местом сбора для них была назначена Калуга.

- 1572 год, июнь–август – духовной грамотой Ивана IV Васильевича Мценск с "волостями и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами" был пожалован его сыновьям Ивану и Федору.
- Октябрь – по указу Боярской думы из городов Донкова, Дедилова, Крапивны, Новосила, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля посланы служилые люди жечь пограничные степи, для того чтобы лишить корма татарскую конницу.
- 1598 год, июль – через Мценск проследовали послы крымского хана Кази-Гирея. Для их встречи прибыли крапивенские воеводы князя Иван Татаев и Семен Звенигородский "со всеми людьми".
- XVII век**
- 1605 год, 21 января – участие мценян в битве при Добрыничах против Лжедмитрия I (30 пеших стрельцов, 4 конных даточных).
- Тот же год, май – Мценск переходит на сторону Лжедмитрия I.
- 1606 год, конец августа – начало сентября – Мценск примкнул к восстанию И.И. Болотникова.
- 1613 год, март–апрель – мценские служилые люди во главе с воеводой князем Иваном Хворостининым направлены на соединение с белевскими воеводами Андреем Хованским и Семеном Гагариним, чтобы действовать против литовцев, стоявших в Серпейском уезде. Соора И. Хворостинина с А. Хованским, возвращение мценских ратников обратно. Снятие по царскому указу И. Хворостинина с должности.
- Тот же год, апрель – мценяне, болховитяне, орляне, кромыяне под началом воеводы князя Тимофея Мещерского были направлены в Рыльск "очищать" Северскую землю от поляков и литовцев и отбивать Путиваль.
- Тот же год, май – мценские выборные Иван Черемиснов, Григорий Толубеев, Перфирий Гринев, Андрей Чортов

- от лица "дворян, и посадских и уездных людей" поставили подписи на Утвержденной грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича Романова.
- 1614 год, конец мая или начало июня – участие мценских служилых людей, дворян и детей боярских в составе полка князей Ю. Сулешова и Н. Барятинского в походе к Алатырю для отражения набега крымских татар и ногайцев.
- Тот же год, август – отряд мценских служилых людей под началом голов М. Зыбина и В. Воробьева разбил ногайцев во Мценском уезде и захватил пленных.
- 1615 год, август – 496 мценских служилых людей в составе рати князя Д.М. Пожарского участвовали в сражении с литовским полковником А. Лисовским на Царевом Броду под Орлом.
- 1616 год, ноябрь – мценяне разгромили литовцев "под Печерью" в деревне Устолде.
- 1617 год, август – мценские воеводы Ф. Татев и М. Лихарев разбили отряд татар, который промышлял под Мценском, гнали и "топтали" их "по Орловской рубке".
- 1618 год, 1 января – воевода Ф. Татев отбросил литовцев, пытавшихся ворваться на мценский посад.
- Тот же год, 10 января – посланный Ф. Татевым голова С. Рагозин с сотнею настиг литовцев в Мценском уезде в "Силине деревни Шеншина". В двух боях было взято в плен 12 литовцев и "русских воров".
- 1623 год, июнь – набег на Орловский, Карачевский, Мценский и Болховский уезды трехтысячного татарского отряда Ахмета-мурзы, Клич-мурзы и Алшабина-мурзы. Уходящие по Бахмутской сакме татары настигнуты и разбиты курскими и белгородскими служилыми людьми под началом Ивана Антиповича Анненкова, Василия Торбина и Плакиды Темпрова в бою на Котлубанской Семице (около реки Семь).

- 9 июня – в Орловском уезде у деревни Соголаевой между мценскими ратными людьми и татарами произошла стычка. Крымцы потеряли несколько человек убитыми и ранеными и одного пленным.
- 1624–1625 годы – писец Василий Васильевич Чернышев и подьячий Осип Трофимов составили Писцовую книгу города Мценска.
- 1625 год – в полку под началом воевод князя Чернова-Оболенского и Андрея Савина, поставленном во Мценске в готовности к отражению татарского набега, насчитывалось 816 дворян, детей боярских и казаков (белевцы, болховичи, карачевцы, мценяне, орляне, новосильцы, черыяне, белевские Бобриковские казаки). На смотр не явились по бедности и по другим причинам 86 человек.
- 1627 год – во Мценске "по татарским вестям" стоял Прибылый полк под командованием воевод князя Фомы Мезецкого и Максима Крюкова, всего 905 человек (служилые люди из тех же городов).
- 1630 год – мценские стрельцы и казаки в составе конвоя под началом воеводы Ивана Карамышева сопровождали в судах по реке Дон русских послов Андрея Совина и дьяка Михаила Алфимова (Олфимова), направлявшихся для переговоров с турецким султаном Мурадом в Стамбул.
- 1632–1634 годы – участие мценских служилых людей в Смоленской войне.
- 1633 год, 29 апреля – посланный мценским воеводой князем Савелием Козловским голова Семен Видневев разбил татарский отряд в Чернском уезде у деревни Калконь. Взято 7 языков.
- Тот же год, 6 августа – мценяне под руководством воеводы Ивана Матвеевича Вельяминова отбили в бою под деревней Высокой Мценского уезда у татар 2700 человек мценского и новосильского полков. Татары потеряли 28 человек пленными и 30 человек убитыми.

7 августа – посланный воеводой И.М. Вельяминовым голова Максим Марьенок с ратными людьми настиг татарский отряд в Новосильском уезде в деревне на Поганце “и на том бою татар многих побили”. Двое взятых в плен языков умерли от ран во Мценске.

1634 год, 10 августа – очередное вторжение крымских татар в Мценский и Новосильский уезды. Посланные воеводой стольником Дмитрием Колтовским служилые люди нанесли поражение татарским отрядам у деревни Лыковой, на устье Колпы и на реке Зуше, “и на тех боех татар побили и языки поймали”. В плен взяты Атюмеш-мурза и 11 татар.

1 октября – мценский воевода Д. Колтовский настиг отряд татар под Орловским городищем на реке Оке. В бою взято в плен 20 татар и освобождено 650 человек русского полона.

1637 год, зима-весна – мценские уездные люди заготавливали лес для строительства Орловской крепости.

Тот же год, весна – ноябрь – 37 пеших мценских стрельцов участвовали в возведении крепости Усерд на Белгородской черте. Отпущены домой в ноябре.

Тот же год, 1 апреля – согласно указу царя Михаила Федоровича Мценск включен в число “заказных” (запретных) городов, где крупным вотчинникам запрещалось приобретать земли и поместья, защита тем самым землеустройства мелких служилых людей юга страны от произвола богатых феодалов. Система “заказных городов” существовала до конца XVII века.

Тот же год, 20 сентября – мценский воевода А. Плещеев разбил в Новосильском уезде на реке Олешне татарский отряд и отбил русский полон. Крымцы потеряли многих своих убитыми, а ногайский “Солох мурза Такой мурзин Шейдяков” с пятью татарами попал в плен.

1638 год, февраль-август – строительство воеводой Богданом Нарбековым стен и башен Большого острога вокруг Стрелецкой слободы города Мценска (работы полностью не завершены).

Тот же год, 26 июля – 15 сентября – строительство воеводами князем Михаилом Провским и князем Михаилом Козловским укреплений Плетеного города во Мценске.

1640 год, весна – пожар в городе, во время которого сгорело более 20 сажен стен Плетеного города.

Тот же год – вместо орловских стрельцов, отправленных в восстановленный в 1635–1636 годах Орел, во Мценске на стрелецкую службу дополнительно набрано 110 человек, “Новоприбранным” стрельцам выданы “по пищали человеку”, порох и свинец.

1642 год – мценские дети боярские высылались для строительства города Яблони на Белгородской черте.

Тот же год, 4 июня – неудачная попытка поджога неизвестным лицом Мценской крепости.

Тот же год, 13 сентября – пожар, во время которого сгорели двор торгового человека Сеньки Стукольцова и 14 сажен стены Плетеного города.

1643 год, 22 апреля – волнение среди мценских стрельцов, их попытка убить стрелецкого голову Ивана Мосолова.

1644 год – в новопостроенный город Ольшанск на Белгородской черте “на вечное житье” переведена часть мценских стрельцов, устроивших в нем “улицу Мценских сведенцев”.

1645 год, 25 марта – в Плетеном городе обрушилась в ров Михайловская проездная башня.

1646 год – на “вечное житье” в города Карпов и Болховой на Белгородской черте отправлены “сведенцы” из Мценска. В Карпов из Мценска и Орла переселили 12 пушкарей.

1652 год, 28 декабря – во Мценском кремле сгорела губная изба.

1654 год, 1 сентября – 12 декабря – морозное поветрие во Мценске, умерло “всех чинов людей, мужска полу и женска, 224 человека, а в остатке всех чинов людей 258 человек”.

1658–1659 годы – в ходе русско-польской войны (1654–1667) осуществлялся набор дачных людей в полк окольного и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского “с товарищи”. Во Мценске, Новосиле и Черни набрано 115 человек.

1659 год – выдача митрополитом Питиримом осязительной грамоты с позволением строить девичий монастырь “церкви Архангела Михаила да Благовещения Христова”.

Тот же год, август – во время татарского набега во Мценском уезде пленено: 59 детей боярских, их жен и детей – 139 человек, крестьян – 125 человек, убито мужчин и женщин – 17 человек.

1670 год, октябрь – отряд мценских и черняских служилых людей потерпел поражение от отряда разинцев в деревне Ивицы Чернянского уезда, “и на том бою мещян Григория да Ивана Ползиковых и многих боярских людей изрубили, а у иных лошадей отбили”.

Тот же год, октябрь – нападение и разгром повстанцами под Старым Осолом отряда служилых людей (11 человек), направлявшихся в полк к воеводе князю Г.Г. Ромодановскому.

1676 год, 26 декабря – в Большом остроге сгорела деревянная Троицкая церковь с приделами Рождества Христова и Свв. Козьмы и Дамиана.

1677 год – во время русско-турецкой войны (1676–1681) в Мценске располагался полк воеводы П.И. Хованского. Четвертого сентября того же года в бою под Новым Осолом он наголову разбил значительный татарский отряд и отбил весь полон.

1679 год – начало строительства Введенской (Петропавловской) церкви – первой кирпичной церкви во Мценске.

1679–1680 годы – мценские служилые люди участвовали в строительстве оборонительных сооружений Изюмской черты.

1681 год – строительство в кремле Богданом Давыдовичем Протасовым кирпичного Никольского собора. Сгорела деревянная Воскресенская церковь на Новом посаде.

1680-е годы – последняя перестройка и усиление укреплений Мценской крепости.

1683 год – строительство в городе кирпичной Георгиевской церкви.

1693 год, 28 апреля – архиепископ Коломенский Никита выдал стольнику С.Г. Колединскому благословенную храмозданную грамоту на строительство в его вотчине селе Малая Круглица Мценского уезда кирпичной Спасской церкви с приделом Казанской Богородицы (не сохранилась).

1694 год – перенос на новое место, ниже по течению реки Зуши, Петровского мужского монастыря, ранее находившегося при Введенской церкви. После переноса он стал именоваться Петропавловским.

1695 год, 6 мая – большой пожар, во время которого сгорели Вознесенский девичий монастырь, Воскресенская и две Сергиевские церкви (старая и новая), а также 72 двора.

9 мая – новый пожар. Сгорели: хлебный ряд с амбарами и 22 двора в Ямской слободе.

11 мая – поимка стрельцами поджигателя – крестьянина Мишки Иванова.

Тот же год, 1 октября – закладка в Петропавловском мужском монастыре игуменом Германом кирпичного Покровского собора с приделом Свв. Петра и Павла (окончен в первой четверти XVIII века).

Конец XVII века – закладка в Вознесенском девичьем монастыре игуменшей Февронией кирпичного Вознесенского собора с престолом: Вознесения Господня,

Михаила Архангела и Св. Иоанна Предтечи (окончен в первой четверти XVIII века). Строительство кирпичной Воскресенской церкви на посаде.

XVIII век

- 1718 год – Мценск исключен из штата российских крепостей.
- 1744 год, сентябрь – возвращаясь из Киева с богомолья, в Мценске побывала императрица Елизавета Петровна вместе с наследником Петром Федоровичем, пожаловавшая Вознесенскому девичьему монастырю денежное пособие на постройку колокольни. По-видимому, в память этого события крест Вознесенского собора увенчала императорская корона.
- 1748 год, 17 июня – большой пожар в городе. Сгорели 1 церковь и 205 обывательских дворов.
- 1754 год – “Великий пожар”. Сгорело 6 церквей, в том числе соборная Никольская, остатки деревянного Мценского кремля со всеми административными постройками, 331 жилой двор и 217 лавок, кузниц и амбаров.
- 24 апреля – новый пожар – сгорело 14 дворов. Начато восстановление капитаном Родионом Языковым и подрядчиками купцами П.И. Московитиновым и Ф.П. Иноземцевым сгоревшего Вознесенского монастыря.
- Тот же год – на городском посаде вместо ветхой деревянной построена кирпичная церковь Св. Жен Мироносиц и Св. Никиты Мученика.
- 1759 год – купцом Филиппом Иноземцевым построена кирпичная церковь Св. Сергия Радонежского.

1764 год – Вознесенский девичий монастырь закрыт, а его собор обращен в приходскую церковь. Земельные владения Петропавловского мужского монастыря конфискованы, а сам он выведен за штат.

1770 год – купцом Алексеем Ивановичем Иноземцевым построена кирпичная Троицкая церковь (по другим данным, в 1774 году купцом Филиппом Иноземцевым).

1773 год – у Никольского собора окончены новая трапезная и колокольня в стиле барокко.

1775 год – построена деревянная церковь Св. Параскевы Пятницы в Ямской слободе.

1779 год – в Петропавловском мужском монастыре иеромонахом Геннадием построена надиратная деревянная Знаменская церковь.

1780 год, 14 марта – утвержден регулярный план города Мценска.

1781 год, 16 августа – утвержден герб города Мценска. На нем было изображено: “В верхней части герб Орловский. В нижней – пшеничные четыре снопа, в зеленом поле, положенные крестообразно, в знак благословенного сей страны изобилия хлебом”.

1787 год, 18 июня – в шесть часов вечера во Мценск прибыла императрица Екатерина II, имевшая ночлег в незадолго до этого оконченном здании присутственных мест. На другой день после ее отъезда в комнате, где она ночевала, обрушился потолок.

1789 год – составлен “План города Мценска с поселенными при нем слободами”.

Летопись Новосильская

XII век

1155 год – первое упоминание Новосила в летописях в связи с пребыванием в нем супруги князя Юрия Долгорукого княгини Ольги.

XIII век

Конец XII – первая половина XIII века – Новосиль в составе Черниговского княжества.

1246 год – убийство в Орде князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Раздел Черниговского княжества на уделы между его сыновьями: Романом Черниговским и Брянским, Семеном Новосильским и Глуховским, Мстиславом Карачевским и Юрием Тарусским.

XIV век

1325 год, 8 сентября – казнь в Орде князей Александра Новосильского и Дмитрия Михайловича Тверского “единого дни, на одном месте”.

Конец 40-х годов XIV века – великий князь московский Семен Иванович Гордый покупает у князя Семена Новосильского волость Заберегу, располагавшуюся в бассейне реки Береги, притока реки Протвы.

50-е годы XIV века – Верхнеокские княжества состоят в вассальных отношениях с Великим княжеством Московским.

1352 год – перенос князем Семеном Михайловичем столицы княжества из Глухова, опустошенного эпидемией моровой язвы, в Новосиль.

1354 год – по московско-литовскому разделу митрополий Брянская епархия, включавшая и Верхнеокские земли, подчинялась Алексею, митрополиту Московскому.

1362–1363 годы – “бысть мор на люди” в Новосиле.

1370 год – поход воевод великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) против новосильского князя Ивана, союзника великого князя литовского Ольгерда. Взяты москвичами городов Березуйска, Калуги и Мценска, пленение супруги (дочери Ольгерда) и матери князя Ивана. Смещение князя Ивана Новосильского и вступление на княжеский стол его брата князя Романа Семеновича, впоследствии верного союзника Дмитрия Ивановича.

1371 год – безуспешное обращение великого князя литовского Ольгерда к константинопольскому патриарху Филофею с просьбой дать особого митрополита для Киева, Смоленска, Малой Руси, Новосила, Твери и Нижнего Новгорода.

1375 год – поход новосильской дружины под началом князя Романа Семеновича вместе с войском великого князя московского Дмитрия Ивановича на Тверь.

Тот же год, декабрь – разорение татарами Мамая Новосила в отместку за участие новосильцев в походе на Тверское княжество. Татары “Новосильскую землю всю пусту сътвориха”. Перенос князем Романом столицы княжения в Одоев “от насилия Татарского”.

1380 год – участие новосильской дружины под началом князей Романа Семеновича и Семена (Стефана?) Юрьевича в Куликовской битве.

1385 год – князь Роман Новосильский и тарусские князья принимали участие в походе московских войск на Рязанское княжество.

XV век

- 1402 год – заключение великим князем московским Василием I Дмитриевичем (сыном Дмитрия Донского) договорной грамоты с великим князем рязанским Федором Ольговичем с упоминанием о союзных отношениях Москвы и новосильских князей.
- 1404 год, зима – свадьба Семена, сына князя Владимира Андреевича Серпуховского-Храброго, и Василисы, дочери одоево-новосильского князя Семёна Романовича.
- 1406 год – начало войны между Великим княжеством Литовским, с одной стороны, и Великим княжеством Московским в союзе с Верховскими княжествами – с другой. Захват великим князем литовским Витовтом Карачевского, Перемышльского и Белевского княжеств, а также взятие Мценска. Заключение воюющими сторонами на реке Плавле перемирия на год.
- 1407 год – сожжение литовскими войсками Одоева – столицы Новосильского княжества. Возможно, тогда же литовцами был разорен Новосиль, который с того времени прекращает свое существование.
- 1408 год, 14 сентября – заключение мира между Василием I и Витовтом. Одоevo-Новосильское княжество переходит под сюзеренитет Литвы.
- 1422 год – разгром при помощи присланной Витовтом подмоги князем Юрием Романовичем Одоевским орды хана Куйдадата под Одоевом.
- 1427 год – во время поездки Витовта в Рязанское, Провское и Верховские княжества князя Новосильские, Одоевские и Воротыньские приносят ему вассальную присягу.
- 1429 год – Одоevo-Новосильские князья присутствуют на Луцком коронационном съезде.
- 1430 год – великие князья Тверской, Рязанский и Одоevo-Новосильские участвуют в Трокском съезде в Литве.

- 1442 год, 20 февраля – подтверждение вассальной присяги князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротыньскими великому князю литовскому Казимиру IV.
- 1459 год, 22 апреля – подтверждение вассальной присяги князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротыньскими уже польскому королю Казимиру IV.
- 1480 год – ханом Ахматом разорены окрестности города Старого Воротыньска (сейчас село Воротынцево в 7 километрах от Новосила).
- 1483 год, 20 апреля – подтверждение вассальной присяги князьями Новосильскими, Одоевскими и Воротыньскими королю Казимиру IV.
- 1487 год – начало пограничной войны между Русским государством и Литвой, в ходе которой князья Верховских княжеств переходят на сторону Москвы.
- 1494 год, 5 апреля – заключение перемирия между Русским государством и Литвой. Согласно “докончальной” грамоте Великий князь Литовский Александр отказался от всяких прав на князей Новосильских, Воротыньских, Одоевских, Перемышльских, Белевских и их “отчины”. Мценск остался в литовском владении.
- 1500 год – начало новой войны между Русским государством и Великим княжеством Литовским. Московскими войсками занят Мценск.

XVI век

- 1503 год – между Русским государством и Великим княжеством Литовским заключено перемирие, по которому земли в верховьях Оки окончательно закрепляются за Россией.
- 1508 год, 15 января – мирным договором между Великим князем Московским Василием III Ивановичем и польским королем Сигизмундом I Старым подтверждено подданство “служебных” князей Новосильских, Одоевских, Воротыньских и других “в московскую сторону”.
- 1514 год, 8 сентября – после поражения русской рати в битве с польско-литовскими войсками при Орше в плен попал князь Федор Иванович Новосильцев.

- 1555 год, 3–4 июля – бой войска под началом боярина князя Ивана Васильевича Шереметева с ордой хана Девлет-Гирея в урочище Судбищи.
- 1562 год – царь Иван IV Грозный укрепил за князем Михаилом Ивановичем Воротыньским его владения: “Третью Воротыньска, Перемышль, Одоев, Новосиль, острог на Черни”.
- 15 сентября – царь Иван IV наложил опалу на князей Михаила и Александра Воротыньских и распорядился конфисковать их вотчины: Новосиль, Одоев, Перемышль и Воротыньск. Князь Михаил с княгиней был посажен в тюрьму на Белоозере, а князь Александр с супругой – в Галиче.
- 1563 год, весна – возвращение Иваном IV из ссылки князя М.И. Воротыньского и отдача ему прежних владений. Царь пожаловал его “по старому и вотчине его старую, город Одоев и город Новосиль ему совсем отдал и больше старого”, но без Перемышля и Воротыньска.
- 1567 год, лето – в письме, направленном польскому королю Сигизмунду II Августу от имени князя М.И. Воротыньского, он именуется “державцем Новосильским”, а также сообщается, что князь ведет в городе большое строительство. Предположительно в это же время был основан (или восстановлен) Новосильский Свято-Духов монастырь.
- 1569 год – изъятие Новосила из владения князя М.И. Воротыньского и назначение в город воевод Н.Е. Салтыкова и Л. Беклемишева.
- 1570 год, май, сентябрь – два больших татарских набега во главе с царевичами Мухаммед-Гиреем и Алп-Гиреем на Рязань, Каширу и Новосиль. К Новосилу 12 сентября подошло крымское войско в количестве 6–7 тысяч и после нескольких стычек со служилыми людьми ушло прочь.
- 1572 год, 30 июля – 30 августа – участие отряда новосильцев численностью в 450 человек в составе полка князя А.П. Хованского и князя Д.И. Хворостина в

- битве с ханом Девлет-Гиреем при Молодях. Разгром орды Девлет-Гирея.
- Октябрь – по указу Боярской думы из городов Донкова, Дедилова, Крапивны, Новосила, Мценска, Орла, Рыльска и Путяля посланы служилые люди жечь пограничные степи для того, чтобы лишить татарскую конницу корма.
- 1573 год, 13 июня – смерть по пути в ссылку боярина князя М.И. Воротыньского, бывшего владетеля Новосила.
- 1574 год, осень – бой отряда тульского воеводы князя В.В. Серебряного с крымцами и ногаями в урочище Печерниковые Дубровы (на Рязанщине). Посланные ему на помощь новосильский, мценский и орловский воеводы со своими людьми “в сход ве поселили”.
- 1577 год – по боярскому приговору в Новосиле велено набрать 300 казаков для сторожевой службы. Поверстано 153 человека.
- 1581 год – в стычке с татарами погиб новосильский воевода Семен Иванович Коркодинов.
- 1588 год – новосильские служилые люди приписаны к Большому полку “украинного разряда”, стоявшему в Туле.
- 1593 год, март – для вооружения строящейся Елецкой крепости из Новосила “по государеву указу” воеводой Микитой Михайловичем Пушкиным посланы “три пищали десятипядных, да пятьдесят пуд зелья, да пятьдесят пуд свищу”.
- 1598 год, июль – через Новосиль проехали послы крымского хана Казы-Гирея. Встречать их прибыл чернский воевода Андрей Замытский “со всеми людьми”.
- 1599 год – по указу царя Бориса Годунова и Боярской думы три полка “украинного разряда” переведены во Мценск, Новосиль и Орел.

XVII век

- 1603 год – первым воеводой полка, расположенного в Новосиле, назначен воевода Михаил Борисович Шени – будущий герой обороны Смоленска в 1609–1611 годах.

1605 год – в Новосиле сосредоточиваются войска, посланные на Елец, восставший против нового царя Василия Шуйского. Над ними начальствовали: в Большом полку – М.Ф. Кашин, И.И. Шуйский; в Передовом полку – М.Б. Шени, князь В.Г. Чертенюк-Долгорукий и И. Хованский.

Осень – царское войско потерпело поражение под Ельцом от повстанцев Истомы Пашкова. Попытка М.Ф. Кашина отступить на Новосиль закончилась неудачей, гарнизон и население восстали и не пустили государевых ратников в город. Каширину пришлось отходить на Тулу. В Новосиль вступили отряды И. Пашкова, двигавшиеся на Москву, к которым присоединились многие новосильцы.

1611 год – Новосиль сожжен черкасскими (украинскими казаками).

1613 год – окрестности Новосила пострадали во время прохождения через уезд отряда казачьего атамана И. Зарудного с женой Лжедмитрия I Мариной Мишик.

Тот же год, май – мценянин Кунай Отарков от лица новосильских выборных “дворян и детей боярских, и посадских и уездных людей” подписал в Москве Утвержденную грамоту о выборе на царство Михаила Федоровича Романова.

1613–1615 годы – участие новосильских стрельцов и казаков (около 200 человек) в безуспешной осаде Смоленска.

1614–1615 годы – писцы Поместного приказа Петр Есипов и подьячий Венедикт Махов составили Дозорную книгу города Новосила.

1615 год, август – 200 новосильцев и чернян (в том числе 100 казаков новосильских и чернянских) в полку воеводы С. Исленьева в составе рати князя Д.И. Пожарского участвовали в бою с отрядом литовского полковника А. Лисовского на Царевом Броде под Орлом.

1617 год, август – новосильские служилые люди под началом головы Ф. Мольгина разбили татарский отряд в Чернянском уезде в деревне Дубны.

1618 год, 1 декабря – заключение Деулинского перемирия с Речью Посполитой.

1619 год – полк “украинного разряда”, ранее стоявший в Новосиле, переведен севернее – в Дедилов. Строителем Порфирием восстановлен Свято-Духов монастырь.

1625 год, июль – татарский набег. Новосильский воевода князь И. Катырев-Ростовский проявил нерадивость и “мешкоту” при отражении татар, за что получил выговор от царя Михаила Федоровича.

1625–1626 годы – писцом К.М. Пуцциным и подьячим Борисом Ивановым составлена Писцовая книга города Новосила и уезда.

1628 год – отряд из 450 татар, действовавший в Новосильском и Ливенском уездах, разбит ливенскими служилыми во главе с головой И. Рагозиным на реке Фошне, а новосильский полон освобожден.

1632 год, август – большой татарский набег. Около 10 тысяч татар окружили Новосиль, штурмовали его, но взять не смогли. В то же время распущенные ими сгонные отряды опустошили часть Мценского и значительную часть Новосильского уездов. Блокировав Новосиль, татары помешали местному войску сосредоточиться в городе, и ратным людям пришлось принять бой в Вяжах, куда сбежалось около 2-х тысяч человек. Бой был проигран, татары сожгли Вяжи и забрали много пленных. Получив известие о вторжении татар, к Новосилу выступил с частью мценского гарнизона воевода И.М. Вельяминов. 6 августа он нанес поражение татарам у деревни Высокой, отбив 2700 человек мценского и новосильского полона. В тот же день он разбил двухтысячный татарский отряд в деревне Лыковой, после чего татары успешно покинули Новосильский уезд.

11 октября – сотня татар захватила в полон крестьян в Новосильском уезде на

Остроганце, но при отходе была настигнута служилыми людьми во главе с новосильцем П. Глотовым, посланным воеводой И.М. Вельяминовым. Татар разгромили и отняли 88 человек полона.

Октябрь – отряд новосильских детей боярских (80 человек) участвовал во взятии у литовцев города Серпейска.

1633 год, 29 апреля – к Новосилу подходили “татарове многие люди”. Высланные Чаадаем Спешневым головы с сотнями отбросили татар от города и взяли 6 языков.

1634 год, лето – большой набег крымских татар. К Новосилу подходил пятитысячный татарский отряд, который после нескольких стычек пошел далее, на Чернь. Мценский воевода Д. Колтовский разбил татар 10 августа у деревни Лыковой и в Новосильском уезде в устье речки Колпны. В сражении участвовали и отличились новосильцы С. Росцулин, Ф. Житкой, В. Головин, А. Данилов и другие.

1635 год, август – набег татар на Новосильский уезд. На реке Зуше при устье Колпны ратные люди навязали бой крымцам и отбили у них 326 человек полона.

Осень – участие новосильцев в восстановлении города Орла (до лета 1636 года).

1636 год – воеводой Дмитрием Сеитовым для защиты посадов и слобод вокруг Новосила поставлена линия надолб протяженностью около трех верст.

Май – большой набег татар, которых собралось в Новосильском уезде около 10 тысяч. Новосильцы, черяне и донские казаки нанесли поражение крымцам у Желябовского острожка и отбили 128 человек полона. Еще одно поражение татары понесли под Мценском, в деревне Илькове, где у них отбрали 1500 пленных.

1637 год, весна – ноябрь – 10 новосильских пеших стрельцов и 45 конных казаков участвовали в строительстве крепости Усерд на Белгородской черте. Отпущены домой в ноябре.

Тот же год, 1 апреля – согласно указу царя Михаила Федоровича Новосиль с уездом включен в число “заказных” (запретных) городов, где крупным вотчинникам запрещалось приобретать земли и поместья, защищая тем самым землевание мелких служилых людей юга страны от произвола богатых землевладельцев. Система заказных городов просуществовала до конца XVII века.

1637 год, сентябрь – большой набег крымских татар во главе с царевичем Сафат-Гиреем и мурзами. Татары четыре дня пытались взять Новосиль, атакуя “большими и жестокими приступы”, сильно опустошили уезд, а также сожгли Свято-Духов монастырь. Всего крымчаки увели в полон 1275 человек (едва не две трети населения уезда), в том числе из вотчин Свято-Духова монастыря 270 человек.

1638 год, весна – воеводой И. Турским отремонтирован тайник – подземный ход из крепости к роднику на берегу Зуши.

1639 год, 21–22 сентября – большой набег крымских татар во главе с крымским ханом. Двухдневная осада ими Новосила, к которому они приступали “жестокими приступы”. В бою отличился “недоросль” сын боярский Митыка Боркалов, зарубивший двух татар.

1639–1641 годы – направление на поселение в Новосиль украинских казаков-черкас. Устройство ими в городе Черкасской слободы. Переселение украинцев по их желанию в Кромы.

1645 год – Новосильская крепость дополнительно укреплена воеводой Ф.М. Плещеевым путем постройки новой рубленной стены с башней на мысу при впадении в реку Зушу Градского оврага.

1646–1648 годы – участие новосильцев в строительстве и заселении городов Карпова и Болхового на Белгородской черте.

1647 год – на строительство города Царева-Алексеева (Нового Оскола) направлены 619 детей боярских, стрельцов и

- казаков из семи городов: Черни, Новосила, Ливен, Ельца, Талецкого, Чернавска и Старого Оскола. В том же году в пригороде Царева-Алексеева Верхосенске "на вечное житие" устроили 395 человек "сведенцев" из Ефремова, Новосила, Гремячего, Тулы, Донкова и Дедилова. Правда, почти все они разбежались, и в Верхосенске осталось лишь 54 человека.
- 1654 год, 15 сентября – "Николин день" – моровое поветрие в Новосиле, умерло "всяких чинов людей, мужеска полу и женска" 278 человек, "а в остатке в городе и в слободах, всяких чинов людей, 513 человек".
- 1658–1659 годы – в ходе русско-польской войны (1654–1667) производился набор даточных людей в полк окольного и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского "с товарищи". Во Мценске, Новосиле и Черни набрано 115 человек.
- 1659 год, начало августа – Новосильский уезд подвергся нападению крымских татар и украинских казаков-черкас, которые сожгли многие деревни и увели в плен людей. В плен татарами угнано 1424 человека мужского пола и 1894 – женского. Зарублено 25 человек. Сожжено 532 двора.
- В тот же год в Новосиле побывал воевода С.И. Колтовский, посланный с инспекцией для осмотра оборонительных сооружений южнорусских городов. Им была составлена смета для ремонта укреплений Новосила.
- 1663 год – царем Алексеем Михайловичем в Свято-Духов монастырь пожалованы богослужебная утварь, книги, иконы, в том числе, предположительно, знаменитый впоследствии образ Св. Николая "Доброго".
- 1664 год, август – в Новосиль по царскому указу прислан новый вестовой колокол весом восемь пудов двадцать две гривеньки вместо разбитого в 1662 году. Обломки старого отосланы в Москву.
- 1670 год, 2 октября – в стране бушует крестьянская война под предводительством С.Т. Разина. Ефремовский стрелецкий и казачий голова И.Л. Замятин нагнал и разбил в Новосильском уезде "на Лакотках" отряд "воровских казаков человек 40 и болши", перед этим разграбивших село Новое Гольское Ефремовского уезда, и отбил у них женщин и имущество.
- 1672 год, 22 сентября – новосильскому воеводе И.Л. Пятово послана царская грамота о ремонте обветшавших крепостных стен, съезжей избы, тайника и воеводских хором. Указа не исполнен по причине болезни И.Л. Пятово.
- 1678 год – Новосильская крепость капитально отремонтирована и перестроена воеводой А. Мишковым.
- 1680–1681 годы – массовое бегство крестьян с семьями из Новосильского и других южных уездов к Изюмской черте, вызванное слухами о восстановлении царской властью права крестьянского перехода от одного помещика к другому (так называемого "Юрьева дня"), и о разрешении крестьянам переселяться к Изюмской черте до 1 сентября 1680 года, где переселенцы получают свободу и льготы. Скопище беглых было разгромлено полковником Табисом Альбрехтом у городка Полатова, а крестьян возвратили прежним владельцам.
- 1685 год – писцом стольником В.М. Игнатьевым и подьячим В. Никифоровым составлена опись Свято-Духова монастыря.
- 1686–1687 годы – при церкви Св. Ильи Пророка в Стрелецкой и Пушкирной слободах основан Ильинский женский монастырь. Первой настоятельницей стала старица Матридея.

XVIII век

- 1702 год – по указу царя Петра I стольником М.Т. Толубеевым составлены описи Новосильского Успенского собора, Свято-Духова мужского и Ильинского женского монастырей.

Начало XVIII века – учеником инженерной роты Тихоном Опачинным изготовлен чертеж Новосильской крепости – первое графическое изображение города.

- 1703 год – составлена последняя роспись боевого состояния Новосильской крепости. Согласно ей, гарнизон города насчитывал 3773 человека "разных чинов" – стрельцов, казаков, пушкарей, драгун и других служилых.

1708 год – Новосиль приписан к Киевской губернии.

1718 год – Новосиль исключен из штата российских крепостей.

1719 год – Новосиль определен в Орловскую провинцию Киевской губернии.

Середина XVIII века – вместо обветшавшего Успенского собора в Новосильском кремле "приходскими людьми" построен новый, деревянный храм.

1754 год – игуменом Ювением начато строительство в Свято-Духовом монастыре деревянной теплой Крестовоздвиженской церкви.

30 июня – иеромонахом Иосифом в Свято-Духовом монастыре заложен Троицкий собор – первая кирпичная постройка Новосила.

1755 год, ночь с 4 на 5 февраля – Свято-Духов монастырь подвергся нападению разбойников, которые "мучили игумена и ограбили его пожитки и монастырские деньги, а келейника его убили до смерти".

19 октября – по указу Духовной консистории на месте недостроенной монастырской Крестовоздвиженской церкви начато строительство кирпичной колокольни.

1756 год, 29 марта – произошел "Великий" пожар, истребивший почти весь город, а заодно и обветшавший Новосильский кремль.

1764 год, май – в связи с предстоящей секуляризацией монастырских земель в Новосиль послан поручик Сибирского пехотного полка Ефим Одоевцев, составивший описи Свято-Духова и Ильинского монастырей.

Закрытие монастырей и обращение их в приходские церкви по причине малочисленности монашествующих. Строительство на месте упраздненного Ильинского монастыря на средства купчихи Дубровиной кирпичной Казанской церкви с приделом Св. Ильи, приписанной к Успенскому собору.

1766 год – Новосиль вошел в Орловскую провинцию Белгородской губернии.

1767 год – по ходатайству новосильского дворянства Свято-Духов монастырь открыт вновь и причислен к разряду заштатных и общежительных Московской епархии.

1768 год – старый деревянный Троицкий собор Свято-Духова монастыря продан в село Георгиевское Мценского уезда.

1770 год – завершена отделка и совершено большое освящение каменного Троицкого собора Свято-Духова монастыря.

1775 год, февраль – нападение разбойников на Свято-Духов монастырь, разграбление ими имущества и убийство одного из монашествующих. Новосиль переведен из Крутицкой епархии в Воронежскую.

1777 год – Новосиль определен в Тульское наместничество.

1778 год, 8 марта – утвержден герб Новосила. На нем изображены: "По зеленому полю разметанные через ряд: цветки васильки и золотые класм (колосья. – В.И.), изъявляющие плодоносие полей окружности сего города".

1779 год, 16 ноября – утвержден регулярный план города Новосила.

1780 год – окончена колокольня в Свято-Духовом монастыре. В одном из примыкавших к ней флигелей устроена Крестовоздвиженская церковь, освященная в том же году.

1788 год – Новосиль переведен из Воронежской в Коломенскую епархию.

1797 год – Новосиль вошел в состав Тульской губернии.

1799 год – Новосиль приписан к Тульской епархии. 16 ноября утвержден откорректированный регулярный план застройки города.

Летопись Ливенская

XII век

1156 год – набег половцев на земли по реке Быстрой Сосне и разорение ими русских селений. Разгром степняков рязанской погонеи.

Около 1180 года – первое упоминание Ливен в родословной Рязанских князей. Ливны – стольный город удела в Рязанском, затем в Елецком княжестве.

XIV век

Разорение Ливен татарами. Прекращение существования города (предположительно).

1380 год – посылка великим князем московским Дмитрием Ивановичем (Донским) на реку Быструю Сосну сторожи в составе Родиона Рженского, Андрея Волосатого, Василия Тупика “и иных крепких и мужественных на сие” для проводывания замыслов Мамай. Взятие ими “языка”.

1395 год, август – взятие и разорение Тимуром Ельца и земель в Пососенье. Пленение и смерть елецкого князя Федора Ивановича.

XV век

1414 год, сентябрь – набег татар на земли по реке Сосне. Взятие и сожжение ими Ельца, гибель елецкого князя. Уцелевшее население покидает Пососенье и уходит в Рязань.

1463 год – вхождение Пососенья в состав Московского государства.

1483 год – подтверждение владения Московским государством землями по реке Сосне в договорной грамоте между великим князем Московским Иваном III и рязанским князем Иваном Васильевичем.

1492 год – воеводы Федор Колтовский и Горюхи Суворов нагнали и разгромили отряд ордынских татар “в Поле, промеж Трудов и Быстрые Сосны”.

XVI век

1556 год – устройство на мысу при слиянии рек Ливенки и Сосны сторожи для предупреждения набегов крымских татар.

1557 год – на реку Быструю Сосну из Дедилова послан воевода Иван Петрович Яковлев-Хирон, а из Мценска – князь Петр Васильевич Горенский с войском. Соединившись, воеводы стали “на усть Ливен”.

1559 год, август – из Дедилова на Быструю Сосну послан воевода Иван Фетцов с ратными людьми, “а стоять ему было в Серболовом лесу”.

1560 год – три полка русской рати во главе с князем Александром Ивановичем Воротыньским выдвинуты на Быструю Сосну “для приходу крымского царя”, “а стоять им на поле на Ливане”.

1565 год – новосильскому воеводе князю Ю.Ф. Барятинскому было указано со своими людьми “идти на Поле к Сосне и за Сосну”.

1571 год – утвержден список сторож, которые должны были выставляться воеводой города Донкова на реках Быстрой Сосне и Дону. Самой восточной из них являлась сторожа “на Сосне усть Ливен”. Стоять на ней должны были служилые люди из Донкова, Епифани, Дедилова, Новосила и Мценска, по два человека от города под началом старого головы.

1575 год – “На Сосне усть Ливен” учреждена общероссийская сторожа, на которую на летнее время послан воевода М.Д. Карпов с ратными людьми.

1576 год, 15 марта – воеводами на Ливенскую сторожу посланы князь Иван Охлябинин и Михаил Глебов со служилыми из Новосила. В сентябре сторожа подверглась нападению татар и была разгромлена.

1577 год – упразднение ливенской сторожи в связи с выдвижением линии сторож на реки Донец, Оскол и Дон.

1586 год, 1 марта – Боярской думой и царем Федором Ивановичем принят указ об основании городов Ливны и Воронеж.

Тот же год, весна – князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский и голова Лукьян Хрущев zaloжили город Ливны.

Тот же год, июль-ноябрь – строительство и обустройство города.

1587 год – на Ливнах учреждены 13 сторож для предупреждения татарских набегов.

1591 год, апрель – по приговору Боярской думы на Ливнах велено “учинить две станицы добрые” для проводывания “татарских вестей”.

Тот же год, июнь – восточнее Ливен через Сосну переправилась 150-тысячная орда хана Казы-Гирея, двигавшаяся на Москву. Разгром Казы-Гирея в битве под Москвой 4–5 июля.

Тот же год, 10-е числа июля – отступление орды мимо Ливен.

1592 год – участие ливенцев в строительстве и заселении города Ельца. Ливенскому воеводе И.М. Бутурлину было велено выслать в Елец “на житье” 60 ливенских казаков – “лучших, прожиточных и семейных”. По указу царя Федора Ивановича в погону за крымскими царевичами, ухидившими после набега на Русь, с Ливен посланы воевода Иван Бутурлин,

Артемий (Ортемий) Колтовский и голова Афанасий Зиновьев. Первое упоминание о Сергиевом мужском монастыре.

1593 год – в окрестностях Ливен на мосту через Сосну между русскими послами боярином Федором Ивановичем Хворостининым, оружничим Богданом Яковлевичем Бельским и крымским послом Ахметом-пашой велись переговоры о мире. В этом же году нападению азовских татар и ногаев Дивеева улуса подверглись Ливенский и Воронежский уезды.

1595 год, лето – сооружение думным боярином дворянином Вельямином-Воронцовым близ Ливен засеки.

1599 год, лето – в Ливнах воеводами Б.Я. Бельским и С.Р. Алферьевым проведен смотр служилых людей из разных городов, собранных для строительства Царева-Борисова.

Осень – из Ливен в новообразованный город Валуйки послан наряд (артиллерия) и зельные припасы (порох и ядра).

XVII век

1601–1603 годы – большой голод в Русской земле, затронувший и Ливны. Люди “ядома всяку траву и мертвечину и пес и кошка али кору липовую и сосновую”.

1605 год, 21(31) января – разгром войсками царя Бориса Годунова отрядов Лжедмитрия I под Добрыничами. На стороне правительственных войск в сражении принимали участие 200 ливенских конных казаков с пищалями.

Начало марта – восстание в Ливнах в поддержку Лжедмитрия I. Убийство ливенцами воеводы Алексея Плещеева, отказавшегося присягнуть самозванцу.

Тот же год – 7(17) марта иезуиты Чижевский и Лавицкий, находившиеся в стане Лжедмитрия I, получили известие о переходе на сторону самозванца Ельца и Ливен.

- 1606 год – Ливны примкнули к восстанию И.И. Болотникова. Бегство из города воеводы М.Б. Шеина.
- 1609 год, май – вторжение крымского паревича Джанибек-Гирея, опустошение им Ливенского уезда.
- 1613 год – ливенцы под руководством воеводы Г. Колтовского отбили от города отряд казачьего атамана И. Заруцкого.
- Тот же год – ливенские служилые люди под началом своих голов направлены в поход на Лебедянь к воеводе Н.И. Одолевскому для участия в погоне за И. Заруцким.
- Тот же год, май – священник Георгиевской церкви в Ливнах Гавриил от лица ливенских выборных поставил подпись на Утвержденной грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича Романова.
- 1614 год – ливенцы разгромили ногайский отряд, возвращавшийся из набега на рязанскую землю, и отбили захваченный полон.
- Тот же год, конец июля – 9 августа – под Ливнами между русскими послами и послами крымского хана Джанибек-Гирея заключен мирный договор.
- 1615 год, август – ливенский воевода С.И. Исленьев с местными служилыми людьми (300 человек) в составе войска князя Д.М. Пожарского участвовал в битве с польско-литовским отрядом А. Лисовского на Царевом Броде под Орлом.
- 1616 год – в походе на поляков и литовцев с князем Д.М. Пожарским участвовали 300 ливенских дворян и детей боярских и 300 казаков.
- Тот же год, октябрь – ливенские воеводы Тимофей Измайлов и Петр Данилов настигли крымцев на Большом Колодезе в 30 верстах от Оскола. Татар разгромили и гнали 10 верст, отняв у них 557 русских пленных.
- 1617 год, май – к Ливнам подошел татарский отряд численностью около 300 человек. Воеводы Т. Измайлов и П. Данилов сделали вылазку из крепости, опрокинули их и погнали в степь, захватив в плен мурзу и 10 татар, а также отняли весь русский полон.
- Тот же год, август – ливенский казачий голова Микита Бестужей разбил татарский отряд на устье реки Чернавы, взял пленных и освободил 372 человека русского полона.
- Тот же год, октябрь – воевода Никита Егупов-Черкасский и Петр Данилов разбили в 120 верстах от Ливен татар, “многих побили, языки поимали, и половину русских людей розных городов отбили 221 человек”. Еще один татарский отряд был разгромлен в 50 верстах от Ливен, взяты “языки”, и освобождены русские пленные.
- 1618 год, конец мая – начало июня – ливенские воеводы Н. Егупов-Черкасский и П. Данилов перебили татарский отряд, разграбивший в Серболовом стане деревню Грязцы, и отбили русских пленных.
- 1618 год – Ливны взяты приступом и разорены войсками запорожского гетмана П. Конашевича-Сагайдачного.
- Тот же год – десятерым ливенским казакам за участие в обороне Москвы от войск польского королевича Владислава пожалованы в Ливенском уезде дополнительные земельные угодья в придачу к уже имеющимся.
- 1619 год – восстановление ливенской крепости воеводой Григорием Измайловым.
- Тот же год, май – в новоотстроенный Сергиев монастырь присланы из Москвы иконы, книги и богослужебная утварь.
- 1623 год, август – набег и разорение Ливенского уезда крымскими татарами, пятидневная осада ими Ливен.

- 1625 год, 17 июля – бой ливенских служилых людей с крымскими татарами на Карпичном и Телячьем бродах через Сосну.
- 1627 год, 14 октября – в Ливнах схвачен Ануфрий, крестьянин ливенского помещика А. Самойлова, объявивший себя сыном окольного И.Ф. Басманова. После судебного разбирательства самозванца вместе с семьей в 1628 году сослали в Сибирь.
- 1628 год – ливенцы под началом Ивана Рагозина разбили отряд татар на реке Фошне и отбили полоняников из Курского, Новосильского и Оскольского уездов. В плен взято 57 татар.
- 1630 год – ливенские служилые люди – стрельцы и казаки в составе конвоя воеводы Ивана Карамышева сопровождали в судах по реке Дон русских послов Андрея Совина и дьяка Михаила Алфимова (Олфимова), направлявшихся для переговоров с турецким султаном Мурадом в Стамбул.
- Конец того же года, декабрь – для пушек Ливенской крепости “в прибавку” послано 526 ядер.
- 1632 год, 18 июля – на службу в государственные полки в Можайск для будущего похода на Смоленск русской рати М.Б. Шеина и А.В. Измайлова отправлено 70 конных ливенских казаков и атаманов.
- Тот же год, май–август – большой набег крымских татар и сильное разорение ими Ливенского уезда. В плен уведено 1232 человека. Разгром отряда ливенских служилых людей (700 человек) в бою под Савинской дубравой.
- 4 сентября – отряд ногайских татар численностью более 600 человек, возвращавшийся после набега на Елецкие, Донковские и Лебедянские места под началом мурзы Орослана, появился под Ливнами “на посадских полях”. Ливенские служилые люди дали ему бой, но больших потерь причинить не сумели, и татары поплы “на Руси вон”. В стычке был взят в плен татарин Мармат Беть.
- 1633 год, 17 июля – к Ливнам подходило тридцатитысячное войско крымских татар. Ливенские служилые люди дали бой его передовому пятисотенному авангарду. Татар не только отбросили, но и взяли в плен пятерых. Этим же летом ливенцы бились с татарами под Серболовым лесом, “и татар многих побили и полон многий отбили, а в языцех взяли татар 7 человек”.
- 1635 год, лето – ливенцы участвовали в заселении новооснованного Чернавского острога (к востоку от Ливен, между Ливнами и Ельцом).
- 1637 год, весна – ноябрь – участие ливенцев (22 стрельца, 69 конных казаков и 3 пушкаря) в строительстве крепости Усерд на Белгородской черте. Отпущены домой в ноябре.
- Тот же год, 1 апреля – согласно указу царя Михаила Федоровича Ливны с уездом включены в число “заказных” (запретных) городов, где крупным вотчинникам запрещалось приобретать земли и поместья, защищая тем самым земельное владение мелких служилых людей юга страны от произвола крупных феодалов. Система “заказных городов” просуществовала до конца XVII века.
- Тот же год, 31 июля – во время набега на Ливенский уезд крымских татар ими взято в полон 142 человека – мужчин, женщин и детей, шестеро убито.
- 1639 год, апрель – 59 черкас (украинских казаков) атамана Устина Холоимова поселены в Ливнах в Афанасьевской слободе.
- 1640–1641 годы – Ливенская крепость заново перестроена.
- 1643 год, 3 августа – отряд татар численностью около 600 человек вторгся в Серболов стан Ливенского уезда.

- Посланные против них головы Микла Вельяминов и Яков Ильин со служилыми людьми дали бой у деревни Грязцы. После, преследуя татар, они натолкнулись на их главные силы численностью около четырех тысяч, стоявшие на реке Сосне на Нетесовском поле, и полдня бились с ними, вынудив покинуть территорию уезда. Татары потеряли много людей убитыми, ранеными и троих пленными. Несколько человек убитыми и пленными потеряли и ливенцы.
- 1644 год, 5–6 сентября – участие ливенских служилых людей во главе с Игнатом Енинным в обороне от татар Тагинского острожка.
- 1645 год, декабрь – ливенский воевода Д.И. Репей-Плещеев послан в Курск на помощь для отражения татарского набега. В Ливенскую крепость прислали 20 знамен.
- 1646 год – участие ливенцев в строительстве и заселении городов Карпов и Болховой на Белгородской черте. С 29 октября по 10 декабря велись работы по насыпке земляного вала по берегам реки Северский Донец за речкой Раумной, в возведении которого в числе прочих были задействованы 100 ливенских полковых казаков.
- 1647 год – на строительство города Царева-Алексеева (Нового Оскола) направлены 619 детей боярских, стрельцов и казаков из семи городов: Черни, Новосила, Ливен, Ельца, Талецкого, Чернавска и Старого Оскола. В августе со строительства вала бежали 47 елецких и ливенских казаков. В том же году в Царев-Алексеев из Ливен переселили 280 человек (100 детей боярских, 160 казаков, 20 стрельцов).
- Тот же год, 17 августа – большой пожар в Ливнах. Сгорел Сергиев монастырь с тремя храмами, две приходские церкви и 328 дворов служилых и жильских людей.
- 20 августа – пожар в Покровской слободе, сгорело пять казачьих дворов.
- 1650 год – воеводой Я. Кологривовым произведен ремонт Ливенской крепости.
- 1651 год – моровое поветрие в Ливнах.
- 1652 год – с боярином и воеводой князем Григорием Семеновичем Куракиным было велено быть “в ходе” в Путивле на случай набега украинских казаков и татар: “С Ливен Никита Зыбин, с ним дети боярские ливенцы, и казаки, и стрельцы, и черкасы с головами и сотниками”.
- 1653–1654 годы – основание в Ливнах Черкасской слободы из украинских казаков, бежавших из Польши.
- 1659 год – татарский набег, во время которого серьезно пострадали городские посады, сожжен Сергиев мужской монастырь. Ливенский кремль выдержал тяжелую осаду.
- 1666–1667 годы – основание в Ливенском кремле по указу Преподобного Павла Митрополита Сарского и Подонского Николаевского девичьего монастыря.
- 1677 год – ливенская крепость полностью перестроена воеводой Василием Гриневым, удостоенным за это царской благодарности. Ее чертеж и “городовой образец” (макет) посланы в Москву.
- 1681 год, 27 ноября – по указу царя Федора Ивановича Ливны велено назначить центром епархии и образовать в городе епископию. Резиденцией епископа был определен Сергиевский монастырь. Но этот указ так и не был осуществлен из-за скоростигийной смерти царя Федора Ивановича (1682 год).
- 1682 год – в Заливской Казачьей слободе строится деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы.
- 1692–1693 годы – начало строительства церкви Св. Сергия Радонежского в Сергиевом монастыре – первого кирпичного сооружения Ливен.

XVIII век

- 1708–1718 годы – Ливны в составе Киевской губернии.
- 1711 год – последний капитальный ремонт Ливенской крепости: “где имели быть слабые места, починены поротив прежняго; тайник из города к реке Сосне сделан заково”.
- 1718 год – Ливны исключены из штата российских крепостей.
- 1719 год – Ливны отнесены к Елецкой провинции Азовской губернии.
- 1726 год – в Заливской казачьей слободе от удара молнии сгорела деревянная Покровская церковь. На ее месте построен новый деревянный храм, освященный в то же имя.
- 1727 год – Елецкая провинция включена в Воронежскую губернию. В Егорьевской казачьей слободе строится кирпичная Георгиевская церковь с колокольней.
- 1728 год – в Заливской Покровской казачьей слободе возводятся деревянная церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
- 1734 год – в Сергиевом мужском монастыре построена кирпичная Тихвинская надвратная церковь, а территория обители обнесена стеной с башенками.
- 1739 год – в Ливенском кремле строится кирпичный Троицкий собор с приделами Рождества Богородицы и Св. Дмитрия Ростовского Чудотворца (по другим данным, возведен в 1732 году). В Сергиевом мужском монастыре основано духовное училище – “Русская школа”.
- 1750 год – строительство в Ливенском кремле при Николаевском девичьем монастыре кирпичной церкви Воскресения Христова с приделом Св. Николая Чудотворца.
- 1752 год – на торговой площади возведена кирпичная церковь Св. Великомученицы Параскевы Пятницы с колокольней.
- 1760 год – на торговой площади возведена кирпичная церковь Рождества Пресвятой Богородицы (по другим данным, построена в 1730 году), а в Беломестной слободе – кирпичный же храм Св. Дмитрия Солунского.
- 1763 год, 12 марта – в Ливнах родился Федор Васильевич Ростопчин, граф, генерал-губернатор Москвы в 1812–1814 годах. Запись о его рождении была сделана в метрической книге Георгиевской церкви.
- 1764 год – Сергиев монастырь внесен в разряд заштатных и оставлен на своем содержании. В ходе секуляризации монастырских земель его вотчины конфискованы в пользу государства.
- 1766 год, 13 марта – закрытие по указу Воронежской духовной консистории Сергиева мужского и Николаевского женского монастырей в Ливнах.
- 1770 год – строительство кирпичной церкви Св. Николая Чудотворца в Стрелецкой и Ямской слободах.
- 1774 год – “Великий пожар” в Ливнах. Сгорела большая часть города и обветшавший Ливенский кремль.
- 1778 год – Ливны учреждены уездным городом Орловской губернии.
- 1779 год, 5 февраля – в Ливнах вице-губернатором Балашовым открыты присутственные места – орган управления городом и уездом. В Успенской казачьей слободе возводятся деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы с приделом Покрова Пресвятой Богородицы.
- 1780 год, 14 марта – утвержден генеральный план города Ливны.
- 1781 год, 16 августа – утвержден герб города Ливны. На нем изображено: “В верхней части щита герб Орловский. В нижней – три летящие перепелки в золотом поле, которыми сия страна отменно изобилует”.
- 1789 год – составлен “План города Ливен с поселенными при нем слободами”.

Летопись Кромская

XII век

1147 год – первое упоминание о Кромах в летописи в связи с заключением мира между новгород-северским князем Святославом Ольговичем и черниговскими князьями Давыдовичами.

XIII–XIV века

Запустение Кром. Прекращение существования города.

XVI век

1571 год – из Орла к Кромскому городищу для предупреждения татарских набегов высылается конная сторожа из шести человек.

1594 год – на старом Кромском городище по указу царя Федора Ивановича князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский и голова Петр Кошкаров поставили город Кромы.

XVII век

1604 год – сотня кромских казаков участвовала в обороне Новгорода-Северского от войск Лжедмитрия I.

1604 год, декабрь – кромляне присягают Лжедмитрию I. Поход кромлян и восставших крестьян Околенской волости на Орел, разгром их сотней Самойла Ладыженского.

1605 год, февраль – осада Кром отрядом царских войск под началом воеводы Ф.И. Шереметева.

1605 год, март–апрель – осада Кром главными силами царской рати во главе с воеводами Ф.И. Мстиславским, И.И. и Д.И. Шуйскими.

1605 год, 17 мая – мятеж в армии, осаждавшей Кромы. Переход части рати и воеводы П.Ф. Басманова на сторону Лжедмитрия I.

1606 год, август–сентябрь – осада оставших Кром войсками царя Василия Шуйского под предводительством воевод князя Ю.Н. Трубецкого и М.А. Нагого. Поражение правительственных войск в сражении с отрядами И.И. Болотникова и их отступление к Орлу.

1606–1607 годы, зима – конец апреля – зимовка в Кромах польско-литовского отряда Р.К. Рожинского.

1611 год, январь–март – Кромы прикнули к Первому ополчению П. Ляпунова.

Тот же год, осень – для сбора бараньих шуб для ополченцев в городе Перемышль, Болхов, Орел и Кромы послан Константин Опухтин (Апухтин).

1616 год, декабрь – литовцы “воевали” Кромские места.

1618 год – по приговору Боярской думы город Кромы упразднен, а его уцелевшее население переведено в Болхов.

1621 год – восстановление города по указу царя Михаила Федоровича. Для “осадного времени карачевцы и кромляне всем городом с нарядом и со всеми казенными запасами сведены в Карачев и в Кромы”.

1625 год, осень – согласно отписке воеводы Ивана Щербачева, в Кромах насчитывалось всего 105 человек служилых и жилацких людей.

1631 год – ветхая Кромская крепость заново отстроена воеводой С. Дашковым и подьячим Иваном Титовым.

1633 год, 30 августа – пожар в Кромском кремле, во время которого сгорели

двор стрельцкого и казачьего головы Дмитрия Сомова, “стрелецкие осадные дворы и животы и запасы”, а также были повреждены стены и башни. В том же году воевода С. Барятинский построил плотину на реке Недне, выгребил крепостной ров и поставил в нем тмы.

1634 год, 29 июля – осада Кром крымскими татарами, и “на том бои многих татар побили”. Кромчане потеряли четырех человек убитыми и многих ранеными.

1637 год, весна – ноябрь – 18 пеших кромских стрельцов и 16 конных казаков участвовали в строительстве крепости Усерд на Белгородской черте. Отпущены домой в ноябре.

Тот же год, сентябрь – набег татарского царевича Сафат-Гирея. В Кромском уезде пленено 6 человек.

1639 год, апрель – в Кромы присланы на поселение 32 украинских казака с семьями, основавших в городе Черкасскую слободу.

1644 год, 2–16 сентября – очередная осада Кром крымскими татарами и погайцами. Потери кромлян: убито двое казаков и казачий сын, двое казаков и пятеро казачат попали в плен.

1646 год – участие кромлян в строительстве и заселении городов Карпова и Болхового на Белгородской черте.

1648 год – устройство присланным из Пушкарского приказа Е. Быковым селитренного завода, просуществовавшего несколько лет. Разрытие при добыче селитры валов острога Завитай.

1658–1659 годы – в ходе русско-польской войны (1654–1667) осуществлялся набор даточных людей в полк окольного и воеводы князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского “с товарищи”. В Орле и Кромах набрано 25 человек.

1661 год – нападение крестьян села Хотьково и деревни Шаблыкниной Кромского уезда “с луки и с пиццали и с рогатины” на стрельцов князя И.И. Лобанова-Ростовского, реквизировавших у них подвод. Ратными людьми с оружием в руках схвачены священник села Хотьково Григорий и крестьянин Иван Яковлев.

1662 год – ремонт Прокофием Степановичем Безобразовым земляного вала острога Завитай в Кромах (не окончен).

1667 год – воевода И.М. Юшков дополнительно укрепил Кромскую крепость. Благодаря сооруженной им на реке Недне плотине Кромской кремль – “Малый острожек” оказался на острове. За проведенные работы воевода удостоился царской похвалы.

1671 год – Кромская крепость заново перестроена и укреплена воеводой Иваном Ушаковым. “Городовой образец” (макет крепости), изготовленный казенным плотником Процькою Плишевым, отослан в Москву.

1673–1674 годы – в Кромах на месте Покровской церкви “иждивением” священника Герасима строится деревянный Успенский собор.

1685 год – строительство кромским помещиком Андреем Киреевым новой деревянной Никольской церкви взамен обветшавшей.

1692 год – пожар в Кромах. Сгорели двор подьячего “с приписью” А. Булганова и Троицкая башня острога.

1699 год, май – ратные люди из городов Брянска, Трубчевска, Карачева, Болхова, Велева, Орла и Кром (всего 2246 человек) участвовали в заготовке леса для строительства 1000 байдаков и 1000 лодок на Десне.

XVIII век

1708 год – Кромы отнесены к Киевской губернии.

1713 год – последний капитальный ремонт Кромской крепости.
 1718 год – Кромь исключены из штата российских крепостей.
 1719 год – Кромь вошли в состав Севской провинции Киевской губернии.
 1727 год – Кромь перешли в Белгородскую губернию.
 1734 год – взамен обветшавшей построена новая деревянная Троицкая церковь.
 1739 год – построена деревянная церковь Св. Дмитрия Солунского.
 1740 год – жителем слободы Михайловки малороссиянином Игнатом Кромским построена новая деревянная Никитская церковь взамен ветхой.
 1744 год – в Кромах по пути с богомоля в Киеве в специально построенном для нее путевом дворце останавливалась императрица Елизавета Петровна.
 1748–1749 годы – неурожай и голод.
 1749 год – прихожанами взамен ветхой строится новая деревянная Преображенская церковь.

1759 год – строительство первого кирпичного здания в Кромах – Успенского собора.
 1769 год – перестройка деревянной Покровской церкви.
 1775 год – строительство кирпичной Пятницкой церкви.
 1776 год – строительство жителями Черкасской и Стрелецкой слобод деревянной Тихвинской церкви.
 1778 год – перестройка деревянной Никольской церкви.
 1779 год – эпидемия моровой язвы, от которой умерло 9 человек.
 Тот же год – Кромь и уезд вошли в состав Орловской губернии.
 1780 год, 14 марта – утвержден генеральный план Кром.
 1781 год, 16 августа – утвержден герб города Кромы. На нем было изображено: “В верхней части щита герб Орловский. В нижней – пять слив в золотом поле, означающих изобилие сего плода”.

РОСПИСЬ СТОРОЖ, ВЫСЛАВШИХСЯ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ ИЗ ГОРОДОВ НОВОСИЛЯ, МЦЕНСКА, КРОМ И ЛИВЕН. Вторая половина XVI века

Новосильские сторожа. 1571 год

“1-я сторожа вверх от речки Любовша, против Судбица, от Новосили тридцать верст; а сторожем стояти из Новосили да Дедилова шти человекам, из города по три человека, а переезжати им налево через дорогу до Княжего лесу и до усть Гоголя верст с десять;

2-я сторожа у куста против Аревского устья от Новосили полтретьяцать верст (25 верст. – В.Н.); а сторожем на ней стояти из одного Новосила четырем человеком;

3-я сторожа на Любовше же усть Корынова, от Новосили верст с полтретьяцать, а сторожем на ней стояти из Новосили да из Мценска четырем человекам, из города по два человека, а переезжати направо усть Любовщи верст с семь;

4-я сторожа на Сосне усть Речицы, от Новосили верст с семьдесят; а сторожем на ней стояти из Новосили и Мценска шти человекам, из города по три человека, а беречи им на лево по Сосне на подол до усть Трудов верст с десять, а направо вверх по Сосне до Вязовика верст с семь;

5-я сторожа на Сосне до усть Хвоцким; а сторожем на ней стояти из Новосили да из Мценска шти человеком, из города по три человека, а беречи им налево до Вязовика до Нижнего рогу верст с шесть, а направо вверх по Сосне до Моклока (Мокрого. – В.Н.) Колодезя верст с семь.

Новосильские ж сторожа ближние:

6-я сторожа на гряде меж Перестряжа и Яковлевских лесков; а беречи им направо вниз по Зуше до Голунского броду, а налево до Перестряжа, а быти сторожем трем человекам из Новосили;

7-я сторожа за Зушею вверх болшова Раковенского долу и Половецких лесков; а сторожем на ней стояти из Новосили четырем человеком, а переезжати им направо до речки до Шшеви, а налево до речки до Раковны, а переезду верст с десять или с пятнадцать;

8-я сторожа на Шшевском кургане против Новосили; а сторожем на ней стояти четырем человеком без переезду;

9-я сторожа у Зарачунского кургана против Новосили; а сторожем на ней стояти из Новосили четырем человеком без переезду;

10-я сторожа на Вежках на малых под Новосильским лесом; сторожем на ней стояти из Новосили двум человеком без розъезду;

11-я сторожа усть речки Каколпны под Колопенским лесом на рогу; а сторожем на ней стояти из Новосили двум человеком без розъезду.

Мценские сторожа. 1571 год

1-я сторожа усть Колпны ото Мценска верст со ста; а сторожем на ней стояти из Мценска шти человеком, а беречи им налево вниз по Сосне до усть Моклока верст с семь,

а направо вверх по Сосне до усть Кобыльи верст с тринадцать; 2-я сторожа на Сосне в Луковце; а сторожем на ней стоять из Мценска да из Орла шти человеком, по три человека из города, а беречи им налево до усть Кобыльи, а направо вверх по Сосне до Губкина болота и до Ржавой Сосны;

3-я сторожа была на Неручи усть Озерень, от Мценска сорок верст, и та сторожа отставлена, а стеречи с тое сторожи двум человеком сторожем с новосильскими вместе вверх Туронца и беречи тое дороги, которая к Неручи и к усть Озерны;

4-я сторожа на Неручи усть Долгаго Колодези; а стеречи из Мценска трем человеком без розъезду”.

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. СПб., 1890. Т. I. 1571–1634. Разрядный приказ. С. 10–11.

Кромские сторожи. 1595 год

“103 году, апреля в 9 день, такову роспись дал в Розряде дьяком князь Володимер Кольцов Мосальской.

Сторожи Кромские:

1-я сторожа на Быстрой Сосне, а стерегут на ней с Орла, да из Мценска, да из Новосили, да с Ливен, да с Кром, из города по 2 человека, а переезжают вниз по Сосне по Быстрой до усть Колчина (Колпим. – В.Н.).

2-я сторожа верх Тускоря и Теребужа, а стерегут на ей с Кром 4 человека, а переезжают к верх Косожи до Мицыфорна лесу.

3-я сторожа на Руде верх Очки, а стерегут на ней с Орла, да из Мценска, да с Кром по 2 человека из города; а переезжают до Губкина болота.

4-я сторожа за Вильским лесом под Погорельми лески; а стоят на ней с Кром 4 человека, а берегут вверх Озернам и вверх Рыбницы.

5-я сторожа на реке на Оке на Быстром [броду], стерегут: на ней с Орла да с Кром,

по 2 человека из города, а берегут Бахмутцовой (Пахмутцовой. – В.Н.) дороги. 6-я сторожа на Своне усть Турей и верх Боброка, а стерегут на ней с Орла, да из Мценска, да с Кром по 2 человека из города, а берегут вниз по Своне Бокаевы дороги.

7-я сторожа на реке на Оке на усть Рокитны, а стерегут с Кром 4 человека, а берегут вверх по Рокитне”.

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. СПб., 1890. Т. I. 1571–1634. Разрядный приказ. С. 63.

Ливенские сторожи. 1587 год.

“1-я сторожа под Котелским лесом, а быти на ней сторожем 6 человекам с Ливен, а переезжати им на лево до Погорелово лесу и до верх Девиц, а проезду днища, а назад тож.

2-я сторожа в Пузацком лесу, а быти на ней сторожем с Ливен 6 человек, а переезжати на право вниз по Семи до Высады, а проезду полднища, а назад тож, а на лево до верх Оскольца, а съезжатца им с теми сторожами, которые стоят с Ливны ж на Семи у Мелового броду, а проезду днище и назад тож.

3-я сторожа на Семи у Мелового броду, а быти на ней сторожем с Ливен 6 человек; а переезжати им вниз по семи верст с пятнадцать до Индинского городища, а верх по семи до Высады, а съезжатца им с Пузацким сторожами с Ливенскими, а проезду днища, а назад тож.

4-я сторожа верх Долгово Колодезя на Муравском шляху, а быти на ней сторожем с Ливен 3 человека, а переезжати им на лево [к] х Щеневой верст с семь, а направо беречи Ктиму (к Тиму. – В.Н.).

5-я сторожа верх Снешен, а быти на ней сторожем 4 челов. с Ливен, а переезжати им на право до Олыми верст с дватцать; а на лево до верх Снав Донских, а переезду их до верх Снав верст с дватцать.

6-я сторожа на Муравской же дороге под Мокредким лесом, а быти на ней сторожем с Ливен 3 человеком, а беречи им Муравской дороги.

7-я сторожа на Сосне усть Трудов выше города, а быти на ней сторожем 3 человеком с Ливен, а беречи им налево вниз по Сосне с Речицкими сторожами, а переезду их до Речиц с десять верст.

8-я сторожа смешная (совместная. – В.Н.) на Сосне усть Речиц, а стоять на ней сторожем с Ливен 2 человеком, да из Мценска, да из Новосили по 2 человека, а переезжати им вверх по Сосне до Хвоцинских сторожей верст с пятнадцать, а вниз по Сосне до усть Трудов.

9-я сторожа смешная на Сосне усть Хвоцины, а быти на ней сторожем с Ливны 2 человек из Мценска, да из Новосили по 2 человека из города, а переезжати им вверх по Сосне до усть Колпимы, а вниз по Сосне до усть Речиц.

10-я сторожа смешная на Сосне усть Колпимы, а быти на ней сторожем с Ливен 2 человеком, да из Новосили, да из Мценска по 2 человека из города, а переезжати им вверх по Сосне до Луковца.

11-я сторожа смешная на Сосне в Луковце, а быти на ней сторожем 2-м человеком с Ливен, да из Мценска да с Орла

по прежнему по 2 человека, а переезжати им вниз по Сосне до усть Колпимы.

12-я сторожа на Сосне усть Кувача ниже города, от города верст с десять, а быти на ней сторожем 3 человеком с Ливен, а переезжати им вниз по Сосне до Чернавских сторожей, а переезду их верст с пятнадцать.

13-я сторожа на Сосне усть Чернав, а быти на ней сторожем 4 человеком с Ливен, да из Донкова, да с Дедилова, да с Кропивны, да из Новосили по два человека из города, а переезжати им вниз по Сосне до Радупкина лесу. И всего Ливенских 13 сторож, а сторожей на них на одну статью 46 человек.

А 95 года (1587 год. – В.Н.) март в 1 день воевода князь Володимер Кольцов Мосальской сказывал: посылал с Ливен станицы к верх Донцу Северскому, а другую верх Семи к Масленскому долу, проезду для, а посылати пропущая меж станиц по три дни, да с Ливен же посылал станицы к Карпову сторожевью, проезду с Ливен всего неделя, а стоять им по верхом у Карпова сторожевья неделя по верхом, и где будет пригож, да с Ливен же посылают станицы на Тихую Сосну к Каменному броду проезду неделя”.

Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией наук. Т. I. СПб., 1890. С. 59–60.

ПРЕБЫВАНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ II В ОРЛЕ зимой 1608 года И БИТВА ПОД БОЛХОВОМ 10–11 мая того же года В ЗАПИСКАХ ПОЛЬСКОГО РОТМИСТРА НИКОЛАЯ МАРХОЦКОГО.

С этим войском двинулся Дмитрий (Лжедмитрий II. – В.Н.) к Карачеву. В это время восемь тысяч людей Шуйского, старшим над которыми был Матиаш Мизинов, пытались взять крепость Козельск. Дмитрий скрытно пошел к ним от Карачева, застав врасплох, разгромил войско и пленил самого Матиаша Мизинова. Когда Дмитрий вернулся в Карачев, литва, желая уйти с добычей, взятой под Козельском, стала бунтовать. Дмитрий, видя, что удержать их трудно, вырвался с тридцатью самыми преданными из своих людей (москвитянам он тоже не доверял) и уехал в город Орел. Из поляков был с ним лишь один, звавшийся Круликовским. В Орле [Дмитрий] находился в такой опасности, что приказывал Круликовскому спастись у себя в ногах. Однажды Дмитрий лег спать, а один москвитянин, решив, что он уснул, встал, зажегши свечу над ним, и уже поднял нож для удара. Дмитрий разбудил Круликовского, толкнув ногами, а москвитянин, выронив свечу, улегся как ни в чем не бывало и притворился спящим. Дмитрий же встал, перешел на другое место и уже там дождался рассвета.

Меховецкий сначала не знал, куда исчез царь. Распрашивая, дознался наконец, что он в Орле, и послал к нему гонца с просьбой вернуться, объясняя, что присутствие царя поможет ему удержать войско. Но и на этот раз закрепиться Дмитрию не удалось, и он, не доверяя свою жизнь одним москвитянам, снова тайком

уехал с преданными людьми. На этот раз он направился прямо в Путивль, именно там рассчитывая найти спасение, потому что, как я уже упоминал выше, этот город поддерживал и первого Дмитрия, который после смерти Бориса Годунова оттуда был взят на царство.

Князь Рожинский прибывает на помощь Дмитрию II

Сбежав лишь с тремя или двумя десятками человек, Дмитрий набрал на Валаянского¹, который шел к нему с Киевской Украины. Его послал князь Роман Рожинский (ибо Дмитрий еще до этого сносился с князем Рожинским по поводу сбора людей и припасов). Потом он встретил Самуила Тышкевича² с тысячей польских людей. Дмитрий, конечно, не хотел называть им своего имени, но затем должен был сознаться, что он и есть царь. Рассказав обо всем, что недавно с ним произошло, он объяснил им причину своего бегства в Путивль. Его утешили, сказав, что явились к нему на службу, а следом ожидают и князь Рожинского, у которого польского войска намного больше.

¹ Валаянский Валентин, польский дворянин. Явившись на службу к Лжедмитрию II, исполнил при нем обязанности канцлера. Командовал польским полком, численность которого, по некоторым сведениям, составляла 500 всадников и 400 пехотинцев.

² Тышкевич Самуил, польский дворянин, полковник. Присоединился к Лжедмитрию II в с. Лабуневе близ Неруссы, имея с собой 700 всадников и 200 пехотинцев.

Итак, Дмитрий получал подкрепления и мог рассчитывать на князя Рожинского. Тем временем прибывали со своими отрядами и другие поляки, как-то: житель Киевского воеводства князь Адам Вишневецкий, из Брацлавского воеводства – Мелешко и Хруслинский¹. Собрав все войско, Дмитрий вернулся под Карачев, но город ему уже изменил, перейдя на сторону Шуйского. Поэтому он двинулся к Брянску и расположился неподалеку от города. Здесь и застала его зима. Меховецкий вернулся к нему и до прихода князя Рожинского командовал войском. К Брянску же подошли и люди Шуйского и расположились по другую сторону крепости. Войско Дмитрия провело с москвитянами несколько сражений, но лишь потеряло время, Брянск взять он так и не смог и ушел на зимовку в Орел².

1608 год. Посольство к Дмитрию II

Когда в Московском государстве происходили эти события, князь Роман Рожинский постарался собрать как можно больше людей, и в этом ему помог случай: после рокоша остались целые отряды людей, сражавшихся как на стороне короля, так и на стороне рокошан. И когда прошел слух, что Дмитрий жив, к князю Рожинскому отовсюду потянулись люди. Всех нас собралось около четырех тысяч. В этом году, под Рождество, князь Рожинский подошел к Чернигову и стал ожидать сбора всех людей. К находившемуся в Орле царю войско отправило послов, которые должны были сообщить о нашем вступлении в Московское государство и объявить условия нашей службы. Сами мы двинулись следом в начале нового года. Послов мы встретили уже под Новгородом (Новгород-Северским. – В.Н.) и там, на льду реки, они отчитались перед нами о делах посольства. Некоторые из наших засомневались: тот ли это царь,

¹ Хруслинский Станислав, польский дворянин, полковник.

² Войско Лжедмитрия II встало на зимовку в Орле 6 (16) января 1608 года.

что был в Москве, или не тот? Они отвечали уклончиво: “Он тот, к кому вы нас послали”.

От Новгородка мы пошли спешно и прибыли к Кромам (город находился в шести милях³ от Орла, где была царская резиденция). Там, в Кромах, ожидали мы конца зимы. В то же самое время войско Шуйского собралось под Болховом, который лежал в восьми милях от Орла в сторону Москвы. Из-за очень глубокого снега, укрывшего землю на семь пядей⁴, это войско не могло сойтись с нами. Встав в Кромах, мы снарядили послов (среди них был и я) в Орел к царю Дмитрию. Мы вновь объявляли о своем прибытии, сообщали свои условия и требовали у него денег (было нас в этом посольстве человек тридцать). Явившись к царю, мы, по обычаю, накануне справили приветствие, а затем и само посольство. От имени Дмитрия нам отвечал Валаянский, его канцлер. После речи пана Валаянского он сам пожелал нам ответить и сказал на своем московском языке: “Я был рад, когда узнал, что идет пан Рожинский, но когда получил весть о его измене, то желал бы его воротить. Посадил меня Бог в моей столице без Рожинского в первый раз и теперь посадит. Вы требуете от меня денег, но таких же, как вы, храбрых поляков у меня немало, а я им еще ничего не платил. Сбежал я из моей столицы от любимой жены и от милых друзей, не взяв ни денег, ни гроша. А вы собрали свой круг на льду под Новгородом и допытывались, тот я или не тот, будто я с вами в карты игрывал”. После таких слов разгневались мы и сказали: “Знаем, – ты не тот уже хотя бы потому, что прежний царь знал, как уважить и принять рыцарских людей, а ты того не умеешь. Ей-богу, жаль, что мы к тебе пришли, ибо встретили только неблагодарность. Передадим это пославшим нас братьям – пусть они решают, как быть”.

³ Польская миля равна 5 верстам (верста – 1080 м).

⁴ Пядь равна 18 см (7 пядей составляет 1,26 м).

На этом мы с ним и разошлись. Потом прислал он к нам с просьбой остаться на обед и передал, чтобы мы на его речь не обижались – мол, говорил так нарочно. Задумались мы, а потом поняли, что прежний ответ был делом Меховецкого¹. Тот попал в трудное положение, ибо чувствовал, что придется уступить князю Рожинскому. Мы благосклонно приняли приглашение на обед и на следующий день отправились в Орле, в лучшем настроении. Вернувшись в Кромь, мы при отчете разъяснили все, что случилось. Большинство наших сошло на том, что надо вернуться обратно в Польшу. Те же из наших, кто был с Дмитрием в Орле, просили нас задержаться, обещая, что все будет иначе, только бы сам князь Рожинский приехал и снесся с Дмитрием.

Князь Рожинский есылается с Дмитрием в Орле

Князь Рожинский, не мешкая, выступил к Орлу. Одних лишь товарищей² ехало с ним до двух сотен, да своей пехоты он вел с собой три с половиной сотни. Все наши выехали из Орла ему навстречу (было это в пост). Мы вошли в Орел и переночевали, а на следующий день князю Рожинскому передали, чтобы он ехал к царской руке. Когда же мы собрались и уже тронулись с места, вдруг приказали вернуться и подождать, пока царь займет свое место: он, мол, еще моется. Такая у него была привычка – каждый день мыться в бане. Он говорил, что так сбрасывает свои заботы; короче, нежилась и оберегал здоровье. Князь Рожинский, не желая возвращаться, продолжил путь. Пришлось нам войти в царские покои до начала приема. Потом завязался спор между

¹ Меховецкий Мацей, польский дворянин, полковник. Являлся одним из организаторов авантюры Лжедмитрия II. Главнокомандующий (гетман) войска самозванца. В марте 1608 года смещен со своего поста князем Романом Рожинским, а в октябре того же года убит по его приказу.

² Товарищ – конный шляхтич.

нами и царскими урядниками: они требовали, чтобы мы вышли из избы, пока царь войдет и займет свое место, мы же для приветствия должны были войти после. Князь Рожинский уступить не захотел, так что после долгого спора царь вынужден был пройти мимо всех нас. И шел он, стараясь не смотреть в ту сторону, где стоял князь Рожинский. Когда царь сел на свой табурет, князь Рожинский обратился к нему с речью и поцеловал руку, за ним пошли к руке и другие. После приветствия царь пригласил князя Рожинского и всех нас на обед. Рожинский сидел с ним за одним столом, а мы за другими. Во время и после обеда царь много беседовал с нами: спрашивал он и о рокошах, и о том, были ли среди нас рокошане. Наслушались мы и таких речей, и эдаких, даже и богохульства: говорил он, что не хотел бы быть у нас королем, ибо не для того родился московский монарх, чтобы ему мог указывать какой-то Арцыбес или по-нашему – Архиепископ. Наши отвечали ему на это, кто как мог. Этот день завершился пиром, а на следующий день Рожинский потребовал встречи с царем с глазу на глаз. Царь медлил день, медлил и другой, после чего Рожинский собрался уезжать; уже вышла его пехота, выезжали и мы. Тем временем прибежали ротмистры и товарищи старого набора, они просили Рожинского и всех нас подождать до завтра и скакали: “Мы соберем у себя круг, и, если царь по-прежнему не выкажет вам уважения, мы тоже уйдем, а Меховецкого низложим. Нашим гетманом будешь ты, князь Рожинский, – веди, куда хочешь, наше войско, мы на все готовы”. Взяв их уговорам, мы выехали из города и до утра остались в предместье.

На следующий день они, верхом на конях, собрались на круг, вызвал князя Рожинского и нас; сместили Меховецкого, наложив на него и на некоторых других бандо (те должны были покинуть войско, а если кто ослушается, любой волен будет их убить). Князя Рожинского выбрали гетманом,

составив при нем список, а царю от себя передали: если он хочет, чтобы войско оставалось с ним, пусть назовет тех, кто обвинял в измене князя Рожинского и его людей. Царь не захотел назвать их имена посыл, а предложил приехать в круг лично. А перед этим приехал князь Рожинский (ибо на круге он уже всем распорядился) и попросил всех нас быть терпеливыми и речь его не прерывать, сказав: “За вас во всем буду отвечать я”.

Дмитрий в рыцарском круге

И вот приехал к нам царь в алатоверхой шапке, на богато убранном коне; с ним прибыло несколько бояр, а рядом с конем следовало более десятка пехотинцев. Когда он въехал в круг, поднялся какой-то гомон. Как я понял, он решил, что спрашивают, тот ли это царь, и поэтому напустился с бранью: “Цыть, сукины дети, не ясно, кто к вам приехал?” Пожалели мы про себя, что обещали [Рожинскому] молчать, но сдержались. Затем наш доверенный, кажется, это был пан Хруслинский, взял от нашего имени слово и сказал: “Мы отправляли послов к Вашему Царскому Величеству для того, чтобы узнать имена тех, кто представил изменниками и гетмана, и его войско”. Мол, раз царь приехал, хотели бы мы от него самого это услышать. От своего имени царь приказал говорить одному москвитянину, а когда речь тому не удалась, сказал: “Молчи, ты не умеешь на их языке говорить, вот я сам буду!” И начал так: “Пришли ко мне вы с тем, чтобы я вам назвал и выдал моих верных слуг, которые меня кое в чем подостерегали. Не пришло московским монархам выдавать своих верных слуг. И касается это не только вас, но если бы сам Бог, сойдя с небес, приказал мне совершить подобное, – и то я не послушал бы”.

Тут уж слова понеслись отовсюду, говорили ему и такое: “А ты, что ж, желаешь иметь таких слуг, которые лишь языком тайно прислуживают? Или войско, готовое служить саблей и собственной кровью? Если ты не выполнишь наше

условие, войско уйдет”. А он отвечал так: “Как хотите, хоть и прочь подите”. При этих дерзких словах поднялся возмущенный шум, войско смешалось. Его стрельцы стали нас толкать и, достав оружие, наносить удары; мы оборонялись, теснили конями самого царя. Одни кричали: “Убить мошеника, зарубить!”, другие – “Поймать! Ах ты, такой-сякой сын, разбойник! Поманил нас, а теперь платишь такой неблагодарностью!”

Он был настолько храбр, что в этом разброде раз или два оглянулся, поворачивая коня, а потом уехал в город, в свое расположение. Чтобы царь не сбежал, мы прямо на круге выбрали стражу и поставили при нем. От отчаяния он решил себя уморить и выпил немислимо сколько водки, хотя всегда был трезвым. В течение этого дня и ночи урядники его двора – канцлер Валаевский, маршалок¹ Харлинский, коиюший князь Адам Вишневецкий – бегали между ним и войском, стараясь привести стороны к согласию. Что поделаешь, хоть мы и были разочарованы, но согласились на объединение. На другой день царь приехал к нам в круг и оправдывался, что те слова – “Цыть, сукины дети” – сказал не нам, а своим стрельцам. Сошло ему и такое оправдание. Потом, оставив при царе тех, которые стояли в Орле, мы вернулись с князем Рожинским в свое расположение в Кромь. Тем временем кроме нас прибыли и другие отряды: тысячи три запорожских казаков и, во главе с Заруцким², пять тысяч казаков донских. И до этого у Дмитрия была пара сотен донских казаков, во главе которых он

¹ Управляющий двором.

² Заруцкий Иван Мартынович – казачий атаман родом из Тарнополья. В войске Лжедмитрия II командовал донскими казаками и был пожалован в бояре. Позднее примкнул к Первому ополчению Д.Т. Трубецкого и П.Л. Ляпунова. После воспарения на престоле Михаила Романова бежал на юг Московского государства с женой Лжедмитрия I и Лжедмитрия II – Мариной Мишкек Схачен в 1614 году, привезен в Москву и казнен.

поставил Лисовского (с ними Лисовский много раз тайно нападал на москвитян, а со временем сподобился и до кое-чего худшего).

Но, как я уже упоминал выше, из-за глубокого снега мы были вынуждены всю зиму пережидать с этими людьми. Войска Шуйского сходились к Болхову, и к весне собралось больше ста семидесяти тысяч человек. Их гетманом был Дмитрий Шуйский, родной брат Василия, ставшего в Москве царем. По весне, как только сошел снег и стала подсыхать земля – а она там сохнет быстро, – снова двинулись мы из Кром под Орел – там собралось все наше войско. Когда мы пришли к Орлу, от чьей-то неосторожности загорелся город, а с ним сгорел и царский двор, так что царю пришлось перебраться в наш обоз.

Испытание царя

Там, улучив момент, Тромбчинский, приятель (позже он служил вместе со мной) из хоругви князя Рожинского, затеял с царем разговор. Хотелось ему дознаться, тот ли это царь, что был вначале, или не тот? Хотя никто из нас, а особенно те, кто не знал первого, не сомневался, он упрямо твердил: мол, даже если все станут говорить, будто это тот самый царь, я не дам себя убедить, ибо первого хорошо знал, еще будучи с ним под Новгородком. Впрочем, таких, как Тромбчинский, было немало, но одни пребывали в заблуждении, другие же покрывали обман, ибо это было им выгодно. Тромбчинский напомнил Дмитрию некоторые дела первого царя и все рассказывал ему наоборот, а не так, как было. Царь во всем его поправлял, указывая, что не так и как было на самом деле. Испытав его несколько раз, задумался Тромбчинский и сказал: "Признаю, Милостивый Царь, что я здесь в войске был единственным, кто не дал себя убедить. И Св. Дух меня просветил, верю – ты царь тот самый". Царь же на это усмехнулся и отъехал прочь.

Был еще один человек, знавший первого царя, – монах-бернардинец¹, который говорил, что в Самборе жил с ним в одной келье. Но он убеждал нас, что это не тот царь, а потому и война эта несправедлива. Он говорил: "Я должен вас об этом предупредить". А потом, во время Болховской битвы, когда мы сопровождали царя, этот монах завел с ним беседу и, поговорив, уверовал, что это не другой, а тот самый царь. Так и он каким-то образом был сбит с толку.

Войско приходит под Болхов и завязывает битву

Находясь под Орлом, мы привели в порядок войска и выступили к Болхову навстречу неприятелю. Стянув войска, неприятель тоже двинулся к нам и расположил свой обоз в двух милях от Болхова. Заметив наше приближение, москвитяне на милю выдвинулись из обоза, и 10 мая мы встретились (было это в субботу). Сражение было нелегким, но какая из сторон сильнее, было еще не ясно. Наше войско потеряло лишь одну хоругвь некоего Тупальского², когда он, улезавшись, погнался за москвитянами (да и ту на следующую же он вернул). Было уже поздно, наши кони были утомлены дорогой, решительной битвы не получилось, поэтому мы вернулись к своему обозу, а москвитяне – к своему. После этого сражения царь изменил свое мнение о нас в лучшую сторону, и когда мы, по обычаю, напомнили ему о пожалованной четверти, он вместо одной признал за нами две.

На следующий день, 11 мая, москвитяне ожидали нас, переправив свое войско за небольшое, но непроходимое болото, расположенное прямо перед их обозом. Они рассчитывали, что мы будем

¹ Бернардинцы – католический монашеский орден, названный так по имени Бернарда Клервоского.

² Тупальский, польский дворянин, ротмистр. В январе 1608 года прибыл к Лясдмитрию II в Орел с отрядом конницы в 400 всадников. Служил в полку Адама Рожинского.

настолько глупы и неосторожны, что пойдут к нам, не разузнав местности. В тот же день мы сняли обоз и двинулись к ним, а приблизившись, увидели, что эта позиция для нас неудобна. Мы оставались и послали людей высмотреть повыше более пригодное место для переправы. Во время остановки наши войска, если взглянуть издали, встав в шестнадцать, а то и более рядов, заняли все поле, а среди возов наши придумали укрепить хоругви. Глядя на эти хоругви, возы и клубившуюся пыль, москвитяне решили, что перед ними большое и свежее войско, а потому, испугавшись, двинули свой обоз и арматы (пушки. – В.Н.) к Болхову, о чем предостерег нас один перебежчик. Когда же для нас отыскали более удобную переправу в верховьях упомянутых болот, мы пошли к ней, загородив от москвитян возы конницей, и те были твердо уверены, что поле, покрытое воем, занято войском. Разведав, что мы идем к переправе, неприятель двинул туда все свои силы.

Так как было уже поздно, мы в этот день не собирались давать битву, а хотели лишь поставить у переправы обоз. Для его защиты мы перевели небольшой отряд, в котором было лишь несколько сотен Рудского и других [ротмистров]. Но мы увидели, что на этот отряд наступает московское войско, и вынуждены были как можно скорее перебраться следом, чтобы задержать неприятеля, пока все наше войско не перейдет и не построится. Наш гетман князь Рожинский отправил к неприятелю гарцовника³, а как только подошли хоругви, приказал им наступать и завязать схватку. В головном отряде он поставил несколько сотен самых легковооруженных воинов, а в помощь им дал двенадцать гусарских сотен, – больше у него не было. В тыл гусарам гетман поставил третий отряд из назацких и пятигорских рот⁴.

³ Гарцовники (назацники) – воины-посланники, завязывавшие бой, само же сражение называлось гарцем.

⁴ Пятигорские роты (пятигорцы) – род конницы. Пятигорцами называли панцирных воинов в Великом княжестве Литовском – литовских гусар.

Передовому отряду Рожинский приказал, сменив гарцовника, наступать прямо на конницу, – а ее было во главе московского войска тысяч пятнадцать. Неприятель, не выдержав напора, показал спину, и наши крепко на него надели. Гусарская подмога и третий отряд тоже вступили в сражение, поддерживая наших. Так что москвитяне, завидев их копы, не решились обернуться и бежали все дальше, а наши хоть и чувствовали усталость, но, зная о подкреплениях, собирались с силой и гнали врага. Начав битву за три часа до темноты, мы преследовали их две мили до Болхова и три мили после, вплоть до засеки. (Засекой у них называется заграждение против татар в виде частогокола; танутся эти засеки на тридцать миль через леса и поля. Обычно перед ними устраивается насыпь, есть также башни, через которые проходят дороги, и ворота. Когда приходит весть о приближении татар, к засекам бегут крестьяне, кто с ружьями⁵ или с тем, что имеют, и отражают приступ.) Много людей полегло у нас во время этой погони, и сколько их было с этих пор – не считанных, не похороненных! Взяли мы московский обоз со всем, что в нем было, и несколько десятков пушек. Некоторые из разбитых и рассеянных москвитян ушли прямо в столицу и рассказали Шуйскому, что войско наше настолько велико, что передние полки его уже вели сражение, а хвост был еще у Путивля.

В Болхове остались пять тысяч москвитян во главе с Гедроцем, литвином, который уже стал москалем. На следующий день мы подошли к ним и в течение всего дня, а затем и во вторник стреляли и грозили штурмом. В среду они сдались и вместе со своим начальником целовали крест нашему Дмитрию, то есть присягнули ему на верность. После Болховской битвы обещал нам царь дать жалование за следующие две четверти.

⁵ Ружья (ручница) – ручное огнестрельное оружие.

Надеясь, что наш государь скоро водворится в московской столице, собрали мы круг, определив условия, по которым царь был обязан выполнить все, что обещал: условленное жалование должно дойти до нас полностью, а когда он утвердится на троне, мы могли бы вернуться в отчизну. Он уверял, что заплатит, и со слезами просил не оставлять его, говоря: "Я не смогу быть в Москве государем без вас, хочу, если Бог меня утвердит в столице, всегда иметь на службе поляков: пусть одну крепость держит поляк, другую – москвитянин. Я хочу, чтобы все золото и серебро, сколько бы ни было его у меня, – чтобы все оно было вашим. Мне же довольно одной славы, которую вы мне принесете. А если уж изменить ничего нельзя и вы все равно решите уйти, тогда и меня возьмите, чтобы я мог вместо вас набрать в Польше других людей". Этими уговорами он так убедил войско, что все к нему пошло с охотой.

Войско идет к столице

Долго не задерживаясь под Болховом, мы спешно двинулись к московской столице, проходя в день по семь-восемь миль и надеясь, что напуганная таким напором столица сразу нам уступит. Тогда еще не обманули наши ожидания, изменив нам, те пять тысяч человек, которые присоединились к нам в Болхове. Они шли с нами день или три и ставили обоз отдельно от нашего, подойдя к реке Угре, переправились раньше нас и ночью сбежали в столицу, убедив напуганных москвитян, что бояться нечего.

Количество служилых людей в Ливнах в 1626 году

Детей боярских	Беломестные и слободские атаманы и казаки	Казаки	Стрельцы	Пушкарки, затинщики и воротнички	Всего
431 ¹	101	284	66	34	916

¹ в том числе и поместные казаки.

Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 27.

Они рассказывали, что войско у нас маленькое, и бежать-то не от кого, а случилось все это, как они говорят, только "по грехам".

Маркоцкий Н. История Московской войны (Межары польского ротмистра, 1607–1611). М., 1996. С. 28–38 (примечания – С. 120–125).

Население Ливен по результатам обыска 1628 года.

В 1628 году елецкими служилыми людьми "всем городом" была подана челобитная с жалобой на притеснения со стороны родственника царя Михаила Федоровича, боярина Ивана Никитича Романова. Согласно государеву указу, направленные сыщики¹ должны были учинить обыск (опрос) об этом деле в городах Ельце, Ливнах, Лебедяни и Донкове, для чего была составлена и опись мужского населения этих городов. Согласно описи, на Ливнах оказалось: "В обыску же: (1) черный поп, 5 человек черноризцев, 18 человек попов, (1) стрелецкий и казацкий голова, 40 человек беломестных казаков, 192 человека полковых казаков, 87 человек стрельцов, 20 человек ямских охотников, 407 человек детей боярских, 11 человек поместных казаков, 119 человек пашенных крестьян. И всего всяких людей 928 человек" (ошибка, на самом деле 938 человек. – В.Н.).

Горлов В., Новосельцев А. Елец веками строился. Липецк, 1993. С. 351–356; Труды Археологической комиссии Императорского Московского Археологического общества. М., 1913; РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. № 30.

¹ Сыск вели боярин Никита Дмитриевич Вельяминов и дьяк Иван Тимофеев.

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ ОРЛОВСКОГО КРАЯ ПО ДАННЫМ РАЗРЯДНОЙ КНИГИ 1637–1638 ГОДОВ

"В Болхове резанец князь Василей княж Олександров сын Дулов. И князю Василью велено служить з городом. А в Болхов послан князь Иван княж Михайлов сын Волконской. А с ним: осадной голова 1 человек. Губной староста 1 человек. 3 головою болховских стрельцов 23 человека, да казаков 53 человека конных. Из них в 145-м году с весны до отпуски живут на Усерде¹ 5 человек стрельцов, 12 человек казаков. Пушкарей и затинщиков 24 человека. Казенный кузнец 1 человек. Посадских людей 225 человек, у немногих пищали, а иные с рогатины. Посадских же людей, детей их и братья 51 человек, бо у них нет. Всего в Болхове всяких людей (итог не указан. – В.Н.) человек".

На Орел Борис Севостьянов сын Колтовской. И Борис отпущон к Москве. А на Орел послан Ждан Юрьев сын Колычов. А с ним: губной староста 1 человек. Детей боярских орлян по списку 923 человека, и из того числа побиты, и в полон пойманы и померли 174 человека, да с Орла сошло детей боярских, и живут в розных городех 51 человек; да октября в 5 день 146 году по смотру в нетех (отсутствуют. – В.Н.) 280 человек. И всего на Орел детей боярских с пичками 749 человек, оприч тех, которые побиты и которые пойманы в полон, и померли. Стрельцов 200 человек,

¹ Усерд – крепость на Белгородской черте, основанная в 1637 году, в возведении которой принимали участие болховские, кромские и ливенские служилые люди.

а голова Осип Кривцов с Орла збежал. Пушкарей и затинщиков 24 человека. Казенный кузнец 1 человек. Стрелецких детей, и братья, и племянников 21 человек в службу поспели, а недорослей – 58 человек. А посадских людей на Орле нет. И всего на Орле всяких людей, оприч недорослей (итог не указан. – В.Н.) человек. Из того числа в Курску, в Новосили, на Ливнах на вестех да на 4-х сторожах под лесом под Кораблем, на Олешне, в Лукоцце, на Руде по 4 человека детей боярских живут, переменяясь, по 2 недели.

В Кромах Перфирей Иванов сын Колтовской. И Перфирей отпущон к Москве, а в Кромы послан князь Иван княж Тимофеев сын Шихматов. А с ним: стрельцов 65 человек, и из них было на Усерде 18 человек. Казаков 95 человек, и из них было на Усерде 16 человек. Пушкарей и затинщиков 25 человек. Розсыльщиков 3 человека. Воротничков 3 человека. Стрелецких детей, и братья, и племянников 25 человек с пищальми и со всякими бои. Казачьих детей, и братья, и племянников 43 человека с пищальми, а иные с саадаки. Пушкарских детей с пищальми 3 человека, с рогатины 3 ж человека. Всего в Кромах всяких людей 265 человек.

В Новосили Иван Петров сын Турской. А с ним: губной староста 1 человек. Воротничков 5 человек. Кузнецов 3 человека. 3 головою казаков 207 человек, служат конную службу з земель. Стрельцов

46 человек, служат пешую службу з земель. Всего в Новосили (итог не указан. – В.Н.) человек.

Во Мценску Богдан Федоров сын Нарбеков. А с ним: губной староста 1 человек. 3 головою стрельцов 170 человек с пидальми. Пушкарей 9 человек, да половинщиков их 7 человек, обоего 16 человек, служат з земель. Затишников 17 человек, служат з земель же. Затишников же 4 человека, служат [со] своєю ж братьєю вместе; а земель за ними и хлебного и денежново жалованья им нет. Разсылщиков 10 человек. Казенной кузнец 1 человек, плотник 1 человек, воротников 4 человека, да их половинщиков 3 человека, служат з земель. Ямских охотников 8 человек. Пушкарских и затишничьих, и разсылщичьих, и воротничьих детей, и братья, и племянников, и сосед, и подсоседников, и бобылей, и дворников 57 человек, бою у них нет. Детей боярских дворников и их детей, и братья, и подсоседников, и захребетников 72 человека, бою у них нет. Дворни и детей боярских крестьян, и бобылей 65 человек. Церковных бобылей и их детей, и братья 62 человека.

Казенного кузнеца бобылей 6 человек. На посаде бобылей 5 человек. Всего в Мценску всяких людей (итог не поставлен. – В.Н.) человек.

На Ливнах Дмитрий Федоров сын Колтовской. А с ним: губной староста 1 человек. Детей боярских ливенцов 822 человека, да помесных казаков 8 человек. 3 головою да з 2 человеки сотники 43 человека беломесных казаков, да 330 человек полковых казаков. 92 человека стрельцов, служат з земель. Выезжих черкас 57 человек.

Пушкарей 26 человек. Затишников 16 человек, стрелецких и казацких детей, и братья, и племянников, и бобылей, и захребетников, и половинщиков 268 человек с рогатины и с топоры. Пушкарских детей и половинщиков 27 человек с рогатины. Всего на Ливнах всяких людей 1693 человека, и из них на Усерде были детей боярских 20 человек, казаков 30 человек”.

Разрядная книга 1637–1638 годов. М., 1983. (Болхов: С. 89–90; Орел: С. 92–93; Крамы: С. 93; Новосиль: С. 94; Мценск: С. 94–95; Ливны: С. 95)

ОПИСАНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР, ИХ ВООРУЖЕНИЯ И СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ НАБЕГОВ (из книги Гийома Левассера де Боплана Описание Украины . 1651 г.)

“Поскольку мы говорим о стране татар, мне кажется, не лишним будет сказать несколько слов относительно их порядков, образа жизни, как они действуют на военных компаниях, какого порядка придерживаются в походах, когда вступают на неприятельскую землю, и как отступают вплоть до Диких полей.

Несколько дней после рождения татары не могут открыть глаза¹, как это бывает у собак и вообще у других животных. Они невысокого стана, самые высокие из них не превышают наших средних [ростом]; они скорее малого, чем высокого роста, но коренасты, с крупными членами [тела], с высоким и толстым животом; плечи широкие, шея короткая, голова большая; лицо у них почти круглое, лоб широкий, глаза мало открытые, но совершенно черные и с длинным разрезом, нос короткий, рот довольно маленький, зубы белые, как слононая кость, кожа смуглая, волосы очень черны и жестки, как конская грива. Вообще они выглядят совершенно иначе, чем христиане. Едва посмотрев на них, сразу можно понять, кто они такие. Ростом и наружностью они походят на американских индейцев с берегов Маранану или же на тех, кого называют каранбами.

Все они храбрые и сильные воины, не поддающиеся усталости, легко переносящие перемены погоды, ибо с семилетнего

¹ Это одно из типичных и недостоверных представлений этого времени о других народах.

возраста, когда они выходят из своих котарг, то есть домиков на двух колесах или хижин², они никогда не спят под иной крышей, нежели под открытым небом. Начиная с этого возраста им никогда не дают пищу, пока они не собьют ее стрелю. Вот как татары учат своих детей метко стрелять. По достижению двенадцатилетнего возраста их посылают воевать. Когда дети еще малы, матери стараются каждый день по одному разу купать их в воде, в которой растворена соль, чтобы они стали менее чувствительны к холоду, когда им придется вплавь перебираться через реки в зимнюю пору.

Вот как одеваются татары. Одежду этого народа составляет короткая рубаха из хлопчатобумажной ткани, спускающаяся только на полфута ниже пояса, шаровары и короткие до колен штаны для верховой езды из сукна или чаще всего из хлопчатобумажной ткани, простеганной сверху; самые удалые носят кафтан из стеганой хлопчатобумажной ткани, а сверху – суконный халат, подбитый мехом лисицы или же благородным куновым, шапку из такого меха и сапоги из красного сафьяна, без шпор.

Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь. Вид в

² Котарга – татарская юрта на колесах, покрытая войлоком.

такой одежде при неожиданной встрече в поле приводит в ужас, ибо их можно принять за белых медведей, оседлавших лошадей. Во время холодов и зимой они выворачивают свои тулупы шерстью внутрь, то же делают и с шапкой, сделанной из такого же материала.

Вооружены они саблей, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож, огнивом для высекания огня, шилом и 5–6 саженой ременных веревок, чтобы связывать пленников, которых они могут захватить во время похода; у каждого также в кармане нюрнбергский квадрант¹. Только самые богатые носят кольчуги, остальные же, за неимением таковых, отправляются на войну (считай) голыми. Все они смелы и ловки на конях, но имеют дурную посадку, так как ноги слишком изогнуты из коротких стремян. Сидя на лошади, они походят на обезьяну, посаженную верхом на борзую собаку. Тем не менее они очень искусные наездники и столь ловки, что во время самой крупной рыси перепрыгивают с одной выбившейся из сил лошади на другую, которую они ведут на поводу, чтобы быстрее ускакать, когда их преследует противник. Лошадь, не чувствуя на себе всадника, переходит тотчас по правую руку от него и держится все время рядом с ним, чтобы быть наготове, пока всадник не захочет пересест на нее с той же свойственной им [татамам] проворностью. Вот как приучены служить лошади своим хозяевам. Впрочем, это особая порода лошадей, плохо сложенная и некрасивая, но необыкновенно выносливая и не испытывающая усталости, ведь переходы по 20–30 лье² без остановок под силу только этим бахматам

¹ Квадрант – прибор для определения местоположения в море и на незнакомой местности. Безусловно, слова Боплана о том, что КАЖДЫЙ татарский воин носил с собой квадрант, являются сильным преувеличением, но то, что его имели отдельные начальники татарских отрядов, не подлежит сомнению.

² Лье (старое французское лье) – 4 км 444 м.

(так татары называют эту породу лошадей). У них очень густая, ниспадающая до земли грива, такой же [длины] хвост волочится сзади.

Татары движутся строем по сто лошадей в ряд, а фактически по 300, так как каждый татарин ведет по две [лошади] на поводу для смены, о чем мы упоминали раньше. Их передний ряд может насчитывать [в ширину] от 800 до 1000 шагов, а в глубину – свыше трех и даже четырех больших лье (от 800 до 1000 лошадей), если идут тесными рядами; в противном случае они растягиваются больше чем на 10 лье. Это изумительное зрелище для того, кто видит его впервые, так как 80 тысяч татар ведут более 200 тысяч лошадей: не так много деревьев в лесу, как лошадей в степи в таком случае. Когда видишь их издали, то кажется, будто какая-то туча возникает на горизонте, увеличиваясь по мере того, как приближается, что наводит ужас на самых смелых; я говорю о тех, кто не привык видеть разом таких гигантских полчищ. Так движется эта громадная армия, делая каждый час остановки на половину четверти часа, чтобы дать время помочиться лошадям, которые настолько хорошо приучены, что не преминут воспользоваться этим, как только их остановят. Татары тоже сходят тогда с лошадей и также мочатся. Затем, не задерживаясь, они садятся на лошадей и продолжают свой путь; все это делается у них по одному сигналу свистка.

Приблизившись к границе на расстоянии 3–4 лье, они делают остановку на два-три дня в избранном месте, где, по их мнению, они находятся в безопасности. Там они решают дать передышку и отдых своему войску, которое располагают таким вот образом. Они делают его на три [части], две трети предназначены для основного состава, последнюю треть делают еще раз на две [части]; каждая половина трети образует фланг, а именно: правый и левый. В таком порядке вступают они в страну. Главный корпус (который они на

своем языке называют кошем) движется вместе с флангами медленно, но безостановочно днем и ночью, давая войску не более часа для кормежки, не причиняя никакого вреда стране, пока не проникнут на 60–80 лье в глубину нее. Но как только они начинают возвращаться, главный корпус продолжает двигаться в том же темпе, а фланги по приказу военачальника отделяются: каждый скачет в свою сторону на 8–12 лье от главного корпуса, но так, что половина вперед, половина же – в сторону. Я забыл сказать, что каждый фланг, насчитывающий от 8 до 10 тысяч, делится в свою очередь на 10–12 отрядов, по 500–600 татар в каждом. Разбегаясь в разные стороны по селам, они окружают их и устанавливают вокруг по четыре сторожевых поста, поддерживающих большие костры на протяжении всей ночи, боясь, как бы кто-нибудь из крестьян не ушел от них; потом грабят, жгут, убивают всех, кто оказывает сопротивление, берут и уводят тех, кто сдается, и не только мужчин и женщин с грудными детьми, но также скот: лошадей, волов, коров, баранов, коз и пр.; что касается свиней, то их сгоняют вечером в одно место, закрывают в риге или в другом помещении, а затем поджигают с четырех углов из-за отвращения к этим животным.

Фланги эти (как мы уже говорили), имея приказ удалиться не более чем на 8–12 лье, возвращаются с добычей, чтобы присоединиться к главному корпусу. Найти его легко, так как остается заметный след от его передвижения, ибо в переднем ряду идет более 500 лошадей, и надо идти по следу. Через 4–5 часов они присоединяются к главному корпусу армии. Как только они прибывают на место, в то же самое время [от главного корпуса] отделяются два других фланга, числом равные первым: один следует направо, другой – налево, и производят такой же грабеж, как их предшественники. Потом они возвращаются, а от главного корпуса отделяются два свежих крыла, которые совершаются

такой же грабеж, как и первые. Таким образом поочередно осуществляют они свои набеги, в то время как основной состав никогда не уменьшается и постоянно состоит из двух третей армии, он движется (как мы говорили) только шагом, чтобы быть всегда в форме и готовности сразиться с польской армией, если она встретится на его пути, хотя такая встреча не входит в планы татар, напротив, они стараются, насколько возможно, избежать ее.

Они никогда не возвращаются тем путем, которым пришли, а описывают род дуги для того, чтобы получше ускользнуть от польской армии, ибо они никогда не сражаются иначе, как обороняясь, и то только тогда, когда их сильно теснят. Даже убедившись, что их десять против одного, они и тогда не решаются напасть первыми, ибо эти разбойники (именно так и следует называть этих татар) приходят в Польшу совсем не для того, чтобы сражаться, а чтобы грабить и внезапно захватывать добычу. Если же поляки встречаются на их пути, то задают им такого жару, что непрошенные гости убираются прочь и уже ненаторпливым шагом. Наконец, исколесив и ограбив [страну], они возвращаются в Дикое поле на расстоянии 30–40 лье от границы. Чувствуя себя здесь в безопасности, делают длительную остановку, восстанавливая силы, приводят себя в порядок, если при столкновении с поляками произошло какое-либо замешательство.

Во время этого отдыха, который длится неделю, они собирают всю свою добычу, состоящую из невольников и скота, и делают ее между собой. Самое бесчеловечное сердце содрогнулось бы при виде того, как разлучаются муж с женой, мать с дочерью без всякой надежды увидеться когда-нибудь, отправляясь в прискорбную неволю, к язычникам-магометанам, которые наносят им бесчисленные оскорбления. Грубость им позволяет совершать множество самых грязных поступков: обещивать девушек и насиловать женщин в присутствии их отцов и мужей и

даже делать обрезание детям на глазах их родителей, чтобы обратить их в магометанскую веру. Наконец, самые бесчувственные сердца дрогнули бы, слыша крики и пение среди плача и стога этих несчастных русов, ибо народ этот, плача, поет и причитает. Итак, эти несчастные разлучены, чтобы быть отправленными в разные стороны: одни – в Константинополь, другие – в Крым, третьи – в Анатолию и т. д.

Вот короткий рассказ о том, как менее чем за две недели [татары] совершают грабежи и захватывают в неволю более 50 тысяч душ и как они обходятся со своими невольниками после дележа, а затем, возвратившись на родину, продают их по своему усмотрению.

Расскажем теперь о том, как татары вступают в Польшу в летнее время, когда их обычно бывает не более 10–20 тысяч, ибо, если бы они были в большем количестве, их бы быстро заметили. Вот как это происходит.

Подойдя на 20–30 лье к границе, они разделяют свою армию на 10–12 отрядов, в каждом из которых может быть до тысячи лошадей. Половину своих войск из пяти-шести отрядов посылают направо на расстоянии одного – полутора лье друг от друга; так же поступают с другой половиной войск, которая держится слева на таком же расстоянии, [образуя в целом] переднюю линию, растянутую на 10–12 лье. Впереди, на расстоянии более одного лье, идет сильный сторожевой отряд для захвата "языка", чтобы знать, куда вести войско. Так они направляются, тесно сомкнувшись по косым [линиям] с тем, чтобы в установленном день сойтись в определенном месте в двух-трех лье от границы так, как в центре сходятся разные радиусы.

Причина того, что они идут различными, обособленными отрядами, заключается в боязни, как бы их не обнаружили казаки, которые, как одинокие стражи, постоянно [рассеяны] на расстоянии двух-трех лье в степях, и не узнали бы точного их числа, так как в противном случае они

могут известить лишь о том отряде, который видели. Ибо эти казаки, едва заметив издали татар, сразу же удаляются, чтобы поднять тревогу в крае. Видя же, что их всего тысяча или около того, они не очень пугаются такого количества; но через несколько дней после получения неточных известий о татарах они [жители] бывают захвачены врасплох.

Итак, татары переходят границу по следующему маршруту: постоянно держась между двумя большими реками, идут по самым высоким местам, ища истоки маленьких речек, которые впадают в большие: одни – в одну реку, другие – в другую. Таким образом, они не встречают преград на своем пути, грабят и опустошают, как и их предшественники, но продвигаются в глубь территории страны на расстояние не более 6–10 лье и тогда возвращаются обратно. В стране они остаются не более двух дней, затем отступают, как говорилось выше; после раздела [добычи] каждый возвращается домой.

Вот к какой хитрости [крымские татары] прибегают, прячась в степях с тем, чтобы врасплох напасть на какой-либо караван, оставаясь незамеченными. Следует знать, что степи эти покрываются травой до двух футов в высоту, следовательно, нельзя проехать, не потоптав травы и не оставив за собой тропы или следа, по которому становится известно, сколько может быть татар, а также в какую сторону они двинутся. Остерегаясь серьезного преследования, они придумали такой вот способ, который заключается в том, что из ватаги, состоящей из 400 человек, они образуют [как бы] четыре луча своими [меньшими] отрядами, в каждом из которых может быть до сотни лошадей: одни идут на север, другие – на юг, а еще два – на запад и восток и т. д. Короче говоря, все эти четыре небольшие банды идут каждая в своем направлении на расстоянии полутора лье, а там маленький отряд из сотни [человек] делится на три [группы].

насчитывающих около 33 [человек], которые движутся так же, как и предыдущие, если [не встретится] какая-либо речка. Потом, пройдя половину лье, они снова делятся на три [части] и продвигаются так далее, пока их число не сократится, как мы и говорили, до 10–11 [человек]. Такие построения легче понять, глядя на рисунок, чем со слов¹.

Гийом Левассер де Воллак. Описание Украины. М., 2004. С. 213–221, 231–241, 245.

Описание Болхова в записках архидиакона Павла Алеппского из святи Антиохийского патриарха Макария. 1654 год.

"В субботу мы поднялись на заре и прекали расстояние в шестьдесят верст, т. е. двадцать больших миль; два раза делали привал у воды и пастбища. Наш путь шел по низкой местности, где мы не встретили ни одной деревни. Вечером прибыли к берегу реки по имени Нухри (Нутрь. – В.Н.), где и остановились. Мы ехали быстрее птицы. Выехали рано утром в одиннадцатое воскресенье по Пятидесятнице, мы сделали десять верст, т. е. две мили, и прибыли в большой базар (город. – В.Н.), лежащий на возвышенности с сильной крепостью в стороне, на вершине горы, называемый Болхов. В нем двенадцать церквей и два монастыря: один для монахов, другой для женщин. Мы отстояли обедню в церкви Св. Николая и затем, повидавшись с воеводой, выехали за город, где и остановились.

Знай, что мы видели в этой стране замечательный снаряд, а именно: кузнецы, которые подковывают лошадей, имеют перед каждой мастерской ряд прохода длиной в рост, сделанного из бревен в клетку, и такой величины, чтобы помещалась одна лошадь; ее вводят внутрь, запирают; и кузнец подковывает ее (стоя) снарядами, причем лошадь не может ни лягнуть, ни брыкнуть, так что кузнец не подвергается никакой опасности.

Начиная от этого Болхова нам стали встречаться арбы с пленными, которых

¹ См. рисунок на с. 289.

везли московиты из страны ляхов, тут были только женщины и дети, мужчины же перебиты мечом. Сердца наши разрывались за них. Бог да не даст нам видеть подобное".

Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 213.

Надпись на надгробных плитах представителей рода Ржевских, погребенных в Болховском Спасо-Преображенском соборе.

"Лета 7186 (1678. – В.Н.) на службе Великого Государя Царя и Великого князя Федора Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца в малороссийском городе Чигирине окопничий и воевода Иродион, зовомый Иван Иванович Ржевский, в нашествии и облежании в осаде от безбожных турецкаго султана людей от визиря и от пашей и от иных многих земель, которых в том облежании стояли, сидел в осаде со многими государскими ратными людьми четыре недели. И убиен он раб Божий окопничей и воевода Иван Иванович гранатною стрельбою месяца августа в 3 день 7186 года в субботу в 11-м часу дня; а до приходу к Чигирину государских ратных людей с бояры и воеводою город Чигирин отсел в целости; а по убиению его окопничаго и воеводы в 8 день город Чигирин от турецких людей взят, а тело его из Чигирина вывезено до взятия и погребено в Болхове в соборной и апостольской церкви Всемилостивого Спаса 187 года сентября в 10 день, сия церковь строения его окопничаго Ивана Ивановича".

Надпись на плите стольника и воеводы Тимофея Ржевского:

"1703 года на службе Великого Государя и Великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержца в Острохани был воеводою полковым и осадным стольник Тимофей Иванович Ржевский и убиен 1705 июля 30 дня от противников иска и встающих

бунтами стрельцов московских и астраханских и мучен был многими язвами и скончал жизнь свою за волю монарха своего со многими стольниками и дворяны и полковники, которые скончали живота своей в поведении Государя своего и не были сообщники воровству оных бунтовщиков, и погребено тело его в соборной церкви 706 года августа¹⁷.

Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891 год. Вып. 2. Орел, 1891. С. 8, 9.

Количество посадских дворов в городах и крестьянских в уездах по переписи 1677–1678 годов.

“...в Волхове: на посаде 240 дворов, крестьянских и бояльских 1311 дворов; ...на Орле: на посаде 60 дворов, крестьянских и бояльских 1801 двор; в Кромском уезде крестьянских и бояльских 497 дворов, а посаду нет; ...во Мценском уезде крестьянских и бояльских 1843 двора, а посаду нет; ... в Ливенском уезде крестьянских и бояльских 49 дворов, а на посаде за монастырем и на церковной земле 22 двора; ...в Новосиле: на посаде 14 дворов, крестьянских и бояльских 1200 дворов”.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 8. СПб., 1862. С. 127, 128.

Выдержки из “Описи городов” с описанием городов Орловской земли. 1678 год

“Книга, а в ней писаны города, которые по указу великого государя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержица, ведомы в Рязряде, и наков которой город, и каким строением устроен, и что в тех городах городовых каменных и острожных и деревянных и земляных и иных всяких крепостей, и кто имяны в тех городах воеводы и приказные люди, и с которого месяца и числа, и сколько в котором городе служилых и жильцовских всяких чинов людей,

¹⁷ Обе надгробные плиты сохранились и находятся в Болховском Спасо-Преображенском соборе.

и с каким боем, и что наряду (пушек, – В.Н.) и зелья (пороху, – В.Н.) и свинцу и иных пушечных и хлебных всяких запасов порознь, нынешнего 186 (1678, – В.Н.) году, и то писано в сей книге подлинно, порознь, по статьям.

Роспись городом, которые ведомы в Рязряде

Севского полку украинные: Белев, Болхов, Корачев, Орел, Кромы.

Белгородского полку, в черте: Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль...

Севского полку, в Волхове:

Из дворян Евсеев Никонов сын Логинов. А по отписке его и по книгам нынешняго 186 году написано: город Болхов ставлен острогом, лес дубовой, в длину 2 сажени без чети весь подгнил, во многих местах тарасов и кроватей нет. Около острогу ров в глубину 2 сажени, поперег 4 сажень, во многих местах обвалился. Около рва честики во многих местах обвалился. Да полого мест честику нет по мере 100 сажень с полусаженью. По тому острогу 11 башень, и в том числе 3 башни с проезжими вороты. Всего около города и башень по осыпи (крепостному валу, – В.Н.) 448 сажень. В том городе тайник и в осадное время водою скуден, потому что воды в нем ничего нет. Колодезь, воды в нем мало.

Людей: осадной голова 1 человек. Стрелецкой и казацей голова 1 человек. Отставных дворян и детей боярских 18 человек. Подьячих 4 человека. Стрелцов 37 человек. Стрелецких детей и братья и всяких свойственников и в малом возрасте 32 человека. Казачков 25 человек, детей их и братья и всяких свойственников 27 человек. Драгунов старых 16 человек. Драгунских детей и братья и всяких свойственников и в малых letech 142 человека. Пушкарей 38 человек, детей их и братья и всяких свойственников 30 человек. Ямщиков старых и новопереданных 51 человек, детей их и братья и всяких свойственников, которые в службе и малых letech, 136 человек.

Посадских людей 531 человек, детей их и братья и всяких свойственников, которые с ружьем и в малых letech, 878 человек. Драгунов старых и новоприборных, которые бывають в полках, 90 человек. Всего тех вышписанных чинов и людей 2057 человек.

По городу наряду: 7 пицалей медных¹. 11 пицалей железных. К тем пицалем по кружалом ядер розных статей 2103 ядра. 9 пицалей затиных, к ним 360 ядер. 80 мушкетов целых. 17 мушкетов худых. 162 ремня с бонделеры (берейдейка или банделиер – перевязь для стрельцов, – В.Н.). Зелья ручного и пушечного 96 пудов 13 гривенок. Свинцу 49 пуд. 30 774 дробины дробу железного. 5 рагулек (разбрасывались по дорогам для борьбы с конницей, – В.Н.). Фитилю 7 пуд. Вестовой колокол весом 9 пуд 2 гривенки. В онбаре запасной соли 442 пуда.

На Орле:

Стряпчей Иван Петров сын Давыдов. А по его отписке и по книгам нынешняго 186 году написано: город Орел рубленой (кремль, – В.Н.), лес дубовой крыт тесом. По тому городу 7 башень, и в том числе 2 с проезжими вороты. А по мере город в длину 48 сажень, а поперег 43 сажени. Да из города к реке к Орлу тайник, и тот тайник заволылся. Да к тому ж городу был большой острог, а около того острогу 589 сажень, а длинн в том острожном месте 160 сажень, а поперег 140 сажень; и что было острожных башень и острогу, и те башни и острог в пожарное время погорели (в июне 1673 года, – В.Н.).

Людей: губной староста 1 человек. Осадной голова 1 человек. Стрелецкой голова 1 человек. Подьячих 8 человек. Площадных дьяков 8 человек. Отставных дворян и детей боярских 148 человек. Стрелцов 94 человека, детей у них и братьев и племянников 71 человек. Драгунов 118 человек, детей у них и братьев и всяких свойственников и половинщиков и половинчиковых детей 154 человека.

¹ Имеется в виду бронзовых.

Пушкарей 29 человек. Половинщиков 10 человек. Казенных кузнецов 2 человека. 1 человек бирич (глашатай, – В.Н.). Пушкарских и половинчиковых и воротниковых и казенных кузнецов детей и братья 80 человек. Посадских людей 42 человека, детей у них и братьев и половинщиков 62 человека. Дворников и бобылей 28 человек, детей их и пасынков 23 человека. Всего вышписанных людей 975 человек.

По городу наряду: 3 пицали медные полуторные. 5 пицалей медных же коротких. К тем ко всем пицалем по кружалом 990 ядер розных статей. 2 пицали полковых железных, к ним по кружалу 132 ядра, весом четь гривенки ядро. 17 пицалей затиных, к ним 1200 пуляк железных, да к ним же 1080 пулек свинцовых. 1 пицаль медная дробовая, дробу к ней 2 пуда без 3-х гривенок. У городовых ворот и у казенного погребя и у житниц и у амбаров и тайника 9 аамков. Зелья в 11 бочках 156 пуд ручного (ружейного, – В.Н.) и пушечного. Свинцу в стулах и в свинных и в усечках (в кусках, – В.Н.) и в пулках 133 пуда без 6 гривенок. Стрелецких 23 пицали все худы, стрелять из них не мочно. 3 знамя выбойчатых худых. 2 подсвета железных (обивка крепостных ворот, – В.Н.). 4 крюка железных воротных. 1 просек. 1 топор. 1 свердель (сверло, – В.Н.), багор. Вестовой колокол, весу в нем 14 пуд.

В городе три житницы, а в них хлебных запасов: сухарей 68 чети, круп 57 чети, толокна 43 чети, муки ржаные 100 чети.

Да в Орловском уезде, от города в 60 верстах, в селе Тогине¹, столника Петра Петрова сына Пушкина острожок, в том острожке две башни проезжие, в том острожке ружья 2 пушки, а к ним зелья 3 пуда, да железа сеченого 2 пуда.

В Кромах:

Торопченин Яков Иванов сын Челыщев, а по его отписке и по книгам нынешняго 186 году написано: город Кромы ставлен по осыпи острогом, лес дубовой.

¹ Сейчас село Тогинское Глазуновского района Орловской области.

По тому острогу 5 башень, и в том числе одна с проезжими вороты. А что преж сего бывал малой острог Завитый, на осыпи, и та осыпь испорчена на селитерная вереня (для добычи селитры, одного из компонентов пороха. – В.Н.), и зачет делать по той осыпи земляной вал, и тот вал весь засорился и разволялся, а по тому валу 6 башень, и в том числе 2 с проезжими вороты. В малом городе тайник, от острогу в 6 сажнях колодезь.

Людей: стрелецкой голова 1 человек. Подьячих 7 человек. Площадных дьячков 3 человека. Отставных дворян и детей боярских 62 человека. Стрелцов 87 человек. Драгунов 111 человек. Пушкарей 25 человек. Воротников 4 человека. Розсыльщиков 7 человек. Черкас (украинских казаков. – В.Н.) 50 человек. Драгунских детей и братья и племянников 32 человека. Пушкарских детей и братья и племянников 9 человек. Воротниковых детей и братья 4 человека. Розсыльщиковых детей и братья 5 человек. Черкасских детей и братья и племянников 22 человека. Всего 428 человек. В житницах четверникового хлеба муки ржаные 21 четь с полуосьминою.

Наряду: 1 пицаль железная, 2 пицали медные, 2 тюфяка. К ним ко всем по кружалом 296 ядер розных статей. 20 мушкетов розданы пушкарем. 15 стволов мушкетных без лож. Зелья ручного 27 пуд 1 гривенка, пушечного 28 пуд. Свищу 2 свиный целы. Московской присылки 5 пицалей железных в станках, к тем пицалем 250 ядер разных статей. Зелья пушечного 24 пуда, ручного 26 пуд.

Белгородского полку горюлы:

Всего во Мценску осадной голова 1 человек. Стрелецкой голова 1 человек. Приказной избы подьячих 5 человек. Площадной дьячок 1 человек. Отставных дворян и детей боярских 19 человек. Детей боярских городовые службы 164 человека. Стрельцов 91 человек, детей их и братья и свойственников 144 человека. Драгунов 13 человек, детей их и братья и свойственников 7 человек. Пушкарей 19 человек,

детей же их и братья и свойственников 18 человек. Воротников 9 человек, детей их 12 человек. Затинщиков 43 человека, детей их и братья и свойственников 43 человека. Казенных кузнецов 4 человека. Казенных плотников 3 человека. Розсыльщиков 20 человек, детей их и братья и свойственников 40 человек. Ямских дворников 2 человека, детей их 2 человека. Дворников 30 человек, детей их и братья и свойственников 14 человек. В таможи голова 1 человек. Целовальников 5 человек. Дьячок 1 человек. На кружечном дворе (в кабаке. – В.Н.) голова 1 человек. Целовальников 4 человека. Житенных целовальников 2 человека.

Город Мценск рубленой, рублен в две стены в дубовом лесу. По новорубленому и по земляному городу 19 башень¹, в том числе 7 башень с проезжими вороты, 13 башень глухих. Да в городской стене 4 ворот (без башен. – В.Н.). Подле 3-х башен 3 отвода (имеются в виду отводные стрельницы, предбашенные укрепления. – В.Н.). По мере около всего нового рубленого и старого и земляного города, оприч башень, 943 сажени с четью рубленого. Из города к реке Зуши тайник, в нем 2 колодезя, и тот тайник во многих местах обвалился, воды нет. В житницах хлебных запасов: ржи 163 чети, овса 13 чети с осминою. Запасные соли 881 пуд 20 гривенок.

По городу наряду, медного и железного, 19 пицалей, в том числе 6 пицалей медных, 13 пицалей железных. К ним ко всем 1697 ядер, в том числе к 2-м 172 ядра весом по 2 гривенки ядро. Ко 1-й 50 ядер, весом по 3 гривенки ядро без чети. К 3-м 335 ядер, к 1-й 100 ядер, весом по 9 гривенок ядро. Ко 1-й же 100 ядер, весом по 7 гривенок ядро. Ко 1-й же 75 ядер, весом по 4 гривенки. Ко 6-ти 600 ядер, весом по пол-3 гривенки ядро. К 2-м 200 ядер, весом по 2 гривенки ядро. Ко 1-й пицали 70 ядер весом по полугривенки без осмухи.

¹ Должно быть 20 башен, вероятно, не учтена отдельно стоявшая башня над колодезем в тайнике.

Ко 1-й же пицали к худой 75 ядер, весом по 4 гривенки ядро. Да к медным ко 6, да к железным к 3 пицалем 500 ядер; а каковы ядра по весу, того в сметных книгах не написано. 17 пицалей железных затинных, к ним 287 ядер. Зелья ручного и пушечного 98 пуд. Свищу 147 пуд 7 гривенок. Фетиллю 27 пуд 19 гривенок. Вестовой колокол, весу в нем 4 пуд 18 гривенок. Железа прутowego 19 прутов. Тапор. Медная фурма. 2 гири железные весовые. Лом железной. Контарь (весы. – В.Н.) с гирею. Кувалда железная. 10 лат с шишаки. 7 струглов железных. 6 знамен. Прапорец. 106 лыж длинных. Котел медной селитерной.

На весты посылаютца в 3 города – в Болхов, на Орел, в Новосиль отставные дети боярские, а по сколку человек в город посылаютца, того в сметных книгах не написано. А опрочи того, иных никаких наличных статей во Мценску нет.

Новосиль:

Всего в Новосили: осадной голова 1 человек. Стрелецкой и казачей голова 1 человек. Приказной избы подьячих 2 человека. Площадных дьячков 2 человека. Отставных дворян и детей боярских городовые службы 143 человека, детей и их братья и свойственников 11 человек. Отставных из драгун 4 человека. Из салдат 5 человек. Стрелцов 38 человек, детей их и братья и свойственников 13 человек. Казаков 106 человек, детей их и братья и свойственников 25 человек. Драгунов 72 человека, детей их и братья и свойственников 90 человек. Пушкарей 22 человека, детей их и братья и свойственников 40 человек. Воротников 6 человек, детей их и братья и свойственников 10 человек. Казенных кузнецов 2 человека, братья 3 человека, да половишник. Плотников 2 человека, у 1-го сын, у 1-го ж половишник. Дворников 14 человек. Емщиков 20 человек, детей их и братья и свойственников и половишников 50 человек.

Черкас 2 человека. В таможи 3 человека. На кружечном дворе голова 1 человек, целовальников 4 человека. Житенных целовальников 5 человек.

Город Новосиль построен у реки Зуши с правые стороны. По городу 13 башень¹, в том числе 2 башни с проезжими вороты. 11 башень глухих. А каков город строен и что около города и башень по мере сажень, того в сметных книгах Аксена Мишкова не написано. Из города к реке Зуши тайник, в нем колодезь, струб розмыло водою.

В житницах хлебных запасов: ржи 645 чети, овса 354 чети. Да по государеве грамоте из Розряду, собрано с новосильцов со всяких чинов людей на прошлой на 184 (1675–1676. – В.Н.) год ржи 72 чети с осьминою, овса тож. Запасные соли бузуну 300 пуд с четью.

Наряду медного и железного: 15 пицалей, к ним ко всем 1700 ядер, в том числе медного 3 пицали. 2 пицали дробовые. 4 тюфяка. Железного: 2 пицали. 4 пицали затинных, к ним ядер порознь, к медному: ко 1-й пицали 93 ядра, весом по 4 гривенки ядро. Ко 1-й же пицали 235 ядер, весом по 2 гривенки ядро. К 4 тюфякам, к ним 486 ядер, весом в пол-2 гривенки ядро. К 2 пицалем дробовым 5 пуд дробу. К 10 пицалем ядер нет. К железным к 2 пицалем 345 ядер, весом по 6 гривенок ядро. К 4 затинным 448 ядер, весом в пол-гривенки ядро. 4 пицали затинных железных ручных. Зелья ручного и пушечного 59 пуд 37 гривенок с полугривенкою. Свищу и литых пулек 60 пуд. 4000 рогуллек. Вестовой колокол, весу в нем 8 пуд. А опрочи того, иных никаких наличных статей в Новосили нет.

Ливны:

По переписным книгам с Ливен Василия Гринева, город Ливны построен в прошлом 185 (1677) году.

¹ Явная описка – 9 башен, в том числе 2 проезжие.

Всего на Ливнах: губной староста 1 человек. Стрелецкой и казачей голова 1 человек. Приказные пзбы подъячих 2 человека. Площадных дьячков 2 человека. Детей боярских городовые службы 724 человека, детей их и братьев и свойственников 56 человек. Стрелцов 31 человек. Казаков 81 человек. Пушкарей 40 человек, детей их и братьев и свойственников 18 человек. Ямщиков 37 человек, детей и братьев и свойственников 50 человек. Черкас 48 человек, детей их и братьев и свойственников 12 человек. Черкаских бобылей 26 человек. В таможне и на кружечном дворе голова 1 человек, целовальников 8 человек, дьячек 1 человек. Житной голова 1 человек, целовальников 2 человека.

Город Ливны построен острогом в вышину 3 сажени, меж башен городовые стены 324 сажени с полусаженью. По городу семь башен, в том числе 3 башни с проезжими вороты, 4 башни глухих. Из города к речке Сосне тайник, в нем колодезь, вода добра. Город и башни и по городу и по башням мосты и десницы к стенам и катки и тайник построен вновь в прошлом во 185 и в нынешнем во 186 (1678. – В.Н.) году. В государевых житницах хлебных запасов 138 чети. Запасные соли бузуну 350 пуд.

Количество служилых людей "пушкарского чина" в городах Орловского края. XVII век

	1629 г.	1637 г.	1678 г.
ОРЕЛ	---	31	29 (80) ¹
БОЛХОВ	18	24	38 (30)
МЦЕНСК	49	48	19 (18)
НОВОСИЛЬ	---	31	22 (40)
ЛИВНЫ	42	42	40 (18)
КРОМЫ	?	?	25

¹Примечание: в скобках указано количество детей, братьев и свойственников. В том числе дети и братья казенных кузнецов, половопирников и воротников.

По книгам: Боговаденский С.К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 350; Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб., 1875. С. 251–253, 261–263, 268.

Наряду медного и железного 15 пищалей, к ним ко всем 510 ядер, в том числе ко 1-й пищали 50 ядер, весом по 8 гривенок ядро, к 2-м пищалам 60 ядер, весом по полтрети (2,5. – В.Н.) гривенки ядро, к трем пищалам 90 ядер, весом по полторы гривенки ядро, к одной пищали 15 ядер, весом по 1 гривенки ядро, к одной же пищали 30 ядер весом по полугривенке ядро. К железным: к 1-й пищали 45 ядер, весом по осми гривенок ядро, к одной же пищали 45 ядер, весом по 7 гривенок ядро, к 1-й пищали 45 ядер весом по 6 гривенок ядро, к 2-м пищалам 80 ядер, весом по 4 гривенки ядро, к 1 пищали 10 ядер, весом по пол-4 гривенки (3,5. – В.Н.) ядро, к 1 пищали 40 ядер, весом по полугривенки ядро. 14 пищалей затинных железных, к ним свинцового дробу пуд. Наряд в станках на колесах, к стрельбе наготове. Зелья пушечного 66 пуд. Свинцу 74 пуд. 2000 рогудек. Вестовой колокол, весу в нем 6 пуд 200 гривенок. А опрочи того, иных никаких наличных статей на Ливнах нет".

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 9. СПб., 1875. С. 119, 251 (Болхов). 251–252 (Орел), 253 (Кромь). 261–262 (Мценск), 263 (Новосиль), 268 (Ливны).

Отписка мценского воеводы Ивана Туттолмина о трех пожарах во Мценске и поимке поджигателя. 1695 год

"Великим государем царям и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем, холоп ваш Ивашка Туттолмин челом бьет.

В нынешнем, великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержцы 203 (1695. – В.Н.) году, мая в 6-м числе, в шестом часу дни¹ Божиим изволением учинился во Мценск пожар, за рекою Зушею, близ церкви Воскресения Христова, загорелось на дворе у вдовы Феклы дьячка Михайловской жены Максимова и згорела церковь Воскресения Христова ветхая да колокольня и дворы поповы и всяких чинов людей погарели и горело до реки Зуши и перекинуло через реку Зушу и згорел девич монастырь. В нем церковь Вознесения Христова и всякая церковная утварь и книги и колокольня и святые ворота и келья и ограда всё погорело без остатку. Да в Сергиевской слободе две церкви Сергия Чудотворца – одна новая, а другая ветхая, згорели ж, да поповых и дьячковых и подьяческих и стрелецких и всяких чинов у грацких жителей помещиковых осадных дворов погорело семдесят два двора.

Да мая же, государь в 9-м числе в седьмом часу дня учинился другой пожар в Ямской слободе и выгорело ямщиковых шестьдесят дворов. Да мая же, государи, в 10-м числе часа за три до вечера, учинился третий пожар близ церкви Воскресения Христова, выгорел хлебной ряд, амбары погорели да в Ямской слободе выгорело 22 двора, и я, холоп ваш, велел учинить в слободах на перекрестках... караулы и приказал смотреть отчего пожары чинятся.

И в нынешнем же государи 203 году мая в 11 день привезли в приказную избу перед меня, холопа вашего, мценские

¹Счет часов дни начинался с восхода солнца.

стрельцы Степка Вырезубов да Костик Нестеров, Акимова крестьянина Матвеева, а как ево заут не знают, с огнивом тремя да кремнями, да с трутом. И те кремни и огниво и трут в мешочке маленьком. А сказали: в нынешнем 203-м году сего ж мая в 11-м числе [они увидели, что] Мценского Вознесенского девич монастыря дьячок Иван Михайлов сын Попов кричит, что тот крестьянин приходил во Мценск к Стрелецкой слободе и зажегся двор у мценского стрельца Тимошки Золоторева. И они де того крестьянина догнали, бежит к деревни Толмачевой, а догнав де того крестьянина поймали, а мешочек и огниво и три кремня и трут выняли у того крестьянина в запазухе за кожаном. И тот приводной человек в распросе сказался: крестьянин де он Акимка Матвеев[а], заут де его Мишка Иванов. В нынешнем де 203-м году мая в 11 день приходил де он Мишка Иванов во Мценск из деревни Толмачевой к грацкому жителю к Ивану Иванову сыну Тюрину для недоплатных долговых денег за деготь, и взял де он Мишка у него Ивана Тюрина деньги пять алтын и пошел изю Мценска в деревню Толмачеву и вошел за город по большой Волховской дороге и на верху де Прудници за городом, он Мишка вынес мешечик с огнивом и с кремнями и с трутом выскел огня и пил (курить. – В.Н.) табак, а в городе во Мценску на посаде дворов он Мишка не зажигал, а как де он Мишка огонь выскел и в то де число приплы к нему грацкие люди и ево де поймали и стем кремнем и с трутом и с огнивом привели во Мценск в приказную избу.

И в том он, Мишка, в вышезаписанном в пожарах того ж числа пытан и с пытки сказал, что огонь выскел пил табак, а не для пожогои. И о том, вы великие государи, мне, холопу своему, что укажите, а отписку, государи, велел я, холоп ваш, подать в Разряд боярину Тихону Никитичю Стрешневу со товарищи".

РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Столбцы Белгородского стола. Стб. 612. Л. 415–417.

**Города Орловского края
в первой четверти XVIII века.**

В 1719 году, согласно новой административной реформе Петра I были учреждены губернии, которые в свою очередь подразделялись на провинции. В состав Орловской провинции Киевской губернии вошли города Орел, Мценск, Новосиль, Болхов и ныне находящиеся в Тульской области – Чернь и Велев. К Севской провинции Киевской губернии отошли Кромы и земли, составляющие сейчас Дмитровский район. К Елецкой провинции Воронежской губернии были присоединены Ливаны.

“Киевская губерния

Орловская провинция

Орел, город рубленой... (описание Орла опущено, с ним можно познакомиться в книге: *Неделин В.М. Орел изначальный. Орел, 2001. С. 245*)

К сей же провинции присудственные города:

Мценск, город рубленый, да земляной вал, в нем 6 башен с проезжими вороты, 13 глухих, по мере около города и башен 943 сажени, стоит на высокой каменной горе, на берегу Зуши реки и устье реки Мещы.

О церквах и монастырях

По ведомости Камор-коллегии показано во Мценске с уездом по переписи [1] 710 году церквей 53, монастырей 2¹.

Магистрат, в котором бургомистр 1, ратманов 2. Крепостная кантора, в ней надсмотрщик 1. Таможня, кабацкая кантора, конская изба – в них для управления бурмистры и ларечные и при них целовальники. Во Мценску ж фискалы из шляхетства Матфей Мишков, ис купечества Григорий Коняев.

Новосиль, город деревянной, рубленой. В нем 4 башни с проезжими вороты, 5 башен глухих², по мере около города и башен 468 сажень, стоит на горе на берегу реки Зуши.

¹ Петропавловский – мужской и Вознесенский – женский.

² Неверно, 2 проездных и 7 глухих.

О церквах и монастырях.

По ведомости Камор-коллегии показано в Новосили с уездом по переписи [1] 710 году церквей 44, монастырей 2¹.

Магистрат, в котором бургомистр 1, ратман 1. Крепостная кантора, в ней надсмотрщик 1, писарь 1. Таможня, кабацкая кантора, конская изба – в них для управления бургомистры и ларечные при них целовальники.

Болхов, острог стоячей, в нем 2 башни проезжие, 4 глухих⁴, по мере около острогу и башен 504 сажени, стоит на высоком месте на берегу Угря (Нутри. – В.Н.) и на усть Верхя, по которому течет приток, названная Болхов.

О церквах.

По ведомости Камор-коллегии показано в Болхове с уездом по переписи [1] 710 году 55 церквей.

О монастырях.

В Болхове 2 монастыря: первой мужеской монастырь, каменной; другой, Казанской девич, деревянной, в котором церкви каменные⁵.

Магистрат, в котором бургомистров 2, ратманов 3. Крепостная кантора, в ней надсмотрщик 1. Таможня, кабацкая кантора, конская изба – в них для управления бурмистры и ларечные и при них целовальники.

О купечестве.

В Орловской провинции великое довольство хлеба, и торг больше состоит хлебной, понеже изо многих других городов в город Орел для закушки хлеба приезжают, и многочисленно покупая, рекамы в судах отвозят в Москву, также в Нижний Новгород и Санкт-Петербурх.

О ямах (почтовых станциях. – В.Н.)

В сей провинции имеются ямы от Москвы по Белгородской дороге.

¹ Свято-Духов мужской и Ильинский женский монастыри.

⁴ Неверно, рубленый город и 8 глухих.

⁵ Троицкий Оттин мужской и Христорождественский женский монастыри.

Во Мценске ям	
От Москвы	260 [верст]
От того яму гоняют от Мценска	
К Москве до Тулы	100
К Белугороду до Курска	190
К Валуйкам до Новосила	40
Да в стороны	
До Севска	200
До Болхова	30
До Велева	60
До Кром	70
До Одоева	70
До Карачева	120
До Брянска	120
До Калуги	140
От Москвы	
До Новосила (ям). Гоняют	280
К Москве до Тулы	120
К Белугороду до Мценска	40
К Валуйкам до Ливен	70
Да в стороны	
До Велева	100
До Курска	130
В Болхове ям. Гоняют к Москве	
до Калуги	120
До Брянска	140
До Курска	180
До Тулы	113
До Мценска	30
До Орла	40
До Сум	70
До Трубчевска	80
До Новосила	60
До Карачева	80
До Севска	190

А в Орле хотя яму и нет, но однак ямская гоньба приходит от Севского яму, которой расстоянием от Орла во 150 верстах. Да в сей же провинции имеются почтовые станы по тракту от Москвы до Севска в селе Глодове, в Болхове, в Велеве, в селе Кипяни. По Белгородскому тракту в селе Собакине, во Мценску, в селе Куракине (Куракине. – В.Н.), в селе Сергиевском.

**Киевская губерния
Севская провинция**

.....
Кромы, острог деревянной, в нем башня проезжая, 10 глухих, по мере около города и башен 1150 сажень¹, расстоянием от Севска 120 верст. В том городе и уезде по ведомости Камор-коллегии 69 церквей. Крепостная кантора, в ней надсмотрщик 1.

Воронежская губерния

Елецкая провинция

Ливаны, по описной книге [1] 701 году острог, в нем 3 башни проезжие и 3 ж глухих, по мере около острогу и башен 345 сажень, расстоянием от Ельца 40 верст.

В том городе и уезде по ведомости Камор-коллегии монастырей 2², церквей 75.

Магистрат, в котором по ведомости магистратской бургомистр 1, ратман 1. Канцелярия их и приказные служители особые. Крепостная кантора, в ней надсмотрщик 1, писцов 2. Из шляхетства фискалы Ларион Глодов да Иван Костромитинов.

.....
О ямах.

В Ливанх ям. Гоняют. Расстояние верст	
К Белугороду до Новосила	70
До Белугорода	120
До Курска	120
До Землянска	100
До Чернавска	20
До Старого Оскола	130
До Ельца	40 ³

Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 171–173, 194, 195.

Количество населения в городах Орловщины (с уездами), входивших в состав Белгородской губернии в 1738 году.

Кромы – 33767.

Орел – 44506.

Мценск – 14632.

Новосиль – 17956.

Болхов – 18466.

Белгородская губерния 1727–1779 гг. Сборник документов и материалов. Белгород, 1997. С. 19.

¹ Неверно, для острога, 4 проезжие и 8 глухих башен, общий периметр стен 403,5 сажени.

² Сергиевской мужской, Николаи Ратного – женский.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ АРХИТЕКТУРНЫХ, ИСТОРИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГЕ

А

Алебарда – западноевропейское древковое оружие, наконечник которого представлял собой сочетание копья, топора и крюка.

Алтарь – восточная часть храма, в которой находится престол и жертвенник. Отделена от остального храма иконостасом.

Амбар (анбар) – хозяйственная постройка, предназначавшаяся в основном для хранения зерна. Деревянный амбар имел на переднем фасаде выступающую верхнюю часть, так называемый “налобник”.

Артаул (артаул, артоул) – передовой дозор, полк, обычно конный.

Архиепископ (польск.) – архиепископ.

Архимандрит – настоятель крупного монастыря.

Аршин – русская мера длины, равная 71,12 сантиметра.

Б

Байдана – доспех из широких плоских колец (у кольчуги кольца округлого сечения).

Банделиер – кожаная перевязь, носившаяся стрельцами через плечо, с подвешенными к ней зарядцами – патронами с заранее отмеренными порциями пороха, пыжом и пулей. Русские обычно называли ее берендейкой.

Батоги – палки для наказания.

Беломестные казаки – жители беломестных слобод. Беломестненцы были освобождены от всех налогов и повинностей, обязываясь нести “государеву ратную службу”.

Берендеи – кочевые племена тюркского происхождения, выдвинувшиеся, очевидно, из племенного объединения огузов. В русских летописях упоминаются с 1097 года до конца XII века. Около 1146 года вместе с тюрками и печенегами образовали племенной союз так называемых черных клобуков. Берендеи селились на окраинных русских землях на правах федератов и несли службу на степной границе и в княжеских дружинах.

Бердыш – топор с длинным (до одного метра) вытянутым полудлинным лезвием, традиционное оружие стрельцов. Использовался как колющее и рубящее оружие, а также в качестве подставки для пицалы при стрельбе. В походе носился на кожаном ремне за спиной.

Бирюч – городской глашатай.

Бобыль – в Русском государстве XV – начала XVIII века объединившийся и разорившийся феодально зависимый человек. Со второй половины XV века появляются частновладельческие, сельские и городские бобыли, занимавшиеся земледелием, ремеслом, мелкой торговлей или работавшие по найму. Бобыли не несли государственного тягла, но платили владельцу или государству более легкий налог – бобыльщину. По указу

о “живущей четверти” 1631–1632 годов бобыли привлекались к несению тягла в половинном размере по сравнению с крестьянами. По указу о подворном обложении 1679 года бобыли, жившие в собственных дворах, были приравнены в податном отношении к крестьянам, не имевшие дворов – остались вне тягла. После введения в 1724 года подушной подати слились с крестьянами.

Бой – этап в башне или на крепостной стене, так называемый боевой ход, который позволял защитникам свободно передвигаться по периметру.

Бойница – окно или отверстие в крепостной стене или башне для обстрела неприятеля. Бойницы были трех видов: нижнего на уровне земли (подошвенного), среднего и верхнего боя.

Бургомистр (бурмистр) – в конце XVII–XVIII веках выборное должностное лицо, возглавлявшее орган городского самоуправления (земскую избу). Должность бургомистра была учреждена среди посадских общин указом Петра I от 30 января 1699 года. Бургомистры подчинялись центральному административному и судебному органу – Бурмистерской палате, позднее – ратуше. Бургомистр занимался судебными и административными делами, а также собирал налоги, за недостачу которых отвечал своим имуществом.

Бродники – в XI–XIII вв. вольные люди типа казаков, протоказаки.

В

Верста – русская мера длины, равная 500 сажаням – 1,067 километра.

Вершок – русская мера длины, равная 4,450 сантиметра.

Вестовщик – служилый человек, обычно из казаков или детей боярских, пославшийся воеводой “для вестей” в соседний город, где проживал посменно в течение определенного времени (от недели до месяца). По получении соответствующего известия он должен был немедленно доставить его воеводе своего города.

Воевода – славянский термин, обозначавший военачальника, правителя. Воевода в качестве начальника княжеской дружины или главы народного ополчения упоминается в русских летописях с X века. В X–XVII веках каждый из полков и отрядов русского войска имел во главе воеводу. Во второй половине XVII века полковые воеводы остались только в рядных полках и были ликвидированы Петром I в начале XVIII века. Городовые воеводы появились в середине XVI века. Они возглавляли управление города с уездом, а также занимались их обороной в военное время и традиционно посылались на воеводство на год, реже на два или три. С начала XVII века городовые воеводы были введены во всех городах России, заменив наместников и городских приказчиков. Пост провинциального воеводы с обязанностями, аналогичными городским воеводам, в России утвержден в 1719 году. Должности городских и провинциальных воевод были ликвидированы в 1775 году.

Воротник – служилый человек, охранявший, а также открывавший и закрывавший крепостные ворота.

Г

Гаковница – см. затинная пицаль.

Годовальщики – служилые люди, посылавшиеся в тот или иной город, обычно на год, для усиления местного гарнизона.

Голова – начальный человек на военной или административной должности в России XVI–XVII веков. Военными должностями были: сотенный голова – начальник сотни в дворянском ополчении; стрелецкий голова (со 2-й половины XVII века – полковник) – начальник стрелецкого приказа (полка); казачий голова – казачий сотник; пушкарский голова – начальник артиллерии; осадный голова – ведал подготовкой города к осаде; засечный голова – надзирал за засечными (оборонными) чертами; станичный голова – руководил разведывательным отрядом;

стоялый голова на поле – начальник сторожевой службы на окраинах государства. Эти должности обычно занимали дворяне и дети боярские.

Административно-финансовыми должностями были: житничий, или житенной голова – собирал хлеб на жалование ратным людям и отвечал за него; объезжий голова – ведал полицейской службой в городе; письменный голова – товарищ (помощник) воеводы в Астрахани и в городах Сибири, позже ведал канцелярией; соляной голова – ведал государственной добычей и хранением соли; таможенные и кабацкие головы – занимались сбором пошлин. Должность головы просуществовала до начала XVIII века.

Город – см. Рубленный город.

Городище – место, где был укрепленный город или крепость, руины крепости.

Городня – четырехугольный, треугольный или трапециевидный бревенчатый сруб, служивший основой крепостной стены.

Гривенка – 1 гривенка – 409,5 грамма веса.

Губная изба – судная изба в русском городе XVI–XVII веков. Ведал губной избой губной староста.

Д

Даточные люди – пожизненно военнообязанные в конце XV–XVII веках, составлялись городским и сельским населением, богатыми вотчинниками и монастырями. Даточные люди назывались также посошной ратью, а сама повинность – посохой (см.). Численность даточных людей в русской армии была довольно значительной, например, во время Полоцкого похода 1563 года – 80 тысяч человек, три набора 1658–1660 годов дали 70–80 тысяч человек. С введением в 1705 году рекрутской повинности сбор даточных людей прекратился.

Дворник – зависимый (из крестьян) или нанятый (из вольных или гулящих людей) человек, который содержал осадный двор в городе, принадлежавший дворянину или сыну боярскому, во время его отсутствия.

Денсуе (греч. – прошение, моление) – в христианской иконографии композиция с изображением Христа и обращенных к нему Богоматери и Иоанна Предтечи.

Десятия – список уездных служилых людей, составлявшийся во время их сморгов (разборов), верстания, назначения и выдачи им жалования.

Дети боярские – мелкопоместные служилые люди в Московском государстве в XV–XVII веках. В XVI веке дети боярские делились на дворовых – приближенных к верхам и городских (городских), то есть провинциальных. В начале XVIII века в ходе Петровских реформ дети боярские вошли во дворянство, а обедневшие – в однодворцы.

Детинец – центральная укрепленная часть древнерусского города XI–XIV веков. Позднее стала называться кремлем или крепью.

Домовина – небольшой погребальный деревянный домик или камера.

Донжол – самая высокая и прочная башня западноевропейского замка, последнее укрытие обороняющихся. На Руси подобные сооружения в крепостях и замках назывались вежами.

Драгуны – западноевропейский солдат, обученный сражаться как в пешем, так и в конном строю. Его вооружение состояло из шпата, сабли или палаша, карабина и одного или двух пистолетов. В России первый драгунский полк был сформирован в 1632 году и находился в войсках воеводы М.В. Шеина при осаде Смоленска. Позднее, начиная с середины XVII века, драгуны составили значительную часть полков “нового строя” в России и получили широкое распространение, особенно на юге. Комплектовались из переверстанных казаков и детей боярских, а также вольных и охочих людей.

Дрань (гоит) – маленькие деревянные дощечки или плашки, которыми крыли крыши.

Духовная грамота – завещание.

Дьяк – глава приказной избы (см.), ведавший делопроизводством и финансовыми вопросами. В его подчинении находились подьячие (см.)

Ерихонка – островерхий шлем с металлическими нащечниками, назатыльником и опусковой стрелкой для защиты лица.

Ж

Жагра – посох с вилкой, на которую стрелок опирал при стрельбе мушкет или пищаль.

Жильцы – один из разрядов служилого чина в Московском государстве, средний между московскими и городскими дворянами. Городовой дворянин, попавший в жильцы, имел возможность если не для себя, то для потомства сделать карьеру и стать московским дворянином, получив дальнейшее продвижение по службе.

Житница – складская постройка, обычно деревянная, для хранения зерна, а также казенных хлебных запасов.

Жолнер (польск.) – солдат.

З

Забороло – верхняя боевая площадка деревянной крепостной стены в древнерусском городе XI–XIV веков. В XVI–XVII веках забороло сменил термин “облам”.

Залопот – деревянный забор, состоявший из вертикально вкопанных на некотором расстоянии друг от друга бревен, соединенных горизонтально уложенными бревнами или плахами, вставленными в вертикальные пазы.

Засека – лесной завал, устраивавшийся в оборонных целях. Для того, чтобы засеку труднее было растопить, деревья подрубали столь высоко, “сколь человеку топором достать мочно”, и не отделяли ствол от пня. В засечных лесах запрещалось собирать грибы и заготавливать дрова (дабы не протоптавались тропинки), а все дороги сквозь них укреплялись башнями и крепостями, куда на лето присылались отряды ратных людей. Ведали засеками засечные головы и приказчики, в подчинении у которых находились засечные сторожа.

Заступ – деревянная лопата с железной оковкой по краям.

Затинная пищаль – крупнокалиберное крепостное ружье, имевшее на конце ствола крюк, которым, во избежание сильной отдачи, цепляли за тым, отчего

и произошло его название. Стрелка из затинной пищаля называлась затинщиком.

Захребетник – категория зависимого населения в Русском государстве XV–XVII веков. Захребетники не имели своего хозяйства, жили и работали на дворах крестьян и посадских людей, не платя государству тягла, хотя могли выполнять часть повинностей за своих хозяев. С улучшением своего хозяйственного положения могли быть записаны в тягло.

Зелье, зелейная казна, зелейный погреб – порох, пороховая казна, пороховой погреб.

Зурна (сурна) – музыкальный инструмент, труба, изготовленная из древесины сливового или абрикосового дерева, в Россию попал, вероятно, с Востока. Зурна имеет довольно резкий и характерный звук, благодаря чему была незаменима в бою и на походе. “Зурначи” имелись в армиях Московского государства, Османской империи и Крымского ханства.

И

Изгон – внезапное, неожиданное нападение, набег.

К

Каага – второе лицо после хана в правительстве Крымского ханства, верховный визирь.

Катки – бревна, помещавшиеся на стропилах крепостной стены “для приступного времени” и во время штурма скатывавшиеся на неприятеля.

Келья – отдельная комната или изба для монашествующих.

Кицлик – сорт ткани.

Клеть – срубная постройка, служившая для хранения зерна, одежды и прочего имущества. Клетки не отапливались, но были пригодны для жилья и обычно ставились на подклет (см.) “против избы”.

Кобыляны – брусы, горизонтально или крест-накрест соединявшие соседние надолбы (см.).

Коллежский асессор – гражданский чин VIII класса по “Табели о рангах”. Соответствовал чинам капитана, ротмистра, есаула, капитан-лейтенанта, а затем старшего лейтенанта.

Коло (польск.) – общевойсковое собрание, войсковой круг.

Кош – обоз; кошевые люди – обозная прислуга.

Кровати (коровати) – помосты для размещения воинов, ставившиеся с внутренней стороны крепостной стены.

Л

Ландрат – должность в России (советник от дворян уезда), в 1713–1719 годах введенная Петром I. Ландраты во главе с губернатором составляли коллегию (8, 10 или 12 человек, в зависимости от размеров губерний). В 1719 году были заменены воеводами, назначавшимися правительством.

Литавры – музыкальный инструмент, два небольших барабана с полусферическими днищами, в Россию попали, вероятно, с Востока. Литавры приторачивались по бокам лошади, и литавщик бил в них, не слезая с коня. Литавры наряду со знаменами и барабанами являлись особо ценным трофеем, и их захват свидетельствовал о полном поражении неприятеля. Литаврами пользовались в армиях Московской Руси, Речи Посполитой, Османской империи и Крымского ханства.

Локоть – древнерусская мера длины, равная 38 сантиметрам.

М

Магазины (магазени) – в XVIII веке склад для армейских припасов в городе или крепости.

Магистраты – орган городского сословного управления в русских городах, образованные в 1720–1721 годах. По Регламенту или Уставу Главного магистрата его члены избирались “из гостей и из гостинной сотни (купечества. – В.Н.), и из гостинных детей, и из первостатейных”. Магистрат состоял из президента, двух – четырех бурмистров, двух – восьми ратманов (в зависимости от размеров города). Первоначально магистраты ведали рядом судебных, полицейских, хозяйственных и финансовых вопросов. В 1724 году магистраты переименовали в ратуши и подчинили губернаторам и воеводам, в 1743 году вновь восстановили, однако их функции были

ограничены (главным образом суд и распределение казенных сборов). В 1775 году магистраты были превращены в губернские и уездные суды для городских сословий (для решения мелких дел в городах одновременно действовали словесные суды); с 1785 года магистраты вошли в систему городского самоуправления, оставаясь преимущественно судебными учреждениями. С 1860-х годов в ходе осуществления судебных реформ начались ликвидации магистратов.

Местничество – порядок назначения на государственные, придворные и военные должности по “отечеству”, “отеческой чести” лиц из числа русского дворянства, князей, бояр и иных чинов в XV–XVII веках. Подобные назначения, как правило, сопровождались спорами среди назначенцев, ссылавшихся на свою большую родовитость и иерархическое положение предков на великокняжеской и царской службе. Местничество часто приносило большой вред, особенно в военное время, когда воеводы вместо того, чтобы принять данное назначение и действовать совместно, начинали справляться со старыми разрядными списками, спорить и судиться между собой, видя в подчинении другому воеводе ущемление своего достоинства и умаление чести. В отечественной военной истории известны случаи поражений, когда один знатный воевода, не желая подчиняться другому, менее родовитому, или “худородному”, отказывался оказывать ему помощь, что приводило к разгрому русских войск. Местничество прекратило существование в 1682 году в правление царя Федора Алексеевича, когда, по его указу, дабы прекратить все споры и пререкания на государственной службе, разрядные книги были сожжены, а всем дворянам, князьям и боярам велели “служить без мест”, то есть на той должности, с тем лицом и там, куда пошлют по государеву указу.

Мост – межэтажное перекрытие, боевой этаж в башне или на крепостной стене.

Мисюрка – шлем, состоявший из округлой металлической пластины – “наплекника”, к которой со всех сторон крепилась кольчужная сетка для защиты лица, затылка, шеи и плеч.

Н

Набат – большой медный походный барабан. Особо крупные набаты перевозились несколькими лошадьми. В другом значении – колокол для подачи тревоги.

Надолбы – оборонительное сооружение, состоявшее из наклонно вкопанных бревен, соединенных поперечными брусками – кобылками (см.)

Наезд – разбойное нападение помещика, обычно со своей челядью или крестьянами, на имение или деревню, принадлежащие соседу.

Наряд – полковой или крепостной артиллерийский парк с боеприпасами и пороховой казной.

Недоросль – юный дворянин или сын боярский, не достигший призывного возраста.

Новик – молодой дворянин или сын боярский, достигший призывного возраста и внесенный в десятню (см.). Новики зачислялись в десятню по дворовому и родовому спискам и внутри них делились на несколько статей в зависимости от происхождения, имущественного положения и личных качеств.

О

Облам – боевой балок, венчавший деревянную крепостную стену и выступавший наружу. В полу облама имелась узкая щель-бойница, позволявшая обстреливать неприятеля, подобравшегося к подножию стены. Облам накрывала тесовая кровля с лежащими на стропилах катками (см.). В XI–XIV веках облам называли забором (см.).

Однородцы – одна из категорий государственных крестьян в России. Образовались из служилых людей по прибору, живших на южной границе и вышедших в отставку в начале XVIII века в связи с образованием регулярной армии.

Окольный чин – придворный чин и должность в Русском государстве XIII – начала XVIII века (до 1711 года). В XIV–XV веках окольный входил в состав Боярской думы и был вторым по значению (после боярина) думным чином. Окольных назначали руководителями приказов, полковыми и городскими воеводами, они участвовали в организации придворных церемоний.

Окольный город – внешняя оборонительная ограда древнерусского города XI–XIV веков, защищавшая расположенный близ детинца (см.) торгово-ремесленный посад.

Осадный двор – двор для “осадного времени” в городе, принадлежавший уездному дворянину или сыну боярскому. Обычно на нем жил человек из вольных или зависимых людей – дворник (см.), содержащий двор в порядке на случай приезда хозяина, поскольку тот постоянно жил в своем поместье в уезде. При военной угрозе или по “татарским вестям” сюда переезжал не только вотчинник со своей семьей и челядью, но и его крестьяне.

Ослон – деревянная одежда внутреннего, а иногда и внешнего скатов крепостного рва, предназначенная для придания им большей крутости. Представлял собой вкопанные в дно рва и уложенные под углом на его склоны бревна, соединенные для большей прочности брусками.

Острог – крепостная стена из вертикально вкопанных и заостренных бревен. Часто позади нее ставили тарасы (см.) или кровати (см.), а саму стену венчал облам (см.), крытый тесовой кровлей.

Острожек – небольшая крепостница, огороженная острогом (см.).

Отводная башня – отдельно стоящая башня, которая располагалась перед основной оборонительной линией и служила для дополнительной защиты крепостных ворот. Соединялась с крепостью двумя параллельными крепостными стенами или мостом. Отводная башня предназначалась

для облегчения вылазок защитников и обстрела фланговым огнем подступов к крепостным стенам. На Орловщине единственным примером сооружения такого рода являлась Отводная (Вестовая) башня, стоявшая перед мостом, который вел к воротам Орловского кремля.

Отводная стрельница – наружная, обычно четырехугольная в плане пристройка к воротной башне, обеспечивавшая ее лучшую защиту. В городах Орловщины отводные стрельницы имелись в крепостях Волхова, Мценска и Ливен.

Осыпь – в русской военной терминологии XVI–XVII веков – крепостной вал.

Отписка – воеводское дозвешение, сообщение о чем-либо.

Охотник – “охочий”, вольно набранный на “государеву службу” человек.

П

Память – указная царская грамота руководителям приказов (см.) о скорейшем рассмотрении или вершении того или иного дела.

Паперть – широкое, открытое церковное крыльцо, галерея.

Пахолки (польск.) – вооруженные слуги, сопровождавшие своего пана.

Петарда – подрывное устройство на колесах для выбивания крепостных ворот методом направленного взрыва.

Пицаль – артиллерийское орудие, а также ручное огнестрельное оружие.

Площадный подьячий – чиновник или грамотей, не состоявший на государственной канцелярской службе и зарабатывавший себе на жизнь выполнением заказов частных лиц: письмом челобитных, купчих и меновых грамот, завещаний и прочего. В поисках работы обычно собирались на торговой площади, отчего и получили такое название.

Попалудна – высокая башнеобразная постройка в богатом доме. Первоначально попалудна использовались для обороны, позднее обычно под летнее жилье. Получила свое название по попалу – выпуску бревен, благодаря чему верхний этаж постройки нависал над нижними.

Погоост – храм с кладбищем, кладбище.

Подслет – первый полуподвальный этаж.

Подсайдашный (подсаадашный) нож – широкий нож с немного вогнутым вовнутрь лезвием. Входил в саадак (см.) – набор из лука, валчуха (колчана или чехла) для лука и колчана для стрел. Крепился к внутренней стороне колчана, отчего и получил свое название.

Подсоседник (подсуседник, сосед) – разорившийся крестьянин или посадский человек, не имевший своего хозяйства. Поселившись на дворе тяглового человека, помогал ему вести хозяйство.

Подьячий – помощник дьяка (см.), государственный чиновник, писарь. Подьячие разделялись на старших (старых), средних и младших. Первые участвовали вместе с дьяками в смотрах служилых людей, отвозили государеву казну, нередко исполняли обязанности дьяков, из них и назначали последних. Подьячий, исполнявший обязанности дьяка, назывался “подьячий с приписью”, поскольку имел право заверять документы и ставить печать. Средние и младшие подьячие занимались в основном делопроизводством.

Половничник (половник) – зависимый человек, получивший земельный участок и ссуду от землевладельца и заключивший с ним соответствующий договор – “половье”.

Полов – пленные.

Поприще – конный или пеший переход в пределах человеческих возможностей.

Посад – торгово-ремесленное поселение, располагавшееся рядом с центральным городским укреплением – кремлем. Жители посада являлись основным тягловым (налогооблагаемым) населением города.

Посошные (сошные) люди – крестьяне, собиравшиеся с определенной земельной единицы – “сохи” для производства государственных работ: ремонта и строительства крепостей, дорог, мостов и др.

Правеж – по средневековому русскому феодальному праву способ исполнения судебного решения, принуждение к уплате долгов, пошлин и других заимоканий в форме ежедневного публичного наказания батогами (палками).

Прапор, прапорец – небольшое знамя, которое нес знаменосец – прапорщик, низший офицерский чин в армиях западноевропейских стран. В России должность прапорщика появилась в XVII веке. С 1649 года прапорщиков стали именовать знаменщиками. В 1712–1917 годах прапорщик – первый обер-офицерский чин русской армии.

Приказ – министерство в Московской Руси XVI–XVII веков, а также стрелецкой подл непостоянного состава, насчитывавший обычно около 500 человек.

Приказная изба – канцелярия, орган воеводского управления городом и уездом, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством.

Протаган – западноевропейское копьё с красивым фигурным наконечником, оружие дворянской стражи и офицеров. В России его обычно носили начальственные люди.

Придел – малый храм, или пристроенный к главному церковному зданию, или выделенный в нем.

Пряслице – круглое каменное, глиняное или шиферное колечко на Руси в X–XIII веках, которое девушки надевали на конец веретена, дабы оно равномерно и устойчиво вращалось (маховик).

Пустьань – малый монастырь, приписанный к большому, небольшая обитель в глухой местности.

Р

Разряд – военное министерство в Московской Руси XVI–XVII веков.

Разрядная книга – погодная книга назначений и перемещений служилых людей в Московском государстве XVI–XVII веков.

Рало – соха.

Раскат – деревянное, каменное или земляное сооружение, служившее для установки

орудий; выступ в крепостной стене для той же цели.

Рассылщик – служилый человек, исполнявший обязанности гонца.

Ратман (от немецкого Rat – совет и Mann – человек) – младший советник в органах городского сословного самоуправления – магистратах в 1721–1728 и 1743–1775 годах. По “Регламенту или уставу Главного магистрата” 1721 года избирались под надзором губернаторов и воевод из наиболее состоятельных и именитых граждан. После “Учреждения для управления губерниями” 1775 года ратманы являлись выборными членами сословных городских судов – губернских и городских магистратов, а также ратуш. Два ратмана, избираемые гражданами, заседали в полицейском органе губернского города – управе благочиния, учрежденной “Уставом благочиния” 1782 года. Должность ратмана была упразднена после судебной реформы 1864 года.

Режь – бревенчатая конструкция крыши. При рубке “в режь” бревна укладываются с большими просветами относительно друг друга.

Рейтар – тяжеловооруженный всадник западноевропейской кавалерии в XVI–XVII веках. Его вооружение состояло из шпаги или палаша, карабина и пары пистолетов, а также защитных доспехов – шлема, кирасы, набедренников. Рейтарские полки в русской армии появились в составе полков “нового строя” в 30-е годы XVII века.

Речь Посполитая – официальное название польско-литовского государства со времени Люблинской унии 1569 года и вплоть раздела Речи Посполитой в 1795 году.

Рогатина – копьё с широким и длинным наконечником и иногда с поперечной перекладной. Использовалось как в бою, так и в мирной жизни для охоты на медведя.

Рогатка – горизонтально устанавливавшееся бревно, к которому прикреплялись

торчавшие в разные стороны колья или пики. Иногда к одному ее концу прикрепляли колесо, чтобы рогатку можно было откатить в сторону. Рогатки использовались как в полевом бою, так и для заграждения улиц в ночное время из опасения "от приходу" лихих людей и воров.

Рогулька – см. чеснок.

Росписной список – список, составленный при приеме одним воеводой у другого городского хозяйства. В нем обычно давалось подробное описание крепости, содержался перечень артиллерийских орудий, пороховых и хлебных запасов, а также давался пофамильный список служивых людей.

Рубленый город – крепостная стена, в основе которой лежали срубы – городни. Иногда вместо городен использовались тарасы (см.). В городнях снаружи прорубали бойницы, а изнутри двери, и они могли использоваться как казематы для защитников. Иногда в городнях рубили поперечную стену, пространство между ней и наружной стеной засыпали землей и камнями, что увеличивало ее прочность. Подобное устройство имели стены Орловского кремля, который был "рублен в три стены". По типу крепостной стены Орловский кремль называли Рубленый город. Рубленным городом были поставлены стены кремлей в Болхове – в 90-е годы XVII века и в Новосиле в 1645–1678 годах.

Ручница, рушница – ручное огнестрельное оружие, ружье.

Рундук – навес или шатровая крыша над крыльцом, вход в погреб, тайник и др.

Рязь (рем) – сруб, рубившийся таким образом, что между бревнами оставались просветы. Рязевые конструкции применялись в основном при постройке мостов и крепостных сооружений и иногда для прочности и устойчивости заполнялись камнями. Рубка использовалась также при возведении башенных шатров и крыш.

С

Саадак – воинский набор, состоявший из лука со стрелами, колчанов и иногда подсаидашного ножа (см.).

Сакма – татарская дорога, шлях.

Сажень – русская мера длины, применявшаяся до введения метрической системы. Известны следующие виды сажени: простая – 152,7, мерная маховая – 176,4, малая – 142,5 сантиметра. Кроме того, существовали местные виды сажени, например: "белгородская", "брянская", "севская" и другие, числовое значение которых нам неизвестно. Соборным уложением 1649 года была введена трехаршинная сажень – 2,13 сантиметра. Поскольку не ясно, какой конкретно саженью производились обмеры упоминающихся в книге крепостей, то все расчеты были сделаны при помощи трехаршинной сажени.

Сгонные (згонные) люди – отряды, предназначенные для опустошения неприязельской территории и угона пленных (полаза).

Севера, Северская земля, северские города – историческая область Русского государства в XVI–XVII веках на границе с Речью Посполитой и Диким полем, в бассейне рек Сейм и Десна, территория, входившая в XI–XIII веках в Новгород-Северское княжество. К России Северская земля была присоединена в конце XV – начале XVI века. В число северских городов входили Новгород-Северский, Путиль, Стародуб, Радогоч (Погар), Трубчевск, Рыльск, Печеп, Севск.

Сеунч – победное донесение, весть о победе, за которую полагалась награда.

Сведенцы – служилые и жилецкие люди, переселившиеся по государеву указу в новопостроенный город или крепость.

Скит – небольшой поселок из нескольких вельй в отдалении от монастыря для монахов-отшельников или небольшой отдельный монастырь.

Сметная книга – книга, содержащая "городовую смету" – описание крепости с

указанием ее размеров, перечень оружия, боеприпасов, списки гарнизона и др.

Сохи – столбы с развилкой наверху, подпирающие крышу в крестьянских постройках.

Стан – военный лагерь.

Станица – конный, обычно казачий, разведывательный отряд численностью от пяти до пятидесяти человек.

Стол – княжеский престол на Руси XI–XIV веков.

Столбы, столпы – заграждения из вкопанных в шахматном порядке перед крепостной стеной столбов. В другом значении – в русском делопроизводстве XVI–XVII веков свернутый в трубочку документ.

Столник – младший придворный чин в России, известен с XIII века. Первоначальное назначение их было прислуживать за столом государя, подавать ему блюда и наливать чаши. Кроме придворных служебные обязанности столльников были весьма разнообразны: они занимали воеводские должности, назначались в рынды (почетную царскую охрану), посылались по различным государственным надобностям и так далее. На служебной лестнице занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков, перед стряпчими.

Сторожа – конный сторожевой пост, обычно состоявший из двух-трех человек, но не более шести.

Строельные книги – книги, составленные после окончания строительства крепости с подробным описанием сооружений укреплений и прочих построек.

Стряпчий – один из низших придворных чинов. Стряпчие ведали кормовыми, хлебными, конюшенными и другими хозяйственными дворами.

Сулица – короткое копье для метания.

Съезжая изба – см. приказная изба.

Т

Тайник – подземный ход к реке, служивший для водоснабжения крепости. Тайники имелись во всех крепостях Орловской земли: Болхове, Мценске, Новосиле, Линнах и Кромах. В Болхове и Мценске на внешнем выходе тайника над колодезем были поставлены башни.

Тарасы – две параллельные бревенчатые стены, соединявшиеся поперечными стенками – перерубами. Тарасы использовались при возведении крепостных стен, набережных и других сооружений.

Телогрея – верхняя женская одежда, одевавшаяся поверх сарафана и похожая на него по покрою, но имевшая длинные, сужавшиеся к кисти рукава, иногда откидные. Телогрея была распашной, со множеством (от 14 до 24) пуговиц, которые обычно не все застегивались. Шили ее из меховых материй, на шелковой подкладке или меху.

Товарищ – в русском войске XVI–XVII веков – младший воевода, заместитель главного воеводы.

Трапезная – Столовая палата в монастыре. В другом значении – пониженная западная часть церковного здания, обширное помещение, примыкающее к главному объему и нередко включающее в себя теплый храм.

Тыи (осторг, частокол) – ограда из вертикально вкопанных и заостренных бревен.

Тюфяк – короткоствольное и крупнокалиберное (до 75 миллиметров) артиллерийское орудие, стрелявшее дробом (картечью).

Тягло – от древнерусского тянуть, тягать, весть повинность; система денежных и натуральных повинностей крестьян и посадских людей в Русском государстве XV–XVII веков. В состав тягла также входили возведение крепостей, строительство и ремонт дорог.

Ф

Фискал – государственный чиновник в России XVIII века в системе органов, осуществлявших административный и

судебный надзор, распространявшийся на все гражданские, военные и церковные учреждения. Должность фискала была учреждена в 1711 году, а окончательно упразднена в 30-х годах XVIII века. Слово "фискал" стало синонимом слова "донощик".

Х

Хоругвь (польск.) – конный отряд или полк непостоянной численности, имевший свое знамя.

Ц

Целовальник – выборная должность (обычно на один год) в России в конце XV–XVIII веках. Земские и губные целовальники являлись помощниками земских и губных старост, таможенники и кабацкие – таможенных и кабацких голов (см.). Вместе с головами и старостами отвечали за поступление доходов различных статей и участвовали в судебном и полицейском надзоре за населением. Вступая в должность, целовальник давал присягу и целовал крест, откуда и происходит его название. Обычно целовальники выбирались из тяглого населения на съезде его представителей.

Цитадель (итал. – небольшой городок) – внутреннее укрепление крепости, имевшее самостоятельную оборону и служившее последним опорным пунктом для гарнизона в случае падения внешних укреплений. В русских городах функции цитадели выполнял кремль (детинец).

Ч

Часовня – небольшое храмовое сооружение без алтаря.

Частокол – см. острог.

Чекан – боевой молот, обух которого завершался шипом.

Челобитная – прошение частных лиц на царское имя.

Чеснок, репы, рогульки – маленькие кованые металлические ежики, обычно с четырьмя шипами, снабжавшиеся заусеницами (для того чтобы их было

труднее вытащить), которые разбрасывались по дорогам и бродам для борьбы с конницей.

Честик, частик – деревянные ежи, устанавливавшиеся на подступах к крепостной стене или рву. Обычно ставились в несколько рядов, а иногда и в два яруса, друг над другом. Честик "на вертлюгах" – длинное бревно с прикрепленными к нему и торчащими в разные стороны копиями или кольями, не закрепленное жестко в пазах и вращавшееся вокруг оси. При попытке перелезть через него нападавший оказывался сброшенным вниз и мог быть пригвожден к земле колом.

Черкасы – украинские казаки.

Четь – земельная – поддесятины, а также насыпная мера – 8 четверикам – 6 пудам (1 пуд = 16 килограммам).

Ш

Шанец – замкнутое земляное укрепление.

Шипак – высокий шлем, венчавшийся шариком – "шишкой", на котором иногда укреплялся красный флажок – "яловец".

Шляхетство (польск.) – дворянство.

Щ

Щеляг – мелкая серебряная монета.

Я

Ярлык (от тюркского яр-эк – повеление, приказ) – письменный документ, обычно исходивший от монголо-татарских ханов. Под ярлыком могли пониматься дипломатические ноты и тексты межгосударственных договоров. Наиболее часто ярлыки являлись иммунитетными льготными грамотами, которые ханы давали подвластным им светским и духовным феодалам: какские ярлыки утверждали русских князей на столах их княжеств. По ярлыкам, выданным русским митрополитам за молитву о ханах, русская церковь освобождалась от подчинения ордынской администрации, от уплаты налогов со своих владений, от несения повинностей.

Приложение

**ОРЛЯНЕ
БОЛХОВИТЯНЕ
МЦЕНЯНЕ
ЛИВЕНЦЫ
И КРОМЛЯНЕ
СЛУЖИЛЫЕ
И ЖИЛЕЦКИЕ ЛЮДИ**

*Костюмы жителей городов Орловской земли второй половины XVI века.
Реконструкторы Дмитрий Корнев и Валерий Панов.*

*Дворянин и дворянка.
На женщине зимний праздничный костюм.
Его также могли носить и купчихи.
На мужчине одежда для верховой езды.*

482

*Повседневный костюм крестьянок.
В такой одежде могли и по дому ходить,
и в поле летом работать.*

Горожанин в повседневной зимней одежде.

*Служилые по прибору.
Затинщик – стрелок из крепостной пищали.*

Городской ополченец.

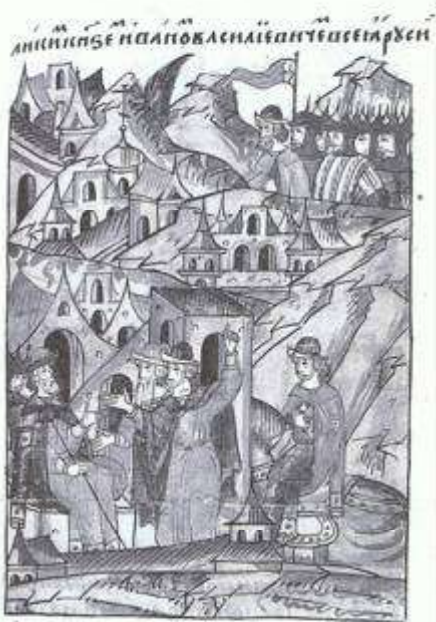
Девичий костюм. Подобную одежду могли носить мелкопоместная дворянка, очень зажиточная горожанка или купеческая дочь.

483

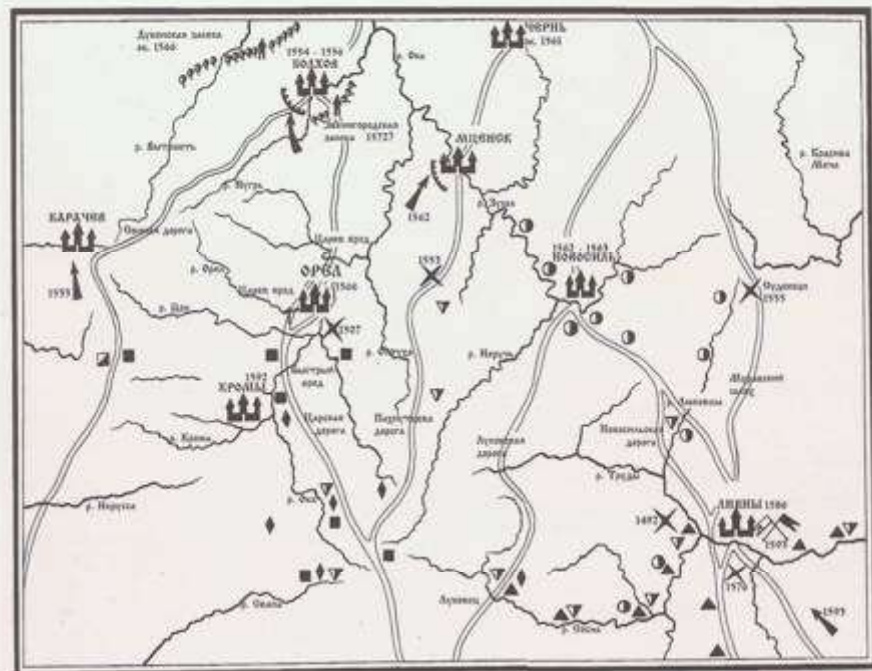
И кнѣзь великій послалъ къ московѣ быти
 лебедю ево евои кнѣзь и панахома
 есаго . да кнѣзь конетъ и пинауши
 плаго . лѣта моуелѣ въ птне ево ево
 да мнѣ кнѣзь пленилъ шороу ево ево
 мѣ кнѣзь и пана мнѣ и лопантѣ поропы
 некомѣ . да пана кнѣзь и кнѣзь
 мѣ кнѣзь и лѣтъ кнѣзь
 естригнѣ .

Выступление русского воиска во главе с князем Иваном Холмским для отражения татарского набега. Битва с татарами на реке Рыбнице. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

и приходе на оуспраннѣ татаръ въ рѣкѣ
 прогнѣтъ принде въ кѣтъ великомѣ
 кнѣзь и пленилъ и пана пичтѣ ево ево
 тпо и дѣтъ мнѣ и гѣ люди пана роуе
 на поле лѣтъ и хѣтъ прихотѣ на оуспраннѣ
 на кѣтъ и пана ево ево мѣтъ и пана
 шороу ево ево и пана кнѣзь ево .

Получение в Москве известия о татарском набега на русские окраины. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века. ГПБ.

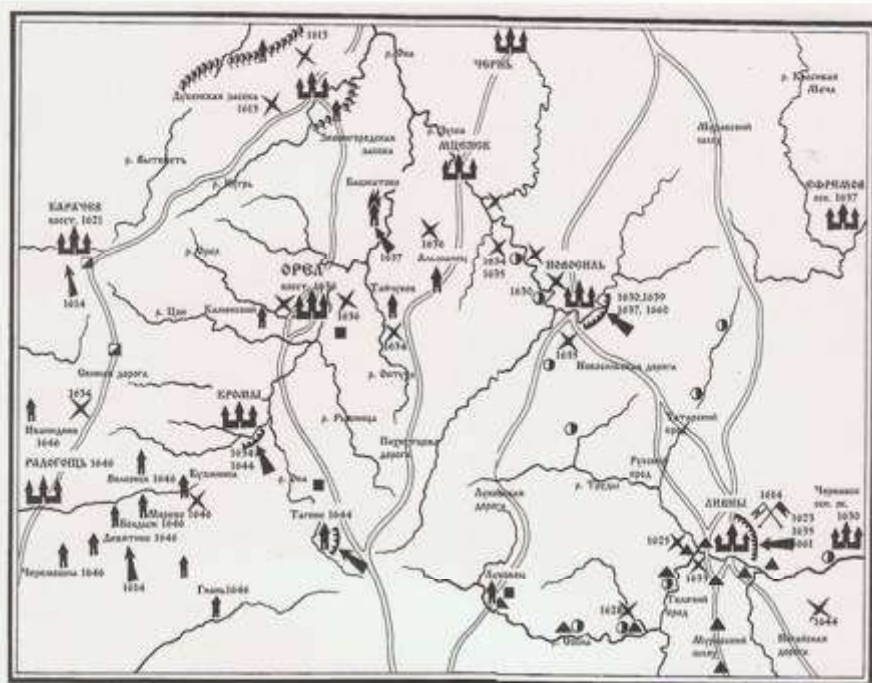
Фортификационные сооружения и борьба с крымскими татарами на территории Орловского края в XVI веке.

Реконструкция автора

- государственные крепости и даты их основания (Орла, 1566)
- вассалы с засечными воротами
- татарские владения
- орловские сторожки
- ливенские сторожки
- крымские сторожки
- карачинские сторожки
- владостовские сторожки
- 1565 - осада городов татарами
- 1555 - место боя с татарами
- 1614 - место переговоров о мире с татарами

Примечание: на схеме отображены только те боя и случаи с татарами, о которых сохранились документальные сведения.

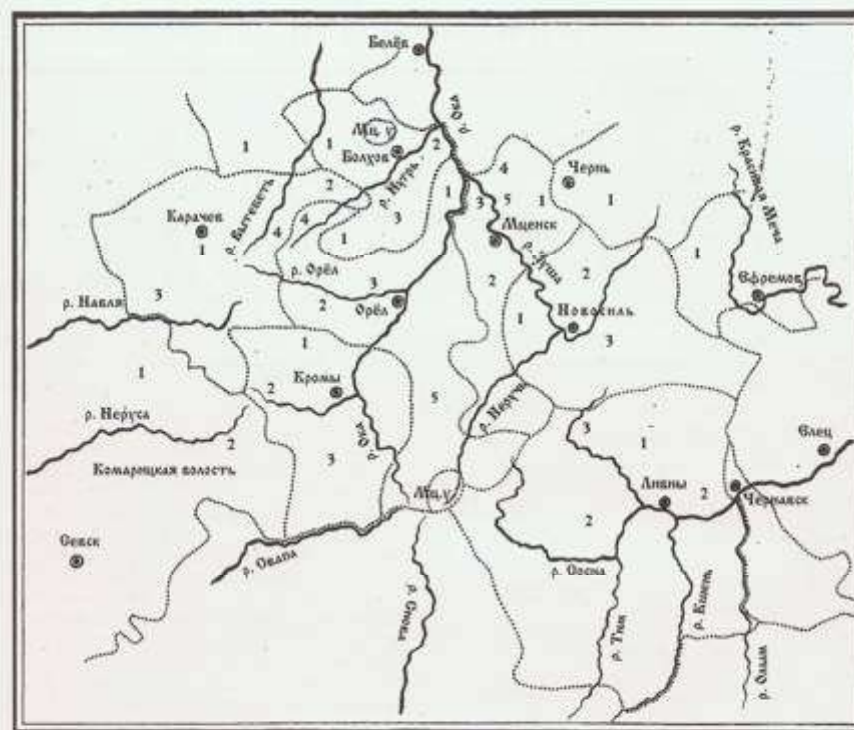

Фортификационные сооружения и борьба с крымскими татарами на территории Орловского края в XVII веке.

Реставрация автора

- Орск - государственные крепости
- 1646 Волжск - острожки (крепостицы) и даты их основания.
- Вязки с засечными воротами
- Широкя дорога - татарские пути
- орловские сторожи
- карачевские сторожи
- липовские сторожи
- новосельские сторожи.
- 1644 - осада городов татарами
- 1650 - сражение с татарами.
- 1657 - осаждение крепостей татарами.
- место переговоров о мире с татарами

Примечание: на схеме отображены только те сражения с татарами о которых сохранились документальные сведения.

Административно-территориальное деление Орловской земли в конце XVII - начале XVIII века (По Я.Е. Водарскому)

Орловский уезд

Станы:

1. Каменский.
2. Корчаковский.
3. Неполоцкий.
4. Ноугорский.
5. Тайчуковский.

Миценский уезд

1. Чернский.
2. Большой Городской.
3. Малый Городской.
4. Поленский.
5. Сатыевский.

Примечание: стан

- Яцейский не обозначен.
- Новосельский уезд**
1. Городской.
 2. Пятницкий.
 3. Никольский.

Волховский уезд

1. Годыревский.
 2. Ноугорский.
 3. Одноруцкий.
- Ливенский уезд**
1. Красный.
 2. Серолов.
 3. Затруцкий.

Земли станов, находящиеся на территории современной Орловской области.

Чернский уезд

1. Городской.
- Ефремовский уезд**
1. Городской.

Карачевский уезд

1. Подгородный.
2. Рословский.
3. Соляевская волость.
4. Хотимльская волость.

Севский уезд

1. Глодневский.
2. Радогосжий.

Козельский уезд

1. Дворцовая
- Дубинская волость.

ПРИМЕЧАНИЯ

БОЛХОВ

К главе "Болхов в XII веке"

1. Татищева В.Н. История Российская. Т. II и III. Ч. 2. М., 1995. С. 162.
2. Там же; С. 162; ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 29–30.
3. Там же. С. 29.
4. Рустик (Т.А. Мартемьянов). Город Болхов Орловской губернии. (Историко-бытовые очерки). Орел, 1897. С. 17; Гудзь-Марков А.В. История славян. М., 1997. С. 384.
5. ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 29–30.
6. Там же. С. 59–60.
7. Рустик (Т.А. Мартемьянов). Город Болхов Орловской губернии. (Историко-бытовые очерки). Орел, 1897. С. 17; Гудзь-Марков А.В. История славян. М., 1997. С. 384. Более подробно о Волоховской земле под Киевом см.: Дашкевич Н.П. Волоховская земля и ее значение в русской истории. Эпизод из истории Южной Руси в XIII и XIV столетиях. Киев, 1876; Дашкевич Н.П. Еще розыскания и вопросы о Болхове и болоховцах. Киев, 1899; Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до "ига" (30–40 гг. XIII в.). СПб., 2004. С. 119, 232–234.
8. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 148, 154, 155, 159, 161.
9. Повесть временных лет. Ч. 1. М.–Л., 1950. С. 83.

К главе "Князья Болховские. XIII–XVII века"

1. Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 163.
2. Там же. С. 191–192.
3. Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. СПб., 1993. С. 141–143.

4. Неделин В.М. Орел изначальный. Орел, 2001. С. 29–38.
5. Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. СПб., 1993. С. 142; Русский биографический словарь. Т. 3. М., 1995. Репринт издания СПб., 1908 г. С. 205–206; Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Ч. 1. Князья Черниговские. СПб., 1906. С. 604–638.

К главе "Болхов в 1555–1606 годах"

1. ПСРЛ. Т. 29. Продолжение Александроневской летописи. М., 1965. Л. 348.
2. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 148.
3. Там же. С. 161.
4. ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. С. 342.
5. Сапунов А. Витебская старина. Т. 4. Ч. 1. Витебск, 1885. С. 28, 29, 37.
6. ПСРЛ. Т. 29. Продолжение Александроневской летописи. М., 1965. Л. 348.
7. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 224.
8. ПСРЛ. Т. 29. Продолжение Александроневской летописи. М., 1965. Л. 348.
9. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 221, 223–224.
10. ПСРЛ. Т. 29. Продолжение Александроневской летописи. М., 1965. Л. 348.
11. ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. С. 401–402; Т. 29. Продолжение Александроневской летописи. М., 1965. Л. 349–350.
12. Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 162–168.
13. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. IX. М., 1989. С. 115.

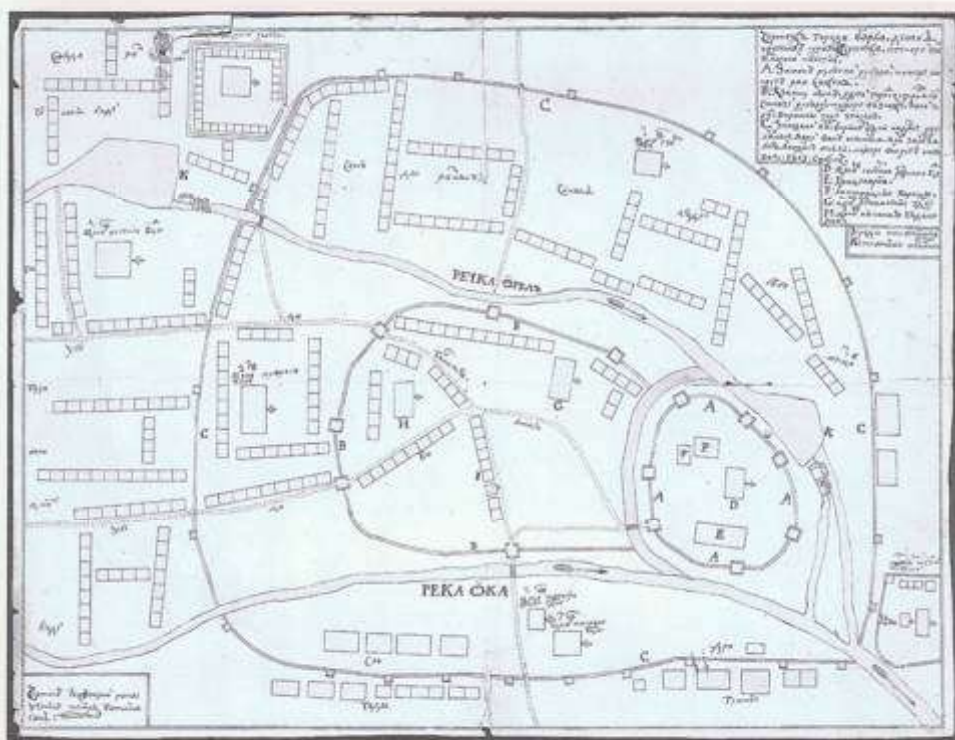

Чертёж города Орла 1728 года. Чертил инженерной роты ученик Петр Батвиньев. РГВИА.

14. Андреев А.Р. Неизвестное Бородино: Молодинская битва 1572 года. Документальная хроника XVI века. М., 1997. С. 218.
15. Писцовые книги Московского государства. Под редакцией Н.В. Калачева. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. Отд. 2 / Писцовая книга Орловского уезда 1594–1595 гг. СПб., 1877. С. 922.
16. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 224.
17. Разрядная книга 1475–1598 годов. М., 1966. С. 531.
18. Воарские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Вып. 2. М., 1979. С. 28, 51, 68, 86.
19. Советские архивы. № 4. 1967. М., 1967. С. 100–103; РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ, гг. Орел и Болхов. Стб. 32113. Ч. II. Л. 9; Там же. Стб. 32110. Ч. III. Л. 7, 8.
20. Скрышников Р.Г. Крушение царства: историческое повествование. М., 1995. С. 245.
21. Корещий В.И. Новое о И.И. Болотникове // Советские архивы. № 4. 1967. М., 1967. С. 100–101.

**К главе "Болховский бой.
10–11 мая 1608 года"**

1. Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 8.
2. Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. М., 1976. С. 243; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 13, 47, 119, 147, 159, 160, 206, 207, 214, 215.
3. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 119.
4. Там же. С. 47.
5. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994. С. 372.
6. Скрышников Р.Г. Крушение царства: историческое повествование. М., 1995. С. 119.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Примечания к т. 12, гл. 1. М., 1989. С. 38.
8. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 119.

9. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Российском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 61–70.
10. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 1996. С. 34; Русская историческая библиотека. Т. 1. Стб. С. 130–134.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Примечания к т. 12, гл. 1. М., 1989. С. 46.
12. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 1996. С. 34.
13. Там же. С. 30.
14. Разрядная книга. 1550–1636 гг. Вып. 2. М., 1976. С. 243–244.
15. Писцовые книги XVI в. Под редакцией Н.В. Калачева. Ч. 1. Отд. 2-е. Т. 10. Орловский уезд. В/м., Б/д. С. 853–881; Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Орел, 1891. С. 19.
16. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 1996. С. 34, 35.
17. Буассо К. Московская хроника. 1584–1613. М.–Л., 1961. С. 149–150.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Примечания к т. 12, гл. 1. М., 1989. С. 38–39.
19. Буассо К. Московская хроника. 1584–1613. М.–Л., 1961. С. 150.
20. ПСРЛ. Т. 34. Бельская летопись. М., 1978. С. 247.
21. Разрядная книга 1550–1636 гг. Вып. 2. М., 1976. С. 244.
22. Буассо К. Московская хроника. 1584–1613. М.–Л., 1961. С. 150–151.
23. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 1996. С. 37.
24. Там же. С. 37.
25. Там же. С. 37.
26. Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 46. С. 1184.
27. ПСРЛ. Т. 34. Бельская летопись. М., 1978. С. 247–248; Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 1996. С. 38.
28. ПСРЛ. Т. 14. Новый летописец. М., 1965. С. 79–80.

**К главе "Военная история Болхова.
1611 год – конец XVII века"**

1. Апухтин В.Р. Болховская старина. Вып. I. Болхов, 1913. С. 100–101.
2. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613 гг. Под редакцией С.Б. Веселовского. М., 1911. С. 70.

3. Там же. С. 70–71.
4. Комягинский И. О денежных и материальных повинностях Орловского края при ликвидации Смутного времени 1611–1613 гг. // Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 18. С. 465–466.
5. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I. 1612–1628. СПб., 1850. Стб. 101.
6. ПСРЛ. Т. XIV. Новый летописец. М., 1965. С. 137; РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Оп. 13. Приказной стол. Стб. 2. Л. 9; Книга сеймичей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). М.–Варшава, 1995. С. 110.
7. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением собственной Его Величества канцелярии. Т. I. СПб., 1853. Стб. 48.
8. Апухтин В.Р. Болховская старина. Вып. I. Болхов, 1913. С. 98–99.
9. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I. 1612–1628. СПб., 1850. Стб. 258–260.
10. Апухтин В.Р. Болховская старина. Вып. I. Болхов, 1913. С. 99.
11. Там же. С. 99–100.
12. Там же. С. 100.
13. Там же. С. 100–101.
14. Там же. С. 101–103.
15. Там же. С. 103–104.
16. Там же. С. 104.
17. Новосильский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.–Л., 1948. С. 152–153; Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 463.
18. Апухтин В.Р. Болховская старина. Вып. I. Болхов, 1913. С. 106.
19. Там же. С. 9–96.
20. Там же. С. 9–96.
21. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 463.
22. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. Т. 3. (1613–1645). СПб., 1836. С. 324–327.

23. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 633–634; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 89.
24. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 633–634; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 89.
25. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 95. л. 49–54.

К главе "Облик Болхова в XVII веке"

1. Дополнения к актам историческим. Т. 9. СПб., 1875. С. 251.
2. Михайлов О. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящей в 663 указах или статьях в государственное царей и великих князей Василия Ивановича Шуйского и Михаила Федоровича Всея Руси самодержцев в 1607 и 1621 гг. Ч. 1. СПб., 1777. С. 92.
3. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 224. Л. 5–7.
4. Акты исторические. Т. IV. СПб., 1842. С. 292–294.
5. Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 32.
6. Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 203. Л. 1.
7. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 153. Л. 132–133; Там же. Столбцы Белгородского стола. Стб. 130. Л. 101, 155, 175, 208–211.
8. РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Кн. 11. Л. 333 об. – 335.
9. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 175 (собрание Гамеля). Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 1.
10. Там же. Ед. хр. 269. Л. 4.
11. Там же. Ед. хр. 269. Л. 6–7.
12. Там же. Ед. хр. 269. Л. 9.
13. Там же. Ед. хр. 270. Л. 1–3. Ед. хр. 271. Л. 1–3. Ед. хр. 272. Л. 1. Ед. хр. 273. Л. 1. Ед. хр. 274. Л. 1–2. Ед. хр. 275. Л. 1.
14. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 101. Л. 98–99.
15. РГВИА. Ф. 349. Оп. 4. Д. 7764. Л. 1, 2; Неделкин В.М. Кремль городов Орла, Мценска, Ливен, Болхова, Чернавска, Черни, Кром, Карачева и Новосиля на чертежах XVII – начала XVIII века // Кремль России. Материалы и исследования. Вып. XV. М., 2003. С. 212–213, рис. 6–7.

16. РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 15. Л. 262–265 об. Д. 19. Ч. 1. Л. 162–176 об.
17. Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891 год. Вып. 2. Орел, 1891. С. 8, 9.
18. Список с книги Болховского уезда писцовой писца Никиты Ивловича Беклемишева да подьячего Осипа Трофимова 133 году церковным и дворовым землям // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 46. С. 1837–1838.
19. РГАДА. Ф. 1209. (Поместный приказ) Д. 148. Л. 437–453 об.
20. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 369. Л. 242.
21. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вяз. 21. Л. 6 об.
22. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 74. Л. 460–471.
23. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Вяз. 21. Л. 3–3 об.
24. Там же. Л. 2–2 об.
25. Список с книги... // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 46. С. 1838–1839.
26. РГАДА. Ф. 1209. Д. 148. Л. 454–455 об.
27. Акты подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613 гг. Под редакцией С.В. Веселовского. М., 1911. С. 28–29.
28. РГАДА. Ф. 1209. Д. 148. Л. 455 об. – 458 об., 477–478.
29. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 989. Л. 54–56.
30. Список с книги... // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 46. С. 1839–1840.
31. РГАДА. Ф. 1209. Д. 148. Л. 486–488 об.
32. Список с книги... // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 46. С. 1839–1843.
33. Там же. С. 1837–1843.
34. РГАДА. Ф. 1209. Д. 148. Л. 459–459 об.
35. Там же. Л. 497.
36. Акты исторические. Т. IV. СПб., 1842. С. 292–294.
37. РГАДА. Ф. 281. (Грамоты коллегии Экономии). № 677. Л. 1–2.
38. Русский синодик. Помыник Московского Сретенского монастыря. Исторический справочник. Сост. Г.А. Романов. М., 1995. С. 131, 135–136.
39. Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. С. 111.

40. Ромашов В.М., Неделин В.М. Архитектурные древности Орловщины. Орел, 1998. С. 60–61.

**К главе “Болховские засеки.
Вторая половина XVI –
первая половина XVII века”**

1. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 2. М., 1897. С. 131–132.
2. Писцовые книги Московского государства. Под редакцией Н.В. Калачева. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд. 2. Писцовая книга Орловского уезда. 1594–1595 гг. СПб., 1877. С. 922.
3. Беловская Визлиофика, издаваемая Николаем Елагиним. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда. Т. I. М., 1858. С. 445–449.
4. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 85. Л. 41–43; Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916. С. 243–244.
5. Там же. Стб. 75. Л. 184–188; Яковлев А.И. С. 244.
6. Там же. Стб. 35. Л. 44–45; Яковлев А.И. С. 244–245.
7. Там же. Стб. 85. Л. 177–178; Яковлев А.И. С. 245.
8. Там же. Стб. 85. Л. 172–173; Яковлев А.И. С. 245.
9. Там же. Стб. 86. Л. 53–54, 56–57. (Дозорная роспись).
10. Там же. Стб. 85. Л. 58–62; Яковлев А.И. С. 246–247.
11. Там же. Стб. 75. Л. 343–346; Яковлев А.И. С. 246–247.
12. Там же. Стб. 76. Л. 22–23, 42, 51; Яковлев А.И. С. 247.
13. Там же. Стб. 76. Л. 43–45; Яковлев А.И. С. 247.
14. Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 86.
15. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 76. Л. 183–184; Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 135; Яковлев А.И. С. 248.
16. Там же. Стб. 76. Л. 174–175; Яковлев А.И. С. 249.

17. Там же. Стб. 76. Л. 69; Яковлев А.И. С. 250.
18. Там же. Стб. 76. Л. 70–73; Яковлев А.И. С. 250.

К главе “Воеводы Ржевские и Болхов”

1. Соловьев С.М. История государства Российского. Кн. XV. Т. 11–12. М., 1961. С. 450.
2. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797-м году. Ч. 1. СПб., 1798. № 37.
3. Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 64.
4. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Т. XII. М., 1901. С. 374. Дворцовые разряды... Т. III. (1645–1676). СПб., 1852. С. 253, 305.
5. Акты Московского государства. Т. 3 (1660–1664). СПб., 1901. С. 307.
6. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Т. XI. СПб., 1899. С. 148.
7. Акты Московского государства. Т. 3 (1660–1664). СПб., 1901. С. 49.
8. Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 65.
9. Соловьев С.М. История государства Российского. Кн. VI. Т. 11–12. М., 1961. С. 363.
10. Там же. С. 366.
11. Спиридов М.Г. Сокращенное описание служеб благородных российских дворян... Ч. 1. М., 1810. С. 161.
12. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Т. XVI. М., 1910. С. 117.
13. Соловьев С.М. История государства Российского. Кн. VI. (Т. 11–12). М., 1961. С. 450.
14. Дополнение к тому III Дворцовых разрядов. СПб., 1854. С. 898.
15. Там же. С. 1289.
16. Там же. С. 1377.
17. Там же. С. 1386.
18. Там же. С. 1387.
19. Там же. С. 1386, 1581, 1614.
20. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Т. XIII. М., 1903. С. 496.
21. Там же. Т. XIX. С. 19.
22. Там же. Т. XVIII. С. 364.
23. Дополнения к актам историческим. Т. VII. СПб., 1859. С. 219.

24. Гордон П. Дневник 1677–1678. М., 2005. С. 70.
25. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Т. I. СПб., 1869. С. 6.
26. Холмогоров Г.И. Материалы для истории церкви Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской, Воронежской губерний. М., 1913. С. 139.
27. Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 69.
28. Там же. С. 78.
29. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXII. С. 356.
30. Соловьев С.М. История государства Российского. Кн. VII. (Т. 13–14). М., 1962. С. 356.
31. Дворцовые разряды... Т. IV. СПб., 1855. С. 435, 438.
32. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М., 1872. С. 88.
33. Дворцовые разряды... Т. IV. СПб., 1855. С. 483–484.
34. Новомбергский Н.Я. Материалы по истории медицины в России // Известия Томского университета. 1909. Т. 31. С. 299–301.
35. Там же. С. 299–301.
36. Там же. С. 291.
37. Дворцовые разряды... Т. IV. СПб., 1855. С. 96–97.
38. Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 76.
39. РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Ед. хр. 53. Опись городов приказа Казанского дворца. 1703 год. Л. 117–118 об.
40. Голикова Н.В. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975. С. 79.
41. Там же. С. 82–86, 100–101.
42. Дополнения к [тому] III Дворцовых разрядов. СПб., 1854. С. 1387.
43. Телетова Н.К. Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 77–78.

К главе “Болхов в XVIII веке”

1. Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Т. I. М., 1866. С. 137–138.
2. РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Д. 148. Л. 491.
3. РГАДА. Ф. 396. Оружейная палата. Оп. 3. Д. 75. Л. 276–278 об.

4. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 46.
5. Хрестоматия по истории Орловского края. Вып. 1. С древнейших времен до февраля 1917 года. Тула, 1966. С. 43.
6. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Типографическое описание Орловского наместничества. 1787 г. Л. 32–34.
7. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. 1. Волховский–Кромской уезды. Орел, 1905. С. 10–22.
8. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Л. 32–33.
9. РГАДА. Ф. 248. Дела Сената. Д. 114. Л. 546–547, 551 об.
10. РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 672. Л. 615–617 об.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 681. Л. 243 об.
12. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Л. 32–34.
13. Федоров С.И. Записки архитектора. Тула, 1987. С. 71–72, 148.
14. Сперансов Н.Н. Земельные гербы России. М., 1974. С. 274.
15. Щенатов А. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч. 1. А–Г. М., 1801. Стб. 508–510.
16. Волховский Спасо-Преображенский храм Орловской епархии. Орел, 1913.
17. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел, 1905. С. 21–22.

МЦЕНСК

К главе “Мценск в XII–XV веках”

1. ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856. С. 30.
2. Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992. С. 54.
3. Малахов А. В центре России. Орел, 1994. С. 13–14; Якобий П.И. Вятичи Орловской губернии. СПб., 1907.
4. Долгоруков И.М. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда 1810 года // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1869. Кн. 2. М. С. 20.

5. Евсеев И.Е. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения реки Оки и ее притоков: Цона, Рыбница, Неполоди и Зуши // Труды Московского предварительного комитета по устройству четырнадцатого археологического съезда. Вып. II. М., 1908. С. 40–43.
6. Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 110.
7. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 242; там же. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 173; Зайцев А.К. Дوماгоц и границы “Вятичей” XII в. // Историческая география России XII – начала XX века. М., 1975. С. 23–27.
8. ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 194.
9. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 502.
10. Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. Т. 6. Ч. 1. (Приложение. Памятники древнерусского канонического права). СПб., 1908. Стб. 135–137.
11. Соколов И. Сказание о явлении чудотворной иконы Святителя и Чудотворца Николая во граде Мценске. СПб., 1861. 27 с.; Пасеций Г.М. Сказание о явлении чудотворного образа Святителя Христова Николая в связи с успехами христианства в городе Мценске. М., 1881. 72 с.; Соколов И. Сказание о явлении чудотворной иконы Святителя и Чудотворца Николая во граде Мценске. Орел, 1895. 20 с.
12. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 176–177.
13. РГАДА. Ф. 237. (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 21. Л. 445.
14. ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 8.
15. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. Т. 11. М., 1965. С. 238.
16. ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. Первая половина. СПб., 1910. С. 232.
17. ПСРЛ. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 9.
18. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.–Л., 1949. С. 260.
19. Там же. С. 260.

20. ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 150.
21. Там же. С. 150.
22. Акты, относящиеся к истории Западной Руси, собранные и изданные археологическою комиссиею. Т. 1. 1340–1506 гг. СПб., 1846. С. 71.
23. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.–Л., 1959. С. 273.

К главе “Мценск – торговый и таможенный пункт на литовской границе. Вторая половина XV века”

1. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, по Высочайшему повелению изданные Императорским Русским Историческим Обществом. СПб., 1882. С. 23.
2. Там же. С. 10.
3. Там же. С. 23–24.
4. Там же. С. 55.
5. Там же. С. 23.
6. Там же. С. ...
7. Там же. С. 23–24, 31–32.

К главе “Борьба за Мценск. Вторая половина XV века”

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 330.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952. С. 299.
3. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 210; Там же: Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. Уваровская летопись. М.–Л., 1963. С. 157, 322; Там же: Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 225.
4. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 83, 173.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 330; Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 175; Волков В. Хитрая война. Московско-литовское противостояние 1492–1494 годов // Родина. № 11. 2003. С. 58–63.
6. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 177.

7. Памятники дипломатических отношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. СПб., 1882. С. 235–236.
8. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 177.
9. Там же. С. 202.
10. Там же. С. ...
11. Там же. С. 202.
12. Там же. С. 176.
13. Там же. С. 176–177.
14. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб., 1849. С. 287–288; ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 216.

К главе “Мценск – сторожевая крепость Московского государства. XVI–XVII века”

1. ПСРЛ. Т. 29. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 299.
2. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 177.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 354, 355.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848. С. 4–5; Загородский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 47–51.
5. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 138.
6. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 125.
7. ПСРЛ. Т. 29. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 224.
8. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 69. Л. 145–148.
9. Долгоруков И.М. Славны бубны за горами или путешествие мое кое-куда // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1869 год. Кн. 2. Апрель–июнь. 1869. С. 20.
10. ПСРЛ. Т. 29. Лебедевская летопись. М., 1965. С. 299.
11. Там же. С. 299.
12. Там же. С. 299.
13. Там же. С. 299.

14. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 435, 442.
15. Смирнов И.И. Восстание Волотникова 1606–1607 гг. Л., 1951. С. 462.
16. Сухотин Л.М. Четвергички Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 266, 267.
17. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 11. Л. 497.
18. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. Воспроизведена Императорским обществом истории и древностей Российских при Московском университете под наблюдением С.А. Белокурова, действительного члена Общества. М., 1904. № 171. С. 23; № 177. С. 24; № 178. С. 23; № 197. С. 24; № 201. С. 23; № 184. С. 24; № 202. С. 23; № 185. С. 24.
19. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1. 1612–1628 гг. СПб., 1850. Стб. 1153–1156.
20. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.–Варшава, 1995. С. 28.
21. Книги разрядные, по официальным опытным спискам изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением собственной Его Величества канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 48.
22. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М.–Варшава, 1995. С. 28, с. 50.
23. Там же. С. 65.
24. Там же. С. 73.
25. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 1051. (Писцовая книга города Мценска 1624–1625 годов).
26. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 85. Л. 1–4.
27. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 190; Летопись города Орла. Тула, 1980. С. 13.
28. Богданов А. Сказание о Волконских князьях. М., 1989. С. 48–50, 64, 66.
29. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 299. Л. 3; Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 251.
30. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 102. Л. 185–195; Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 500.
31. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 112. Л. 148–162; Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 490.
32. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 79. Л. 82–84; Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 391–392.
33. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 112. Л. 148–162; Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 490.
34. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 490, 491.
35. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 633.
36. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948. С. 230; Летопись города Орла. Тула, 1980. С. 13.
37. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948. С. 220; Волков В. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 307.
38. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 318, 319.
39. Разрядная книга 1637–1638 годов. М., 1983. С. 71–79.
40. Там же. С. 76–77.
41. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 87. Л. 1–6, 57–58, 60–63, 136–140, 155–164, 300–307, 335, 389–399, 417–417 об.
42. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 100; Миклашевский И.Н. История хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. М., 1894. С. 141–143.
43. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 111.
44. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 224. Л. 33–39.
45. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 329. Л. 240–241.
46. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 571. Л. 221–222; Там же. Московский стол. Стб. 292. Л. 74, 75; Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 678.
47. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. II. Ч. II. М., 1959. С. 172.
48. Там же. С. 176.
49. Там же. С. 51.
50. Там же. С. 51.
51. Загорский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 107, 153.

К главе "Облик Мценской крепости и городских посадов и слобод в XVII веке"

1. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 611 об.
2. Наиболее полные описания Мценской крепости XVII века содержатся в следующих источниках: Отписка Саввы Языкова из Мценска с росписью о размерах города, о количестве народа, пороха и свинца, и о числе пушкарей, затинщиков и мастеровых людей. 3 июля 1647 г. // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 206–213; а также в РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Книги Белгородского стола. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Никите Васильевиче Глазунове. 13 февраля 1668 г. Л. 111–156; там же. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Марке Трофимовиче Лутовинове. 27 октября 1668 г. Л. 157–207; там же. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе М.Т. Лутовинове. 31 октября 1669 г. Л. 208–258; Там же. Кн. 60. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе М.Т. Лутовинове. 1669–1670 гг.; Кн. 57. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Василии Лине. 1668–1669. Л. 131–156 об.; там же. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Миките Ивановиче Лукине. 8 декабря 1670 г. Л. 319–378; там же. Кн. 77. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Борисе Логиновиче Снокареве. 1670–1671 гг. Л. 204–221; там же. Кн. 54. Росписной список г. Мценска, составленный при воеводе Б.Л. Снокареве. 1 марта 1671 г. Л. 259–318; там же. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Ефиме Глебовиче Маслове. 5 октября 1672 г. Л. 379–442; там же. Кн. 91. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Иване Осиповиче Челищеве. 1674–1675 г. Л. 93–110 об.; там же. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе И.О. Челищеве. 1 июля 1675 г. Л. 621–656; там же. Кн. 54. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе И.О. Челищеве. 28 сентября 1675 г. Л. 657–721; там же. Кн. 54. Росписной список г. Мценска, составленный при воеводе Фоме Григорьевиче Хитрово. 2 июля 1676 г. Л. 722–744; там же. Росписной список г. Мценска. 80-е гг. XVII в. Л. 179–192; там же. Кн. 97. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Ф.Г. Хитрово. 1677–1678 гг. Л. 140–170; там же. Кн. 103. Росписной список г. Мценска, составленный при воеводе Василии Карташове. 20 декабря 1680 г. Л. 133–178; там же. Кн. 130. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Моисее Ромаковиче Беклемишеве. 1684–1685 гг. Л. 97–142; там же. Кн. 147. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Богдане Лупандине. 1686–1687 гг. Л. 91–197; там же. Кн. 136. Росписной список г. Мценска, составленный при воеводе Б. Лупандине. 1687 г. Л. 95–151; там же. Кн. 158. Сметная книга г. Мценска, составленная при стольнике и воеводе Демиде Семеновиче Тербееве. 1 сентября 1690 г. Л. 216–263; там же. Кн. 168. Перечневая роспись г. Мценска. 1695–1696 гг. Л. 1172–1176; там же. Кн. 172. Сметная книга г. Мценска, составленная при стольнике и воеводе Федоре Алексеевиче Дашкове и подьячем Кондрате Олдунове. 10 сентября 1696 г. Л. 609–646 об.; там же. Кн. 177. Сметная книга г. Мценска, составленная при воеводе Афанасии Семеновиче Шеншине. 1699–1700 гг. Л. 177–217.
3. Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 109.
4. Журнал Министерства внутренних дел. 1837, № 4. С. 116.
5. Отечественные записки. № 62. Июнь. СПб., 1825. С. 429–440; Журнал Министерства внутренних дел. 1837, № 4. С. 116.
6. РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 1051. Л. 1–2 об.
7. Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 3. М., 1902. С. 19–20.

8. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 92.
9. Там же. Л. 622 об.
10. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 158. Л. 263.
11. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 87. Л. 3.
12. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 620–622 об.
13. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 93–197; там же. Кн. 158. Л. 220–221 об.; там же. Кн. 172. Л. 613–614 об.
14. Алеппский П. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 174–175.
15. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 51. Л. 180–181.
16. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2172. Л. 104–106, 383–385.
17. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 58. Л. 478.
18. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 87. Л. 6.
19. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 134. Л. 300.
20. Там же. Л. 301.
21. Там же. Л. 301.
22. Алферова Г.В. Русские города XVII–XVIII веков. М., 1989. С. 56–62.
23. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 134. Л. 300–302.
24. РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Кн. 11. Л. 335 об. – 393.
25. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 158. Л. 221 об. – 225; Там же. Кн. 172. Л. 615–618.
26. Разрядная книга 1637–38 года. М., 1983. С. 71–79.
27. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 127. Л. 328.
28. Там же. Л. 329.
29. Там же. Л. 329.
30. Там же. Л. 330–335.
31. Там же. Л. 393.
32. Там же. Л. 393.
33. Там же. Л. 389–395.
34. Там же. Л. 395.
35. Там же. Л. 398.
36. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 91. Л. 304.
37. Там же. Л. 304.
38. Там же. Л. 304.
39. Там же. Л. 304.
40. Годдано-Голомбевский А.А. Опись чертежей, хранящихся в Разряде во второй половине XVII века // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1889. Кн. 6. Отд. 2. С. 17.
41. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 91. Л. 305–307.
42. Там же. Л. 303–307.
43. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 153. Л. 86–86 об.
44. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 192. Л. 19.
45. Там же. Стб. 157. Л. 277–277 об.
46. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2172. Л. 105.
47. РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Кн. 11. Л. 338 об.
48. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 1051. Л. 1–6 об.
49. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 91–92.
50. РГАДА. Ф. 1209. Ед. кр. 1051. Л. 2 об. – 3; Там же: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 369. Л. 5–6.
51. РГАДА. Ф. 2109. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 1051. Л. 3–3 об., 31–37 об.
52. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 610 об.
53. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 1051. Л. 3 об. – 5, 36 об. – 37 об.
54. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 153. Л. 84–85.
55. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2172. Л. 382.
56. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 446, 449.
57. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 395. Л. 36–37.
58. Там же. Л. 37.
59. Там же. Л. 36.
60. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 611.
61. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. кр. 4084.
62. Ромашов В.М., Неделин В.М. Архитектурные древности Орловщины. Орел, 1998. С. 69.
63. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 610 об. – 611.
64. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г. С. 28–30.
65. Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1839. № 234.
66. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 612. Л. 415–417.
67. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 456.

К главе "Мценск в XVIII веке и судьба Никольского собора в XIX – первой половине XX веков"

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.
2. РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 75. Л. 127–127 об.; Д. 76. Л. 338.
3. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 42–46.
4. РГАДА. Ф. 405 (Белгородская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 605. Л. 1–1 об., 20.
5. РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Д. 409. Л. 548–548 об.
6. Пясецкий Г.М. Краткие сведения о Мценском Вознесенском девичьем монастыре. Первая половина XVIII в. // Орловские епархиальные ведомости. 15 января № 2, 1871. С. 117–119.
7. РГАДА. Ф. 248 (Сенат). Оп. 12. Д. 682. Л. 440–441; там же. Оп. 12. Д. 681. Л. 242 об.
8. Фирсов А. Мценск // Исторический вестник. 1915. С. 30.
9. РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 675. Л. 733; там же. Оп. 12. Д. 682. Л. 440 об.
10. РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 682. Л. 440–652.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 675. Л. 733–733 об.
12. РГАДА. Ф. 286. Д. 409. (Росписной список города Мценска 1754 г.). Л. 541–549.
13. РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 7. Д. 30862. Л. 7–7 об.
14. Там же. Л. 7 об.
15. РГАДА. Ф. 1356. (Генеральные уездные карты, планы и атласы). План города Мценска с поселенными при нем слободами. 1789 г.
16. Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1839. № 234.
17. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г.
18. РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Т. 19. Д. 503. Л. 1–2.
19. Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787. С. 108–110.
20. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г.
21. Фирсов А. Мценск // Исторический вестник. 1915. С. 631.
22. Отечественные записки. 1825. № 62. Июнь. С. 429–440; Полевой Н. Русская Вивлиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. Т. 1. М., 1833. С. 368.
23. Отечественные записки. 1825. № 62. Июнь. С. 430, 436; Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. № 4. С. 116.
24. Неделин В.М. Неизвестные храмы А. Мельникова в Орле и Мценске // Архив наследия – 2001. М., 2002. С. 106–119.
25. Махашов А. В центре России. Орел, 1994. С. 75.
26. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 138. Николаевский собор. План, фасад. Копия. 1827 г.
27. Фирсов А. Мценск // Исторический вестник. М., 1915. № 5. С. 632.
28. РГИА. Ф. 796. Оп. 142. Д. 1458. Л. 1–1 об. Дело о построении новой колокольни вместо ветхой при Николаевском соборе г. Мценска, 1861 г.; там же. Ф. 218. Оп. 4. Д. 981. Л. 8, 11. Фасад, разрез и поэтажные планы колокольни, подписанные профессором Горностаевым, южный фасад собора, план расположения строений на соборном участке, план части города Мценска с показанием места расположения собора. 1861 г.
29. Воспоминания и автобиография Одесского Протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. 1906. Т. 92. Октябрь. С. 168–171; Фирсов А. Мценск // Исторический вестник. М., 1915. С. 632–633.
30. Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. № 4. С. 116; Полевой Н. Русская Вивлиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древнерусской литературы. Т. 1. М., 1833. С. 368.

25. Н.С. Лесков. Сказ о тульском косяке Левше и стальной блохе. Тула, 1948. С. 39.

НОВОСИЛЬ

К главе "Новосиль в XII–XV веках"

1. ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 203; ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. СПб., 1856. С. 63; ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века М.-Л., 1949. С. 391.
2. Раадорский А.И. Владдельческая принадлежность Курского княжества в XI–XIII вв. // Очерки феодальной России. Вып. 2. М., 1998. С. 12–14; Зайцев А.К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 93–94.
3. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 520.
4. Славянская энциклопедия. Киевская Русь–Москва. Т. 1. М., 2001. С. 157.
5. Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любечскому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 190–192.
6. ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 190; Русские летописи. Т. 4. Львовская летопись. Рязань, 1999. С. 230; там же. Т. 6. Рогожский летописец. Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 51, 417.
7. ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 224.
8. Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 23; ОКМ. Арх. 1171. Отчет о разведках и раскопках в Орловской области летом 1967 г. Рук. Т.Н. Никольская. 1968. С. 10–12.
9. Отчет об археологических работах, произведенных на городище в г. Новосиль в 2008 г. Орел, 2008 // Архив Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Орловское областное отделение.
10. Русские летописи. Т. 6. Рогожский летописец, Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 72.
11. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 115.
12. Там же. С. 115.
13. Там же. С. 115.
14. Русская Историческая Библиотека, издаваемая Археографическим комитетом. Т. 6. Ч. 1. (Приложение. Памятники древнерусского канонического права). СПб., 1908. Стб. 135–140.
15. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 21.
16. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. С. 22–23.
17. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. С. 24.
18. Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 355; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000. С. 486; Щербаков А., Давыд И. Куликовская битва. 1380. М., 2001. С. 51.
19. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 46, 66, 100, 123, 124, 170, 191, 225, 249, 298, 403.
20. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 86.
21. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 53–55, 114.
22. Там же. С. 53.
23. Русские летописи. Т. 8. Московский летописный свод конца XV века. Рязань, 2000. С. 317; Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Москва. Т. 2. М., 2001. С. 349.
24. Гудавичус Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 212.
25. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 53–55.
26. Русские летописи. Т. 6. Рогожский летописец, Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 455–461.
27. ПСРЛ. Т. 9–10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 194, 198, 202, 204; Русские летописи. Т. 6. Рогожский летописец, Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 455–461; Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв. М., 2006. С. 96–97.
28. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 198.
29. Русские летописи. Т. 6. Рогожский летописец, Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 458.
30. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 202.
31. Гудавичус Э. История Литвы. Т. I. С древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 212.
32. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 204.
33. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 38.
34. Любавский М.К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С. 58.
35. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. С. 55–56.
36. Там же. С. 61.
37. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 77–78.
38. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 38–39.
39. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. С. 100–101; там же: С. 41.
40. Там же. С. 51, 83.
41. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л., 1950. С. 330.
42. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг. 1921. С. 216.
43. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Биография. М., 1993. С. 448–489; Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 37, 41, 51, 77, 78, 80, 83–85, 136, 173, 183, 194.

К главе "Судбищенское побоище 3–4 июля 1555 года"

1. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 257.
2. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 219.
3. Там же. Стб. 305.
4. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 149.
5. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 258.
6. Рыков Ю.Д. Дети боярские, "побитые" в сражении на Судбищах в июле 1555 г. по данным Синодика Московского

Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 681.

7. Курбский А.М. История о великом князе московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 221.
8. Там же. Стб. 221.
9. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 26.
10. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 257.
11. Курбский А.М. История о великом князе московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 222.
12. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 257.
13. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 223.
14. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 6. М., 1833. С. 430–431.
15. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 223.
16. Там же. Стб. 224.
17. Там же. Стб. 224.
18. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 257.
19. Там же. С. 257.
20. Там же. С. 257.
21. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Русская историческая библиотека. Т. 31. СПб., 1914. Стб. 225.
22. Там же. Стб. 225.
23. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 257.
24. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 258; ПСРЛ. Т. XXIX. Александро-Невская летопись. М., 1965. С. 239.
25. Рыков Ю.Д. Дети боярские, "побитые" в сражении на Судбищах в июле 1555 г., по данным Синодика Московского Кремлевского Архангельского собора (предварительные наблюдения) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 663.
26. Там же. С. 663.
27. Барсуков А.П. Род Шереметьевых. Кн. 1. СПб., 1881. С. 187.

28. Каргалов В.В. На степной границе. М., 1974. С. 133–139; Барсуков А.П. Род Шереметьевых. Кн. 1. СПб., 1881. С. 180–192.
29. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 22. 1553–1557 гг. М., 2010. С. 183–207; Барсуков А.П. Род Шереметьевых. Кн. 1. СПб., 1881. Табл. XIII–XIV.
30. Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 384–385; Барсуков А.П. Род Шереметьевых. Кн. 1. СПб., 1881. С. 189–190.
31. Барсуков А.П. Род Шереметьевых. Кн. 1. СПб., 1881. С. 191; Полевой Н.А. История русского народа. Т. 6. М., 1833. С. 430–431.
32. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 261–262.
33. Массе И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 26.

К главе “Новосиль во второй половине XVI века и в годы Смуты (1604–1612)”

1. Послания Ивана Грозного. М.–Л., 1951. С. 435.
2. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 54; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 435.
3. ПСРЛ. Т. 13. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 344.
4. Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966. С. 202.
5. Каргалов В. В. Московские воеводы XVI–XVII вв. М., 2002. С. 34–53; Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 18, 49–55, 67, 113, 132, 142, 150, 151, 153, 167, 177, 268, 273, 277, 287, 288, 296, 300, 307–309, 332, 337, 342, 424, 448–452, 458, 459, 475–478, 510; Андреев А.Р. Незнаемое Бородино: Молодинская битва 1572 года. Документальная хроника XVI века. М., 1997. С. 194–197.
6. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 54, 273.
7. Послания Ивана Грозного. М.–Л., 1951. С. 261, 431–432.
8. Там же. С. 257–273, 428–441.
9. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 54.
10. Разрядная книга. 1475–1598 гг. М., 1966. С. 229.

11. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 464 об.
12. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 470.
13. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Ч. 1. № 1053. Л. 1–15.
14. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и росписи русского войска 1604 г. Вып. 2. М., 1979. С. 67, 79, 85, 87.
15. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. Л., 1951. С. 146–150, 158, 169, 193, 198, 562; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 85.
16. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Ч. 1. Кн. 314. Л. 81–82.
17. Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения П-м отделением собственной Его Величества канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 49.
18. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6. Книги Московского стола, вторая группа. Кн. 2. Л. 137 об. – 138; Книга сеуцкая 1613–1619 гг. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 1. М. – Варшава, 1995. С. 64.

К главе “Новосиль после Смутного времени. 1618–1700 годы”

1. РГАДА. Ф. 210. Дела десяти. Д. 260. Л. 345.
2. Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 2. М., 2004. С. 562.
3. Там же. С. 562–553.
4. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 1053. Л. 1 об.
5. Там же. Л. 26–32 об.
6. Там же. Л. 33–40.
7. Михайлов Онисим. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящий в 663 указах или статьях в государственное царей и великих князей Василия Ивановича Шуйского и Михаила Федоровича всея Руси самодержцев в 1607 и 1612 гг. Ч. 1. СПб., 1777.
8. РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбы Московского стола. Стб. 153. Л. 7–9.
9. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948. С. 154.

10. Там же. С. 157.
11. Там же. С. 157–158.
12. РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 79. Л. 128–132; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л., 1948. С. 211–212.
13. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 489–492; РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 112. Л. 148–162.
14. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 499–500; РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 102. Л. 185–195.
15. РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 79. Л. 128–132.
16. Там же. Л. 128–132.
17. Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 633; РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 89. Л. 6–8.
18. РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 153. Л. 8.
19. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 317.
20. РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 127. Л. 404–408.
21. РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 153. Л. 8–9.
22. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 317–318.
23. РГАДА. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 105. Л. 116.
24. Воссоединение Украины с Россией. Т. 1. 1620–1647 годы. М., 1953. С. 277.
25. Там же. С. 278–279.
26. Там же. С. 277.
27. Там же. С. 271–273, 337.
28. РГАДА. Ф. 210. Столбы Белгородского стола. Стб. 571. Л. 220–221; Там же. Ф. 210. Столбы Московского стола. Стб. 192. Л. 74–75; Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. С. 678.
29. Акты Московского государства. Т. III. СПб., 1901. С. 297.
30. РГАДА. Ф. 210. Столбы Белгородского стола. Стб. 772. Л. 1–5 об.
31. Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 175 (собрание Гамеля). Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 1–7. РГАДА. Ф. 210. Столбы Белгородского стола. Стб. 43. Л. 181; Стб. 212. Л. 138–140.

32. РГАДА. Ф. 210. Столбы Белгородского стола. Стб. 397. Л. 185–189.
33. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Павлом Андреевичем Неплюевым. 19 декабря 1667 г. А. 888–902; Кн. 57. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Павлом Андреевичем Неплюевым. 1668–1669 гг. Л. 173–184; Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Павлом Андреевичем Неплюевым. 29 января 1669 г. Л. 903–922; Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Семеном Яковлевичем Молевановым. 27 января 1670 г. Л. 923–947; Кн. 77. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Артемием Юрьевичем Колобакиным. 1670–1671 гг. Л. 222–242 об.; Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой А.Ю. Колобакиным. 15 июля 1671 г. Л. 947–988; Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Иваном Ларионовичем Пытовым. 29 октября 1672 г. Л. 1035–1147; Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой А.Ю. Колобакиным. Июль 1672 г. Л. 1030–1034; Кн. 54. Сметная книга Новосила, составленная воеводой А.Ю. Колобакиным. 13 февраля 1672 г. Л. 989–1029; Кн. 80. Сметная книга Новосила, составленная воеводой А.Ю. Колобакиным. 1672–1673 гг. Л. 13–32 об.; Кн. 91. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Андреем Пытовым. 1674–1675 гг. Л. 126–147 об.; Кн. 97. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Акимом Машковым. 1676–1677 гг. Л. 187–208; Кн. 121. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Никитой Телегиным. 1682–1683 гг. Л. 910–935; Кн. 124. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Василием Волженским. 1683–1684 гг. Л. 996–1011; Кн. 130. Сметная книга Новосила, составленная воеводой В. Воленским. 1684–1685 гг. Л. 1106–1121; Кн. 133. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Иваном Тутолминым. 1685–1686 гг. Л. 138–153 об.; Кн. 147. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Кириллом Макидонским.

1686–1687 гг. Л. 1427–1473; Кн. 172. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Иваном Гурьевым, 1696–1697 гг. Л. 647–696 об.; Кн. 177. Сметная книга Новосила, составленная воеводой Артамоном Лапиным, 1699–1700 гг. Л. 218–324.

34. РГАДА. Ф. 286. (Герольдмейстерская контора). Оп. 1. № 916. Л. 268 об.
35. РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Кн. 11. Л. 340 об. – 343 об.; Столбы Московского стола. Стб. 127. Л. 409–410.
36. РГАВМФ. Ф. 3 л. Оп. 25. № 1259. Л. 1–2.
37. РГАДА. Ф. 210. Столбы Севского стола. Стб. 397. Л. 185–200.
38. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 158. Л. 389 об.
39. РГАДА. Ф. 1209. № 1053. Л. 2–2 об.
40. Там же. Л. 1–1 об.; Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 1431.
41. Там же. Л. 1430.
42. Там же. Л. 1430 об.
43. РГАДА. Ф. 91. Оп. 1. № 285. Л. 99 об.
44. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. № 916. Л. 286 об., 269, 275 об.
45. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 1431 об.
46. РГАДА. Ф. 280. (Коллегия экономии). Оп. 3. № 200.
47. РГАДА. Ф. 237. (Монастырский приказ) Оп. 1. Ч. 1. № 502. Л. 397–426.

К главе "Новосиль в XVIII веке"

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.
2. Мышляевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 12.
3. РГАДА. Ф. 405. (Белгородская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 605. Л. 1–1 об., 20.
4. РГИА. Ф. 91. Оп. 1. № 285. Л. 99.
5. РГАДА. Ф. 248. (Дела Сената). Д. 114. Л. 546–547, 551 об.
6. РГИА. Ф. 91. Оп. 1. № 285. Л. 99 об.
7. Чевский В. Новосиль с уездом. Историко-статистический очерк. Орел, 1892. С. 16.
8. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. № 200.
9. РГАДА. Ф. 1356. (Генеральные уездные карты, планы и атласы). Оп. 1. № 6263–6273; Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков (планы городов). СПб., 1839. № 365.

10. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 530.
11. Там же. С. 528–529.
12. Щекитов А. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... Ч. 4. Отд. I. М., 1805. Стб. 732–733.

ЛИВНЫ

К главе "Древнейшая история Ливен. XII–XIV века"

1. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. (Репринт издания 1893 г.) С. 21–22.
2. ПСРЛ. Т. 9–10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 207.
3. Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 48–49.
4. Краснощекова С.Д., Неделин В.М. Ключевский археологический комплекс – феодальный замок ливенских князей // Очерки феодальной России. Вып. 3. М., 1999. С. 25–30; Краснощекова С.Д. Скифы и балты на Орловской земле // Орловская правда. 19 августа 2000 г.; Краснощекова С.Д. О чем молчат летописи // Орловский вестник. № 38 (442) 21 сентября 2000 г.; Мальцева М. Скифы дошли до Ливен // Орловский меридиан. № 34. 23 августа 2000 г.; Краснощекова С.Д., Крайничский Л.Н. Археология Орловской области / Краеведческий музей. Орел, 2006. С. 188–197.
5. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 195.
6. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 51–52.
7. ПСРЛ. Т. 11–12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 159; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 23–28.
8. ПСРЛ. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 225.

9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 285.

К главе "Ливенская крепость в XVI веке"

1. ПСРЛ. Новый летописец. Т. 14. М., 1965. С. 45.
2. ПСРЛ. Т. 21. М., 1965. С. 233.
3. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 162.
4. Там же. С. 183.
5. Там же. С. 186.
6. Там же. С. 215.
7. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 158–159; Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. Разрядный приказ. С. 9.
8. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 175–176.
9. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 257.
10. Там же. С. 264; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 180–181.
11. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 35, 38–39.
12. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 366.
13. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 59; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 368; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 197–202.
14. Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 1. М., 2004. С. 593.
15. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. С. 49.
15. Там же. С. 47–59.
16. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 210–214.
17. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 17.

18. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 210.

19. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 210–214; Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. (Репринт издания 1951 г.) С. 40, 205, 475.
20. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 217.
21. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 63.
22. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 216; Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII века. М., 1967. С. 361.
23. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1989. – С. 259–260; Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. С. 59–60.

К главе "Ливенская крепость в XVII веке"

1. РГАДА. Ф. 210. Разрядные язки. Вяз. 2. Д. 10. Л. 33 об.
2. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Вып. 2. М., 1979. С. 33–34, 51.
3. Скрынников Р.Г. Лихолетье. Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 272.
4. Белокуров С.А. Разрядные записки за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 5.
5. Там же. С. 8; Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. Л., 1951. С. 89, 98, 145–147, 199, 398, 563, 564.
6. Сухотин Л.М. Четвергички Смутного времени (1604–1617). М., 1912. С. 209; Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. Л., 1951. С. 398.
7. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1878. С. 218–219; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 70.

8. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I. СПб., 1850. Стб. 92, 94.
9. Там же. Стб. 49.
10. ПСРЛ. Т. 34. Постыковский, Писнаревский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 266.
11. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 116. Л. 40.
12. РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Столб. 44. Л. 63, 533-535.
13. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 325. Л. 392-393.
14. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999 (Репринт издания 1893 г.). С. 116.
15. РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 51. Л. 533-535. (Осадная роспись).
16. Сташевский Е. Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 295-296; Акты Московского государства. Т. I. СПб., РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 58. Л. 341-348.
17. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 361.
18. Воссоединение Украины с Россией. Т. I. 1620-1647 годы. М., 1953. С. 269-270.
19. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 58. Л. 128; Сташевский Е. Смоленская война. 1632-1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919. С. 295-296.
20. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 120. Л. 10, 33, 198; там же: Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 502. Л. 99.
21. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 116. Л. 361.
22. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 206. Л. 423-427; Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1894. Вып. 4. Орел. С. 21-22.
23. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 241. Л. 37-39, 68-70; Восстановление Луковского острожка в Ливенском уезде // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. 3. Орел, 1895. С. 17-18.

24. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 19. Л. 593-599, 803-807.
25. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 1001. Л. 255.
26. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 19. Л. 585.
27. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 80. Ч. 1. Л. 213-220.
28. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 97. Л. 410-410 об.
29. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 397. Л. 17-26; там же. Ф. 210. Разрядные вязки. Вяз. 2. Д. 10. Л. 33 об.
30. РГВИА. Ф. 349. Оп. 19. Д. 890, 891; Неделин В.М. Кремли городов Орла, Мценска, Ливен, Волхова, Чернавска, Черни, Кром, Карачева и Новосиля на чертежах XVII-XVIII веков // Кремли России. Материалы и исследования. Вып. 15. М., 2003. С. 208-211, 222.
31. РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 86. Л. 199-204.
32. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 367-369.
33. РГАДА. Разрядные вязки. Вяз. 13, № 11. Л. 3-17 об.
34. Там же. Л. 3-17 об.
35. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 19. Л. 589.
36. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 418.
37. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 437. Л. 153; Стб. 1379. Л. 12-15.
38. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 419.
39. Вудатников О. Культурные сооружения города Ливны // Наше наследие. Вып. 4. Ливны, 1999. С. 5; Кострица А.Ф. Край наш Орловский. Ч. I. Орел, 1974. С. 34; Орловская область. Каталог памятников архитектуры. М., 1985. С. 118, 195.
40. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 397. Л. 27-28.
41. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 172. Л. 414-417.
42. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 19. Л. 758-759.
43. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 116. Л. 221-222.

К главе "Татарские набеги на Ливенский уезд в XVII веке"

1. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 53. Л. 36-37.
2. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 69.
3. Там же. С. 83.
4. Там же. С. 83.
5. Там же. С. 76.
6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Книги Московского стола, вторая группа. Кн. 2. Л. 180 об.; Книга сеуичей 1613-1619 гг. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Т. 1. М.-Варшава, 1995. С. 82-83.
7. Там же. Л. 121 об. - 122 об.; там же. С. 58.
8. Там же. Л. 140-140 об.; там же. С. 64-65.
9. Там же. Л. 143 об. - 144 об.; там же. С. 66.
10. Там же. Л. 180 об.; там же. С. 82-83.
11. Там же. С. 152-153.
12. Там же. С. 154; Акты Московского государства Т. I. СПб., 1890. С. 198.
13. Там же. С. 157-158; Акты Московского государства Т. I. СПб., 1890. С. 491.
14. Там же. С. 206.
15. Там же. С. 210.
16. Там же. С. 211.
17. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 105. Л. 91.
18. Там же. Л. 93.
19. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 212-213.
20. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 101. Л. 100-102; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 213.
21. Там же. С. 215.
22. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 102. Л. 185-195; Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 500-501.
23. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 102. Л. 231-242; Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 507.
24. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 214-216.

25. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 53. Л. 36-37.
26. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 228-230.
27. Там же. С. 233.
28. Там же. С. 234-235.
29. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 95. Л. 5-6; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 265-266.
30. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 160. Л. 437-443; Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 128-129; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.-Л., 1948. С. 322-333.
31. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 179. Л. 125-130.
32. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 437. Л. 52.
33. Акты Московского государства. Т. III. СПб., 1901. С. 514.

К главе "Ливенская крепость в XVIII веке"

1. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 46.
2. РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 75. Л. 134-135.
3. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 46.
4. РГАДА. Ф. 286. (Герольдмейстерская контора). Д. 387. Л. 598-598 об.
5. Там же. Л. 598 об. - 639.
6. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 586.
7. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г.
8. РГАДА. Ф. 1356. Д. 4114. План города Ливны с поселенными при нем слободами (после 1789 г.).
9. Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1839. № 231.
10. Ромашов В., Неделин В. Архитектурные древности Орловщины. Орел, 1998. С. 130.

11. Шекатов А. Словарь Географический Российского государства, описывающий Азбучным порядком... Ч. 3. М., 1804. Стб. 1109–1111.

КРОМЫ

К главе "Кромь в XII – начале XV века"

1. ПСРЛ. Т. 9. Патриаршая или Николовская летопись. М., 2000. С. 173; Русские летописи. Т. 11. Ипатьевская летопись. Рязань, 2001. С. 242 (о Кромах примечание XII); Русские летописи. Т. 8. Московский летописный свод конца XV века. Рязань, 2000. С. 58.
2. Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992. С. 46; Никольская Т.Н., Фролов И.К. Свод памятников истории и культуры Орловской области. Памятники археологии. Рукопись из архива НИИЦ по охране памятников истории и культуры Орловской области. С. 26; Савосичев А.Ю. Книга Г.М. Пясецкого "Историческое описание города Кром" и современная историческая наука // Пясецкий Г.М. Историческое описание города Кром Орловской губернии. Орел, 2003. С. 11–14.
3. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней Руси с державами иностранными, по Высочайшему повелению изданные Императорским Русским Обществом. СПб., 1882. С. 135.
4. Там же. С. 494.

К главе "Восстановление Кром. 1594 год"

1. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 11; Неделин В.М. Орел изначальный. Орел, 2001. С. 238–239.
2. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 14.
3. Разрядная книга 1475–1605. Т. III. М., 1989. С. 75.

К главе "Осады Кром. 1605 и 1606 годы"

1. Пушкин А.С. Избранные сочинения Александра Сергеевича Пушкина для юношества. Т. I. СПб., 1899. С. 54.

2. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. М., 1989. (Реprint издания 1845 г. СПб.) С. 102.
3. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 210–265; Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994. С. 55–112.
4. Акты Московского государства. Т. I. СПб., 1890. С. 76–77.
5. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 260.
6. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Вып. 2. М., 1979. С. 86.
7. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 238.
8. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 149, 173.
9. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 271; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 3–4, 238–239.
10. ПСРЛ. Т. XIV. Новый летописец. М., 1965. С. 163.
11. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 91.
12. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 238; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 91.
13. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 238.
14. Славянская энциклопедия. XVII век. Т. I. М., 2004. С. 102.
15. Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1891. Стб. 34–35.
16. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. III. Т. XI. М., 1989. (Реprint издания 1845 г. СПб.) Примечания к т. XI, гл. II. С. 58.
17. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 1–2.
18. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 91.
19. Там же. С. 93; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 30.
20. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского

войска 1604 г. Ч. 2. М., 1979. С. 35, 44, 52, 53, 60, 61, 68, 79, 87, 88, 93.

21. ПСРЛ. Т. XIV. Новый летописец. М., 1965. С. 63.
22. Буассон К. Московская хроника 1584–1613 гг. М.–Л., 1961. С. 104.
23. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 193.
24. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 93.
25. Там же. С. 94.
26. Там же. С. 93–94.
27. ПСРЛ. Т. XIV. Новый летописец. М., 1965. С. 63.
28. Там же. С. 64.
29. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 297.
30. Там же. С. 297.
31. Сказания современников о Дмитрие самозванце. Ч. II. Записки Георга Паерле. СПб., 1832. С. 23–33.
32. Там же. Ч. III. Записки Манжерета и Президента де-Ту. СПб., 1832. С. 136–142.
33. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 101–102.
34. Там же. С. 103.
35. Там же. С. 102.
36. Там же. С. 103.
37. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 300.
38. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 102.
39. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988. С. 301–303.
40. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 5.
41. Там же. С. 5.
42. ПСРЛ. Т. XIV. Новый летописец. М., 1965. С. 71.
43. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 141.
44. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. Л., 1951. С. 129, 136, 143–145, 147, 148, 150–161, 169, 172, 198, 257, 259, 334, 393, 562–564.
45. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. Л., 1951. С. 151.
46. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 9.
47. Там же. С. 9.

48. Костомаров Н. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1913. С. 360–365.
49. Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 30, 34; Костомаров Н. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1913. С. 365–371.
50. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. М., 1911. С. 24, 31, 42; Комягинский Н. О денежных и материальных повинностях Орловского края при ликвидации Смутного времени 1611–1613 гг. // Орловские епархиальные ведомости. Орел, 1918. № 18. С. 465–466.
51. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. I. 1612–1628 гг. СПб., 1850. Стб. 258–260.
52. Апухтин В.Р. Волховская старина. Вып. I. Волхов, 1913. С. 108.

К главе "Кромь в XVII веке"

1. РГАДА. Ф. 210. (Разрядный приказ). Столбцы Владимирского стола. Стб. 33. Л. 196.
2. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 33. Л. 194, 196.
3. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 101. Л. 804–805.
4. Воссоединение Украины и России. Т. I. 1620–1647 годы. М., 1953. С. 271–273, 337.
5. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 179. Л. 189–191.
6. Акты Московского государства. Т. II. СПб., 1894. С. 246; Боголюбовский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 362.
7. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. № 846. Л. 787.
8. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 231. Л. 9, 10; Стб. 231. Л. 228–230.
9. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 284. Л. 59–61.
10. Наиболее подробные описи Кромской крепости содержатся в РГАДА: Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 103. Л. 693–728, 1164–1185; Ф. 210. Книги Севского

- стола. Кн. 11. Л. 345–347 об.; Ф. 210. Дела разных городов. Д. 15. Л. 480 об. – 483; Д. 41. Л. 122–199, 209–377, 425–447, 463–498, 526–549, 550–564.
- РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 74. Л. 24–42.
 - РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 41. Л. 556.
 - РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 103. Л. 1166–1167 об.
 - РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 405. Л. 29–33.
 - РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 87. Л. 31–32 об; Стб. 130. Л. 154–154 об.
 - РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 980. Л. 68–69 об.
 - РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 41. Л. 174 об. – 175.
 - РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 103. Л. 1167 об. – 1168.
 - РГАДА. Ф. 210 (Грамоты Коллегии Экономии). Оп. 4. Д. 6114. Л. 1–4; Д. 6116. Л. 1–15; Д. 6131. Л. 1–25; Ф. 237. (Монастырский приказ). Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 1–7.
 - Акты Московского государства. Т. III. СПб., 1901.

К главе “Кромы в XVIII веке”.

- РГИА. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.
- Путешествие в Святую землю священника Лукьянова (1710 г.) // Русский архив. 1863. Ч. I. М., 1866. С. 139–140.
- РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 41. Л. 552.
- Там же. Л. 556.
- Там же. Л. 552 об. – 554.
- Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 9–10.
- РГАВМФ. Ф. 3. Л. Оп. 24. Е.х. 789. № 1–2.
- РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 420. Л. 875.
- Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897. С. 10.
- РГАДА. Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). Д. 445. Л. 232–239 об.
- РГАДА. Ф. 273. (Камер-Коллегии). Оп. 2. Д. 31250; Ф. 286. Д. 445. Л. 234 об. – 235.
- РГАДА. Ф. 286. Д. 445. Л. 236–237.
- Там же. Л. 237–237 об.

- РГАДА. Ф. 1356 (Генеральные уездные карты, планы и атласы). Д. 4109. Л. 1.
- РГВИА. Ф. ВУА. Ех. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787. Л. 25–26.
- РГАДА. Ф. 1356. Д. 4060. Вид городу Кромам с западной стороны. 1780-е гг.
- Щекатов А. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... Ч. 3. М., 1804. Стб. 889–891.
- Полное собрание законов Российской Империи (собрание первое). Книга чертежей и рисунков (Планы городов). СПб., 1859. № 230.

“ИСЧЕЗНУВШИЕ ГРАДЫ”.

К главе “Радовице. Середина I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э.”

- Архив Института истории материальной культуры. Ф. 1 / 1902. Арх. 110.
- Красношеникова С.Д. Железный век Орловского Полесья // Орловский вестник. № 24 (680) 31 августа 2005 г.
- Архив института истории материальной культуры. Ф. 1 / 1902. Арх. 110.
- Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 72, 73.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 14.

К главе “Хотимль. XII–XV века”

- Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археологической комиссией. Т. I. 1340–1506 гг. СПб., 1846. С. 192.
- Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 73.
- ПСРЛ. Т. 9–10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 178.
- Акты, относящиеся к истории Западной России... Т. I. 1340–1506 гг. СПб., 1846. С. 164, 192.
- Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 65, 97, 98.
- Акты, относящиеся к истории Западной России... Т. 2. 1506–1544 гг. СПб., 1848. С. 54.
- Там же. С. 149.
- Там же. Т. 3. 1544–1587 гг. СПб., 1848. С. 69.

- Пупарев А. Древние городища и курганы Орловской губернии // Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Орел. Т. 1. 1877. С. 72–73.
- Список с Карачевских книг письма и меры Василия Наумова да подъячего Ильи... 1626–1627 гг. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Вып. 2. 1894. Орел, 1894. С. 47.
- Материалы для истории церквей Курской, Харьковской, Орловской, Черниговской и Воронежской губ., городов и станиц Донской области по приходным окладным книгам жилых данных церквей патриаршего Казенного приказа 7136 (1628)–1746 гг. М., 1913. С. 129, 154; Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. I. Болховский–Кромский уезды. Орел, 1905. С. 388–389.
- Долганов П. Русский офицерский корпус: Николай Федорович Артемьев-Карелов // Дворянский вестник. № 6 (9). М., 1994. С. 6.

К главе “Домагощ. XII–XIII века”

- ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 342.
- Зайцев А.К. Домагощ и границы “Вятчей” XII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 21–30.
- Неделя В.М. Орёл изначальный. Орёл, 2001. С. 35–37.
- Никольская Т.Н. Земля вятчей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII в. М., 1981. С. 92.
- Дворянские роды Российской империи. Т. I. Князья. СПб., 1993. С. 141–143.
- Никольская Т.Н. Городище Слободка. XII–XIII вв. М., 1987. С. 60–61.
- Ткачевский П.С. Раскопки в 1926 году в Орловской губернии // Бюллетень Орловского Губернского бюро краеведения. № 1. Орел, 1927. С. 23.
- Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Т. 1. Болховский–Кромской уезды. Орёл, 1905. С. 73.
- Белевская Вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным. Собрание древних памятников об истории Белы и Белевского уезда. Т. II. М., 1858. Приложение: с. I

- Там же. Т. I. М., 1858. С. 369–370.
- Там же. Т. I. М., 1858. С. 432–434; Сведения из писцовых книг 1630–1632 годов (ошибка: 1627–1631 годов. – В.Н.) о селениях и пустошах Рудского стана, Белевского уезда, извлеченные из “Белевской Вивлиофики”, изд. Н. Елагиним // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1894. Вып. 1. Орел, 1894. С. 24.
- Историческое описание... С. 73.
- ОКМ. № 1874, 1861.
- Исторические описание... С. 73.
- Ткачевский П.С. Раскопки в 1926 году ... С. 23–24.

К главе “Неизвестный город у деревни Слободка XII–XIII века”

- Очарование Юрьевского Ополя. Прогулки и путешествия. Владимир, 2006. С. 6.
- Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. К истории градостроительства в Земле вятчей. М., 1987. С. 13–20; Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 79.
- Там же. С. 21–22.
- Там же. С. 26, 28.
- ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 37; там же. Т. 20. Первая половина. Львовская летопись. СПб., 1910. С. 108.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 338.
- Никольская Т.Н. Городище Слободка... С. 7, 49.
- Там же. С. 7, 49.
- Там же. С. 22, 23, 27–33, 180–182.
- Там же. С. 51, 60–63.
- Там же. С. 61.
- Там же. С. 94–95, 115.
- Там же. С. 51.
- Там же. С. 53.
- Там же. С. 85.
- Там же. С. 21, 33.
- Там же. С. 7, 10–13, 22; Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 78–80.
- Никольская Т.Н. Городище Слободка... С. 39–42, 47, 49.
- Там же. С. 41, 46, 47, 49, 112–118, 162–165.
- Там же. С. 121–123.
- Там же. С. 87–93, 115.

22. Там же. С. 87, 118; Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 76–77.
23. Никольская Т.Н. Городище Слободка... С. 123.
24. Там же. С. 125–126.
25. Там же. С. 125–126.
26. Там же. С. 136–143.
27. Там же. С. 61.
28. Там же. С. 82.
29. Там же. С. 75–76.
30. Там же. С. 83.
31. Там же. С. 6.
32. ПСРЛ. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 2000. С. 177.
33. Там же. С. 178.
34. Там же. С. 177.
35. Никольская Т.Н. Городище Слободка... С. 5, 144–150.
36. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 335, 336.
37. Книга Большому Чертежу. М.–Л., 1950. С. 102.
38. Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992. С. 35. Никольская Т.Н. Городище Слободка XII–XIII вв. М., 1987. С. 144.
39. Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 24.
40. Шеков А.В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории XIII – середины XVI вв.). Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993. С. 94.
41. ПСРЛ. Т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 261–262.

К главе "Коршев (Коршов, Коршева) XII–XIV века"

1. Русские летописи. Т. 6. Рогожский летописец, Тверская летопись. Рязань, 2000. С. 72.
2. ПСРЛ. Т. 11, 12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 2.
3. Русские летописи. Т. 10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001. С. 475.
4. Там же. С. 475; Русские летописи. Т. 7. Ермолинская летопись. Рязань, 2001. С. 217.
5. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. № 40. М., 1952. С. 232, 230, 234.

6. Горелов В., Новосельцев А. Елец веками строился. Липецк, 1993. С. 19–20.
7. Древнерусское градостроительство X–XV веков. М., 1993. С. 46.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950. С. 29.
9. ПСРЛ. Т. 11, 12. Патриаршая или Никоновская летопись. М., 1965. С. 2.
10. ПСРЛ. Т. 34. Постнижковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 195.

К главе "Воротыиск (Старый Воротыиск). XII–XV века"

1. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 479.
2. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1995. С. 549.
3. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 479; Татищев В.Н. История Российская. Т. III. Ч. 2. М., 1995. С. 52.
4. Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992. С. 60–62.
5. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 548–549.
6. ПСРЛ. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904. С. 24.
7. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., 1959. С. 273.
8. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. Л. 36 об.
9. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 549.

К главе "Городки и острожки Комарицкой волости. 1646 год"

1. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 307. Л. 225.
2. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.–Л., 1948. С. 338–339, 352, 370.
3. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 307. Л. 224–225.
4. Там же. Л. 227.
5. Там же. Стб. 274. Л. 212–215.
6. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 374. Л. 216–223.
7. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 374. Л. 217–218.
8. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М.–Л., 1950. С. 359.

9. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 374. Л. 222.
10. Археологическая карта России: Орловская область. М., 1992. С. 34–35.
11. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 374. Л. 220.
12. Там же. Л. 220–221.

К главе "Уездный горд Дешкино. 1778–1798 годы"

1. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781–1782 году. СПб., 1787. С. 118–119.
2. Белевская Вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным. Собрание древних памятников об истории Белова и Белевского уезда. Т. I. М., 1858. С. 418, 438, 459.
3. Там же. С. 419–420, 488–489.
4. Там же. С. 438–439, 4431.
5. Там же. С. 494–497.
6. Там же. С. 497.
7. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г. Ведомость городу Дешкину. Л. 44–46.
8. Шутеев Н. Ястреб в небе голубом // Орловская правда. 1965 г. 27 августа.
9. Там же. 1965 г. 27 августа.
10. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г. Ведомость городу Дешкину. Л. 44–46.

11. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 539. Офицерская опись Белевского Спасо-Преображенского монастыря и монастырских угодий других монастырей в Белевском уезде. 1764 г. Л. 184.
12. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 77. (Графические чертежи из столбцов Поместного приказа). Стб. 39808. Ч. 3. Л. 6/н. Чертеж земель у села Студенниково и Дешкино в Белевском уезде.
13. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г. Ведомость городу Дешкину. Л. 44–46.
14. Там же. Л. 44–46.
15. Там же. Л. 44–46.
16. Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков. (Рисунки гербам городов). СПб., 1843. Л. 61.
17. Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1839. № 226.
18. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 317. Рук. 18903. Топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г. Ведомость городу Дешкину. Л. 44–46.
19. Писецкий Г.М. Исторические очерки города Орла. Орел, 1874. С. 13.
20. Там же. С. 171.
21. Неделин В.М., Ромашов В.М. Архитектурные древности Орловщины. Книга 2. Ушедшее. Приложения. С. 25.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азбукин Н. Историко-статистическое описание городов Орловской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1836, № 6.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1, 2, 3, 4, 5. СПб., 1841–1842.
3. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академией Наук. Т. 1, 2, 3. СПб. 1890, 1894, 1901.
4. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613 гг. Под редакцией С.В. Веселовского. М., 1911.
5. Алеппский П. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005.
6. Андреев А.Р. Неизвестное Бородино: Молодинская битва 1572 года. Документальная хроника XVI века. М., 1997.
7. Апухтин В.Р. Волховская старина. Вып. 1. Болхов, 1913.
8. Археологическая карта России. Орловская область. М., 1992.
9. Краснощекова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. Орел, 2006.
10. Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.
11. Беловская Библиофика, издаваемая Николаем Елагинным. Собрание древних памятников об истории Белова и Белевского уезда. Т. 1. М., 1858; Т. 2. М., 1858.
12. Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907.
13. Болхов – город церквей. Исторические очерки и святые. СПб., 2005.
14. Боппан де Гийом Левассер. Описание Украины. М., 2004.
15. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и росписи русского войска 1604 г. Вып. 2. М., 1979.
16. Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М.–Л., 1961.
17. Винклер фон П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. М., 1991. (Переиздание книги: СПб., 1900).
18. Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. 1. Ч. 1. Князья Черниговские. СПб., 1906.
19. Волков В. Войны и войска Московского государства. М., 2004.
20. Воссоединение Украины с Россией. Т. 1. 1620–1647 годы. М., 1953.
21. Годаво-Голомбневский А.А. Опись чертежей, хранившихся в Разряде во второй половине XVII в. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 6, отд. 2.
22. Гудзь-Марков А.В. История славян. М., 1997.
23. Евсеев И.В. Исследование городищ и курганов в бассейне верхнего (Орловского) течения реки Оки и ее притоков: Цна, Рыбницы, Неполоди и Зуши // Труды Московского предварительного комитета по устройству четырнадцатого археологического съезда. Вып. II, М., 1908.
24. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 1–4. СПб., 1850–1853.
25. Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. СПб., 1993.
26. Дополнения к Актам Историческим. Т. 9. СПб., 1875.
27. Древняя Русь, Город, замок, село. М., 1985.
28. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.
29. Загорский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.
30. Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
31. Зайцев А.К. Домагощ и границы “Вятичей” XII в. // Историческая география России XII – начало XX в. М., 1975.
32. Зотов Р.В. О Черниговских князьях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.
33. Зуев В.Ф. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.
34. Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Издание Орловского историко-археологического общества. Т. 1. Болховский-Кромской уезды. Орел, 1905.
35. История Орловского края. Ч. 1. С древнейших времен до конца XIX века. Орел, 2004.
36. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1–4. М., 1988.
37. Каргалов В.В. На степной границе: оборона “крымской Украины” Русского государства в первой половине XVI столетия. М., 1974.
38. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1877.
39. Книга сеунчей 1613–1619 гг. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.). Памятники истории Восточной Европы. Источники // XV–XVII вв. Т. 1. М.–Варшава, 1995.
40. Книги разрядные по официальным оных спискам... Т. 1–2. СПб., 1853.
41. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. М., 1994.
42. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. М., 1954; Т. 2. Ч. 1. М., 1957; Т. 2. Ч. 2. М., 1959; Т. 3. М., 1962; Т. 4. М., 1976.
43. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. М., 1995.
44. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 22.1553–1557 гг. М., 2010.
45. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 23.1557–1567 гг. М., 2010.
46. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915.
47. Макашов В. В центре России. Орел, 1994.
48. Малицкий П.И. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895.
49. Мархоцкий Н. История Московской войны. (Мемуары польского ротмистра, 1607–1611). М., 1996.
50. Массе И. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937.
51. Мышлаевский А.З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897.
52. На берегах Быстрой Сосны. № 8. Ливны, 2000–2001.
53. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003.
54. Неделин В.М. “Мценское сидение” // Родина. М., март, 1999.
55. Неделин В.М. Кремли городов Орла, Мценска, Ливен, Волхова, Чернавска, Черни, Кром, Карачева и Новосила на чертежах XVII – начала XVIII века // Кремли России. Материалы и исследования. Вып. XV. М., 2003.
56. Неделин В.М. Кромь в XII–XIX веках. Планировка и застройка // Архитектурное наследие. Вып. 46. М., 2005.
57. Неделин В.М. Ливны в XVI – начале XX века. Архитектура и градостроительство // Архитектурное наследие. Вып. 48. М., 2007.
58. Неделин В.М. Мценская крепость в XVI – первой половине XVIII века.

- Архитектура и строительная история // Архитектурное наследие. Вып. 51. М., 2009.
59. Неделин В.М. Болхов во второй половине XVI – начале XX века. Архитектура и градостроительство // Архитектурное наследие. Вып. 53. М., 2010.
60. Неделин В.М. Новосиль в XII–XIX вв. Планировка и застройка // Архитектурное наследие. № 44. М., 2001.
61. Неделин В.М. Орел изначальный. Орел, 2001.
62. Неделин В.М. "Славен город Мценск" // Московский журнал. № 12. М., 1999.
63. Никитин А.В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI–XVII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 44. М., 1955.
64. Никольская Т.Н. Городище Слободка. XII–XIII вв.: К истории древнерусского градостроительства в земле вятичей. М., 1987.
65. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981.
66. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 72. М., 1959.
67. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.–Л., 1948.
68. Описание Сергиевского мужского монастыря в г. Ливнах, упраздненного в 1764 году // Орловские епархиальные ведомости. 1871, № 17.
69. Описание городов европейской части России XVI–XVII вв. Указатель по материалам писцовых и переписных книг. М., 2005.
70. Орловская область. Каталог памятников архитектуры. М., 1985.
71. Отписка Саввы Языкова из Мценска, с росписью о размерах города, о количестве наряда, пороха и свинца и о числе пушкарей, затинщиков и мастеровых людей. 3 июля 1647 г. // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.
72. Петров В. (перомонах). Ливенский Сергиевский мужской монастырь. Орел, 1910.
73. Повести о Куликовской битве. М., 1959.
74. Полевой Н. Русская виалиофика или собрание материалов для отечественной истории, статистики и древнерусской литературы. Т. I. М., 1834.
75. Полное собрание законов Российской империи. (Собрание первое). Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1859.
76. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.
77. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
78. ПСРЛ. Т. 9–13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
79. ПСРЛ. Т. 14. Повесть о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича. Новый летописец. СПб., 1910.
80. ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
81. ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. Л., 1959.
82. ПСРЛ. Т. 29. Продолжение Александро-Невской летописи. М., 1965.
83. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978.
84. Послания Ивана Грозного. М.–Л., 1951.
85. Пупарев А. Орловская старина. Т. I. Орел, 1892.
86. Путешествие в Святую землю священника Лукьянова (1710 г.) // Русский архив. 1863. Ч. I. 1866.
87. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Болхова и его святыни. Орел, 1874.
88. Пясецкий Г.М. Историческое описание города Кромы Орловской губернии. Орел, 2003. (Переиздание очерка, опубликованного в Орловских епархиальных ведомостях в 1876–1878 гг.).
89. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. (Переиздание очерков, опубликованных в Трудах Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1893. Вып. 3–5).
90. Пясецкий Г.М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899.
91. Пясецкий Г.М. Город Болхов и его уезд по Переписной книге 7154/1647 года // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891. Вып. 2.
92. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966.
93. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. III. Ч. I. М., 1984; Ч. II. М., 1987; Ч. III. М., 1989; Т. IV. Ч. I. М., 1994.
94. Разрядная книга 1637–1638 годов. М., 1983.
95. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.
96. Ромашов В.М., Неделин В.М. Архитектурные древности Орловщины. Орел, 1998.
97. Ромашов В.М., Неделин В.М. Архитектурные древности Орловщины (ушедшее). Книга вторая. Орел, 2009.
98. Русаков Е. Новосильский Свято-Духов мужской заштатный монастырь // Тульские епархиальные ведомости. 1870. № 1–4, 7, 8, 10, 12.
99. Рустик (Т.А. Мартемьянов). Город Болхов Орловской губернии. (Историко-бытовые очерки). Орел, 1897.
100. Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. Т. I–III. Орел, 1906.
101. Сергиев Ливенский мужской монастырь // Орловские епархиальные ведомости. 1872. № 8.
102. Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
103. Скрынников Р.Г. Крушение царства: историческое повествование. М., 1995.
104. Скрынников Р.Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. М., 1988.
105. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
106. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606–1607. Л., 1951.
107. Сперансов Н.Н. Земельные гербы России. М., 1997.
108. Список с Писцовой книги Болховского уезда писца Никиты Ивановича Беклемищева да подьячего Осипа Трофимова 133 (1625) году церковным и дворовым землям // Орловские епархиальные ведомости. 1902. № 46.
109. Сташевский Е. Смоленская война. 1632–1634 гг. Организация и состояние Московской армии. Киев, 1919.
110. Сухотин Л.М. Четвертьчики Смутного времени (1604–1617). М., 1912.
111. Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках. М.–Минск, 2006.
112. Татищев В.Н. История Российская. Т. 1–8. М., 1994.
113. Фирсов А. Мценск // Исторический вестник. М., 1915, № 5.
114. Хрестоматия по истории Орловского края. Вып. 1. С древнейших времен до февраля 1917 г. Тула, 1966.
115. Чевский В.Г. Новосиль с уездом. Историко-статистический очерк. Орел, 1892.
116. Шеков А.В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI в.). Тула, 1993.
117. Щекатов А. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... М., 1805.
118. Якобий П.И. Вятичи Орловской губернии. СПб., 1907.
119. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абашев, болховский иконостажный и иконный мастер – 80.
Абдул-Хайра, сын сибирского хана Кучума – 263.
Агриппина Олеговна, княжна, дочь великого князя рязанского Олега Ивановича, жена князя Федора Елецкого – 258.
Аламович Симеон, нежинский протопоп – 69.
Азаров Семен, новосильский стрелец, держатель лавки – 225.
Айдар, татарский эмир – 97, 423.
Акинфиев Григорий, предводитель восставших кромчан – 319.
Акулов Иосиф Дмитриевич, болховский купец – 85.
Алабердей, татарин – 219.
Алды-Гирей, царевич, сын хана Девлет-Гирей – 22, 120.
Александр, князь новосильский – 189, 429.
Александр Федорович, удельный князь звенигородский – 202.
Александр Ягеллон, четвертый сын короля Казимира IV, король польский и великий князь литовский – 107, 109, 111, 112, 116, 118, 205, 357, 358, 424, 430.
Александр Ярославич Невский, князь переславский, новгородский, позднее великий князь владимирский, знаменитый русский полководец – 196.
Александров Борис Семенович, князь, литовский заместитель во Мценске и Любутске – 108–111, 423.
Алексеев Данила, староста ямских охотников (ямщиков) в Ливнах – 265.
Алексеев Осип, новосильский служилый человек – 132.
Алексеева Т.И., сотрудница археолога Т.Н. Никольской – 382.
Алексей Алексеевич, царевич, сын царя Алексея Михайловича – 61.
Алексей Михайлович, царь – 59, 61, 67, 69, 71, 74, 159, 231, 274, 275, 285, 297, 397, 414, 420, 434.

Алексей Петрович, царевич, сын Петра I – 420.
Алексий, митрополит московский – 195, 429.
Алеппский Павел, архидиакон, сын антиохийского патриарха Макария – 62, 141, 347, 461.
Алисов Василий, архитектурный ученик – 421.
Али-Гирей, царевич, сын хана Девлет-Гирей – 431.
Алферьев С.Р., воевода – 437.
Алфимов (Олфимов) Михаил, дьяк, русский посол – 425, 439.
Алшабин-мурза, татарский военачальник – 41, 128, 419, 425.
Алябьев (Олябьев) Григорий, путивльский воевода – 43.
Ахмет-мурза, татарский военачальник – 41, 128, 425.
Анашкин Петрушка – крестьянин деревни Дешкино – 405.
Андрей, князь кромской – 312.
Андрей (Андреян) Титович, князь звенигородский – 15.
Андреев Иван, крестьянин деревни Дешкино – 405.
Андрей Кейстутович Горбатый, князь полоцкий, младший из троих сыновей литовского князя Кейстута – 201.
Андрей Михайлович, князь – 97.
Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь владимирский, старший сын суздальского князя Юрия Долгорукого от первого брака с дочерью половецкого хана Аепы – 188, 189.
Анна, игуменья болховского женского Христорождественского монастыря – 58, 420.
Анна Иоанновна, императрица – 164, 239.
Анненков Ермолай, новосильский голова – 130.
Анненков Иван Антипович, курский служилый человек – 41, 295, 419, 425.

Анисимов (Онисимов) Артемий, ливенский голова – 294.
Анисимов (Онисимов) Евстрат, ливенский служилый человек – 294.
Ануфрий, крестьянин “Лжебасманов” – 439.
Анфимов (Онфимов) Кузьма, болховский воевода – 52.
Апухтин Всеволод Ростиславович, болховский краевед и археолог – 353–355.
Апухтин (Опухтин) Константин Дмитриевич, сборщик шуб – 38, 332, 418, 442.
Аргун, человек князя И.В. Белевского – 116.
Арсений, рязанский епископ – 11.
Арсеньев (Орсеньев) Богдан Юрьевич, голова орловских самопальников – 313.
Артемов-Карелов Николай Федорович, командир полка, герой первой мировой войны – 360.
Асаидр, архонт (заместник) Пантикапея, позднее царь – 184.
Атюмен-мурза, татарский военачальник – 132, 426.
Ахмат, хан Золотой Орды – 99, 100, 204, 396, 423.
Ахмед-Гирей (Герай), царевич, сын хана Девлет-Гирей, калга – 214.
Ахмет-мурза, татарский военачальник – 41, 128, 419.
Ахмет-паша, татарский посол – 268.
Афанасьев Алимий, дворовый человек – 168.
Афанасьев Андришка, крестьянин деревни Дешкино – 406.
Афонасьев Федька, крестьянин деревни Дешкино – 406.
Афросимов (Офросимов) Семен, секунд-майор, новосильский воевода – 240.

Б

Бабков (Бобков) Антоний, болховский купец – 80, 420.
Бабков (Бобков) Иоани, болховский купец – 80, 420.
Бабков (Бобков) Исидор, болховский купец – 80, 420.
Бавышкин Аммос, поручик, карачевский помещик – 360.
Баймир, посланник крымского хана Девлет-Гирей – 216.
Бакай-мурза, татарский военачальник – 385.
Бакеев Василий, солдат лейб-гвардии Измайловского полка – 168.

Балакирев Елизарий, мценский дворянин – 128.
Балашов, орловский вице-губернатор – 441.
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич, историк, археограф – 89, 177.
Барак (Варат), татарский хан – 97.
Барсуков А., историк – 212.
Барятинский Василий Романович, князь, воевода – 31.
Барятинский Дмитрий Михайлович, князь, воевода – 263, 270.
Барятинский Иван Михайлович, князь, воевода – 321, 331.
Барятинский Н., князь, воевода – 425.
Барятинский С., князь кромской воевода – 443.
Барятинский Юрий Федорович, князь, воевода – 260, 436.
Барятинский Яков Петрович, князь, воевода – 330.
Басманов Алексей Данилович, окольный, позднее боярин и опричный воевода – 206, 209, 215.
Басманов И.Ф., окольный – 439.
Басманов Петр Федорович, окольный, воевода, позднее боярин – 317, 325, 326, 328, 329, 442.
Баторий Стефан, польский король – 44.
Батый, монгольский хан – 94, 201, 257, 382.
Бахты-Гирей, крымский царевич – 267.
Безубцев Юрий (Юшка), сын боярский, сотник путивльских казаков – 320, 330.
Башмаков Дементий, думный дьяк – 151.
Бегалыр-Гирей, татарский хан – 271.
Безобразов Андрей Ильич, стольник, владетель части деревни Дешкино – 407.
Безобразов Василий Иванович, дворянин – 211.
Безобразов Василий Кузьмич, стольник, владетель части деревни Дешкино – 404.
Безобразов Кузьма, владетель части деревни Дешкино – 404.
Безобразов Прокофий Степанович, кромской воевода – 335, 340, 443.
Беклемишев Леонтий (Левонтий), новосильский воевода – 218, 431.
Беклемишев Никита (Микита) Иванович, псец – 419.
Беклемишев Федос, болховский воевода – 45.
Белевские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15, 94, 112, 114, 205, 423, 430.

Белевский Андрей Васильевич, князь – 108, 111.
Белевский Василий Васильевич, князь – 108, 111.
Белевский Иван Васильевич, князь – 107, 108, 114, 116, 119, 423, 424.
Белкин Михаил, белевский воевода – 23.
Бельский Богдан Яковлевич, сын боярский, оружничий и думный дворянин – 267, 437.
Бельский Иван Дмитриевич, князь, боярин, воевода – 20, 22, 24, 217.
Бельский Семен Федорович, князь, боярин – 205.
Берг Иоахим, лейтенант, немецкий наемник на русской службе – 32.
Бестужей (Бестужев) Никита (Микита), ливенский казачий голова – 289, 438.
Бибарисов Сергей, ученик инженерной роты – 49.
Блудов Федька, разбойник (?) – 98.
Бобрюк-Вольнец Дмитрий Михайлович, безудельный князь, известный литовский и русский полководец – 201.
Богданов Николай, художник церковной живописи – 181.
Богданов Тихон, художник церковной живописи – 181.
Богомолон, болховский купец – 421.
Болдыр Теврия, татарин, перебежчик – 230.
Болдыр Чюра, татарин, перебежчик – 230.
Болтин Гозан Петров, голова касимовских татар – 29.
Болотников Иван Исаевич, предводитель восстания – 26, 27, 123, 222, 263, 270, 329–331, 418, 424, 438, 442.
Болховские, княжеский род, потомки князя Михаила Федоровича Черниговского – 15, 18, 19, 387, 417.
Болховской Василий Михайлович, князь, воевода – 19.
Болховской Василий Семенович, князь, воевода – 17.
Болховской Дмитрий Иванович, князь, воевода – 17.
Болховской Иван, князь, воевода – 17.
Болховской Иван Дмитриевич, князь, воевода – 17.
Болховской Михаил Семенович, князь, воевода – 17.
Болховской Никита Семенович, князь – 17.
Болховской Петр Дмитриевич, князь, воевода – 17.

Болховской Семен Дмитриевич, князь, воевода – 17.
Болховской Семен Никитич, князь, воевода – 18.
Болховской Федор Семенович, князь, воевода – 17, 18.
Болховской Яков Николаевич, князь – 19.
Болховской Яков Федорович, князь – 19.
Борисов Сенька, ливенский сын боярский – 296.
Бордаков Сунгур, начальный человек ливенских полковых казанов – 396.
Борис, полоцкий князь – 96.
Борис Федорович Годунов, царь – 17, 25, 219, 222, 316, 317, 319–323, 325, 333, 431, 437, 448.
Борис Юрьевич – четвертый сын суздальского князя Юрия Долгорукого от первого брака с дочерью половецкого хана Аппы – 188.
Борисевич Гурий Викторович, исследователь древнерусской архитектуры – 368–378, 388.
Борисов Елисей, болховский посадский человек – 420.
Боркалов Митька, новосильский сын боярский – 320, 433.
Бохтиров Ивнат, ливенский сын боярский – 292.
Бояшев Федор, ливенский воевода – 274.
Брянские, князья – 195.
Будило Иозеф, польский хорунжий – 30.
Бузовлев Михаил, кондуктор инженерного корпуса – 281.
Буланов Н.И., археолог – 413.
Булгаков Анкудин, кромской подьячий “с приписью” – 339, 346.
Булгаков Иван, орловский служилый человек – 24.
Булкив Антон Кузьмич, болховский сын боярский – 64.
Бунаков Сенька, мценский боярин – 116, 423.
Бунин Никита (Микита) Афанасьевич, устроитель торговых рядов во Мценске – 159.
Буссов Конрад, немецкий наемник на русской службе – 32, 33, 316, 323, 325.
Бутурлин Андрей, ливенский воевода – 274, 286, 292, 294.
Бутурлин Василий Андреевич, карачевский воевода – 20, 417.

Бутурлин Василий Васильевич, стольник, воевода, затем окольный и боярин – 18.
Бутурлин Василий Иванович, стольник, воевода – 321.
Бутурлин Ефим Варфоломеевич, дворянин московский, дворецкий и воевода – 330.
Бутурлин Иван Васильевич, ливенский воевода – 296.
Бутурлин Иван Михайлович, дворянин московский и голова, затем окольный и воевода – 267, 437.
Бутурлин Федор Григорьевич, дворянин – 211.
Бутурлин Федор, ливенский, потом путятыльский воевода – 43, 274, 289, 290, 419.
Быков Ефим, устроитель селитренного завода в Кромах, позднее белевский воевода – 335, 443.

В

Валуев Григорий Леонтьевич, воевода – 28, 36.
Валаянский Валентин, польский дворянин, канцлер Лжедмитрия II, полковник – 31, 448, 449, 451.
Варев Иван, болховский сотник – 43.
Варлаам, белый монах, спутник Лжедмитрия I – 26.
Варсонофий, строитель и наместник брянского Свинского (позднее Свенского) монастыря – 407.
Василий Александрович, князь брянский – 357, 384, 385.
Василий I Дмитриевич, великий князь московский – 96, 97, 200, 201, 201, 387, 442, 430.
Василий II Васильевич Темный, великий князь московский – 97, 98.
Василий III Иванович, великий князь московский – 118, 119, 121, 205, 358, 424, 430.
Василий Иванович Шемячич, князь новгород-северский – 118.
Василий Михайлович, князь, полематник новосильского и одоевского князя Ивана Юрьевича – 204.
Василий Михайлович, князь кашинский, позднее великий князь тверской, брат великого князя тверского Ивана Михайловича – 200.
Василий Романович, князь, старший из шести сыновей новосильского и одоевского князя Романа Семеновича, родоначальник князей Белевских – 198,
Василиса, дочь новосильского князя Семена Романовича – 200, 430.
Васильев Богдан, пушечный литейщик – 285.
Васильев Иваншка, прикащик Петра Ивановича Юшкова в деревне Дешкино – 405.
Васильев Петр, кромской канцелярист – 348.
Васильев Федька, крестьянин деревни Дешкино – 406.
Василько Юрьевич, князь, второй сын суздальского князя Юрия Долгорукого от византийской царевны Ольги – 187–189.
Васюк, ученик пушечного мастера Якова – 285.
Вейго Лас, испанец (?), командир наемников на русской службе – 322.
Велегловский, польский военачальник – 31.
Вельяминов Богдан, болховский воевода – 40, 418.
Вельяминов Епифан, ливенский воевода – 284, 285.
Вельяминов Иван Матвеевич, воевода – 130, 132, 229, 425, 426, 432, 433.
Вельяминов Микола, тульский голова – 296, 440.
Веселовский Василий, ротмистр – 296.
Виденьев Осип, кромской городской приказчик – 318.
Виденьев Семен, голова – 128, 425.
Виламовский, польский военачальник – 31.
Висковатой Василия, мценянин, человек князя Бориса Семеновича Александра – 108.
Витовт Кейстутович, великий князь литовский – 95–98, 200–204, 363, 387, 396, 422, 430.
Вишневецкий Адам Александрович, литовский магнат, компаньон Лжедмитрия II – 28, 449, 451.
Владимир Андреевич Храбрый, князь Серпуховский и Боровский, герой Куликовской битвы – 7, 195–197, 200.
Владимир Всеволодович Мономах, киевский князь – 413.
Владимир Давыдович, черниговский князь – 90, 92, 187, 310, 361, 369, 385, 414, 415, 422.
Владимир Глебович, князь рязанский, ливенский, воронежский – 250.
Владимир Святославич, великий князь киевский – 14, 88, 413.
Владислав IV Ваза, польский король – 109, 128, 133.

Владычка Иван, писарь, литовский посол – 404.

Власьев (Безобразов) Афанасий Иванович, посольский дьяк – 321.

Вауков Смирной, ливенский сын боярский – 277.

Воейков Василий Семенович, новосильский воевода – 218.

Воейков Прокофий, новосильский сын боярский (?) – 228.

Волконский Григорий Константинович, князь, окольный и воевода – 28, 288.

Волконский Дмитрий, князь, кромской воевода – 334.

Волконский Иван Михайлович, князь, болховский воевода – 47, 419, 455.

Волконский Иван, князь, кромской воевода – 338.

Волконский Лев Михайлович, князь, болховский воевода – 39.

Волосатый Андрей, дружинник великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) – 258, 436.

Волотка, пушкарь – 64.

Волчков Федор, мценский торговый человек – 136.

Вольнский Василий Семенович, князь – 74.

Вольнский Степан Иванович, болховский воевода – 39, 418.

Волынский Федор, князь, воевода – 41.

Воробьев Воин, орловский служилый человек – 127, 425.

Воробьев Роман, ливенский голова – 299.

Воронин Савка, кромской казачий сын – 335.

Вороной-Вольнский Михаил Иванович, воевода – 24, 417.

Воронцов Остапок, мцлянин, начальник отряда – 108.

Воротыские, князья – 7, 203–205, 217, 394, 430.

Воротынский Александр Иванович, князь, боярин, воевода – 123, 260, 431, 436.

Воротынский Дмитрий Федорович, князь – 108.

Воротынский Иван Михайлович, князь, боярин, воевода – 108, 110, 217, 218.

Воротынский Иван Михайлович, князь, боярин, сын князя М.И. Воротынского – 222, 330, 331.

Воротынский Михаил Иванович, князь, боярин, знаменитый русский полководец XVI века – 24, 25, 123, 217, 218, 417, 431.

Воротынский Степан Федорович, князь, боярин, воевода – 111.

Всеволод Всеволодович, князь – 416.

Всеволод Глебович, князь рязанский, ливенский, воронежский и пронский – 250.

Всеволод III Юрьевич (Большое Гнездо), великий князь владимирский – 10, 11, 187, 189, 416, 417.

Выговский Иван Евстафьевич, гетман Украины – 135, 278, 297.

Вырезубов Степка, мценский стрелец – 467.

Выскребенев Богдан, мценский служилый человек – 132.

Вяземский Андрей Юрьевич, князь – 111.

Вяземский Дмитрий Иванович, князь, белевский воевода – 23.

Вятко, легендарный князь вятчей – 412.

Г

Гавренев И.А., думный дьяк, новосильский вотчинник – 229.

Гавриил, священник Георгиевской церкви в Ливнах – 438.

Гагарин Роман Иванович, князь, воевода – 330.

Гагарин Семен, князь, белевский воевода – 126, 424.

Гамант, литовский князь – 15.

Гваньини А., автор книги “Описание Европейской Сарматии” – 95, 109.

Гедими (Гедиминас), великий князь литовский – 94, 201.

Гелройц (Гелройций) Федор, литовец на русской службе – 36, 453.

Геннадий, игумен мценского Петропавловского монастыря – 428.

Генне, шут на свиты великого князя литовского Витовта, лазутчик Тевтонского ордена – 203.

Герасим, священник Пятницкой церкви в Кромах, строитель Успенского собора – 338, 340, 443.

Герберштейн Сигизмунд, имперский посол при дворе великого князя московского Василия III – 94, 104, 105, 116, 120–122, 221, 287.

Герман, игумен мценского мужского Петропавловского монастыря – 158.

Глазунов Никита Васильевич, полуполковник, мценский воевода – 181, 182.

Глеб Владимирович, пронский князь – 11.

Глеб Ростиславич, князь рязанский – 250.

Глеб Святославич, князь черниговский – 10.

Глеб Юрьевич, седьмой сын суздальского князя Юрия Долгорукого – 88, 90, 92, 187, 188, 310, 415, 422.

Глебов Михаил Назарович, новосильский воевода – 219, 262, 437.

Глебович Станислав, пан, подоцкий воевода, глава литовского посольства ко двору Ивана III – 109, 312.

Глинская Елена, мать царя Ивана IV, регентша – 205.

Глотов Ларион, ливенский фискал из дворян – 469.

Глотов Петр, служилый человек, потом новосильский голова – 130, 132, 229, 433.

Годунов Иван Иванович, окольный, воевода – 222, 321, 326, 328.

Годунов Петр Васильевич, болховский воевода – 25, 417.

Годунов Семен Никитич – стольник, окольный, затем аптечный боярин – 326.

Годуновы, боярская, затем царская династия – 323, 326, 329, 350.

Гоконов Андрей, “кормовой иноземец”, сержант полка Реформа – 64.

Головин Василий, новосильский служилый человек – 132, 229, 433.

Головин Иев, ливенский казачий сотник – 226.

Головин Кирей, осадный голова в Новосиле – 228.

Головин Сувор, губной староста в Новосиле – 222.

Голыцын И.В., князь – 329.

Голыцын Василий Васильевич, князь, боярин, воевода – 19, 26, 28, 30, 33, 222, 321, 326, 329.

Голыцын П.Я., князь, премьер-майор, новосильский помещик – 242.

Голохвастов Федор, дворянин – 108, 423.

Голуня, мценский боярин – 114, 423.

Гончаров Данила, мценский купец – 167.

Гордон Патрик, шотландец, полковник на русской службе – 71, 72.

Горенский Петр Васильевич, князь, мценский воевода – 120, 124, 424, 436.

Горенский-Оболенский Иван, князь, боярин, воевода – 260.

Горностаев Алексей Максимович, архитектор – 180, 181.

Горностаев Кузьма, ливенский подьячий – 281.

Горчаков Дмитрий Петрович, князь, воевода – 63, 65–68.

Гребовкин Левка, кромской казак – 335.

Григорий, священник села Хотьково Кромского уезда – 443.

Григорьевич Федор, писарь литовского посольства – 118, 312, 424.

Гридунов Иван, кромской городской приказчик – 318.

Гринев Василий Данилович, ливенский воевода – 269, 280, 281, 284, 440, 465.

Гринев Меньшой, ливенский голова – 291.

Гринев Перфилий, ливенский голова – 289, 424.

Гринев Порфирий, мценский выборный – 126.

Гринов Федор, мценский служилый человек – 133.

Гроцкий Валенок, литовец – 40, 418.

Д

Давыд Ростиславич, смоленский князь – 10, 416.

Давыдов Иван Петрович, стряпчий, орловский воевода – 463.

Давыдов Иван Мисифорович, воевода – 29.

Даль В.И., писатель, этимолог – 89.

Даниил Михайлович, князь хотетовский – 387.

Даниил Романович, князь, один из шести сыновей новосильско-одоевского князя Романа Семеновича – 198.

Данилов Антон, новосильский служилый человек – 132, 229, 433.

Данилов Креслянин Семенович, тульский станичный голова – 313.

Данилов Петр, ливенский воевода – 271, 288, 289, 438.

Данилов Фомка, кромской казачий сын – 335.

Дараганцов Афанасий, мценский ямщик – 172.

Дарвин (Дарин) Ивашка, голец – 212.

Дашков С., кромской воевода – 333, 442.

Дашков Федор Алексеевич, мценский воевода – 137.

Дашков Яков, ливенский воевода – 296.

Де Боллан Гийом Левассер, французский военный инженер на польской службе, автор “Описания Украины” – 293, 457.

Деллет-Гирей, крымский хан – 20, 22–25, 119, 120, 123, 143, 146, 206–208, 210, 212–215, 218, 219, 417, 424, 431.

Дедевшин Семен, мценский служилый человек – 128.

Денисов Артемий, однодворец – 168.

Джанибек-Гирей, татарский царевич, сын хана Саламет-Гирей, позднее хан – 287, 288, 294, 438.

Диаметовский Вацлав, поляк – 330.

Дивей-мураа, татарский военачальник, лучший полководец хана Девлет-Гирей – 20, 417.

Дичков Тимофей Федорович, болховский служилый человек – 43.

Дмитрий Алексеевич, царевич, сын царя Алексея Михайловича – 61.

Дмитриев Марк, приказчик стольника Андрея Ильича Безобразова – 407.

Дмитриев Михаил, воевода – 40, 418.

Дмитриев Степан Васильевич, купец – 102.

Дмитрий (Митяка) Всеволодич, князь – 97.

Дмитрий Иванович, сын царя Ивана IV Грозного – 27, 125, 269, 316, 331.

Дмитрий Иванович (Донской), великий князь московский – 94, 194–198, 200–203, 258, 422, 429, 436.

Дмитрий Михайлович Грозные Очи, тверской князь – 189, 429.

Дмитрий (Корибут) Ольгердович, великий князь трубчевский, брянский и новгород-северский, четвертый сын великого князя литовского Ольгерда – 201.

Дмитрий Путятин (Путятин), князь, литовский наместник во Мценске и Любутске – 98, 100, 102.

Дмитрий Федорович, князь – 204.

Долбас, татарин – 219.

Долгорукий Иван Григорьевич, князь, воевода – 22.

Долгоруков Иван Михайлович, князь, мемуарист – 89, 121.

Друцкие (Друцкие), княжеский род, владевший городом Друцком – 97.

Дубровина, новосильская купчиха – 435.

Дулов Василий Александрович, князь, рызавец, болховский воевода – 445.

Дуров Иван, кондуктор – 342, 345.

Дуров Иван, ливенский воевода – 298.

Е

Евдокимов П., дяк – 288.

Евдокия Алексеевна, царевна, дочь царя Алексея Михайловича – 61.

Евсеев Иван Евсеевич, библиограф, археолог – 89.

Евфимий, митрополит Сарский и Подонский – 420.

Егупов-Черкасский Никита Иванович, князь, воевода – 271, 289, 438.

Ерпей (Идогу, Эдигей), эмир Белой Орды, прославивший татарский полководец – 201.

Екатерина II, императрица – 120, 175, 408, 409, 428.

Елена, дочь литовского князя Гаманта – 15.

Елецкие, князья – 258, 436.

Елецкий Федор Андреевич, князь, стольник, воевода – 38, 54, 56, 418.

Елизавета, игуменя ливенского Николаевского женского монастыря – 278.

Елизавета Петровна, императрица – 165, 171, 343, 347, 348, 428, 444.

Елисей, игумен Троицкого монастыря (пустыни) в Кромах – 340.

Ени Анашка (Онакий), убийца, заключенный – 283.

Ени Игнат, ливенский сын боярский – 296, 440.

Епифанов Павел, болховский кабацкий откупщик – 56.

Ергольский Иван, коллежский ассессор, ливенский воевода – 298.

Ермак, казачий атаман, покоритель Сибири – 17.

Ермаков-Лопатин, вотчинник – 108, 423.

Ерошкин Иван, воевода – 43, 419.

Ерофеев Пронька, выходец из Украины, кромчанин, плотник – 336.

Есилов Петр, писец – 224, 432.

Ефимов (Еуфимьев) Семейка, дяк – 28.

Ж

Желябовский Григорий, дяк – 319.

Желобовский Яков, заговорщик – 37.

Желобов Григорий, голова – 207.

Жидовин Ивашка, московский “сторож” (пограничник) – 108.

Житкой Фома, новосильский служилый человек – 132, 229, 433.

Жуков Георгий Константинович, маршал, знаменитый советский полководец – 218.

З

Заболоцкий Тихон Терентьевич, дворянин – 211.

Загородский Владимир Павлович, историк – 206, 258.

Загряжский (Загрязский) Дмитрий Давыдович, “ближний человек” Ивана III, русский посол в Литве – 112, 423.

Зайцев А.К., советский историк – 187, 361, 415.

Замытский Андрей, черский воевода – 219, 431.

Замытнин Дементий, ливенский служилый человек – 270.

Замытнин Елисей, ливенский служилый человек – 270.

Замытнин Иван Лаврентьевич, ефремовский стрелцкий и казачий голова – 232, 434.

Зана, ученик пушечного мастера Якова – 285.

Запороцкий Ян, полк, военачальник Лжедмитрия I – 327.

Зарин И., ливенский казачий сын – 297.

Заруцкий Иван Мартынович, казачий атаман – 27, 30, 223, 270, 432, 438, 451.

Збигнев из Бжеза, знаменосец польско-литовско-русской армии в битве при Грюнвальде в 1410 году – 100, 202.

Зборовский, польский военачальник – 30.

Звенигородские, князья – 387.

Звенигородский Андрей Дмитриевич, князь, голова, затем воевода – 267.

Звенигородский Семен Григорьевич, князь, воевода – 329.

Звенигородский Федор Андреевич, князь – 329.

Зеленый Иван, болховский воевода – 45.

Зеленый Павел, кондуктор – 345.

Зиновьев Афанасий, голова – 267, 437.

Зиновьев Матвей, болховский вотчинник – 26, 418.

Зменцев Яков, мценский таможенный голова – 159.

Золотарев Николай Иванович, мценский купец – 181.

Золотарев Тимошка, мценский стрелец – 467.

Золотилов Михаил, артиллерийский ученик – 277, 281.

Золотой-Хорхора-Оболенский Иван Андреевич, князь, воевода в Болхове – 20, 22.

Зуев Василий Федорович, естествоиспытатель – 89, 173–175, 404.

Зыбин Никита (Микита), ливенский служилый человек – 127, 425, 440.

Зыбин Михаил, воевода – 32.

Зыбин Тимофей, ефремовский воевода – 232.

Зюани Бахтеяр (Бахтеяр) Григорьевич, воевода – 206.

И

Ибак, татарский царевич на русской службе – 22.

Ибрахим-паша, турецкий военачальник – 71.

Иван V Алексеевич, царь – 56, 61, 74, 419, 467.

Иван Баба, князь – 97.

Иван Андреевич Болк, князь болховский – 15, 417.

Иван III Васильевич, великий князь московский – 100, 101, 106–112, 114, 117–119, 204, 217, 218, 258, 285, 312, 358, 401, 423, 424, 436.

Иван Васильевич, великий князь рязанский – 112, 114, 258, 436.

Иван IV Грозный, царь – 20, 22–24, 94, 123, 205–208, 210, 212, 213, 262, 316, 358, 417, 424, 431.

Иван Еремеевич, удельный князь дорогобужский – 200.

Иван Иванович, сын удельного князя микудинского Федора Михайловича – 200.

Иван Иванович, царевич, сын Ивана IV – 123.

Иван Иванович Малый, удельный князь звенигородский и рузский, брат великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) – 193.

Иван Красный, князь, литовский наместник во Мценске – 103.

Иван Михайлович, великий князь тверской – 200, 201, 203.

Иван Михайлович, князь воротынский – 205.

Иван Михайлович, князь хотетовский – 387.

Иван Мстиславич Хотет, князь – 387.

Иван, священник Никитской церкви в Кромах – 340.

Иван Семенович, новосильский князь – 94, 95, 429.

Иван Титович, князь козельский – 258.

Иван Федорович, великий князь рязанский – 98, 200.

Иван Юрьевич, удельный князь одоевский и новосильский – 204.

Иван Юрьевич, князь, второй сын суздальского князя Юрия Долгорукого от первого брака с дочерью половецкого хана Аепы – 187.

Иванов Борис, подьячий – 228, 432.

Иванов Васька, по прозвищу Шаблаев, бобыль деревни Дешкино – 405.

Иванов Ивашка, по прозвищу Ломака, бобыль в вотчине М.В. Племанникова и Ф.Д. Племанникова в селе Городище – 364.

Иванов Мишка, крестьянин, поджигатель – 162, 427, 467.

Иванов Ромашка, крестьянин деревни Дешкино – 405.
Иванов Фильда, крестьянин деревни Дешкино – 406.
Иванов Филимонка, племянник Ивашки Иванова (Ломаса) – 364.
Иванов Якушка, болховский посадский человек, кузнец – 56.
Ивашкин Константин, болховский казачий голова – 26.
Ивашкин Посол воевода (?) – 262.
Игнатъев Б.М., стольник, писец – 434.
Игоревичи, болоховские князья – 15.
Игорь, князь киевский – 412.
Игорь Глебович, князь рязанский, ливенский, воронежский – 250.
Игорь Святославич, князь новгород-северский, герой “Слова о полку Игореве” – 416.
Игуменцев, дьяком ливенского Сергиева монастыря – 302.
Иев, монашеское имя И.С. Рагозина (см.) – 126.
Измайлов Андрей, ливенский воевода – 289.
Измайлов Андрей Артемьевич, стольник – 228.
Измайлов Артемий Васильевич, рязанский дворянин, голова, затем окольный и воевода – 274, 329, 439.
Измайлов Григорий Васильевич, ливенский воевода – 271, 274, 280, 438.
Измайлов Михаил, болховский воевода – 47, 419.
Измайлов Тимофей, ливенский воевода – 288, 438.
Изосков Федор, сын боярский – 64.
Изяслав Владимирович, пронский князь – 11.
Изяслав Давыдович, черниговский, позднее киевский князь – 90, 92, 187, 310, 361, 369, 385, 414, 422.
Изяслав Мстиславич, великий князь киевский – 90, 92, 187, 368, 385.
Ильин Яков, тульский голова – 296, 440.
Илья Муромец, легендарный древнерусский богатырь – 385, 413.
Иноземцев Ф.П., мценский купец – 428.
Иноземцевы, мценские купцы – 161.
Иоани, пресвитер – 95.
Иов, Московский Патриарх – 26, 325.
Носиф, игумен ливенского Сергиева монастыря – 283.
Носиф, иеромонах новосильского Свято-Духова монастыря – 435.

Исайя, священник Воскресенской церкви во Мценске – 160.
Исакий, епископ брянский – 202.
Исидор Степан, ливенский воевода – 223, 270, 432, 438.
Истомин Андрей, воевода – 110.
Ишныев, татарин – 132.

К

Казаков Арсен, болховский кабацкий откупщик – 56.
Казаков Афанасий, приказчик стольника Андрея Ильича Безобразова – 407.
Казаковский, полковник, польский военачальник – 40, 41, 418.
Казимир IV Ягеллончик, король польский и великий князь литовский – 98, 100, 101, 108, 109, 204, 205, 396, 430.
Казмин Федор, кромской копист – 348.
Каза-Гирей, крымский хан – 25, 219, 266, 267, 417, 424, 431, 437.
Кайбула, татарский царевич на русской службе – 22.
Кара-Мустафа, турецкий военачальник – 72.
Карамзин Николай Михайлович, знаменитый русский историк – 201, 316.
Карамышев Андрей Гаврилович, дворянин – 211.
Карамышев Андрей, воевода – 425, 439.
Карачевские, князья – 387.
Карпов Алексей Юрьевич, историк – 184.
Карпов Викул Семенович, ливенский воевода – 284.
Карпов Михаил Далматович, воевода – 262.
Карпов Юрий Иванович, воевода – 22.
Карташев Дмитрий, белевский служилый человек – 132.
Катырев-Ростовский Иван Михайлович, князь, стольник, воевода, затем окольный и боярин – 37, 229, 432.
Катырев-Ростовский Михаил Петрович, князь, воевода – 325, 326, 328.
Качалов, болховский купец – 85.
Кашин Василий Андреевич, князь, воевода в Болхове – 22.
Кашин Михаил Федорович, князь, боярин, воевода – 223, 321, 326, 432.
Каширянин Р., казачий голова – 229.
Квашнин-Самарин Н., историк – 191.
Киреев Андрей, кромской помещик – 443.
Киреевский Илья, осадный голова во Мценске – 126.
Кирилл, священник Никольской церкви в Новосиле – 225.

Кириллов Наум, новосильский голова – 230.
Кирыков Олфимка, бобыль, деревни Дешкино – 405.
Кич-мурза, татарский военачальник – 41, 128, 419, 425.
Клокачев Федор, голова темниковских татар – 29.
Клук, татарин – 132.
Кобязев, болховский купец – 421.
Кобяков Ширей, голова – 207.
Козельские, князья – 387.
Козловский Михаил Григорьевич, князь, мценский воевода – 133, 146–149, 151, 426.
Козловский Савелий, князь, мценский воевода – 128, 425.
Коллиниев Федор, ливенский воевода – 279.
Колединский С.Г., стольник, владелец села Малая Крупица – 427.
Кологривов Яков, ливенский воевода – 276, 277, 440.
Колтовский Алексей Игнатьевич (“Гориньков сын”) – 211.
Колтовский Артемий (Ортемий) Иванович Большой, сын боярский и голова, затем воевода – 267, 437.
Колтовский Борис Савостьянович, орловский воевода – 455.
Колтовский Григорий, ливенский воевода – 270, 438.
Колтовский Дмитрий Федорович, мценский, позднее ливенский воевода – 132, 229, 272, 292, 293, 295, 426, 433, 456.
Колтовский Лаврентий, станичник – 211.
Колтовский Перфирей Иванович, кромской воевода – 455.
Колтовский Семен Иванович, воевода – 47, 145, 152, 434.
Колтовский Федор, орловский голова – 25, 417.
Колтовский Федор, голова(?) – 259, 436.
Кольчев Андрей Семенович, дорогобужский служилый человек – 330.
Кольцов Ждан Юрьевич, орловский воевода – 455.
Кольцо Иван, казачий атаман, сподвижник Ермака – 17.
Кольцов-Мосальский Андрей Владимирович, князь – 263.
Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич, князь, дворянин московский и воевода, затем боярин – 45, 259, 263, 313, 437, 442, 446, 447.

Кольцов-Мосальский Григорий Владимирович, князь – 263.
Кольцов-Мосальский Иван Владимирович, князь – 263.
Комягинский И., орловский краевед – 39.
Кондауров Григорий, мценский дворянин или сын боярский – 139.
Коняев Григорий, мценский фискал из купечества – 468.
Корела Андрей Тихонович, казачий атаман в войске Лжедмитрия I – 319, 324, 328.
Коркодинов Иван Иванович, князь – 211.
Коркодинов Семен Иванович, новосильский воевода – 219, 431.
Коробов Митрофан, приказчик Верхоручской дворцовой волости Козельского уезда – 65, 68.
Корсаков Арсений, мценский воевода – 142, 152.
Косагов Иван, приказчик Козельских дворянских сел – 65.
Костомаров Николай Иванович, русский историк – 28.
Костромитинов Иван, ливенский фискал из дворян – 469.
Косьянов Прохор, ливенец – 281.
Кочча (Когча), татарский богатырь – 97.
Коткаров Петр Ильич, голова – 313, 442.
Кошкин-Захарьин Яков Захаревич, боярин, воевода – 118.
Кравцов Василий, дешкинский экономический крестьянин – 410.
Кравцов Иван, дешкинский экономический крестьянин – 410.
Краснощекова Светлана Дмитриевна, археолог – 250, 252, 353, 354, 389.
Кривцов Игнатий (Игнат), болховский голова – 40, 41, 418.
Кривцов Осип, орловский стрелецкий голова – 455.
Кромские, княжеский род – 310, 312.
Кромской Игнат, украинец, житель Кром – 444.
Круликовский, поляк, соратник Лжедмитрия II – 448.
Крюков Максим, воевода – 425.
Кудделли Ариадт, немецкий наемник на русской службе – 33.
Кудеяр, легендарный разбойник – 353.
Кузьмин Илюшка, крестьянин П.И. Юшкова – 405.
Кузьмин Никифорка, крестьянин деревни Дешкино – 406.

Кузьмин Степан, градоделец (?) – 219.
Кудадат (Кудадат), татарский хан – 97, 430.
Кукша Иоани, монах Киево-Печерского монастыря, миссионер – 413, 422.
Кулай, татарин – 132.
Куракин Григорий Семенович, князь, воевода – 419, 440.
Куракин Иван Семенович, князь, боярин, воевода – 28, 33.
Куракин Семен Иванович, князь, воевода – 329.
Курицын Федор Васильевич, думный полковник – 109.
Кутузов (Котузов) Яков Михайлович, кромской воевода – 334.
Курбский Андрей Михайлович, князь, боярин, воевода, перебежник – 94, 197, 206, 207–209, 217.
Кухмейстер Михаил, войт Жемайтии, магистр Тевтонского ордена – 200.
Кучкин Владимир Андреевич, историк – 185.
Кучум, сибирский хан – 263.

Л

Лавицкий, монах ордена иезуитов – 270, 437.
Лавров Иван, подпоручик, мценский воевода – 165, 171.
Ладженский Иван, болховский воевода – 42, 59.
Ладженский Самона, сотник – 319, 442.
Лазарев Константин, новосильский дворянин – 232.
Ламсдорф Бартольд, ротмистр, немецкий наемник на русской службе – 32, 33, 35.
Ланин Василий, воевода – 110.
Ларин Захарка, кромской казак – 334.
Ларин Прохорка, кромской казак – 334.
Ларионов Максимка, крестьянин деревни Дешкино – 405.
Левашев Алексей, подполковник рейтарского строя – 340.
Лев Романович, второй или четвертый сын новосильско-одоевского князя Романа Семеновича, удельный князь новосильский, воротынский и одоевский – 198, 203.
Левшин Семен, болховский осадный голова – 26.
Леженков Иван, кромской рассыльщик – 336.
Леонтьев (Левонтьев) Замытия Федорович, севский воевода – 397, 400.
Лжедмитрий I, самозванец (см. Отрепьев Григорий) – 26, 31, 32, 123, 224, 263,

269, 270, 316, 317, 320, 321, 326, 327, 329, 330, 417, 424, 437, 442, 448, 451.
Лжедмитрий II, самозванец – 17, 27, 30, 33, 35–38, 63, 222, 270, 287, 331, 332, 418, 448–453.
Лесков Николай Семенович, русский писатель – 181.
Лисовский Александр Иосиф, литовский шляхтич, полковник – 30, 39, 127, 128, 156, 223, 270, 418, 425, 432, 438, 452.
Лисовский Устин, литовский полковник – 41, 418.
Литвинов-Мосальский Василий Федорович, князь, okolничий, воевода – 27, 28.
Лихарев Никита (Микита), мценский воевода – 127, 425.
Лихарев Иван, кашпирский сын боярский, изменник – 34.
Лихарев Федор, по прозвищу Сотник, калужский сын боярский, изменник – 23.
Лобанов-Ростовский Иван Иванович, князь, стольник, воевода, затем okolничий – 18, 420, 427, 434, 443.
Ловчиков Иван Богданович, думный дворянин, владелец части деревни Дешкино – 407.
Ловчиков Степан Богданович, думный дворянин, владелец части деревни Дешкино – 407.
Логинов Евсей Никоневич, дворянин, болховский воевода – 462.
Лонати Ермак, вотчинник – 108.
Лукин Неустрой, голова – 40, 418.
Лукин Гриша, мценянин, начальник отряда – 108.
Лукьянов Иван, священник московской церкви Всех Святых – 78, 341.
Лукьянов Карпушка, крестьянин деревни Дешкино – 405.
Лутовинов Марк Трофимович, мценский воевода – 181.
Лутовиновы, мценские дворяне-вотчинники – 155.
Лутошкин, капитан, мценский воевода – 167.
Лыков Артем, мценский служилый человек – 132.
Лыков Борис Михайлович, князь, стольник, великий краевич и воевода, затем боярин – 28, 329, 330.
Лыков Дмитрий, мценский служилый человек – 132.
Лыков Епифан, мценский служилый человек – 130.

Лыков Иван Иванович, князь, болховский наместник – 25, 417.
Лыков Иван Федорович, князь, стольник, воевода в Крапивне – 19.
Лыков Михаил, мценский служилый человек – 132.
Лыков Неустрой, мценский служилый человек – 132.
Лыков Семейка, мценский осадный голова – 123.
Лыков-Чапля Юрий Васильевич, князь, воевода, боярин удельного старичьего князя Владимира Андреевича – 206.
Ляпунов Прокопий (Прокофий) Петрович, выборный дворянин по Рязани, затем думный дворянин, предводитель Первого ополчения – 38, 270, 326, 332, 442, 451.
Ляцкий (Ляцкий) Иван Васильевич, okolничий и воевода – 205.

М

Макарий, Антиохийский Патриарх – 141, 347, 461.
Макаров Н.М., краевед – 386.
Максимка, крестьянин деревни Кирейковой дворцовой Верхоруцкой волости – 68.
Малахов Павел Алексеевич, архитектор, автор проекта болховского Спасо-Преображенского собора – 85.
Малицкий П.И., тульский церковный историк – 393.
Мамай, татарский военачальник, “темник” – 195, 197, 198, 258, 395, 436.
Маметь, татарин – 132.
Маржерет (Маржарет) Жак, француз, наемник на русской службе – 262, 323.
Мария Алексеевна, царица, дочь царя Алексея Михайловича – 61.
Мармат Беть, племянный татарин – 293, 439.
Марьенко Максим, голова – 130, 132, 426.
Мархоцкий Николай, польский ротмистр – 30, 31, 36, 448.
Масса Исаак, голландский торговец, автор “Краткого известия о Московии в начале XVII века” – 207, 319, 321, 322, 325.
Мастридея, настоятельница новосильского Ильинского монастыря – 434.
Матвеев Аким, мценский вотчинник – 467.
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин – 69.
Матвеев Василий, осадный голова в Новосиле – 219.
Матвеев Нефедка, челядинец Петра Ивановича Юшкова – 405.

Матов Иван, кромской осадный голова – 318.
Махов Венедикт, подьячий – 224, 432.
Медведев Фатьян, ливенский сын боярский – 292.
Мезецкие, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15.
Мезецкий Андрей Васильевич, князь – 211.
Мезецкий Михаил Романович, князь – 111.
Мезецкий Фома, князь, воевода – 425.
Мейерберг А., посол, автор записок о России XVII века – 59.
Мелешко, польский дворянин из Брацлавского воеводства, военачальник – 449.
Мельников Авраам Иванович, архитектор – 178, 179.
Менгаль, татарин – 132.
Менгли-Гирей, крымский хан – 100, 119, 424.
Меркатор Герард (Герардус), выдающийся голландский математик, географ и картограф – 94.
Мефодий, нежинский священник – 70.
Меховецкий Мацей, гетман Лжедмитрия II – 27, 31, 332, 448–450.
Меховский Матвей, автор книги “Трактат о двух Сарматиях” – 114.
Мещерский Борис Васильевич, князь – 211.
Мещерский Тимофей, князь, воевода – 126, 424.
Мещерский Юрий, князь, болховский воевода – 43, 45.
Мизинов Марьян (Матнаш), литовец на русской службе – 27, 448.
Микулин Варфоломей, мценский пушкарь – 159.
Микулин Григорий Иванович, сын боярский, голова, дворянин московский, затем думный дворянин – 319.
Миллер Г.Ф., составитель “Географического лексикона Российского государства” – 421.
Милославские, боярский и княжеский род – 61.
Милославская Мария Ильинична, болховская дворянка, жена царя Алексея Михайловича – 59, 61, 69, 419, 420.
Милославский Илья Данилович, дворянин московский, затем боярин, отец Марии Милославской, жены царя Алексея Михайловича – 61, 419.
Минин Захарьев Сухорук Кузьма Минович, один из руководителей Второго ополчения – 126.

Миронон Иван, капитан, кромской воевода – 347.

Митрофан, иеромонах ливенского Сергиева монастыря – 302.

Митрофанов Б., сын боярский, оскольский голова – 290.

Михаил Александрович, великий князь тверской – 195.

Михаил Всеволодович (св. Михаил), князь черниговский – 15, 17, 94, 185, 189, 383, 394, 416, 422, 429.

Михаил Иванович, удельный князь хотевский – 202, 387.

Михаил Федорович, царь – 38, 42, 45, 125, 126, 130, 132, 133, 140, 143, 224, 228, 230, 270, 272, 273, 285, 287, 296, 332, 333, 404, 419, 425, 426, 432, 433, 438, 439, 442, 451.

Михаил Ярославич – тверской князь, позднее великий князь владимирский – 189.

Михайлов Гаврилка, староста села Полохина дворцовой бортной волости Козельского уезда – 67.

Михайлов Кондратий, пушечный литейщик – 285.

Михайлов Онисим (Радишевский Анисим Михайлович), теоретик военного дела, градоделец, воевода – 44, 227.

Михнев Истома Михайлович, голова – 319.

Мишка, ливенский губной целовальник – 283.

Мишков Аксен, новосильский воевода – 232, 234, 235, 434, 465.

Мишков Емельян Васильевич, мценский дворянин или сын боярский – 135.

Мишков Матвей, мценский фискал из дворян – 468.

Мишутин, новосильский казак, держатель лавки – 225.

Млоцкий, польский военачальник – 31.

Мишкек Марина, дочь магната Юрия Мишкека, жена Лжедмитрия I, затем Лжедмитрия II – 316, 317, 321, 432.

Мишкек Юрий, польский магнат, сандмирский воевода – 316.

Мозолевский Леонтий Григорьевич, мценский дворянин или сын боярский – 135.

Моксеев Геннадий Яковлевич, исследователь древнерусской архитектуры – 412.

Моксеев Неустрой, осадный голова в Новосиле – 222.

Мольгин Ф., голова – 432.

Мольховский Иван, атаман украинских казаков – 334.

Морозов Василий Петрович, окольныйчик, воевода – 321.

Мосальские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15, 387.

Мосальский Василий Семенович, князь – 211, 329.

Мосальский Иван Семенович, князь – 211.

Мосальский Михаил Семенович, князь – 211.

Москвитин П.М., мценский купец – 428.

Мосолов Иван, мценской стрелецкий голова – 426.

Мстислав Владимирович Храбрый, брат князя Ярослава Владимировича Мудрого, князь тмутараканский и черниговский – 413.

Мстислав Изяславич, переяславский князь – 187.

Мстислав Михайлович, карчевский князь, четвертый сын князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15, 384, 416, 417, 422, 429.

Мстислав Святославич, князь черниговский – 387, 416.

Мстислав Юрьевич, новгородский, затем ростовский князь, сын суздальского князя Юрия Долгорукого – 189.

Мстиславский Иван Федорович, князь, боярин, воевода – 20, 22, 217, 260.

Мстиславский Федор Иванович, князь, боярин, конюший и воевода – 26, 222, 259, 269, 317–319, 321, 325, 442.

Мубарек-Гирей, татарский царевич, сын хана Джанибек-Гирея – 294.

Мурат, татарский эмир, посол – 268.

Муратов Савел, московский “сторож” (пограничник) – 108.

Муромец Илейка (“царевич Петр”), самозванец – 270.

Муромские, князья – 10, 416.

Муштафа-ага, татарский военачальник – 20, 417.

Мухаммед-Гирей II Жирный, старший сын крымского хана Девлет-Гирея, крымский хан – 20, 22, 120, 208, 214, 215, 431.

Мухаммед Гирей, крымский хан – 135, 278, 297.

Мухаммед Риза, историк крымских ханов – 215.

Мышлаевский Александр Захарович, военный историк – 78.

Мясной Суидок (или Судок) Андреевич, тульский станичный голова – 313.

Мясной Карман Мешков, голова болховских самопальников – 313, 417.

Н

Нагой Андрей, дворянин, русский посол – 268.

Нагой Григорий Федорович, боярин, воевода – 223.

Нагой Михаил Александрович Меньшой, князь, боярин, воевода – 28–30, 330.

Нагой-Щеголь Григорий Иванович, сын боярский и голова, позднее воевода – 20, 417.

Надеев Федор, градоделец – 49.

Нарбеков Богдан Федорович, мценский осадный воевода – 140, 143–146, 148, 149, 426, 456.

Насонов А.Н., историк – 184.

Наумов Алексей Андреевич, болховский служилый человек – 43.

Наумов Иван, болховский воевода – 38, 40.

Наумов Григорий Иванович, по прозвищу “Сердце”, дворянин – 211.

Нащюки Мисита (Никита) Иванович, воевода – 29.

Нашекин Федор, дворянин – 228.

Невтев Юрий, заговорщик – 37.

Недпак Ермолка, алексинский “сторож” (пограничник) – 108.

Неплюдов Павел, новосильский воевода – 232.

Неплюдский Степан, богородицкий воевода – 136.

Неплюев Протасий, мценский стрелецкий голова – 128.

Неплюев Устин, кондуктор – 49.

Нерознак В.П., этимолог – 386.

Несвижский Федор Иоаннович, князь, болховский помещик, владелец села Городище – 365, 366.

Несвицкий Андрей, князь, новосильский воевода – 230.

Нестеров Костик, мценский стрелец – 467.

Нестор, древнерусский летописец – 390.

Неуструев Степан, болховский староста, кабацкий откупщик – 56.

Нефедов Иван, новосилец, копеечник – 231.

Никита, архиепископ Коломенский – 427.

Никифоров В., подьячий – 434.

Никон, ученик монаха Иоанна Кукши, миссионер – 414, 422.

Николаевская Татьяна Николаевна, археолог – 367, 370, 371, 373, 377, 380–382, 385, 386.

Новосельский А.А., советский историк – 291.

Новосельцев А., архитектор, историк архитектуры – 390.

Новосильские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 7, 94, 95, 189, 200, 203, 205, 217.

Новосилец Яков Юрьевич, окольныйчик, наместник князя Владимира Андреевича Храброго в Серпухове – 195.

Новосильцев Федор Иванович, князь – 430.

Норманская (Норманская), жена князя Семена Дмитриевича Волховского – 17.

О

Оболенские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15, 195.

Оболенский Александр Васильевич, князь, воевода – 110.

Оболенский-Телепень Федор Васильевич, князь, воевода – 109, 113.

Оболенский-Чернов, князь, воевода – 425.

Огаркова Акулина, дочь ливенского служилого человека Тимофея Огаркова – 297.

Огарков Афанасий, сын ливенского служилого человека Тимофея Огаркова – 297.

Огарков Григорий, сын ливенского служилого человека Тимофея Огаркова – 297.

Огарков Кунай, мценянин, новосильский выборный – 432.

Огарков (Агарков) **Лукия Тимофеевич**, ливенский сын боярский – 297.

Огарков Семен, сын ливенского служилого человека Тимофея Огаркова – 297.

Огарков Тимофей, ливенский служилый человек – 297.

Огаркова Ирина, дочь ливенского служилого человека Тимофея Огаркова – 297.

Огаркова Марина, жена ливенского служилого человека Тимофея Огаркова – 297.

Огонь, кромской пушкарь – 340.

Одауров Лазарь, мценский воевода – 143.

Одоевские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15, 94, 110, 112, 203–205, 217, 423, 430.

Одоевский Никита Иванович, князь, стольник, воевода, затем боярин – 74, 270, 276, 438.

Одоевский Данила Семенович, князь, мценский воевода – 120.

Одоевский Семен Юрьевич, князь – 107.

Одоевцев Ефим, поручик Сибирского пехотного полка – 407, 435.

Одоевцев Михаил, коллежский ассессор, новосильский воевода – 240.

Олег, князь киевский – 412.

Олег Иванович, великий князь рязанский – 198, 200, 258.
Олег Святославич, великий князь черниговский – 10.
Олутунин Савин, пятидесятник белевских бобриковских казаков – 130.
Оагга, византийская царица, вторая жена суздальского князя Юрия Долгорукого – 184, 187, 188, 429.
Ольгерд Гедиминович, великий князь литовский – 94, 95, 194, 195, 392, 429.
Ольговичи, черниговский княжеский род – 10, 11, 187, 416.
Олябьев (Алябьев) Григорий, путивальский воевода – 43, 419.
Опачинин Тихон, инженерный ученик – 234, 434.
Опухтин (Апухтин) Константин Дмитриевич, сборщик шуб – 38, 332, 418, 442.
Орлов И.Г., государственный крестьянин – 410.
Орослан, мурза, татарский военачальник – 293, 439.
Острожский Василий, князь, украинский магнат – 26.
Отрепьев Григорий, самозванец, принявший имя царевича Дмитрия Ивановича (Лжедмитрий I) – 26, 316, 321.
Отлев (Атлев), орловский провинциальный воевода – 80, 421.
Охлябинин-Задупа Иван Петрович, князь, сын боярский, голова, позднее воевода – 262, 437.
Очин-Плещеев Захарий Иванович, боярин, наместник во Мценске – 120.
Офросимов (Афросимов) Семен, болховский воевода – 53, 56.

П

Павел I, император – 410.
Павел, митрополит Сарский и Подонский – 278, 282, 440.
Павлов И., казачий голова – 229.
Павлов Куземка, кромской подьячий – 340.
Павлов Сенька, бобыль деревни Дешкино – 405.
Палецкий (Палецкой) Андрей Дмитриевич, князь, новосильский воевода – 219.
Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря – 316.
Пальчиков Афанасий, болховский вотчинник – 26, 418.
Пальчиков Гаврила, болховский вотчинник – 41.

Пантелеев Якуш, новгородский купец – 101, 103, 104.
Патрикеев-Колышка Михаил Иванович, князь, воевода – 110.
Патрикей Нариманович, князь – 202.
Пашков Филипп (Истомка), сын боярский, сотник, один из предводителей восстания И.И. Волотникова – 223, 263, 432.
Переверзев Логвин Петров, болховский служилый человек – 43.
Переверзев Еремей, сын боярский – 128.
Перемышльские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 430.
Петр, митрополит брянский – 384, 389.
Петр I Алексеевич, царь, впоследствии император – 56, 74–76, 136, 298, 344, 420, 434, 462, 467, 468.
Петр Федорович, наследник престола, будущий император Петр III – 165, 428.
Петрило, османин (сборщик княжеских налогов и податей) в Киеве – 189.
Петров Микшифор, новосильский дворянин – 232.
Петрович Станислав, литовский посол – 118.
Племянников Михаил Васильевич, болховский вотчинник, владелец села Городище – 364, 424.
Писарев Лавр, ливенский воевода – 274.
Питирим, митрополит – 427.
Плешивый Пронька, казенный кромской плотник – 336, 443.
Плещеев Алексей, ливенский воевода – 437.
Плещеев Андрей, князь, стольник, мценский воевода – 133, 426.
Плещеев Дмитрий Михайлович, околыничий и воевода – 206.
Плещеев Федор Матвеевич, новосильский воевода – 227, 433.
Плохой Лука (Лучка), ливенский сын боярский – 292.
Плужинков Владимир Иванович, историк русской архитектуры – 348, 399.
Повадлин Мисаил, беглый монах, спутник Лжедмитрия I – 26.
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, воевода, руководитель Второго ополчения – 18, 39, 126, 127, 223, 270, 418, 425, 432, 438.
Ползиков Григорий, мценский служилый человек – 135, 427.
Ползиков Иван, мценский служилый человек – 135, 427.

Полонский Лаврентий, кромской воевода – 338.
Полоз, мценский “воеводко” – 116.
Полоцкий Михаил Андреевич, князь, воевода – 200.
Полтев Иван, новосильский воевода – 229.
Полухин Ф.А., составитель “Географического лексикона Российской государственности” – 421.
Полуянов Степан, бортный крестьянин дворцовой Кичинской волости Козельского уезда – 67.
Попов Иван, мценский купец – 168.
Попов Иван Михайлович, дячок мценского Вознесенского девичьего монастыря – 467.
Порфирий, строитель новосильского Свято-Духова монастыря – 432.
Поцелуев Кирей, ливенский голова – 294.
Прозоровский Александр Иванович, князь, мценский воевода – 23, 120.
Пронский Иван Иванович, князь, боярин, воевода – 23.
Пронский Михаил Петрович, князь, стольник, мценский воевода – 65, 133, 146–149, 151, 181, 426.
Протасов Александр, надворный советник – 166.
Протасовы, мценские дворяне-вотчинники – 97, 155.
Протасьев (Протасов) Богдан Давыдович, мценский дворянин и вотчинник – 96, 139, 156, 427.
Протасьев (Протасов) Григорий, литовский наместник во Мценске, воевода – 97, 98, 422, 423.
Протасьев (Протасов) Иван Григорьевич, сын литовского наместника во Мценске Г. Протасьева – 98.
Пунарев Аркадий Гаврилович, орловский краевед – 358–360.
Путята, князь, брат князя Ивана Бабы – 97.
Пушкин Александр Сергеевич, великий русский поэт – 69, 73, 316, 420.
Пушкин Григорий, путивальский воевода – 231.
Пушкин Микита (Никита) Михайлович, новосильский воевода – 431.
Пушкин Петр Петрович, стольник, орловский вотчинник, владелец села Тагино – 463.
Пуцин Константин, писец – 228, 432.
Писецкий Гавриил Михайлович, орловский краевед, историк – 14.
Пятин Тимофей Миленьевич, мценский служилый человек – 128.

Питово Иван Ларикович, повосильский воевода – 232, 434.

Р

Равдина Т.В., сотрудница археолога Т.Н. Никольской – 382.
Рагозин Иван, “товарищ” ливенского воеводы – 289, 290, 432, 439.
Рагозин Иван Степанович (Стефанович), стрелецкий и казачий голова во Мценске – 125, 126, 154.
Рагозин Дмитрий, мценский служилый человек – 154.
Рагозин Семен, мценский голова – 127, 425.
Рагозин Сергей Васильевич, стольник, мценский дворянин – 154.
Рагозин Степан Александрович, мценский губной староста – 123, 125.
Рагозины, мценские дворяне-вотчинники – 155.
Радим, легендарный князь радимичей – 412.
Радивилл Януш, князь, подкормий литовский, затем гетман польный литовский – 133.
Радоша Олег Александрович, археолог, сотрудник Института археологии Российской Академии наук – 193.
Разиин Степан Тимофеевич, предводитель восстания – 135, 232, 434.
Разуваев Иван, отставной солдат – 168.
Ростопчин Федор Васильевич, граф, генерал-губернатор Москвы – 441.
Резутенин, мценянин, командир отряда – 116.
Репей-Плещеев Д.И., ливенский воевода – 440.
Решнин Михаил Петрович, воевода – 20, 21, 417.
Ржевские, сперва княжеский, потом дворянский род – 69.
Ржевский Алексей Иванович, дворянин, околыничий, новобогородицкий воевода – 71, 73–75, 77.
Ржевский Иван Алексеевич, сын А.И. Ржевского – 75.
Ржевский Иван Иванович, стольник, воевода – 45, 51, 69, 72, 76, 77, 85.
Ржевский Иван Иванович, сын И.И. Ржевского, дворянин, стольник – 71, 73, 75–76, 408, 420.
Ржевский Иван, голова – 41.
Ржевский Матвей Алексеевич, сын А.И. Ржевского, новобогородицкий воевода – 73, 75.

Ржевский Родион, дружинник великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) – 258, 436.

Ржевский Тимофей Иванович, стольник, астраханский воевода – 43, 73, 75–77, 85, 420, 461.

Ржевский Юрий Алексеевич, дворянин, болховский вотчинник – 73.

Ржевская Анастасия Ивановна, дворянка, дочь И.И. Ржевского – 73.

Ржевская Анна Алексеевна, дочь А.И. Ржевского – 75.

Ржевская Анна Игнатьевна, жена А.И. Ржевского – 74, 75.

Ржевская Мария Алексеевна, дочь А.И. Ржевского – 75.

Роговский Василий, литовский ротмистр – 40, 418.

Рожинский Роман Кирикович, польский магнат, гетман Лжедмитрия II – 30, 31–35, 332, 448–453.

Роман Глебович, князь рязанский, ливенский и воронежский – 250.

Роман, монах болховского мужского Рождество-Богородичного Оптина монастыря – 59.

Роман Михайлович, князь брянский, второй сын князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 384, 416, 422, 429.

Роман Семенович, новосильский князь – 94, 195–200, 203, 395, 396, 422, 429.

Романов-Каша Иван Никитич, стольник, голова, позднее боярин – 36.

Ромашка, мценянин, человек князя Бориса Семеновича Александрова – 108.

Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, боярин, воевода – 19, 71, 135, 136, 231, 340, 427.

Ромодановский Григорий Петрович, князь, дворянин московский, затем окольный и боярин, белгородский полковой воевода – 288, 330.

Ростислав Михайлович, князь, старший сын князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 383.

Ростовские, князья – 195.

Росформ, иностранный наемник на русской службе, полковник – 66.

Росцупин Семен, новосильский служилый человек – 132, 229, 433.

Рудский, польский дворянин, ротмистр – 31, 453.

Русия, серпуховской сын боярский, изменник – 23.

Рыбаков Борис Александрович – выдающийся советский историк, академик – 94.

Рыжков Исая, ливенский служилый человек – 289.

Рыков Ю.Д., историк – 206, 211.

Рюриковичи, князья – 218.

Рюрик Ростиславич, великий князь киевский – 10.

Рязанские, князья – 10, 92, 250, 392, 416, 422, 423, 430, 436.

С

Сабуров Замытия Иванович, воевода – 326.

Сагайдачный Петр (Конашевич), украинский гетман – 225, 270, 273, 286, 438.

Савин Андрей, воевода – 425.

Савостьянов Игнатий, крестьянин – 168.

Саламат, татарин – 132.

Салтанат, татарин – 132.

Салтыков-Кривой Михайло Михайлович, окольный, воевода – 222.

Салтыков Лев Андреевич, окольный, оружничий, позднее боярин и дворецкий – 206, 211.

Салтыков Михаил Глебович, воевода – 321, 323, 326, 328.

Салтыков Никита Ефимович, новосильский воевода – 218, 431.

Сальков, разбойник, предводитель шайки – 263.

Самарин Алексей, ливенский воевода – 293.

Самойлов А., ливенский помещик – 439.

Самойлович Иван, генеральный судья, затем гетман Левобережной Украины – 71.

Сапеги, литовские магнаты – 116.

Сатин Тимофей, болховский начальник человек – 419.

Сафат-Гирей, татарский царевич – 133, 230, 296, 433, 443.

Сафонов Афанасий, священник Никольской церкви в дворцовой Кцынской волости Козельского уезда – 67.

Сачнев Мина, цыган – 168.

Свирдигаило Ольгердович, брат польского короля Ягайло, великий князь литовский – 202.

Свиззел Иван, болховский воевода – 49.

Святослав Глебович, князь рязанский, ливенский, воронежский и пронский – 250.

Святослав Всеволодович, великий князь киевский – 393, 415, 416.

Святослав Глебович, князь смоленский – 384.

Святослав Игоревич, князь киевский – 412, 413.

Святослав Мстиславич, князь карачевский – 358, 385, 393.

Святослав Ольгович, погород-северский, позднее черниговский князь – 88, 90, 92, 187, 310, 361, 368, 369, 413–415, 422, 442.

Святослав Титович, князь козельский – 387.

Святослав Ярославич, князь черниговский, затем великий князь киевский – 250, 413.

Себежский Ян, литовский магнат – 71.

Сентов Дмитрий, новосильский воевода – 230.

Сентов Третьяк, князь, воевода – 28, 36, 331, 418.

Селамет-Гирей, крымский хан – 287.

Семен Иванович, удельный князь можайский – 118, 357, 358.

Семен (Симеон) Иванович Гордый, великий князь московский – 429.

Семен, князь перемышльский – 202.

Семен Владимирович, сын серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго – 200, 430.

Семен Михайлович (или Александрович), князь новосильский, сын глухово-новосильского князя Михаила Семеновича – 191, 429.

Семен Михайлович, князь глуховский и новосильский, третий сын черниговского князя Михаила Всеволодовича – 94, 189, 384, 416, 422, 429.

Семен Романович, первый или третий из шести сыновей новосильско-одоевского князя Романа Семеновича, князь новосильский – 94, 198, 200, 201.

Семен Федорович, князь – 203, 430.

Семен Юрьевич, сын князя Романа Юрьевича новосильского и одоевского – 94, 196, 197, 199, 422, 429.

Семенов Нетомка, крестьянин деревни Дешкино – 406.

Семенов Осул, белевский сын боярский, изменник – 23.

Семенов Оленка, бобыль деревни Дешкино – 405.

Семенов Филька, монастырский служка в деревни Дешкино – 406.

Семеновский Иван Антонович, мценский полицмейстер – 176, 177.

Серапион, игумен болховского мужского Рождество-Богородичного Оптина монастыря – 59.

Сергий Радовежский, основатель и первый игумен Троице-Сергиева монастыря – 25, 200.

Серебряный Борис Васильевич, князь, тульский воевода – 431.

Сигизмунд I Старый, польский король – 118, 119, 205, 358, 424, 430.

Сигизмунд II Август, польский король – 22, 123, 217, 218, 358, 431.

Сигизмунд III Ваза, польский король – 30, 224, 317.

Сидоров Степан Григорьевич, сын боярский и голова, позднее воевода – 206, 209, 210, 215.

Симеон Алексеевич, царевич, сын царя Алексея Михайловича – 61.

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь, боярин, воевода – 30, 36, 263.

Скрышников Руслан Григорьевич, советский историк – 326.

Скуратов Дмитрий, воевода – 40, 418.

Скуридин Никита, канцелярист – 301.

Скуридин Филипп, сын иеромонаха ливенского Сергиева монастыря Митрофана – 302.

Слизнев-Мятлев Григорий Иванович, дворянин – 211.

Смит Юхом, англичанин, лейтенант на русской службе – 66.

Смоленские, князья – 195, 414.

Собанин Алексей Степанович, мещевский служилый человек – 319.

Совин Андрей, русский посол – 425, 439.

Совин Микита (Никита), голова – 40, 418.

Соймонов Иван, болховский губной староста – 26.

Соколов Илья, протоиерей мценского Никольского собора – 181.

Соловей-разбойник, легендарный персонаж, возможно вятичский племенной князь или старейшина – 385, 413.

Соловьев Сергей Михайлович, русский историк – 119, 267.

Соломени Яков Федорович, дворянин – 211.

Солох-мурза Таскай мурани Шейджков, татарский военачальник – 133, 426.

Сомов Дмитрий, кромской стрелецкий и казначий голова – 443.

Софонов Матвей Игнатьевич, кромской воевода – 332.

Софья Алексеевна, царевна, дочь царя Алексея Михайловича – 61, 73, 76, 419.

Софья Витовтовна, дочь великого князя литовского Витовта, жена великого князя московского Василия I – 96, 201.

Соховцев Остафий Яковлев, голова кадомских татар – 29.
Спесивцев Алексей Владимирович, болховский сын боярский – 64.
Спесивцев Семен Федорович, болховский сын боярский – 64.
Спешнев Чаадай – 229.
Срезневский И.И., филолог – 177, 178.
Стадицкий, польский военачальник – 30.
Старицкий Владимир Андреевич, удельный князь старицкий, двоюродный брат Ивана IV – 206, 217.
Степанов Артем, мценский служилый человек – 132.
Стародубские, князья – 195.
Стефан (Степан) Романович, сын князя Романа Семеновича Новосильского – 196, 198.
Столыпин Моисей, московский купец – 407.
Страхов Андрей, белевский голова – 130, 132.
Стрешнев Иван, курский воевода – 296.
Стрешнев Илья, калужский воевода – 65.
Стрешнев Тихон Никитич, боярин – 467.
Строганов Григорий Дмитриевич, промышленник и купец – 56.
Стукольцев Семька, мценский торговый человек – 152, 426.
Ступин Богдан, дьяк – 52.
Ступинши Нев Борисович, дворянин – 211.
Суворов (или Сидоров) Горьян, голова (?) – 259, 436.
Суздальские, князья – 195.
Сулешов Ахмет, татарский князь – 288.
Сулешов Ю., князь, воевода – 425.
Сукин Борис Иванович, воевода – 21, 417, 424.
Сукин Василий Борисович, воевода – 328.
Сулемшин Пушкин Григорий, князь, воевода – 28.
Сунбулов Григорий Федорович, дворянин, воевода – 223.
Сухотин, дешкинский городничий – 410.
Сухотин Иван, полковник, мценский воевода – 165, 171.
Сытин Иван, мценский воевода – 142.
Сюлейменов Прокофий, голова – 40, 418.
Сюлемещ Челмбей, начальник турецкого геделевского (евпаторийского) гарнизона – 230.

Т

Табияс Альбрехт, полковник, иностранный наемник на русской службе – 434.
Тайдула, ханша – 392.

Тарусские, княжеский род, потомки князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 15, 200, 429.
Татев Андрей Иванович, князь, воевода – 23.
Татев Борис Петрович, князь, стольник и голова, затем дворянин московский, боярин и воевода – 329.
Татев Иван, князь, крапивненский воевода – 424.
Татев Федор Андреевич, князь, воевода – 29, 127, 425.
Татев-Хрипунов Федор Иванович, князь, мценский воевода – 119, 121.
Татищев Василий Никитич, историк – 10, 11, 15, 417.
Телетова Наталья Константиновна, историк, исследователь родословной А.С. Пушкина – 73, 76.
Телятевский Андрей Андреевич, князь, воевода – 321.
Телятевский Андрей Петрович, князь, воевода – 23, 326, 328.
Темешень, голова, татарский военачальник – 259.
Темир-Котлуй, хан Золотой Орды – 201.
Темиров Плакида, курский служилый человек – 41, 419, 425.
Тимофеев Игнат, новосильский стрелец, держатель лавки – 225.
Тимур (Тамерлан), мавераннахский эмир, знаменитый полководец, основатель династии Тимуридов – 258, 436.
Тинин Федька, московский “сторож” (пограничник) – 108.
Тиняев Кирилка, кромской казак – 335.
Титов Иван, кромской подьячий – 333, 442.
Тихомиров М.Н., академик, советский историк – 389, 392.
Тищенко Кудеяр, белевский сын боярский, изменник – 23, 24.
Ткачевский Павел Сергеевич, заведующий Орловским губмузеем – 366.
Товачанов Гаврилка Иванович, московский “сторож” (пограничник) – 108.
Тогуз, татарин – 132.
Толстая Варвара Петровна, графиня, болховская помещица, владелица села Городище – 366.
Толстой Никифор (Микифор) Федорович, ливенский воевода – 277.
Толубеев Григорий, мценский выборный – 126, 424.

Толубеев Михаил Терентьевич, стольник – 158, 162, 434.
Тор, татарин на московской службе – 108.
Тор, пленный татарин – 132.
Торбин Василий, курский служилый человек – 41, 419.
Тотарешков Семька, ливенский казак – 292.
Трокурков Иван Борисович, боярин, князь, киевский воевода – 71.
Тромбчинский, польский дворянин из хорутви князя Романа Кириковича Рожинского – 452.
Трофимов Иван, сын боярский – 216.
Трофимов Осип, подьячий – 419, 425.
Трауеррихт, генерал, начальник гарнизона Чигирина, наемник на русской службе – 71.
Трубецкой Иван Юрьевич, князь, литовский наместник во Мценске и Любутске – 108, 432.
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, стольник, воевода, позднее боярин, один из предводителей Первого ополчения – 451.
Трубецкой Никита Романович, князь, боярин, воевода – 317.
Трубецкой Юрий Никитич, князь – 37, 330, 442.
Трубицын Михаил, один из начальных людей ливенских ямских охотников (ямщиков) – 265.
Туленинов Федот, канцелярист Мценской воеводской канцелярии – 168.
Тунальский, польский шляхтич, ротмистр – 31, 33, 452.
Туник Василий, дружинник великого князя московского Дмитрия Ивановича (Донского) – 258, 436.
Турбин Тараска, ливенский церковный дьячок – 283.
Туренин Борис, князь, воевода – 329.
Туренин Михаил Самсонович, князь, дворянин московский и воевода, затем окольный – 222, 321, 326.
Туренин Федор, орловский воевода – 25, 417.
Турский Иван Петрович, новосильский воевода – 433, 455.
Тутольши Иван, мценский воевода – 160, 467.
Тышкевич Самуил (Самон), польский дворянин, полковник – 28, 31, 448.
Тюрин Иван Иванович, мценский житель – 467.

У

Узбек, хан Золотой Орды – 189.
Улу-Мухаммед, хан Золотой Орды, позднее основатель Казанского ханства – 97, 98, 423.
Уруста (Урустай) Менский, князь – 202.
Усова Анна, игуменья мценского Вознесенско-Архангельского женского монастыря – 165.
Усов Матюшка, кромской казачий сын – 335.
Усов Микитка, кромской казачий сын – 334.
Усов Якушка, кромской казак – 334.
Ухтомский Д.В., архитектор – 421.
Ушаков Иван, кромской воевода – 336, 443.
Ушатый Юрий Петрович, князь, стольник и воевода – 329.

Ф

Фамедян Андрей, ротмистр – 296.
Фекрония, игуменья мценского Вознесенско-Архангельского женского монастыря – 162, 427.
Федор Александрович, сын звенигородского князя Александра Федоровича – 202.
Федор Алексеевич, царь – 61, 71, 74–76, 419, 461, 462.
Федор Андреанович, князь звенигородский – 15.
Федор Борисович Годунов, сын Бориса Годунова, царь – 320, 325, 326, 328.
Федор, боярин черниговского князя Михаила Всеволодовича – 416.
Федор Иванович, князь слесский – 258, 436.
Федор Иванович, царь – 25, 123, 259, 260, 263, 266–268, 285, 313, 315, 437, 440, 442.
Федор Львович, князь одолевский, новосильский и воротынский – 204.
Федор Михайлович, князь, племянник новосильского и одолевского князя Ивана Юрьевича – 204.
Федор Михайлович, удельный князь микулинский, брат великого князя тверского Ивана Михайловича – 200.
Федор Ольгович, великий князь рязанский – 200, 430.
Федор Юрьевич Воротынский, князь – 394.
Федоров Фирс, ливенский казачий пятидесятник – 266.
Фекла, вдова мценского дьячка Михаила Максимова – 161, 467.
Фети-Гирей, крымский царевич – 267.
Фетцов Иван, воевода – 260, 436.
Филатов Устин, ливенский сын боярский – 277.

Филимонов Ларья, кромской казачий сын – 335.
Филипов Алексей (Олексейко), новгородский купец – 101, 103, 104.
Филофей, патриарх Константинопольский – 195, 429.
Фирсов А., журналист – 175.
Фомин Карпушка, псаломщик Ивашки Иванова (Ломачи) – 364.
Фон Ааладау Юрген, хорунжий, немецкий наемник на русской службе – 32.
Фон дер Хайде Любберт, немецкий наемник на русской службе – 33.
Фон Розен Вальтер, лифляндский дворянин, командир наемников на русской службе – 322.
Фотий, московский митрополит – 95, 96.
Фролов И.К., археолог – 386, 393.
Фрязин Демьян, итальянский купец – 101, 103, 104.

Х

Хаджи-Гирей (Герай), царевич, сын хана Девлет-Гирея – 214.
Харлампий, игумен ливенского Сергиева монастыря – 266.
Харлинский, маршалок (управляющий двором) Лжедмитрия II – 451.
Хворостинин Дмитрий Иванович, князь, окольничий, боярин и воевода – 23, 219, 224, 431.
Хворостинин Федор Иванович, князь, сын боярский и голова, затем дворянин московский, опричный воевода и боярин – 267, 268, 437.
Хворостинин Федор Юрьевич, князь – 224.
Хворостинин Юрло Андрей Иванович, князь, окольничий, воевода – 23.
Хворостинин Юрий Дмитриевич, князь, стольник – 223, 224, 228.
Хворостинин-Старковский Иван Андреевич, князь, воевода, писатель – 126, 127, 224, 225, 228, 424.
Хитрово Гаврила Васильевич, дворянин – 211.
Хитрово Петр Васильевич, статский советник и государственной коллегии экономии вице-президент, затем президент и сенатор, новосильский помещик – 242.
Хмельницкий Богдан (Зиновий), гетман Украины – 18.
Хмелевский, польский военачальник – 28.
Хмельницкий Юрий, сын украинского гетмана Богдана Хмельницкого – 72.

Хмызин, мценский стрелец, держатель харчевни – 155.
Хованский Андрей Андреевич, князь, стольник, белевский воевода – 126, 127, 224, 424.
Хованский Андрей Петрович, князь, дворянин, воевода – 219.
Хованский Дмитрий Федорович, князь – 211.
Хованский Иван Андреевич, князь, воевода – 331.
Хованский Иван Федорович, князь, воевода – 40, 418.
Хованский П.И., князь, воевода – 427.
Ходкевич Григорий Александрович, литовский магнат – 217.
Ходота, племенной вятический князь или старейшина – 413.
Холмский Иван, князь, воевода – 484.
Холомов Устин, атаман украинских казаков – 274, 439.
Хотетовские, князья – 387.
Хруслинский Станислав, польский дворянин, полковник – 28, 449, 451.
Хрущов Степан Иванович, воевода в Нежине – 69–71.
Хрущов Лука (Лукьян) Иванович, сын боярский и голова – 259, 263, 437.
Худокормов Иван, болховский земской староста – 48.

Ц

Циклер, майор – 400.
Цоллери Фридрих, комтур Тевтонского ордена в городе Торунь – 200.

Ч

Чаплинский, польский военачальник – 40, 41.
Чеботарь Терех, новосильский житель, держатель лавки – 225.
Чевский (псевдоним) В., новосильский краевед – 242.
Челлишев Езыч, болховский воевода – 45, 47.
Челлишев Яков Иванович, торопченец, кромской воевода – 338, 463.
Челюстинки Ермолай, болховский губной староста – 26.
Челюстинки Курбат, ливенский казачий голова – 269.
Челюстинки Матвей, воевода – 41.
Чемарда Куземка, бобыль деревни Дешкино – 405.
Черемиснов Иван, мценский выборный – 126, 424.

Черкасский Василий Карданукович, князь, боярин, воевода – 223.
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь, воевода – 18.
Черкасский Иван Борисович, князь, стольник и воевода, затем боярин – 68, 133.
Черкасский Петр Ахмашукович, князь, воевода – 329.
Чернышев Василий Васильевич, писец – 425.
Чижевский, монах ордена иезуитов – 270, 437.
Чингис-хан (Темучин, Темуджин), монгольский хан – 201.
Чичерин Андрей Григорьевич, ливенский воевода – 278, 282.
Чортов Андрей, мценский выборный – 126, 424.
Чортов Василий, мценский дворянин или сын боярский – 139.
Чортов Федор, мценский дворянин или сын боярский – 139.
Чюфар, татарин – 132.

Ш

Шабанов Сергей Иванович, новосильский дворянин – 232.
Шадибек, хан Золотой Орды – 200.
Шамака, еврей, смоленский мытник (таможеник) – 102, 104.
Шарапов Иона Николаевич, мценский купец, церковный староста Никольского собора – 181.
Шаховской Григорий Андреевич, князь, новосильский воевода – 224, 231.
Швари, воевода черниговского князя Владимира Давыдовича – 369.
Шеврла Иван, литовский военачальник – 41, 418.
Шени Алексей Семенович, стольник и воевода, впоследствии первый русский генерал-искусник – 76.
Шени Михаил Борисович, чашиник, дворянин московский, воевода, затем окольничий и боярин – 236, 270, 274, 330, 331, 431, 432, 438, 439.
Шелонин Богдан, сын боярский – 216.
Шембеть, татарин – 132.
Шеншин, бригадир – 409.
Шеншин, мценский вотчинник – 127.
Шешинцы, мценские дворяне-вотчинники – 155.
Шеншин Григорий, мценский голова – 133.

Шенин Ульян, ливенский воевода – 274, 286, 294.
Шереметев Борис Петрович, князь, боярин, белгородский воевода – 19, 75.
Шереметев Иван, князь, стольник, мценский воевода – 127.
Шереметев Иван Меньшой Васильевич, князь, боярин, воевода, известный русский полководец XVI века – 22, 206–208, 210–212, 214, 215, 431.
Шереметев Петр Никитич, стольник, дворянин московский, воевода, затем окольничий – 321.
Шереметев Федор Иванович, князь, воевода – 319, 321, 329, 442.
Шестаков Василий Филиппович, болховский купец – 85.
Шестаков Филипп Григорьевич, болховский купец – 85.
Ширалей-мурза, татарский военачальник – 229, 290.
Ширин Ивашка, московский “сторож” (пограничник) – 108.
Шитлов Степан, нежегородец, голова арзамасских татар – 29.
Шихматов Иван Тимофеевич, князь, кромской воевода – 29, 455.
Шуйский Василий Иванович, князь, боярин, позднее царь – 27–29, 34, 36, 37, 222–224, 263, 269, 270, 287, 318, 319, 321, 325, 329–331, 333, 418, 432, 442, 448, 449, 452, 453.
Шуйский Дмитрий Иванович, князь, кравчий, затем боярин и воевода – 26, 28–34, 36, 222, 321, 325, 418, 442, 452.
Шуйский Иван Андреевич, князь, воевода – 23.
Шутов Никита, промышленник и купец – 56.

Щ

Щекатов Афанасий Максимович, автор “Словаря географического Российского государства...” – 81, 245, 306, 349.
Щенятев Петр Михайлович, князь, боярин, воевода – 22.
Щербатов Иван Григорьевич, князь, воевода – 267, 319.
Щербатов Лука Осипович, князь, воевода – 321, 326, 329.
Щербачев Иван, кромской воевода – 333, 442.
Щербачев Иван Данилович, козельский голова – 63, 65–68.

Шербачов Игнау, мценский воевода – 141.
Щербов Матвей Васильевич, болховский купец – 85.

Ю

Ювеналий, игумен новосильского Свято-Духова монастыря – 435.
Юрий Данилович – московский князь и великий князь владимирский – 189.
Юрий Владимирович Долгорукий, князь суздальский – 88, 90, 92, 184, 187, 188, 310, 361, 368, 385, 414, 415, 422, 429.
Юрий Иванович, сын великого князя московского Ивана III – 401.
Юрий Михайлович, князь тарусский, пятый сын князя Михаила Всеволодовича Черниговского – 384, 416, 422, 429.
Юрий Романович Черный, пятый из шести сыновей новосильско-одоевского князя Романа Семеновича, удельный князь одоевский – 97, 195, 196, 198, 201, 394, 422, 423, 430.
Юшков Алексей, градоделец – 48, 49.
Юшков Василий Григорьевич, болховский воевода – 47.
Юшков Дементий, голова карачевских самовальников – 313.
Юшков Иван Никифорович (Микифорович), кромской воевода – 334, 335, 443.
Юшков Петр Иванович, вотчинник, владелец части деревни Дешкино – 405.
Яблочков Данила, сперва орловский, потом ливенский воевода – 289.

Я

Ягайло, великий князь литовский, позднее король польский, сын великого князя литовского Ольгерда – 197, 198, 258.
Языков Родион, капитан, мценский помещик – 428.
Якобий П., этимолог – 89.
Яков, енисейский служилый человек – 70.
Яков, пушечный литейщик – 285.
Яковлев Иван, крестьянин Кромского уезда – 443.
Яковлев Макарка, кромской казачий сын – 335.
Яковлев Семен Васильевич, сын боярский, голова, затем окольныйчий, боярин и воевода – 22.
Яковлев-Хирон Иван Петрович, боярин, воевода – 260, 436.
Яковля Иван Петрович, боярин, воевода – 22.
Ярослав Владимирович Мудрый, князь киевский – 413.
Ярослав Всеволодич, князь черниговский – 10, 416.
Ярослав Всеволодич, князь киевский, переяславский, затем великий князь владимирский, сын Всеволода III Большое Гвездо – 11.
Ярослав Святославич, князь – 250.
Ярославские, князья – 195.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПб ИИ РАН – Исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург).
ГАОО – Государственный архив Орловской области.
ГПБ – Государственная публичная библиотека (г. Санкт-Петербург).
ОКМ – Орловский краеведческий музей (г. Орел).
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота (г. Санкт-Петербург).
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).
РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).
ЛЮИА – Ленинградское отделение института археологии (г. Санкт-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Предисловие	6
Болхов	
Болхов в XII веке	10
Князя Болховские. XIII–XVII века	15
Болхов в 1555–1606 годах	20
Болховский бой. 10–11 мая 1608 года	27
Военная история Болхова. 1611 год – конец XVII века	38
Облик Болхова в XVII веке	44
Болховские засеки. Вторая половина XVI – первая половина XVII века	62
Воеводы Ржевские и Болхов	69
Болхов в XVIII веке	78
Мценск	
Мценск в XII–XV веках	88
Мценск – торговый и таможенный пункт на литовской границе. Вторая половина XV века	101
Борьба за Мценск. Вторая половина XV века	107
Мценск – сторожевая крепость Московского государства. XVI–XVII века	119
Облик Мценской крепости и городских посадов и слобод в XVII веке	137
Мценск в XVIII веке и судьба Никольского собора в XIX – первой половине XX века	163
Новосиль	
Новосиль в XII–XV веках	184
Судбищенское побоище. 3–4 июля 1555 года	206
Новосиль во второй половине XVI века и в годы Смуты (1604–1612)	217
Новосиль после Смутного времени. 1618–1700 годы	224
Новосиль в XVIII веке	239
Ливны	
Древнейшая история Ливен. XII–XIV века	250
Ливенская крепость в XVI веке	259
Ливенская крепость в XVII веке	269
Татарские набеги на Ливенский уезд в XVII веке	286
Ливенская крепость в XVIII веке	298
Кромы	
Кромы в XII – начале XVI века	310
Восстановление Кром. 1594 год	313
Осады Кром. 1605 и 1606 годы	316
Кромы в XVII веке	333
Кромы в XVIII веке	341

Исчезнувшие грады

Радовище. Вторая половина I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.	353
Хотимль. XII–XV века	357
Домагощ. XII–XIII века	361
Неизвестный город у деревни Слободка. XII–XIII века	367
Коршев (Коршов, Коршева). XII–XIV века	389
Воротынский (Старый Воротынский). XII–XV века	393
Городки и острожки Комарицкой волости. 1646 год	397
Уездный город Дешкин. 1778–1798 годы	404

Документы и материалы по истории городов Орловской земли. XII–XVII века

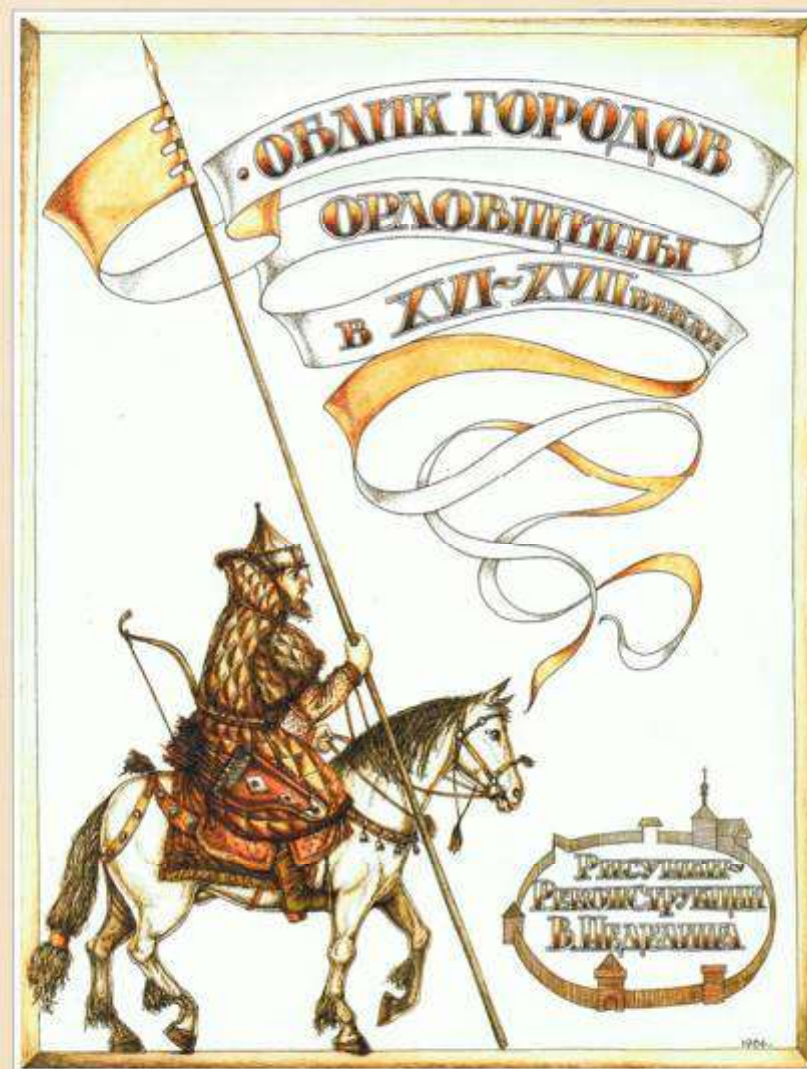
Летопись земли вятичей. VIII–XIII века	412
Летопись городов Орловской земли	
Летопись Болховская	417
Летопись Мценская	422
Летопись Новосильская	429
Летопись Ливенская	436
Летопись Кромская	442
Краткий словарь архитектурных, исторических и религиозных терминов, встречающихся в книге	470
Приложение	481
Примечания	489
Библиография	514
Именной указатель	518
Список принятых сокращений	541

Владимир НЕДЕЛИН

ДРЕВНИЕ ГОРОДА ЗЕМЛИ ОРЛОВСКОЙ

Ответственный за выпуск *А.И. Лысенко*
Редактор *А.И. Кондратенко*
Художественный редактор, компьютерный набор *В.М. Рожашов*
Технический редактор *Н.М. Крыжановская*
Корректор *А.А. Гудкова*

Издательство "Вешние воды", 302000, г. Орел, ул. С.-Щедрина, 1.
Подписано в печать 27.09.2012. Формат 60 x 90 1/4. Усл.-печ. л. 70,0.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 565.
Отпечатано в типографии "Новое время",
Орел, ул. Итальянская, 23.

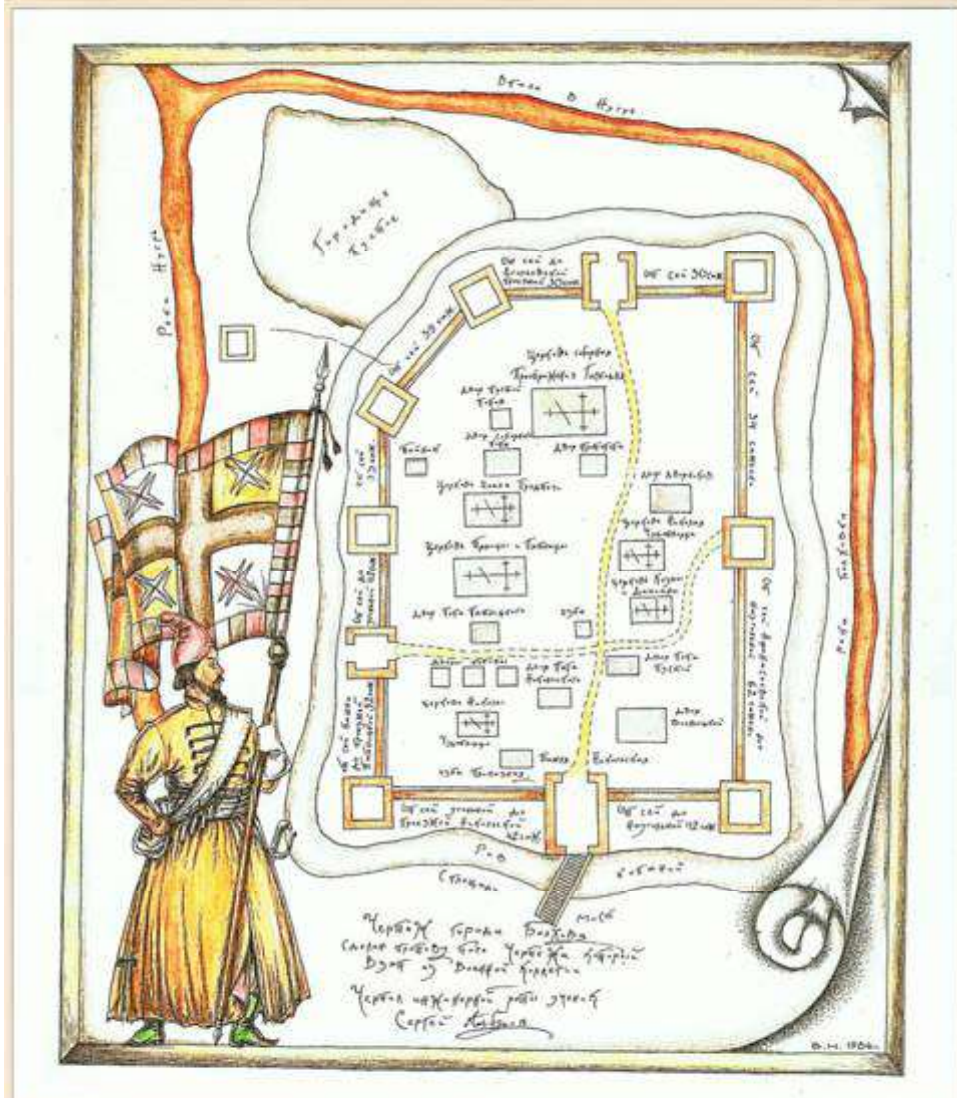

Вид на Никольские ворота Болховского кремля и городской посад с высоты глав Спасо-Преображенского собора. Середина XVII века.

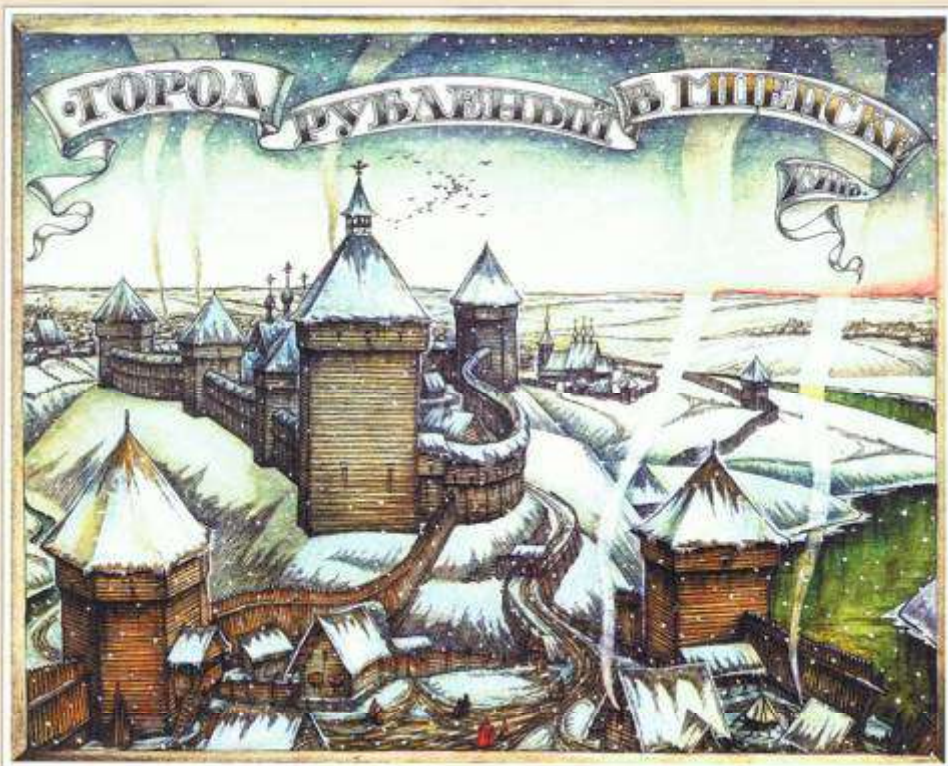
Вид на Болховский кремль со стороны Христорождественского девичьего монастыря. 1630-е годы.

Чертеж Болховского кремля. Конец XVII века.

Вид на Болховский кремль с колокольни Георгиевской церкви в начале XVIII века.

*Вид на Мценский кремль – Рубленый город с колокольни Введенской церкви
в Малом остроге. 1630-е годы.*

Вид на Мценский кремль со стороны устья речки Мцы в 1630-е годы.

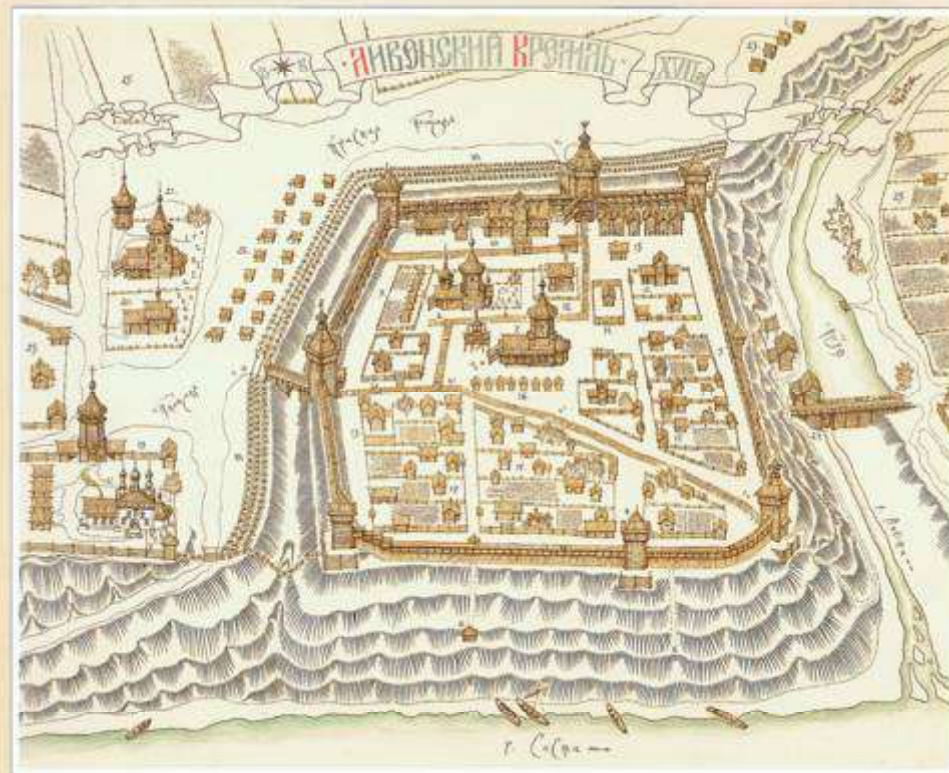
Мценский кремль в последней четверти XVII века.

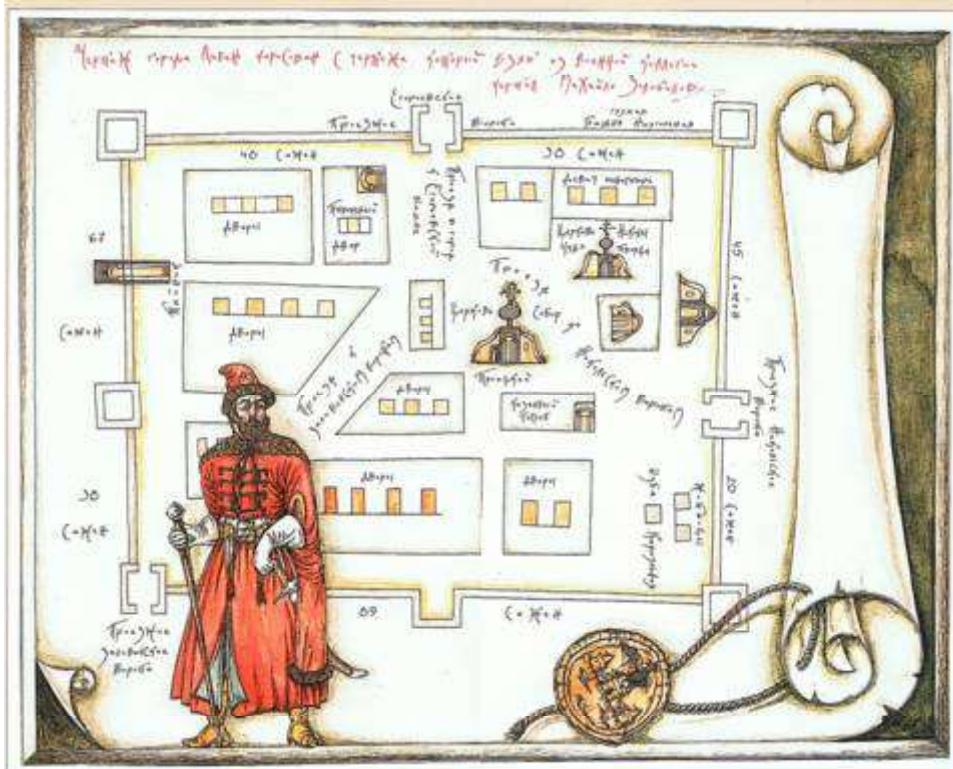
Вид на посад Балчуг и Вознесенский девичий монастырь в начале XVIII века.

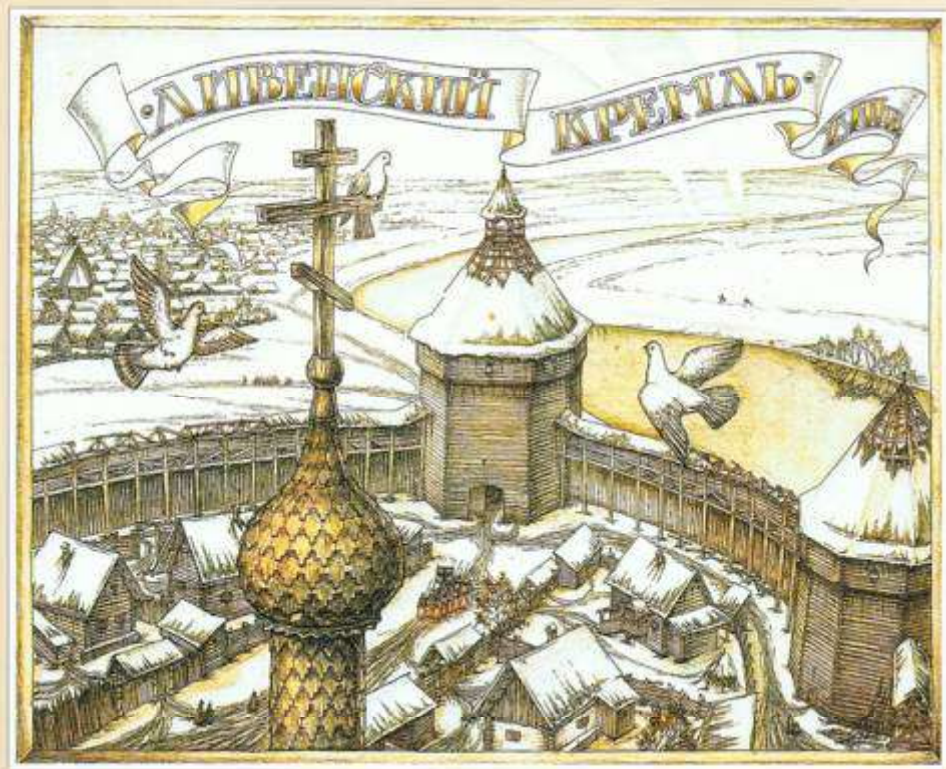
Новосильский кремль в середине XVII века.

Ливенский кремль в последней трети XVII века.

Чертеж Ливенского кремля. Конец XVII века.

Вид на юго-восточную часть Ливенского кремля с Покровскими (Заливенскими) воротами с высоты глав Троицкого собора.

Малый острог (кремль) в Крохах. Вторая половина XVII века.

Площадь в Карачеве. Вторая половина XVIII века.

Ворота в Дубенской засеке. Начало XVII века.